ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.
ТОМЪ II, ВЫП. 2-Й.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О ЯЗЫКѢ

СИНОДАЛЬНАГО СПИСКА 1-ой НОВГОРОДСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ТРУДЪ

Б. М. Ляпунова.

Выпускъ I.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ
Октябрь 1900 г Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Предисловіе къ 1-ому выпуску.

Выпуская отдѣльной книгою «Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ», я прошу не приписывать мнѣ мнѣнія, что я сдѣлалъ что либо существенное въ этомъ важномъ и трудномъ вопросѣ. Моя скромная роль ограничилась систематическимъ приведеніемъ въ извѣстность фактовъ одного весьма важнаго въ разбираемомъ отношеніи памятника и освѣщеніемъ ихъ нѣкоторыми фактами другихъ памятниковъ, при чемъ удалось сдѣлать кое-какія соображенія, частію самостоятельныя, но бо́льшею частію навѣянныя трудами моихъ учителей и предшественниковъ. Если выпускъ моей книги я считаю нелишнимъ, то только потому, что она, можетъ быть, побудитъ къ подробному изученію правописанія и другихъ древнихъ русскихъ и южнословянскихъ памятниковъ, а безъ такого подробнаго, статистическаго изученія, по моему мнѣнію, невозможно подойти къ сколько нибудь правильному рѣшенію вопроса. Необходимо тщательное изученіе правописанія различныхъ памятниковъ, и тогда только будетъ положено болѣе или менѣе твердое основаніе. Кромѣ того, я льщу себя надеждой, что нѣкоторыя изъ моихъ предположеній, хотя и окажутся ошибочными, будутъ полезны тѣмъ, что возбудятъ критику со стороны другихъ и косвенно будутъ содѣйствовать болѣе правильному рѣшенію вопроса.

Скажу два слова объ употребляемыхъ мною отступленіяхъ отъ правописанія акад. Я. К. Грота. Они имѣютъ цѣлью бо́льшую послѣдовательность въ проведеніи этимологическаго принципа: я пишу *словяне*, *словянскій* съ *о* вмѣсто *а* согласно съ этимологіей и имѣю предшественниками

В. И. Григоровича, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и нѣкоторыхъ другихъ; въ правописаніи *мѣлкій*, *мѣлочь*, *нѣчего*, *нѣ для чего* и т. п., этимологическая правильность котораго ясна каждому филологу, а также *будто* я имѣю предшественникомъ А. Аѳ. Погебню.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою глубочайшую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ выходу въ свѣтъ моей книги, и прежде всего Отдѣленію русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ, въ особенности въ лицѣ академиковъ А. А. Шахматова и покойнаго Аѳ. Ѳ. Бычкова, которымъ я обязанъ напечатаніемъ ея. Глубокоуважаемымъ учителямъ моимъ И. В. Ягичу, М. С. Дринову, Ф. Ѳ. Фортунатову я обязанъ многими полезными совѣтами и указаніями. А. А. Шахматова благодарю особенно за постоянное теплое участіе, живой интересъ къ моей работѣ и весьма многія полезныя указанія. Затѣмъ приношу благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ доставкой книгъ, рукописей и библіографическихъ справокъ, и между ними особенно библіотекарю Имп. Харьковск. университета К. И. Рубинскому и библіотекарямъ С.-Петербургской духовной академіи и Московскаго единовѣрческаго Преображенскаго монастыря. Дорогого товарища П. К. Симони сердечно благодарю за безчисленныя одолженія, доставленіе новыхъ книгъ, веденіе корректуръ и проч.

Б. Ляпуновъ.

Харьковъ, 27 мая 1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I—VII
А. **Введеніе**	1— 31
I. Главнѣйшія палеографическія особенности рукописи	*1— 23*
О буквахъ є и ѥ	1— 8
О буквахъ ѧ и ѩ, ѵ и и, ѣ и т, оу, ѹ и ѹ, ѡ и о	8— 10
О буквѣ ъı	10, 13
О причинахъ появленія ы и ъ вмѣсто ъı и ъ въ южнословянской письменности	10— 13
О надстрочныхъ знакахъ и знакахъ препинанія	14— 16
Общіе выводы	16— 17
Сличеніе свѣтопечатнаго изданія съ подлинникомъ	17— 23
II. Нѣсколько критическихъ соображеній о текстѣ Синодальной рукописи	*23— 31*
Б. **Часть I-я.** Изслѣдованіе фонетическихъ особенностей языка авторовъ или писцовъ Синодальнаго списка (общія замѣчанія)	32— 33
Глава I. О звукахъ глухихъ или ирраціональныхъ	*33—118*
Главнѣйшія мнѣнія изслѣдователей	33— 36
Случаи употребленія ъ въ коренныхъ слогахъ и предлогахъ	36— 40
Употребленіе ъ въ суффиксальныхъ слогахъ	40— 43

Стран.

Неорганическое ъ въ иностранныхъ словахъ 44
Пропускъ ъ и замѣна его черезъ *о* въ 3-емъ почеркѣ. . 44— 47
Объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ сохраненія ъ въ 1-омъ и 2-омъ почеркахъ. . . . . 48— 52
Нарѣчія и союзы тъгда, тогда, тоже и тъ . . . . . 50— 54
Старословянскія и русскія формы твор. п. ед. ч. на -ъмь 54— 58
Употребленіе ъ вмѣсто *о*. . . . . 58— 59
Употребленіе ь въ коренныхъ слогахъ въ 1-омъ и 2-омъ поч. . . . . 59— 65
Замѣтка о словѣ *мечь*. . . . . 65— 71
Употребленіе ь, пропускъ его и замѣна черезъ *е* въ 3-емъ поч. . . . . 71— 72
Замѣтка о формахъ мѣстоименія *вьсь*. . . . . 72— 74
Употребленіе ь въ суффиксальныхъ слогахъ. . . . . 74—105
Употребленіе ь вмѣсто *е*. . . . . 105—107
Старые варіанты съ кореннымъ ь при болѣе обычныхъ формахъ съ кореннымъ *е*. . . . . 107—117
ь изъ *е* въ конечныхъ слогахъ. . . . . 117—118

Глава II. О случаяхъ появленія ъ вмѣсто ъи и ь вмѣсто *і* . . . *119—207*

Примѣры употребленія ъ вм. ъи 119
Объясненіе немногихъ случаевъ ъ вм. ъи не передъ *і* . . . 119—121
Объясненіе формъ *стрьја*, *крьяше* и т. п. . . . . 121—132
О формахъ *строя*, *крою*, *мою*. . . . . 132—138
О формахъ имен. ед. муж. р. прилагат. членныхъ. . . . . 139—141
О формахъ имен. ед. муж. р. на *е* и *ей* . . . . . 141—143
О единичной формѣ на *ой*. . . . . 143—149
О формахъ имен. вин. множ. прилаг. членныхъ . . . . . 149—150
Объ условіяхъ, содѣйствовавшихъ сохраненію слогового иррац. звука въ формахъ *стрьја*, *крьяше*. . . . . 134—152
О вліяніи качества предшествующихъ согласныхъ на измѣненіе ы въ *у*. . . . . 153—154
Примѣры чередованія *и* и ь не передъ *і*. 155
О взаимныхъ отношеніяхъ формъ *толико — колико* и *только — колько* . . . . . 155—165

Стран.

О формахъ *один*— (ѥдин—) и **одьн*— (ѥдьн—). . . . . 165—178
О формахъ глагола *жьдати* . . . . . 178—180
О формахъ *сьмьюнъ* и *сьменъ* . . . . . 181—182
ъ изъ *и* (*і*) въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ . . . . . 182—188
Чередованіе ъ съ *и* передъ слѣдующимъ і. . . . . 189—205
Отличіе формъ русскихъ на —*ье* и т. п. отъ соотвѣтствующихъ западно- и южно-словянскихъ . . . . . 201—205
Объ образованіи звука *й* (ї) . . . . . 205—207

Глава III. О взаимномъ чередованіи ъ и ь . . . . . *207—245*

Случаи ь вмѣсто ъ въ концѣ словъ . . . . . 207—219
Случаи ъ вмѣсто ь въ конечномъ открытомъ слогѣ. . . . . 219—236
Вліяніе губныхъ согласныхъ на измѣненіе слѣдующаго за ними неслогового ь въ ъ. . . . . 221—233
Случаи конечнаго ъ вмѣсто ожидаемаго *иі* въ собств. именахъ греческ. происхожденія и сходные съ ними. 234—236
Случаи ь вмѣсто ъ внутри словъ . . . . . 236—242
—ъ вмѣсто ь внутри словъ . . . . . 242—245

Глава IV. Сочетанія «согласный + ъ или ь + плавный + согласный» . . . . . *245—276*

Существенная особенность этихъ сочетаній. . . . . 245—246
Главнѣйшія мнѣнія ученыхъ и оцѣнка ихъ . . . . . 246—253
Доказательства необходимости формулы проф. Фортунатова . . . . . 251—253
О случаяхъ «второго полногласія» общаго и діалектическаго . . . . . 254—261
Правописаніе Синод. списка Новгородской лѣтописи . . . 261—265
Объясненіе его. . . . . 266—275
Объясненіе замѣнъ ь и *е* черезъ *ѣ*. . . . . 267—271
Общее заключеніе о правописаніи. . . . . 272—275

Дополненія и поправки . . . . . *276—289*

Нѣсколько словъ о развитіи и судьбѣ общеслов. ъ и ь въ южнословянскихъ нарѣчіяхъ. . . . . 276—280

Стран.

когъда, тогъда и т. п. 280
Др. рус. им. ед. *всь, вже*, болг. *въсе, се*, кайк. *sa* . . . . . 281—282
Древность графическаго смѣшенія ѣ съ *ъ*. 282
Объ ударени аористовъ въ болгарскомъ яз. 283
Мнѣніе проф. Фортунатова о ѣ въ *пѣци*, —*жѣжсе* и т. п. . . . 283—284
Мнѣніе Ягича объ окончаніи *ои* въ им. вин. ед. муж. 284
О случаяхъ *ки, ги* въ суффиксальныхъ слогахъ . . . . . 284—286
нѣдьногоже въ Зограф. Еванг. 286
Къ этимологіи слова **кдинъ**—*одинъ* . . . . . 286—287
Этимологія старослов. **жѧд**— . . . . . 287—288
О мѣстоименіи **онькси** . . . . . 288—289
Болгарск. *пѣленъ, дѣлгъ* 289

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о

ЯЗЫКѢ СИНОДАЛЬНАГО СПИСКА

1-ой НОВГОРОДСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Б. М. ЛЯПУНОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемое теперь изслѣдованіе есть плодъ переработки моего студенческаго сочиненія, написаннаго еще въ 1884—1886 г. на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета, при чемъ мною былъ представленъ лишь краткій обзоръ фонетическихъ явленій. При переработкѣ мною приняты въ соображеніе какъ замѣчанія проф. И. В. Ягича, сдѣланныя тогда же при разсмотрѣніи моей работы по порученію факультета, и замѣчанія покойнаго А. А. Потебни, любезно согласившагося просмотрѣть ее въ прежнемъ видѣ въ 1891 г., такъ и по возможности всѣ сочиненія, въ томъ или иномъ отношеніи касающіяся языка этого памятника, вышедшія за послѣднія 10 лѣтъ.

Я не буду особенно распространяться о важности разбираемаго мною памятника не только для исторіи русскаго языка и въ частности сѣверновеликорусскихъ говоровъ его, но и для сравнительно-исторической грамматики словянскихъ нарѣчій. Важность эта давно извѣстна всякому, знакомому съ древними памятниками русскаго и другихъ словянскихъ нарѣчій. Никто не станетъ отрицать, что языкъ русскихъ лѣтописей представляетъ богатѣйшій и единственный въ своемъ родѣ лингвистическій матеріалъ. Имѣя это въ виду, мы должны высоко цѣнить Синодальный списокъ, древнѣйшій не только среди другихъ списковъ 1-й Новгородской лѣтописи, но и среди всѣхъ вообще сохранившихся списковъ русскихъ лѣтописей, такъ какъ древнѣйшіе списки первоначальной лѣтописи, такъ называемыхъ «Повѣстей временныхъ лѣтъ» — Лаврентьевскій и Ипатьевскій написаны много позднѣе. Важность и древность Синодальнаго списка [1]) уже

[1]) Названъ такъ потому, что хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ (подъ № 786); писанъ въ 4-ую д. л., причемъ такихъ четвертей 169 (или 338 страницъ) (срв предисловіе къ издан. 1888 г, стр. VI).

опредѣлена въ трудѣ П. А. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей», вышедшемъ въ 1852 г.; онъ-же опредѣлилъ и три различныхъ почерка въ Синодальномъ спискѣ. 1-й почеркъ, простирающійся по 123 стран. (о событіяхъ 1016—1200 г.), отнесенъ имъ къ самому началу XIII в., второй до 237 стр. (о событіяхъ до 1234 г.)—къ половинѣ XIII в. и третій (о событіяхъ до 1333 г.)—къ половинѣ XIV в. («О языкѣ с. р. л.» 154—156). Въ своемъ сочиненіи Лавровскій, однако, не особенно подробно касается собственно языка Синодальнаго списка, такъ какъ цѣль его обширнѣе—языкъ сѣверно-русскихъ лѣтописей, судя по названію, а въ дѣйствительности даже исторія великорусскаго языка вообще, паденіе древнихъ формъ русскаго языка и образованіе черезъ то, какъ онъ выражается, «языка стариннаго»; все его изслѣдованіе дѣлится такимъ образомъ на нѣсколько частей: въ первой части разсматриваются отличительныя свойства русскаго языка древняго, причемъ авторъ не предполагаетъ для древнѣйшей эпохи рѣзкаго раздѣленія на нарѣчія, во второй — свойства языка «стариннаго», характеризующагося утратой или смѣшеніемъ древнихъ формъ подъ вліяніемъ прекращенія дѣйствія старыхъ звуковыхъ законовъ, въ 3-ей — мѣстныя особенности Новгородскаго нарѣчія, и только заключительная глава посвящена общей характеристикѣ языка различныхъ списковъ Новгородской лѣтописи. Въ 1856 г. въ изданныхъ подъ редакціей И. И. Срезневскаго «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» вышли «выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ» П. А. Лавровскаго и словарь къ Новгородской первой лѣтописи А. Н. Пыпина.—Въ 1872 г. появился трудъ М. Колосова «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI-го по XVI-е столѣтіе», въ которомъ авторъ не разбираетъ языка Новгородскихъ лѣтописей, ссылаясь на сочиненіе Лавровскаго и приводя его мнѣніе о древности Синодальнаго списка, замѣчая однако при этомъ, что нѣкоторыя изъ заключающихся во 2-мъ и 1-мъ почеркахъ формальныхъ особенностей въ другихъ памятникахъ первой половины XIII-го столѣтія не встрѣчаются; но замѣчаніе это не имѣетъ силы, такъ какъ Колосовъ высказался такъ, имѣя возможность пользоваться лишь единственнымъ въ его время изданіемъ 1840-хъ годовъ («Полное собраніе русскихъ лѣтописей»), гдѣ и нашелъ примѣръ смѣшенія твердаго и мягкаго склон. —**по чистѣи недѣлѣ** 17, что̀ оказалось неудачнымъ соображеніемъ издателей, раскрывшихъ невѣрно титлу, въ рукописи же написано: **по чт҃ѣи нѣ** (83) (см. свѣтопеч. издан.). Это наглядный

примѣръ того, какъ рискованно иногда раскрывать титлы, особенно, если это дѣлается безъ надлежащаго вниманія къ звуковымъ и формальнымъ особенностямъ памятника.

Кромѣ указанныхъ трудовъ, никто, насколько мнѣ извѣстно, не занимался спеціально языкомъ 1-ой Новгородской лѣтописи[1]). Я впрочемъ долженъ назвать подробный словарь къ ней, составленный моимъ товарищемъ по университету, переводчикомъ «Сравнительной морфологіи» Миклошича, Н. В. Шляковымъ еще въ то время, когда и я принялся за свою работу, т. е. болѣе 10 лѣтъ тому назадъ; словарь этотъ оставался въ рукописи, и я, къ сожалѣнію, ничего объ немъ не знаю. Отдѣльные факты языка, бо́льшею частію общіе нашему памятнику съ другими памятниками такого же характера, упоминаются, однако, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и статьяхъ по исторіи русскаго языка. Первое мѣсто въ ряду ихъ занимаютъ фонетическіе, синтактическіе и лексическіе труды А. А. Потебни, его «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» I—IV и «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», въ которомъ главная часть матеріала почерпнута изъ лѣтописей. Затѣмъ не мало и въ статьяхъ проф. Ягича (въ его «Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка» и нѣкоторыхъ замѣткахъ въ «Archiv für slav.-Philologie», напр. въ VI т. о союзѣ **лть**), у Соболевскаго въ его «Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики» и въ его «лекціяхъ по исторіи русскаго языка» и у Шахматова въ «Изслѣдованіи о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» и въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики». Наконецъ, и въ недавно вышедшемъ посмертномъ трудѣ А. Л. Дювернуа, въ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», изданныхъ вдовою покойнаго Г. А. Дювернуа въ Москвѣ 1894 г., мы находимъ много словъ, выписанныхъ изъ Синодальной рукописи 1-ой Новгородской лѣтописи, которой авторъ словаря пользовался, очевидно, довольно усердно[2]).

Что касается изданій самаго текста, то изъ старыхъ изданій можно

[1]) Можно указать, пожалуй, еще на «Историческія чтенія о языкѣ и словесности, Новгородскія лѣтописи» М. П. Погодина въ Извѣстіяхъ 2 отд Имп. Акад. Наукъ, т VI (Спб. 1858), «Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки» Яниша (М. 1874) и на изслѣдованіе І П. Сенигова «О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода» (издан. Археогр. ком. Спб. 1885 г.), гдѣ высказываются нѣкоторыя соображенія о составѣ Синодальнаго списка на основ. данныхъ не только историческихъ, но и палеографическихъ и филологическихъ, а также статьи Срезневскаго во II т. «Извѣстій», стр. 18 — 27, 70—78; но во всѣхъ этихъ статьяхъ цѣли не лингвистическія, а историко-литературныя: онѣ стараются показать отношеніе Новгородскихъ лѣтописей къ другимъ по составу и содержанію.

[2]) То-же скажу и о выходящихъ выпусками «Матеріалахъ» И. И. Срезневскаго.

указать: «Лѣтописецъ новгородскій, начинающійся отъ 6255 (1017) году, и кончащійся 6860 (1352) годомъ. Москва. Въ синодальной (типографіи) 1819 года» [1]), а затѣмъ извѣстное «полное собраніе русскихъ лѣтописей» (т. 3) (издан. Археограф. ком.). Въ 1875 г. также Археограф. коммиссія издала цѣликомъ одинъ синодальный списокъ при помощи свѣтопечати, вслѣдствіе чего сдѣлала его доступнымъ для точныхъ палеографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. Сдѣланное мною около 8 лѣтъ тому назадъ сличеніе этого изданія съ подлинникомъ заставило удостовѣриться въ полной точности изданія; только кое-гдѣ въ подлинникѣ можно разобрать стершіяся буквы, которыя въ изданіи не вышли совсѣмъ; кромѣ того, кое-гдѣ въ изданіи не вышли или умышленно пропущены позднѣйшія приписки, не представляющія впрочемъ ничего важнаго. Въ 1888 г. Археограф. коммиссія выпустила еще новое критическое изданіе 1-ой Новгородской лѣтописи, въ которомъ принятъ за основной текстъ Синодальный списокъ, но къ нему приведены разночтенія и прибавлены недостающія мѣста по другимъ позднѣйшимъ спискамъ Академическому, Коммиссіонному и Толстовскому, а также въ концѣ приложенъ указатель собственныхъ именъ личныхъ и географическихъ и указатель предметовъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано при новыхъ изданіяхъ Археогр. ком. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго списковъ лѣтописей, а также другихъ Новгородскихъ. Что касается опредѣленія почерковъ Синодальнаго списка и времени ихъ написанія, то издатели вполнѣ сходятся въ этомъ съ Лавровскимъ, указывая лишь еще на записи, слѣдующія послѣ 3-го почерка. Иное мнѣніе высказано проф. А. И. Соболевскимъ въ Русск. Филолог. Вѣстн. 1889 г. № 1, стр. 123: «редакторъ безъ достаточнаго основанія считаетъ первый почеркъ Синодальнаго списка относящимся къ самому началу XIII в.,—второй—къ 1-ой половинѣ XIV в. По нашему мнѣнію, Синодальный списокъ писанъ всего двумя почерками, изъ которыхъ второй (онъ продолжаетъ остановившійся на серединѣ фразы первый, фотолитогр. изд., 237) принадлежитъ тому же времени, что и 1-й—половинѣ XIV вѣка. Здѣсь, какъ во многихъ другихъ рукописяхъ, мы имѣемъ дѣло съ работою нѣсколькихъ писцовъ, раздѣлившихъ между собою трудъ и переписывавшихъ текстъ въ одно и тоже время». Съ послѣднимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. Если и справедливо, что 2 почерка Лавровскаго составляютъ одинъ, въ чемъ я сильно сомнѣ-

[1]) Заглавіе это выписано мною изъ экземпляра, сообщеннаго мнѣ А. А. Шахматовымъ.

ваюсь (я могу допустить, пожалуй, что они составляютъ трудъ приблизительно одного времени, и что писцы были изъ одной школы и говорили очень близкими между собою говорами), то никакъ нельзя признать, что часть списка, начинающаяся съ 237 стран., переписана въ одно и тоже время съ первой частью, такъ какъ этому противорѣчитъ рѣзкая разница какъ въ палеографическихъ пріемахъ, такъ и въ языкѣ, на сколько о немъ можно судить изъ правописанія. Это мнѣніе я постараюсь подтвердить слѣдующимъ ниже разборомъ сначала нѣкоторыхъ палеографическихъ, а затѣмъ лингвистическихъ особенностей разныхъ частей Синодальнаго списка.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Главнѣйшія палеографическія особенности рукописи.

Какъ по языку, такъ и по начертанію и употребленію буквъ части, написанныя двумя первыми почерками по мнѣнію Лавровскаго, дѣйствительно очень близки между собою, но значительно отличаются отъ части 3-ей и остальныхъ, занимающихъ послѣднія страницы. Остановлюсь лишь на главнѣйшихъ палеографическихъ особенностяхъ.

Одно изъ главныхъ отличій представляютъ ѥ и ѯ, которыя въ первой и второй частяхъ обыкновенно пишутся первое послѣ согласныхъ, второе послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ. Однако нерѣдко встрѣчаются и отступленія, а именно, хотя ѯ никогда не пишется послѣ согласныхъ, ѥ очень часто встрѣчается послѣ гласныхъ, но при этомъ незамѣтно никакой разницы въ начертаніи этого ѥ и ѥ послѣ согласныхъ; менѣе удивительны такіе примѣры, какъ ѥкдокию 102, ѥленъı 84, 118, ѥрмил 94, ѥрѣмьı 198, ѥ҃патиѧ 90, ѥпп҃ъ 116,—а 73, ѥфиопиѧ 191 (при переносѣ), въ ѥпп҃ии 231 при ѯпп҃ью 185 и т. п., такъ какъ эти слова греческія, въ которыхъ возможно бы было предположить не іотованное произношеніе, но замѣчательны: при кѣıквл 66, 71, 76,—ѣ 76 едва ли не болѣе частое кѣıквъ 4, 39,—л 75,— оу 68, 69, 66, 71, 76,—ѥ 78,—ѣ 66, 2, 14, 74, 75 въ листахъ, написанныхъ 1-мъ почеркомъ (во 2-омъ только кѣıквъ 126, 159,—л 159 (2 р.), 182, 183, 228, — оу 157, 159, 173, 217, 218,—ѣ 159, 183,—кскъıи 233), ѥѧ 84, ѥѧ 70, ѥмоу 67, 96, ѥ (ac. plur.) 68, 69, ѥго 67 (3 р.), 80, 93, 109, своѥго 81, 118,—ею 90 (при переносѣ),— ѥи 116 (при переносѣ), — ѥмь 117, твоѥго 96, лвие 82, воєвать 101, избьѥни 95, ондрѣѥви 76, андрѣѥвиць 75, 76, стръѥмь 78,

вачѣшее 66, оустье 86—въ первомъ почеркѣ и его 176, 196, моего 176, своего 195 (при переносѣ),—емь 177, оружие 174, и еще младъ 232, есмь (при переносѣ) 209, 3—4—во второмъ почеркѣ; есть также случаи є вм. ѥ, замѣняющаго ѣ: єхалъ 33, съѣздиша 72[1]). Какъ видно, такихъ случаевъ гораздо больше въ 1-мъ почеркѣ, чѣмъ во 2-мъ, при чемъ разницы въ формѣ буквы є послѣ согласныхъ съ одной стороны и послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ съ другой незамѣтно; если и замѣчается иногда у є болѣе длинное, чѣмъ обыкновенно, жальце, то такое съ болѣе высунутымъ жальцемъ или язычкомъ є можно встрѣтить не только послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ, но и послѣ согласныхъ, напр. въ второмъ є слова еще на стр. 232; если же считать существеннымъ отличіемъ знака є іотованнаго отъ знака є неіотованнаго отсутствіе загиба вправо (или очень малый загибъ) внизу, то и такое є (почти безъ загиба вправо внизу) можно встрѣтить и въ значеніи, несомнѣнно, неіотованнаго є (напр. на стр. 232 это замѣчается не только въ 1-мъ є слова еще, но и въ 1-мъ є слова переслалъ); ничѣмъ не отличается и то є, которое употреблено въ значеніи іотованнаго ѣ. Одинъ только разъ мнѣ показалось начертаніе є отличное отъ всѣхъ другихъ, но очень похожее на начертаніе его въ листахъ 3-го почерка въ значеніи іотованнаго є, при чемъ это особое є (съ приподнятымъ кверху внутреннимъ жальцемъ) здѣсь во 2-мъ почеркѣ употреблено въ значеніи неіотованнаго ѣ: въ притко-ре 232, 3—4.

Очевидно, разница между двумя начертаніями є простого при употребленіи ѥ для писцовъ 1-го 2-го почерка была еще въ зачаткѣ, и ею еще не начали пользоваться для различенія іотованнаго є отъ неіотованнаго, такъ какъ для перваго еще не вышло изъ употребленія ѥ. Древнѣйшая русская письменность еще въ XI вѣкѣ представляетъ примѣры употребленія простого є въ значеніи іотованнаго (см напр. записи Остром. Еванг., Славяно-русск. палеографія Срезневскаго, стр. 106—107). Частію можно

[1]) Что̀ касается еще, то, если бы не было другихъ случаевъ употребленія є несомнѣнно въ значеніи ѥ, мы вправѣ были бы читать здѣсь э, такъ какъ слова, имѣющія въ словянскихъ нарѣчіяхъ въ однихъ говорахъ начальное *е*, въ другихъ нач. *о* передъ слогомъ съ гласными *е* и *і*, предполагаютъ отпаденіе j еще въ говорахъ общеслов. яз. (см. Шахматова «Изслѣдованія въ области рус. фон.», стр. 6); въ нынѣшнихъ говорахъ русскихъ и южно-словянскихъ извѣстны варіанты съ j и безъ j, будетъ ли гласн. *е* или *о*: *эще* при *още* Олон. и друг. (Колосовъ, Обзор. зв. и форм. особ. н. рус. яз., 68, 71) и болгар. *още* срвн. съ *ещё* (т. е. ješ'č'o) многихъ русскихъ говоровъ и сербск. *још* Тамъ, гдѣ *е* стояло въ слогѣ послѣ ударенія, тоже могло слышаться почти чистое *е* (напр. въ словѣ кыевъ), ибо въ такомъ положен. вм. j являлось i̯, болѣе способное къ исчезновенію (срв. Шахматова id. 6).

думать, что это обстоятельство находится въ связи съ вліяніемъ на древнѣйшую русскую письменность письменности церковно-словянской южныхъ редакцій, гдѣ можно указать памятники кирилловскіе, можетъ быть, подъ вліяніемъ глаголическихъ оригиналовъ ихъ, вовсе или почти не знавшіе буквы ѥ, какъ напр. Саввина книга, частію можетъ быть, что очень мягкое произношеніе согласныхъ передъ ѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ (преимущественно восточно-русскихъ, употребляя этотъ терминъ въ смыслѣ, придаваемомъ ему Шахматовымъ) производило на русскихъ писцовъ впечатлѣніе такой близости этого мягкаго неіотованнаго ѣ къ ѣ іотованному, что особый знакъ для послѣдняго имъ казался излишнимъ[1]). Кажется, первой причинѣ можно приписать отсутствіе ѥ въ записи Остромирова Евангелія. Но и въ южно-словянской письменности древнѣйшихъ редакцій церковно-словянскаго языка, которыя вслѣдствіе слабости и сомнительности проявленія какихъ либо мѣстныхъ чертъ другихъ словянскихъ нарѣчій по праву можно назвать «старословянскими» (я предпочитаю этотъ терминъ Миклошичеву «паннонскіе тексты»), можно указать такіе кирилловскіе памятники, которые правильно употребляютъ ѥ послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ въ значеніи іотованнаго ѣ; таковъ сборникъ Супрасльскій; случаи, какъ ѥзеро 56,—а 57 (издан. Миклошича 1851 г.) и нѣкот. друг., встрѣчающіеся и въ Остромировомъ Евангеліи[2]), сюда не относятся, такъ какъ здѣсь мы, весьма вѣроятно, и должны ожидать неіотованнаго ѣ. Какое то особаго рода ѣ (не всегда тожественное по формѣ со встрѣтившимся у насъ одинъ разъ во 2-мъ почеркѣ въ значеніи ѣ, но во всякомъ случаѣ отличное отъ простого ѣ) находимъ также и въ другихъ памятникахъ XII—XIII в. какъ русскаго такъ и не русскаго (южно-словянскаго) письма; только во всѣхъ этихъ памятникахъ еще не выработалось употребленіе этого ѣ въ значеніи іотованнаго ѣ вмѣсто ѥ, а употребляется оно и послѣ гласныхъ и послѣ согласныхъ. Такъ это отмѣчено И. И. Срезневскимъ въ Болонской псалтыри югозападно-болгарскаго письма конца XII вѣка («Обозрѣніе древнихъ старо-

---

[1]) Въ связи съ этимъ замѣчательно употребленіе ѥ иногда и послѣ согласныхъ (см. Соболевскаго Лекціи по исторіи русск. яз., 1888. Кіевъ, стр 39—40; срв. также литографир. курсъ Лекцій проф. Ягича въ Спб. универс. по истор. русскаго языка, издан 1883—4 года, стр. 87—88). Замѣчу, что, не имѣя подъ руками 2-го изд. «Лекцій» проф. Соболевскаго, я вездѣ ссылаюсь на 1-е.

[2]) Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика Изъ лекцій А. И. Соболевскаго. Москва, 1891, стр. 26. См. также въ изслѣдов. М. Козловскаго «О языкѣ Остромирова Евангелія», ст. 18.

славянскихъ памятниковъ югозападнаго юсоваго письма» стр. 130 въ сочин. «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» Спб. 1868), въ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в., въ Тріоди Григоровича XII — XIII в. (тамъ же, стр. 118), Трефологіи Зографскаго монастыря XIII в. (стр. 121) (срв. «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, LXVIII)[1]. Изъ памятниковъ русскаго письма такое ѥ, по формѣ именно сходное съ нашимъ, какъ видно изъ снимковъ, приложенныхъ къ сочин. И. И. Срезневскаго «Древніе памятники русскаго письма и языка» (Спб. 1866), находимъ въ Путятиной Минеѣ до 1100 г. въ Ф. звят. п. ед. ч. а҃пл҃ѥ бо҃слове, въ Юрьевскомъ Евангеліи 1119 — 1128 (у Срезневск. табл. 2); болѣе часто употреблено оно и уже именно въ значеніи ѥ въ памятникѣ XIII в. Волынской книгѣ поученій Ефрема Сирина (Срезневскій, «Свѣдѣнія и замѣтки»... XI, стр. 46), въ Рязанской кормчей 1284 г. Имп. Публ. б-ки (Срезневскій, «Славяно-русская палеографія», стр. 210), въ грам. Смоленскаго князя Александра Глѣбовича около 1297—1298 г. Рижскаго архива (ibid. 217)[2]; наоборотъ одно только простое ѣ при ѥ въ Новгородской Кормчей до 1281 г. Московской Синодальной библіотеки и въ Двинскомъ Паремейникѣ 1271 г. Императорской Публичной библіотеки (Сл.-рус. пал., 201—203). Мнѣнія, что «голько памятники XIV в. отличаютъ ѣ (=ѥ) отъ другого ѣ», и что «памятники XIII в. пишутъ ихъ одинаково», держится и Шахматовъ въ «Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» (Спб., 1886 г.), стр. 136, но на основаніи имѣвшагося у него тогда подъ руками матеріала онъ не могъ подобно Срезневскому сказать: «въ концѣ XIV в.», такъ какъ грамота, на которую онъ при этомъ ссылается (№ 12), относится къ 1314 г.

---

[1]) Сравн. также Ant. Kalina, Studyja nad historyją języka bułgarskiego, § 119, стр. 480—481 XIV-го тома «Rozpraw... wydziału filolog. Akad. Um. w Krakowie». 1891.

[2]) Такимъ образомъ факты, сообщенные самимъ И. И. Срезневскимъ, говорятъ противъ его же замѣчанія въ «Славяно-русской палеографіи XI — XIV в.» (отдѣльн. издан. 1885 г., стр. 2, Ж. М. Н. Пр. 1881 г., январь, стр. 3), что «букву ѥ стали употреблять только въ концѣ XIV в.»; его, мнѣ кажется, слѣдуетъ измѣнить такимъ образомъ, что къ XIV-му вѣку значеніе буквы ѥ уже вполнѣ опредѣлилось. Или м. б. Срезневскій разумѣлъ подъ этой буквой лишь ту, которая представляетъ третій типъ особаго ѥ? Но и употребленіе этого послѣдняго слѣдуетъ отодвинуть уже въ первую половину XIV-го вѣка. Я долженъ выразить здѣсь благодарность М. Г. Халанскому за доставленіе возможности пользоваться «Славяно-русской палеографіей» Срезневскаго, ставшей теперь библіографической рѣдкостью, а также и П. К. Симони, добывшему для меня и приславшему экземпляръ этой книги, когда я приступилъ къ печатанію своего труда.

Указывая въ памятникахъ особое є, слѣдуетъ различать нѣсколько его типовъ. Одинъ типъ, похожій на є прописное въ записи Остромирова Евангелія, имѣетъ форму прямую и три приблизительно равныхъ язычка, въ бо́льшей длинногѣ когорыхъ и состоитъ его главное отличіе отъ обыкновеннаго є; такой типъ напр. отмѣченъ Срезневскимъ въ книгѣ поученій Ефрема Сирина XIII в. (Славяно-рус. палеогр., стр. 211). Другой типъ—є почти двухконечное, съ двумя длинными язычками, смотрящими вверхъ; его мы встрѣтили одинъ разъ уже во 2-мъ почеркѣ нашего памятника, также въ Путятиной Минеѣ (см. выше) и въ Юрьевскомъ Евангеліи (такъ написано нє, судя по таблицѣ 2 у Срезневскаго; что є могло имѣть уже значеніе ѥ послѣ согласныхъ и употребляться для означенія мягкаго произношенія въ Путятиной Минеѣ, видно изъ ф. зват. п. един. ч. апл҃ѥ, см. выше). Сходный типъ и въ грам. Смоленскаго князя Александра около 1297—1298, судя по образцу у Срезневскаго (Слав.-рус. пал., 217); только здѣсь оно стоитъ прямѣе, чѣмъ у насъ, и имѣетъ надъ собою двѣ точки; но существенно именно почти отсутствіе нижняго загиба; употребленіе же его вм. ѥ непостоянно, по замѣчанію Срезневскаго. Такой же именно типъ є уже послѣдовательно употребленъ писцомъ 3-го почерка Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи въ значеніи ѥ (въ началѣ словъ или слоговъ); такъ написаны здѣсь слова его 238, єдва 238, єгда 242, коєва 238, оуденьє 240 и мног. друг., перечисленіе которыхъ было бы излишне и безполезно; иногда нижній кончикъ уже совершенно отсутствуетъ, такъ что это є имѣетъ видъ двухъ сходящихся внизу, обращенныхъ кверху нѣсколько направо, рожковъ: єгда 244, коєводою 243; отступленія, какъ дрѵгоє 237 (почти съ обыкновеннымъ є), рѣдки; наоборотъ замѣчательно послове 286. 10 (accus. plus.) и хожаше 285. 7—8, гдѣ это особое є употреблено послѣ согласныхъ, и еслибы не было второго изъ этихъ случаевъ, въ первомъ это є соблазнительно бы было объяснить, какъ звукъ, близкій къ звуку ѣ, такъ какъ именно въ подобныхъ формахъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ памятникахъ ѣ, напр. въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописей [1]).

Что касается ѥ, то оно въ 3-мъ поч. у насъ встрѣчается всего 4 раза послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ: софьѥю 253, ѥго 282, 307, ѥмоу 284; если вѣрно, что въ пи-ѥцинича 270. 17—18 (переносъ) слѣдуетъ чи-

[1]) Срв. И. В. Ягича «Критическія замѣтки по исторіи русскаго яз.», стр. 51. Срв. употребленіе ѥ вм. ѣ въ Апост. 1220 г. М. Син б. (ѥзыне) или Парем. 1271 г. (чтѥте) (Слав.-рус. пал., стр. 177, 201).

тать ѥ, а не и, какъ издатели, то 1 разъ встрѣчается ѥ послѣ согласныхъ. Третій типъ є, средній между двумя первыми, отличается тѣмъ, что подобно первому имѣетъ три почти равныхъ длинныхъ язычка, но подобно второму въ немъ эти язычки смотрятъ вверхъ. Этотъ типъ, хотя имѣется уже въ зачаткѣ даже въ кормчей 1284 г. (Слав.-рус. палеогр., стр. 210) (здѣсь впрочемъ центральное жальце длиннѣе верхняго и нижняго язычковъ), а также въ Евангел. 1317 г. (и послѣ согласныхъ) (см. снимки въ приложеніи къ «Древнимъ памятн. русск. п. и яз.» Срезневскаго), свойственъ преимущественно памятникамъ второй половины XIV-го и XV в. Онъ отмѣченъ Срезневскимъ (Сл. р. пал., 252, 255) въ Пятикнижіи Моисеевѣ ок. 1350 г. ркп. Троицко-Серг. л., въ Стихирарѣ 1380 г. Тр. Серг. л., въ Тактиконѣ Никона 1397 (прилож. къ «Древнимъ памятн. русск. п. и яз.»), характеръ письма котораго напоминаетъ Ипат. или вторую половину Лаврент. сп. лѣтоп., и въ грам. Владислава 1387 г. Его мы встрѣчаемъ и въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ лѣтописей (см. свѣтопечатн. издан. Арх. ком. 1871 и 1872 г.); въ первомъ съ 80-ой страницы (судя по свѣтопечатному изданію) є=ѥ (въ началѣ словъ или слоговъ) довольно строго отличается отъ обыкновеннаго ѣ (послѣ согласныхъ); во второмъ же это особаго рода є преобладаетъ и послѣ согласныхъ, такъ что выработанное къ XIV вѣку въ нѣкоторыхъ памятникахъ правило въ XV-мъ вѣкѣ снова нарушается [1]). Этотъ-же типъ мы находимъ и въ двухъ послѣднихъ изъ трехъ или четырехъ слѣдующихъ за 3-имъ почерковъ Синодальн. списка Новгород. лѣтоп.; а кромѣ того, въ части, написанной четырьмя послѣдними почерками, не смотря на малый объемъ (5 страницъ), встрѣчается 18 разъ ѥ, которое на стран. 333 и 334 фототипическаго изданія употреблено исключительно въ значеніи ѥ, а на стр. 335, 336 и 337 рядомъ съ є: ѥго 333, 334 (2 р.), 337, ѥси 336 (2 р.), ѥсифа 334 (2 р.), 335, при архіѥпѣ 335, архіѥпу 336, доѥха 337, поѥха 336, 337, калъфромѣѥва 334, помраченіѥ 333, повелѣніѥмь 335, поспѣшеніѥмь 335.

Можно, пожалуй, выставить еще и четвертый типъ, который находимъ въ Коммиссіонномъ и Академическомъ спискахъ 1-ой Новгор. лѣт. XV в., судя по снимкамъ, приложеннымъ къ издан. 1888 г. Археогр. ком.; онъ

[1]) Не въ связи ли съ этимъ находится и употребленіе особаго є (третьяго типа) въ качествѣ составной части ѥ ? (Славяно-рус. палеогр, стр. 235). Отмѣчено оно, однако, въ памятникѣ гораздо болѣе раннемъ (Кн. Еванг. чтен 1307 г.). Для отличія іотованнаго є отъ неіотованнаго Ипатск. спис. употребляетъ надъ первымъ постановку точки; въ Лаврент. также точки (двѣ или одна) надъ є обычны.

отличается отъ 1-го лишь тѣмъ, что язычки нѣсколько опущены внизъ, а не вверхъ, какъ у 3-го типа є.

Какое-то особое є встрѣчается и во многихъ другихъ рукописяхъ XIV и XV в. южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ; Соболевскій въ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.», стр. 41, 52, 125, 127, 139 упоминаетъ о немъ въ Луцкомъ Евангеліи XIV в., Параклитикѣ Псковскомъ 1369 г., Лукинѣ Евангеліи 1409 г. и друг.; къ сожалѣнію только, онъ не даетъ точныхъ указаній относительно типа этого є.

Изъ всего этого наблюденія надъ употребленіемъ є въ нашемъ памятникѣ сравнительно съ другими болѣе ранними и болѣе поздними я дѣлаю тотъ выводъ, что первоначально оно явилось, какъ случайная и незначительная варіація простого є, а затѣмъ, когда явилась необходимость въ особой формѣ є для обозначенія сочетанія је, она была удовлетворена выработавшимся постепенно особымъ типомъ. По крайней мѣрѣ такое происхожденіе я склоненъ приписать тому типу особаго є, который господствуетъ въ нашемъ памятникѣ; не имѣя пока точныхъ свѣдѣній о формахъ особаго є въ южнословянскихъ рукописяхъ, я долженъ воздержаться отъ рѣшенія вопроса, развился ли этотъ названный мною вторымъ типъ исключительно на почвѣ русской письменности, или ему есть параллели и въ письменности болгарской и сербской; для типа же, названнаго первымъ, несомнѣнно, были параллели на югѣ [1]), и кромѣ того, онъ, кажется, ведетъ свое начало отъ прописныхъ (заглавныхъ) буквъ, слѣдовательно, повидимому, не развился столь-же постепенно и органически на почвѣ одного письма, какъ по всей вѣроятности развился типъ второй, а взятъ уже изъ давно выработанныхъ на почвѣ греческаго письма унціаловъ. Гдѣ именно первоначально выработался этотъ интересный второй типъ є, пока вслѣдствіе ограниченности свѣдѣній о немъ рѣшить трудно, но, судя по тому, что мнѣ удалось извлечь о немъ изъ палеографическихъ трудовъ Срезневскаго, кажется, онъ употреблялся преимущественно на сѣверо-западѣ въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включая сюда не только Новгородъ, но и Смоленскъ, и можетъ быть, здѣсь и возникъ; время же окончательной выработки его можно опредѣлить приблизительно, какъ первую половину XIV-го столѣтія.

---

[1]) За неимѣніемъ подъ руками снимковъ съ болѣе раннихъ памятниковъ южнословянскаго письма, которые употребляютъ особое є, могу пока указать, что этотъ первый типъ употреблялся на югѣ и въ началѣ XV-го вѣка, напр. въ Зографск. спискѣ Служебника Евеимія, какъ это видно изъ снимковъ, приложенныхъ къ диссертаціи П. А. Сырку «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.» (стр. XII и LXI).

Что же касается способа написанія ѥ, то между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ почеркахъ оно изображается по старому, т. е. поперечная горизонтальная черта проходитъ какъ разъ по серединѣ и служитъ лѣвымъ продолженіемъ, такимъ образомъ, средняго язычка ѥ, въ третьемъ и остальныхъ почеркахъ эта поперечная черта уже проходитъ выше средняго языка. Судя по образцамъ у Срезневскаго, вторая форма встрѣчается уже въ концѣ XIII в., а именно въ Псалтыри 1296 г. Синод. б-ки (Сл.-рус. пал., стр. 214); съ другой стороны первая еще встрѣчается въ памятникахъ начала XIV в., напр. въ книгѣ Еванг. чтеній 1317 г. (б-ки Академ. наукъ) (Слав.-рус. пал., стр. 239). Вслѣдствіе этого на основаніи одной этой особенности трудно бы было опредѣлить время написанія памятника.

Обратимся къ нѣкоторымъ другимъ палеографическимъ особенностямъ. Для обозначенія *ja* всѣ три главныхъ и четыре второстепенныхъ почерка употребляютъ одинаково въ началѣ словъ и слоговъ слитную букву ѩ, а для означенія *a* послѣ мягкихъ согласныхъ—ѧ. Но въ первомъ и второмъ почеркахъ нерѣдко встрѣчается буква ѧ и для означенія *ja*: **перемслаѧли** 33. 13—14, **ѧкоуномь** 69, **ѧропълкомь** 78, **ѧко** 69, **стрѣѧ** 81, **кѧѧ** 91, **маѧ** 91, **ѧрослова** 119, во 2-мъ п.: **ако** 166, **не ѧхаша** 174, **ѧропълка** 158, **дїѧвола** 177, —ъ, 181, **на ѧрослали дворѣ** 220, **при кнѧзи ѧросла** 232, **ѧрославу** 233, **перемслаль** 232, **георгиѧ** 232 и друг. Изрѣдка можно встрѣтить тоже и въ 3-мъ поч.: **аѳанасьѧ** 322, **татарьскѧ** 329, **прокопѣ** 313, **имѣни** 313 (вообще, если дѣлалась выноска буквы надъ строку для сбереженія мѣста). Это особенность весьма многихъ памятниковъ XII—XIII—XIV в., но въ болѣе позднихъ памятникахъ она рѣже, чѣмъ въ болѣе раннихъ. Изъ «Слав.-рус. палеографіи» Срезневскаго узнаемъ о ней въ записи Юрьевскаго Евангелія (стр. 147), въ Галицкомъ Ев. 1144 г. (Сл. р. пал., 152), въ стихирарѣ до 1163 г. (ib. 153), книгѣ Евангельск. чтеній 1215 г. (ib. 172), Паремейникѣ 1271 г. (ib. 201), Кормчей 1284 г. (210); также её находимъ въ Пантелеймон. Еванг. ок. 1250 г. (см. прилож. къ «Древнимъ памятн. рус. п. и яз.»); Шахматовъ указываетъ ѧ вм. ѩ въ грамотахъ № 2 (1265 или 1264 г.), № 15 (меж. 1325—1327 г.) и на печатяхъ № 13 (1372) («Изслѣд. о яз. новгор. грам.», стр. 137, 239, 262). Очевидно, въ началѣ еще не установилось употребленіе двухъ доставшихся отъ церковно-словянской письменности знаковъ, имѣвшихъ для русскихъ писцовъ одинаковое звуковое значеніе. Въ 3-мъ поч. наоборотъ замѣчательно употребленіе при переносѣ ѩ послѣ н такимъ

образомъ, что является лигатура ни, т. е. правая вертикальная черта и совпадаетъ съ і, входящимъ въ составъ начертанія и кни-женіе 308. 1—2, кни-зь 318. 6—7.

Для звука *і* обыкновенно употребляется осмеричное и въ двухъ первыхъ почеркахъ, и лишь тамъ, гдѣ при переносѣ слова съ одной строки на другую или вообще въ концѣ строки необходимо беречь мѣсто, встрѣчается ї (бо́льшею частію съ двумя точками надъ нимъ): колодимї-ри 77, с нимі ib.,— людї 138, смотренї-и 177, сї—хъ ib.; въ третьемъ же поч. при и уже въ больша́мъ количествѣ случаевъ можно найти на каждой страницѣ і (безъ точки) или і (съ одной точкой надъ нимъ), особенно для обозначенія союза; напротивъ 4 послѣднихъ почерка вовсе не употребляютъ і (съ точками или безъ нихъ). Кромѣ того, самое написаніе и, какъ и буквы и, различается въ почеркахъ такъ, что въ первомъ и второмъ поперечная черта идетъ почти по срединѣ, въ третьемъ нѣсколько выше, въ послѣднихъ же почти въ самомъ верху, подобно нѣкоторымъ другимъ памятникамъ второй половины XIV в. (см. «Слав.-рус. палеографію» Срезневскаго) и въ томъ числѣ напр. Лаврентьевскому списку лѣтописи (см. свѣтопечатное изданіе).

Ѣ и т еще ни въ одномъ почеркѣ не встрѣчаются съ опущенными кончиками, а вездѣ у нихъ верхняя горизонтальная черта лишь съ небольшими крючечками.

Звукъ и изображается тремя способами: оу, у и ѵ; первый способъ (древнѣйшій) преобладаетъ еще во всѣхъ трехъ почеркахъ; второе начертаніе бо́льшею частію употреблено въ концѣ строки, при чемъ иногда въ этомъ случаѣ (особенно въ 3-мъ почеркѣ) встрѣчается лигатура согласной со слѣдующимъ за ней у (см. напр. лигатуры ну, ку, му въ словахъ жену 239, смоленьску 272, ему 282 и т. п.). Въ послѣднихъ четырехъ почеркахъ уже довольно часто простое у, которое уже господствуетъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ, гдѣ оу двойное (съ двумя точками надъ у) встрѣчается иногда въ началѣ словъ [1]). Простое у имѣетъ у насъ иногда значеніе греческаго υ: спуридонъ при спиридон на стр. 219. Форма

[1]) Это-же Срезневскій (Слав.-рус. палеогр., стр. 235) замѣчаетъ о книгѣ Евангельскихъ чтеній 1307 г. Въ русской письменности шло постепенное освобожденіе отъ ненужнаго, сложнаго, заимствованнаго буквально съ греческаго, способа изображенія звука и, такъ что въ двухъ новгородскихъ грамотахъ уже конца XIII в. (у Шахматова №№ 4 и 5 между 1294 и 1301 г.) исключительно употреблено у простое, хотя съ другой стороны въ пяти большихъ грамотахъ начала XIV в. исключительно оу (№ 9, 10, 11, 6 и 7—1304—1308 г.) (см. «Изслѣдованіе о яз. новгор. грам.» § 8, стр. 140).

ѵ, какъ составной части оѵ, отличается въ 3-мъ поч. закругленіемъ нижняго конца въ противоположность прямизнѣ его въ 1-мъ и 2-мъ. Третій типъ — лигатура, явившаяся еще въ южнословянской письменности [1]) и оттуда пересаженная въ русскую, не смотря на свое удобство, однако, плохо прививался, хотя не совсѣмъ вѣрно сказано Шахматовымъ («Изсл. о яз. новг. гр.», стр. 140, § 8), будто «ѕ изъ древнерусской письменности исчезло и явилось опять лишь въ XV-мъ вѣкѣ»: ѕ, хотя и рѣдко, но встрѣчается въ памятникахъ XIII—XIV в. (см. у Срезневскаго въ «Славяно-русской палеографіи» образцы изъ грам. 1229 г. на стр. 179 и изъ книги Евангельскихъ чтен. 1270 г. на стр. 200). У насъ ѕ встрѣчается на стр. 1 (3 раза: к нѣмѕ, медѕ, мѕжь), 2 (пѕ—сти) при переносѣ, 191, 225, 227, 219. 9 (2 раза), 237, 271, 272. 9 и многъ. друг.; пишется оно въ 1-омъ и 2-мъ поч. въ строку, въ 3-мъ же такъ, что усики подымаются выше строки.

Ѡ употребляется у насъ часто въ предлогѣ ѿ; во 2-мъ поч. встрѣчается, кромѣ того, такъ называемое «очное» ꙩ, т. е. ⊙ круглое съ точкою внутри (⊙гласовица, ⊙сипа 124), извѣстное и въ другихъ русскихъ и южнословянскихъ памятникахъ ранняго времени (см. Срезневскаго «Древніе памятники рус. письма и языка» и «Древніе памятники юсоваго письма»).

Ы еще не замѣняется посредствомъ ы во всѣхъ почеркахъ; тоже въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в. (см. изданіе Шахматова) и въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп., но въ Ипат. сп. уже ы. Это ы, укоренившееся затѣмъ окончательно, пришло къ намъ вновь отъ южныхъ Славянъ въ концѣ XIV в. [2]) въ связи съ общимъ возрожденіемъ вліянія южнаго на нашу письменность; однако оно замѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма, напр. преобладаетъ еще въ 1-й части (до 86-го л., по замѣчанію Ягича) Изборника 1073 г., уступивъ затѣмъ мѣсто ы, болѣе согласному съ русскимъ произношеніемъ, а также и въ сборникѣ 1076 г. (Слав.-рус. пал. Срезневскаго, стр. 118). Въ этой особенности правописанія Изборника 1073 г. и сборн. 1076 г., несомнѣнно, нужно видѣть вѣрную передачу правописанія южнословянскаго подлинника русскимъ писцомъ, такъ какъ для русскаго писца не было никакого основанія измѣнять ъ на

---

[1]) Напр. уже въ Саввиной книгѣ (Срезневск., «Обозрѣніе древнихъ старосл. пам. юсов. п.», 15).

[2]) По замѣчанію И. В. Ягича, уже въ Константинопольскомъ Евангеліи 1383 г.

ы; на югѣ же раннее появленіе ы [1]) обусловливается потерей разницы въ большей части говоровъ между звуками ъ и ь, а также и между звуками ъі и и, хотя появленіе именно ь вмѣсто ъ, которое въ извѣстномъ рядѣ памятниковъ, легшихъ въ основаніе такъ называемой «сербской» редакціи церковно-словянскаго языка, совершенно было вытѣснено первымъ, остается загадкой, еще не вполнѣ выясненной. Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что причиной употребленія ь предпочтительно передъ ъ не была склонность къ мягкимъ слогамъ въ какомъ либо изъ говоровъ болгарскихъ или сербскихъ. Я скорѣе вижу причину этого явленія въ томъ, что въ нѣкоторыхъ болгарскихъ и нѣкоторыхъ сербскихъ говорахъ уже въ древнѣйшее время оба глухихъ звука совпали въ одномъ, звуковой характеръ котораго былъ широкое неясное *е*, не смягчающее предшествующаго согласнаго; такое произношеніе глухого и теперь извѣстно напр. въ болгарскомъ Тетевенскомъ [2]) и отдаленномъ отъ него сербскомъ говорѣ въ югозападной Черногоріи [3]), и я бы не рѣшился приписывать его албанскому вліянію [4]) уже въ виду того, что древнесербская письменность даетъ намъ довольно ясныя указанія [5]) на существованіе такого произношенія уже по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ, но весьма вѣроятно, оно было и гораздо раньше; позднее проявленіе ѧ вм. ъ и ь въ восточно-сербской письменности [6]) нельзя объяснять однимъ упорствомъ книжной традиціи (отчего же другія черты народнаго языка проявились раньше ?), а гораздо естественнѣе долгое непоявленіе его находитъ объясненіе въ глухомъ произношеніи, существовавшемъ въ бо́льшей части говоровъ, при чемъ въ глухомъ звукѣ

---

[1]) Напр. уже въ Супрасл рукоп. кыχъ, ты, жены (издан Миклошича, стр. 99); это мѣсто (одна страница въ статьѣ 9-ой) рукописи вообще отличается обиліемъ ь вм. ъ; вниманіе мое на такое мѣсто въ Супр. сборн. обратилъ проф. Ф. Ѳ. Фортунатовъ (срв. и замѣчаніе самого Миклошича при издан. текста, стр. XI—XII)

[2]) Д-ръ В. Облакъ, «Приносъ къмъ българската граматика», стр. 567.

[3]) V. Oblak, «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den sudslav. Sprachen», стр. 170—171 («Archiv f. sl. Phil.» XVI B.).

[4]) Срв. Miklos. Vergl. gram. I², 20; Oblak, Archiv f. slav. Phil., XVI, 171—172, «Приносъ къмъ българ. грам.» (въ Сборн. болгар. мин. нар. пр. 1895 г. т 11), стр. 567.

[5]) Miklosich, Monumenta serbica, 1858, №№ XXXV, XXXVIII, XXXIX (1240, 1247, 1249 г.), Oblak, Die Halbvocale..., ст. 180, 178 («Es ist dies wohl kein Zufall, denn der serb. Halbvocal kam seinem acustischen Werth nach am nachsten einem kurzen dumpfen *e*», говоритъ Облакъ, съ которымъ нельзя здѣсь не согласиться). Срв. и статью Ягича «Woher das secundare *a*» изъ IV т. «Archiv» a.

[6]) Самое раннее въ грам. 1368 г. (Mon serb. № 161), если не считать №№ 85 и 89 (1332 и 1333 г.), подлинность которыхъ весьма подозрительна (срв. стр. V введенія, а также другія соврем. грамоты).

всего яснѣе слышался гласный элементъ *е*, который и выражался черезъ ѣ, такъ какъ съ ѣ уже давно привыкли соединять значеніе звука близкаго къ *е* по книжной традиціи, основанной на произношеніи тѣхъ говоровъ (частію болгарско-македонскихъ, частію, можетъ быть, старословянскихъ, если не отожествлять пока послѣднихъ съ первыми), которые проявляются въ древнѣйшихъ памятникахъ старословянскаго языка, имѣющихъ нерѣдко ѥ вм. ѣ и ѻ вм. ъ; традиція эта передалась сербскимъ писцамъ вмѣстѣ съ южными оригиналами, съ которыхъ они списывали, и мѣшала имъ писать ъ, которое по традиціи почти равнялось ѻ, тамъ, гдѣ имъ слышалось глухое *е*. Конечно, это было не во всѣхъ говорахъ, а потому и нашлись сербскіе памятники, какъ Гршковичевъ глаголическій отрывокъ Дѣяній Апостольскихъ, недавно изданный Ягичемъ, употребляющій наоборотъ исключительно ъ (не говорю о болѣе западныхъ, хорватскихъ, Вѣнскихъ листкахъ глаголич. Миссала: на западѣ раньше появилось и новое сербо-хорватское ѧ) и имѣющій, вѣроятно, оригиналомъ такой старословянскій памятникъ, какъ Маріинское Четвероевангеліе [1]), въ которомъ при преобладаніи ъ есть и нѣсколько сербизмовъ; на основаніи господства ъ въ Слѣпченскомъ, Охридскомъ, глаголич. Гршковичевомъ Апостолѣ и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ (Вѣнскихъ, второмъ Пражскомъ, добавленіи къ Кіевск. лист.) Ягичъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ македонскихъ, сербскихъ и хорватскихъ памятникахъ до установленія господства знака ѣ долгое время уже преобладало ъ [2]); это обусловливалось совпаденіемъ обоихъ глухихъ въ одномъ звукѣ, скорѣе близкомъ къ *о* или *а*, чѣмъ къ *е*, въ бо́льшей части македонскихъ и части сербо-хорватскихъ говоровъ. Остается загадкой, почему ѣ, получившее, вѣроятно, господство сначала въ мѣстностяхъ юго-восточныхъ, распространилось такъ далеко на западъ и сѣверъ, что совсѣмъ вытѣснило ъ и тамъ, такъ что напр. и въ Никольскомъ Еванг. начала XV в., глаголическій оригиналъ котораго, повидимому, имѣлъ много общаго (кромѣ икавизма) съ такимъ памятникомъ, какъ Гршковичевъ, уже употребляется одно ѣ, которое, однако, читалось уже, какъ *а* или близко къ *а*, что́ видно изъ замѣнъ ѣ на ѧ и ѧ на ѣ; такимъ образомъ ѣ, читавшееся первоначально въ извѣстномъ рядѣ памятниковъ, можетъ быть, какъ глухое *е*, затѣмъ въ

[1]) Срв. замѣчанія Облака въ реценз. «Glagolitica» Ягича (Archiv f. sl. Phil., XVI, 467—469). Изъ нихъ я сомнѣваюсь лишь въ томъ, что господство ѣ основано на звуковыхъ особенностяхъ какого-то именно болгарскаго говора. Вѣдь въ другой статьѣ Облакъ самъ приписываетъ сербскимъ глухимъ звуковой характеръ *е*.

[2]) Glagolitica II. Grškovićev odlomak glag. apostola, U Zagrebu, 1893, стр. 65.

большинствѣ другихъ памятниковъ получило значеніе *а*, если только не стояло по традиціи тамъ, гдѣ глухой исчезалъ совсѣмъ. Вытѣснивъ ъ, буква ѣ вытѣснила его и въ сочетаніи ъі, вмѣсто котораго исключительно стало употребляться ѣі, тѣмъ болѣе, что звуку *і* болѣе соотвѣтствовало такое начертаніе, чѣмъ начертаніе ъі. Это правописаніе проникаетъ и въ болгарскія рукописи, а затѣмъ и въ русскія. Я прошу извинить меня въ томъ, что я сдѣлалъ такое большое отступленіе отъ главнаго предмета рѣчи, но мнѣ хотѣлось кстати подѣлиться со спеціалистами своими соображеніями по поводу этого интереснаго явленія, которое такъ трудно поддается объясненію. Что же касается вопроса о возобновленіи «южно-славянскаго вліянія на русскую писменность въ XIV—XV вѣкахъ», то ему посвящена рѣчь проф. А. И. Соболевскаго (Спб., 1894), въ приложеніи къ которой сообщено немало свѣдѣній о памятникахъ этой эпохи.

Самый способъ начертанія ъі различенъ въ первомъ и второмъ почеркахъ съ одной стороны и въ третьемъ съ другой, а именно въ первыхъ двухъ оно имѣетъ остатокъ поперечной черточки при і, служившей соединеніемъ ъ и і, въ третьемъ же и остальныхъ соединительной черты нѣтъ и намека; кромѣ того, самая форма ъ въ двухъ первыхъ отличается отъ формы ъ въ третьемъ: вертикальная черта въ послѣднемъ стоитъ прямѣе, а нижній кружокъ крупнѣе, такъ что вышина его занимаетъ больше половины длины вертикальной черты; въ первомъ же и второмъ почеркахъ нижняя часть ъ имѣетъ видъ треугольника, вершина котораго приходится приблизительно на серединѣ вертикальной черты (изрѣдка, впрочемъ, выше), которая стоитъ косо съ уклономъ на право [1]). Что сказано о формѣ ъ, то имѣетъ силу для ѣ и к: въ третьемъ почеркѣ нижняя часть ихъ имѣетъ бо́льшій относительный размѣръ и бо́льшую закругленность.

Въ третьемъ почеркѣ ни разу не встрѣчается ѳ какъ буква, но въ 1-мъ и 2-мъ ѳ встрѣчается не на мѣстѣ вм. ф: никидороу 93, митродан҃ъ 126, ѳедилакта 204; форма ѳ имѣетъ видъ продолговатаго кружка, перечеркнутаго въ серединѣ горизонтальной чертой съ загнутыми внизъ слѣва и справа крючками.

Изрѣдка въ собственныхъ именахъ греческихъ (ольѯоу 173, олеѯандръ 271) встрѣчается ѯ во второмъ и третьемъ почеркахъ.

Остальныя буквы не представляютъ ничего особеннаго, хотя форма

[1]) Во всѣхъ почеркахъ для сбереженія мѣста встрѣчается поднятіе крючка ъ надъ строку, а на 289. 15 ъ передѣлано изъ о въ словѣ добрѣѣ.

ихъ въ 3-мъ поч. рѣзко отличается отъ формы въ первыхъ двухъ. Какъ особенность 3-го поч , можно назвать еще лигатуры (напр. ну, ку, му 239, 272, 282, ану въ словѣ івану 331.10, тр въ словѣ дмитрша 313.16 — 17 и др.); кромѣ древняго ѕ, лигатура вообще явленіе позднее.

Изъ надстрочныхъ знаковъ употребительны только титлы да точки. Титлы безразлично во всѣхъ трехъ почеркахъ бываютъ или въ видѣ прямой горизонтальной линіи, или прямой съ двумя загнутыми внизъ кончиками на правой и на лѣвой сторонахъ, или прямой съ рожкомъ внизъ на правой и вверхъ на лѣвой сторонѣ, наконецъ — кривой или ломаной, подъ которою бо́льшею частію выносится одна изъ буквъ. Но въ различныхъ почеркахъ преимущественно употребляются разные способы: длинная прямая черта всего обычнѣе въ первомъ, гдѣ также нерѣдки и титлы съ ясно загнутыми концами внизъ, а также и вверхъ и внизъ; въ третьемъ обыкновенно титла имѣетъ видъ коротенькой черты съ слабо загнутыми кончиками; кромѣ указанныхъ способовъ, въ бо́льшей части (кромѣ 124 —146 стран.) второго почерка особенно часто встрѣчается крестикъ, горизонтальная черта котораго бо́льшею частію гораздо длиннѣе вертикальной, напр. надъ словами: оцмь 151, оцп 151, мти 227, кнзь 146, 156, 160, 232, 236, стослава 151, стыа 233, вжна 236 и мн. др., но въ началѣ, какъ и въ первомъ поч., бо́льшею частью обыкнов. титла съ загнутыми внизъ кончиками, напр. сти 126, стыи 140, сиъ 143 и др. (крестикъ рѣже). Слѣдуетъ отмѣтить еще то, что въ третьемъ поч. выноска буквъ надъ строку часто бываетъ безъ всякой черты надъ ними, напр. влчца 252, влчна 303, влчни 303, 309, 326, влкоу 322, 330, пре 323, при (т. е. приде) 323, ра 258; не 327, горо 312, 321, 329 и мн. др., что необычно въ первыхъ двухъ; Шахматовъ («Изсл. о яз. новг. гр.», стр. 133) говоритъ, что этотъ способъ выноски безъ дуги допускается лишь въ позднѣйшихъ грамотахъ (№№ 8, 13 и 17, 1371, 1372 и 1373); но замѣчательно, что у насъ на самыхъ позднѣйшихъ листахъ опять встрѣчается выноска подъ дугою: вл^ка 337, вл^цѣ 336. О точкахъ надъ і мы говорили [1]); остается сказать объ особомъ употребленіи надстрочнаго двоеточія на послѣднихъ страницахъ. Кажется, можно считать знаменательнымъ употребленіе здѣсь ї (съ двумя точками надъ нимъ) для означенія й, а именно встрѣчается род. множ. дѣтиї 336

[1]) Необходимо прибавить, что одна точка изрѣдка встрѣчается въ 3-мъ поч. и надъ другими гласными, напр. при сличеніи съ рукописью оказались точки надъ и на 310 18 и надъ первымъ у въ оузьѣркоу 310.19 (сличи поправки).

(можно сравнить **кадї-є** 140.10—11 во 2-мъ поч.), имен. ед. муж. род. **недѣлнъıй** 337, мѣстн. един. жен. род. **къ сто҃й трⷱи** 336 (но род. ед. **оу сто҃и**—съ и безъ точекъ); но это-же двоеточіе встрѣчается здѣсь и надъ другими гласными (на стр. 333, 334, 336 и 337) безъ особой знаменательности для произношенія, напр. **й ѿтъ** 334, **ѻ҃пать** 336, а также и надъ особымъ **є**: **прієха** 336. Знаковъ въ видѣ греческаго придыханія, отмѣчаемыхъ Шахматовымъ въ нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ грамотъ XIV-го вѣка, у насъ нѣтъ. Что же касается точекъ, то или одна или двѣ точки надъ гласными, неимѣющими передъ собою согласныхъ, весьма обычны и въ грамотахъ. Бо́льшая часть ихъ употребляетъ одну точку, но нѣкоторыя изъ нихъ при этомъ знаютъ употребленіе и двухъ, а четыре грамоты (№№ 4, 5, 13, 16, 1294—1301 г., 1372 г., 1368—1371 г.), подобно нашимъ страницамъ, написаннымъ 4-мъ и 7-мъ почерками, исключительно употребляютъ двоеточіе. Но Шахматовъ не придаетъ надстрочнымъ знакамъ вообще никакой звуковой знаменательности, считая, однако, ихъ графическимъ пріемомъ, дающимъ указаніе на различныя школы письма («Изслѣдов. о яз. новгород. грам.», § 3, стр. 134—135).

Остается сказать еще о знакахъ препинанія. Тутъ опять наблюдается разница въ способахъ между почерками. Первые два употребляютъ обыкновенно точку бо́льшею частію въ серединѣ высоты строки и рѣдко наверху строки; когда же заканчивается періодъ, то ставится три точки въ видѣ треугольника, обращеннаго однимъ изъ угловъ къ серединѣ законченной строки, а за нимъ на право слѣдуетъ горизонтальная черта. Въ третьемъ поч. точка среди различныхъ частей предложенія и вообще среди одного періода ставится внизу строки, у подножія буквъ, рѣдко, вѣроятно, по небрежности, поднимаясь нѣсколько выше; при окончаніи періода употребляется здѣсь четырех-точіе въ видѣ крестика безъ всякой черты; изрѣдка такое четырех-точіе можно встрѣтить и во второмъ поч.; напр. на стр. 205; это же четырехточіе встрѣчается и на стран. 333 и 334, но точки среди частей одного періода или предложенія на листахъ, написанныхъ 4-мъ и 7-мъ поч., употреблены по способу 1-го и 2-го поч. Въ древнѣйшихъ памятникахъ обыкновенно точка стоитъ въ серединѣ высоты строки; такъ въ Супрасльской рукописи (см. снимокъ при изданіи Миклошича), въ Остромировомъ Евангеліи, Сборникахъ 1073 и 1076 и друг. (см. снимки у Срезневскаго въ приложеніи къ «Древнимъ пам. рус. пис. и яз.»). Что же касается четырехточія, то оно встрѣчается довольно рано; по снимкамъ и

образцамъ у Срезневскаго въ «Древнихъ памятн.» и «Славяно-русск. палеографіи» (стр. 106—107) его находимъ уже въ записяхъ Остромирова Евангелія, а по снимку у Миклошича и въ Супрасльской рукописи. Къ сожалѣнію, А. А. Шахматовъ забылъ оговорить мѣсто постановки точки въ новгородскихъ грамотахъ, что̀ для сравненія намъ было бы важно; въ изданіи же у него точка вездѣ стоитъ внизу строки, что̀, вѣроятно, сдѣлано для удобства въ типографскомъ отношеніи; впрочемъ, къ изданію каждой грамоты у него приложено подробное описаніе всѣхъ палеографическихъ особенностей ея, причемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ указаны троеточіе или четвероточіе.

Въ заключеніе скажу, что конецъ 334 стр. (л. 167 б.) написанъ очень неясно (буквы стерлись), и трудно сказать, представляетъ ли онъ еще 5-ый почеркъ, или написанъ тѣмъ же 4-мъ, которымъ написаны стр. 333 и нач. 334-ой, а стр. 335 (л. 168 а) представляетъ запись 1345 г., написанную крупнымъ уставнымъ почеркомъ, несомнѣнно, отличнымъ отъ остальныхъ. Критеріемъ для выдѣленія въ особый почеркъ стр. 336 и 337 для меня служитъ употребленіе буквы є третьяго типа, не встрѣчающагося на стран. 333 и 334, хотя вообще страницы 333, 334, 336 и 337 написаны почерками очень близкими между собою.

Изъ разсмотрѣнія пока однѣхъ палеографическихъ особенностей я дѣлаю слѣдующіе выводы: 1) хотя нѣтъ несомнѣнныхъ данныхъ для различенія 1-го и 2-го почерковъ (рѣзкая разница на стр. 124 можетъ происходить отъ разницы въ чернилахъ), они могутъ быть различаемы въ нѣкоторыхъ пріемахъ (форма буквы є, титла въ видѣ крестика въ 2-мъ почеркѣ); 2) что они написаны, если не однимъ писцомъ, какъ думаетъ проф. Соболевскій, то во всякомъ случаѣ писцами одной школы и одного времени [1]);

[1]) Предположеніе Срезневскаго, что Прологъ 1262 г., бывшій Лобкова, затѣмъ Хлудова (№ 187 въ библіотекѣ Никольскаго единовѣрч. монастыря въ Преображенскомъ, въ Москвѣ), писанъ тѣмъ же пономаремъ Тимоѳеемъ, который говоритъ о себѣ въ Новгородской лѣтописи, можетъ быть принято только при предположеніи, что эта часть рукописи Синодальной списана съ другой, что̀ весьма вѣроятно, такъ какъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ «2-й» почеркъ Синод списка обличаетъ иного писца, чѣмъ Прологъ № 187: хотя есть сходство, какъ замѣчаетъ Срезневскій (Слав.-рус. пал., 191), напр. въ крестообразной титлѣ въ словѣ ѣсловча 38 б. (крестикъ въ видѣ буквы т) и въ формѣ буквъ, но и существенное различіе, напр въ употребленіи одной точки надъ гласными, что̀ видно даже изъ записи, напечатанной у Срезневскаго (стр. 190), срв. также напр. зминѣка оукинічю 8а съ точкою надъ ѣ и надъ н. Но я не могу согласиться и съ мнѣніемъ Срезневскаго о написаніи всей Синодальной рукописи Новг. лѣт. въ XIV-мъ в. (Сл. рус. палеогр., 250), которое противорѣчитъ сказанному имъ на стр. 191.

3) что 3-й (или по Соболевскому 2-й) поч. написанъ, несомнѣнно, позднѣе и, повидимому, писцомъ изъ другой школы; 4) что остальныя 5 страницъ написаны позднѣе 3-го почерка; 5) что нѣтъ никакого основанія считать часть 1—118 лист. Синодальнаго списка написанной въ XIV-мъ, а не во 2-й половинѣ XIII-го вѣка; 6) что часть 119—166 л. написана, вѣроятно, въ тридцатыхъ годахъ XIV в, а остальное 1345—1350 г. — Кромѣ того, позволяю себѣ сдѣлать еще то предположеніе, что непослѣдовательность въ правописаніи и палеографическихъ пріемахъ части 1—118 л. обусловливается тѣмъ, что писецъ или писцы имѣли передъ собой подлинники, написанные разными руками и съ различными правописаніями, и что съ другой стороны послѣдовательность въ палеографическомъ и орѳографическомъ отношеніяхъ части 119—166 л. указываетъ на однородный подлинникъ, исключая м. б. нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются **кго, кмоу, родици**; послѣднія страницы «3-го поч.», вѣроятно, и написаны впервые, а не списаны, тотчасъ послѣ описанныхъ на нихъ событій.

Прибавлю результаты сличенія свѣтопечатнаго изданія съ подлинникомъ.

	Свѣтопеч. издан.	Подлинникъ.
Стран. 1, стр. 2—3:	**дьнѣ—прь**	**дьнѣ—прь** (неясно, **дьнѣпрь** или **дьнѣпро**).
» 6:	одинаково неясно (**нощ—**, а затѣмъ, повидимому, верхушка **ь**, направо отъ нея вертикальная черта, вѣроятно, лѣвая буквы **ю**, еще направо, вверху строки точка, вѣроятно, часть правой половины буквы **ю**); издатели 1888 г. читаютъ **нощью**.	
» 13	(въ концѣ): хотя и въ свѣтопечатномъ изданіи и въ подлинникѣ конечная буква не имѣетъ лѣвой горизонтальной черты, и хотя издатели 1888 г. читаютъ **вь**, но весьма возможно, что это не **ь**, а **ъ**, для сбереженія мѣста поднятое надъ строку; причемъ лѣвая горизонтальная черта могла стереться; такое приподнятое надъ строкой **ъ** встрѣчается и одно и въ сочетаніи **ъı** и въ другихъ мѣстахъ; здѣсь въ подлинникѣ довольно ясно видно протяженіе вертикальной черты надъ строкой; вслѣдствіе этого я склоняюсь читать	

скорѣе **къ**, чѣмъ **вь**, тѣмъ болѣе, что **ь** здѣсь фонетически не оправдывается (**къ—ноцн . . . .**).

Стран. 1, стр. 14: и въ свѣтопечатномъ изданіи и въ подлинникѣ одинаково **ноцн**, т. е. послѣдняя буква этого слова скорѣе похожа на **і**, чѣмъ на **ь**, какъ читаютъ издатели 1888 г.; только это **і** не доведено до низа строки, а потому и неизвѣстно, былъ ли внизу треугольникъ, т. е. **ь**, или продолженіе вертикальной черты, т. е. **і**.

» » **томь (ѣ)че—** **темь вече—**, т. е. въ подлинникѣ скорѣе можно прочесть **темь** (**е** изъ **ѣ**), чѣмъ **томь**, хотя по смыслу требуется послѣднее; но во всякомъ случаѣ не **томъ**, какъ читается въ изданіи 1888 г.

» 16: вмѣсто **лодь** не слѣдуетъ ли читать **лодьи**, такъ какъ у меня отмѣчено между **лодь** и **ѿрї** пустое мѣсто, достаточное для одной буквы? Однако это нуждается въ провѣркѣ, такъ какъ *я боюсь*, что сдѣлалъ это по привычкѣ раздѣлять слова.

Стран. 4, стр. 15: и въ свѣтопечатномъ изданіи и въ подлинникѣ ясно **крт҃ца костиею** ·:· —— Хотя въ изданіи 1888 г. прочитано **крестаца кости ею**, но не лучше ли читать **крьстиша**, причемъ въ **ци** можно видѣть описку вм. **ш**?

» 5, » 3: въ оригиналѣ приписка поздняя, судя по начертаніямъ **к** и **ѕ**, XVI-го столѣтія, содержащая буквы въ азбучномъ порядкѣ отъ **ѧ** до **ѕ** включительно, а далѣе еще какая то неясная буква.

» 7-я въ концѣ оборвана справа, но вѣроятно, раньше, чѣмъ было на ней написано, такъ какъ смыслъ не прерывается; лишь въ послѣдней строкѣ оборвано на полусловѣ **все—**, такъ что это мѣсто отпало, вѣроятно, уже позднѣе. Однако на обратной сторонѣ (8) того-же листа все написано уже послѣ того, какъ оторванъ уголъ, такъ какъ всѣ строки начинаются правѣе оторваннаго.

На листѣ 6-мъ (стран. 11—12) вырванъ кусокъ уже съ написаннымъ на немъ, а кромѣ того оторвана часть листа и пришита [недостающія слова: въ строкѣ 2-й стран. 11-й по, 3-й — ои м(ъ)н —, 4-й — коп —, на стран. 12-й въ строкѣ 2-й: и н—, причемъ правый край н виденъ, 3-й: кел—, 4-й: — сноу, т. е. весноу, причемъ ве— уцѣлѣло, затѣмъ по—(?)].

Стран. 16, стр. 1: непонятно, почему въ изданіи 1888 г. чьрнигову, такъ какъ неясная буква въ концѣ строки скорѣе можетъ быть прочтена, какъ ѣ.

» » » 10: въ концѣ прѣ очень неясно; ѣ совсѣмъ почти стерлось, такъ что нельзя даже узнать, дѣйствительно ли ѣ, или є, но судя по верхушкѣ (пр$^{+}$), надо думать, что ѣ.

» 17, » 6: въ словѣ ладожьскыи можно разобрать слабый оттѣнокъ нижняго треугольника ь послѣ ж.

» » » 17—18: въ-сь; неясно, ъ или ь послѣ в, но кажется, ъ; издатели 1888 г. читаютъ ь.

» » » 18: менѣе ясна въ подлинникѣ, чѣмъ въ свѣтоп. изданіи.

» 19, » 12: азбука приписана другой рукой.

» 24, » 6: свѣтопеч. въ лодью, но въ подлин. неясно,—ю,или—ѥ.

» 25, » 6: » въ кыѥвоу вторая и часть 3-й буквы неясны.

» 45, » 16: въ межи, кажется, передѣлано и изъ ю.

» 47, » 17: не его, а кго.

» 48, » 14: въ словѣ χъ лмѣ вмѣсто л пятно, а передъ нимъ прорванъ кружокъ.

» 50, » 3—4: и въ словѣ изл-сѧл стерлось.

» 58, » 14: которазда (sic!); въ издан. 1888 г. по КАТ котора зла; но нельзя ли предположить, что въ древнѣйшемъ оригиналѣ стояло котора горазда? Впрочемъ, есть и другіе случаи написанія д вм. л (данидовицемь вм.— ло—210.19).

» 61, » 18: доужиноу (sic!).

» 64, » 12: очевидная описка (какъ указано уже Соболевскимъ въ Р. Ф. В., т. XXI, ст. 121—123) навороншла вм. накоропшла, хотя н неясно и можетъ быть прочтено за п, стершееся на верху.

Стран. 66 въ концѣ — 67: пра а-ργнеπѣ описка въ подлин. вм. при.

» 67, стр. 11: къ ρ$ (sic!) (вѣроятно, ◠ было надъ $).

» 75, » 2: въ подлин. ιлє вм. ιдє.

» » » 7: » рюрюкъ (какъ и свѣтопеч.) вм.—икъ.

» 79, » 12: » новєгородѣ (хотя двѣ послѣднія буквы почти стерты, но можно различить слѣды д и ѣ).

» 87, » 17: » дорове вмѣсто дкорове.

» 93: въ концѣ страницы неясный остатокъ какой-то буквы, вѣроятно, и или і і; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ читать мӯи, т. е. мужии, а не мужъ, какъ въ изданіи 1888 г.

» 98, стр. 16: въ подлин. ιзбицл такая же описка, какъ и ранѣе крт̑цл.

» 107, » 17: въ подлин. ясно тироκати описка, указанная уже проф. Соболевскимъ (вм. жироκати, ibid.).

» 109, » 12: въ нача буква а очень неясна, хотя, кажется, нельзя сомнѣваться, что это а, а не л.

» 113, » 1: къснатиноу — а очень не ясно (смазано), но кажется, нельзя сомнѣваться, что это а, а не л.

» 131, » 6: д̑.рь — не ясно, рь или ръ; кажется, рь (ь часто пишется съ расширеннымъ вверху концомъ).

» 150, » 9: въ подлинникѣ описка поидє вм. поидєте, т. е. поидѣте, какъ въ АТ.

» 159, » 10: въ подлинникѣ сдраκї ·: (не съ обернутымъ назадъ л, какъ въ свѣт. изд.).

» 166, » 1: между свои и ꙋрослака вставлено позднѣе, вѣроятно, на (можно прочитать лишь н); срв. прибавку на въ КАТ.

» » » 17: и въ подлинникѣ осѣлє, и я рѣшительно не понимаю, почему Соболевскій (ibid.) хочетъ въ этой интересной формѣ, удержанной въ изданіи 1888 г. (стр. 201), видѣть описку (срв. осѣлъ Ком. сп.).

» 169, » 16: ясно читается интересная форма ѿкѣташа, которую напрасно пр. Соболевскій (ibid.) хочетъ считать опискою вмѣсто откѣчаша.

» 177, » 1: южє (sic) и въ подлинникѣ; здѣсь и я вмѣстѣ съ Соболевскимъ склоненъ видѣть описку.

Стран. 182, стр. 6: и въ подлин. всѣ кодъ҃ъ, очевидно, описка.

» 186, » 1: въ подлин. ясно на санка҃ъ, а не на, какъ въ свѣт. изд., хотя кружечекъ а слился вслѣдствіе густоты чернилъ.

» 205, » 3—4: малъшевиць поправлено на малъшевъ въ-(поукъ).

» 219, » 19: послѣдняя буква (послѣ т) стерта; остается лишь небольшой значокъ.

» 220, » 13: въ вѣчѧ буква ѧ не ясна, но кажется, нельзя сомнѣваться, что это ѧ, а не а.

» 223, » 18: послѣдняя буква (вѣроятно, ѧ) стерлась.

» 233, » послѣднее слово послѣдней строки, кажется, сво̑, т. е. своѧ.

» 236: на верху приписка позднѣйшая ꙗрос(лав)ъ (неясно).

Начинающійся съ 237-ой стран. 3-й почеркъ отличается свѣтлыми, желтоватыми чернилами.

Стран. 237, 12, 239, 4, 240, 1: **В** красное.

» 241, 4: **В** красное занимаетъ пространство трехъ строкъ (въ вышину).

» 243: внизу приписано другой рукой сѣровато-черными чернилами и крупнѣе помоп (помогі?).

» 246, 20: и въ подлин. іздоу҃шиша —, вѣроятно, описка вм. іздоу-шиша (см. у Соболевскаго ibid.).

» 251, строки 5 и 14, 256, 9 и 20, 259, 12, 261, 5 и 13, 262, 17 и 19, 263, 2, 5 и 8, 264, 6, 8, 265, 19, 20, 269, 3 и 270, 20: буква **В** красная.

» 257: внизу болѣе крупныя буквы сѣрыми чернилами.

» 258, 5: нѣмцемь, т. е. -мь, а не мъ.

» 263, 1: **Л** красное.

» 269, 5: **Вѣ** красными буквами.

» 270, 17—18: пи-нѣцинича (а не пиницинича, какъ въ изд. 1888 г.)

» 272, 5 и 18, 276, 1, 2, 11, 278, 14, 280, 6 и 14, 283, 8, 285, 2 и 17, 292, 18, 294, 23, 301, 2, 8, 303, 20, 305, 10, 306, 6 и 18, 307, 16, 308, 15, 309, 5, 310, 6 и 17, 311, 13, 314, 10, 315, 1 и 10, 316, 22, 319, 7, 320, 14 и 22, 322, 10, 16 и 19, 323, 10, 325, 1 и 15, 326, 21, 327, 17, 328, 13, 329, 23, 330, 16, 331, 23 встрѣчается красное **В**.

» 289, 15: въ добрѣ передѣлано ъ изъ о.

Стран. 289, стр. 18: въ пл ъı одной б. недостаетъ (плкъı?).
» 306, 1: л інъıхъ въ подлинникѣ (въ изданіи точка надъ і не вышла).
» 309, 4: 2 раза л красное въ л҃ѣ.
» 310, 18: и (т. е. съ точкою).
» » 19: оу҃зьєрвоу съ точкою надъ первымъ оу.
» 312, 20: неясно, сгорѣ или огорѣ (буквы стерлись).
» 316, 1: надъ і въ поідоша едва замѣтная точка.
» 317, 10, 11, 22: слабыя точки (по одной) надъ і.
» 319, 4: надъ послѣднимъ к, кажется, маленькое ъ.
» » 7: седьмая буква є первоначально написана обыкновеннымъ цвѣтомъ, а потомъ краснымъ переправлена въ д (т. е. 4 вм. 5).
» » 8: михаіловъı.
» » 10: а҃ (съ точкою).

»	326, 1:	въ свѣтопеч. изд.	іҳъ	въ подлин.	іҳъ	(точки надъ ҳ нѣтъ).
»	323, 20:	»	інъıхъ	»	інъıхъ	
»	324, 3:	»	і (вин. един. мѣстоим.)	»	і	
»	» 11:	»	іне҃ı	»	іне҃ı	(наоборотъ безъ точки).
»	326, 7:	»	сто҃і	»	сто҃і	
»	» »	»	агафы	»	агафы	(вѣроятно, слѣд. читать agafji, а не agafy, т. е. здѣсь не ы вм. ъı).
»	» 8—19:	»	(поса)-диша і	»	-диша і	(надъ а точки нѣтъ).
»	» 23:	»		ясно	с нимъ,	т. е. ъ.
»	327, 1:	»		»	низовьскоі	(съ точкою надъ і).
»	» 2:	»		»	моісии	(безъ точки).
»	328, 18:	»		»	і	(съ слабой точкой).
»	329, 21:	»	івана	»	ївана.	
»	330, 3:	»		»	sic -къ	(но надъ строкой виденъ знакъ скобленія, такъ что, можетъ быть, было ъ).

Стран. 331, 14: » » котории » которий

» 332, 1: » » єпп҃ь » єпп҃ъ (хотя неясно).

» 333, 12: » » надъ 2-мъ и въ великъıи какъ будто точка удлиненн. формы.

» » 17—18: написано по выскобленному новыми синеватыми чернилами ꙗ новгоро-скую изм҃ноу·: ~

» » 19: » ѿ -ѧша (ꙗ съ точкою).

» » 21: въ свѣтопеч. изд. иванъ въ подлин. иванъ (съ двумя точками надъ и).

» » 22: » » вторжекъ: (двѣ точки) вторжекъ. (въ подлинникѣ одна точка).

» 336, 6: въ подлин. » во орѣховѣ. и онъ (по двѣ точки надъ и и о вторымъ).

» 337, 8: » » михаилоу.

Приписку съ праваго бока стран. 337-ой (мѣлко и неясно, другой рукой), кажется, слѣдуетъ прочесть такъ: мц҃м юлм въ ·г҃· а прест(а)ви(с)м (въ) вели(коѥ) гов(ѣ)ни(ѥ); въ послѣднемъ словѣ, кажется, послѣ в (а не д, какъ въ свѣтопеч. изданіи) стерлось ѣ (вмѣсто ѣ).

II. Нѣсколько критическихъ соображеній о текстѣ Синодальной рукописи.

Приступая къ изслѣдованію языка и въ частности фонетическихъ особенностей Синодальной рукописи, мы должны имѣть въ виду, что каждая отдѣльная часть, написанная особымъ почеркомъ, никакъ не можетъ считаться цѣльнымъ и вѣрнымъ представителемъ какого-либо отдѣльнаго говора. Прежде всего мы должны признать, что языкъ лѣтописей—языкъ во всякомъ случаѣ не разговорный, а литературный (разговорный элементъ проявляется въ немъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ), и вслѣдствіе этого онъ находится подъ вліяніемъ извѣстной традиціи, которая можетъ быть двоякая, такъ какъ съ одной стороны позднѣйшіе лѣтописцы слѣдовали образцамъ болѣе раннихъ своихъ соотечественниковъ, съ другой—образцамъ вошедшаго вмѣстѣ съ письменностью вообще языка церковно-словянскаго. Вліяніе послѣдняго на стиль лѣтописнаго языка на столько сильно,

что Миклошичъ въ своей попыткѣ возстановить первоначальный текстъ древнѣйшей русской лѣтописи принималъ основнымъ языкомъ ея языкъ церковно-словянскій. Хотя мы не будемъ держаться такого крайняго взгляда, мы всетаки не можемъ отрицать, что это вліяніе можетъ сказываться не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя цѣликомъ взяты изъ священнаго писанія или вызваны благочестивымъ настроеніемъ автора, усвоившаго себѣ библейскую точку зрѣнія на міръ, но и въ чисто повѣствовательномъ изложеніи; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить языкъ лѣтописей съ языкомъ церковно-словянскихъ сборниковъ житій и т. под. образцовъ повѣствовательной литературы (напр. Супрасльскаго сборника, Прологовъ и друг.). Во вторыхъ, необходимо признать, что окончательный переписчикъ, кромѣ событій послѣднихъ годовъ, близкихъ къ его времени, остальное долженъ былъ бо́льшею частію не составлять вновь, а списывать уже съ готовыхъ одной или нѣсколькихъ рукописей, въ которыхъ могли отражаться совершенно другіе говоры; онъ могъ подчиняться вліянію ихъ не только при перепискѣ, но даже и въ самостоятельной части. Если сравнительно легко отдѣлить фонетическія черты языка церковно-словянскаго отъ фонетическихъ особенностей русскихъ вообще, хотя и тутъ возможны ошибки вслѣдствіе недостаточнаго знанія всѣхъ діалектическихъ чертъ церковно-словянскихъ и южнословянскихъ, то гораздо труднѣе, а иногда и невозможно разграничить черты отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Лишь нѣкоторыя наиболѣе типичныя явленія при современныхъ свѣдѣніяхъ по русской діалектологіи могутъ быть отнесены въ область того или другого говора, другія же сами по себѣ безъ поддержки первыхъ не даютъ ничего, такъ какъ могутъ встрѣчаться въ разныхъ говорахъ. Кромѣ того, мы не можемъ знать, такъ ли распредѣлялись извѣстныя черты въ древности, какъ теперь. Издавна напр. смѣшеніе ц и ч въ рукописяхъ русскаго письма принято считать и не безъ основанія признакомъ сѣверныхъ говоровъ, для первыхъ столѣтій русской письменности, точнѣе, сѣверо-западныхъ (новгородско-псковскихъ). Хотя новая діалектологія открыла эту черту и во многихъ другихъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе во первыхъ на сѣверѣ она и теперь обычнѣе, а во вторыхъ засвидѣтельствованный актами XVI-го, XVII и послѣдующихъ вѣковъ фактъ отдѣльныхъ вольныхъ и невольныхъ переселеній крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній въ центральныя и юго-восточныя даетъ возможность понять, почему цоканье или чваканье слышится иногда въ губерніяхъ южновеликорусскихъ (Тамбовской, Пензенской, западной части

Симбирской и южной части Нижегородской); мы можемъ думать, что въ древности эта черта была присуща именно говорамъ, группировавшимся около В. Новгорода или его колоній, такъ какъ она встрѣчается именно въ памятникахъ, о которыхъ извѣстно, что они написаны въ этихъ мѣстахъ. Разбирая языкъ такого памятника, какъ мѣстная лѣтопись, переписанная во время, сравнительно близкое къ событіямъ, совершавшимся въ этой мѣстности и описаннымъ въ данной лѣтописи, мы вправѣ сравнивать извѣстныя черты языка этой лѣтописи съ чертами современныхъ народныхъ говоровъ данной мѣстности, если только нѣтъ какихъ либо указаній на то, что составитель былъ не мѣстный житель, или, что по крайней мѣрѣ послѣдній переписчикъ происходилъ изъ другой мѣстности (это напр. слѣдуетъ сказать объ Ипатской лѣтописи). Въ послѣднемъ случаѣ задача усложняется: приходится отдѣлять черты говора составителя отъ особенностей произношенія переписчика. Хорошо еще при этомъ, если въ рукописи есть какія либо внѣшнія указанія на то, кто и гдѣ писалъ ее; бо́льшею же частію изслѣдователю приходится довольствоваться указаніями внутренними, т. е. опредѣлять родину писца на основаніи чертъ правописанія и языка самой рукописи при сравненіи ихъ съ правописаніемъ и языкомъ тѣхъ рукописей, мѣсто написанія или родина писца которыхъ извѣстны. Такимъ образомъ, если всякій живой говоръ не можетъ быть признанъ чистымъ въ смыслѣ послѣдовательности проведенія фонетическихъ законовъ, а представляетъ скрещиваніе различныхъ фонетическихъ стремленій (сравните сказанное мною въ статьѣ «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукоян. у. Нижегородской губ.», стр. 5—6, или въ «Живой Старинѣ» 1894 г., II, стр. 147—148), то въ письменныхъ памятникахъ мы тѣмъ менѣе можемъ наблюдать эту послѣдовательность (я не говорю о рѣдкихъ исключеніяхъ, которыя тѣмъ болѣе поразительны; къ такимъ исключеніямъ напр. принадлежатъ Кіевскіе глаголическіе отрывки старословянскаго языка, представляющіе послѣдовательное проведеніе особенностей одного старословянскаго говора). Нашъ памятникъ не представляетъ единства, а показываетъ, особенно до 237 стран. (фототип. изд.), частыя колебанія въ правописаніи, которыя впрочемъ могутъ происходить здѣсь не столько отъ различія говоровъ, сколько отъ неумѣнья помирить правописаніе церковно-словянское, а мѣстами м. б. и южнорусское съ требованіями живого языка писца; бо́льшая послѣдовательность 3-го почерка объясняется, мнѣ кажется, тѣмъ, что писецъ былъ грамотнѣе и лучше умѣлъ примирить особенности своего языка съ особенно-

стями правописанія церковно-словянскаго. Но сравнительно съ такими памятниками, какъ Лаврентьевская и Ипатская лѣтописи, Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи занимаетъ выгодное положеніе въ томъ отношеніи, что и переписчики его говорили, повидимому, говорами той-же группы, къ которой относился говоръ составителя.

На частныя сходства и соотвѣтствія съ другими памятниками я надѣюсь указывать въ самомъ изслѣдованіи языка; а пока я долженъ ограничиться нѣкоторыми соображеніями относительно критики текста. Хотя a priori ясно, что въ настоящемъ своемъ видѣ и Синодальная рукопись, какъ и всѣ другіе лѣтописные списки, представляетъ не подлинникъ, а копію, я всетаки сознаю, что однихъ апріорныхъ заключеній недостаточно, и, пользуясь нѣкоторыми указаніями А. А. Шахматова, которому приношу за это свою глубокую благодарность, попробую сдѣлать нѣсколько соображеній, основанныхъ на сличеніи Синодальной рукописи съ другими позднѣйшими (К. А. Т., т. е. Коммиссіонной, Академической и Толстовской) по изданію Археограф. ком. 1888 г. и на нѣкоторыхъ данныхъ самой Синодальной рукописи. Уже Янишъ («Новгородская лѣтопись и ея Московскія передѣлки», Москва, 1874, стр. 60—61) указывалъ на то, что трудно допустить, чтобы не было въ древности иныхъ лѣтописныхъ сказаній новгородскаго происхожденія, кромѣ отрывочныхъ извѣстій Синодальной рукописи за многіе годы [1]). Слѣды новгородскихъ сказаній указаны имъ въ «Сильвестровой» повѣсти (битва на Кулацькѣ 1096 г.). Онъ-же замѣтилъ (стр. 24), что начало Синодальной рукописи до 1016 г. должно было представлять такое-же самостоятельное изложеніе, независимое отъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», какъ и остальное. Но Янишъ, повидимому, мало оцѣнилъ тѣ мѣста Коммиссіонной и другихъ рукописей, которыя восполняютъ Синодальную. Хотя многія изъ нихъ указываютъ на рабское заимствованіе изъ такихъ текстовъ, какъ Лаврентьевская и Ипатская лѣтописи, нѣкоторыя носятъ печать мѣстнаго и живого современнаго отношенія къ предмету и должны быть вслѣдствіе этого приписаны болѣе раннему составителю, которымъ пользовался, вѣроятно, и переписчикъ Синодальной рукописи. Эти-то мѣста всего яснѣе указываютъ на то, что Синодальная рукопись въ

[1]) Любопытно мнѣніе Сенигова («О древнѣйшемъ лѣтописн. сводѣ Великаго Новгорода», изд. Арх. ком., Спб. 1885, стр. 5), что Синод. списокъ 1-ой Новгор. л. представляетъ не отдѣльную лѣтопись, а искусственное соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, въ пользу чего онъ приводитъ данныя палеографическія, филологическія и историческія.

своемъ цѣломъ не есть дѣйствительно «первая» Новгородская лѣтопись. Таковы слѣдующія мѣста, не находящіяся въ Лавр. и Ипат.: Подъ 1044 г. въ КАТ прибавлено: «Ходи Ярославъ на Литву; а на весну же Володимиръ заложи Новгородъ и сдѣла его».

Подъ 1049 г.: «сгорѣ сѧтая Софѣя; бѣаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи. А ту стояла сѧтая Софѣя конець Пискуплѣ улицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сотъке цр҃ковь камену сѧтаго Бориса и Глѣба, надъ Волховомъ».

1050 г.: «Свершена бы҃ сѧтая Софѣя в Новѣгородѣ, повелѣниемь князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Лукы. И преставися жена Ярославля княгыни».

— 1055 г. въ КАТ: «В семъ же лѣ҃ клевета бы҃ на епископа Лукѫ отъ своего холопа Дудикы; и изиде изъ Новагорода, и иде Кыеву, и осуди митрополитъ Ефримъ, и пребы҃ тамо 3 лѣта».

— 1058 г.: «Сем же лѣ҃ арх. Лука прия свой столъ в Новѣгородѣ и свою область. Дудицѣ же холопу оскомины урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ и бѣжа в Нѣмци».

— 1060 г., кромѣ общей съ Лавр. Ип. прибавки о походѣ Изяслава, Святослава, Всеволода и Всеслава на Торковъ, въ КАТ читается еще: «Потом же ходи Изяславъ на Сосолы и дань заповѣда даяти по 2000 гривенъ; они же поручьшеся и изгнаша даньникы; на весну же пришедше, повоеваша села о Юрьевѣ, и городъ и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И изидоша противу имъ Плесковицѣ и Новгородци на сѣчю, и паде Руси 1000, а Сосолъ бещисла». Но особенно замѣчательно разночтеніе въ КАТ. сравнительно съ Синод. подъ 1193 г., гдѣ говорится (Синод. л. 52. а—б, стр. 103—104) о выборѣ владыки Мартурія: въ Синод. не говорится ничего о способѣ избранія, а въ КАТ. подробно разсказывается о выборѣ посредствомъ жребія (3-хъ жребіевъ): «иніи хотяху митрофана поставити. а друзіи мантуріа (АТ. а иніи мартуріа) а и сіи хотяху пакы (АТ. а друзіи) гричина. в нихъ пакы распря бысть немала. и ркоша къ себѣ. да сице положимъ три. жребіа. на сѣй тряпезѣ. в сѣй софѣи. і абіе положиша.... и повелѣша пѣти сѫю литургію. и по совершеніи службы и послаша с вѣца (АТ. с вѣча) слѣпца. да котораго дасть богъ.... и выняся бжіею благодатью жребій мантуриевъ».... Подъ тѣмъ-же годомъ (л. 53 а) въ Синод. сп. нѣтъ разсказа объ измѣнѣ Савки,

который читается въ КАТ.:.... «тъ бо Савица перевѣтъ держаше отай съ княземь югорьскымъ»....

Подъ 1204 г. (послѣ разсказа о греческихъ дѣлахъ) въ КТ. прибавлено: «В то же лѣто побѣдиша Олговици Литву, и избиша ихъ 7 сотъ да 1000. Того же лѣта преставися Мирошка, посадникъ Новгородчкый, пріимъши мнишькый чинъ, и положенъ бысть въ монастырѣ стаго Георгіа; и потомъ даша посадничьство Михалку Степаничю. Того же лѣта, по грѣхомъ нашимъ, изомроша конѣ в Новѣгородѣ и по селомъ, яко нѣлзѣ бяше пойти смрады никудаже. Тогда же на вербьницю пріидоша Латина подъ Царьградъ, въ бучахъ, и взяша Царьградъ на щитъ, исѣкоша Грѣцѣ; и кто ся ихъ гдѣ хоронилъ, и тѣхъ выводяще исѣкоша; а стую Софѣю всю пограбиша, и что в ней; а что манастырь силныхъ и церквій, а тыи излупиша вся; а патриархъ и игумены и игуменіа выводяще и въ ужищахъ, и взимаше злато у нихъ».

Затѣмъ въ Синод. большой пропускъ, начиная съ 1272 г. и кончая 1298 г., между тѣмъ какъ въ КАТ. подъ этими годами разсказывается о событіяхъ, относящихся прямо къ новгородской жизни, и разсказы эти должны были первоначально находиться въ Синод. рукописи или по крайней мѣрѣ въ ея подлинникѣ, такъ какъ ихъ нѣтъ ни въ Суздальской лѣтописи по спискамъ или Лаврент. или Моск. Духовн. Акад., ни тѣмъ болѣе въ Волынской лѣт. по Ипатск. сп., которыя заняты въ этотъ періодъ своими дѣлами, первая юговосточными и восточными, послѣдняя — югозападными. Также новгородскій характеръ носитъ разсказъ подъ 1331 г. въ КАТ. о ставленіи епископа Василія въ Волынской землѣ и возвращеніи его въ Новгородъ.

Однако нѣкоторыя мѣста и новгородскаго характера въ КАТ. могли быть внесены позднѣе. Таковы напр.: «правда русская» подъ 1016 г.; прибавка «купци» къ слову заморьстіи Син. (заморьскыи К, заморскіи АТ) подъ 1156 г. (Синод. л. 29 б, стр. 58, изд. 1888 г., стр. 141) и такая же прибавка подъ 1207 г. (Син. 73[а], издан. 1888 г., стр. 189), вмѣсто чего въ древнемъ текстѣ, мнѣ кажется, могло быть «гости»[1]); сказаніе объ Александрѣ Невскомъ подъ 1240 г. — Есть и между юговосточными собы-

[1]) Впрочемъ эту догадку я особенно не отстаиваю, такъ какъ и слово *купьць* встрѣчается довольно рано (напр. подъ 1137 г., Син. 18[б]), но правда, что лишь въ значеніи купца новгородскаго, а не заморскаго; въ такомъ же значеніи, повидимому, это слово и въ древнѣйшихъ новгородскихъ грамотахъ.

тіями, описываемыми къ КАТ, такія, которыхъ нѣтъ въ Лавр. и Ипат. Таковъ подъ 1203 г. разсказъ о походѣ русскихъ князей на половцевъ; правда, онъ есть въ спискахъ Радзивил. и М. Д. Акад. (см. издан. Лавр. лѣт. 1872 г., стр. 399), но въ изложеніи послѣднихъ замѣтно большое различіе сравнительно съ новгородск., и изложеніе новгородское носитъ печать большей древности, такъ что слѣдуетъ предположить болѣе древній источникъ, чѣмъ источникъ, представляемый Радзив. и М. Д. Акад. списками.

Приведенныя данныя достаточно доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ, особенно въ первой части, Синодальная рукопись предполагаетъ болѣе древній оригиналъ. Что же касается вопроса о томъ, не представляетъ ли она въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ подлинника, то рѣшить его я не считаю возможнымъ уже потому, что возможно предположить копію, вполнѣ вѣрную оригиналу. Изъ содержанія Синод. рукописи мы должны указать на тѣ части, гдѣ говорится о событіяхъ неновгородскихъ; таковы описаніе греческихъ событій подъ 1204 г. и литовскихъ подъ 1245, 1263 и 1266. О первомъ еще Терновскій («Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси», 148—149) замѣтилъ, что авторъ долженъ былъ быть русскимъ и, вѣроятно, новгородцемъ, въ чемъ нельзя съ нимъ не согласиться; какъ бы дополненіемъ къ этому разсказу служитъ приведенное выше мѣсто изъ КАТ о взятіи и разграбленіи Царьграда Латинами. Въ описаніи литовскихъ событій я вопреки мнѣнію Шахматова не вижу отличія по языку и правописанію отъ другихъ. Если въ этихъ мѣстахъ встрѣчается 2 раза **к** вмѣсто обычнаго въ 3-мъ поч. особаго **є**, то тоже **к** два раза встрѣчается и при описаніи другихъ событій. Если въ листахъ съ литовскими событіями встрѣчается рѣдкое въ 3-мъ поч. чередованіе **ц** и **ч**: **кнажици, кнажиць** 262, **родици** 279 (= КАТ. **сродници**), **подъ зижьчемь** 262, **торопець, торопчемь** 262, **торопча** 264, то то-же можно найти и въ другихъ мѣстахъ: **в торопчи** 251, **лоуготиниць** 253; я не принимаю въ разсчетъ союза **ци**, который можетъ быть вмѣсто **цѣ**, а не вмѣсто **чи** (сравн. на той-же 266 стр. **побѣти** вм. **побити**), и формъ прилагательныхъ съ суффиксомъ **—ьскъ**, въ которыхъ замѣтно и въ 3-мъ поч. частое колебаніе между **чьс** и **цьс**. Весьма возможно, что это робкое и рѣдкое чередованіе **ц** и **ч**, проявляющееся лишь въ суффиксѣ **—ьць** собственныхъ именъ и суф. отечественномъ **—ичь**, объясняется очень мягкимъ произношеніемъ звуковъ **ц** и **ч** въ такомъ положеніи, заставлявшемъ сбиваться даже такого грамотнаго и послѣдовательнаго писателя, каковымъ

былъ авторъ или переписчикъ 3-го почерка. Мнѣ кажется, что онъ не путалъ ч и ц часто лишь потому, что былъ грамотнѣе, а не потому, что былъ не новгородецъ. Разница между его отношеніемъ къ письму и отношеніемъ къ письму писцовъ 1-го и 2-го поч., мнѣ кажется, такая-же, какъ, положимъ, между письмомъ прошедшаго среднюю школу нынѣшнимъ крестьяниномъ изъ какой либо малорусской губерніи и письмомъ его односельчанина, не пошедшаго далѣе элементарной грамотности; у писца 3-го поч. видны извѣстныя опредѣленныя правила; его отступленія отъ ц. словянскаго правописанія послѣдовательны и обличаютъ сознательное отношеніе, чего нѣтъ въ хаотическомъ правописаніи писцовъ 1-го и 2-го поч. Я не хочу этимъ сказать, чтобы у послѣднихъ употребленіе извѣстныхъ буквъ отлично отъ ц. словянскаго не было знаменательно; напротивъ, оно обнаруживаетъ любопытныя фонетическія особенности; но дѣло въ томъ, что эти писцы не привыкли еще съ извѣстной буквой соединять извѣстное строго опредѣленное фонетическое значеніе.

Что̀ касается связи 2-го почерка съ Прологомъ 1262 г., предположенной И. И. Срезневскимъ, то о ней ничего не могу сказать опредѣленнаго по крайней мѣрѣ при томъ неполномъ знакомствѣ съ языкомъ Пролога, какое мнѣ удалось получить при прочтеніи изъ него нѣсколькихъ страницъ въ разныхъ мѣстахъ. Съ одной стороны небольшо́е различіе палеографическое (употребленіе въ Прологѣ точки надъ буквами) при значительномъ сходствѣ (между прочимъ и въ крестообразной титлѣ) можетъ объясняться различіемъ палеографическихъ пріемовъ оригиналовъ того и другого памятника; съ другой стороны большо́е сходство въ языкѣ: частое чередованіе ц и ч, жг вмѣсто жд, чередованіе ѣ и ѥ, причемъ преобладаніе ѥ въ формахъ тобѥ, собѥ, а ѣ въ такихъ случаяхъ, какъ горѣ (имен. един. ч. сред. р.) 14 а, 36 б, карпѣ (зват. ед.) 51 б, ъ въ союзѣ тъ, ь въ собств. имени аль҃андрии 4 а и друг., ф. 1 л. множ. ч. ѥсмѥ и нѣкоторыя другія черты, сходныя съ такими-же въ 2-мъ поч. Синод. сп. Новгор. лѣт., — можетъ объясняться близостью говоровъ различныхъ авторовъ или переписчиковъ, а не тожественностью автора или переписчика. Возможно и такое предположеніе, что рукопись Тимоѳея пономаря была оригиналомъ второй половины 2-го поч. Синод. рукописи. Вообще разрѣшеніе этихъ трудныхъ и крайне неопредѣленныхъ и неясныхъ вопросовъ я не рѣшаюсь брать на себя. Меня всегда удивляетъ смѣлость многихъ изслѣдователей, на основаніи нѣсколькихъ случайныхъ чертъ сходства языка двухъ памятниковъ рѣшающихся дѣлать

заключенія о тожествѣ ихъ авторовъ. Неужели одно и тоже выраженіе не можетъ быть сказано разными лицами? Если трудно иногда схватить различіе говоровъ двухъ деревень, то тѣмъ болѣе оттѣнки въ говорѣ двухъ лицъ изъ одной мѣстности и приблизительно одного времени; а съ другой стороны и говоръ или орѳографическіе пріемы одного лица въ разное время могутъ быть различны.

ЧАСТЬ I-я.

Изслѣдованіе фонетическихъ особенностей языка авторовъ или писцовъ синодальнаго списка.

Я уже указалъ на неоднородность языка Синодальнаго списка, вслѣдствіе которой мы не можемъ ожидать послѣдовательнаго проведенія чертъ отдѣльныхъ говоровъ въ каждой части. Трудность задачи заключается въ томъ, чтобы опредѣлить черты языка послѣднихъ переписчиковъ, не смѣшивая ихъ съ тѣмъ, что̀ было найдено ими въ оригиналѣ, и я не считаю возможнымъ рѣшить её сколько нибудь удовлетворительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что вопросъ не является вполнѣ безнадежнымъ: нѣкоторую надежду я возлагаю на то обстоятельство, что послѣдній переписчикъ при всей своей внимательности къ оригиналу не могъ удержать послѣдовательно тѣхъ особенностей его, которыя, проявляясь въ словахъ, извѣстныхъ ему изъ его собственнаго говора, слишкомъ бы расходились съ его собственнымъ ихъ произношеніемъ. Если я говорю о послѣдовательности, то разумѣю послѣдовательность лишь относительную, такъ какъ полная въ письменныхъ памятникахъ старины, какъ и въ малограмотныхъ написаніяхъ новаго времени, представляетъ «pium desiderium», а почти полная, если и встрѣчается, то въ вѐсьма немногихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, если мы въ рукописи находимъ взаимное чередованіе извѣстныхъ буквъ, то мы можемъ заключить, что въ языкѣ писца, а не только оригинала, эти буквы выражали собою звуки между собою очень близкіе, хотя, конечно, тоже могло быть и въ оригиналѣ; если чередованіе это доходитъ до полнаго смѣшенія, не поддающагося какимъ либо правиламъ, то можно думать о полномъ совпаденіи въ языкѣ писца звуковъ, выраженныхъ смѣшивающимися на письмѣ буквами, или о томъ, что самые звуки смѣшива-

ются; если же замѣна одной буквы другою замѣчается бо́льшею частію лишь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, обусловленная извѣстными фонетическими условіями, то лишь въ этихъ положеніяхъ мы можемъ предполагать близость между собою соотвѣтствующихъ звуковъ въ языкѣ писца. Вообще фонетическія особенности оригинала подъ рукою переписчика могли легче искажаться, а фонетическія особенности языка переписчика легче проявляться, чѣмъ это можно сказать о формахъ и словарѣ.

Послѣ этихъ соображеній мы можемъ приступить къ изслѣдованію фонетическихъ особенностей рукописи, причемъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ мы постараемся указать, не отражается ли въ нихъ вліяніе какихъ либо оригиналовъ или образцовъ; въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь данныя другихъ памятниковъ не только русскихъ, но и южно-словянскихъ. Но главную помощь въ оцѣнкѣ и уясненіи правописанія рукописи должны оказать намъ современные говоры; только они могутъ уяснить иногда, понимать лѝ извѣстное написаніе, какъ фактъ языка, или какъ графическое явленіе, обусловленное оригиналомъ или образцомъ.

ГЛАВА I.

О звукахъ глухихъ или ирраціональныхъ.

Съ этой фонетической особенности я начинаю свой обзоръ какъ потому, что это особенность не только общерусская, но и общесловянская, такъ и потому, что это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ фонетическихъ вопросовъ. Не смотря на довольно богатую литературу, вопросъ этотъ не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. Я позволю себѣ напомнить о главнѣйшихъ мнѣніяхъ. Одни изъ нашихъ изслѣдователей, какъ Житецкій («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», гл. 1)[1]), рѣшали этотъ вопросъ въ смыслѣ весьма ранней утраты глухихъ, какъ особыхъ звуковъ, для русскаго языка вообще еще въ XI в., т. е. съ начала русской пись-

---

[1]) За доставленіе мнѣ этой рѣдкой книги приношу благодарность прив доценту Харьковск. универс. В. И. Саввѣ, за доставленіе мнѣ экземпляра «Разбора соч. Житецкаго» А. А. Потебни секретарю 2-го Отдѣл. И. Акад. н П. К. Симони, а за пользованіе сочиненіями Огоновскаго, «Studien» котораго стали библіограф. рѣдкостью, проф. Харьк. унив. Н. Ѳ. Сумцову.

менности[1]). Другіе, особенно Ал. Аѳ. Потебня («Къ истор. звуковъ» I, 44, 48—51, «Разборъ сочин. Житецкаго», стр. 47—48, 49—52) и за нимъ Огоновскій («Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», 47, 48), напротивъ старались доказать существованіе старыхъ глухихъ звуковъ не только въ эпоху начала русской письменности, но даже *діалектически* для XIII, XIV и XV-го в.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ сѣверно-великорус. говорахъ Потебня принималъ ихъ существованіе вплоть до нашего времени («Къ исторіи зв.» I, 44). Потебня основывалъ свое доказательство главнымъ образомъ на такихъ случаяхъ, когда въ памятникахъ этихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ употребленіе чистаго гласнаго тамъ, гдѣ теперь глухой исчезъ безъ слѣда, и наоборотъ — пропускъ глухого тамъ, гдѣ теперь слышенъ чистый звукъ *о* или *е*, такъ какъ употребленія буквы, означающей чистый звукъ, не могло, по его мнѣнію, быть тамъ, гдѣ не слышалось никакого звука, а также не могло быть прежде чистаго звука тамъ, гдѣ онъ исчезъ теперь совсѣмъ, и наоборотъ. Кромѣ того, въ звучности конечныхъ согласныхъ въ малор. говорахъ онъ видѣлъ сохраненіе нѣкоторой доли конечныхъ глухихъ и до сего времени въ этихъ говорахъ. Колосовъ держался середины и, хотя во многомъ не соглашался съ А. А. Потебнею, относился отрицательно къ крайностямъ Житецкаго («Обзор звуковых и формальных особенностей народн. рус. яз.», 7—9). Умѣреннаго взгляда на этотъ вопросъ держался и проф. Соболевскій въ своихъ лекціяхъ: онъ допускалъ возможность, что въ памятникахъ второй половины XII-го в. замѣна ъ и ь черезъ о и е указываетъ «не на полное тожество, а только на значительное сходство этихъ звуковъ» (Лекціи по истор. рус. яз., 1888 г., стр. 51). Умѣренно и осторожно выражается объ этомъ проф. И. В. Ягичъ. По его мнѣнію («Критическія замѣтки по исторіи русскаго яз.», 31 стр.), «слоговое ъ уже въ XI столѣтіи очень незначительно различалось отъ обыкновеннаго о, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя описки древнихъ рукописей». Разницу между первымъ и вторымъ ъ въ словѣ **сънъ** онъ относитъ уже къ періоду IX—X вѣка, слѣдоват., хотя и не признаетъ паденія глухихъ очень древнимъ явленіемъ, но считаетъ, что глухіе очень рано стали различаться въ зависимости отъ качества слога. Ягичъ справедливо упрекнулъ проф. Соболевскаго въ томъ, что онъ не затронулъ вопроса,

[1]) Крайне отрицательно относительно глухихъ въ русскомъ языкѣ высказался и проф. Р. Ѳ. Брандтъ (см. его «Лекціи по историч. грамматикѣ русскаго яз.» Вып. I, Москва, 1892, ст. 48 и слѣд.).

было ли звуковое и слоговое значеніе глухихъ во всѣхъ положеніяхъ въ словѣ одинаково. А. А. Шахматовъ въ «Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» (стр. 182 1-го тома Сборника изслѣдованій по рус. яз.) приходитъ къ выводу, что «языкъ XIII и XIV в....., какъ онъ является въ данныхъ грамотахъ относительно древнихъ глухихъ находится въ такомъ же положеніи, какъ современныя русскія нарѣчія, а именно всѣ прарусскія неслоговыя ъ и ь исчезли (исключая случаевъ, гдѣ ихъ задерживала группа согласныхъ), всѣ прарусскія слоговыя ъ и ь перешли въ о и е». Менѣе рѣшительно и болѣе справедливо отнесся къ этому вопросу Шахматовъ въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики» (стр. 30—31); здѣсь уже допускается сохраненіе глухихъ звуковъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ для довольно поздняго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ опять дѣлается различіе между слоговыми и неслоговыми ъ и ь. Хотя и Потебня[1]) уже обращалъ вниманіе на отдѣльныя положенія въ словѣ, но наиболѣе опредѣленно поставленъ этотъ вопросъ Ягичемъ и Шахматовымъ. Особенно важно дѣлаемое ими различеніе «слоговыхъ» и «неслоговыхъ» ъ и ь (термины, кажется, принадлежащіе проф. Фортунатову). Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно сказать, что глухіе удерживались въ такихъ-то говорахъ въ такихъ-то положеніяхъ, а слѣдуетъ еще опредѣлить, удерживались ли эти звуки въ качествѣ слоговыхъ, полуслоговыхъ, или вообще неслоговыхъ. Акустически эти звуки мы называемъ *глухими*, т. е. неясными, неопредѣленными; физіологически же ихъ можно назвать *ирраціональными* (терминъ проф. Фортунатова), т. е. не поддающимися измѣренію или опредѣленію. Собственно *ирраціональность*, являющаяся причиною неясности звука въ акустическомъ отношеніи, можетъ быть принадлежностью различныхъ гласныхъ звуковъ при отсутствіи на нихъ ударенія, а потому, если мы говоримъ о существованіи ирраціональныхъ или глухихъ звуковъ ъ и ь, не прибавляя ничего къ этому опредѣленію, мы говоримъ очень мало; это только одна половина вопроса, другая половина котораго заключается въ

---

[1]) Въ разсужденіи А. А. Потебни особенно важно указаніе на постепенность измѣненія глухихъ, первоначально тожественныхъ въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ, въ двѣ противоположныя стороны: «Предполагаю, что въ моментъ, который можно принять за исходный, оба ъ въ съ-нъ были одинаковы. Потомъ началось ихъ различеніе: первое пошло по направленію къ чистому о, второе къ уничтоженію. До полнаго уничтоженія однако дѣло не дошло и теперь, если взять во вниманіе, что свойственное многимъ м. р. говорамъ удержаніе *л* въ *дiл* и т. п.... и сохраненіе разницы между конечн. звучн. и отзвучн. невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухого звука»... (Къ исторіи звук. I, 51).

опредѣленіи, къ какому именно разряду гласныхъ относится каждый изъ этихъ глухихъ: хотя всѣ словянскія нарѣчія предполагаютъ существованіе ирраціональныхъ звуковъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они выработались еще въ общесловянскую эпоху, но въ каждомъ изъ нихъ эти звуки искони носили свой особый характеръ, причемъ различіе это видоизмѣнялось не только по говорамъ, но и по эпохамъ. Тонкіе оттѣнки произношенія, склонность то къ той, то къ иной категоріи чистыхъ гласныхъ, могутъ наблюдаться даже внутри одной группы ближайше родственныхъ говоровъ; таково разнообразіе произношенія рефлексовъ старыхъ глухихъ въ группѣ говоровъ болгарскихъ или напр. словѣнскихъ; на такое-же разнообразіе въ старословянскихъ говорахъ указываетъ различіе правописанія отдѣльныхъ старословянскихъ памятниковъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о глухихъ звукахъ весьма важенъ принципъ *діалектическій*, который былъ выдвинутъ еще А. А. Потебнею. Хотя древнерусскіе памятники и современные русскіе говоры единогласно говорятъ въ пользу того, что всѣ русскіе говоры искони объединяло стремленіе замѣнять слогов. *ъ* черезъ *о*, а слогов. *ь* черезъ *е*[1]), но мы всетаки можемъ сомнѣваться, вездѣ ли и при всѣхъ ли фонетическихъ условіяхъ было такъ: на это указываютъ діалектическія отступленія въ конечныхъ и нѣкоторыхъ другихъ слогахъ (срв. 4-ю главу «Изслѣдованій въ обл. рус. фонет.» Шахматова). Во всякомъ случаѣ въ діалектахъ въ разное время была различная степень приближенія слогов. *ъ* и *ь* къ *о* и *е*, а при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ могли развиваться и иные звуки. Послѣ этихъ соображеній мы можемъ приступить къ оцѣнкѣ данныхъ Синодальной рукописи. Сначала я займусь лишь тѣми случаями, гдѣ глухіе стоятъ не въ группахъ послѣ согласныхъ передъ плавнымъ, за которымъ слѣдуетъ согласный; судьба же глухихъ въ этихъ группахъ составитъ предметъ одной изъ слѣдующихъ главъ. Въ части, написанной 1-мъ почеркомъ, мы находимъ правильно ъ въ корняхъ слѣдующихъ словъ: **къноукъ** 14 разъ (23, 39, 62, 74, 75 стр. и др.), извъноу 57, гътѣхъ 97. 7 (но **съ готъ** 25)[2]), дъжгь,—емь,—ждева 5 разъ (45, 46, 49, 63 стр.), дънѣ-

[1]) Для времени предшествующаго письменности, однако, кажется, слѣдуетъ сдѣлать иной выводъ, къ которому пришелъ г. Микколя на основаніи произношенія заимствованныхъ русскихъ словъ въ западно-финскихъ говорахъ (Beruhrungen zwischen den westfinnischen und slav. Sprachen, 41—42, за эту книгу приношу благодарность проф. Л. Ю. Шепелевичу), а именно, что *ъ* означало въ прарус. яз. звукъ подобный *и*, а *ь* по крайней мѣрѣ въ сѣв. говорахъ—звукъ, подобный *і*.

[2]) Срв. греч. Γύθωνες; относит. этого слова см. замѣтку объ имени *гъданьскъ и т. п.

пра 1. 16 (при дьнѣ-прь 1. 2—3)[1]), дъци, дъчерь 4 р. (15, 79, 98, 117), зълъ 106 стр. (но зла, зло, зли, злобъı 12 разъ), на къземли 8 стр. (собств. имя неяснаго происхожденія)[2]), къметьства 95 (сравн. литов. *kùmetis*), къ-назь 85. 2—3,—ѧ 111. 14—15 (съ ъ только 2 раза и оба при переносѣ, но безъ ъ много разъ), мъ-ного 50. 10—11, мъ-ножьство 60. 9—10 (съ ъ только эти два случая при переносѣ, но много съ производными 29 разъ), мъχъ 23 стр., постоянно союзъ нъ (27 разъ), названіе города снъвьска 7. 11, правильно и въ собств. имени съжицахъ 9 (срв. въ Лавр. сп. подъ 1078 г. л. 9 на съжю, гдѣ въ А. сп. XV в. сжю, также Лавр. съжицѣ 133[6], Ипат. съ-жици 146[a]. 5—6, см. свѣтопеч. изд.), съл(-омь, — ѧ, — ы 30, 97, 68) 3 раза (но безъ ъ 33 раза: слъı, сла, слаша), съмахоу (преходящ. глаг. * съмѣти) 107 (здѣсь ъ, хотя этимологически не оправдываемое, встрѣчается уже въ старослов. памятн., напр. въ Зограф. Еван.; см. Jagić'a «Studien über das altslov.-glagol. Zograph.—Evang.» стр. 28, «Archiv f. sl. Phil.» B. I), сътьскии 116. 18, съцьскаго 111. 9 (но сочь-скаго 19. 2—3 при переносѣ; сте, стехъ, ста 45, 87, 95, безъ ъ 3 раза), послѣдовательно нарѣчіе тъгда 24 раза; кромѣ того, послѣ плавныхъ: плътьницьнаго 29. 6, въ плътьнїкихъ 117 (но плотници 1. 1—замѣчательно именно потому, что ъ измѣнилось въ о при исчезновеніи ь въ слѣдующемъ слогѣ (первоначальность ъ здѣсь оправдывается чешск. формой *plt* и польск. *płet*), дръва 45 (1 р.), кръви 5 разъ (37, 56, 86, 114, 121), ръжи 4 р. (22, 23, 73, 97 стр.). Во 2-мъ поч: (из)бъчькъ 130, бъчькъı 136 (но 1 р. бочкоу 129; опять замѣчательно, что ъ обратилось въ о при исчезновеніи ь слѣдующ. слога); въ-ноукъ

по поводу статьи Lohmeyer'a на стр. 300 т. VI «Archiv f. slavische Philologie», также ст. Perwolf'a «Slavische Volkernamen» (ibid. VII, вып. 4, стр. 611—612).

[1]) Въ пользу гласнаго зв. между д и н говоритъ лат. danaprіs (см. Lexic. Palaeoslov. Миклошича). Въ Лаврент. лѣт. днѣпръ (безъ ъ или ь). Форма съ ь извѣстна также въ Супрасл. Сборн.: въ странахъ рѣкъı Дьнапра (Миклош. 420—421).

[2]) Названіе ручья въ Новгородѣ (см. указат. географ. къ издан. 1888 г.); въ спискѣ Арх. ком. XV в. встрѣч.; до Гзена подъ 1391, до Гзени 1414 г., на Гзенѣ 1424 г. Въ Архив. сп. XVI—XVII в. Новгород. 2-ой л. подъ 1424 г.: на гзени, причемъ к, очевидно, описка вмѣсто ъ, которое подъ тѣмъ-же годомъ въ спискѣ Арх. ком. XV в. (продолжен. Новгор. 1-ой лѣтоп.); кромѣ того, въ «Лѣтоп. новгор. церкв. божіимъ» встрѣч.: до Кзени (1391 г. и 1414 г.), на Кзени (1424 г.) (см. издан Новгородскихъ лѣтописей Арх. ком. 1879 г. стр. 51, 247, 255, 267 и указат. географ.). Такимъ образомъ мы находимъ переходныя формы отъ къзе(мль) до гзе(нь): послѣ того, какъ ъ потеряло здѣсь слогов. характеръ, к подъ вліян. звучн. з измѣнилось въ г. Хотя «Лѣтописецъ новг. ц. бож.» поздняго происхожденія (конца XVII в., а списки его част. конца XVII-го, част. XVIII в.), но источники его могли быть ранніе. Измѣненіе мль въ нь, мож. быть, нефонетическое.

159. 19-20 (при переносѣ) и вънoукъ,—л 153, 158, 159. 6 (3 раза не при переносѣ) всего 4 раза съ ъ, но 6 разъ вноукъ безъ ъ; вънль 163 и въ-пль 198. 9-10—2 раза; вънѣ 141 (2 раза); вътopнй 165 (но второк 194); дъжгь дъжгево (210, 125) 2 раза (только съ ъ); подъле 149; дънепрь 159 (1 разъ, но безъ ъ 5 разъ); дъщкы 149, на дъщькахъ 148, дъскы 197; издъхоша 171; дъчерь 163, дъчери 227, дъцерь 172; къгда 155, 180; къ-де 1 разъ только при переносѣ (165. 15—16), но 7 р. безъ ъ (кдѣ); къ-наже 170. 1—2, къ-наза 232. 10—11, къ-назю 235—236 только при переносѣ (3 раза) (но безъ ъ это слово съ производными встрѣчается 42 р., кромѣ тѣхъ случаевъ, когда подъ титлами); къ-то 215. 13—14 только 1 р. при переносѣ (но кто 19 разъ); промъкла 207 (замкы 131); мъхъ 226 (и 1 р. мохъ 162); мъ-ного 170. 19—20, 229. 9—10 (только при переносѣ—2 р., но безъ ъ—47 р.: много, мнози, множьство и т. п.); союзъ нъ 38 разъ (безъ исключенія); бръ-не 137. 10—11, бръне 185, брънахъ 180. 3 (всего 3 раза)[1]); кръ-ви 169. 15—16, кръви 200, кръвопролитїѧ,—ии 213 (2 р.), кръвь 192—всего 5 разъ; въ .ѣ. сътъ. 167. 1 (только 1 разъ; напротивъ съ о 2 раза: ꙗ. сотъ 127, сочьскаго 169, и 2 р. безъ ъ: въ ѧ. хъ стѣхъ 182, по стомъ 223); тъгда 36 разъ (то-гда только 1 р. при переносѣ 188. 7—8); потъпташа 196 (при пропускѣ ъ между п и т въ слѣдующемъ слогѣ); тъ-ска 227. 16—17 при переносѣ.

Постоянно безъ ъ въ 1-омъ поч: двѣ, двема 72, 97; одва 21; кде 114, негде 52; нѣгли 37; кто 11, 36, 118; въ собств. имени ршн 7 (1 разъ, тоже и Лаврент. подъ тѣмъ-же 1067 г.; это названіе селенія недалеко отъ Смоленска, вѣроятно,=нынѣшн. *Орша* въ Могилевской губ.; между р и ш необходимо предположить первоначально ъ)[2]); въ глагольныхъ корняхъ:—гна—14 разъ, зва—14 р., сългаша 38 стр., спѧцю 77, оуспениѥ 95, 97, 118. Безъ ъ во 2-мъ поч.: дна 129(gen. sg.=fundi, но еще подъ сомнѣніемъ, что̀ здѣсь пропущено, ъ, или ь, такъ какъ при формахъ съ ъ въ этомъ словѣ, какъ и въ словѣ дъбрь (напр. въ Остром. Ев. при Ф. дьбрь Зогр.), извѣстны варіанты съ ь въ старослов. памятникахъ и съ *е* изъ ъ въ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ); двѣ 156, два 169, 171, 174, 235; глаг.-гна 13 р.;—зва 11 р.; зло, злии и т. п. 32 р.; сълга, лжа и

---

[1]) Срв. д. вр. нѣм. *brunja*, гот. *brunjo* (Miklos. Lexicon pal.)—слово заимствован.; въ чешск. *brně* (Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého, стр. 67).

[2]) Прибавка о въ началѣ подобна такой-же прибавкѣ въ прилаг. *оржанóй*, *аржанóй*, при существ. *рожь* (изъ *ржь*).

т. п. 4 р.; **книгы** 191; въ мѣстоим. личн. 1-го л. **мнѣ, мною** 8 р.; **мнихъ** только 1 р. на 132 стр. (сравн. нѣм. *Mönch*, восходящее къ греч. μονικός); **ржи** 4 раза (162, 208, 221, 227) и 1 р. **рожь** 226; постоянно въ корнѣ глагола—**сла**—(59 разъ).

Въ предлогахъ, въ сложеніи ихъ съ именами и глаголами, б. ч. правильно удерживается **ъ** въ обоихъ почеркахъ; случаевъ замѣны **ъ** черезъ **о** здѣсь не находимъ, хотя пропуски глухого нерѣдки. Во 2-мъ поч. на 317 разъ **въ** и **въз**— или **вс**— только 37 р. **в-**, **вс-**(**вз-**), на 236 р. **съ**— 90 р. **с-**, на 71 р. **къ**—16 **к-**, такъ что всего рѣже пропускается **ъ** въ предлогахъ **въ** и **въз-**, всего чаще—въ предлогѣ **съ**, причемъ нѣкоторыя слова и формы исключительно пишутся безъ **ъ** въ обоихъ поч.: **сборъ** 4 раза въ 1-омъ п. и только при переносѣ **съ-боръ** 72. 15—16, во 2-мъ п. 4 раза только безъ **ъ**; **створи** и т. п. 6 р. въ 1-омъ п., 27 р. во 2-мъ п. и только 1 р. **съ-твориса** 198. 11—12 (при переносѣ), **скровища** 148. Предлоги **надъ, подъ, прѣдъ** б. ч. сохраняютъ конечное **ъ**; **безъ** и **изъ** б. ч. теряютъ конечное **ъ** подобно **въз(ъ)**; они и въ старословянскихъ памятникахъ обыкновенно пишутся безъ **ъ**, при чемъ согласн. **з** часто выпадаетъ, ассимилируясь со слѣдующимъ согласнымъ глагола или имени (срв. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, 2 Aufl., § 35) (у насъ таковы случаи передъ слѣд. **з**: безнатбе 45, **изморита** 228, **исѣкше** 206 и др.); въ старослов. въ нѣкоторыхъ случаяхъ, м. б., можно предположить и простые предлоги **бе-** и **и-**, соотвѣтствующіе литовскимъ *be-* и *isz-*, какъ варіанты при распространенныхъ помощію прибавки **зъ**, заключающейся также напр. и въ формѣ мѣстоименія личнаго **азъ, язъ**[1]), формахъ **безъ, изъ**, при проклитическомъ употребленіи вторично теряющихъ конечное **ъ** (срв. также статью Kirste въ «Archiv für slav. Philologie» VIII, стр. 395—398).

Любопытное явленіе представляетъ соединеніе предлоговъ **въз-, из-, от-** съ глагольными корнями, начинающимися съ мягкаго гласнаго; здѣсь нерѣдко замѣтно непосредственное соединеніе согласныхъ **з** и **т** съ слѣдующ. гласн. глагола, повидимому, безъ слѣда утраченнаго **ъ**: **отѧ-** 29, 62, 74, 85, 98, **отьмъше** 48, **изьмаша** 64, 68 при **изма-** 31, 73, 115, 146, 150, 165, 167, 232 (съ пропускомъ начальнаго глагольнаго неслогов. **ь**), **изьмъше** 178, **възьма** 115, 156, **възьмъше** 120 (съ пропуск. **ь**: **въ-зми** 164. 16—17), **изискаша** 148, **изицю** 163, **изѣдати** 162 и нѣкот. друг.

[1]) См «Разборъ сочиненія А. В. Попова: синтаксическія изслѣдованія»... Ф. Фортунатова въ Отчетѣ о двадцать-шестомъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 16—17.

Едва ли вѣрно, какъ я думалъ раньше, замѣчаніе П. А. Лавровскаго («О яз. сѣв. русск. лѣтописей», стр. 43), что такой способъ сложенія долженъ быть приписанъ вліянію яз. ц. словянскаго, въ которомъ онъ дѣйствительно, кажется, употреблялся исключительно въ противоположность нашимъ **изъкѫша** 155, **съидошася** 181, **ѿаша** 173, 182, 190, 261, 306, 314, 333 и т. п. и употребительнымъ въ грамотахъ **ѿяти** 1265 г., **ѿймъ** 1270, **ѿймати** ibid. (Смирновъ, Сборникъ др. русск. памятн., № 31, 32, Шахм. № 2 и 3), **отонмалъ** 1389 г. при **отъиметь** и **отъиметъ**, **отойметься** москов. 1389[2], **изойдеть** новгор. 1431 г. и проч. (Сборн. госуд. гр. I), а также современнымъ великорусскимъ *отойму́*, *отойду́*, малорус. *одійду* и т. п., польск. *odejmować*, чешск. *odejmati* и т. п.; дѣло въ томъ, что и въ языкѣ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ есть слѣды соединенія, свойственнаго древнѣйшимъ старословянск. памятникамъ: въ Юрьев. грам. 1130 г. **ѿтимаѥть**, и только что приведенные примѣры иного способа изъ новыхъ говоровъ, восходящіе приблизительно къ XII—XIII столѣт., могутъ объясняться аналогіей тѣхъ случаевъ, когда разбираемые предлоги соединялись съ глаголами, начинавшимися съ согласнаго звука (исключая тѣхъ согласныхъ, съ которыми конечный соглас. предлога могъ ассимилироваться).

Изъ суффиксальныхъ слоговъ, конечно, постоянно соблюдается **ъ** въ концѣ словъ, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, бо́льш. част. въ концѣ строки или страницы, а также при тѣсномъ соединеніи двухъ словъ, но и въ этихъ случаяхъ напр. новъгородъ б. ч. пишется съ **ъ** послѣ **в**, хотя нерѣдки и пропуски этого **ъ**. Пропускается **ъ** обыкновенно тогда, когда образуются производныя слова **нов(ъ)городьци**, **нов(ъ)городьскыи** и т. п. Хотя въ первомъ поч. при частыхъ пропускахъ **ъ** удерживается всетаки въ значительномъ количествѣ случаевъ и въ производныхъ, такъ что я позволю себя освободить отъ счета всѣхъ примѣровъ, во 2-мъ поч. статистика случаевъ привела меня къ слѣдующему результату: на 36 разъ **новъгородъ** только 7 р. **новгородъ**, но на 127 р. **новгород(ь)ци** и **новгород(ь)скыи** и т. п. только 9 р. **новъгород(ь)ци и-скыи**, изъ которыхъ 5 р. при переносѣ. Замѣна черезъ **о** конечнаго **ъ** наблюдается въ немногихъ примѣрахъ. Сюда относится Ф. имен. винит. собств. имени **вълхово** 79,**волхово** 28, 45, 46, 96 въ 1-омъ и **вълхово** 212, 228, **во**—220 во 2-мъ поч. Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести Ф. прилагат. въ слѣд. примѣрѣ: приведе полонъ въ роусьску землю. толь силь-но ако и числа не баше 69. 16—17—18

(при переносѣ); правда, о здѣсь слилось въ черное пятно, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что это не ъ, а можетъ быть прочитано только или какъ о или какъ ѳ; послѣднее было бы вдвойнѣ интересно, но кажется, придется согласиться съ издателями 1888 г., что это о. Кромѣ того, о находимъ въ односложныхъ мѣстоименіяхъ, особенно при тѣсномъ соединеніи ихъ съ частицами или удвоеніи. Кажется, напр., нужно понять то какъ тъ въ слѣд. двухъ примѣрахъ: послаша по гюргА по кнѯзА соуждалю. и не иде нъ посла снъ свои ростислА оже то и прѣ бѣлъ 43 (хотя возможно въ то видѣть и частицу[1]), понимая оже-то въ значеніи «такъ какъ»), да кого намъ прислеть то | нашь влдка 184. 13—14 (опять возможно въ то видѣть частицу)[2]). При удвоеніи является тотъ 217. 1, хотя о здѣсь объясняютъ иногда вліяніемъ Ф. косвенныхъ падежей. Затѣмъ во 2-мъ поч. 3 раза встрѣчается Ф. кождо 178, 198 или—жь-до 193. 16—17.

Изъ другихъ суффиксальныхъ слоговъ ъ удерживается всего охотнѣе въ причастіи прош врем. передъ ш, такъ что въ 1-омъ поч. на 45 р. только 3 р. безъ ъ (одинъ изъ нихъ створше 30, впрочемъ, сюда не идетъ, такъ какъ здѣсь пропущено ь, а не ъ; любопытно то, что примѣръ этотъ п. словянскій, книжный), а во 2-мъ на 59 случаевъ съ ъ только 10 безъ ъ. Замѣчательно, что въ этомъ суф. глухое произношеніе удерживалось діалектически до нашего времени: Потебня (Къ истор. звук., 36) приводилъ жимы́ши бымы́ши (Можайск. у. Москов. губ.), хотя не изъ живого говора, а изъ пѣсни. Замѣна ъ черезъ о встрѣчается въ слѣд.: а иванка после имъ | оуби водовикъ ввьргошь | въ волхово 220. 21; но сомнительно, какъ читать это вѣвьргошь, такъ ли, какъ понялъ П. А. Лавровскій («О яз. сѣв. русск. лѣтописей», стр. 70, примѣч.), т. е. какъ Ф. вин. ед. ч. причаст. прош.[3]) вмѣсто формы имен. ед. ч., или какъ дѣепричастную форму

---

[1]) Сравните союзъ оже то въ слѣд: разгнѣва—сА на тъ· оже то грабили дань—слава. и ноздрьчю. 18—19. 1. Употребленіе частицы то при относит. мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ или союзахъ весьма обычно. Напр. въ новгород. грам. 1264—1265 г. (изд. Шахматова, № 1, стр. 237). «на семь кнѯже цѣлоуи ѯъ.... на цѣмь то цѣловали дѣди».... (срв. ibid. №№ 2 и 3, стр. 239, 241). Въ грам. Рижанъ къ Витебск. кн. 1300 г.: «и то намъ поведали со великою жалоубою... как то еси товаръ оу нихъ ѳылъ»... (А. Смирновъ, Сборникъ др. рус. памятниковъ..., 44 ст.). Срв болгар. *кой-то, дъ-то* и т. п. (Словарь Дювернуа) и общеслов образованія къ-то, чь-то Союзъ ожето можно срв. съ чешск. *ještě to.*

[2]) Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что здѣсь то стоитъ въ концѣ строки (поводъ къ отступленіямъ).

[3]) Ф. вин. ед. причаст. прош. въ своемъ собств. значеніи встрѣчается на стр. 170: оузрѣ ѡрослаль полкъ побѣгъшь гюрги...

въвьргъше (=первонач. Ф. имен. множ. муж. р.), въ которой **ъ** замѣнено черезъ **о**, а **е** чрезъ **ь**, или какъ **въвьргоша** (3 л. мн. ч. аор.), относя къ приверженцамъ Водовика, какъ предшествующее **по҃ꙋша** (т. е. **поустиша**) ib., а примѣры подобнаго сокращенія окончанія 3 л. мн. ч. аориста мы имѣемъ во **възмашь** 142. 16, 197. 9 и **послашь** 162. 1 (сравн. **бъшь** въ грам. около 1300 г.), м. б., черезъ посредство формъ—**ше** (такая перегласовка **ша** въ **ше**, по свидѣтельству Соболевскаго въ «Очеркахъ изъ истор. рус. яз.» 126, обычна въ псковскихъ памятникахъ XIV-го в.). Затѣмъ довольно правильно употребляется **ъ** въ именномъ суф. **ъкъ-** словъ женскаго рода: **любъвь**,—**ю** 5 разъ въ 1-ой ч. (первая Ф. 1 р. на стр. 100, вторая 4 р. на стр. 47, 49, 93, 104), но при этомъ 2 раза **любовью** 56, 65; **любъвь** 3 р. во 2-мъ п. (164, 186. 10, 15), 1 р. **любъвью** 168, 1 р. **любъвницехъ** 215—всего въ этомъ словѣ съ производными во 2-мъ поч. 5 разъ; **дорогъвь** 2 р. въ 1-ой ч. (73, 97), но **доро-говь** 208. 6—7 во 2-й ч. при переносѣ; **цр҃къвии** 107 род. мн. только одинъ разъ съ **ъ** въ 1-ой ч., остальные примѣры въ обѣихъ частяхъ относятся къ Ф. винит. п. ед. ч. и всѣ имѣютъ **о**: **цр҃ко-вь** 12. 16—17, 91. 16—17, 113, 122, 126, 144. 11—12, **ць-рковь** 90. 2—3, **црь-ковь** 112. 7—8, только 1 разъ не при переносѣ **цьрковь** 101, всего съ **о** 9 разъ въ обѣихъ частяхъ, но изъ нихъ по крайней мѣрѣ шести нельзя придавать большóго значенія, такъ какъ въ нихъ переносъ на другую строку приходится какъ разъ послѣ этого суффиксальнаго **о**. Въ суф. **ъкъ**—также довольно часто соблюдается **ъ**: **городъкъ** 38 (им. ед.), 50 (род. мн.); **избытъкъ** 108; **глѣбъка** 37; **микоулъцица** 41, **-ѵ-лъ-** 30. 16—17 (переносъ послѣ **ѵ**),—**ю** 32, 48 (всего 4 р.); **радъко** 90; **осминъка** 23, **-ьнъ-** 38; **савъкине** 106; **ѥнъка** 10; **кротъкоу** 110; **хревъкове** 107; **иванъ-кови** 76. 6—7 (переносъ послѣ **ъ**); **ѥблъковъ** 60. 2 (особый случай: къ старой основѣ на *l*, вѣроятно, имѣвшей передъ *l* иррацiональный гласный=наш. **ъ** или **ь**, прибавленъ суффиксъ **ъкъ** [1]), а группа $\overset{\circ}{\underset{\circ}{}}$*лгк* еще въ общесловянскую эпоху упростилась въ *лк*)—всего 17 разъ въ 1-ой ч., но безъ **ъ** также нерѣдко: **вс(ѣ)(е)володка** 34, 40, **-дкомь** 39, **иванко** 79, **-нка**, **-нкоу**, **-нковицю** 29, 30, 49, 75, 105, 111, 114 (2 р.), 115, **кадкоу** 63, **осминка** 22,

[1]) Сравн литов. *obelìs*, нѣм. *Apfel*—съ гласн. передъ *l* (также лотыш. *âbols*, др. в. н. *aphul* и др., см. Miklos. Lexicon palaeoslov.). Но важно то, что предполагаемая здѣсь группа **ълък** (или **ълък**) въ общесловянскую эпоху уже должна была вполнѣ слиться съ такими случаями, гдѣ сочетаніе **лъ**+cons. является въ корнѣ, т. е. гдѣ передъ плавнымъ не предполагается глухого, каковы напр. **клъхъ**, **плътъ**, **плътъ** и т. п.; сравн. серб. *jа̏бука* съ *бу̏ха* (В. Караджк. Срп. рjечник).

останкоу 105—16 разъ, а если присоединить Михалко 76, 78, 79, -омь 78, 121, Василко 11, въ которыхъ, особенно въ послѣднемъ, предполагается скорѣе ь, то примѣровъ безъ глухого въ этомъ суффиксѣ окажется больше. Во 2-ой ч.: иванъ-ка 172. 17—18, -коу 186. 17—18 (при переносѣ), —ковица 159—160, крѣпъ-ко 186. 6—7, коу-бъковъ 140. 2—3, кротъкъ 225, льгъко 201, останъке 162. 14,—ъ-ке 162. 17—18 (переносъ), -ъкъ 222, патъкъ 136, -ѣ 218, придатъкъ 210; но чаще съ пропускомъ ъ въ тѣхъ слогахъ, гдѣ по фонетическимъ условіямъ онъ долженъ былъ стать неслоговымъ (т. е. передъ слогами съ чистыми гласными): блоуткиница 220 (собств. имя отеч.), влоунко-вица 220 (хотя переносъ, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ пропущенъ ъ)[1]), дѣвкы 193, иванка 172, 187, 200 (2 р.), 204, 216, 218, 220 (3 р.), -ке 220. 4, -комь 207, -коу 216, -ковица 173 (2 р.), 162, 200, о иванцѣ 200[3]), кротка 211, 225, крѣпко 230, в лодкахъ 205, лодкы 206 (2 р.), михаилка 217, михалка[2]) 143, мі—оу 127, -овица 161, -овицю 149, -ць 144, мйлковй 173, радка 200, паробчи[3]) 220, тудорковица 218, санкахъ[4]) 186. Любопытно сохраненіе ъ въ твор. и мѣстн. п. множ. ч. основы на ъ (й): пелъми 23, въ домъхъ 107. Напротивъ, суффиксъ творит. пад. ед. ч. словъ муж. р. на ъ (первонач. основъ на о и ъ=й) въ подавляющемъ большинствѣ 57 случаевъ пишется черезъ омь при 5 лишь случаяхъ ъмь въ 1-ой ч.: археѣпъмь 32, городъмь 76, мртъмь 116, смородъмь 24, ꙗрославъмь 111; во 2-ой же ч. на 71 примѣръ -ом- ниодного раза ъмь; кромѣ того, много примѣровъ сокращенныхъ, подъ титлами. Слѣдуетъ отмѣтить еще употребленіе ъ одинъ разъ въ сложномъ суффиксѣ -гъда (при переносѣ во 2-омъ поч.), въ которомъ обыкновенно пропускается ъ и въ древнѣйшихъ памятн. старослов.: тъгъ-да 195. 4—5 (примѣръ этотъ засчитанъ въ число 36 случаевъ тъгда во 2-омъ поч.).

---

1) Но основаніи Ф. влоуньковичь 248 въ 3-ей ч. вѣрнѣе, впрочемъ, видѣть здѣсь пропускъ ь, а не ъ, т. е. суф.-ьк-, а не -ък. Происхожденіе этого имени для меня неясно.

2) При существованіи формы Михалько 144, Михаль 229 и т. п. здѣсь, какъ и въ василко 199 (сравн. и въ 1-омъ поч.), позволительно и вѣрнѣе видѣть пропускъ ь, а не ъ; тоже относится и къ производнымъ отечественнымъ.

3) Здѣсь возможно видѣть пропускъ ь, происшедшаго изъ ъ по закону гармоніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ (ц и ч вм. ц); сравн. малорус. *русальчин* прилаг. при сущ. въ имен. ед. *русалка* и т. п.

4) Въ этомъ уменьшит. отъ сани предполагается ъ такъ-же, какъ въ *лодъка при *лодь или лодья, въ *кадъка при кадь, *клѣтъка при клѣть и мн. др. Но м. б., здѣсь первоначальнѣе ь?

Укажу еще на неорганическое ъ, въ иностранныхъ словахъ: генъврѧ 25, генъварѧ 26, 30, моръдва 12, панъкратиѩ 109, при переносѣ касъ-пле 120. 16—17 (названіе рѣки). Эти случаи подобны примѣрамъ александра, онъдрѣевича въ Новгород. грамотахъ (см. у Шахматова въ «Изслѣд. о яз. Новгор. гр.», стр. 143, 263, 269).

Для 3-го почерка является почти правиломъ пропускъ неслогового ъ и замѣна черезъ о слогового ъ и въ коренныхъ слогахъ и въ суффиксальныхъ. Такимъ образомъ находимъ съ о вм. ъ: вонъ 266, 287, золъ 266, 270, 274, кровь 237, 258, 264, 275, 280, 282, 283, 292,— и 294, — опролитець 245;—опролитиѩ 269, 299,—ю 237, 250, въ плотникѣхъ 331, оуповаємъ 260, сноха 246, посольствомь 272, постоянно союзъ но 238, 242, 245, 250, 252 и проч. (25 разъ), тогда 242, 243, 245 и пр. (21 р.).

Въ конечномъ слогѣ односложнаго мѣстоименія, какъ и во 2-ой ч., при тѣсномъ соединеніи съ частицей: кождо 240; также въ конечномъ слогѣ собств. имени: изборьско 254 рядомъ съ изборьскъ ib. Въ суф. ък(ъ) и -ъкъ- замѣняется первое ъ черезъ о, если за к или в не слѣдуетъ чистаго гласнаго: избытокъ 262, останокъ 263, 318, пасынокъ 260, патѣ 279; литовьск(оую) 272, 283, -(ого) 281, 283 (срв. польск. *litewski*) отъ существ. *литъва (срв. литов. lietuvà) (к литвѣ 279, 280, литъы 283). Тоже въ предлогахъ, если за ними слѣдуетъ стеченіе согласныхъ, бо́льшею частію какъ слѣдствіе исчезновенія глухихъ, или неслоговое *и* (*i*): во всемь 241, во всѧкомь 241, во имѧ 281, вослаша 308, во тферь 280, 307, 314, 321, — и 328, во тъ годъ 244, котфери 321, со въстока 240, со лживъмь 272, со тфери 316, 321, 324, совъкоупи 315 при совкоупи 240, 294, соідесѧ 319, соімѧ 282 и проч.; также на листахъ 335—337, написанныхъ иными почерками:: во орѣховѣ 336, изо пскова 336, ко сѣму 337, со крѣты 337. Наоборотъ «неслоговое» ъ пропускается не только въ такихъ случаяхъ, какъ кдѣ 269, 303, 321, кто 271 и др., много 238, 244, 254, 264, 272 и др., мнѣ (дат. ед. мѣст. л.) 250, въ которыхъ и точные относительно ъ и ь памятники дѣлаютъ пропуски, но и зла 238, 254, 270, 273, 317, 321 и др., дѣѣ 260 и проч.; въ суф.—ъш-: вземшємъ 245, вземше 275, оубоѩвшесѧ 274; въ суф. -ък-: городкоу 323, іванко 248, останкы 264 (только 1 разъ съ ъ: данилъ-ко 320. 9—10); въ конечномъ слогѣ при тѣсномъ соединеніи со слѣдующимъ словомъ: оньже 281, покаємсѧ 250, возвратимсѧ 245, 290 и т. п.; въ предлогахъ, примыкающихъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣд. имени или глаголу: съ востока 240 (въ данномъ случаѣ возможно и то, что предлогъ вс изъ въз-, кото-

рое изъ болѣе древняго, предшествующаго даже времени написанія древнѣйшихъ старослов. памятниковъ, *възъ, въ слоговомъ отношеніи примыкалъ къ предшествующему предлогу съ-), внизъ 270, 271, в торопчи 251, в новъгородъ 260, 264, 292, 293, 303, с дѣтьми 255, с молбою 294, 320, вда 256, 289, взѣмше 275, взяша 247, 253, 272 и пр., снѧсѧ с романомь 243, сборъ 247, 252, 276, 309, 330, свѣтъ 266, 274, 292(-а), сгрѣшихомъ 307, свершиша 306, створи 241, 242, 282, 288, 301, 315, 317, 324, 328. Если я назвалъ ъ въ этихъ случаяхъ неслоговымъ, то я разумѣлъ господствующее въ нынѣшнихъ говорахъ произношеніе этихъ словъ, указывающее на выпаденіе ъ; но нѣкоторыя слова, какъ сборъ, свѣтъ, въ нынѣшнемъ литературномъ русскомъ, едва ли органически, получили *о*: *собор*, *совѣт*[1]). Другое дѣло такіе случаи, какъ сгрѣшихомъ 307, створи и т. п., гдѣ ъ приходилось передъ группой согласныхъ, и потому фонетически скорѣе должно было стать слоговымъ или полуслоговымъ (можетъ быть, вѣрнѣе сказать, удержать полуслоговой характеръ). Тоже слѣдуетъ сказать и о нарочно пропущенныхъ мною примѣрахъ дчи 246, дчерь 251: весьма сомнительно, чтобы здѣсь передъ сложнымъ согласнымъ ч глухой сталъ дѣйствительно вполнѣ неслоговымъ, чтобы затѣмъ исчезнуть совсѣмъ; если бы это было такъ (а теоретически по аналогіи другихъ словянскихъ нарѣчій мы такъ и ожидали бы), то мы гдѣ либо въ великорусскихъ или хотя бы малорусскихъ говорахъ находили бы формы **чи*, **черь*, подобныя сербскимъ *ћи*, *ћер*, болгарскимъ *щерка*, *керка*, *черка* (сѣв.-зап.), польск. *córa;* между тѣмъ, даже при условіи сохраненія ударенія на конечномъ *и*, мы находимъ въ сѣверновеликорусскомъ здѣсь *о* между *д* и *ч*, свидѣтельствующее о слоговомъ характерѣ нѣкогда бывшаго здѣсь ъ: *дочи́*, *доци́* Гильферд. (Олон.) 587 (Колосов, Обзор зв. и форм. особ... 209). Вслѣдствіе этого соображенія я позволю себѣ дчи и дчерь читать съ глухимъ звукомъ по крайней мѣрѣ полуслоговымъ между д и ч. Однако замѣчательно, что въ памятникахъ есть слѣды того, что въ этомъ словѣ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ говорахъ ъ, если и не достигало, м. б., полнаго исчезновенія, то по крайней мѣрѣ становилось неслоговымъ; а именно напр. въ Лаврент. сп. лѣтопис. мы находимъ слѣдующія написанія: тъщерь 60. 27, тъ-щерью 34. 22—23 (при переносѣ, рядомъ дъщерью 34. 25), тъчерь 46. 27,—и 28, тчери 50. 11 (см. свѣтопеч. изданіе, срв.

[1]) Срв. сербск. *са́бор*, *са́вјет* при болѣе обычныхъ и народныхъ *збо́р* (отчасти въ переносн. знач.), *свје́т* (В. Ст. Караджичъ, Срп. рјечник).

«Крит. замѣтки по ист. р. яз.» Ягича, стр. 64); если и можно согласиться съ замѣчаніемъ Потебни («Къ истор. звук.» I, 37), что ассимиляція согласныхъ можетъ совершаться и черезъ глухой звукъ, то во всякомъ случаѣ, считая этотъ глухой за неслоговой. Весьма возможно, что и въ нашемъ дчи и т. п. было неполныхъ два слога, вслѣдствіе чего съ одной стороны при дальнѣйшемъ ослабленіи глухого могла получиться форма, подобная записанной въ Лавр. лѣт. съ измѣненіемъ д въ т, съ другой при возстановленіи вполнѣ слогового характера глухого — форма, извѣстная въ Олонецк. говорахъ. Что форма тъчерь изъ дъчерь (въ первой ъ болѣе слабаго характера, чѣмъ во второй) привела бы къ Ф. **черь* (ибо **тчерь* фонетически невозможно), доказываетъ Ф. *чанъ* изъ первоначальнаго дъцанъ черезъ посредство **т(ъ)цанъ—цанъ*. Что глухой звукъ ъ въ извѣстныхъ сочетаніяхъ (съ шипящими, особенно сложными, съ группой согласныхъ, съ плавными, и исцомъ 3-го поч. могъ слышаться въ качествѣ, м. б., полуслогового звука (настоящаго «полугласнаго»), это доказывается такими примѣрами, какъ: дъждемь 250, дъждеве 263, плъти 275, кръви 237, 245, 299. 7—8; замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ въ слѣдующемъ слогѣ является чистый гласный — условіе, при которомъ обыкновенно ъ предшеств. слога становится неслоговымъ; такъ бы было и здѣсь, если бы не оказывали задерживающаго вліянія сопутствующіе согласные; хотя теоретически и возможно образованіе формы *крви*, существующей напр. въ польскомъ (*krwi*) и существовавшей, кажется, частію и въ юго-зап. русскихъ говорахъ: крви, кви и т. п. въ Поликарп. Ев. 1307 г. (Шахматовъ, «Изслѣдов. въ обл. р. Ф.», 32), но въ «восточно-русскихъ» говорахъ до этого не дошло, и прежде, чѣмъ ъ въ Ф. кръви успѣло потерять вполнѣ слоговой характеръ, оно его возстановляло, м. б., поддерживаемое слоговымъ ъ, почти совпадавшимъ съ о, въ формѣ кръвь (въ 3-мъ поч. кровь) (срв. у Шахматова въ «Изслѣдов. въ области рус. фонет.» 44); выражаясь языкомъ Шахматова, въ формѣ кръви, вѣроятно, было «*ы* ирраціональное слоговое» или, прибавлю отъ себя, скорѣе *полуслоговое*[1]). Я укажу еще немного примѣровъ употребленія ъ въ предлогахъ разъ, изъ, гдѣ обыкно-

[1]) Не слѣдуетъ ли обратить вниманіе на то, что встрѣчается здѣсь лишь кръви, но только кровопролитець и т. п.? Это обстоятельство указываетъ, кажется, на удержаніе именно глухого звука, склоннаго къ *и* или *ы*; тамъ же, гдѣ по закону гармоніи (передъ слогомъ съ широк. гласнымъ) глухой получалъ окраску болѣе широкаго зв., онъ измѣнялся и въ «неслоговомъ» положеніи послѣ группы согласн. + *р* въ звукъ, близкій къ *о*.

венно и въ 1-омъ и 2-мъ поч. ъ опускается: розъратилиса 293, изъзаморима 240, изъимаша 257 (послѣ изъи-переносъ), изъобнажено 248; изъ нихъ только въ изъимаша (см. объ этихъ случаяхъ выше) я склоненъ читать ъ, какъ особый звукъ, м. б., близкій къ о, въ остальныхъ же скорѣе вижу графическое явленіе.

Я остановился на объясненіи фактовъ 3-го почерка раньше первыхъ двухъ во-первыхъ потому, что они проще, а во-вторыхъ для того, чтобы показать, что даже и писецъ 3-го поч. не былъ чуждъ произношенія рефлексовъ стараго ъ въ качествѣ особыхъ звуковъ; это слѣдуетъ сказать именно относительно *полуслогового* ъ. Но писцу 3-го поч., повидимому, было уже чуждо *вполнѣ слоговое* ъ, перешедшее у него въ о. Что касается писцовъ 1-го и 2-го поч., то я надѣюсь, что приведенныя мною написанія ихъ даютъ право предполагать у нихъ существованіе и *слогового* ъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Конечно, нѣчего говорить о такихъ случаяхъ, какъ кдѣ, кто, кнѧзь, много, мнѣ и т. п., гдѣ и въ первыхъ двухъ почеркахъ постоянно пропускается ъ, удерживаясь лишь въ единичныхъ случаяхъ всякій разъ при переносѣ: здѣсь ъ теряло слоговой характеръ и затѣмъ исчезало еще, можетъ быть, въ говорахъ общесловянскаго языка, хотя надо замѣтить, что старословянскіе памятники не ко всѣмъ этимъ случаямъ относятся одинаково и довольно правильно пишутъ ъ въ къдѣ, кънѧзь, къто (въ Зограф. постоянно къдѣ, только 1 р. кдѣ, 105 разъ къто при 10 р. кто, 5 р. кто, 1 р. кьто и 2 сомнит. случаяхъ, постоянно съ ъ кънѧзь[1]) и т. п.; въ Маріинск.[2]) къдѣ 21 р., кьдѣ 2 р., но къто только 41 р. при 80 р. кто, кънѧзь съ производными 16 р. при 5 р. кьн- и 1 р. кн-; въ Остромир.[3]), кажется, только правильныя формы съ ъ); что касается мъногъ съ производными, то Маріинск. 198 разъ[2]) пишетъ правильно при незначительномъ числѣ примѣровъ безъ ъ или съ ь, въ Зографскомъ напротивъ многъ преобладаетъ надъ этимологически вѣрной формой мъногъ такъ-же, какъ и и множ и мнѣ надъ правильными формами съ гласными[1]), въ Остр., судя по молчанію Козловскаго[4]) относительно этихъ словъ, только правильныя

---

[1]) Jagić, «Studien uber das altsloven.—glagol. Zograph. — Evangelium», стр. 23, 24, 26 (Archiv. f. sl. Ph. I).

[2]) Маріинское четвероевангеліе, издан. Ягича, словарь.

[3]) М. Козловскій, «О языкѣ Остромирова Евангелія», стр 41.

[4]) Ibid 41.

формы. Къ числу еще болѣе древнихъ случаевъ выпаденія неслогового ъ вслѣдствіе тѣснаго соединенія словъ принадлежитъ выпаденіе ъ въ сложной частицѣ -гда (изъ-гъда), являющейся всегда лишь въ соединеніи еще съ вопросительными, указательными и т. п. частицами къ- (ко-), тъ-(то-) и т. п.; здѣсь уже во всѣхъ древнѣйшихъ старословянскихъ памятникахъ постоянно -гда и лишь, какъ исключеніе, какъ у насъ на стр. 195. 4—5 (см. выше), и въ Остром. Ев. встрѣчается 2 раза -гъда[1]); но, какъ у насъ, такъ и въ Остром. Ев. оба случая при переносѣ (см. издан. Востокова л. 20ª. 11—12 никогъ-даже Io. VI. 35, л. 23ᵇ. 1—2, Io. V. 7 к—гъдаже); такого же рода случай у насъ въ нѣгли, гдѣ тѣсное соединеніе той-же частицы гъ съ другой частицей ли подобно тому, какъ г(ъ)да есть тѣсное соединеніе гъ + да: изъ болѣе древняго негъли (въ Савин. кн. 23ᵇ, у Григор. Наз.) получилось негли (уже въ Супрасл.) и фонетически съ измѣненіемъ звучнаго въ отзвучный некли (тоже уже въ Супр., напр. 286, 302), а подъ вліяніемъ негъли вторично некъли (см. Miklosich, Lexicon palaeoslov.); указаніемъ на эти древніе случаи выпаденія ъ я обязанъ проф. Фортунатову. Такъ, не говоря уже о такихъ случаяхъ, мы въ 1-омъ и 2-мъ, какъ и въ 3-мъ поч., находимъ почти постоянно пропускъ ъ въ такихъ положеніяхъ, гдѣ онъ всего скорѣе долженъ былъ стать неслоговымъ, и въ корняхъ и въ суффиксахъ (см. примѣры выше), если только не оказывало задерживающаго вліянія качество сопровождающихъ глухой согласныхъ. Таковыми являются, повидимому, к, р и шипящіе, въ особенности сложные шипящіе (ч) или сочетанія съ шипящими (жг, жд); этимъ объясняется, почему слово въноукъ въ 1-мъ поч. исключительно пишется съ ъ, хотя во второмъ поч. оно уже въ подавляющемъ числѣ случаевъ теряетъ ъ, почему пишется дрѣва, крѣви въ обоихъ поч, а въ 1-омъ и ражи (во 2-мъ только ржи), дъцы, дъчерь и т. п., дъждева, дъжгево[2]) и т. п., почему почти безъ исключеній въ 1-мъ и съ небольшимъ числомъ отступленій во 2-мъ поч. пра-

---

[1]) Ibid. 44. Я несогласенъ съ Гебауэромъ, что ст. чеш. *tehda, tehdy* изъ *tъ—kъda, tъ—kъdy* (Histor. mluvnice.... 179) (срв. тоже производство этой общесловянской частицы въ стат. И. И. Козловскаго въ X т. стр. 654 «Archiv. f. sl. Philol.» и у Огоновскаго въ «Studien».... стр. 161), а вывожу ст. чеш. *tehda* = ст. слов. *тъда* изъ праслов. Ф. *тъ—гъда;* въ пользу *г* говоритъ болгар. суф.—*га* въ *кога, тога*, а также нижнелуж. *ga* (Maretić, Veznici u slov. jezicima, Rad jugoslav. akad. 91, стр. 60).

[2]) Полуслоговой характеръ звука въ этомъ словѣ былъ, кажется, и въ старочешск., судя по написаніямъ въ староч. пам.: we dſczy (ve dšči=н. ч. v dešti) Ž Wittb. Deut. 2 и т. под. (Gebauer, Histor. mluvnice.... 169).

вильно пишется ъ въ формахъ причастія прош. вр., имѣющихъ ш послѣ ъ, и т. п. Что касается суф. -ък-, то здѣсь въ положеніи, удобномъ для образованія неслогового ъ, и въ первыхъ двухъ почеркахъ ъ очень часто пропускается, но важно обратить вниманіе на то, какіе согласные сопровождаютъ при этомъ ъ; въ 1-омъ поч. напр. нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы ъ было пропущено послѣ в, во 2-мъ же уже встрѣчается дѣвкы (см. выше), а въ 1-омъ при в удерживается ъ: савъкине, хревъкове (см. выше), и это стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что писецъ 2-го поч. употребляетъ ъ въ этомъ суффиксѣ почти только въ слоговомъ положеніи (льгъко, м. б., подъ вліяніемъ льгъкъ или изъ желанія раздѣлить 2 гортанныхъ согласныхъ, останъке подъ вліяніемъ останъкъ, остальные случаи при переносѣ),и для него ъ въ «неслоговомъ» положеніи могло уже не слышаться даже послѣ *в*, между тѣмъ какъ для писца перваго поч. ъ въ такомъ положеніи могло еще слышаться послѣ *в* хотя бы въ качествѣ *полуслогового* звука, какъ это слѣдуетъ замѣтить и относительно приводимаго Шахматовымъ [1]) примѣра дѣвъка изъ Вклад. Варлаама конца XII вѣка. Я не могу согласиться съ Шахматовымъ, чтобы ъ въ дѣвъка, давъше и даже въ емъше могъ сохраняться только подъ вліяніемъ формъ и словъ дѣвокъ давъши, имъши; я принимаю во вниманіе здѣсь особыя фонетическія условія (послѣ *в* и передъ *ш*); еще скорѣе я могу объяснить сохраненіе *ъ* въ емъше и другихъ причастныхъ формахъ отъ глагольныхъ основъ, оканчивающихся на согласный звукъ, вліяніемъ такихъ случаевъ, какъ давъше, гдѣ было *в*. Я думаю, что во всѣхъ этихъ случаяхъ (т. е. въ «неслоговомъ» положеніи) *ъ* могъ слышаться для писца 1-го, а частію, м. б., и второго поч. въ качествѣ звука вродѣ какого-либо *ирраціональнаго полуслогового ы*. Но, какъ показываютъ примѣры дѣ, дѣма, два, одва въ обоихъ почеркахъ (исключительно безъ ъ и безъ ь, какъ бы можно было ожидать подъ вліяніемъ слѣдующаго кѣ, и какъ дѣйствительно находимъ напр. въ Зограф. Еванг. [2]) и нѣкоторыхъ другихъ старословянскихъ памятникахъ), задерживающее вліяніе на глухой звукъ могло оказывать только предшествующее ему в, а не слѣдующее за нимъ; а потому въ суф. -ъв- едва ли чисто фонетически можно объяснять сохраненіе ъ «въ неслоговомъ» [3]) положеніи; къ сожалѣ-

---

[1]) «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 31.

[2]) Jagić, «Studien»..., стр. 19.

[3]) Выраженія «неслоговое» и «слоговое» положенія я вездѣ отмѣчаю въ ковычкахъ

нію, однако, у насъ встрѣчается лишь одинъ такой случай — цр҃къвии (въ 1-мъ поч.), срв. въ грам. 1264—1265 гг. (№ 2, стр. 240 по изд. Шахматова въ 1-мъ т. сборника изслѣдованій по рус. яз.) по любъви, м. б., подъ вліяніемъ любовь или любъвь, какъ находимъ въ нашемъ памятникѣ.

Теперь я обращу вниманіе на нѣкоторые случаи «слогового» положенія, въ которыхъ нашъ памятникъ въ первыхъ двухъ поч. представляетъ замѣчательную правильность. У насъ исключительно черезъ ъ пишутся нъ, къгда (2 р. во 2-мъ поч.) и тъгда (1 случай тогда во 2-мъ п. при переносѣ); встрѣтившееся 1 р. въ новгородскихъ грамотахъ тъгда (1304—1305 г., № 10, стр. 250 по изд. Шахматова) и 2 р. нъ (1264—1265 гг., ib. №№ 1, 2, стр. 237, 239) согласно съ нашимъ. Замѣчательно, что относительно словъ къгда, тъгда и старословянскіе памятники имѣютъ много отступленій. Только въ Супрасльск. сборн.[1]) исключительно ъ въ этихъ словахъ, всѣ же остальные при формахъ съ ъ имѣютъ и формы съ о, а именно: въ Маріинск.[2]) когда 14 разъ только съ о, тъгда 87 разъ съ ъ при 21 случ. тогда, въ Зограф.[3]) на 2 раза къгда 9 разъ когда и при 28 случ. тъгда 17 р. тогда, въ Остромир.[1]) напротивъ только по 2 раза къгда, тъгда, а въ остальныхъ случаяхъ ко-, то-. Повидимому, *тъ-* удерживалось охотнѣе, чѣмъ *къ-*; причина можетъ заключаться въ разницѣ физіологическихъ условій произношенія *т* и *к*; но во всякомъ случаѣ нельзя когда и тогда въ старослов. памятникахъ фонетически выводить изъ къгда, тъгда, а необходимо признать для общесловянскаго яз. двѣ праформы — съ ъ и съ о, какъ показываютъ различныя словянскія парѣчія: съ одной стороны чешск. *kedy*, *kdy*, *tedy*, ст. чешск. *tehdy* и *tdy* (напр. въ легендѣ о 12 апостол. XIII в., см. у Добровскаго въ «Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur» § 10, и Šafařík, Wybor z literatury české I, 1143—1146, срв. у Гебауэра «Histor. mluvn. jaz. českého», стр. 179), польск. *kiedy*, *gdy*, *tedy*, серб. *кад̑*, *када*, *тад̑* *тада* (В. Караджичъ), словѣнск. kadaj, *tadaj* съ замѣною ъ черезъ *a* или kedáj

---

потому, что не считаю ихъ чѣмъ либо постояннымъ и неизмѣннымъ для всѣхъ эпохъ и всѣхъ говоровъ, а лишь извѣстнымъ отвлеченіемъ изъ большинства діалектическихъ и временныхъ различій, хотя и оправдываемымъ и теоретическими соображеніями (сравн. напр. совпаденіе рефлексовъ «слогового» и «неслогового» глухого въ сербскихъ формахъ *дâн* и *дâна* вопреки теоріи).

[1]) Козловскій М., «О языкѣ Остром. Еванг.», стр. 43

[2]) См. словарь къ Маріинск. Ев. при изданіи И. В. Ягича.

[3]) V. Jagić, Studien uber das altslov..... Zogr.—Ev., 22—23, 29.

-kdaj, *tedáj* съ глухимъ звукомъ (M. Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar) восходятъ къ формамъ съ ъ, съ другой—болгар. кога́, тога́[1]) (Словарь Дювернуа) указываетъ на первонач. о; только всѣ эти формы отличаются отъ ст. слов. и русскихъ по суффиксу (съ одной стороны одно -да, съ другой, въ болгарск., одно га, а не соединеніе гъ+да, какъ въ ст. сл. и русск.). На ъ указываетъ также старочешск. *inhed*[2]), откуда *ihned* и нынѣшн. *hned*; въ ст. слов. также иногда (Зограф.) при инъгда (Супрасл.)[3]). Не смотря на преобладаніе формъ съ о въ Остромиров. Еванг., что̀ можетъ быть отнесено на счетъ его южнословянскаго оригинала, въ виду господства формъ съ ъ въ русскихъ самостоятельныхъ произведеніяхъ XII—XIII вѣка, каковы Житіе Ѳеодосія по списку XII-го в. Московскаго Успенскаго собора и 1-й и 2-й поч. Синодальной рукописи Новгородской лѣтописи, мы можемъ нынѣшнія русскія формы тогда — когда возводить къ праславянскимъ и прарусскимъ формамъ съ ъ[4]). Я назвалъ положеніе ъ въ этихъ словахъ «слоговымъ» не вполнѣ точно, и необходимо сдѣлать оговорку: такъ какъ ъ между г и д изчезъ еще, вѣроятно, въ доисторич. эпоху (см. выше)[5]), то положеніе ъ — ра въ тъгда можетъ быть сравнено съ положеніемъ передъ группой согласныхъ и названо «полуслоговымъ» (какъ въ дъждемь и т. п.); это различеніе важно въ томъ отношеніи, что въ чисто «слоговомъ» положеніи, т. е. въ слогѣ, удлинившемся вслѣдствіе утраты глухого ъ слѣд. слогѣ, у насъ б. ч. встрѣчается и о вм. ъ (сравн. сочьскаго во 2-мъ п.). Житіе Ѳеодосія, памятникъ въ высшей степени любопытный по языку, въ данномъ случаѣ любопытно при сравненіи съ Новгород. лѣтописью въ томъ отношеніи, что, какъ памятникъ южнорусскій, оно обнаруживаетъ совпаденіе въ правописаніи слова тъгда (исключительно черезъ ъ; я насчиталъ 59 разъ)[6]) съ памятниками новгородскими; въ немъ

---

[1]) Формы литерат. языка; въ говорахъ же не только западныхъ (пиротск. *кга*, *кзда*, Пер Спис. XIX—XX, 1886, стр. 253—256, Теодоровъ ib. на стр. 149 приводитъ *тъгáі*, *сгá*), но и въ восточныхъ (по свидѣт. М. С. Дринова 21 апрѣля 1896 г, *тъгисъ*) встрѣчаются формы съ ъ.

[2]) Gebauer, Historická mluvnice jaz. českého, 230; см. примѣры въ чешск. памятникахъ XIV в. (Wybor z literatury české I, 100, 296, 1013).

[3]) V. Jagić, Studien.... 30.

[4]) Конечно, ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что древнерусскій языкъ діалектически при формахъ съ ъ зналъ и формы съ о, еслибы на это были доказательства.

[5]) Т. е. въ ту эпоху, когда ъ въ среднемъ слогѣ (закрытомъ), вѣроятно, болѣе долгій, чѣмъ въ слогѣ прямомъ, могъ оставаться, не проясняясь въ о, подобно тому, какъ это и теперь въ болгарскомъ.

[6]) Житіе Ѳеодосія я цитирую по издан. О. И и Др. съ предисл. А. Попова (Москва, 1879).

встрѣчается также, правда, при переносѣ, **и-нъгда** кѣ d. 2—3, два раза попалось **овъгда** аг̃. b и 4 раза **овогда** д̃. d (2 р.), гі̃. c (2 р.); при этомъ въ немъ находимъ также во временномъ, частію условномъ, значеніи часто встрѣчающуюся частицу **тоже**, которая стоитъ иногда въ аподосисѣ послѣ **ѥгда же**, иногда самостоятельно, лишь указывая на предшествующее и связывая съ нимъ послѣдующее; я позволю себѣ привести два, три примѣра: **ѥгда же** | ли пакы кого слъıшааше | бесѣдоующа дъва ли или | трие съшедъшеса въ коу | пѣ. **тоже** тоу оударивъ | свою роукою въ двьри **ти** тако ѿхожааше . . . . гі̃. d. и **ѥ**|**гда же** сии прихожаа|хоу къ нѥмоу. **тоже** си | и тако по бж̃ьствьнѣ|мь томь оучении. прѣ|дъставлѧаше тѣмъ | трапезоу ѿ брашьнъ | тѣхъ манастъıрьскъı | ихъ. . .кг̃. b—c. . . .тъ же (т. е. келарь) ше|дъ повѣда блаженоуоумоу | оц̃ю нашемоу ѳеодосию. ѧ|ко нѣсть както водъı носѧ. | **тоже** блаженъıи съ спѣхъ|мь въставъ начатъ водоу | носити отъ кладѧзѧ. . . . з̃і̃. b.

Въ нашей лѣтописи я отмѣтилъ этотъ союзъ въ слѣдующихъ мѣстахъ, при чемъ для уясненія значенія придется сдѣлать выписки подлиннѣе: тъгда̂. приведе (т. е. ꙗрославъ) пълкъı ис перея|славля. а река хочю ити на ригу. | и сташа около городища шатръı. а | инии въ славнѣ. по дворомъ. и въздо|рожиша все по търгоу. и хлѣбъ и | мяса. и рꙑбъı. и ѿтолѣ ста доро|говь. куплѧхоу хлѣбъ по. в̾. коунѣ. | а кадь ржи по. г̾. грвнѣ. а пшеницю | по. є̾. грвнъ. а пшена. по. ꙁ̾. грвнъ. и | та̂ ста по. г̾. лѣ̂. то̂ слъıшавъше пль|сковици. ꙗко приве̂ ꙗросла̂ пълкъı. | оубоꙗвшеся то̂. възяша миръ съ | рижанъı. . . . . 208 (104 л. обор.).

пр̂ите [= пришлите] к нимъ женъı ихъ и товаръ. то | же мъı вячеслава по̂умъ [= поустимъ]. 230 (115 л. обор.) (смыслъ: тогда, въ такомъ случаѣ, т. е. если пришлете. . . . . , мы пустимъ). **оли**ѧ насъ всѣ|хъ не боудеть. то̂ все то ваше | боудеть. 242 (если. . . . . то). **оли** | кпж̃е тобѣ с нами оувѣдавъ|шеса. то̂ ѣхати въ пльсковъ. 284. (когда сговоришься съ нами, тогда и поѣзжай. . . .). — а мнѣ р̂е даи бъ исправити правда | новгородьскаѧ. **тоже** ѿ ва̂ поꙗти | сна своѥго. 218. (а потомъ взять сына. . .).

Встрѣчается и простое то и въ Ж. Ѳ. и у насъ и въ другихъ памятникахъ старословянскихъ и русскихъ (б. ч. послѣ ѧще). Все это я веду къ тому, чтобы показать, что тъгда удерживалось, не смотря на то, что былъ поводъ замѣнить въ немъ ъ черезъ о подъ вліяніемъ близко родственныхъ по значенію и часто употреблявшихся частицъ. Надо прибавить еще, что

въ соблюденіи глухихъ Ж. Ѳ. памятникъ очень точный, и въ немъ ъ удерживается въ значительномъ количествѣ случаевъ даже въ «неслоговомъ» положеніи, напр. ѥкъто в. Ь., ꙁг҃. Ь., ѥкъде гг҃. d., нѣкъли кѣ. Ь. Но любопытно то, что, какъ при тъгда приходится принимать праформу тогда, такъ и при то, господствующемъ во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ и старословянскихъ и древнерусскихъ памятникахъ, мы имѣемъ возможность на основаніи примѣровъ Синодальнаго списка, подкрѣпляемыхъ примѣрами изъ Лобковскаго Пролога 1262 г. (Хлудовск. б—ки № 187), предположить частицу тъ; хотя я не рѣшился помѣстить ее прямо въ спискѣ приведенныхъ мною словъ съ ъ вслѣдствіе ея рѣдкости, которая можетъ даже подать поводъ сомнѣваться въ ея существованіи, какъ я это и сдѣлалъ въ своемъ сообщеніи, читанномъ мною въ засѣданіи 20 декабря 1891 г. харьковскаго историко-филологическаго общества, объяснивъ ъ вмѣсто о вліяніемъ тъгда [1]), однако теперь я не сомнѣваюсь въ томъ, что это особая форма, относящаяся къ то такъ-же, какъ гъ къ го (негъли къ неголи) или нъ къ сербск. *нѡ*, которое фонетически не можетъ быть выведено изъ нъ [2]), и намѣренъ обратить на нее вниманіе, исключивъ ее изъ примѣровъ употребленія ъ вм. о. Встрѣчается она въ 1-омъ и 2-мъ п. въ слѣд.: и ѥще же и|щюще то кто всеволодо (ясно, что слѣдуетъ читать — дѡ) прит҃|тель болг҃ъ. тъ имаша на нихъ нѣ съ полоутрьı тъıсѧце грв̄нъ. . . 36, да ѧцѣ кто помо|литьсѧ въ цр̄кви сеи. съ вѣрою. | тъ оуслъıши млт̄воу его. 118, а ѥсте послоушали половьчь. а по|слъı наша ѥсте избили. а идете | противоу на̂. тъ въı поидите. а | мъı васъ не ꙁаѧли.... 194—195, оже мъı бр̄ан симъ | не поможемъ. тъ си имоуть прида|тисѧ к нимъ. тъ онѣмъ больши бу|деть сила. . . . 193.11—12, то въı а то новгородь|ци. а намъ не надобе. пъ оже пои|доу на насъ тъ въı намъ помоꙁите. 208.16, рядомъ съ то: или ѥсте | на на̂ оудоумали. тъ мъı проти|воу васъ съ ⁺стою ⁺бцею. и съ покло|номъ. то въı лоуче насъ псѣчи | те. а женъı и дѣти поѭмлете собе. а не лоуче погании. тъ вамъ сѧ кланѧмъ. 209—210 (рѣчь Псковичей къ Новгородцамъ). Приведу отмѣ-

[1]) Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества, т. 4-й (1892 г., Харьковъ), стр. XII.

[2]) В. Караджичъ приводитъ два *но*: нѡ и нѡ̆, первое въ значеніи нѣ̆го (и нѡ̆го) можетъ быть сокращеніемъ (какъ показываетъ долгота) изъ нѡ̆го, а нѡ̆го такая-же сложная частица изъ нѡ̆-+-го, какъ нѣ̆го, изъ не-+-го; второе, кромѣ самостоятельнаго употребленія въ значеніи «aber, at», прибавляется энклитически къ нѣкоторымъ нарѣчіямъ и мѣстоименіямъ (*гдјено, кадно, коуино, каоно*) (Српски рјечник В. С. К.) (срв. такое же энклит. употребленіе то въ болгар. и др.).

ченные мною случаи изъ Пролога 1262 г., заподозрѣннаго, какъ извѣстно, еще И. И. Срезневскимъ въ ближайшей связи съ нашимъ памятникомъ: аще ли не хощете | мене приѧти. тъ | клатвою ти сѧ ѥ|звѣщаю. 4^{г} (если. . . . . то), да ли ѥгда бѣхъ въ | разбой. и не подобь|наѧ дѣла твора. ѥ мъ|ногы кръви пролива|ѧ. ѥ не сваꙗ ми ѧꙁы|ка ни оуби мене. а ѥ|гда хощю работати | боу. ѥ хвалы въсыла|ти· тъ нынѣ ѧꙁыкъ | ми важеши. . . . . 5^{б}. чада єсме | по дхоу аврамоу. а не по | плъти. иже бо ѿ него по | плъти родиша сѧ. тъ не | вси оугодиша боу вѣрою. 101^{б}. (здѣсь тъ употреблено какъ будто даже плеонастически: «не всѣ, кто родились отъ него плотью, угодили Богу вѣрою», но вмѣстѣ съ тѣмъ тъ придаетъ здѣсь больше силы выраженію). аще хощеши | ѥзбъıти бѣды | сеѧ. дай ми слово да та ѿ | поущю. тъ не тъкмо ѡста|неши сѧ грѣхъ своихъ. нъ да ѥ мира ѿвьржеши сѧ 144^{в} (. . . . «что если тебя отпущу, то не только отстанешь отъ грѣховъ своихъ». . . . . .). Къ сожалѣнію, я пока не успѣлъ прочитать и изучить этотъ памятникъ весь, а потому и принужденъ ограничиться этими примѣрами. Въ такихъ односложныхъ частицахъ, какъ тъ и нъ глухой не переходилъ въ о, м. б., благодаря ихъ проклитическому употребленію безъ ударенія, но и не исчезалъ потому, что онѣ всетаки сохраняли болѣе самостоятельное положеніе въ рѣчи, чѣмъ напр. предлоги. Эта бо̀льшая самостоятельность ихъ и повела къ тому, что въ слѣдующій періодъ (въ языкѣ писца 3-го поч.) нъ прояснилось въ но.

Что же касается вопроса о тъгда, то Прологъ не отличается такой послѣдовательностью, какъ 1-й и 2-й поч. нашей лѣтописи: уже и при моемъ неполномъ знакомствѣ съ нимъ я отмѣтилъ при Ф. тъгда 11^{б},96^{а}, ѡкъгда 51^{а} не только при переносѣ то—гда 11^{в}.8—9, но и среди строки тогда л. 50^{г}, а также когда 1^{а}; это колебаніе я позволю себѣ объяснить частію тѣмъ, что Прологъ памятникъ не вполнѣ самостоятельный, слѣдов. тогда могло быть взято изъ церковно-словянскаго оригинала, частію тѣмъ, что здѣсь вообще, кажется, больше случаевъ замѣны глухихъ чистыми, чѣмъ въ первыхъ почеркахъ Синодальнаго списка Новгор. лѣтописи (срв. напр. при Ф. дръва на л. 7^{в} дровъ ibid.; нѣчего говорить, что въ «неслоговомъ» положеніи преобладаютъ формы, какъ два 7^{в}, двѣ 11^{в} и т. п.).

Удивительно, что въ формѣ творит. ед. нашъ памятникъ (Синод. спис.) почти вездѣ замѣнилъ —ъмъ— черезъ —омъ—; я говорю «замѣнилъ» по-

тому, что согласіе русскихъ памятниковъ XI—XII в. южныхъ и сѣверныхъ относительно формы ѣмь (преоблад. уже въ Остромир. Ев.[1]), затѣмъ въ изданныхъ И. В. Ягичемъ Служебн. Минеяхъ 1095—1097 г. и въ Житіи Ѳеодосія) позволяетъ считать для всѣхъ русскихъ нарѣчій Ф. ѣмь правильной, а для югозападно-русской группы говоровъ, кромѣ того, доказательствомъ служитъ и нынѣшняя малорусская Ф. на — *ом*, которая можетъ восходить лишь къ —ѣмь, а не —омь (иначе было бы *ім*)[2]). Въ этомъ отношеніи русская группа говоровъ совпадаетъ съ польской и чешской въ противоположность сербской, словѣнской и бо́л. частію старо-словянской: сравн. чешск. и польск. *panem*, *chlapem*, *chłopem*, *bohem*, *bogiem* съ оконч. *ем*, восходящимъ къ ѣмь, съ сербск. *бо̏гом*, *са̑дом*[3]) и восточно-словѣнскимъ *bogom*, *bratom* при господствующемъ въ большинствѣ западныхъ и центральныхъ словѣнскихъ говоровъ, кромѣ резьянскаго, гдѣ — *оп* вм. *от*, окончаніи *ат*, возникшемъ приблизительно въ XVI-омъ вѣкѣ изъ болѣе стараго *от*[4]). Уже Миклошичъ[5]) предполагалъ, что рабомь и рабѣмь свойственны различнымъ говорамъ; но вѣроятно, что —ѣмь первоначально принадлежало основамъ на й (ъ) и лишь подъ вліяніемъ ихъ распространилось въ нѣкоторыхъ группахъ говоровъ и на основы, оканчивавшіяся на *о*, между тѣмъ какъ въ другихъ группахъ говоровъ возобладало наоборотъ исключительно —омь. Возможно также и то, что были различія по говорамъ даже внутри ближайше родственныхъ группъ, какъ показываетъ небольшое число примѣровъ съ —ѣмь въ нѣкоторыхъ старословянскихъ памятникахъ при подавляющей массѣ въ нихъ —омь (въ Зограф. 4 случая, въ Синайск. Псалт. 2, въ Син. Молитв. 1, въ Супрасл. сборн. 10 случ. —ѣм—) и при исключительномъ господствѣ —омь въ всѣхъ другихъ (Марьин., Ассеман., Клоц., Савин.)[6]) и —ѣмь въ однихъ только Кіевскихъ отрывкахъ[7]), памятникѣ, замѣчательномъ какъ рѣдкою правильностью и

---

[1]) М. Козловскій, О яз. Остром. Еванг, 117—118.

[2]) Срв. у Потебни, Къ исторіи звуковъ, ст. 26.

[3]) При разстановкѣ удареній въ сербскихъ словахъ я постоянно пользуюсь частію словаремъ В. С. Караджича, частію изслѣдованіемъ Павича объ удареніи существит. (A Pavić, Studije o hrvatskom akcentu, U Zagrebu 1881, отдѣльный оттискъ изъ LIX кн. «Rad jugoslav. akademije»...), которое имѣю у себя, благодаря П. А. Лаврову.

[4]) V. Oblak, Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen (Leipzig, 1890), стр. 54—57.

[5]) Vergleichende Lautlehre der slav. Sprachen (1879), стр. 82.

[6]) Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache (Weimar 1886), стр. 69.

[7]) V. Jagić, Glagolitica. Wurdigung neuentdeckter Fragmente (Wien 1890), стр. 44—54.

цѣльностью старословянскаго языка такъ и присутствіемъ въ немъ особыхъ діалектическихъ чертъ. Эти послѣднія (ц и з изъ основн. tj, dj вм. шт жд другихъ памятниковъ) сказываются въ этомъ памятникѣ съ такою-же правильностью, съ какою соблюдаются другія основныя характерныя черты старословян. группы (ъ и ь, ж и ѧ и т. п.), и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ вліяніемъ на чистый старослов. языкъ рукописи какого либо иного словянскаго нарѣчія (напр. моравскаго) — такое вліяніе сказывается обыкновенно въ памятникахъ совершенно иначе (непослѣдовательно) и не можетъ ограничиваться одною чертою (шч нельзя считать существеннымъ непремѣнно для моравскаго, такъ какъ оно свойственно также польскому, русскому, восточно-словѣнскому, болгарско-македонскому, а формы цірквнаѣ и цірквкѣе и случай употребленія въ суф. вин. сд. прил. ж. р. оу вм. ж тоже могутъ быть объяснены помимо вліянія иного нарѣчія) —, а съ особенностями языка, на которомъ написанъ самъ памятникъ; я скорѣе согласился бы дать языку этого памятника особое названіе, чѣмъ считать его старо-словянскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ немъ слѣды моравскаго вліянія, такъ какъ прежде всего нельзя не признать цѣльности и органичности языка этого памятника, но вмѣстѣ съ тѣмъ что̀ мѣшаетъ намъ признать, что языкъ этотъ господствовалъ въ качествѣ живого говора дѣйствительно гдѣ либо въ области, близкой къ Моравіи, и составлялъ какъ бы мостъ отъ группы говоровъ старословянскихъ иного типа къ группѣ чешско-моравской? Этимъ, я думаю, возможно будетъ примирить мнѣнія ак. Ягича и д-ра Облака о «моравизмахъ» Кіевск. листковъ съ мнѣніями пр. Фортунатова и Миклошича о чистотѣ въ нихъ ц. словян. языка; я вполнѣ присоединяюсь къ доводамъ Облака противъ мнѣнія Калины, но не могу согласиться съ его возраженіями Миклошичу (см. «Zur Wurdigung des Altslovenischen» въ XV т. «Archiv fur slav. Philologie», 361—362, а также оттискъ рецензіи на «Altsloven. studien» Вондрака въ «Ljubljanski Zvon», ст. II). Содержаніе памятника говоритъ въ пользу предположенія о возникновеніи его именно въ той области, гдѣ долженъ былъ совершиться переходъ къ римскому обряду, а географическая неопредѣленность господства группы старослов. говоровъ съ одной стороны и вѣроятность существованія смѣшанныхъ и переходныхъ говоровъ и въ ту отдаленную эпоху подобно тому, какъ это наблюдаемъ мы теперь, съ другой позволяетъ, не принимая «паннонской» теоріи Миклошича, прибѣгнуть къ предположенію о существованіи по край-

ней мѣрѣ говора Кіевскихъ отрывковъ именно въ области около средняго Дуная[1]). Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что другіе діалекты старослов. языка могли обнаруживать черты, общія напр. съ группой сербской или какой нибудь другой; если мы признаемъ, что старословянскій яз., какъ языкъ живой, такъ-же измѣнялся по говорамъ, какъ сербскій, болгарскій и русскій, то мы необходимо должны мириться и въ немъ съ явленіями, обнаруживающимися во всякой группѣ живыхъ говоровъ, а слѣдовательно и съ существованіемъ въ немъ говоровъ переходныхъ; вспомнимъ напр. діалектическое разнообразіе болгарской группы и между прочимъ именно относительно рефлексовъ *tj* и *dj*[2]); что же касается до отожествленія старо-словянской группы съ какой либо отраслью болгарскихъ или македонскихъ говоровъ, то, не смотря на сдѣланный мнѣ В. Облакомъ[3]) упрекъ въ нерѣшительности, я считаю этотъ вопросъ не вполнѣ яснымъ. Я долженъ извиниться, что сдѣлалъ большое отступленіе въ сторону, желая подѣлиться своими мыслями о такомъ интересномъ памятникѣ, какъ Кіевскіе отрывки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ неумѣстнымъ болѣе подробно изложить здѣсь свои взгляды. Возвращаясь къ формѣ твор. п. ед. ч., скажу, что здѣсь 8 разъ встрѣчается Ф. творит. п. ед. ч. исключительно на —**ъмь**: 6 р. **оплатъмь** (остальные примѣры — **тмь** 3 р.), 1 р. **въсѫдъмь** VII^b и 1 р. **образъмь** IV^b; —**омь** не встрѣчается ни разу, хотя 1 р. встрѣчается —**емь**: **отъ-цемь** (при переносѣ) IV^b. Такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ въ говорѣ Кіевскихъ лист. совпаденіе съ сѣверными и восточными словянскими нарѣчіями.

Господство —**ом**— въ творительн. пад. въ 1-мъ и 2-мъ поч. Новгор. лѣт. должно быть приписано тому, что **ъ** въ такомъ положеніи въ говорахъ писцовъ перешло уже въ **о**, а рѣдкіе примѣры 1-го поч. съ —**ъм**— должны быть отнесены на счетъ болѣе древняго оригинала; что они не могутъ быть приписаны вліянію языка ц. слов., доказывается русской (полногласс-

---

[1]) Срв. соображенія Миклошича о цѣльности языка Кіевскихъ отр. въ Vergl. Lautlehre, 219, а также сказанное мною въ статьѣ «Краткій обзоръ... словѣнской литературы вмѣстѣ съ введеніемъ объ отношеніи слов. яз. къ ст. слов. и другимъ словянскимъ» (Записки И. Харьковск. Унив., 1893 г., кн. I). Если мы назовемъ ц и з Кіев. листовъ «моравизмомъ», то почти съ такимъ же правомъ можемъ назвать «болгаризмомъ» шт и жд другихъ памятниковъ.

[2]) Сравн. соображенія И В Ягича въ статьѣ «Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen» (Archiv für slavische Philologie, XVII B, 1—2 H., ст. 47—87).

[3]) Archiv für slavische Philologie, XVII, 3—4 H., 599.

ной) формой словъ, въ которыхъ они встрѣчаются; удивляться собственно можно лишь тому, что во 2-мъ поч. совсѣмъ пѣтъ примѣровъ съ ъ, да и въ 1-омъ ихъ мало, а между тѣмъ въ другихъ случаяхъ «слогового» положенія и во 2-мъ поч. при Ф. съ о встрѣчаются формы съ ъ; это и даетъ поводъ подозрѣвать, не писалось ли напр. придатъкъ и т. п. лишь подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ пад. съ «неслоговымъ» ъ.

Случаевъ употребленія ъ вмѣсто о въ нашемъ памятникѣ немного, и они ограничиваются почти исключительно собственными именами иностраннаго происхожденія. Я отмѣтилъ слѣдующіе примѣры: къзмы 84, 88 (род. ед. собств. им, срв. козмоу 48), къснатинъ 19.9, 36, 112, къснатина 41.2—3, 87, къснатине 19.17, —ица 41, къснатиноу 113.1— въ 1-омъ поч., гдѣ встрѣчается еще неясное по происхожденію собств. имя съдко 66.15 (КАТ. сотко, срв. также подъ 1049 г. въ КАТ сотъкѣ; то ли же самое это имя, что̀ въ былинахъ[1]) *Садко́*?). Во 2-мъ поч.: м. б. въ неясномъ по происхожденію соб. им. романа пъкта 124 (срв. нездила пьхци | ница 124.8—9, въ К. потка, пьхичиница = АТ поухчиничь; не отсюда ли и искаженное извѣстное изъ былинъ[2]) *По́тык*ъ?); собств. им. къснати(нь) 168.2, —(на) 181.1; изъ обыкновенныхъ словъ только въ существ. кръвъ 140 (вм. кровъ, м. б., описка подъ вліяніемъ русск. Ф. настоящ. врем. кръю или прич. прош. страд. — кръвенъ и другихъ, гдѣ являлось ъ)[3]) и Ф. дат. ед. мѣстоим. личн. 2-го л. тъвѣ 151.18 (м. б., описка вызвана тѣмъ, что въ той же фразѣ стоитъ имен. пад. тъı: тъı ми єси снъ а ѿъ тъвѣ оць). Такимъ образомъ въ обоихъ почеркахъ не находимъ ни одного примѣра фонетич. сокращенія о въ ъ. Но стоитъ обратить вниманіе на встрѣчающіяся неоднократно въ обоихъ почеркахъ формы къснатинъ и т. п. вм. константинъ или костантинъ, какъ и встрѣчается на стр. 168. Нельзя съ одной стороны сомнѣваться въ томъ, что эти формы собств. имени лат. Constantinus дѣйствительно существовали въ языкѣ, а съ другой стороны, кажется, слѣдуетъ признать ихъ перенесенными въ русскій яз. уже изъ старословянскаго, такъ какъ тоже находимъ и въ Супр. сборн.: въ къснатинѣ градѣ 148, къснатинѣ града епископъ 149 (издан. Ми-

[1]) Гильфердингъ, Онежскія былины, 384 и слѣд.

[2]) Гильфердингъ, Онеж. был., 47 и слѣд.

[3]) Срв. въ Прологѣ 1262 г. ръкъ, къ рѣ 31[a] вмѣсто *ровъ, ровѣ; но здѣсь уже не графическое явленіе, а новая форма языка, хотя и возникшая, м. б., не чисто фонетическимъ путемъ.

клошича), **къснатинъ градъ** 206 и т. п.; **къ**— вм. **ко**— здѣсь явилось, конечно, едва ли фонетически и стоитъ въ связи съ общимъ искаженіемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ какой либо народной этимологіи (срв. глаг. **къснѣти**)[1]). Что касается 3-го поч., то встрѣчающаяся здѣсь Ф. собств. имени **стъславъ** 287, 288, — а 286 съ ъ вм. о, м. б., объясняется тѣмъ, что 1-я часть этого сложнаго имени ассоціировалась съ Ф. имен. п. муж. р. прилагат. (**свѧтъ**); тоже находимъ въ договорной грам. московск. князя съ литовск. и смоленск. 1372 г. (въ Сборникѣ Смирнова № 62) и въ продолженіи Новгород. лѣт. по списку Арх. ком. XV в. и другимъ подъ 1395 г. *свѧтъсляличь* = АТ. *свѧтъславичь*, издан. 1888 г., стран. 380); съ такимъ образованіемъ можно сравнить и древнепольскія *Suentepulcum* ок. 1015 г., *Zwentyslawo* 1273, *Radzlauo* 1227 при *Swentoslao* 1295, *Radozlaus* 1173 (Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древне-польск. яз. до XIV-го стол., § 72, стр. 70, также словарь); оба способа образованія могли существовать уже въ общесловянскомъ языкѣ.

Разсмотрѣніе судьбы стараго глухого ъ въ Синод. спискѣ Новгор. лѣтописи приводитъ къ тому заключенію, что б. ч. ъ въ «слоговомъ» положеніи, т. е. передъ слѣдующимъ слогомъ также съ глухимъ, или кончающимъ собою слово, или имѣющимъ за собою еще слогъ съ чистымъ гласнымъ, перешелъ въ о, а ъ въ «неслоговомъ» положеніи б. ч. исчезъ уже въ языкѣ писцовъ 1-го и 2-го поч.; ъ же въ «полуслоговомъ» положеніи, т. е. въ такомъ, когда исчезновеніе его задерживалось сопутствующими согласными, а окончательное проясненіе въ о почему либо не могло совершиться, удерживался въ качествѣ неопредѣленнаго звука въ 1-омъ и 2-мъ, а частію и въ языкѣ 3-го поч. Нѣкоторые случаи сохраненія ъ въ 1-омъ поч. въ отличіе отъ 2-го могутъ быть отнесены на счетъ болѣе древняго оригинала.

Перехожу къ судьбѣ глухого звука ь. Въ 1-омъ поч. мы находимъ правильно ь въ слѣдующихъ коренныхъ случаяхъ: **вьсь** (omnis) 46. 1—2

---

[1]) Срв. у проф. А. Соболевскаго, Статьи по славяно-русскому яз (1883), стр. 31, снос. 1. Только Соболевскій не обратилъ вниманія на то, что эта Ф не только др. русск., но и старослов., хотя и правда, что въ др русскомъ она получила наибо́льшее распространеніе. **къснячько** въ Рус. Правдѣ по сп конца XIII в. (Рус. Достоп. I, 28, Смирновъ, Сборн. др. р. пам., 36); въ Ипат. лѣтоп съ одной стороны *ксняти*ъ 383 (изд 370 стр.), 347 (335), съ другой *коснячь*, *коснячьковъ* 124 (120), *коснятину* 514 (509); рядомъ *ксняткови* и *коснятко* въ Ипат. 239 (изд. стр. 233—234); любопытно ibid. *къстяжка*. Съ перестановкой группы согласныхъ встрѣчается какъ названіе города *съкнятинъ* въ спискѣ 1-й Новгор. лѣт. Арх. ком. XV в (издан. 1888 г., 447).

(при переносѣ), 3, 4, 106, 123. 5 (5 разъ), но 1 р. весь 41, 1 р. въ-сь 17. 17—18 (впрочемъ, здѣсь очень неясно написано; въ изд. 1888 г. *въсь*) и 8 р. весь 38, 50, 53, 57, 58 (2 р.), 73, 122; вьсьде 68; въ «неслоговомъ» полож.: вь-северодъ 28. 10—11, вь-сѧ 30. 8—9, вь-сю 76. 4—5 при массѣ (124 случ.) безъ ь въ такомъ положеніи (все, всѣ, всею, всѣю, всѣи, всемоу, всѣмоу, всѣго, всѣми, -мь, -мъ, -хъ, всѣволодъ, всѣславъ съ производными, всѧ, всю, всюде); такимъ образомъ видимъ, что ь въ этомъ словѣ сохраняется лишь въ «слоговомъ» положеніи, а иначе только въ единичныхъ (3 р.) случаяхъ при переносѣ. —двьри, 77, -рии 77, 110; двьрьнъıа 77. —зьданиа 84 (но чаще безъ ь: здати 83, създа -53, 57, 74, 118). — Передъ р въ «неслоговомъ» положеніи: изьбрана 122. 4 (но чаще: събра-, избра- 57, 103, 110), раздьра 21. 9, 10, 29, 55, -дь-ра 29. 17—18, измьроша 16, 24 (но помре 60 (2 р.), оумре 24 (2 р.), 56), ѿпьрешасѧ 111 (но призри 118 2 раза); передъ н въ такомъ-же положеніи: мьню 57 (мнѣти 11); передъ с въ такомъ-же положеніи: испьса 21, 46, 57, 113, 122, пь-сати 13—14.—Въ слабой формѣ корня глагольнаго -ьм- (срв. ст. слов. имати при ѥмлѭ): възьмъше 120, отьмъше 48 (при замѣнѣ ь или й изъ jь черезъ ѣ въ существ. отглагольномъ наѣменьци[1]) 92. 8, причемъ здѣсь и ь слѣдующаго слога замѣнилось черезъ ѣ: *наѣмьньци съ суф. -ьць при болѣе обычномъ въ этомъ словѣ суф. -ик-, который можно видѣть въ формѣ другихъ списковъ: К. наѣмъникъ АТ. наемници, см. издан. 1888 г. стр. 160) въ «слоговомъ» положеніи (т. е. передъ слѣдующимъ слогомъ также съ глухимъ) и възьма 115, изьмаша 64, 68 (при пропускѣ ь въ изма(ша) 31, 73, -къ 115) въ «неслоговомъ» положеніи. Послѣ л: льстьв(ою) 104, -(ѣ) 105, -льстивъше 42, 55, льстѧще 105, съ льта 8 (но лга 24. 3, лзѣ 60 съ пропускомъ ь); постоянно въ соб. имени пльсковъ (-а, -ѣ, -ѣ, -оу, -ици и проч.) 35, 36, 37, 38, 39, 70, 101 и проч.—28 разъ. Послѣ р съ предшест. согласн.: прибрьде 42, на грькъı 4, грьцинъ 113, грьцьскъıи 92, крьстъıан—86, 102 (при крч 8), на трьполи 11 (наоборотъ безъ предш. согласн.: рчи 1 вм. рьци повел. накл.). Послѣ нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, въ особенности передъ группой согласныхъ въ слѣдующемъ

[1]) Издатели 1888 г. читаютъ на Ѥменьци, видя здѣсь названіе какого-то урочища, но такъ какъ этого названія въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается, то м. б. вѣрнѣе будетъ читать здѣсь наемньци, т. е. наемники, набранные воины изъ Новгородцевъ; это мѣсто читается такъ: а на зимоу поиде дѣдъ къ поло-тьскоу. съ новгородьци и съ смо-лѧнаны. и оумирикъшисѧ коро-тишасѧ. наѣменьци. Срв. ѥмати, ѿѥмъсѧ въ новгородск. грамот. № 9, 10, 11 и замѣч. Шахматова въ «Изслѣд. о яз. новгор. гр.» 155—157.

слогѣ: постоянно въ собств. им. **мьстиславъ** съ производными 59 разъ (но въ корнѣ **мьзд-** съ одной стороны **безмездьникоу** 84, 88, съ другой **безм-здьникоу** 48. 14—15 при переносѣ; случай этотъ, однако, относится къ другому положенію, т. е. «слоговому», въ словѣ же **мьстиславъ** глухой зв. находится въ слогѣ, сопровождаемомъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ); **ть-ма** 20. 16—17; **тьсть** 13, **съ ть-цею** 33. 5—6; **цьстию** 50, **чьстью** 103, 111, 117; **къ чьг-лове оулки**[1]) 107. 6—7; въ глагольномъ корнѣ **шьд-**, но лишь въ «слоговомъ» положеніи: **шьдъ-** 58, 86, 96, 101, 114, 122, **пришьдъше** 31, **пришь-дъ** 15. 6—7 (при переносѣ), **шьлъ** 56, 57, **съшьствїѫ** 63 (передъ группою согласныхъ), но 1 разъ **дошедъше** 69. 8, напротивъ въ «неслоговомъ» положеніи **ь** постоянно пропускается: **шли** 52, 64, 86, 98. Проясненіе **ь** въ **ѣ** въ коренныхъ слогахъ въ 1-омъ поч. вообще рѣдко и, кромѣ указанныхъ случаевъ «въ слоговомъ» положеніи, въ «неслоговомъ» положеніи не встрѣчается; напротивъ есть случаи, гдѣ въ «неслоговомъ» положеніи **ь** постоянно пропускается: не говоря о Ф. **дни** 45, 64, 69, 107, гдѣ **ь** пропущено, м. б., благодаря титлѣ, мы, кромѣ приведенныхъ дублетовъ безъ **ь** при формахъ съ **ь**, постоянно безъ **ь** находимъ: **комоуждо** 57 (случай обычный даже въ старослов. памятникахъ; есть нѣсколько примѣровъ даже въ Зограф. Еванг.[2]), **что** 38, 45, 59, 64, 69, **ництоже** 31 (уже въ Мар. Ев. при рѣдкомъ **чьто** часто **чъто** и еще чаще **что**, см. словарь Ягича); безъ **ь** есть случаи также тамъ, гдѣ его ожидаемъ, какъ сокращеніе изъ первоначальнаго *і*, но объ этомъ послѣ.

Во 2-мъ поч. въ коренномъ слогѣ находимъ **ь** въ слѣдующихъ словахъ: **вьсь** 124, 175, 220, 228 (4 р. въ «слоговомъ» положеніи), но въ томъ-же положеніи **вс҃ь** 12 разъ (206, 212, 218, 130, 139, 144, 163, 185, 203, 223, 225, 235) и 1 р. **вхѣ полъ** 175. 1, а замѣны черезъ **ѣ** не встрѣчается; въ «неслоговомъ» же положеніи только при переносѣ 5 разъ: **вь-сн** 124. 15—16, 164—165, **на вь-сен** 235. 2—3, **вь-сѣхъ** 213. 14—15, **вь-сякого** 126. 15—16, а безъ **ь** въ массѣ 135 разъ (**всн**, **вс҃е**, **вс҃ѣи**, **всеволодъ** съ производными, **вс҃а** и т. п.).—**до оудьнца**[3]) 175 (сравните съ од-

[1]) Срв. «чьгълъ m nom. proprium viri» (greg.-naz.) и рус. щеголь (Miklos. Lexicon palaeoslov.); съ другой степенью вокализаціи родств. цѣглъ и сцѣглъ; польск. szczegól мож. восходить одинаково и къ *счьгълъ и къ *сцѣгълъ (здѣсь разница также и въ гласномъ второго слога: о, а не ъ).

[2]) V. Jagić, Studien uber das altsloven.-glagol. Zographos-Evang., 35, 23.

[3]) Т. е. до вечера, до того времени, когда *день* или солнечный свѣтъ убылъ (срв. арханг. *удновать*—спать, отдыхать, Подвысоцкій, Словарь архангельск. нарѣчія); частица

ной стороны оуденьє 240 въ 3-мъ поч., показывающее, что положеніе для ь здѣсь могло считаться слоговымъ, вѣроятно, потому, что на него падало удареніе, вслѣдствіе чего *і* слѣдующаго слога сокращалось въ ь, вѣроятно, неслоговое, а съ другой стороны пропускъ ь въ «неслоговомъ» положеніи: дн҃е 134, дни 222, днѣвнии 174).—двьри[1]) 139; также въ другихъ случаяхъ «неслогов.» положенія передъ р, но рѣдко и почти исключительно при переносѣ: оузь-рєкъ 131.7—8, одьраша 139 (2 раза, изъ которыхъ одинъ при переносѣ 8—9), между тѣмъ какъ безъ ь нерѣдко: въздрє 212. -ѣ 212 [аористич. Ф. 3 л. ед. ч. отъ глагола *въздьрѣти, а можетъ быть, и отъ *въздьрти—новообразованія при -дьрати[2]); возможно, что при -*дьрѣти аорист. Ф. была -*дьрохъ, какъ при мьрѣти — мьрохъ; если же видѣть здѣсь неполногласную ц. словянскую Ф. отъ предполагаем. -*дрѣти = малор. *деретй* (Грам. рус. яз. Огонов., 144), то, разумѣется, пропуска ь здѣсь предполагать не придется], (о)-дра(ша) 127, 140 (2 р.), (роз)—209, (из)-бра- 125, (съ)—132, попранъ 181, 186 (въ подобныхъ случаяхъ Остромир. Еванг. имѣетъ ь въ противоположность Зографскому[3]) и другимъ старословянскимъ памятникамъ), въ прѧгъ 137, распрѧ 157, зрѣти 221, оузрѣ(ша) 169, 170, 186, -зра- 180 (2 р.), 227, 228, позрищи 157, (из)мроша 127, 192, (по)- 162, оумре 232.—Какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ положеніи въ слабомъ видѣ глагольн. корня кмь- (ст. сл. ѧти): изьмъше 178, съньмъшемъсѧ 177, възь-мл҃а 156. 1—2, възь-ми 169. 14—15 (оба случая «неслогового» положенія при переносѣ); но възємъше 159, въ-зми 164. 16—17, 194, изма(но) 146, 150 (3 р.), 165 (2 р.), -(ша) 167, 232.—Послѣ м въ «слоговомъ» положеніи: мьньшєи 165 (въ «неслоговомъ» положеніи ис коломна 147, въ которомъ надо видѣть корень мѧ-, мьи-,[4]) что въ глаг.

оу- показываетъ уменьшеніе и восходитъ или къ оу- (*au-*) или къ ж изъ индоевроп. au_0-, срв. у Миклошича въ Lex. Pal.

[1]) Здѣсь подъ вліяніемъ ударенія въ противоположность формѣ род. мн. ь, вѣроятно, не теряло слогов. характера, не смотря на чистый гласн. слѣд. слога, но не обращалось въ *е* подъ вліяніемъ неудар. Ф, гдѣ могло удерживаться въ качествѣ полуслогового звука; срв, однако, дври, дврѣхъ въ Галицк. Ев. ок. 1266 г. и Кормчей ок. 1282 (Соболевскій, Лекціи, 1-е изд, стр. 47).

[2]) Срв. малорус. *дерти* и т. п. (Граматика руского яз. для школъ середнихъ. Напис. д-ръ Ом. Огоновскій. Львовъ 1889. Стр 144), бѣлорус. *дзéрци* (Словарь бѣлор. нар. Носовича).

[3]) V. Jagić, Studien uber das altsloven.-glag. Zogr -Evang., стр. 51—53.

[4]) Срв. замѣчаніе А. А. Потебни въ рецензіи «Народныхъ пѣсенъ галицкой и угорской Руси» Я. Ѳ. Головацкаго (Отчетъ о двадцать второмъ присужденіи наградъ гр. Уварова, ст. 73 примѣч.); только формы Коломьно съ ь, приводимой имъ со ссылкою на Новг.

мати -мьнж);—въ «неслоговомъ» положеніи передъ группою согласныхъ: **мьздоу** 211, **ѿмьстать** 192, **мьстиславъ** въ разн. падежн. формахъ съ производными 60 разъ.—Послѣ **п** въ «слоговомъ» и «неслоговомъ» положеніяхъ: **ѿ пьсъ** 222, 226, **пьхающіе** 211 (здѣсь, какъ и въ **пьса-** перваго поч., **ь** удерживалось въ неслоговомъ положеніи, м. б., благодаря существовавшимъ рядомъ формамъ съ удлиненіемъ коренного гласнаго въ *і*, но б. ч. въ такомъ положеніи находимъ формы безъ **ь**: **пси** 162, **-ноу** 226, **пшена** 208, 221, **-ицѣ** 221, **-цю** 208).—Послѣ **т** въ слоговомъ и неслоговомъ положеніи: **тьмницю** 135, **истьмь-ницѣ** 134. 5—6, **тьсть** 192, **тьрьска** 172 (любопытны формы этого названія мѣстности въ новгородскихъ грамотахъ: при формахъ **тьрѣ**, **трѣ**, **тре** встрѣчается въ другихъ грамотахъ съ одной стороны **терѣ**, съ другой **тѣрь**[1]); **стькломь** 142 [положеніе «неслоговое», такъ какъ послѣ **к** первопачально не было глухого звука, развивавшагося между **к** и **л** лишь позднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ **л** приходился глухой въ качествѣ окончанія падежной формы, становившійся б. ч. неслоговымъ, напр. въ Ф. род. пад. мн. ч. ***стькълъ** вмѣсто первонач. ***стькълъ**, — явленіе, подобное извѣстному развитію вторичныхъ глухихъ и затѣмъ чистыхъ въ болг., серб. и словѣн. въ причастн. формѣ муж. р. ед. ч. на **лъ** глаголовъ съ основой, оканчивающейся на гортан., губной или *s* зв.: ст. слов. **могълъ**, **пекълъ**, но болгар.[2]) *пѐкъл*, *могъл*, словѣн. *mogel*, *pékel*, сербск. *мо̏гао*, *пе̏као* [3]); такимъ образомъ въ Ф. **стькло** являлся глухой зв. передъ группою согласныхъ, удерживавшійся въ качествѣ, м. б., полуслогового звука до тѣхъ поръ, пока въ однихъ говорахъ не исчезъ совсѣмъ, вслѣдствіе чего увеличившаяся еще болѣе группа согласныхъ должна была подвергнуться извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, такъ что является напр. въ малорус. и чешск. *скло*, *sklo*, въ польск. *szkło*, *szkiełko*, въ сербск. *цкло̀*, въ другихъ же прояснялся въ чистые гласные, такъ что въ нѣкоторыхъ и даже бо́льш. части великорусскихъ говоровъ является Ф. *стекло*, въ нѣкоторыхъ серб. *стàкло*; въ болгарск., гдѣ удерживается б. ч. глухое про-

---

I л. 30 (вѣроятно, по 1-му изданію), у насъ не встрѣчается, хотя, весьма вѣроятно, она предполагается въ виду обычнаго пропуска **к** въ «неслоговомъ» положеніи.

[1]) А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ, стр. 144.

[2]) См. объ этомъ явленіи, т. е. развитіи вторичныхъ глухихъ между соглас. и конечн. плавн. въ болгарск. у А. Калины въ «Studyja nad historyją języka bułgarskiego» (Rozprawy..... wydziału filolog. Akad. Um. w Krakowie, 1891, XIV, стр. 485, § 120).

[3]) См. въ образцахъ у Т. Флоринскаго (Лекціи по славянскому языкознанію, ч. I-я, стр. 149, 337, 487).

изношеніе, является въ однихъ говорахъ *стъкло́*, въ другихъ *цъкло́*, причемъ въ послѣднемъ слоговой глухой могъ или развиться вторично послѣ обращенія *ст* передъ *к* въ *ц*, или явиться подъ вліяніемъ Ф *стъкло́* [1]); подобно *скло* изъ **стъкло́* въ архангельск. нарѣчіи является *склúво* [2]) изъ **тъсклúво*; сходно съ этимъ положеніе **ъ** въ выше указанной Ф. **тыцею** въ 1-омъ поч. или въ косвенныхъ над. слова **тъсть**, вслѣдствіе чего и появлялось въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣненіе **тс** въ **ц**, какъ показываетъ написаніе Ипат. лѣтоп. *цетя* [3]), *ко цтю* 456; такое же положеніе **ъ** мы встрѣчали въ формахъ **дъждемь**, **дъчерь**, **дъска**, **тъска**, **промъкла** и т. п., о которыхъ шла рѣчь выше]. Также послѣ **т** въ неслоговомъ положеніи передъ двумя согласными въ извѣстномъ соб. имени: **тъхвѣрь** 160. 10. 167 19, въ **тъхвѣри** 167. 14, **за тъхве-рью** 167. 15—16, **тъхвѣрью** 200. 8, **тъхвѣрцю** 164. 6; форма съ **ь** встрѣчается 1 разъ также въ Лаврент. подъ 1209 г. (л. 295) (изд. 1872 г. Арх. ком., стр. 413): **со тьфѣри**, но много разъ безъ **ь**: **тфѣрь** въ различн. над. формахъ, **тфѣричи**, **тфѣрьскый** и т. п. подъ 1285, 1294, 1295, 1296, 1297, 1298, 1299, 1300, 1301 г. (изд. стр. 459—462); безъ **ь** пишется это слово постоянно также въ 3-мъ поч. Синод. сп. (напр. ст. 247, 280, 300, 303, 307 и мн. др.) и въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в (см. у Шахматова №№ 4, 5, 12, 14, 13, 17, 18, при чемъ не только послѣ предлоговъ **ко**, **во** вм. **къ**, **въ**: **ко тфѣри** № 4, **во тфѣри** № 5, но и **тфѣрьскаи** № 5; этимологія этого слова неясна, но можно сравнить названіе другого города **Тихвинъ** (Новгород. губ.), гдѣ также гласн. звукъ (и родств. съ **ь**) между *т* и *хв*; объ измѣненіи же группы *хв*, относящемся къ области согласныхъ, скажемъ потомъ. Послѣ шипящихъ и **ц**, замѣняющаго **ч**: **ничьтоже** 136 (только 1 р. при описаніи греческихъ событій), но **что** 126 (2 р.), 137, 148, 169, 171, 172 и проч. (17 разъ); **цьк-стью** 202. 5—6 (при переносѣ), **влгочьствии** 179, **овьцьствовали** 207; въ глагольн. корнѣ **шьд-** въ слоговомъ положеніи: **шьлъ** (**при-**, **за-**) 124, 151, 154, 169, 218, 233, **-шьдъ-** 131, 148, 171, 184, 186, 194, 207, 233 — 14 разъ, а въ неслоговомъ только 1 р. при переносѣ **пошь-ли** 203. 13—14, но шли одно или въ соединеніи съ предлогами (**за-** и др.) 8 разъ (169, 136, 174, 191, 198, 230), **пришло** 206; замѣна черезъ **ѥ** [4])

[1]) См. словари сербск. В. Караджича, болгар. А. Л. Дювернуа.

[2]) См словарь архангельскаго нарѣчія Ал. Подвысоцкаго.

[3]) А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи рус. яз., 1888 г, стр. 46—47.

[4]) Спорадически (13 разъ) замѣна черезъ **ѥ** встрѣчается здѣсь даже въ такомъ точномъ старослов. памятникѣ, каково Зограф. Еванг. (Jagić, Studien...., 47).

въ слогов. положеніи 3 р.: (w-, до-) шєдъ(шє) 174, 203, 234; въ глаг. корнѣ жьд- напротивъ лишь примѣры безъ ь: -ждa- 134, 206, ждѫ 205 (полож. неслог.), сюда же кождо 178, 198, только при переносѣ -жь-до 193. 16—17. Послѣ плавныхъ л и р какъ безъ предшеств. согласн., такъ и съ предшеств. согласнымъ: льгъко 201, льстью 173—въ слогов., прѣльсти 177, 178—въ неслоговомъ положеніи; въ неслоговомъ же положеніи, но съ предшествующимъ плавному согласнымъ и сопровождаемый группою согласныхъ находимъ звукъ ь въ собств. имени пльсковъ, которое съ производными встрѣчается постоянно съ ь 24 раза, а именно: -ъ, 155, 207, 209 (2 р.), 230 (2 р., 1 р. при переносѣ пль-сковъ 3—4 строки), -а 210, -є 207,—у 231, -итїна 172, -ици 155 (2 раза), 156 (2 р.), 174 (-ичи), 207, 208, 209, 210, -ичь 207, бесплъ-сковиць 210. 4—5, пльсковьска 153, пльсковьскъıи 156. 7—8, -ьскъıмь 166; тоже въ прослъзитьсѧ 222; грькъı 138, 141. 12—13 (переносъ), грькомъ 138, грьци 137, грьцина 204 (2 р.), 216—217 (-ь|-), -ъ 233, грьчина 209, грьчьскъıи 139, -ѧи 143—11 разъ съ ь и 2 раза съ ѣ вмѣсто ь, что̀ частію объясняется сходствомъ начертанія, частію, вѣроятно, лежитъ въ связи со значеніемъ, придаваемымъ буквѣ ѣ писцомъ 2-го почерка: из грѣчьскѣи 129, грѣчьскои 130 Въ коренномъ и въ то же время суффиксальномъ слогѣ въ мѣстоименіи указательномъ въ имен. ед. муж. р. сь: сь же доужь 142, и сь прии 154, сь же 178, 179, 192, сь̃... 177, между тѣмъ какъ въ неслоговомъ несамостоятельномъ положеніи (проклитически) въ извѣстномъ нарѣчіи мѣста этотъ корень теряетъ глухой звукъ: сде 191, 215 (сравн. выше указанное кдѣ, кде).

Прежде, чѣмъ указать факты 3-го поч., а затѣмъ перейти къ суффиксальнымъ слогамъ, позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе для избѣжанія недоразумѣній относительно слова мечь. Какъ извѣстно, сербская форма *мȁч — мача*[1]). (В. Кар., срп. рјечник) при рус. ѣ. и западнословянской съ *е* могла бы навести на предположеніе, что въ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ *е* изъ ь. Но этому противорѣчитъ не только устойчивость *е* въ формахъ косвенныхъ над. въ современныхъ языкахъ русскомъ, поль-

[1]) Устойчивость *а* и въ прямомъ (открытомъ) слогѣ при обычной въ сербскомъ любви къ вокализаціи глухихъ и въ «неслоговомъ» положеніи (срв. *дȃн — дâна* В. К.) не говоритъ противъ объясненія его изъ глухого (въ данномъ случаѣ могъ оказать поддержку и сложный шипящій) Устойчивость глухихъ или ихъ рефлексовъ въ такихъ положен. свойственна сербск. и болгарскому въ противопол. русскому и особенно польск. и чешскому.

скомъ и чешскомъ, которую трудно бы было объяснить однѣми чисто Фонетическими причинами [1]) (сравн. исчезновеніе или по крайней мѣрѣ отсутствіе проясненія глухихъ въ первоначально прямомъ открытомъ слогѣ въ словахъ *мчать* изъ **мъчáти*, *пчела́* изъ **бъчела́* [2]) и т. п., гдѣ имѣемъ положеніе глухого также между согласными съ одной стороны губнымъ, съ другой дифтонгомъ **ч**; другое дѣло — положеніе между зубнымъ и **ч**, въ каковомъ случаѣ иногда могло происходить, и то лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ, и б. ч. подъ ударéніемъ проясненіе глухого въ «неслоговомъ» положеніи, т. е. въ прямомъ первоначально слогѣ), но и факты древнихъ памятниковъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и старословянскихъ. Въ старочешскомъ Гебауэръ отмѣчаетъ только одинъ примѣръ съ пропускомъ гласнаго между *m* и *č* въ этомъ словѣ, а именно въ Оломуцкой библіи 1417 г. читается: *mczzem bojovati* (Histor. mluvnice, D. I, 173), которое едва ли не описка; въ остальныхъ примѣрахъ изъ памятниковъ болѣе древнихъ (XIV в.: легенды объ Іудѣ, Александріды, псалтырей Виттенберг. и Клементинск.) «правильно *meč-* вмѣсто желаемаго *mč-*», какъ выражается Гебауэръ (ibid.). То же и въ старопольск, напр. въ Пулавск. псалт. *mięczem* (пс. 45, ст. 4, см. фототипич. [3]) изданіе), а также и въ древнѣйшей Флоріанск. псалт.—*mieczem* (Kalina, Historya języka pol., стр. 64); менѣе доказательно *Meczzlaus* и т. п. въ латинскихъ грамотахъ, такъ какъ здѣсь могло быть положеніе «слоговое», т. е. можно предположить при Ф. ***Мечислáвъ** форму ***Мечьслáвъ**, на которую, повидимому, указываютъ приводимые Бодуэномъ-де-Куртенэ примѣры [4]). Обращаясь къ русскимъ памятникамъ, мы и въ нихъ находимъ постоянно **е** въ этомъ словѣ съ его производными (конечно, рѣчь можетъ быть лишь о тѣхъ памятникахъ, которые сохранили еще слѣды употребленія **ъ** и **ь** въ корнѣ и вообще внутри словъ). Слово это встрѣчается неоднократно въ лѣтописяхъ, изъ которыхъ разбираемый нами памятникъ, какъ древнѣйшій, въ первыхъ двухъ почер-

[1]) Замѣчательно при этомъ и то, что ударéніе падаетъ здѣсь на суффиксъ.

[2]) Можно, пожалуй, возразить, что вѣдь въ этихъ словахъ и въ сербск. глухой исчезъ (*чèла* изъ первонач. *бъчелà* черезъ поср *пчела*), но остался въ Ф. *мàча*, которую, какъ *дâна* и др., придется объяснить вліяніемъ Ф. имен. п. ед. ч.; дѣло, однако, въ томъ, что въ сербск. это вліяніе не ограничивается формою *мàча*, слѣдов. не зависитъ отъ фонет. дѣйствія согласныхъ *м* и *ч*.

[3]) Psałterz Puławski. Z kodeksu pergaminowego księcia Władysława Czartoryskiego przedruk homograficzny wykonali Adam i Stanisław Pilińscy. Nakładem biblioteki kórnickiej. 1880.

[4]) О древне-польскомъ яз. до XIV-го столѣтія, стр 67 «Словаря».

кахъ, какъ мы видѣли, представляетъ не только слѣды употребленія глухихъ, но и почти правильное употребленіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ; и вотъ, не смотря на это, мы встрѣчаемъ лишь: **мє-чь** 77. 12—13 (при переносѣ), **мечѫ** (вин. двойств.) 178. 17, **мець** 200. 16, **мечєношю** 203, **мечємь** 246. 15, 259. 2 (послѣдніе примѣры изъ 3-го поч.). Всѣ ссылки Миклошича (Lexic. palaeoslov.) при формахъ **мчѧ**[1]) (chron. I. 206) и **мьчьникъ** (Остром., Марк. VI, 27, и рег. 84. 7) на памятники русскаго письма оказываются невѣрными или неточными (т. е. касаются лишь самаго слова, а не формы, въ которой оно встрѣчается): въ Лаврент. сп. Лѣтописи (1-й т. «Полнаго собранія»....., на который ссылается Миклошичъ) мы нигдѣ не находимъ формы **мчѧ**, а лишь **мечѧ**, **мечь**, **мечѝкы** и т. п. (см. издан. фототип. 1872 г., стр. 11, 22, 26, 30, 22. 26, **мечѣ своѣ** вин. множ. 27. 6 и др.; см. также указатель при издан. Археогр. ком. нефототип. 1872 г.); также и въ Ипатьев. сп. (см. фототип. издан. 38,[a] 10, 39,[a] 4, 50[a] въ послѣдн. строкѣ внизу: **мечемъ**, **мечи**, **мечь**; въ двухъ первыхъ примѣрахъ особое **є**, употребляющееся въ Ипат. безразлично часто и послѣ согласныхъ); также въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго (рукоп. второй пол. XV в.) на стр. 84. 7 по издан. въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» въ IX-ой кн. «Временника Имп. Москов. Общества исторіи и древн. рос.» читаемъ: **мечникъı**, 83. 34 и 35: **мечь**, 83. 35: **мечѧ**, 83. 37: **мечи**; на Ипат. и тѣмъ болѣе Переясл. лѣтоп., какъ памятники поздніе (XV в.), не стоило бы и ссылаться; въ Остромир. Еванг. указанное Миклошичемъ мѣсто читается **мечьника** (см. издан. Востокова), а также и въ другихъ мѣстахъ **мечь** и т. п.[2]). Въ русскихъ памятникахъ XI-го и слѣдующихъ вѣковъ мы это слово постоянно находимъ лишь съ **є**; кромѣ указанныхъ, см. также въ Служебныхъ минеяхъ 1095—1097 г., по издан. акад. Ягича 1886 г. стр. 0211, 0220: **мечьмь**, **мечи** (сентябрь, л. 160[a], 166[б]); въ «Русской Правдѣ» по синодальному списку конца XIII-го в.: **мечемь**, **мечникъ**, **-ꙋ**[3]), но одинъ разъ **мьчь**[4]),

---

[1]) Къ сожалѣнію, эта ошибка (за невозможностью найти 1-й томъ «Полнаго Собранія» я не могу провѣрить, сдѣлана ли эта ошибка издателями, или неточность принадлежитъ Миклошичу) повторяется и въ стат. чешскаго ученаго Ант. Гавлика (Ant. Havlík, K otázce jerové v staré češtině, Listy filologické, 1889, sešit I, стр 50).

[2]) См. напр. у Козловскаго, О яз. Остром. Ев., стр. 76.

[3]) Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам..... 36, Русскія Достопамятности I, 53, 32 (2 р.), 33. Многочисленные примѣры слова **мечь** въ русск. пам. можно найти и во вновь вышедшемъ 1 в. II т. «Матеріаловъ для слов. др. р. яз.» И. И. Срезневскаго.

[4]) Рус. Достопам. I, 32. Къ этому памятнику по отношенію къ слову **мечь** я обратился, благодаря совѣту М. Г. Халанскаго.

что̀, если вѣрно напечатано въ изданіи, едва ли не слѣдуетъ признать опискою (странно, что Миклошичъ не цитировалъ этого мѣста, которое бы по крайней мѣрѣ отчасти могло его поддержать въ правописаніи **мьчь**) въ виду и другихъ случаевъ употребленія **ь** вмѣсто **ѣ** въ томъ же памятникѣ: *кльпати* 39, *пьреяславьскаго* 40, *трьтьяго* 40 (Рус. Дост.). Остаются пока не провѣренными ссылки Миклошича на сербскіе памятники, но, насколько имъ можно довѣрять, видно хотя бы изъ того, что и въ болг. Троянской притчѣ, на которую онъ ссылается относительно прилаг. **мьчьнъ**, по его же изданію въ III-ей кн. «Starine» (стр. 186) оказывается **мечными главами** (л. 42) съ **е**. Но въ памятникахъ сербскаго письма **ь** здѣсь возможно, какъ это доказываютъ болѣе обстоятельные примѣры въ словарѣ Даничича («Рјечник из књижевних старина српских», sub. v.): **мьчь** со ссылкою на Monumenta Serbica 155[1]), **мьчꙋ прѣдаше** со ссылкою на «Љетописи српски» 81 (по издан. Шафарика въ «Památky dřevního písemnictví jihoslovanův»[1]); срв. также **съ мачи** со ссылкою на «Споменици» Медо Пуцића 48; Ф. *мьчь* еще встрѣтилась мнѣ въ одномъ текстѣ сербскаго письма XVI в., напечатанномъ Ягичемъ въ XI т. Archiv f. sl. Philol., стр. 590. Что касается древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ перусскаго письма, то въ нихъ правильно находимъ лишь формы съ **ѣ**: см. словарь къ издан. Ягичемъ Маріинскому Евангелію; срв. напр. **мечь** Матѳ. X. 34 въ Зограф. Ев. и друг., гдѣ въ сербскомъ Никольскомъ спискѣ XIV—XV в. читается уже **мачь**, которое въ послѣднемъ находимъ также въ гл. XXI. 24 отъ Луки: **падоꙋть ѣⷭ острыи мача**....; въ Супрасл. сборникѣ также постоянно **е**: **меча** 28 (2 р.), **мечь** 35, 63, **мечемь** 45 (2 р.), **мечи** 45, 337, **пльтоѭдивъıи мечоꙋ** (зват. п. ед. ч.) 87 (издан. Миклошича 1851 г.). Такимъ образомъ въ пользу основного **ь** въ этомъ словѣ говорятъ однѣ лишь сербскія формы. Замѣчу еще, что удержанію слогового характера и затѣмъ переходу **ь** въ *а* въ формѣ род. ед. *мача* въ штокавскомъ содѣйствовалъ переносъ экспираторнаго ударенія на предшествующій слогъ съ глухимъ звукомъ, очевидно, раньше, чѣмъ **ь** успѣло утратить вполнѣ слоговой характеръ; отсюда и разница сравнительно съ формою *чѐла* изъ **бъчѐлà* (употребляя знаки ◡ и ˋ въ значеніи, приписываемомъ

[1]) Ссылки мною провѣрены; примѣръ изъ Mon. Serb. Миклошича чит. такъ: **вьсприемшимь вѣнце почьсти wдь всемогѣщаго владыки и wтъ рѣкии ангельске мьчь**.... (грам. 1357 г. № CXLI Стефана царя «**сръблемь и грькwмь**».... , origin. chartac. in c. r. archivio Viennae. Спомен. 46, Mon serb. стр. 155—157); примѣръ изъ **лѣ**тописи относится къ 1474 г. (рукоп. ок. 1501 г., см. «Památky» 2-е изд. 1873 г., стр. 68—81).

имъ Мазингомъ и Шахматовымъ [1]), т. е. въ значеніи краткихъ музыкальнаго и экспираторнаго удареній), гдѣ ъ приходился въ слогѣ, отдѣленномъ отъ слога съ экспираторнымъ удареніемъ еще слогомъ съ музыкальнымъ удареніемъ, на который и должно было перейти въ штокавскомъ экспираторное ударе́ніе конечнаго слога; если бы *а* формы *màча* и т. п. было обязано лишь вліянію формы имен. един. ч. *ма̏ч*, то, мнѣ кажется, и ударе́ніе бы было одинаково, т. е. рѣзкое, подобно тому, какъ при формахъ имен. ед. *ла̏в*, *да̂н* и формы косв. пад. *ла̏ва*, *да̂на* [2]). Но и въ области сербскаго языка это слово, очевидно, искони имѣло двѣ формы, и на западѣ, въ чакавщинѣ, уже было **мечь**: въ западно-боснійскомъ Рудницкомъ спискѣ Александриды XVI в. постоянно пишется **меч** (Starine III, 223, 233, 239, 240, 268, 294, 310, -**е** 261, -**ем** 269, 293, 295, 310; у Марулича (XV в) при Ф. *mač* (Stari pisci, I, 172) встрѣчается и *meč* (ib. 35, Judita, pjev. IV, 7...) (срв. объ этомъ у Облака «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen», Archiv f. slav. Philol. XVI, 182). Въ сосѣднихъ съ сербо-хорватской группой говоровъ группахъ болгарской съ одной стороны и словѣнской съ другой, кажется, извѣстны лишь формы съ *е*; въ болгар. словарѣ А. Л. Дювернуа (стр. 1204) сказано, что это слово очень рѣдкое даже въ народныхъ пѣсняхъ, и приводится только одинъ примѣръ изъ сборника Безсонова; въ словѣнскомъ Плетершникъ [3]) отмѣчаетъ *mèč -méča*; Шкрабецъ [4]) обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ словѣ, какъ и въ словѣ *lèv—lę́va* (я оставляю по возможности правописаніе Плетершника), въ словѣнскомъ остается полный гласный въ противоположность слабому (глухому) въ старословянскомъ; дѣйствительно, если бы мы хотѣли найти въ словѣнскомъ полное соотвѣтствіе старословянскихъ * **мьчь** и **лькъ**, мы бы въ литературномъ языкѣ, въ основѣ котораго лежитъ преимущественно краньская (крайнская) группа говоровъ, и въ юго-западной группѣ говоровъ вообще ожидали * *meč* (съ глух. зв.) — * *máča*, * *lev* (съ глухимъ зв., выражаемымъ Плетершникомъ особой формой буквы *е*)—* *láva*, такъ какъ

---

[1]) А. Шахматовъ. Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній, стр 39.

[2]) Pavić, Studije o hrvatskom akcentu, u Zagrebu 1881, стр. 3—9

[3]) Slovensko-nemški slovar; за присылку его мнѣ приношу благодарность глубокоуважаемому И. В. Ягичу.

[4]) «Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo. § 11. O slabljenju, preglaševanju in raztezanju samoglasnikov v korenih» (обертка XIII tečaj, 1. zvezek «Cvetje z vertov sv. Frančiška», V Gorici, 1894); за присылку цѣнныхъ грамматическихъ изслѣдованій Шкрабца приношу глубокую благодарность словѣнскому ученому В. Облаку.

въ долгомъ ударяемомъ слогѣ глухой замѣняется въ нихъ черезъ *а* въ противоположность говорамъ восточнымъ, гдѣ онъ переходитъ вообще въ *е*, въ краткомъ же ударяемомъ и неударяемомъ произносится глухо, что̀ въ литературномъ правописаніи передается черезъ *е*; Облакъ[1]) указываетъ на то, что *теć*, *теćа* произносится и въ южныхъ и западныхъ говорахъ, слову же *lev—leva* онъ не придаетъ значенія, считая его ненароднымъ. Облакъ первый, на сколько мнѣ извѣстно, указалъ на то, что разбираемое нами слово было заимствовано Словянами изъ германскаго въ *двоякой* формѣ: **мечь**, которое ближе къ германской формѣ (гот. *mēkja-*, ас. *māki*, Miklos. Vergl. Gram. I, 26, срв. также «Мысли объ истор. рус. яз.» Срезневскаго, 1887 г., ст. 116), и **мьчь**; онъ-же, кромѣ указанія на словѣнскую форму, обратилъ вниманіе и на малорус. *мич*[2]) и бѣлорус. *міеч* (Карскій, Рус. Фил. Вѣстн. 1893, 82), которыя послѣ всего сказаннаго не слѣдуетъ считать явленіемъ вторичнымъ сравнительно съ *піч* изъ основн. **печь** и т. п., какъ это сдѣлалъ Шахматовъ[3]) относительно **міеч* галицко-волынскихъ памятниковъ (**мѣчь** и т. п., см. у Соболевскаго, въ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.», стр. 3, 21, 27, 90, срв. также въ Ипат. лѣт. 514=508, г. 1230); но на два упомянутыхъ вида этого слова въ церковно-словянскомъ указалъ уже проф. Соболевскій (ibid. 91) еще 12 лѣтъ тому назадъ, при чемъ онъ же замѣтилъ, что въ русскомъ является лишь форма съ *е*; я сдѣлаю только ту поправку къ мнѣнію Соболевскаго, что и въ церковно-словянскомъ, на сколько намъ извѣстно изъ памятниковъ, являлось это слово лишь съ *е*. Однако еще раньше обоихъ на вѣроятность основной формы *мечь* намекнулъ еще въ 1870 г. А. Ѳ. Потебня (Замѣтки о малорус. нарѣчіи, стр. 68—69), который при этомъ обратилъ вниманіе не только на малор. *міч*, но и на показанія ст. слов. пам.; кромѣ того, онъ же привелъ здѣсь и любопытное свидѣтельство того, что въ малорус. существуетъ и рефлексъ формы **мьчь**, говоря, что ему встрѣчалось въ мр. *меч*. Такимъ образомъ, съ одной стороны Ф. ***мьчь** въ одномъ сербскомъ и частію м. б. въ малорусскомъ, съ другой ***мечь**, къ которой восходятъ формы всѣхъ остальныхъ словянскихъ нарѣчій. Я позволю себѣ предполо-

---

[1]) Die Halbvocale und ihre Schicksale in den sudslav. Sprachen, 170.

[2]) Dr. Em. Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, 37. Срв. напр. въ пѣснѣ: товста, якъ *піч*, остра, якъ *мичъ* (Пинчуки, этнографич. сборникъ Булгаковскаго, Спб 1890, изъ XIII тома, 3 вып «Записокъ И. Рус. Географ. Общ.», стр. 105).

[3]) Изслѣдованія въ области русской фонетики, 113.

жить такія же двѣ формы и для заимствов. слова **львъ**: съ одной стороны *__львъ__, къ которой восходятъ формы всѣхъ словянскихъ нарѣчій, съ другой *__левъ__, къ которой восходитъ словѣнское[1]) *lèv — léva* (не сюда ли и болгар.[2]) *левове*, м. б. хорватск. *lewow*, напр. у Крижанича: pûtno opîsanie ot Lewówa do Móskwi[3]), ст. чешск. *lewa* въ Виттенб. псалтири[4]), олонецк. *левы звѣри*, *лева звѣря*[5]) ?). Нов. в. нѣм. löwe заставляетъ насъ ожидать **ь**; впрочемъ Миклошичъ въ «Etymolog. Worterbuch der slav. Sprachen» производитъ **львъ** изъ д. в. н. *lewo*, восходящаго къ лат. *leo* гр. λέων, которое семито-египетск. происхожденія.

Въ 3-мъ поч. находимъ въ коренныхъ слогахъ **ь** лишь въ «нослоговомъ» положеніи (срв. выше сказанное о **ъ**) — тамъ, гдѣ окружающіе его согласные содѣйствовали образованію или удержанію хотя бы полуслогового звука: **дьври** (винит. мн.) 246, **мьсти** 264, **ѿмьстити** 283, **вльвотины** 275, постоянно въ соб. им. **пльсковъ, пльсковичи** и т. п. (много разъ), **грьчинъ** 241, 331, **стьклянницю** 260, **вецьствовали** 297 (здѣсь собственно предполагается передъ **ств** выпаденіе цѣлаго слога **сть**: *__вез-чьсть-ствовали__; но въ такомъ положеніи выпаденіе это могло совершиться очень рано, а потому и положеніе **ь** здѣсь можно разсматривать, какъ положеніе передъ группою согласныхъ + чистый гласный); на всѣхъ этихъ случаяхъ я останавливаться не стану, такъ какъ я уже касался ихъ по поводу примѣровъ въ 1-мъ и 2-мъ поч. Остановлюсь немного лишь на словѣ **пльсковъ**; здѣсь

[1]) Впрочемъ, Облакъ указыв., что въ языкѣ XVI в. были формы, указывающія на глухой зв. (ib 169).

[2]) Въ болгар., впрочемъ, нерѣдко является *е* вм. **ъ** (срв. ib. 185—186) въ открытомъ слогѣ О троякомъ произношеніи *лѣвъ*, *лъвъ* и *левъ* въ болгарскихъ говорахъ ср. у Л. Милетича въ статьѣ: «Особноститѣ на езика въ мар. паметникъ» (Периодическо Списание на българ. кн. друж., 1886, кн. XIX и XX, стр. 243, сноска къ стр. 242); на это мѣсто обратилъ мое вниманіе Н. К. Грунскій.

[3]) Собраніе сочиненій Юрія Крижанича, вып. 1-й, Москва, 1891, стр. 1, 3, 7.

[4]) Gebauer, Histor. mluvnice, § 139, стр. 159.

[5]) Колосовъ, Обзор звук. и форм. особ. народн. рус. яз., 1. Возможно, конечно, всѣмъ этимъ примѣрамъ дать и другое объясненіе: *е* въ хорват. (кайкавск.) можетъ быть объяснено изъ **ъ** (если форма *lewow* у Крижанича взята изъ кайкавскаго нарѣчія) наклонностью къ вокализаціи открытыхъ (прямыхъ) слоговъ вообще въ югословянскихъ нарѣчіяхъ, при чемъ въ сосѣднемъ словѣнскомъ нарѣчіи гласный вообще внутри слова, хотя бы и въ открытомъ слогѣ, если на него падаетъ удареніе, произносится сильнѣе, чѣмъ въ конечномъ закрытомъ (см. Valjavec, Prinos k naglasu i novoslov. jeziku, Rad jugoslav. akad., knj 43, стр. 1—2); *е* въ ст. чеш. *lewa*, какъ неточное выраженіе глухого (срв. ibid. *zemeske*, pomsta *krewe*, также *wesseczka* въ хрон. Пулкавы = *všecka*, Geb. ibid.), *е* въ сѣв.-великорус., *лева*, какъ *о* въ *лоба* и т. п. (Колосов, ibid.) И въ малор. при *льва* встрѣч. *лéва* (Ogonovski Studien, 55), срв. ibid. *лéну* при *льну*.

въ варіантахъ КАТ. находимъ или **плесковъ** или **п(ь)сковъ**; форма **плесковъ** преобладаетъ и въ Лаврент. и Ипат. сп., ф. **псковъ** въ списк. XV—XVI в.; её находимъ и у насъ на листахъ, написанныхъ позднѣйшими почерками: **изо пскова** 336, **въ псковъ** 336, **псковиць** 336, 337, **пьсковицемъ** 336. Отношеніе **пльск-**: **плеск-**: **пск-** такое-же, какъ **крьст-**: **крест-**: **кст-** (*кстить*) (срв. Шахматова, о яз. новгор. грам., 176). Въ остальныхъ случаяхъ передъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ мы находимъ правильно пропускъ **ь**: **кси** 19 р. (239, 240, 246 и проч.), **всю** 11 р. (239, 252 и др.), **всемь, всѫкомь** 241, **ꙗка** 291, **нѣказѣ** 287 (кор. **льг-**), **мне** 253 (въ знач. *mihi*), **пси** 275, **рли** 263 (наідоша дъждеве. и поимаша вси **рли**. і обилиꙗ и сѣна), 320 (оубьенъ бꙑ̆ на **рли**) [***рьли** им. вин. мн. и мѣстн. ед. къ им. **рьль**, что въ грам. Варлаама п. 1192 г.: рьль противꙋ̆ села за Волховомъ (Смирнов., 18), срв. *рель* — поемный лугъ, *рѣлка* — сѣнокосъ, въ спискѣ словъ, собранныхъ М. А. Колосовымъ въ Новгородской губ., Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи въ обл. сѣв.-великор. нарѣч., стр. 36, при чемъ ошибочно объяснено это слово, какъ «tempus arandi», въ «Матеріалахъ для словаря древнерус. яз.» А. Дювернуа; не слѣдуетъ смѣшивать словѣн. *râl — ralî* = 1. das Ackern, а также и «cas, kadar se orje»...., 2. «*izorana zemlja*, das Baufeld» [1]), и серб. *ра̏л* [2]), которыя родств. съ др. рус. *ролиꙗ*, малор. *рілля*, польск. rola и т. п., и находятся въ связи съ корн. **ar-*, что̀ въ **ор-а-ти** и греч. ἀρόω], **тма** 240, **что** 247, 266, 292, **шли** 247, — и 258. Наоборотъ въ «слоговомъ» положеніи въ 3-мъ поч. правильно пишется **е** вм. **ь**: **оуденье** 240, **легко** 274, **прелесть** 238, **меншимъ** 274, — **шедъ** 238, 239, 324 и пр., — **шедше** 239, 241, 247, 264 и пр., **шелъ** 326, 328, **шествиемъ** 270; сюда же относятся случаи **трепетъ** 243 и **сшествиѣ** 305, гдѣ бы мы ожидали сохраненія **ь** подъ вліяніемъ стеченія согласныхъ, не смотря на то, что въ слѣд. слогѣ чистый гласный. Замѣчательно, однако, что въ мѣстоим. **вьсь** и въ «слоговомъ» положеніи постоянно пропускается **ь** (17 разъ: 245, 248, 254, 257, 262 и мн. др.), какъ часто это мы замѣтили и въ 1-омъ и 2-мъ поч., на 337-ой же стр., написанной послѣднимъ поч., уже правильно **весь**. Трудно рѣшить, что̀ означаетъ такое правописаніе въ 3-мъ поч., и весьма возможно, что въ немъ это не болѣе, какъ книжная традиція, но первоначально такое написаніе едва ли можно объяснять однимъ

[1]) M. Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar.

[2]) В. С. Караджичъ, Српски рјечник («1600 □ хвати земље или 2 дана орања»).

вліяніемъ[1]) формъ вси, вса, все и т. п., гдѣ фонетически ь становилось неслоговымъ и могло рано исчезать; исключительно однимъ вліяніемъ косвенныхъ формъ можно бы было объяснить лишь единичные случаи, а не столь частые, какъ въ 1-омъ и 2-мъ поч. Встрѣчающіяся рядомъ съ вьсь въ 1-омъ и 2-мъ п. написанія (болѣе рѣдкое вьсь, единичное вєсь, а съ другой стороны вχє), мнѣ кажется, позволяютъ сдѣлать то предположеніе, что здѣсь въ извѣстную эпоху въ нѣкоторыхъ говорахъ слышались оба ь съ равною силою, т. е. оба были слоговыми или полуслоговыми, но что при извѣстныхъ обстоятельствахъ (въ зависимости отъ окружающихъ словъ) получалъ бо́льшій вѣсъ то первый, то второй слогъ или полуслогъ, становившійся въ такомъ случаѣ цѣльнымъ, между тѣмъ какъ его сосѣдъ приближался къ уничтоженію. Это особенно понятно въ тѣхъ говорахъ, которые чисто ли фонетически или подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ пад.,[2]) имѣвшихъ чистый гласный въ суффиксѣ, имѣли склонность къ удержанію слогового звука на концѣ въ формѣ имен. ед. муж. р. вмѣсто старыхъ глухихъ. Нѣсколько такихъ случаевъ я назвалъ, говоря объ измѣненіи конечнаго ъ въ о; другіе, гдѣ является є вм. конечн. ъ, назову потомъ. Они вполнѣ аналогичны съ формою вχє, въ которой при томъ именно необходимо видѣть не измѣненіе глухого ь въ е, а приближеніе къ звуку *е* или *ö* конечнаго глухого ъ, ибо вχє предполагаетъ форму *вьχъ[3]), болѣе первоначальную, чѣмъ вьсь (сравн. литов. vìsas), и подтверждаемую формою вин. ед. жен. р. вχоу (снимокъ въ приложен. къ «Древнимъ памятн. рус. п. и яз.» Срезневскаго позволяетъ вѣрить, что это не опечатка) въ грам. Варлаама п. 1192 г. (Смирн., 18); *вьχъ такъ относится къ вьсь, какъ сикъ къ сиць; законъ гармоніи гласныхъ еще въ общесловянскую эпоху, вѣроятно, лишь діалектически, вызывалъ переходъ ъ въ ь, если въ предшествующемъ слогѣ былъ узкій гласный; во всякомъ случаѣ, переходъ этотъ въ мѣстоименіяхъ совершился, повидимому, позднѣе, чѣмъ въ существительныхъ; на это указываютъ формы тѣхъ косвенныхъ падежей, въ которыхъ еще до измѣненія гортаннаго въ свистящій въ формѣ имен. един. ч., т. е. до перехода ъ въ ь, должно было совершиться это измѣненіе подъ вліяніемъ характера гласнаго суффикса, а именно съ одной стороны вьсѣχъ, вьсѣмъ и т. п., си-

[1]) Въ данномъ случаѣ я разумѣю лишь вліяніе на письмѣ; другое дѣло вліяніе самыхъ формъ однѣхъ на другія въ языкѣ, которое могло быть довольно сильно.

[2]) Срв. у Шахматова въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики», стр. 45.

[3]) Срв. сказанное мною въ «Живой Старинѣ» 1894 г., вып. II, стр. 169, сноска 1.

цѣхъ, сицѣмъ, сицѣми (Супрасл., изд. Миклош., стр. 210, 213, 215, 218) при сице ibid. 60, сица словеса ib. 65, съ другой отьцихъ и т. п.: первыя предполагаютъ въ основѣ еще гортанный зв., вторыя — уже явившійся, какъ смягченіе гортаннаго, свистящій.

Въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в. при формахъ вьсь (1304—1305, № 11, у Шахмат. стр. 250) и весь (1294—1301, № 4, ib. стр. 244) мы находимъ также и вск (1269—1270, № 3, стр. 242; 1305—1308 г., № 6, стр. 251; 1371 г., № 8); подобное Шахматовъ («Изслѣд. о яз. новгород грам.», 146) указываетъ въ рядѣ другихъ памятниковъ русскаго письма XIII—XIV в., не исключая и нашей лѣтописи; мнѣ остается прибавить, что и въ Хлудовскомъ Прологѣ № 187 (1262 г.) читаемъ вск 120^{г}, 121^{а}, а затѣмъ указать, что то же замѣчается съ одной стороны въ памятникахъ болѣе древнихъ (XI в.) русскаго и нерусскаго письма (напр. въ сентябр. Минеѣ 1095—1097 г. л. 175^{а}, изд. И. В. Ягича 1886 г., стр. 0233; въ Зограф. глагол. Еванг. при 27 вьсь встрѣчается 2 раза вск[1]); любопытно, что въ Маріинск., представляющемъ иныя діалектическія черты, этого не находимъ, а наоборотъ при 8 случ. вьсь и 3 случ. вьсъ 21 разъ весь и 1 р. весьдѣ, и это, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что и въ формахъ вьсе, вьсего, вьсѣкъ и т. п. здѣсь ь очень рѣдко пропускается[2]), чего нельзя сказать о Зограф., гдѣ напр. на 23 раза вьсн Ягичъ насчиталъ 30 разъ вси[1])), съ другой — позднѣйшихъ или современныхъ нашему южнословянскаго письма, напр. въ сербск. апокрифич. текстѣ XIII в. юго-словянской Академіи: вск зборь, вск висей на дрѣвѣ[3]). И такъ, я не могу во всѣхъ этихъ случаяхъ видѣть только графическое явленіе, а вижу отраженіе извѣстныхъ явленій языка.

Обращаясь къ суффиксальнымъ слогамъ, замѣчу, что случаевъ замѣнъ черезъ ѣ въ «слоговомъ» положеніи въ 1-омъ и 2-мъ поч. вообще меньше,

---

[1]) V. Jagić, Studien uber das altsloven. — glag. Zographos-Evang., 31.

[2]) См. словарь къ издан. И. В. Ягича «Маріинское Четвероевангеліе».... 1883 г. Съ этимъ срв. также и нѣкоторые другіе случаи: въ Зогр 8 р. *дн* въ Ф. им. ед. ч. и 1 р. *дн* въ Ф. род. мн при многочисл. *дьнь* и *дьнъ* и ни разу *день* (Studien, 33—34), въ Маріин. (см. словарь) наоборотъ ни разу *дн* и часто *день* и *денъ* (срв. также стр. 428 статьи «О граммат. особен.»).

[3]) Сперанскій, Славянскія апокрифич. евангелія, стр 112, 113. Не явилась ли нынѣшняя штокавская Ф. *сâв*, какъ результатъ колебанія между *вьс-, откуда *вâс* (В. С. К.), съ одной стороны и *вск, откуда *(у)са*, съ другой? Послѣдняя Ф., образованная отпаденіемъ неслогового *у* изъ *в* и переходомъ конечнаго глухого въ *а*, не могла удержаться, какъ неудобная для Ф. имен. ед. муж. р., и приняла *в* на концѣ.

чѣмъ случаевъ пропуска ь въ «неслоговомъ» положеніи. Единственный случай, гдѣ послѣдовательно проводится замѣна ь черезъ ѣ въ обоихъ почеркахъ, — форма твор. ед. ч. старыхъ основъ на *-jo-* или образованныхъ по аналогіи съ ними (срв. сказанное объ основахъ на *-o-*). Случаи съ ь являются рѣдкими исключеніями. Въ 1-омъ поч. только кнзьмь 93, андреевицьмь 71.2 при кнземь 53, 88, 93, 111.2—3, кнзмь 103 и кнзѣмь 5, андреевицемь 72.4 и многихъ другихъ примѣрахъ: свиньцемь 53, дъжгемь 63, мцемь 116, олговицемь 51, моремь 29 и нѣсколькихъ примѣрахъ -емь [1]) (оружиемь 33, стръемь 78 и др.); примѣровъ, правда, не такъ много, какъ отъ основъ на -о-, но ясно все-таки ихъ преобладаніе.

Во 2-мъ поч. при многихъ случаяхъ — емь (исаковицемь 134, олтаремь 139, 140, королемь 183 и др.) встрѣчается, однако, послѣдовательно кнзьмь 145—146, 147, 150, 153, 186, 202, 205, 229—230, 232 (9 разъ) при 1 р. кнзмь 173, и 1 разъ грабежьмь 148. Весьма вѣроятно, что слово князь имѣетъ здѣсь форму твор. ед. на -ьмь лишь потому, что оно стало склоняться по образцу основъ, оканчивающихся на ь (ĭ); это особенно ясно между прочимъ изъ формы твор. двойств. кнзьма 72 въ 1-омъ поч.; на это, м. б., указываетъ и Ф. мѣстн. п. къ кнзѣхъ 159, 181 во 2-мъ п. при кнзихъ 196, если видѣть въ -ѣхъ графическую замѣну -ьхъ, а не -ихъ, что̀, однако, не кажется особенно вѣроятнымъ; но дѣло въ томъ, что дѣйствіе аналогіи распространяется всегда лишь на формы отдѣльныхъ падежей, и никогда почти не бываетъ, чтобы формы всѣхъ падежей одного слова поддавались вліянію формъ другого слова; это законъ, дѣйствовавшій всегда во всѣхъ языкахъ, вслѣдствіе чего односклоняемыхъ образцовъ почти не встрѣчается и въ древнѣйшихъ памятникахъ [2]).

Во всякомъ случаѣ, о сильномъ вліяніи основъ на ь здѣсь можетъ быть рѣчь лишь въ примѣненіи ко 2-му поч., такъ какъ въ 1-мъ все-таки -емь въ этомъ словѣ преобладаетъ. Что̀ же касается словъ съ первонач. основами на ь или на согласн. зв. (послѣднія основы, какъ извѣстно, бо́льшею частію и въ старо-словянскомъ перешли въ склон. основъ на ь), то здѣсь правильно пишется ь б. ч. не только въ формахъ тѣхъ над., гдѣ оно

[1]) Въ старослов. пам -емь при единичн. -ьмь, но въ Супрасл сб. часто -нимь въ сущ. сред. р. на -ие (Leskien, Handbuch der altbulgar. Sprache, стр. 70, § 65).

[2]) Срв сказанное Лескиномъ, Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, 2

является «слоговымъ» (въ тв. ед., дат. мн., мѣстн. мн.), но и въ тѣхъ формахъ, гдѣ положеніе должно было быть «неслоговымъ» (въ твор. мн.); случаевъ пропуска ь мало, а замѣнъ черезъ ѣ еще менѣе. Въ 1-мъ п.: гостьмъ 24 (дат. мн.), затьмь 80 (тв. ед.), именьмь (твор. ед.) 101—102, 110, мощьмъ 109, по пу-тьмъ 23—24 (при переносѣ), къ сѣньмъ 77, въ людьхъ 27.11—12, 58, 63, 97, сюда-же числит. трьхъ 59, 87 и только 1 р. дн̃е-хъ 59.9—10 (при переносѣ); въ «неслоговомъ» положеніи: людьми 17, 44, 117, въ нарѣч. вельми 45 (безъ ь: дѣтми 6, велми 41, 46). Во 2-мъ п.: гостьмъ (дат. мн.) 228, именьмь (тв. ед.) 133, 216, 222, 233 (при переносѣ 10—11), людьмъ (дат. мн.) 134, 153.14—15 (при перен.), 211, поутьмъ (дат. мн.) 200, огньмь (твор. ед.) 137, 226 (при перен. 7—8); въ «неслог.» полож.: дѣть-ми 166.10—11 (при перен.), людьми 141, повѣстьми 186, вельми 162 (безъ ь: дѣтми 189 и въ нарѣч. толми 228).

Такимъ образомъ, кромѣ ф. дѣтми въ обоихъ поч., ь пропускается только въ образованныхъ по тому-же образцу нарѣчіяхъ, такъ какъ они не имѣли такой-же поддержки въ рядомъ стоящихъ формахъ съ ь въ «слогов.» полож., какую имѣли образованныя съ тѣмъ-же суффиксомъ формы именъ существительныхъ (ь въ людьми удерживалось, благодаря формамъ людьмъ, людьхъ, которыя въ свою очередь не замѣняли ь черезъ ѣ, благодаря формѣ людьми).

Въ 3-мъ поч., наоборотъ, въ «неслоговомъ» положеніи при формахъ безъ ь встрѣчаются случаи и съ ь: прѣ мт̃рьми 244, с дѣтьми 255 при с дѣтми 283, с людми 243 и др.; въ «слоговомъ» же положеніи уже постоянно формы съ ѣ: твор. ед. поутемь 249, имен̃ѣ 241, именемь 252, дат. мн. дѣтемъ 273, людемъ 307, 313, по ночемъ 273, мѣстн. мн. къ вранехъ 290, на костехъ 292, в талехъ 320.

Изъ случаевъ въ другихъ суффиксахъ отмѣчу слѣдующіе. Суф. -ьв- въ 1-омъ поч. еще нерѣдко правильно пишется съ ь (въ «неслоговомъ» полож.): мольвою 93, льствою 104, -ѣ 105, грї-дьва 111.3—4 (при переносѣ), слу-жьвоу 118.7—8 (при перен.) при безнатье (т. е. *безъ знатьѣ) 45, сватвоу 35. Во 2-мъ поч. въ этомъ суф. находимъ въ «неслоговомъ» положеніи только примѣры безъ ь: молвъı 193, талвоу 208, къ питьѣ 213.1 (*питьва — собств. имя, названіе мѣстности въ Новгородѣ; образовано отъ распространеннаго причастнымъ суф. *т* корня *пи-* подобно тому, какъ *знатьва отъ корня *зна-*), сватва 232, гридва 235; подъ титлою въ «слоговомъ» положеніи: слоу̃бьнок 140, но 1 разъ въ этомъ полож. ъ при про-

пускѣ его въ слѣд. слогѣ: **гостьбници** 165.1. Безъ **ь** во 2-мъ поч. встрѣчается также суф. **-ьд-** (въ «неслоговомъ» полож.): **правд·:** — 165 (вм. **-вда** въ концѣ строки), **пра-вдъı** 209.13—14 (при переносѣ), **правдѣ** 235; но въ 1-омъ поч. **правьдоу** 76, **-ою** 117, съ **ь**. Иностранное собств. имя **ольгъ**[1]) (**ѡльгъ** 4, **о-** 16.4, 11, **ольгово** 111, **оль-гова** 38. 7—8) въ 1-омъ поч. встрѣчается съ **ь** и въ «слоговомъ» и въ «неслоговомъ» положеніяхъ, при чемъ въ первомъ только съ **ь** (замѣнъ черезъ **ѣ** не встрѣчается), во второмъ нерѣдко (бо́льшею частію) бываетъ пропускъ **ь**: **олга** (род. ед.) 12.2, **олговица** 40, 49, **-вицю** 31, **-виць** 34 (2 р.), 36, 40, **-цемь** 51, **олговъ** 86, **олгомь** 88; во 2-мъ поч. только формы безъ **ь**: **олговъ** 156, 201, **-а** 158, **-ица** 127[2]); въ 3-емъ поч. встрѣчается замѣна черезъ **ѣ** въ «слогов.» пол.: **олѣгъ** 241. Неорганическое **ь** въ собст. имени **павь-лъ** 17.5—6, **павьла** 91 (вліяніе словъ съ суф. **-ьл-**, срв. серб. *пâвао*) еще удерживается въ 1-омъ поч., но б. ч. въ формахъ косвенныхъ над. и т. п. (въ «неслоговомъ» положеніи) пропускается, какъ и во второмъ поч.: **павлоу** 77, **павла** 48, **павловицю** 29; во 2-мъ поч.: **павла** 199, 235; въ «слоговомъ» полож. въ суф. **-ьл-** во 2-мъ поч. находимъ **ѣл.**: **котѣлника** 172, **скоудѣльницю** 162, **-ѣлн-** 222. Кстати здѣсь же упомяну и о словѣ **ильмъ** 226. 11 (короу липо-воу. и листъ. ильмъ), при чемъ не могу согласиться съ проф. Соболевскимъ, что «ильмъ вм. ильмь — прилагат.» (Рус. Фил. Вѣстн., т. XXI, стр. 122): если бы и дѣйствительно **ильмъ** была описка вм. **ильмь**, то послѣднее было бы объяснить еще труднѣе, такъ какъ прилагат. форма въ имен. вин. п. (Соболевскій относитъ это прилагат. къ слову

---

[1]) *Helgr* и *Helgi* скандинавск. имена («Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» И. И. Срезневскаго, стр 46), отъ которыхъ наши *Олыгъ* и *Ольга*, не указываютъ, однако, на существованіе гласнаго зв. между *l* и *g*; но еще вопросъ, на сколько подобная форма (т. е. безъ гласн.) въ нихъ первоначальна, чего я при незнакомствѣ моемъ съ историческимъ развитіемъ сѣверно-германскихъ языковъ рѣшать не берусь. Если согласиться съ М. Г. Халанскимъ, что *Eligas* германскаго эпоса есть наше *Олыгъ* (Южно-слав. сказанія о краевичѣ Маркѣ..... I, стр. 116 и слѣд.), то всетаки *Eligas*, какъ заимствованное изъ русскаго, можетъ быть, черезъ посредство греческаго, на что̀ указываетъ окончаніе *-as*, свидѣтельствовало бы лишь о **ъ** въ *русской* формѣ, но не рѣшало бы вопроса о первоначальности этого **ъ** съ точки зрѣнія этимологіи. Куникъ («Die Berufung der schwedischen Rodsen», II, 1845, 142—143 и слѣд.) говоритъ, что Hölgi (Helgi) и Holga (Helga) возникли изъ болѣе древнихъ *Halogi* и *Halogia*, но что послѣднія очень рано стянулись. Ἕλγα Константина Багрянор. также, повидимому, говоритъ противъ первоначальности нашего **ъ** (срв. ibid. 144—145)

[2]) Я поставилъ въ одинъ отдѣлъ съ суффиксальнымъ употребленіемъ **ъ** такія слова иностраннаго или неяснаго происхожденія, какъ *Олыгъ*, *Павьлъ*, *ильмъ*, *овьсъ* для удобства обозрѣнія, такъ какъ фонетическія условія для глухого въ тѣхъ и другихъ сходныя Въ этомъ же отдѣлѣ разсматриваю и нѣкоторые случаи развитія вторичнаго **ъ**.

листъ) была бы или *ильмль, или *ильмии (срв. третии, божии, лисии, къличии и т. п. — формы *нечленныя*), или *ильмовъ; и такъ нѣтъ надобности видѣть здѣсь описку, но вопросъ лишь въ томъ, вѣрно ли издатели 1888 г. отдѣляютъ слово листъ отъ слова ильмъ запятою, т. е. не относятъ листъ къ ильмъ, какъ Соболевскій; весьма возможно, что дѣйствительно листъ нужно относить къ ильмъ, и тогда въ послѣднемъ былъ бы рѣдкій для такого древняго памятника примѣръ (въ памятникахъ болѣе позднихъ—XVI—XVII в. они встрѣчаются уже довольно часто) *аппозитивнаго* употребленія существительнаго, о которомъ очень подробно говорится въ неизданномъ до сихъ поръ 3-мъ томѣ «Записокъ по русской грамматикѣ» А. А. Потебни[1]). Этого я коснулся между прочимъ, но по отношенію къ разбираемому мною вопросу я обращаю вниманіе на то, что здѣсь, какъ я думаю, *неорганически* развился глух. зв. ъ, можетъ быть, вслѣдствіе неудобства произношенія *илм(ъ), особенно если предположить, что конечный ъ въ большинствѣ случаевъ употребленія очень рано могъ терять слоговой характеръ; впрочемъ, развитіе глухихъ между плавнымъ и согласнымъ, преимущ. въ словахъ заимствованныхъ, дѣло обычное; органическимъ же, т. е. обоснованнымъ этимологически, этого ъ я не считаю вслѣдствіе того, что сопоставляю это слово съ лат. *ul-mus*, какъ и Миклошичъ, при чемъ, однако, не вполнѣ отожествляю оба слова: латинскому *ulmus* у насъ бы соотвѣтствовало *вълмъ, которое дѣйствительно можно видѣть въ названіи волмина въ грам. Варлаама п. 1192 г. (Смирновъ, стр. 18) (срв. и «Матеріалы для словаря др. р. яз.» И. И. Срезневскаго); нашему же *илмъ въ лат. бы должно соотвѣтствовать *julmus* (срв. *jugum* = иго), т. е. и у насъ могло бы быть изъ *jъ- черезъ посредство *jь- (срв. имати вм. *jьмати и т. п.); паразитный глухой долженъ былъ явиться въ видѣ ь вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи и, при чемъ это ь въ болѣе позднюю эпоху въ «слоговомъ» положеніи въ однихъ говорахъ переходило въ *е* (илемъ подъ тѣмъ же 1230 г. въ лѣтоп. по сп. моск. духовн. академ. XV в., напечат. въ приложеніи къ изданію Лаврент. списка 1872 г., стр. 485, у Миклошича въ Lexic. palaeoslov. со ссылкою на 1 т. «Полнаго Собранія»... 220.25), въ другихъ теряло въ значительной степени слоговой характеръ, какъ и въ формахъ косвенныхъ над., гдѣ оно большею частію исчезало почти совсѣмъ,

---

[1]) Удивительно, что и въ «Матеріалахъ для словаря др. рус яз.» И. И. Срезневскаго сказано, что «ильмъ=илемъ—прил. отъ сл. илемъ»...

оставляя лишь слѣдъ въ небпости *л*; такимъ образомъ объясняются формы и другихъ словянскихъ языковъ: чешск. *jilem*[1]) при *jilm*, польск. *ilm* и *ilma*[1]), малор. *yłem* и *l'om*, н. лужицк. *ljom*[1]) (съ отпаденіемъ *i* и переходомъ *'e* изъ *ь* въ *'o*), въ болгар. *илмъ*, *илмовъ* прил., *илмакъ* роща изъ вязовъ[2]), въ словѣнск.[3]) *ilem* (съ глухимъ звукомъ), *ilmovec*, *ilmovina*, также *lîm*, *líma* (съ отпаденіемъ начальн. *i*, какъ въ н. лужицкомъ). Если принять весьма вѣроятное предположеніе, что слово это у насъ заимствовано изъ германскихъ языковъ (у Миклошича въ «Etymolog. Wörterbuch» высказано это не совсѣмъ опредѣленно; болѣе опредѣленно у Улепбека въ статьѣ «Die germanischen Wörter im Altslavischen», Archiv für slav. Philologie, XV, 487), то нѣ для чего и принимать выше приведенной гипотетической формы **julmus*, такъ какъ словян. формы хорошо объясняются изъ формъ древне-нѣмецкихъ: др. в. нѣм. *ëlm*, ср. в. нѣм. *ilme* (Lex. pal., Etym. W.) при п. в. нѣм. *ulme*, которое можетъ быть новымъ заимствованіемъ изъ латинскаго. Не заимствованіемъ ли объясняется и ненормальность замѣны *ь* въ словѣнскомъ черезъ *i* вм. обычнаго *a* (*líma* вм. **láma*)? Или это отступленіе обусловливается вліяніемъ отпавшаго впереди *i*? Если **колмина** въ Хут. грам. дѣйствительно означаетъ нѣчто, относящееся къ *вязу*, то, м. б., ***кѣлмъ** не взято ли съ лат. ф. *ulm-*, а **ильмъ** съ нѣм. *ilm-* или *ëlm-*?

Къ числу такихъ же словъ неяснаго происхожденія (вѣроятно, представляетъ какое-нибудь старое образованіе) относится * *овьсъ*[4]) (съ *ь* это слово встрѣчается въ Русск. Правдѣ по сп. конца XIII в.: **овьсъ**, Смирн. Сб. др. р. п. 39, Рус. Дост. I, 43, но на *ь* указываетъ и отношеніе русск. *овёс—овсá* къ сербск. *òвас—óвса*[5]), словѣнск. *óves—óvsa*[6]) и т. п.; въ пользу того же говоритъ и неясное по своему *ž* сравнительно со словянскимъ и лотышскимъ *s* лит. *avižà*[7]), которое трудно, однако, отдѣлять отъ нашего слова).

---

[1]) Miklos, Lexic palaeoslov; Gebauer, Histor. mluvnice, I, 171, 365, 531; Гебауэръ ссылается и на старослов. **ильмъ**, но въ старослов., кажется, это слово еще не встрѣчалось. Ср. также «Etymolog. Worterbuch der slav. Sprachen» Миклошича. Малор. *l'om* объясняется мягкостью *l* въ косв. пад (*ylma*)

[2]) Словарь болг. яз А. Дювернуа.

[3]) M Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar.

[4]) Miklos, Vergl. Gram. II, 319.

[5]) В. Караджичъ (Српски рјечник).

[6]) M Pleteršnik, Slov-nemški slovar.

[7]) Относ. ударенія см. Kurschat, Wörterbuch der lit. Sprache.

У насъ встрѣчается это слово во 2-мъ поч. 2 раза безъ ъ, чему способствовало его «неслоговое» положеніе: *овса* 162, *овсъ*[1]) 221.

Неясно, оправдывается ли этимологически ь въ собств. им. **соужьдальци** 37. 16—17, **соужь-дальствѣи** 28. 16—17; слово, вѣроятно, несловянскаго происхожденія; такъ какъ оба случая ь при переносѣ (безъ ь постоянно), то можно думать, что оно свидѣтельствуетъ лишь о мягкости ж; срв., впрочемъ, въ грам. 1325—1327 г. **соужьдальскомоу**[2]).

Неорганическое ь, свидѣтельствующее частію о мягкости предшествующаго согласнаго, частію о развитіи паразитнаго гласнаго между двумя согласными въ родственныхъ формахъ, находимъ также и въ Ф. **земь-лю** 191. 8—9 при переносѣ: паразитн. гласн. дѣйствительно находимъ въ Ф. род. мн. *земѐл* изъ предполаг. ***земьль**, какъ и серб. земàљā (В. Караджичъ). Вондракъ[3]) въ **земьли**, **земьлю** и проч. русскихъ памятниковъ видитъ подражаніе такимъ прототипамъ болгарскихъ (=ст. словянскихъ), какъ **безоумьль** (Супрасл.); подобное онъ указываетъ и въ сербскихъ памятникахъ (Шишатов. Апост. **земьли**); мнѣ же кажется, что существованіе паразитн. гласнаго въ новосербскомъ и новорусскомъ позволяетъ намъ и въ сербскихъ и въ русскихъ пам. видѣть въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ только подражаніе формамъ, встрѣчавшимся въ старыхъ ц. словянскихъ образцахъ[4]).

Суф. -ьк- въ 1-мъ поч. встрѣчается въ слѣд. примѣрахъ: **на търъжькоу** 115 (безъ переноса), **търъжь-коу** 115. 14—15 (при переносѣ), **хороужькоу** 97; безъ ь: **мирошка** 117, -**е** 115, -**и** 98, 114 (2 р.), -**оу** 111 (2 р.), 121, **жирошкина** 117, **страшка** 43, **касилко** 11, сюда же относятся, вѣроятно, и выше (см. о суф. ъкъ) упомянутыя **мꙗхалко** и т. п.; всѣ эти случаи относятся къ «неслоговому» положенію, а потому и находимъ часто

---

[1]) Въ знач. род. ед., какъ будто отъ имен. **ов(ъ)са*; срв. ibid. *пшеницѣ* и 162 *рѣпѣ*; форма жен. р. ближе бы соотвѣтствовала лит. *avižà*.

[2]) № 15, стр. 263, у Шахматова (въ изслѣдов. о языкѣ новгородск. грамотъ стр 143); Шахматовъ здѣсь видитъ также лишь знакъ мягкости.

[3]) Zur Kritik der altslovenischen Denkmale («Sitzungsberichte» вѣнской акад. CXII, 755, phil.-hist. cl.)

[4]) Кстати упомяну и о неорганическомъ ь при переносѣ въ иностранномъ словѣ, **арь-хнѣпъ** 76. 2—3, 92—93; въ этомъ случаѣ едва ли можно предполагать развитіе хотя бы неслогового глухого, и употребленіе буквы ь объясняется извѣстнымъ пріемомъ правописанія не заканчивать строки согласной буквой; звуковое значеніе этому ь можно приписать лишь по стольку, по скольку оно свидѣтельствуетъ о мягкости *р* (иначе было бы ъ), обусловленной слѣд. слогомъ хн.

пропускъ, при чемъ замѣчу, что пропускъ ь едва ли можетъ служить доказательствомъ утраты мягкости предшествующаго согласнаго, такъ какъ подобные случаи встрѣчаются весьма часто въ такихъ примѣрахъ, гдѣ нельзя сомнѣваться въ мягкомъ произношеніи и въ памятникахъ болѣе позднихъ; на пропускъ ь я смотрю совершенно такъ же, какъ и на пропускъ ъ, т. е. вижу въ немъ пропускъ знака для очень слабаго, м. б., уже ослабѣвшаго до нуля, неслогового гласнаго, и вообще мнѣ кажется, что въ то время писцы на букву ь еще не могли смотрѣть, какъ на «знакъ мягкости», для которой не было особаго обозначенія, кромѣ случаевъ сочетанія съ мягкими гласными[1]). Во 2-мъ поч. какъ въ «слоговомъ»: **изъ вѣчькъ** 130, **тържькъ** 150, 152, 164 (3 р.: 1 р. внутри строки, 1 р. при переносѣ -ь| -къ 3—4 сверху, 1 р. при переносѣ тъ-ржькъ 2—1 снизу), 184, 185, 199, 215 (при переносѣ -ь| -к- 1—2, 2—3 два раза), 216 (2 р.), такъ и въ «неслоговомъ» положеніи: на **търожькоу** 161. 12, **съ торожь-коу** 164. 15—16, **на тържькоу** 199, 201, **съ** — 200, 201, **съ торжькоу** 223, **вѣчькъı** 136, **гжькинъ** (=*госпожькинъ) 211. 1, **дѣцькахъ** 148, **мирошь-шка** (описка—лишнее ш, соединенное лигатурой съ к) 127, **михалько** 144, при чемъ въ 1-омъ случаѣ встрѣчается 1 р. є вм. ь: **тържекъ** 175. 10, а во 2-омъ нерѣдко бываетъ пропускъ: **вочкоу** 129. 9, **василко** 199, **вачка** 190, 200, **въишковица** 228, **горкую** 225, **дѣцкъı** 149, **жирошкоу** 124, **кошкъı** 226, **мирошкинъ** 124, 148, **-ница** 149, **-ю** 143, **-ь** 145, сюда же и выше (при суф. -ък-) упомянутые **михалка** (род. ед.) 143 и проч., **страшка** 123, **събъишки-ница** 123, **тимошкиница** 200, **-ь** 220, **търожкоу** 152, 161. 15, 16, 175. 15—16, 202. 13, **къ то-рожкоу** 167. 9—10, **въ торожкоу** 167. 13—14, **съ торожкоу** 168. 11, **с**— 224, **шишкъı** 139.

Въ суф. -ьн- въ 1-омъ поч. также есть немало случаевъ правильнаго употребленія ь, хотя въ «слоговомъ» полож. встрѣчаются изрѣдка случаи употребленія є вм. ь, а въ «неслоговомъ» полож. очень много примѣровъ безъ ь, такъ что въ нѣкоторыхъ словахъ формы безъ ь составляютъ пра-

[1]) Это не противорѣчитъ нѣкоторымъ изъ моихъ предыдущихъ замѣчаній: я не отрицаю, что буквою ь вмѣстѣ съ обозначеніемъ извѣстнаго рода глухого гласнаго означалось и смягчающее дѣйствіе его на предшеств. согласный звукъ; но знакомъ лишь одной мягкости ь стало только послѣ длиннаго ряда вѣковъ развитія русской письменности, первоначально же такое узкое значеніе оно получало иногда или въ концѣ словъ, или внутри словъ при переносѣ (въ концѣ строки). Срв. сказанное Шахматовымъ въ «Изслѣдов. о яз. новгор. грам.», стр. 145, 179.

вило въ противоположность примѣрамъ съ ь. Въ «слоговомъ» положеніи: сильнъ 65, страшьнъ 94, мольньска 82 (вм. с—), смольньскоу 11, 39, 40, 83 (переносъ: -ль|нь-), 84, 91, 92, смольнь 47. 7 (читать нужно смольньскѣ?) — всего 11 разъ, при чемъ съ ѥ 2 раза: наѥменьци 92. 8, смоленьске 93. 16. Въ «неслоговомъ» положеніи: кольнаꙗ и неколнаꙗ 97. 1—2, вадчьню 122, городьнъıхъ 59, 109, дань-никомь 71. 9—10, данъници 51, дивь-но 41. 8—9, дмитровьноу 20, доу-бровьнѣ 37, кромьнъıи 15, ноуть-нѣи (назв. улицы) 108. 15—16, обѣдьнюю 25, передьнї-ми 55. 9—10, передьнюю 100, поутьники 108, пятьници 99, посадь-ника 121. 6—7, посадь-ницати 27—28, плътьницьнаго 29, -ьнї-кıхъ 117, силь-но 31 (нарѣч.), 69 (вин. ед. муж. р.: полонъ, строки 2—1 снизу), на сильници[1]) 91, къ сильницю[1]) 38, смольнанъı 37. 17—18 (переносъ: -ь|н-), 72, 92, страшьно 59, црквьнаго 84; безъ ь: влговѣрнаго 73, вожниць 21, -ю 21, въръвницю 56, 65, 116, вечернее 91, -ею 20, 28, -ии 87, -ию 26, -ю 17, городнѣ 45, дивнѣи 103, доубнѣ 29, переднии 116, -ими 103, плотници 1. 1, 44 раза въ словахъ посадникъ, посадници, посадницьство въ различныхъ формахъ (17, 18, 22, 23, 24, 29, 31, 35, 43, 48, 56, 75 и мн. др.), пати 7, -ницѣ 58, 107, смольньскъ 14. 17, 62. 6, смолнане 39, 111, -лнанъı 68, 69, 71, 93, стълъпника 104, стра-шно 30. 11—12, къ славнѣ 87 (назв. мѣстности). Менѣе удивительны такіе примѣры пропуска, какъ трьпезницю 14, 22, а особенно десница 118, шсна дни 46, 47, такъ какъ въ такихъ случаяхъ (между согласными з или с съ одной стороны и слѣд. н съ другой) пропускъ ь обыченъ и во всѣхъ древнихъ старословянскихъ памятникахъ[2]), при чемъ это особенно замѣтно въ прилагат. деснъ, приснъ и шснъ, которыя едва ли не безъ исключенія пишутся безъ ь, и это объясняется тѣмъ, что соединеніе суффикса съ корнемъ здѣсь произошло еще въ древнѣйшую дословянскую эпоху[3]), и на

[1]) Впрочемъ, возможно, что это собств. имя въ болѣе первоначальной формѣ имѣло и, а не ь: срв. на сѣнници 102. 6, при чемъ и въ слогѣ сн очень похоже на н, что даетъ поводъ думать, не имѣетъ ли нѣкотораго основанія и форма сѣнници, читаемая въ КАТ (см. изд. 1888 г., стр. 165). Этимологія для меня неясна.

[2]) См. V. Jagić, Studien uber das altsloven.-glag. Zograph.-Evang., 117; М. Козловскій, О языкѣ Остромирова Евангелія, стр 47. Обычны такіе примѣры, какъ тксна, ткснъ, желѣзны (срв. также Супрасл. по изд. Миклошича: колъ желѣзнъ 2, желѣзны 2, желѣзнами 43, тѣлесны 210), Ягичъ (ibid.) сравнилъ этотъ пропускъ съ пропускомъ ъ въ предлогахъ изъ, възъ, разъ при соединеніи ихъ съ именами и глаголами.

[3]) Срв. *десьнъ съ литовск. *deszinė* (только въ ф. жен. р.; Kurschat, Wörterbuch s. v., Grammatik § 831) и др. инд. *dakšiṇa* (Stenzler, Elementarbuch der Sanskrit-Sprache, 4 aufl., 106).

словянской почвѣ дес-, при(с)-, ис- уже не чувствовались отдѣльными корнями или темами, такъ какъ не имѣли отъ себя словъ съ иными суффиксами, сочетанія же -сн-, -зн- поддерживались аналогіей суф. -сн-, -зн- (пѣ-сн-ь, волѣ-зн-ь)[1]), такъ что изъ «неслоговыхъ» положеній проникали и въ «слоговыя»; срв. напр. ѥснъ свѣтъ въ Сборн. 1076 г. (Mikl. Lex. pal.), а въ Служ. Мин. 1095—1097 гг. (по изданію И. В. Ягича 1886 г.) съ одной стороны: ѥсно (октябрь, л. 47^6, стр. изд. 93), десньıи (сент. 109^6 л., изд. 0148), съ другой: не только красьнъ (въ «слогов.» пол.) окт. л. 12^6 (изд. 43), 57^6 (115), 61^a (120), но и красьно ib. 13^a (44), красьноу сент. 173^a (0230) и мн. др. — въ «неслоговомъ» полож., вѣроятно, потому, что чувствовалась связь съ сущест. краса, хотя при этомъ остается необъяснимымъ, почему же писали не только желѣзнъıи т. п., но и желѣзнъ (Супрасл.) при несомнѣнно ясной связи съ существ. желѣзо и при красьнъ ibid. 163, а между тѣмъ Потебня даже въ нынѣшней ювр. пѣснѣ слышалъ явственный слогъ *зъ* въ словѣ «желѣ-зъ-ными»[2]); возможно, мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ словъ въ отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ ъ развился снова вторично подъ вліяніемъ другихъ примѣровъ того же суф., гдѣ онъ удерживался, въ нѣкоторыхъ же, можетъ быть, онъ, хотя и не писался, но удерживался въ языкѣ въ качествѣ неслогового звука, ставшаго затѣмъ слоговымъ въ отдѣльныхъ говорахъ при извѣстныхъ условіяхъ (въ «слоговомъ» полож., т. е. послѣ утраты слогового характера и затѣмъ исчезновенія глухого слѣдующаго слога, напр. въ Ф. *ясен* изъ **ясьнъ*, а въ пѣсенномъ языкѣ и въ «неслоговомъ», т. е. передъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ). Отъ выше приведенныхъ примѣровъ я отдѣляю такіе, гдѣ ь слѣдуетъ за двумя согласными, и гдѣ по фонетическимъ условіямъ онъ и въ «неслоговомъ» положеніи могъ слышаться въ качествѣ по крайней мѣрѣ полуслогового звука; въ подобныхъ случаяхъ безъ пропуска пишется ь: вецисльное 8, безмздьникоу 48, -мездь- 84, 88, крт҃ьною 73, милостьıницы 77, мл҃ьıницы 35, заоутрьıнии 4, -нюю 52, 106, пра-здьникъ 102. 3—4, праздь-никъ 105. 4—3 снизу, праздьникъ 109, 118, пѧтикостьıноую 29. 3—4, не только чт҃ьıнъ 118, но и чт҃ьıньıи 119, -оmоу 18, ц҃ьıньıхъ 29, ѣзвьıни 65. Во 2-мъ поч. съ ь въ «слоговомъ» пол.: вольıнъ 185, владъıцьнь 211, городьнь (род. п. мн. ч.) 212, 213, немоцьнъ 185, -чьıнъ 186, липьıньскѣ 212, славьнь-скъıи 228, смольньскѣ 157, 158,

[1]) Miklosich, Vergl. Gram., II, 119.

[2]) Къ исторіи звуковъ русск. яз., 36.

185, -ьньскоу 176, -ьньскѣ 214, смо-льньскѣ 214. 19—20 (переносъ), -ьньскъıи 214; въ «неслоговомъ» полож.: безаконьнъıми 192, весцѣ-нь-н(ъıми), -(ъıхъ) 140, ва̑дцьне 217, воль-ни 159, городьнъıхъ 180, гра-дьноѥ 132. 16—17, градьнѣи 138, грѣь-нѣ 162, гридьницѣ 217, дальнѧ 129, коньнемь 138, коньникъı 236, кивотьнъıи 139, нижьн(ѥѥ) 138, -(ıхъ) 138, ночьнии 174, о-лтарьнъıи 139, печальни 135, 188, сказьнъı 131, скоудельницю 162, слоу̑бьноѥ 140, смоль-нѧнъı 167. 7—8, тьмь-ницѣ 134. 5—6, чю-дьноую 139, 141 и нѣкот. др.; безъ ь въ «неслоговомъ» полож. чаще: дньвнии 174, вѣдноую 225, свѣтилна 140, смолн(нъı) 157, 231, -ьскъ 185. 5, 231 и мног. др. примѣры, перечислять которые было бы излишне, скажу только, что напр. посадникъ съ производными послѣдовательно пишется безъ ь (съ ь, какъ и въ 1-омъ поч., только при переносѣ: посадь-ницьство 181. 13—14); очевидно, въ «неслоговомъ» положеніи ь дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ не только уже не составляло слога, но и почти совсѣмъ не слышалось. Но, какъ и въ 1-омъ поч., и здѣсь въ положеніи послѣ двойного согласнаго сочетанія ь правильно соблюдается и, вѣроятно, слышалось въ качествѣ глухого, не составлявшаго полнаго слога, какъ это бываетъ часто и теперь; таковы: сребрьн(ъıѥ) 139 (2 раза), 140, серебрьника 123, чьрмьн(ъıи) 156, -(дго) 157, ѧзвьни 234, чт̑ьн(дго) -(ъıи), -(ъıѭ) 125, 140, 149, 163, 221, 236, при переносѣ -ь|нъıи 214. 4—5, 166. 8—9; конечно, при этомъ количество глухого должно находиться въ зависимости отъ качества предшествующихъ согласныхъ: послѣ вр въ серебрьника и зв въ ѧзвьни онъ, вѣроятно, былъ ближе къ чистому слоговому гласному, чѣмъ послѣ ст въ *чьстьнъıи [1]); это мнѣ кажется яснымъ изъ того, что ни въ одномъ говорѣ суффиксальный глухой не удержался въ послѣднемъ словѣ и не замѣнился чистымъ, а въ большинствѣ произошло его исчезновеніе и затѣмъ упрощеніе группы *ст* въ *с*: *чёсно̀й* или *чьсно́й* [2]) (вторично вмѣсто **чесно́й*, какъ *чьсы́* вм. *чёсы́* изъ *часы́* во многихъ средне-великорусскихъ говорахъ, или, по терминологіи Шахматова, въ говорахъ β), въ сѣверо-западныхъ же группахъ словянскихъ нарѣчій б. ч. съ потерею слогового характера и за-

[1]) Замѣчу, что написаніе чт̑ьнъıи даетъ полное право читать именно * чьстьнъıи, такъ какъ выноска подъ титлу буквы согласной всегда указываетъ на пропускъ гласной буквы только на письмѣ, а не и обозначаемаго ею звука въ языкѣ; а кромѣ того, у насъ встрѣчается чьстью и т. п. (см. выше), и замѣна ь черезъ ѣ, крайне рѣдкая вообще въ коренныхъ слогахъ, въ данномъ корнѣ не встрѣчается вовсе.

[2]) Срв. серб. *чàсни̑* (В С. Караджичъ), согласное съ удареніемъ послѣдняго.

тѣмъ исчезновеніемъ и коренного ъ, такъ что трехслоговое первоначально слово обратилось въ однослоговое: др. чешск. *čstný*, *ctný* (вѣроятно, колебавшіяся въ объемѣ отъ двухъ до полутора слоговъ), откуда затѣмъ уже въ XV в. почти однослоговое *cný*[1]) (прибавляю «почти» потому, что строго однослоговымъ можетъ быть названо только такое сочетаніе, какъ *ný* или *ny*), ст. пол. *čstny*, н. пол. *cny*, *zacny*[1]) и т. п., между тѣмъ какъ въ прилагат. **серебрьнъıи*, напротивъ, лишь діалектически въ русскомъ яз. встрѣчается исчезновеніе ъ и затѣмъ *р*[2]) въ малорус. *сребний, срібний* (Пискуновъ); чешск. *stříbrný* (Šumavský-Rank) едва ли можетъ быть произнесено не только точно, а даже приблизительно въ два слога, если артикуляція *r* послѣ исчезновенія глухого не ослабѣетъ до нуля; также и ст. чеш. *bratr*, если и считалось въ стихахъ за одинъ слогъ (Gebauer, Histor. mluvn. I, 59), то лишь приблизительно и подъ условіемъ значительнаго ослабленія артикуляціи *r*. Кромѣ случаевъ послѣ согласныхъ дифтонговъ, слѣдуетъ замѣтить изъ числа остальныхъ особенно случаи послѣ *н* (см. выше **данъници, коньникъı** и пр.), гдѣ пропуска также не встрѣчается, и это лежитъ въ связи съ тѣмъ, что произнесеніе подъ рядъ гоморганныхъ согласныхъ требуетъ бо́льшаго усилія, чѣмъ произнесеніе разноорганныхъ (см. объ этомъ ниже при суф. **-ьц-**).

Обращу вниманіе на правильное колебаніе между *смолньскъ* (2 раза въ 1-омъ и 2 раза во 2-омъ поч.) съ одной стороны и *смольньска*, — *оу*, — *ѣ*, — *ѣги* (9 р. въ 1-омъ и 6 р. во 2-мъ п.) и 1 р. даже *смоленьске* въ 1-омъ поч. съ другой; такихъ примѣровъ очень много въ грамотахъ и другихъ древнерусскихъ памятникахъ (ср. напр. *Витъбескъ*, *оу витебьще* риж. грам. 1300 г., Смирновъ, Сборн.... 44, 45, 46), при чемъ правильное колебаніе держится и въ XV в., когда уже, почти несомнѣнно, въ одномъ случаѣ слышалось чистое или почти чистое *е*, въ другомъ глухой ослабѣ-

---

[1]) Въ псалт. Клемент. еще *we czſtnoſtı*, но у Штитнаго *k ctnostem*, а въ «Новой Радѣ» уже *we cznoſtı* (*cz* чит. *c*) (Gebauer, Histor. mluvnice, I, 168). Но въ старочеш. (XIV—XV в.) встрѣчается и *počestný*, *počestné* (см. стат. Гавлика «Listy filologické» 1889, sešit I, стр. 49). И въ старопольск. (Псалт. Флор.) *czstny* (=по Лецеевскому *čstny*, вѣрнѣе=*čst*ъ*ny*, т. е. ъ суф. *ьn* въ неслогов. полож. не исчезло совсѣмъ, а лишь измѣнилось въ неслогов. ъ подъ вліяніемъ твердости слѣд. слога); въ томъ же мѣстѣ (Die Sprache des poln Theils des Florianer Psalters, Archiv f. slav. Phil. VI, 508) Лецеевскій приводитъ діалект. польск. *poczesne*, гдѣ корен. слогов. ъ обратилось въ *е*, а суф. глухой исчезъ, что̀ и вызвало исчезновеніе *t* въ гр. *stn*.

[2]) М. б., *л* вм. *р* (срв. *срібло* ibid.). Рус. литер. ф. можетъ восходить и къ * серебрьнъıи и къ * серебрянъıи, что̀ неясно вслѣдствіе неударяемости сомнительнаго слога.

валъ до нуля; современное же *смолѐнск(ъ)* и т. п. объясняется вліяніемъ косвенныхъ формъ[1]), а также и членной Ф. пм. ед муж. р. И теперь еще существуетъ въ говорахъ произношеніе *Курёск* (А. А. Потебня, Къ ист. звук., 36), хотя я думаю, что «неявственное *е*» можетъ восходить не прямо къ *ъ*, а черезъ посредство *е* изъ *ъ* по закону неударяемости (впрочемъ, сравн. сказанное мною ниже при суф. *-ъи-*).

Что̀ касается суф. **-ьск-**, то онъ на столько послѣдовательно сохраняетъ **ь** въ обоихъ почеркахъ и въ «слоговомъ» (рѣдко встрѣчается) и въ «неслоговомъ» положеніи (кромѣ случаевъ подъ титлою, какъ **роу̑-скаѩ** 14. 11—12, 31. 12—13, 47, **роу̑скꙑѩ** 51), что перечисленіе всѣхъ случаевъ было бы тѣмъ болѣе излишне. Укажу лишь нѣсколько примѣровъ: **карязьскаѩ** 54, 87, **кꙑевьскꙑѩ** 39, **на коулацьскѣ** 12, **нов(ъ)городьскаѩ** 30,—**ьскаго** 30, **-ьскою** 48, **-ьстии** 51 и проч., **рязаньскꙑѩ** 81, **роуськаѩ** 16, 29, 72, 93, **роуськꙑ̑хъ** 157 и др., **смолиньскъ** (слог. полож.) 14, 62, 185, 231 и **смольньскоу** 39 и пр. въ «неслог.» полож. (см. при суф.-**ьн-**), **смо-льскоу** 60. 4—5 (м. б., описка?), **грьчьск(ꙑи)** 139,—(**аѩ**) 143, **нѣмечьскꙑѩ** 130 и мн. др. Отмѣчу особенно: 1) что въ «слоговомъ» положеніи нѣтъ случаевъ замѣны **ь** черезъ **ѥ** (или **ѣ**), какъ это можно было бы ожидать, и какъ это нерѣдко встрѣчается уже въ грамотахъ XIV-го столѣтія (*Витебскъ*, *Смолнескъ* 1300 г., срв. выше и въ изслѣдов. Шахматова 182—183)[2]), а соблюдается правильно **ь**: кромѣ указаннаго уже случая въ 1-омъ и 2-мъ поч. (**Смолиньскъ**), отмѣчу во 2-мъ поч. **ьрковьскъ** 231, **изво|рьскъ** 232. 6—7 (перепосъ), 10, **члѣчь-скъ** 171. 1—2, **шереньскъ** 229, при чемъ послѣдній примѣръ особенно замѣчателенъ потому, что показываетъ, повидимому, вліяніе косвенныхъ формъ или формы членной, гдѣ **ь** суффикса-**ьск-** должно было стать неслоговымъ, **ь** же, развившееся вторично между **р** и **н**[3]), становилось слоговымъ и затѣмъ переходило въ **ѥ**; 2) что во 2-мъ поч. есть одинъ примѣръ замѣны **ь** черезъ **ѣ** въ «неслоговомъ» положеніи: **цьрниговѣскоую** 229, что̀, конечно, можно признать графическимъ явленіемъ вслѣдствіе сходства начертанія; 3) такіе примѣры, въ которыхъ, не смотря на сохраненіе *ъ*, происходитъ, повидимому, вліяніе слѣдующаго за *ъ* соглас-

[1]) Срв. у Шахматова въ Изслѣдованіи о *яз.* новгород. грам. 182—183.

[2]) Часто въ памятникахъ (грамотахъ, лѣтописяхъ) XIV—XV в., напр. въ Ипат. лѣт.: *Мценескъ* л. 325 (стр. издан. 314), *Смоленескъ* л. 340 (стр. 328), *Дрютескъ* л. 368 (355 стр. изд. 1871 г.) = въ Лаврент. *Дрютьскъ* 162 (стр. 239)

[3]) Срв. въ Лаврент. подъ 1177 г. (л. 258, стр. изд. 1872 г. 363): *подъ Шерньскымъ лѣсомъ.*

наго *с* на согласный, предшествующій звуку *ъ*: менѣе доказательны случаи **грьцьскъıи** 92, **на коуллцьскѣ** 12, **тъıсѧцьскъıмь** 100, **половь-цьскъıми** 192, **торопьцьскоую** 202 при **грьчьскъıи** 139 и др., **на коуллчьскѣи** 170, **нѣмѣ-чьскъıи** 135—136, **половьчьскъı** 192, 195, **торопьчьскаго** 203, или **ладозьскъıи** 205 при **ладожьскъıи** 17, **фрѧзьскъıмъ** 137 при **фрѧжьска** 142. 6—5 (снизу), такъ какъ въ этихъ примѣрахъ можно заподозрѣть извѣстное смѣшеніе *ц* и *ч*, *з* и *ж* (послѣднее, впрочемъ, у насъ, кромѣ указанныхъ сочетаній, не встрѣчается), хотя и въ нихъ вѣрнѣе видѣть переходныя формы къ нынѣшнимъ *грѣцкій*, *половѣцкій* (литераг. правописаніе—*грецкій*, *половецкій*), но замѣчательны **дрьюцьска** 89, **-оу** 88 (срв. **дрьютьскъ** въ Лаврент. 162=239), **полоцьскъıи** 72 и даже вслѣдствіе смѣшенія **ц** съ **ч** **полочьскъıи** 12 при **полоть(скъıи)** 24, **-(скоу)** 7, 70, 92, 120 и т. п., **сочь-скаго** 19. 2—3 (*ч* вм. *ц*) при **сътьскии** 116,—примѣры, показывающіе, что или **ь** писалось лишь по традиціи и не означало гласнаго звука, а только мягкость предшествующаго согласнаго, или, какъ думалъ А. А. Потебня[1]), взаимное вліяніе согласныхъ происходило и черезъ глухой гласный; дѣйствительно нѣтъ ничего невозможнаго въ этомъ послѣднемъ предположеніи, такъ какъ иногда мы встрѣчаемъ же вліяніе гласнаго одного слога на гласный предшествующаго ему (законъ гармоніи гласныхъ), и отчего того-же не предположить для согласныхъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь ихъ раздѣляетъ всетаки не полный гласный, а ирраціональный (глухой)? Не оставимъ безъ вниманія и того обстоятельства, что всѣ указанные случаи вліянія *с* на *т*, *ч*, *ж* черезъ *ъ* относятся къ «неслоговому» положенію для *ъ*, и вѣроятно, здѣсь *ъ* было лишь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, полуслоговымъ звукомъ[2]). Весьма возможно, что въ то время (въ концѣ XIII в. и даже позднѣе—въ XIV в.) при слоговомъ *ъ* еще слышалось *т* передъ нимъ, при неслоговомъ же или полуслоговомъ *т* уже измѣнялось въ *ц* подъ дѣйствіемъ слѣдующаго за *ъ* согласнаго *с*; вотъ почему, я думаю, мы встрѣчаемъ въ Лаврент. лѣт. **Дрьютьскъ** (слогов. положеніе) при нашемъ **дрьюцьска** (неслоговое положеніе).

---

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго яз., 37

[2]) Срв. старопольск. (конца XIV в.) *ludzsky* (=*ludźski*), *dzeczskich* (*dźećъskich*) во Флор. Псалт. (Leciejewski, Die Sprache des polnischen Theils des Florianer Psalters, Archiv VI, 508), существенная разница съ русскими формами здѣсь въ томъ, что зв c^i изъ t^i здѣсь является независимо отъ слѣд. *s*, у насъ же такого перехода t^i въ c^i независимо отъ слѣд. *s* не наблюдается.

Въ суффиксѣ -ьств- также послѣдовательно выдерживается ь въ обоихъ почеркахъ, что̀ опять объясняется тѣмъ, что здѣсь въ «неслоговомъ» положеніи ь вслѣдствіе стеченія согласныхъ долго удерживался въ качествѣ не вполнѣ слогового звука и во многихъ говорахъ въ послѣдующую эпоху замѣнился черезъ *е*. Укажу нѣсколько примѣровъ (б. ч. въ 1-омъ поч.): **бо҃гоизньствѣ** 96, **архіе҃пьство** 65, **игоуменьство** 49, **къметьства** 95, **множьство** 11. 3—4 (переносъ послѣ о, которое слѣдуетъ послѣ прорваннаго мѣста, такъ что мн можно возстановить лишь по догадкѣ), 32, 60. 9—10 (переносъ послѣ мъ-), 62, 70, 78, 80, 81, **въ**—**ѣ** 171; **посадницьство** 17 разъ въ 1-омъ поч. (22. 2—3, 23, 29, 31, 32, 43. 8—9, 46, 48, 56, 62. 4, 18, 74, 75, 76, 85, 98, -а 56) и 1 р. **-чьство** 92, во 2-мъ поч.: **посадь-ницьство** 181, **посадницьства** 186, **въ посадничьствѣ** 181; **рожьство** 98, 122, **-омъ** 227, **въ чьрнецьстве** 103. Только подъ титлою встрѣчается **рѫ҃тъмь** 45. Хотя во всѣхъ этихъ примѣрахъ я предполагаю существованіе глухого звука, но количество (а м. б. и качество) его было различно въ зависимостѝ отъ окружающихъ согласныхъ: если предшествовалъ согласный длительный (*ж*, *ч*), то глухой гласный могъ быть длиннѣе по количеству и приближаться къ чистому, въ который затѣмъ и переходилъ во многихъ говорахъ, а въ томъ числѣ и въ литературномъ русскомъ языкѣ (*мно́жество, купе́чество* и т. п.); если же предшествовалъ согласный мгновенный, и глухой произносился короче и въ нѣкоторыхъ говорахъ исчезалъ, при чемъ въ однихъ оставлялъ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго, въ другихъ, подъ ассимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога перейдя въ неслогов. звукъ ъ, не оставлялъ даже слѣда въ мягкости, а группа согласныхъ должна была подвергнуться упрощенію; срв. *богаство* Курск. Э. С. V. 39, *доро(д)ством* ibid. 40, *ро(д)с(т)во*, *слы(д)с(т)во* Вел. Устюжск., Сольвычегод., Тотемск.[1]) *привъство* Олонецк.[2]), сербск. *бра̏ство* при *бра̏тство*[3]), при чемъ, если группа согласныхъ не упрощается, извѣстная доля неслогового глухого гласнаго остается и теперь (напр. въ русскомъ и сербскомъ произношеніи *бра̏тство*). Но и въ первомъ случаѣ, т. е. при существованіи длительнаго согласнаго передъ суф. -ьств-, какъ и суф. -ьск-, въ большинствѣ словянскихъ нарѣчій произошло исчезновеніе глухого и затѣмъ упрощеніе группы согласныхъ: вм. старочешск.

[1]) Колосовъ, Обзор. звук. и форм. особ. нар. рус. яз., 198.
[2]) Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи.... 154.
[3]) В. С. Караджичъ.

diedičstvie, *ptačstvie*, *ptačstvo*, *proročstvie*, *proročský*[1]) и т. п., *božstvie*, *božský*, *množstvie*[2]) и т. п., при чемъ между *č* и *s*, *ž* и *s* необходимо предположить хотя бы полуслогов. глухой, въ новочешск. являются формы *dědictví*, *ptactví*, *proroctví*, *prorocký*, *bostvı*, *boský*, *mnoství* и т. п.[3]), въ которыхъ слабый остатокъ глухого, необходимаго для произнесенія упрощенной группы согласныхъ, можетъ доходить до нуля сообразно со степенью физіологической трудности произнесенія этой группы (разумѣется, необходимо имѣть въ виду неточность всякаго правописанія для передачи всѣхъ діалектическихъ и индивидуальныхъ особенностей произношенія); вм. старопольск. (Флор. псалт.) *nesboszstwo* (*ńezbožьstwo*, какъ справедливо читаетъ Лецеевскій), *swadeczstwo* (=*śwadečьstwo*) и т. п.[4]) въ нынѣшнемъ *ubóstwo*, *świadectwo*, также *niemiecki*[5]) вм. *-čsk-* изъ *-čьsk-* и т. п. Тому-же измѣненію подвергаются указанныя группы въ русскихъ нарѣчіяхъ въ томъ случаѣ, если глухой, раздѣляющій ихъ, исчезаетъ: великор. *грéцкій* (обозначаю черезъ *ъ* извѣстнаго рода ирраціональный звукъ, являющійся въ такомъ положеніи въ большинствѣ средневеликорусскихъ говоровъ), малорус. *грéцкий*, *козáцкий* (—*ц́кий*) и т. п., великор. *мускóй*, малор. *козацтво*, *ткацтво*[6]) (изъ *тъкачьство и т. п.), при чемъ въ великорусскомъ примѣровъ измѣненія *чств* въ *цтв* мнѣ неизвѣстно, и Колосовъ (Обзор. зв. и форм. особ. нар. рус. яз., 199) приводитъ только *одиностео* изъ южновеликорусскаго (курск.) съ упрощеніемъ *чств* въ *ств*; хотя возможно, что здѣсь *-ство* явилось черезъ посредство *цтво*, удерживающагося еще въ малорусскомъ (впрочемъ, и въ малорус. *чс* иногда ослабляется въ *с*: *парубоство*, Потебня, О звук. особ. рус. нарѣчій, Филол. Зап. 1865, стр. 137), но я не придаю значенія переходныхъ встрѣчающимся у насъ постоянно форм. **посадницьство** при рѣдкомъ **-чьств-**, такъ какъ здѣсь ц можетъ означать лишь тотъ средній между очень мягкимъ *ц* и очень мягкимъ *ч* звукъ, который въ языкѣ писцовъ 1-го и 2-го поч. слышался вмѣсто *ц*

[1]) Gebauer, Histor. mluvnice, I d., 520 (*diediczſtwie* Пс. Виттенб. XIV в., *ptaczſtwie* Библ. Олом. 1417 г., *ptaczſtwo* Штитн. рук. нач. XV в., *proroczſtwie* рук. Градецк. XIV в., *proroczſkym* Пассіон. XIV в.).

[2]) Ibid. 516 (*bozſtwie* Пс. Вит., *mnozſtwie* ib., *mnozſtwie* Библ. Олом., *bozſki* рк. XIV в.).

[3]) И теперь пишется еще *božský*, *božství*, *množství*.... (T. Fr. Šumavský, Taschen-Worterbuch der böhm u. deutsch. Spr., bearbeitet v. J. Rank, Prag, 1859)

[4]) Leciejewski, Die Sprache des poln. Theils des Flor. Ps, Archiv f. sl. Phil. VI, 508.

[5]) Бартошевичъ, Словарь польско-россійскій, Варшава, 1841—1843.

[6]) Д-ръ Ом. Огоновскій, Граматика руского языка для шкôлъ середнихъ, Львôвъ, 1889, стр. 62, 57. Срв. также лекціи проф. Соболевскаго, стр. 81 (гл. VII).

и *ч* и въ другихъ случаяхъ. Въ южнословянскихъ нарѣчіяхъ (болгарск., сербск. и словѣнскомъ) группы *-чск-*, *-честв-*, явившіяся указаннымъ путемъ, измѣняются такимъ образомъ, что въ противоположность сѣверозападнымъ и восточнымъ группамъ здѣсь б. ч. одерживаетъ верхъ шипящій элементъ: въ болгарск. при грѣцкж въ записи 1230 г. уже въ грам. 1218 г. находимъ джврѡвнишствѣи, затѣмъ въ пам. XV-го и XVII—XVIII в., а также и современныхъ говорахъ *чк*, *шк*, при чемъ первое вмѣстѣ со вторымъ отмѣчается П. А. Лавровымъ, какъ свойственное западнымъ и македонскимъ, только второе — восточнымъ говорамъ[1]): чилаи̑шка рук. Тихонр., *челешки, юнашки, човешки, чо́ечки, іу̑начки*[1]) и т. п.; тоже *ш* получается и изъ группъ *жс, шс* (*разлошкы* уже въ грам. 1379 г.)[1]); *шт* изъ *чст* въ *юна́штво* при *юна́чество* (срв. *юна́шки* при *юна́чески*)[2]); сербск. *гр̑чкӣ, дје̏војачкӣ, м̑ушко* (= -*жьско), *дје̏војаштво* (= *дѣвойчьство), *мндштво*[3]) (—*жьство); словѣнск. *človę́ški, človę̑štvǫ, dęvojáški, dęvojâštvǫ, dijáčki* при *dijáški, móški, možtvò*[4]). Что же касается измѣненія *тст* (изъ *-тьст- или *-дьст-), то, между тѣмъ какъ въ великорус. говорахъ наравнѣ съ южнословянскими (сербск.) замѣчается упрощеніе въ *ст* (примѣры см. выше), въ малорусскихъ наравнѣ съ польскимъ и здѣсь встрѣчается *цт*: *брацтво*[5])=польск. *bractwo* (Бартошевичъ); но польск. *bogactwo* (Бартошевичъ), ст. пол. (пс. Флор.) *bogaczstw, bogaczstwech*[6]), малор. *богацтво* (*ба*—?)[7]), при великорус. (арханг.) *бога́чество*[8]), могутъ быть образованы и отъ **богачь-*, а не отъ **богат-*.

О суффиксѣ *-ьц-* слѣдуетъ сказать, что, хотя онъ не представляетъ такого правильнаго употребленія, какъ суффиксы *-ьск-* и *-ьств-*, но все-таки случаевъ пропуска *ь* въ «неслоговомъ» положеніи гораздо менѣе, чѣмъ въ суф. *-ьн-*; это, несомнѣнно, лежитъ въ связи съ *дифтонгическимъ* характеромъ зв. *ц* (*t*^{i} *s*^{i}), вторая половина котораго при томъ звукъ *длительный* (*s*).

---

[1]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особ. болгар. яз., М. 1893, стр. 87—88.

[2]) Словарь болгарск. яз. А. Дювернуа.

[3]) В. С. Караджичъ (Рјечник). Въ грамот. еще начала XVIII в. находимъ -чьств- и, -частв-: отачьства и отачаства въ договорѣ съ русскими 1712 г. (П. А. Ровинскій, Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, Сборникъ Отдѣл. р яз. и сл., XLV, 524, 525).

[4]) M. Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar (V Ljubljani, 1894).

[5]) Огоновскій, Грамат., стр. 57.

[6]) Leciejewski, ibid.

[7]) Колосовъ, Обзор. зв. и ф. особ. ...., 178, сноска 1.

[8]) Подвысоцкій, Словарь областного архангельск. нарѣчія (СПб. 1885).

Но необходимо обратить вниманіе также и на звукъ, предшествующій глухому; ясно, напр., что для раздѣленія въ произношеніи звуковъ тожественныхъ или по крайней мѣрѣ очень близкихъ физіологически требуется бо́льшее напряженіе, чѣмъ для раздѣльнаго произнесенія двухъ согласныхъ разнаго мѣста образованія; это ясно изъ того, что въ первомъ случаѣ дважды совершается работа однимъ и тѣмъ-же органомъ рѣчи, между тѣмъ какъ во второмъ она отъ одного органа переходитъ къ другому; слѣдоват. въ первомъ случаѣ долженъ удерживаться ирраціональный звукъ болѣе продолжительный [1]), чѣмъ во второмъ. Я не буду приводить всѣхъ случаевъ, а остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ. Первый почеркъ представляетъ гораздо больше случаевъ правильнаго употребленія, чѣмъ второй. На 65 разъ **нов(ъ)городьц(и)** (-ѥ, -ѥмъ) 2 (-ьчемъ), 4, 17, 20, 25, 28, 29, 31, 33, 39, 50 (2 р.), 52 (3 р.), 56, 66, 67 (2 р.), 68, 69, 70 (3 р.), 71, 72, 73 (2 р.), 75, 76, 80 (2 р.), 82, 83 (2 р.), 84 (2 р.), 85, 86 (2 р.), 87, 88, 89 (2 р.), 90—91, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 101 (2 р.), 103, 110, 111 (2 р.), 114 (2 р.: -и, -емъ), 115 (-ѥ 3 р.), 120, 122 здѣсь только 10 разъ находимъ **новгородци** и т. п. 8 (2 р.), 12, 28, 40, 43, 55, 64, 69, 71, между тѣмъ какъ на 10 разъ **коньцѧ-** (-а, -и) 25, 75, 77, 84, 98, 108, 112, 113 (2 р.), 118 встрѣчается 7 разъ **концѧ**—14, 29, 79, 102, 109, 113, 120; при **рѧзаньци** 71, 72 находимъ и **рѧзанцѣ** 80; при **церньци** 58, гдѣ условія для сохраненія глухого весьма благопріятны (срав. великорус. *чернецы*) вслѣдствіе положенія послѣ двухъ согласныхъ, встрѣчается и **церенцемъ** 35, гдѣ группа *рн* устраняется появленіемъ такъ называемаго «второго» полногласія, о которомъ рѣчь будетъ дальше [2]); на

[1]) Въ связи съ этимъ находится почти полное отсутствіе удвоенія въ словянскихъ языкахъ («kennen .... die slawischen Sprachen im Allgemeinen keine Gemination mehr», E. Sievers, Grundzuge der Phonetik, 3 Aufl., 191), которое устраняется бо́льшею частію путемъ или диссимиляціи, или полнаго сліянія двухъ одинакихъ согласныхъ въ одинъ долгій, а затѣмъ и краткій; существенное условіе удвоенія—«небезпрерывность выдыханія» («die Discontinuitat der Exspiration, Sievers, ib. 194), которая и заключаетъ уже въ себѣ нѣкоторую, хотя бы $\frac{1}{x}$ — слоговую, долю глухого или ирраціональнаго гласнаго, и тѣмъ болѣе понятно сохраненіе этой доли глухого, если послѣдній данъ этимологически въ извѣстной формѣ.

[2]) Формы **черньцій, черньця* и т. п. могли удерживаться только до тѣхъ поръ, пока языкъ не утратилъ способности произносить глухіе по крайней мѣрѣ въ качествѣ полуслоговыхъ звуковъ; но по мѣрѣ исчезновенія категоріи глухихъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ случаевъ и въ данномъ случаѣ явилась потребность выйти изъ необычнаго положенія; и вотъ (конечно, постепенно) различные говоры пошли по различнымъ путямъ: одни шли по пути ослабленія глухого и здѣсь, какъ и вообще въ «неслоговомъ» положеніи, а за-

7 разъ половьц(ци) (-ѥ, -ѣ, -чѥ) 6. 6—7 (переносъ), 12, 13, 14, 37, 69, 112 встрѣчается 6 разъ полов(ци) и т. п. 7 (-ци, -цѥ), 9. 12, 18 (-чи, -чѥ), 11. 10, 32 (-чѥ), хотя при черниговьци 111, цьрниговьцемъ 111, цернигоувьци 31, 32 только 1 р. цернигоувчи 31; на 4 раза соуждальци 37, 72, 80, 86 только 1 р. соуждалци 69; при коупьцѥ 43, 66 коуп(ци) 111, -(цемъ) 36. Въ нѣкоторыхъ же словахъ находимъ только примѣры съ ь: молодьци 92, новотържьци (-ѣ, -ѥ) 7 р. (67, 88, 89, 120, 89, 97, 49—50—переносъ) и 1 р. новото-рожьци 115. 8—9 (при переносѣ; ясно, что т переправлено изъ г, а ж изъ д, о послѣ в приписано вверху строки, т. е. было написано новгородьци), вѣньцѧ (аор., ц вм.ч) 34, 35, нлеменьци 92. 8, володимирьци 80, переславьци 51, 80, немьцѥ 97, моуро-мьци 71 (пер.), 72, 88, ростовьци 79, 80, торопь(цю) 67, 70, -(цанъı) 72; конечно, нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ встрѣчаются только съ ь, вѣроятно, случайно, вслѣдствіе рѣдкости употребленія, но нельзя не сдѣлать того заключенія, что, кромѣ положенія послѣ *д*, гдѣ для перехода къ *ц* (= t^{s} s^{s}) отъ d^{s}, какъ одноорганнаго съ нимъ, требовалось бо́льшее усиліе (иначе произошла бы или полная ассимиляція и сліяніе двухъ одинаковыхъ согласныхъ въ одинъ долгій [1]) или краткій, или диссимиляція: срв. съ одной стороны серб. *дца*, *гра́ца* В. С. К., съ другой — польск. *ojca*, *rajca* изъ ст. пол. **ośca* [2]), *radźca*), ъ могло слышаться въ качествѣ неслогового ирраціональнаго звука между *ж* и *ц*, между *в* и *ц*, а м. б., и между *м* и *ц*, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ съ различною степенью долготы, колеблясь приблизительно между $^1/_2$ и $^1/_8$ слога; въ пользу

тѣмъ и упрощенія группы согласныхъ, и отсюда въ малорус. *черця́* или *чен'ця́* (Ogonovski, Studien... 93; я замѣняю ъа Огоновскаго черезъ *я*, а ъ черезъ апостровъ, такъ какъ ъ у меня имѣетъ значеніе глухого звука); другіе проясняли ъ въ *е*, какъ въ «слоговомъ» полож.; третьи избѣгли затрудненія помощію второго полногласія.

[1]) Срв. выше. Полную ассимиляцію, кажется, находимъ въ великорус. *оца́*, *оця́*, *аца́*, малорус. *вiця́*, *оця́* и т. п.—съ долгимъ *ц* (по говорамъ, мягкимъ или твердымъ въ великорус., бол. част. мягк. въ малорус.) изъ сочетанія *ть*, нѣкогда раздѣленнаго глухимъ гласнымъ ъ, при чемъ я сомнѣваюсь въ вѣрности приводимыхъ Огоновскимъ (Studien, 71) формъ *вітця́*, *отця́* (я замѣняю *ця* черезъ *ця*, а *ьця* черезъ *ця*) при существованіи имъ-же приводимой ф. *двана́цять* (ibid. 88); если же въ малорус. говорахъ дѣйствительно существуетъ раздѣльное произношеніе *вітця́* и т. п., то между *т* и *ц* необходимо сохраняется извѣстн. доля неслогов. ъ. Полная ассимиляція въ нѣкотор. говорахъ могла произойти весьма рано: срв. новгороци. новгорощемъ и т. п. въ грам. 1262—63 г. (Смирновъ, Сборн. др. р. п., 27).

[2]) Т. е *oćśca*, которое пишется иногда (напр. во Флоріан. Псалт.) какъ *oszczca* (Макушевъ, Чтенія о старопольской письменности, вып. 1, Варшава 1881, стр. 23, отд. оттиск. изъ Р. Фил. В.).

предположенія о довольно замѣтномъ для слуха ирраціональномъ гласномъ въ положеніяхъ послѣ д и к говорятъ двѣ описки: **покъгородници** 54. 14 и **ростовници** 76. 10 (сравн. **виси** въ Остромир. Еванг.[1]) и **городискъимъ попомъ** въ грам. 1269—1270 г.[2]). Особенно слѣдуетъ отмѣтить случай **мьртвьца** 24, гдѣ стеченіе согласныхъ содѣйствовало образованію слогового звука[3]). Въ «слоговомъ» положеніи, несомнѣнно, уже и писцомъ 1-го поч. произносился звукъ, если не тожественный съ **е**, то по крайней мѣрѣ очень близкій къ нему, какъ это показываютъ 4 случая **е** вм. **ь**: **писець** 113, **скопечь** 10 (**ч** вм. **ц**), **цьрнець** 101. 18, **чьрнецьстве** 103. Правда, что они теряются среди массы (15 р.) случаевъ съ **ь**: **нов(ъ)городьць** 42, 71 (2 р.), 26, 100, **дѣтиньць** 12, **коньць** 82, 107, **половь(ць)** 62, **-(чьскоу)** 114, **соужддальць** 30, 52, 71, 73, **сновьць** 56, но можно возразить, что **ь** могло писаться лишь по традиціи и подъ вліяніемъ случаевъ неслогового положенія, особенно, если принять во вниманіе и правописаніе грамотъ, гдѣ часто **новгородець**, **городець**, **куупець** и т. п. (1264—1270 г., Шахмат., стр. 239, 241, 243); однако едва ли только подъ этимъ вліяніемъ писецъ дошелъ до написанія даже **новгородць** 29 (можно бы сказать, пожалуй, что и это подъ вліяніемъ **новгородци**); думаю, что и здѣсь, какъ въ выше упомянутомъ **вск**, еще произносился не вполнѣ чистый гласный; разница лишь въ томъ, что въ послѣднемъ словѣ, какъ односложномъ, скорѣе могло происходить колебаніе между слоговымъ характеромъ то перваго, то второго **ь**. Еще позволю себѣ сдѣлать предположеніе о разобранномъ уже выше случаѣ **вск** вм. **вьск**: не пропускалось ли **ъ** въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ въ этомъ словѣ потому, что *в* въ соотвѣтствующихъ говорахъ произносилось въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ неслоговое *ў*, для котораго гласная слоговая поддержка менѣе необходима, чѣмъ для *в*[4]), особенно если

---

[1]) М. Козловскій, о языкѣ Остром. Еванг., 47 (въ 1-мъ т. «Изслѣдованій по русск. яз.»).

[2]) Шахматовъ, прилож. къ изслѣд. о яз. новгород. грам. (№ 3), стр. 242 «Изслѣд. по рус. яз.» т 1-го.

[3]) Срв. великорус. *мертвецá* и т. п., сербск. *мртвáца* при *мр̀твац* (В. К.), а съ другой стороны малорус. *мерці* (Пискуновъ) изъ **мьртьъци*, серб. *мр̀ца* и даже им. ед. *мр̀тац* (В. К.), показывающіе, что, какъ скоро **ъ** въ неслогов. полож ослабѣло до нуля, группа согласныхъ неминуемо упростилась, при чемъ серб. *мр̀тац* уже новообразованіе подъ вліяніемъ косв. п.

[4]) Не колебалось ли именно произношеніе **вьск** между *ўъс** (*ў* неслогов. + **ъ** слогов. + *с* + **ъ** неслог.) и *ў***сь* (*ў* неслог. + **ъ** неслогов. + *с* + **ъ** слогов.)? На первую Ф указываетъ единичное **весь** и рѣдкое **вьсь**, на вторую единичное **вхѣ** и частое **вск**; въ первомъ случаѣ *ў* было близко къ *в*, во второмъ могло приближаться къ *ў* слог. Въ послѣдующую эпоху первая Ф. дала во всѣхъ русскихъ говорахъ *весь*, и если въ малорус. говорится *увесь*, то *у* здѣсь должно объясняться вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ **ъ** было неслоговымъ.

у это становилось слоговымъ само? Для сербскихъ говоровъ это, т. е. *о=у* передъ согласными, фактъ извѣстный, для многихъ русскихъ (не только малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но и многихъ великорусскихъ) это фонетическое явленіе также доказано (и между прочимъ извѣстно діалектически въ сѣверно-великорусской[1]) группѣ), а, какъ мы увидимъ дальше, доказывается и для языка писцовъ 1-го и 2-го поч. синод. рукописи. Съ примѣромъ же **новгородцѣ** можно сравнить такіе примѣры, какъ **отъ конць до конць** въ октябрьск. минеѣ 1095—1097 г. л. 11^6 (издан. Ягича, стр. 42) или **трѣє дворць** въ грам. Александра Невскаго и новгородцевъ съ нѣмцами 1262—1263 г. (Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам., № 30, стр. 28); послѣдній примѣръ, впрочемъ, менѣе доказателенъ, такъ какъ въ той-же грамотѣ есть случаи пропуска буквъ чистыхъ гласныхъ: дат. мн. **новгороцмъ** (ib. 27). Кстати замѣчу, что для меня и послѣ замѣчаній А. А. Потебни (Къ истор. звуковъ, 41—42) остается не вполнѣ яснымъ въ грамотахъ 1229 г. и 1262—1263 г. пропускъ гласныхъ буквъ тамъ, гдѣ этимологически требуются чистые гласные звуки; но я не держусь такого крайне отрицательнаго взгляда, къ какому, пожалуй, дѣйствительно можетъ привести изученіе нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ малограмотныхъ написаній, и къ какому приходитъ проф. В. А. Богородицкій[2]); удивляетъ меня и отрицательный и рѣшительный выводъ проф. А. И. Соболевскаго, что «смоленско-полоцкіе кривичи въ первой половинѣ XIII в. уже не знали глухихъ **ъ** и **ь**»...., хотя онъ совсѣмъ не обратилъ здѣсь вниманія на пропускъ этимологическихъ **о** и **є** на письмѣ, а говоритъ лишь о замѣнѣ ихъ черезъ **ъ** и **ь** и обратно[3]) въ договорѣ 1229 г. Я обращу вниманіе на то обстоятельство, что здѣсь пропускъ чистаго гласнаго на письмѣ встрѣчается лишь подъ условіемъ его *неударяемости* (**горда**, т. е. го́рѡда; **новгороцмъ**, т. е. новгоро́дьцѣмъ), да и замѣна **о** и **є** черезъ **ъ** и **ь** встрѣчается[4]) здѣсь бо́льшею частію (не всегда) при условіи ихъ *неударяемости* (**вѣрьго**, **голъкоу**), и при томъ это явленіе наблюдается преимущественно именно въ слогѣ, непосредственно или почти[5]) непосредственно слѣдующемъ

---

[1]) См. «Очеркъ русской діалектологіи» пр. А. И. Соболевскаго (Живая Старина 1892 г., вып. II, стр. 11, 15, 16).

[2]) Курсъ грамматики русскаго языка, ч. 1, Варшава, 1887, 260—262 стр.

[3]) Рус. Фил. Вѣстн. 1886 г., № 1, стр. 8.

[4]) А. Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам..... 22 стр.

[5]) Я разумѣю, напр., неполный слогъ -дь- въ нов(ъ)горо(дь)ц(є)мъ, а потому и прибавилъ слово «почти». Нелишне замѣтить, что пропускъ гласной буквы въ суф. дат. над. мн.

за ударяемымъ; если это наблюденіе мы сопоставимъ съ слабымъ произношеніемъ неударяемыхъ, особенно непосредственно за ударяемыми, гласныхъ въ извѣстныхъ группахъ великорусскихъ говоровъ, то придемъ къ заключенію, что тогда уже, т. е. около половины XIII-го в.[1]), въ нѣкоторыхъ говорахъ неударяемые гласные отличались бо́льшей слабостью (редукціей) произношенія отъ ударяемыхъ; я не хочу этимъ сказать, что дѣло приняло тогда уже вполнѣ такой оборотъ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ средне — и южно-великору́сскихъ говоровъ: если вмѣсто **о** и **ѣ** писали **ъ** и **ь** или пропускали ихъ даже вполнѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что гласные сокращались непремѣнно до степени вполнѣ неслоговыхъ[2]), а слѣдуетъ лишь то, что они совпадали съ рефлексами старыхъ **ъ** и **ь** въ «слоговыхъ» положеніяхъ (но безъ ударенія), а частію и «неслоговыхъ» положеніяхъ, при чемъ въ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ формахъ могъ являться и слоговой звукъ (напр. въ конечн. глухомъ формы **берьго**), а потому и писались одинаково съ ними; такимъ образомъ, здѣсь я замѣчаю встрѣчу двухъ теченій языка, изъ которыхъ одно шло отъ глухихъ, приближавшихся къ чистымъ, но не успѣвшихъ совпасть съ ними, а другое отъ чистыхъ, сокращавшихся подъ вліяніемъ неударяемости; при такомъ предположеніи становится возможнымъ допустить, что въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ говорахъ въ неударяемыхъ слогахъ глухіе никогда и не становились вполнѣ чистыми, т. е. такими, какими послѣдніе стали въ ударяемыхъ слогахъ подъ дѣйствіемъ экспираторнаго характера ударенія; хотя изъ этого не слѣдуетъ, что нынѣшнее діалектическое *курёск* и т. п. ничѣмъ не отличается отъ древнерус. *курьск(ъ)* (различіе, несомнѣнно, существуетъ между всякимъ звукомъ одного говора и періода и соотвѣтствующимъ звукомъ другого говора и періода, хотя бы изображались они одною и тою же буквою), но весьма вѣроятно, что между первымъ и послѣднимъ не было

ч. встрѣчается и въ болѣе точныхъ памятникахъ, напр. въ Служ. Минеяхъ 1095—1097 г. (чл҃вкмъ сентябрь л. 51[a], стр. 072 изд. Ягича), а потому можетъ обусловливаться причинами орѳографическими, а не фонетическими.

[1]) Это весьма вѣроятно при предположеніи о довольно раннемъ преобладаніи экспираторнаго характера ударенія въ большинствѣ русскихъ говоровъ.

[2]) Этотъ выводъ опровергался бы правильнымъ написаніемъ чистыхъ гласныхъ въ грамотахъ болѣе позднихъ (конца XIII-го и XIV в.) изъ области той же группы говоровъ (срв. напр. грам. ок 1300 г.), что̀ едва ли было бы возможно объяснить одною грамотностію писцовъ. Нельзя ли, впрочемъ, допустить, что грамоты Смолен 1229 и Новгород. 1262—1263 написаны говорами съ особенно слабымъ произношеніемъ неудар. гласныхъ, встрѣчавшимися спорадически не только въ среднерусской, но и въ сѣверно-русской группѣ?

посредствующей формы съ вполнѣ чистымъ *е*, т. е. такимъ, какое въ неудар. слогѣ мы можемъ себѣ представить лишь въ языкахъ съ экспираторно-музыкальнымъ характеромъ удареній; несомнѣнно, впрочемъ, что возможно себѣ представить цѣлый рядъ оттѣнковъ, а потому и выраженіе «вполнѣ чистый» звукъ всегда будетъ неточно и субъективно. Въ языкѣ писцовъ нашей лѣтописи, какъ и въ языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в., незамѣтно слѣдовъ сильнаго паденія неударяемыхъ первично чистыхъ гласныхъ (кромѣ единичныхъ общерусскихъ, частію общесловянскихъ, случаевъ) и совпаденія ихъ съ первично глухими въ неударяемыхъ, хотя и «слоговыхъ», положеніяхъ, а потому для насъ особенно было бы важно такое написаніе, какъ упомянутое **новгородць**, если бы оно не могло быть сочтено опискою, такъ какъ встрѣчается только одинъ разъ при многочисленномъ **новгородци**.

Во 2-мъ поч. въ «неслоговомъ» положеніи уже чаще встрѣчается пропускъ: на 59 разъ **нов(ъ)городьц(и)** 123, 125 (2 р.), 145, 146, 147 (3 р.), 148 (-**иχъ**), 149, 150, 151, 152, 154 (3 р.), 155, 157, 158, 159 (2 р.), 160, 162, 163 (переносъ), 164, 168, 169, 171, 172 (2 р.), 173, 176 (2 р.), 181, 182, 183, 184 (2 р.), 187, 188, 189, 202, 206, 208, 210, 234 (перен.), 236. 1—2 (перен.), -(**ѥвъ**) 165, -(**ѥмъ**) 151, 156, 157, 159, 166, 170, 184, 187 (-**ч**-), 201, 209 (перен.), -(**ьче**) 157 встрѣчается 46 разъ **нов(ъ)городци** 146, 149, 156, 157 (2 р., 1 при перен.), 166, 169, 170 (2 р.), 172, 173, 174 (3 р.), 176, 179, 181, 185, 187, 188 (2 р.), 189, 199, 200 (2 р.), 201. 4—5, 202 (2 р.), 203, 204, 205, 208, 214, 215 (2 р.), 218, 229, 234, 235, 236, -**ѣ** 161, -**ѥ** 164, 204, 217, -**ѥвъ** 202, -**ѥмъ** 189 безъ **ь**; при **загородьци** 180 **къшегородци** 158 и **загородци** 186; въ «слоговомъ» положеніи: 9 разъ **новгородьць** 123, 153 (-**въ**-), 164, 165, 171, 172, 204, 205, 236, **городь-ць** 166. 17—18, **городьчь** 171, **злоустьць** 153. Замѣчательна, однако, непослѣдовательность, повидимому, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: хотя при **вѣньць** въ «слоговомъ» положеніи (4 раза: 133, 134, 177, -**чь** 134) встрѣчается и въ «неслоговомъ» только **вѣньцѧ** 134, 179, при **коньць** (126, 180, 186, 227, 228, -**чь** 179) въ «слоговомъ» пишется послѣ того же согласнаго и въ «неслоговомъ» положеніи постоянно (13 разъ)[1]) безъ **ь**: **конци** (129. 10, 12, 145, 181, 204, 229, 235), **концемь** (180), **концѧ** (228), -**нъ** (180), -**шѧ**

[1]) Изъ нихъ въ четырехъ послѣднихъ ц вмѣсто ч.

(179, 183, 197); сюда же отнесемъ и **младѣнца** 222, такъ что въ большинствѣ случаевъ послѣ н пропускъ ь въ «неслоговомъ» положеніи (съ ь еще только при переносѣ: **чюдинь-чевѣ** 227. 3—4), и **вѣньца** можетъ объясняться вліяніемъ случаевъ «слогового» положенія, т. е. формы имен. вин. ед. или род. мн.; почему же, однако, это вліяніе не сказалось въ косвен. формахъ слова **коньць**? Если же н составляетъ второй элементъ въ группѣ согласныхъ, то бо́льшею частію удерживается ь и въ «неслоговомъ» положеніи, когда произношеніе группы не облегчается помощію «второго» полногласія (послѣднее можетъ возникнуть, если въ группу входитъ согласный плавный): при **чьрньць** 216 пишется и **цьрнь-ца** 126. 12—13, **ць-рньца** 184, **цьрньца** 189, **чернь-че**[1]) 141. 10—11 (переносъ) и даже **черньциѫ** 216 (м. б. подъ вліяніемъ случаевъ, не имѣющихъ полногласія) и только 1 разъ **цьренци** 235; сюда же относится **агньци** 179. Лучше, кажется, соблюдается ь послѣ м: при **нѣмьць** 234, **нѣмьчьскоумоу** 130. 6, **нѣмечьскъıи** 130. 8, **нѣмечьскумоу** 135. 11—12, **нѣмѣ-чьскъıи** 135—136 (переносъ) въ «слогов.» положеніи встрѣчаемъ 7 разъ **нѣмьци** 173, 210 (переносъ: **-ци**), 228, 233, 234. 5—6 (перен.), 16, 235, 4 раза **нѣмци** 232, 232 (**-нъ**), 234, 174; **бо́приимьца** 199, **иноземьца** 126, при **доумьчь** (род. мн., **-ч** вм. **ц**) 178 **съ доумьци** 179. Послѣ б и п: **зоу-бьца** 161, **зоубь-чевъ** 167 (оба случая при переносѣ, только въ различныхъ мѣстахъ въ словѣ); но при **коупьць** 160 только **коупцемъ** 148; при **торопьчь** 152 (**ч** вм. **ц**), **-ц-** 153, **торопьцьск(оую)** 202, **-|скъıи** 156, **торопьчьск(аго)** 203, **-(ои)** 236 только **торо-пца** 152. 17—18 (переносъ), **торопца** 188. 16, **-не** 202. 20 безъ ь. Послѣ в: при **низо-вьчь** 235. 4—5 (род. мн., **ч** вм. **ц**), **овьчь** 217 (род. мн., **ч** вм. **ц**), **половьчь** (род. мн., **ч** вм. **ц**) 178, 191, 192, 194 (2 раза: **-чь** и **-ць**), **половьчьскъı** 192, 195, **-ѫ** 193, **половь-цьскъıми** 192 (перен.) только 2 раза **половьци** 195 и 7 разъ **полов(ци)** 126, 196, 198, **-(чи)** 178, 192 (2 р.), **-(че)** 194, 1 разъ **церниговьци** 199, 1 р. **ростовь-ци** 168 (при перен.) и 1 р. **ростовци** 199; послѣ группы ртѣ, содѣйствовавшей удержанію глухого, пока онъ не совпалъ съ ѣ въ неудар. слогѣ (если раньше не произошло упрощеніе группы)[2]): **мьртѣца** 222. 6, 14. Послѣ л: **доушиль(цевиць)** 179, —(— **а**) 180, —(**ца**) 212, **иголь-чевича** 163. Послѣ р только безъ ь: **тьхвѣрцю** 164 (вин. ед. жен.). Послѣ ж постоянно

---

[1]) Форма вин. множ.: ч вмѣсто ц, ѣ вм. ѣ

[2]) Срв. выше (въ 1-мъ поч.).

(5 разъ) сохраняется ь: новотѣржь(ци) 168 (2 р.), 202,—(чи) 223 (перен.), новоторожьци 216. 7; 1 разъ новотѣржь-чь 160. 12—13 въ «слоговомъ» положеніи. — Факты второго почерка до нѣкоторой степени подтверждаютъ выводы, сдѣланные относительно 1-го, т. е., что, кромѣ положенія послѣ д, всего лучше соблюдается ь послѣ ж, частію послѣ м и л; только отношеніе числа случаевъ съ ь къ числу случаевъ безъ ь послѣ д уже значительно меньше (59/46, между тѣмъ какъ въ 1-омъ 65/10), а послѣ в во 2-мъ поч. замѣчается уже въ противоположность 1-му преобладаніе примѣровъ безъ ь. Всего устойчивѣе, такимъ образомъ, ь въ «неслоговомъ» положеніи послѣ длительнаго шипящаго ж. Въ «слоговомъ» положеніи, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, правильно пишется ь, исключая трехъ случаевъ въ прилагат. нѣмьчьскыи (см. выше), въ которыхъ ь замѣнено черезъ е и ѣ (2 случая при переносѣ; ѣ могло лишь графически замѣнять ь).

Остается сказать о суф. -ьш- (въ образов. степ. сравн. или прич. прош. вр.). Въ 1-омъ поч.: больши (им. ед. жен. р.) 47, боль-шла 144. 14—15 (род. ед. средн. р.), большю 64, 112 (вин. ед. жен. р.), вячьшее 66, вячьшии 121, вячьшихъ 105 (3 р.), съ лоучьшими 32, 39, лучьшихъ 93, лепьшихъ 41 (форма, несомнѣнно, новая, аналогичная: древняя была бы *лѣпльшихъ); во 2-мъ поч.: больши 186, 193, въшьша 139, вящьшек 207 (ц вм. ч), вячьшї-к 165, вячьшии 232, вять-шихъ 147. 18—19, лоучьшимъ 227 (здѣсь переноса нѣтъ), лоучьшихъ 234, мьньшек 165, моложьшаѧ 224, въихомъ поуцьши 227. Съ пропускомъ ь только створше (прич. прош. вр.) 30, 211 въ 1-мъ и 2-мъ поч. и болшю 227 во 2-мъ поч. Что̀ касается формы створше, то она встрѣчается въ такихъ мѣстахъ (створше миръ 30, створше вѣче 211), что нѣтъ основанія заподазривать её въ заимствованіи изъ языка церковнословянскаго, тѣмъ болѣе, что формы причастныя или дѣепричастныя отъ глагольн. основы на *i* встрѣчаются и теперь въ говорахъ великорусскихъ въ краткой формѣ (т. е. безъ *в*): *не дохо́тчи* (или *не дохо́чи*) въ Курмыш. у. Симбир. губ. (изъ **не дохо́дши* — новообразованія вм. **не дохо́жьши*, или, что̀ менѣе вѣроятно, можетъ быть, изъ **не дохо́джьши*, гдѣ *дж* есть болѣе древняя ступень изъ *дj*, чѣмъ исторически извѣстное *ж*; въ пользу перваго, впрочемъ, свидѣтельствуетъ форма *пришо́чи* вм. **пришодши* изъ **пришъдъши*, срв. *пришодчи* въ старин. западно-русск. яз.)[1]; но можетъ явиться сомнѣніе относительно

[1]) Стат. лит. (Ogonowski, Studien, 88).

того, восходитъ ли эта форма къ древн. *сътворьше, или и она есть новообразованіе по образцу первообразныхъ глаголовъ (напр. *оутьрѣше и т. п.), подобно новообразованіямъ въ формахъ степ. сравн. прилагат.: нынѣшн. литерат. *младшій* (отъ формы, заимств. изъ ц. слов.), *старшій*, др. рус. *молодшую* въ грам. Ивана Калиты 1327—1328 г. (Смирновъ, Сборн. др. р. п., 56), *молодшюю* въ грам. 1389 г. (№ 35 Собран. госуд. грам. и договор., т. I), онеж. *младьшаго* (Колосов, Обзор, 160) и т. п. вм. **моложьшии* (срв. примѣръ изъ нашей лѣтописи) (ст. сл. **млаждии*, ж. р. **млаждьши*), **старъшии* (срв. въ новгород. грамот., у Шахматова №№ 1, 2, 3 и проч., хотя въ № 8 уже старѣшй, въ Лавр. *старъшюю* 61, а въ Ипат. даже *старишей* 222[1]), срв. также въ москов. грам. 1389 г. *старишему* и т. п.)[2]), при чемъ *младшій*, *молодшій* (откуда и малорус. *молóччий*, срв. Огоновск., Studien, 88), вѣроятно, новообразованія отъ абсорбированной основы положит. степ. *млад-*, *молод-*[3]), а *старшій* могло явиться и путемъ постепеннаго сокращенія, какъ показываютъ, повидимому, переходныя формы, и въ такомъ случаѣ *р* изъ *ръ*, которое изъ *ри*; створше, такимъ образомъ, могло и не имѣть послѣ *р* глухого ъ, а въ качествѣ новообразованія имѣть лишь очень слабый ирраціональный звукъ, необходимый лишь для раздѣленія *р* отъ *ш*, который могъ и не писаться и могъ быть и не смягчающимъ предшествующаго *р*. Новообразованіе необходимо видѣть и въ лепьшихъ, при чемъ, однако, соблюдается смягченіе, какъ видно по написанію ь, а не ъ (или пропускъ): слабый глухой, смягчавшій *п*, выраженъ черезъ ь. Вообще необходимо замѣтить, что въ этомъ суффиксѣ, встрѣчающемся исключительно въ «нeслоговомъ» положеніи, глухой звукъ былъ очень слабъ, какъ это видно изъ явленій диссимиляціи (вать-шихъ), правда, только при переносѣ, и изъ частаго пропуска ь въ современныхъ новгородскихъ грамотахъ: въ № 1 (1264—1265) еще ме-ньшихъ (при переносѣ), но въ № 3 (1269—1270 г.) уже меншихъ, въ №№ 9 и 10 (1304—1305) мьншихъ, въ № 6 (1305—1308) мѣншийхъ (срв.

---

[1]) Шахматовъ, Изслѣдованіе о языкѣ новгород. грам. XIII и XIV вв., стр. 157 со сноскою.

[2]) Собраніе госуд. грам. и догов., т. I.

[3]) Трудно, однако, объяснить мягкость *д* въ онежск. *младьшаго*; интересно знать, на сколько вѣрно правописаніе Гильфердинга дѣйствительному произношенію: если читать, какъ напечатано, то необходимо ь прочесть какъ глухой гласный, такъ какъ иначе невозможно сохраненіе звучности д; не восходитъ ли и *младьший* къ **младишший*, **младьший*?

также № 7) [1]), а частію и у насъ, особенно въ 3-мъ поч., о чемъ дальше. Что̀ касается только что приведенныхъ случаевъ изъ грамотъ и нашего **болшю**, то я не знаю, имѣемъ ли мы право, кромѣ ослабленія глухого до степени незначительнаго призвука, видѣть здѣсь также и утрату мягкости предшеств. *н* и *л*; хотя возможность этого не отрицается въ виду извѣстныхъ въ области сѣверновеликорусской группы случаевъ отвердѣнія *н* и *л* передъ нѣкоторыми суффиксами: Олон. *маменка*, *рученку*, *бѣленкой* (Гильферд.) [2]), *столно-кіевской* (Рыбник.) [2]); *болной*, *печалной*, *хмѣлной* въ говорахъ Вологод. г. (Сольвычегод., Великоуст., Кадн., Тотем., Грязов.), *болшой* Вятск., *болше* Лукоян. Ниж. г. [3]) (послѣдній примѣръ изъ мѣстности средне-великорусской, и притомъ колонизованной сравнительно поздно выходцами преимущественно изъ сосѣднихъ южно- и средне-великорусскихъ, а частію и сѣверно-великорусскихъ областей) [4]), но утверждать это относительно случаевъ, встрѣчающихся въ памятникахъ XIII—XIV вв., я бы рѣшился лишь тогда, когда бы встрѣтилъ послѣ нихъ ъ вм. ь или вообще букву, означающую гласный несмягчающій, вмѣсто буквы, означающей гласн. смягчающій; замѣчу только, что, такъ какъ *ш* въ большинствѣ великорусскихъ (да и малорусскихъ) говоровъ звукъ отвердѣвшій, то весьма вѣроятно и отвердѣніе предшествующихъ ему согласныхъ, которое, однако, едва ли не выразилось бы при частомъ употребленіи ь въ разбираемомъ суффиксѣ постановкою, хотя изрѣдка, ъ вм. ь, и возможно, что въ то время такого твердаго произношенія *н* и *л* передъ этимъ суффиксомъ, какъ теперь въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не было потому, что, какъ видно изъ данныхъ [5]) нашего и другихъ современныхъ сѣверно-великорусскихъ памятниковъ, не было, вѣроятно, и отвердѣнія звука *ш*, а скорѣе можно думать, что онъ былъ значительно мягче нынѣшняго господствующаго, хотя неодинаково въ сочетаніяхъ съ различными гласными. Можно еще указать на случай суф. -ьχ-, измѣнившагося въ ьш подъ вліяніемъ слѣдующаго ь въ словѣ (собств. им.) **ольшьи** 194 (ф. род. ед.) во 2-мъ поч. (срв. *Олешескъ* въ спискѣ городовъ по рукоп.

---

[1]) Шахматовъ, Изслѣд. о яз. новг. грам., приложеніе.
[2]) Колосов, Обзор звук. и форм. особ, 161.
[3]) Ibid. 153.
[4]) Срв. сказанное мною въ «Живой Старинѣ» 1894 г. вып. II, стр. 151—162.
[5]) Объ этомъ см. дальше въ главѣ о согласныхъ.

Арх. ком. XV в., въ изд. 1888 г. стр. 448),[1]) въ которомъ я вижу производное отъ ѡльхꙗ (назван. дерева) (срв. др. в. нѣм. elira изъ *elisa, голланд. else[2]), н. в. нѣм. erle: -is- = -ьх-), при чемъ -ьх- чередуется съ -ъх- въ зависимости отъ измѣненія начальнаго гласнаго корня: ѥлъхꙗ, откуда великорус. ѥлха́; въ малорус. же болѣе обычны формы, восходящія къ *ѡльхꙗ: ол'ша́на, віл'ша́на и т. п. (названія мѣстности)[3]); къ *ѡльх- же должно восходить и чешск. olše. Но объ этомъ словѣ мнѣ еще придется говорить по поводу чередованія начальн. е и о.

Кратко скажу теперь о суффиксальномъ употребленіи ь въ 3-мъ и остальныхъ почеркахъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что въ суффиксахъ гораздо больше случаевъ его сохраненія, чѣмъ въ корняхъ, и это понятно, такъ какъ одни и тѣ-же суффиксы повторяются чаще, чѣмъ одни и тѣ-же коренные слоги, и въ сочетаніи ихъ съ различными конечными согласными той или иной основы являются различныя условія для сохраненія глухихъ различной степени долготы въ «неслоговомъ» положеніи; но общее правило заключается въ томъ, что всякое ь въ «слоговомъ» положеніи обращается въ чистое ѣ (вполнѣ ли оно совпадало въ языкѣ писца 3-го поч. съ ѣ этимологическимъ, или была ничтожная разница, этого мы рѣшить, конечно, не можемъ; была ли разница въ произношеніи ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ, намъ также неизвѣстно въ виду полной одинаковости написанія, и вообще въ говорахъ писцовъ и составителей Синодальнаго списка вовсе незамѣтно несомнѣннаго преобладанія ударяемыхъ слоговъ надъ неударяемыми)[4]), въ «неслоговомъ» исчезаетъ въ большинствѣ случаевъ, сохраняясь лишь въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ я только что упомянулъ, т. е. при благопріятномъ стеченіи согласныхъ. Такимъ образомъ, въ суф. -ьк- находимъ съ одной стороны **торжекъ** 247, 308, 314, 318, 321, 333; съ другой:

---

[1]) Соболевскій (Лекціи, стр. 30; Статьи по славяно-русскому яз., стр. 22) видитъ здѣсь почему-то греч. Ἐλισσός.

[2]) Miklosich, Lexic. palaeoslov.

[3]) Срв. напр. у Н. Ѳ. Сумцова «Малорусская географическая номенклатура» (Кіевъ, 1886), стр. 3, 5, 8 (*Ольшана, Ольховата, Ольшаный, Вильшина*, т. е. *віл'шина*) или мѣстечко *Віл'шана*, упоминаемое въ извѣстной поэмѣ Т. Г. Шевченка «Гайдамаки». Въ Великороссіи же извѣстно много рѣчекъ *ѥлшанокъ*, которыя въ языкѣ «интеллигенціи» передѣланы въ *ольховки*.

[4]) Возможно, пожалуй, лишь предположить, что неударяемость содѣйствовала сохраненію глухого тамъ, гдѣ онъ передъ группою согласныхъ, не смотря на «неслоговое» положеніе, могъ стать вполнѣ слоговымъ и обратиться въ чистый подобно всякому слоговому глухому въ языкѣ писца 3-го поч.

торжкоу 249, 261, 308, 317 и 3 раза торжькоу 272 (2 р.), 334 (послѣдній уже въ одномъ изъ слѣдующихъ за третьимъ почерковъ), влоуньковича 239, горк(оую) 244, -(ою) 248 и друг. и даже толко (вм. только изъ или при толико) 277, 284, 329; съ ь еще: за борьковоу оу-лицю 313. 2—3, на бор҃ковѣ 307, и въ соб. имени влоуньковичь 248. Въ суф. -ьв- съ одной стороны витевь-ска (предполагается существительное * витьва) 262. 12—13 (впрочемъ, при переносѣ), съ другой молвъı 242, 268, 334, с молвою 294 (2 р.), 320; въ скандинавскомъ собств. имени -ьг- въ «слоговомъ» положеніи замѣняется черезъ -ег-: олегъ 241; въ суф. -ьл- въ «неслог.» полож. свѣтло 240 (срв. и въ иностр. соб. им. павла 261). Въ суф. -ьн- съ одной стороны: силенъ 301, 324, 328, смоленьскоу 272; съ другой: вѣдною 248, гоголнъıми 295, крамолници 333, печални 296, смолнянъı 297, силно 312, силнъı(мь) 250, —(хъ) 275, силнѣє 301, даже при стеченіи согласныхъ б. ч. безъ ь: чермного 288, с҃тртноі 332, чт҃на 331, намѣстникъ 305 и др., крт҃номоу 324 и только 1 р. крт҃ьною 281, но ь обыкнов. пишется между одинак. согласн.: безаконьнии 247, иноплеменьни(ци) 241, 243, —(къ) 252, —(къı) 249. 18—19 (переносъ послѣ -ме-), оканьн(ъıи) 237, 274, —(ии) 249, 265, 292, молчаньное 309, броньници 294, а также послѣ группы зв въ словѣ извьни 253, а въ серебреника 237 (срв. 2-ой поч.) даже ь замѣнилось черезъ е подобно «слоговому» положенію; кромѣ такихъ случаевъ, ь встрѣчается два раза только при переносѣ: прпв҃ь-нъıхъ 249. 11—12, вербь-ноі 327. 19—20. Въ суф. -ьц- съ одной стороны: новгородець (род. мн.) 253, городець 278, кровопролитець 245, вѣнець 305, конець 285, 301, 313, дѣтинець 312, черне(ць) 278, -(чьское) 262, -(чьства) 281, чернризець 249, новоторжець (род. мн.) 239, коупець 318, 320, -(скоую) 311, торопечь 262, нѣмець 258, 315, 323, 330, -(скъıи) 288, (скъıі) 330, -(скаıа) 288, -(скую) 311, -(скомоу) 323, нѣмечьского 301; съ другой[1]): новгородц(и) въ массѣ случаевъ (около 70 разъ) почти на каждой страницѣ (на нѣкот. по нѣскольку разъ) (239, 251, 252, 253, 255, 256, 258, 262, 264, 266—273, 276, 278, 280, 283—288, 291—293, 294, 296—298, 300, 303, 305, 308—312, 315—326, 328—330, 332, -евъ 239, 270, 318, 322, 325, 331, -емъ 291, 297, 318, 325, 329, 331) при 4-хъ лишь примѣрахъ съ ь: новгородьци 265, 271. 13—14,

[1]) Вмѣсто механическаго азбучнаго порядка я располагаю примѣры такимъ образомъ, что сначала идутъ случаи послѣ зубныхъ и язычныхъ мгновенныхъ и длительныхъ (сюда входятъ свистящіе и шипящіе) согласныхъ, затѣмъ послѣ губныхъ.

334. 4—5, 336. 1—2 (но-къ-), изъ которыхъ два встрѣчаются на страницахъ, слѣдующихъ за третьимъ почеркомъ, а изъ всѣхъ два при переносѣ послѣ ь-, одинъ послѣ но-, городци (вин. мн.) 251, на городци 307, сыроядци 273, чюдцю 256, гостилца 237, соужалаци 279, колыванц(и) 286, -(емъ) 287, конца 314, (к) конци 266, 302, 314, 315, черноризци 279, новоторжц(и) 261, 317, -(евъ) 239, 261, пѣшца 266, раковорц(и) 286, -(емъ) 287, дмитровци 261, ловци 295, переславци 297, половци 238. 3, 14, 18, 239, низовци 256, торговци 328, черниговци 238, юрьевци 253, 286, иноземца 295, нѣмци 25 разъ (240, 253—258 по нѣскольку разъ, 286, 292, 312, 315, 320, 323, 328, -емь дат. мн. 258), торопч(а) (ч вм. ц) 264, -(емь) 262, (к)—(и) 251; ь встрѣчается еще только послѣ ж въ новоторжьци 262, 266 и въ зижьчемь 262 и послѣ рн въ черньц(а) 244, -(и) 315, 324, 326 (исключительно съ ь)[1]); такимъ образомъ, кромѣ черньца, ь встрѣчается *не при переносѣ* только четыре раза (новгородьци 265, зижьчемь 262, новоторжьци 262, 266), и замѣчательно, что всѣ эти примѣры приходятся на тѣ мѣста, въ которыхъ встрѣчается или ч=ц или ѣ вм. и (если повѣти на стр. 266 дѣйствительно слѣдуетъ читать повити, а не повѣдити); впрочемъ, послѣ ж, какъ согласнаго длительн., это неудивительно (сравн. отсутствіе пропуска въ 1-мъ и 2-мъ поч.), да и между *д* и *ц* согласно сказанному выше на основаніи наблюденій правописанія первыхъ почерковъ и соображеній физіологическихъ мы болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ, въ правѣ ожидать удержанія неслогового призвука; если встрѣчаемъ пропускъ ь въ «слоговомъ» положеніи, какъ въ чл҃вкавць 252. 3, то этому еще менѣе можно придавать значеніе, чѣмъ въ 1-мъ п., такъ какъ ь въ такомъ положеніи здѣсь не встрѣчается; вѣроятно, это такой же пропускъ *буквы на письмѣ*, какъ и пропускъ б. ю и о въ предшеств. слогахъ. Въ суффиксахъ -ьск- и -ьств- мы и въ 3-мъ поч. почти послѣдовательно находимъ сохраненіе ь въ «неслоговомъ» положеніи[2]): вопрьскымъ 273, володимирьск(омоу) 242, мирьскы 259, -(ыи) 243, изборьско 254, серегѣрьскымъ 249, татарьск(ымъ) 259, -(ыи) 271, соужальск(оі) 308, -(ыи) 330, доньскоую 306, рязань(скоую) 241, -(стии) 242, хр҃тьяньскаа

[1]) Срв. сказанное объ этомъ по поводу 1-го и 2-го поч.

[2]) Здѣсь порядокъ примѣровъ я нѣсколько измѣнилъ, т. е. начинаю не съ зубныхъ мгновенныхъ, а съ язычныхъ плавныхъ, за которыми слѣдуютъ зубной носовой, затѣмъ зубные мгновенные не носовые, послѣ нихъ зубные и небные дифтонги (*ц* и *ч*), небные и зубные спиранты и наконецъ губные (губно-зубной спирантъ *в* и губной мгнов. *б*).

264, женьска 248, новгородьск(ъıи) 270, -(ъі) 260, -(ои) 265, -(оую) 252, 264, 266, -(ого) 263, чю-дьскоую 256 — 257 (пер.), чюдьск(аѫ) 240, -(омь) 257, полотьск(ого) 279, -(ъıѫ) 279, (ѣ)—(ѣ) 251. 7—8 (переносъ послѣ -ть-), 280. 3—4 (переносъ послѣ -поло-), коупецьскоую 311, нѣмецьск(ъıи) 288, -(ъі) 330, (аѫ) 288, -(ую) 311, -(омоу) 323, нѣмечьского 301, тъıсѧ(цьскѡ) 267, 317,—(чьскѡ) 237, 289, 292, 330, -(чьскоє) 272, 294, -(чьскъıи) 295, суболичьскаго 258, чернечьскоє 262, на варажьскоі 301. 2—3 (переносъ послѣ ь), варажьскаѫ 313, новоторжь-скъıи 248. 18—19 (переносъ), новоторжьскоую 329, моужьска 248, оустьюжьскъıи 325, 331, мнишьск(ъıи) 281, -(аго) 282, черноризьскъıи 248, проуськоі 308, роуськ(ои) 249, -(ую) 279, -(оі) 299, литовьск(оую) 272 (переносъ послѣ -то-), 283, -(ого) 281 (переносъ послѣ -то-), 283, неревьскъıи 285 (пер. послѣ рѣ-), 301, 313, низовьскоѣ 265, пльсковьскои 265, ростовьскъıи 263, витебь-ска 262 (пер. п. -бь-); хотя за полноту примѣровъ не ручаюсь, но думаю, что здѣсь она излишня, такъ какъ примѣры безъ ь встрѣчаются лишь тогда, когда бываетъ выноска согласн. буквы надъ строку: (нов)горѡск(ои) 268, (новъ)—(ъıи) 299, 302, 318, (нов)-(ъıхъ) 317, -(аѫ) 319, полѡскъıи 328 и т. п., но это не имѣетъ значенія, такъ какъ въ такихъ случаяхъ и буквы чистыхъ гласныхъ пропускаются, и мы бы могли сказать, что ь въ этомъ суффиксѣ вообще не пропускается, если бы не встрѣтили одного дѣйствительно поразительнаго исключенія: на стр. 237, 6 мы читаемъ дѣцкои (изъ *дѣтьскъıи черезъ посредство *дѣцьскои); это тѣмъ болѣе странно, что нѣсколько разъ встрѣчаются полотьск-, новгородьск-, нѣмецьск- и т. п.; если дѣйствительно группа *тьск* измѣнилась въ языкѣ писца въ *цк*, то отчего не встрѣчается даже полоцьск-, извѣстное намъ изъ 1-го поч.? Остается предположить, что или т въ полотьск- поддерживалось вліяніемъ формъ имен. вин. ед. ч. муж. р. нечленныхъ, а -цьск- въ нѣмецьск- вліяніемъ им. ед. существит. нѣмець, или что дѣцкои взято изъ другого говора, въ которомъ измѣненіе группы *тьск* произошло раньше; кромѣ того, при первомъ предположеніи опять является вопросъ, было ли вліяніе параллельныхъ формъ въ самомъ языкѣ, или чисто графическое; возможно именно послѣднее: въ виду разобранныхъ фактовъ 1-го и 2-го поч., достаточно ясно указывающихъ на то, что *тьск* измѣнилось давно уже въ «нeслоговомъ» положеніи въ *цьск-* (съ очень мягкимъ *ц* близкимъ къ *ч*) по крайней мѣрѣ, если уже не въ *цък-* (съ очень слабымъ глухимъ гласнымъ призвукомъ), едва ли можно думать, чтобы полстолѣтія

позднѣе, хотя бы и въ другомъ говорѣ, произносилось еще *тьск-*; впрочемъ, я не беру на себя смѣлость рѣшать такіе вопросы, тѣмъ болѣе, что очень часто встрѣчаются въ сосѣдствѣ два говора, изъ которыхъ одинъ медленнѣе измѣняетъ унаслѣдованные отъ предшествующаго поколѣнія звуки, другой быстрѣе; возможно и то, что одно слово писецъ находилъ въ оригиналѣ своемъ, другое же писалъ самъ вновь. Въ «слоговомъ» положеніи я нашелъ лишь два примѣра, одинъ съ *е* вм. *ъ*, другой съ *ъ*: **полтескъ** 285 (неорганич. пропускъ **о**) и **и-зборьскъ** 254. 3—4. Суф. *-ьств-*: **посадничьство** 267, 268 (-а), 269, 272, 292, 319, 333 (въ 4-омъ поч.) (только при выноскѣ **ч** надъ строку бываетъ пропускъ **ь**: **посадничство** 306, гдѣ буквы **тв** представляютъ лигатуру), **чернечьства** 281, **множьство** 241, 251, 269 и друг. (подъ титлою: **мн҃ожьство** 329); здѣсь, кажется, и для 3-го поч. нельзя сомнѣваться въ произношеніи именно не вполнѣ слогового **ь**, такъ какъ едва ли произносили «посадництво»[1]), а если бы произносили «посадничество», то такъ бы и писали, что̀ ясно изъ общаго характера правописанія 3-го поч.; неясное произношеніе могло удерживаться, особенно благодаря неударяемости: произношеніе было, вѣроятно, подобно тому, какое и теперь слышится въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ; если теперь въ литерат. правописаніи не принято здѣсь писать *ъ*, то потому, что *ъ* исполняетъ совершенно другія обязанности, чуждыя древне-русскому правописанію.

Подобно **ъ** вм. **о** встрѣчается у насъ въ немногихъ опредѣленныхъ случаяхъ и **ь** вм. **е**. Во-первыхъ **ъ** вм. *е* является, повидимому, чисто графически, собственно вм. *ѣ*: 1) **нъзѣ** 60. 10 (сравн. **нѣзѣ** 127, 129, 287); 2) **въ срѣдъ** *с*̀**тра** 219 (вмѣсто **-срѣдъ-**; сравн. **с҃рѣ** 53, 72 и полногласн. **въ середъ оу̀тра** 174; хотя въ данномъ словѣ у насъ неполногласныхъ примѣровъ съ **ѣ** не встрѣчается, но что они могли еще быть въ памяти писцовъ, доказывается примѣрами съ **ѣ** въ другихъ неполногласныхъ формахъ); 3) въ формахъ собств. имени греческаго происхожденія: **олькс(а)** 63, **-(оу̀)** 59 въ первомъ поч. при 2 раз. съ **е** (**алекса** 92, 102), **олькс(а)** 128, 131, **-(е)** 127, **-(ою)** 123, **-(у̀)**, **-(оу̀)** 135, 145, 161, **-(иниць)** 166, **алькси҃а** 145, **оль҃ги҃а** 231, **оль҃оу̀** 173, **аль҃андр(а)** 210, 214, **-(ы)** 170, **о-лькандра** 196. 20—21, **оль-҃андра** 224. 19—20 (съ **е** только 2 раза: **олексоу̀** 128 и **олексѣ** 132, съ **ѣ** 1 р.: **олѣксѣ** 128) во 2-омъ поч.; сравн. тоже въ Прологѣ № 187 Хлудов. б-ки: **въ аль҃андріи** 4[а], **ѿ аль҃андріа**

[1]) Впрочемъ, и послѣднее невозможно произнести безъ глухого звука между ц и т.

29[a], аль҃а-ндрьскъıмь 4[a], аλьксандрьско-моу 133[б]; что ь находится въ связи съ ѣ, я вывожу изъ правописанія нѣкоторыхъ южнословянскихъ (сербскихъ) текстовъ XII—XIII в.: въ Гршкович. глагол. отрывкѣ Дѣяній Апостол. алѣкъсенъдръска[1]) при отсутствіи въ немъ смѣшенія ѣ съ ѣ (я не считаю смѣшеніемъ сербское употребленіе ѣ вм. ѣ и наоборотъ въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ случаяхъ), въ одномъ апокрифическомъ текстѣ б-ки юго-слав. акад., напечатанномъ у М. Сперанскаго[2]), алѣ҃андрь и друг. Къ этому же разряду слѣдуетъ отнести и ъ вм. *е* въ предлогѣ *без-* (*бес*) сложнаго слова обьцьствовали 207, вѣроятно, по опискѣ подъ вліяніемъ слѣдующаго коренного ь. Во всякомъ случаѣ, и такое графическое употребленіе ь, если оно повторяется не въ одномъ примѣрѣ, а нѣсколько разъ, какъ въ словѣ олькса и т. п., свидѣтельствуетъ косвенно о томъ, что писцы смотрѣли на ь, какъ на букву не только неслогового, но и слогового звука, близкаго къ *ъ* и *е*, вѣроятно, имѣвшаго оттѣнокъ звука *е* краткаго, узкаго, склоннаго къ *і* подобно *ъ* или *е* неударяемымъ; но отожествлять его произношеніе въ «слоговомъ» положеніи съ произношеніемъ *ъ* и *е* все-таки нельзя, такъ какъ иначе мы имѣли бы гораздо больше примѣровъ употребленія ъ вмѣсто *е* и *ъ* и въ домашнихъ словахъ; можно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени объясняетъ намъ употребленіе ь въ олькса и обьцьствовали: вспомнимъ, что основное ь особенно охотно удерживается въ положеніи передъ группами согласныхъ; не подъ вліяніемъ ли этихъ случаевъ проскользнуло подъ рукой писца ь и туда, гдѣ условія были сходны, хотя этимологически требовалось ѣ или ѣ, при чемъ это особенно понятно въ собственномъ имени иностраннаго происхожденія, произношеніе котораго для писцовъ могло быть сначала неяснымъ?

Во избѣжаніе недоразумѣній я замѣчу, что относящееся, повидимому, къ этому-же разряду слово жьньчюгъ 139, по всей вѣроятности, должно быть признано сюда не относящимся, а имѣющимъ этимологич. ъ; слово это заимствовано изъ восточныхъ языковъ (Miklos. Lex. Palaeosl., Etymol. Wörterb.), и форма восточнаго (турецкаго) слова *indži* своимъ звукомъ *і* скорѣе указываетъ на ъ, чѣмъ на *е*, какъ на первичн. звукъ словянскаго слова. Востоковъ въ своемъ словарѣ ставитъ въ красной строкѣ нашу форму (съ ъ),

---

[1]) V. Jagić, Gršković odlomak glagolskoga apostola, u Zagrebu 1893, стр. 16.

[2]) Славянскія апокрифическія евангелія (Москва, 1895), стр. 106 (въ приложеніи).

а Срезневскій въ «Матеріалахъ», хотя и ставитъ впереди форму съ *е*, приводитъ, однако, изъ болѣе древнихъ памятниковъ форму съ ъ: *жьнчюіъ* на крест. кн. Ефр. Пол. 1161 г., *жьньчюіъ* Никон. Панд., *жьнчюіомь* Прол. сент. XIII в. Что касается второго ъ (послѣ *н*), то оно, вѣроятно, не этимологическаго происхожденія [1]).

Во-вторыхъ ѣ вм. ѥ является въ нѣкоторыхъ именныхъ и глагольныхъ суффиксахъ, частію подъ вліяніемъ извѣстныхъ аналогій, частію въ качествѣ старыхъ, хотя и неясныхъ, варіантовъ: 1) **съ двѣма кнѣзьма** 72 (твор. двойств.), гдѣ можетъ сказываться вліяніе съ одной стороны формы твор. ед. ч., съ другой основъ на *ĭ*, которыя, какъ мы видѣли, почти правильно соблюдаютъ ѣ въ 1-омъ и 2-мъ поч.; 2) род. множ. **корабльѣ** 137, гдѣ ѣ можно объяснить графически вліяніемъ побочныхъ формъ ***корабль** (осн. на *j*-основъ) и ***корабьи** изъ ***корабліи** (осн. на *ĭ*); 3) **мъшлѧшьта** 129. 5 (единственная форма 3 л. двойств. ч. стараго имперфекта, встрѣчающаяся въ разсказѣ о греческихъ событіяхъ), гдѣ ѣ подтверждается рядомъ другихъ сѣверно-русскихъ памятниковъ XIII—XIV в., имѣющихъ въ 3 и 2 л. дв. и 2 мн. ч. **-шьта**, **-шьтѥ**, **-шта**, **-штѥ**, и формами на *štaj*, *štej*, *šće*, *šćo* въ лужицкихъ языкахъ [2]).

Въ третьихъ есть случаи ъ, повидимому, вмѣсто *е*, какъ результатъ его сокращенія, но собственно представляющіе старые варіанты, восходящіе,

---

[1]) Я долженъ поблагодарить всегда готоваго П. К. Симони за помощь, оказанную мнѣ при справкахъ въ словаряхъ.

[2]) А. И. Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз., изд. 1888 г., стр. 115. Хотя появленіе ирраціональныхъ гласныхъ вмѣсто чистыхъ въ концѣ основъ спрягаемыхъ формъ вообще необычно, но отношеніе *-ет-* къ *-ът-*, въ которыхъ здѣсь является сочетаніе конечн. гласн. основы имперфекта съ личн. суффиксомъ, напоминаетъ отношеніе суф. *-ет-* къ суф. *-ът-*, суф. *-от-* къ *-ът-* въ именныхъ и глагольныхъ образованіяхъ: сравн. ст. слов. **трѣп-ѣт-ъ**, **свѣп-ѣт-а-ти** съ **мьч-ьт-**, **скрѫж-ьт-** и т. п., **трѣск-от-ъ** или малорус. (у Бойковъ) *ропіть* (Потебня, О звук. особ. рус. нарѣчій, Фил. Зап. 1865 г., стр. 156) съ **рѣп-ът-ъ**, **тѣп-ът-ъ** и т. п. (Miklosich, Vergl. Gram. II, стр. 188). Нѣчто подобное, можетъ быть, и въ Ф. 1 л. ед. ч. аор. **прнобрѣтѣхъ** Зограф. Еванг. (Матѳ. XXV. 20. 61ᵇ, V. Jagić, Studien....., 120), т. е. «соединит.» гласн. ѣ вм. ѳ, но вслѣдствіе единичности позволительно видѣть здѣсь описку, Видеманъ (Beiträge zur altbulg Conjugation, 104) читаетъ **прнобрѣтохъ**, хотя именно для его объясненія аор. формы на **-охъ** изъ **-ѣхъ** (присоедин. оконч. **хъ** къ оконч. **ъ** простого аор., ib. 110) Ф. **-ѣхъ** была бы важна. Что̀ касается «соединительнаго» гласнаго, то онъ восходитъ къ индо-европейскому *слоговому* ирраціон. гласн и въ общеслов. = *о* (Лекціи проф. Ф. Ѳ. Фортунатова); *неслогов.* иррац. гласн. общеиндоевроп. происхожденія, переходившій въ общеслов. яз. въ видѣ слогов. (ъ или ь) иррац. гласн., былъ извѣстенъ лишь въ сочетаніи съ плавными и носовыми, а потому **прнобрѣтѣхъ** могло бы быть лишь опискою (м. б. передѣлкою изъ **прнобрѣтъ**). Въ формахъ имперфекта на **-шѥта** и **-шьта** зв. ѥ и ь должны восходить къ чистымъ *е* и *ĭ*.

если не къ общеиндоевропейской, то по крайней мѣрѣ къ общесловянской эпохѣ, какъ показываютъ факты различныхъ словянскихъ нарѣчій. Къ числу такихъ относятся нѣкоторыя формы глагола *жечи*—*жечь*=ст. слов. *жещти*: рус. литер. *жгу*, *жгучій*, *обожжён*(*ъ*) (діалектич. произносится въ Великороссіи: *обожцён-*, *обожгён-* Корчев. Тверск.; въ послѣднемъ *г* возстановлено изъ Ф. наст. врем. ед. ч. *жгу*) и т. п., въ которыхъ между *ж* и *г* предполагается исчезновеніе *ъ*, находимаго въ русскихъ памятникахъ, начиная съ XI-го в.; напр. въ одномъ русск. спискѣ Псалтыри XI в. въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ».... И. И. Срезневскаго XLII стр. 43: **раждьжена** въ томъ же псалмѣ 17, стихѣ 31, гдѣ Синайскій глаголическій текстъ имѣетъ **раж[ѥ]дежена**[1]), т. е. форму съ гласн. *е*; въ Прологѣ Хлудовск. 1262 г. № 187 **съжьженъ** 34^6. Въ чешскомъ: *žhu*, *žhoucí*, *žhavý*, *žháč* и т. п. (словарь Шумавскаго-Ранка), *zežže* Псалт. Виттенберг., *knihy ſezzhli ſu* Библ. Оломуцк. 1417 г., *zezhugi* (т. е. *zežhuji*) въ Еванг. текст. XIV—XV в.[2]), 3 л. множ. аор. *zažhú* Александр. J. Нг.[3]). Въ польск.: *żgać*, *żgnąć* (Бартошевичъ); ст. польск. *zażże* Псалт. Флор. и Пулав., *zeżże* Пс. Флор., Пулав., Библ. Шарошпат., *żże* Пс. Флор. (но *żeże* Библ. Шарошпат.), прич. настоящ. *żgǫc* Библ. Шар.[4]) Въ словѣнскомъ *žgáti*, *žgèm* «*жгу*», *žgèč* «brennend, heiss», *žgânje* «das Brennen, das Branntwein» (словарь М. Плетершника); серб. *жгàница* («препеченица»), *жгáнци* «polentae genus» (словарь В. Караджича). Въ старослов. діалектич.: Ф. наст. вр. 2 и 3 л. ед. ч.: **въжъжеши** Супрасл., **съжъжетъ** Савин.; аорист. Ф. 3 л. ед. ч. **зажь-же** Мар. Ев. л. 28^a. 4—5 (при переносѣ, изд. И. В. Ягича стр. 78—79); тоже въ Остром. Ев. л. 81^6 *не* при переносѣ; въ Ассеман. Ев. въ этомъ мѣстѣ, т. е. Матѳ. XXII, 7, также **зажьже**[5]), но, къ сожалѣнію, ни по изданію Рачкаго 1865 г., ни по изд. Чернчича 1878 г. нельзя опредѣлить, нѣтъ ли и здѣсь переноса; въ Зограф. **зажеже** (мѣсто это приходится на листы, вставленные и написанные позднѣе); старослов. Ф. причаст. прош. страд. **въжьженъ**, **раждьженъ**, **съжьжена** Супрасл. при **жеженааго** ib. (Wiedemann, 138); въ виду существованія діалектически формъ съ **ь** (=**ъ**) въ настоящ.

[1]) Л. 39, стр. 31 изданія Гейтлера 1883 г. (u Zagrebu).

[2]) J. Gebauer, Historická mluvnice, D. I, 181.

[3]) Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. vyd. M. Hattala a Ad. Patera, D. I, 67 (сп. Индрихоградецк., л. 4^b).

[4]) A. Kalina, Historya języka polskiego, Lwów 1883, стр. 408, 455; см. также повел. *zażży* Пс. Флор. ib. 435.

[5]) Wiedemann Oskar, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, 87.

врем., аористѣ и причастіи прошедш. вр. страд. зал. въ старословянскомъ можно думать, что и такія формы, какъ приведенное выше **раждьжена** въ церковнослов. памятникѣ русскаго письма, относятся не только къ русскому, но и къ старослов. языку. Въ Синодальномъ сп. Новгород. лѣтоп. мы находимъ **ь** въ слѣдующихъ примѣрахъ: аор. **пожьже** 25, 67, 84, 89, **пожьго(ста)** 68, -(ша) 64, 70, 86, 99, 101, 120, -**ь**|-**ша** 101. 4-5, **зажьже** 49, 106, прич. прош. стр. **зажьжена** 87, 102, прич. прош. дѣйств. **пожьгъше** 70, 89, также вѣроятно, прич. наст. дѣйст. въ выраженіи: **искрѧгоуце** 46. 13 вм. *жьгоуце—въ 1-омъ поч.; аор. **пожь-же** 229. 6-7 (при переносѣ), **зажьже** 150, (по)**жь-гоша** 136. 15-16, (за)**жь**|- 148. 9-10, (по)- 168. 1, прич. страд. прош. **пожьженъ** 131, сущ. отглагольн. **зажьжени(ѥ)** 132, -(ѥ) 137, прич. прош. дѣйств. **зажьгъше** 136 — во 2-омъ поч.; съ пропускомъ **ь** слѣдующіе: **пожгоша** 155, **зажгоша** 220, **ижгоша** 204, 226, **съжгоша** 205 — во 2-мъ поч. и **пожже** 238, **пожгоша** 311, 312, 315, 320, 328, **зажгоша** 246 — въ 3-мъ поч.; въ 3-мъ поч. встрѣчаются примѣры исключительно безъ **ь**, что̀ понятно изъ предыдущаго изложенія судьбы первоначальнаго **ь** въ 3-мъ поч., а возможность пропуска въ «неслоговомъ» положеніи во 2-мъ поч. также понятна, при чемъ, конечно, какъ было сказано выше, сама по себѣ она еще не можетъ свидѣтельствовать объ утратѣ мягкости звука *ж*, хотя косвенное указаніе на то, что пропускъ **ь** въ формахъ **пожгоша** и т. п. во 2-мъ поч. могъ находиться въ связи съ нѣкоторой долей утраты мягкости ж передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ, можно видѣть въ томъ, что во 2-мъ поч. **ь** пропускается лишь передъ слогомъ **-го-**, но не передъ мягкимъ слог. **-же-** (впрочемъ это послѣднее можетъ имѣть другое объясненіе, а именно въ томъ, что между двумя длительными **ъ** былъ звукомъ болѣе долгимъ и болѣе близкимъ къ слоговому, чѣмъ между длительн. *ж* и мгновеннымъ *г*); сохраненіе же **ь** въ 1-мъ поч. во всѣхъ формахъ довольно ясно, по моему мнѣнію, указываетъ на сохраненіе глухого звука въ положеніи между согласными, изъ которыхъ одинъ или оба суть длительные, въ качествѣ, вѣроятно, неполно-слогового звука. При всѣхъ этихъ примѣрахъ съ корен. гласн. **ь** находимъ въ тѣхъ же формахъ въ большинствѣ говоровъ старословянскихъ (какъ показываетъ по крайней мѣрѣ, можетъ быть, и случайное большинство памятниковъ) и говорахъ болгарскихъ и сербскихъ видъ корня съ гласнымъ *е*: въ Син. Пс. (по издан. Гейтлера) 3 л. ед. ч. **съжежетъ** псал. 45, ст. 10, **раждежетъ** пс. 77, 38, 78, 5, Зограф. Мар. Ассеман. Еванг. **съжежетъ**, 3 л. ед. аор. Син. Псал. **раждеже** 16, 3, 60, 10, прич.

прош. страд. раждєжено Пс. 11, 7 и мног. др. (факты изъ разныхъ памятниковъ приведены Оск. Видеманомъ въ соч. «Beiträge zur altbulgarischen Conjugation», стр. 59—60, 87), болгар. 1 л. ед. ч. наст. вр. *жегѫ́*, *жежѫ́* (словарь А. Л. Дювернуа), серб. 1 л. ед. ч. наст. *жѐжēм* (словарь В. С. Караджича). Такимъ образомъ, по отношенію къ виду корня гл. жєшти словянскія нарѣчія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: съ одной стороны группы сѣверо-западныя вмѣстѣ съ русской и словѣнской и съ такими говорами старословянскими, какіе проявляются въ языкѣ Саввиной книги и Супрасл. сборника, съ другой группы сербская, болгарская и говоры старословянскіе, проявляющіеся въ остальныхъ «паннонскихъ» памятникахъ (серб. отглаг. сущест. *жѝганица*, сближающее сербское со словѣнскимъ, не мѣшаетъ этому дѣленію, такъ какъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о формахъ настоящ. врем., аор. и прич. прош. страд., между тѣмъ какъ приведенное существительное есть производное отъ производной гл. основы съ суф. *а* — **жьга-*, которая относится къ жєг-, какъ ѣкрати къ бєрж, и встрѣчается въ онежск. *жгать* и бѣлорус. *жгаць*, см. слов. Подвысоцкаго и Носовича). Но есть случай, гдѣ пишутъ ѣ и тѣ старословянскіе памятники, которые въ другихъ формахъ пишутъ только є; это, какъ извѣстно, форма повелительная (напр. въ Синайск. Пс. раждьзі Псал. XXV. 2)[1]), въ которой ѣ свойственно и глаголамъ, въ другихъ формахъ, кажется, нигдѣ въ области словянскихъ нарѣчій не знающимъ ѣ вм. є, а именно: при повел. пѣци, тѣци намъ извѣстны лишь пєчєши, тєчєши, пєчє, тєчє и т. д.

Все приведенное говоритъ о существованіи въ говорахъ общесловянскаго языка въ извѣстныхъ глаголахъ двухъ видовъ корня: 1) съ гласнымъ *е* и 2) съ гласнымъ *ъ*, при чемъ во-первыхъ надо замѣтить, что *ъ* являлось первоначально при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, вѣроятно, въ слогѣ безъ ударенія передъ слѣдующ. слогомъ ударяемымъ съ извѣстнымъ качествомъ долготы, а затѣмъ могло распространяться по аналогіи и на другія формы, гдѣ фонетическія условія первоначально содѣйствовали удержанію болѣе сильнаго вида корня, во-вторыхъ, что качество коренного согласнаго (длительнаго или мгновеннаго) могло оказывать вліяніе на бо́льшую или меньшую распространенность того или другого вида, чѣмъ, можетъ быть, объясняется то, что въ глаг. пєшти, тєшти видъ съ ѣ ограниченъ формой повелит. въ противоположность глаг. жєшти-*жечь*. Теперь

[1]) Гейтлеръ. Psalterium ...., стр. 49.

обратимъ вниманіе на фонетич. условія тѣхъ формъ, гдѣ преимущественно является **ь**: если возьмемъ наиболѣе обще-распространенный случай — формы повел. ст. слов. **жьѕи, пьци, тьци**, то здѣсь **ь** является въ неудар. слогѣ передъ слогомъ съ **и** изъ обще-слов. дифтонга *ie* съ «прерывистой» долготой[1]), явившагося изъ первонач. $\widehat{oi}$ такого-же качества, какъ и въ Ф. имен. множ. **вльци** и т. п.; если же возьмемъ формы наст. вр., то здѣсь въ слѣдующ. за **ь** слогѣ являлся въ Ф. 1 л. ед. гласный съ «длительной» долготой[1]), а въ Ф. 2 и 3 л. ед. гласн. кратк., становившійся долгимъ, вѣроятно, лишь въ отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, или подъ вліяніемъ Ф. 1 л. ед. ч. или, вѣрнѣе, по аналогіи глаголовъ непервообразныхъ, въ которыхъ долгота объясняется стяженіемъ характернаго глагольнаго гласнаго съ гласнымъ *е* темы настоящ. врем. (напр. въ серб. *плѐтēш, плѐтē*[2]) по аналогіи *но̏сīш, но̏сī* и т. п., между тѣмъ какъ въ чешск. остается краткое *е*: *plete* и т. п., при чемъ и *и* формы 1-го л. ед. ч. издавна было кратко: *pletu*, въ

---

[1]) Термины эти и объясненіе происхожденія общеслов. *i̯* въ извѣстныхъ формахъ принадлежатъ проф. Ф. Ѳ. Фортунатову, по мнѣнію котораго «прерывистая» долгота литовско-словянская «получалась не только изъ индоевропейской прерывистой, но также при извѣстномъ условіи и изъ индоевропейской длительной долготы», а, кромѣ того, въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ «съ краткою несложовою частью» (т. е. *i, u, r, l, n, m*), тогда какъ въ дифтонгахъ и дифтонгич. сочетаніяхъ «съ некраткою несложовою частью» получалась длительная долгота (см. статью «Удареніе въ прусскомъ языкѣ» въ Русск. Фил. Вѣстн. 1895, ст. 293). Терминъ «прерывистость» акустически объясняется такъ, что долгій звукъ какъ бы *прерывается* и затѣмъ протягивается снова (аналогію можно видѣть въ серб-скомъ долгомъ нисходящемъ удареніи) въ противоположность непрерывной *длительности* другого вида долготы (аналогичной сербской долготѣ при восходящемъ удареніи). Въ формѣ 1 л. ед. ч наст. врем. ст. сл. **вержѫ, жегѫ, везѫ, несѫ** и т п. проф. Фортунатовъ предполагаетъ въ оконч. первонач. дифтонг. сочетаніе $\overset{o}{a}$+долг. *n*, которое и дало носов. гласн. съ длительной долготой, при чемъ указаніе на это онъ видитъ и въ перенесеніи удареніе съ краткаго гласн. основы на **ѫ** (сравн. греч. *φέρω* съ рус. *беру́*) (см. «спряженіе глагола въ индоевроп. языкахъ», лекціи, читан. въ $188^5/_6$ г. проф. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, стр. 90—92; за сообщеніе мнѣ этого литограф. курса приношу благодарность Я. А. Денисову). Согласіе въ удареніи рус. *могу́, несу́, плету́, жгу* не только съ серб *мо̀гу, нѐсēм, плѐтēм, жѐжēм*, болгар. *плетѫ́, жегѫ́*, но и литовскимъ *nẽszù, wedù* при неопредѣл. *nèszti, wèsti* (Kurschat, Worterbuch d. lit Spr.)=рус. *несть, вестъ*, говоритъ въ пользу переноса удареніе еще въ литовско-словянскую эпоху, при чемъ въ литовскомъ правильно являлось нисходящее удареніе на слогѣ, имѣвшемъ нѣкогда длительн. долготу (Рус. Фил. Вѣстн. 1895 г., стр. 296), а вслѣдствіе сокращенія конечныхъ гласныхъ являлось на *и* въ Ф. 1 л. ед. ч. наст. вр. именно ` , а не ′ , т. е. краткое нисходящее, а не долгое. Что̀ касается серб. *бѐрēм* (В. К.), болгар. *бе́рж, мо́гж* (Дювернуа), то едва ли не слѣдуетъ въ этихъ словахъ видѣть вторичную оттяжку подъ вліяніемъ формъ 2 и 3 л. ед ч. прежде, чѣмъ и послѣднія успѣли перенести удареніе на суффиксъ подъ вліяніемъ формы 1 л. ед. ч.

[2]) По примѣру проф. Р. Ѳ. Брандта я Вуковъ знакъ ◦ тамъ, гдѣ онъ означаетъ одну лишь долготу безъ ударенія, замѣняю знакомъ — .

отличіе отъ *ū*, откуда новочеш. *ou* (*pletou*), 3-го л. мн. ч., что̀ согласно съ отношеніемъ польск. *-ę* въ 1 л. ед. къ *ą* въ 3 л. мн. и указываетъ на сокращеніе старой длит. долготы въ конечномъ слогѣ едва ли не въ общесловянскую[1]) эпоху, если признать, что серб. *плѐтēм* не унаслѣдовало старую долготу длит., а получило по аналогіи непервообразныхъ глаголовъ съ характеромъ *i*, какъ *но̑сīм*, новую прерывистую такъ-же, какъ это я сказалъ о формахъ 2-го и 3-го л.); можетъ быть, случайно въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются лишь формы 2-го и 3-го л. ед. ч. съ глухимъ гласнымъ, такъ какъ форма 1-го л. вообще встрѣчается рѣдко; но въ виду уже большей общераспространенности ѣ въ формѣ повелительной можно предполагать, что оно обусловливалось первоначально именно «прерывистой» долготой слѣдующаго слога, хотя, кажется, нѣтъ основанія утверждать, чтобы послѣдняя удерживалась въ конечномъ открытомъ слогѣ долѣе, чѣмъ долгота «длительная», сократившаяся здѣсь еще въ общелитовско-словянскую эпоху; впрочемъ, сокращеніе корен. *е* въ *ъ* могло произойти сначала въ формахъ 1 и 2 л. множ. ч., гдѣ слѣдующій слогъ былъ неконечнымъ, а потому не измѣнялъ *ѣ* (т. е. *іе*) въ *і*, а затѣмъ уже переноситься въ Ф. един. ч. Какъ бы ни было, ясно одно, что сокращеніе коренного гласн. могло явиться первоначально лишь въ тѣхъ формахъ, которыя имѣли ударѐніе на суффиксѣ, а затѣмъ въ другія переносилось *ъ* по аналогіи въ ту эпоху, когда совершилось полное совпаденіе этого *ъ* съ тѣмъ *ъ*, которое восходило къ первоначальному *ĭ*, являвшемуся не только безъ ударенія, но и подъ ударѐніемъ. Такимъ образомъ, болѣе позднимъ, мнѣ кажется, необходимо признать *ъ* въ формахъ 2-го и 3-го л. аориста **зажьже**, **пожьже** и т. п., потому что, какъ указываютъ сербскія штокавскія формы *плѐте, грѐбе, пѐче* и т. п. при *плѐтох — плѐтосмо — плѐтоше, грѐбох ..., пѐкох ...* (Даничичъ, Новаковичъ, Флоринскій и др.), а въ нѣкоторыхъ глаголахъ (J. Berlić, Grammatik der illir. Sprache, Agram, 1850, § 171) и *лѐго* (х) — *лѐже* при *лего̑смо — лего̑ше* (въ говорѣ получакавскомъ по ударѐнію), ударѐніе въ 2 и 3 л. ед. ч., а иногда и въ 1 л. ед. ч. аориста въ противоположность формамъ множественнаго ч. падало на коренной слогъ; вслѣдствіе этого весьма вѣроятно, что **ѣ** здѣсь раньше являлось въ Ф. ***зажѣгошѧ** и т. п., а затѣмъ переносилось и въ Ф. един. ч. Что̀ касается формъ прич. прош. дѣйств. и

[1]) Литовск. *nesziù*, какъ мы видѣли, указываетъ на сокращеніе въ эпоху еще болѣе древнюю.

страд., то здѣсь удареніе, кажется, падало первоначально на суф. (хотя могла быть разница въ формахъ различныхъ падежей), какъ показываютъ серб. дѣепричастія *плѐтāвши*, *пѐкāвши* и т. п. (Даничичъ, Облици српск. језика, 66—67), прич. страд. *плѐтен* — *плетѐна* (рус. плетён — плетена́) и т. п.; весьма возможно, что нынѣшнее русское литерат. удареніе *зажжённый* непервоначально, и что здѣсь *е* замѣняетъ *ъ*, образовавшееся еще въ прарусскомъ языкѣ, когда удареніе падало на суффиксъ; что еще въ эпоху написанія нашего памятника въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверно-русскихъ существовало здѣсь насуффиксное удареніе, могутъ свидѣтельствовать косвенно такіе факты, какъ указанное выше **въвьргошь** 220 вм. **въвьргъшь**, хотя замѣна *ъ* черезъ *о* въ «слоговомъ» положеніи могла происходить и *не подъ удареніемъ;* но съ другой стороны, если предположить, что удареніе стояло первоначально именно на суф. -*ъ*-, то въ ту эпоху, когда началъ дѣйствовать законъ о «неслоговыхъ» *ъ* и *ь*, этотъ суффиксъ, теряя передъ слѣдующимъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ слоговой характеръ, естественно не могъ болѣе удерживать на себѣ ударенія, которое, такимъ образомъ, переходило или на предшествующій слогъ, т. е. или коренной (въ глаголахъ первообразныхъ) или тематическій (въ глаголахъ непервообразныхъ), или на слѣдующій слогъ, принадлежавшій падежному суффиксу; хотя литов. *sùkus* и т. д. (Куршатъ)[1]) говоритъ, напротивъ, въ пользу накоренного ударенія, но за суффиксальное говоритъ греч. εἰδώς — εἰδυῖα, βεβουλευκώς — βεβουλευκυῖα; рѣшать окончательно этого вопроса я не берусь, но если будетъ доказано, что штокавско-сербское удареніе формъ *плѐтāвши*, *пѐкāвши*, восходящихъ къ формамъ *плетāвши*, *пекāвши*, принявшимъ *в* неорганически по аналогіи глаголовъ съ темой на гласный звукъ, слѣдовательно замѣнившимъ болѣе древнія **плетъ̑ши*, **пекъ̑ши* (я означаю отвѣсной чертой удареніе этихъ праформъ, характеръ котораго ближе опредѣлить не могу), непервоначально, а замѣнило болѣе древнее **плѐ̃тāвши* = **плѐтъ̑ши*, то придется признать, что *ъ* въ (за)жъгъше явилось нефонетически подъ вліяніемъ другихъ формъ. Но замѣчательно, что во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ сохранились формы съ корен. *ъ* изъ *е* причастій прош. на -*вши-* и *лъ* еще одного глагола, утратившаго формы наст., аориста и неопред. наклон.: я разумѣю ст. слов. *шьдъ-*, *шьлъ* и т. п., если вѣрно, что здѣсь *ъ* изъ *е* (Miklos., Vrgl.

---

[1]) Grammatik der littauischen Sprache (Halle 1876), стр. 344 (§ 1266).

Gr. I, 27), при чемъ насуффиксальность ударенія причастій на *-лъ* достаточно ясна изъ формъ жен., сред. р. и множ. ч.

Въ указанныхъ глагольныхъ корняхъ *ъ* могло явиться въ общесловянскую еще эпоху не только чисто фонетическимъ путемъ, но и подъ вліяніемъ унаслѣдованнаго уже изъ обще-индоевропейской эпохи чередованія вида съ иррацiон. гласн. и вида съ гласн. *е* въ корняхъ, имѣвшихъ соглас. плавный; это общеслов. *ъ* въ корняхъ съ соглас. плавнымъ, какъ въ рькпри рек-, восходитъ къ иррацiональному неслоговому гласному, извѣстному въ общеиндоевропейскую эпоху лишь въ сочетаніяхъ съ плавными и носовыми [1]); послѣднее слѣдуетъ изъ того, что другіе индоевропейскіе языки не представляютъ намъ примѣровъ, которые бы указывали на существованіе такого гласнаго не при плавныхъ или носовыхъ, хотя я долженъ сознаться, что для меня неясно, почему Ф. Θ. не хочетъ признать указанія на него, напр., въ такихъ примѣрахъ греческаго яз., какъ аористы ἐπτόμην, ἐσπόμην при настоящ. πέτομαι, ἕπομαι, или древнеинд. *smás* и т. п. при *ásmi*, лат. *sum* при *est* и т. д. [2]). Что̀ касается ь послѣ плавныхъ, то таковы случаи въ ст. слов. причаст. страдат. непрѣврѣдомъ (Сб. 1073 г.), повелит. Ф. рѣци и т. п ; въ связи съ формами, имѣвшими ь изъ иррацiональнаго гласнаго, находятся и формы глаголовъ интенсивныхъ съ гласнымъ *i* рядомъ съ формами, имѣющими ѣ, отъ тѣхъ-же глагольныхъ корней: *на-рицати и т. п. при—*рѣкати, *съплитати, напр. въ Супрасл. 109. 8 (по изданію Миклошича) Ф. прич. наст. страд. съплитаємъ, при -*плѣтати и т. п. Но изъ древнѣйшихъ старослов. памятниковъ мнѣ неизвѣстны формы наст. вр. изъявит. наклон. *рькж -*рьчеши или причаст. настоящ. *рькъı, а лишь рек-, реч- и только въ повелит. Ф. рѣци -рѣцѣте и т. д.; такое-же отношеніе двухъ видовъ этого корня могло быть и въ другихъ нарѣчіяхъ южнословянской группы, но довольно рано видъ съ полнымъ гласнымъ, вслѣдствіе господства его искони

---

[1]) См. у Ф. Θ. Фортунатова въ статьѣ «Phonetische Bemerkungen veranlasst durch Miklosich's Etymologisches Worterbuch der slavischen Sprachen», Archiv für slavische Philologie, B. XI, стр. 569—570, также въ «Лекціяхъ по церковно-славянскому языку» 1884—1885 ак. г., стр. 34, 49.

[2]) Во всѣхъ этихъ случаяхъ почему-то всѣ лингвисты (Бругманнъ, Соссюръ, Густ. Мейеръ) видятъ лишь исчезновеніе коренного гласнаго, являвшагося въ извѣстныхъ формахъ безъ ударенія; но какимъ образомъ могло произойти исчезновеніе, минуя ступень иррацiональнаго неслогового звука? Срв. также объ указанныхъ мною словянскихъ формахъ жьжѣ-, пѣци, тѣци, шьдъ (при ход-) въ соч. Г. Ульянова («Основы настоящаго врем. въ старо-слав. и литовск. яз.», стр. 29), который также затрудняется ихъ объяснить, хотя указываетъ нѣкоторыя параллели въ лит. и греч. (*kiḃì* при *kabà*, πίτνημι при πετάννυμι...).

въ большинствѣ формъ, одержалъ верхъ и въ повелительн.: болгар. повел. *речи́*, напр., въ выраженіи *тóко речи́* и одно въ качествѣ вводнаго слова (словарь А. Л. Дювернуа), какъ и *нечи́* (Лекціи по слав. языкознан. Т. Флоринскаго, ч. I, 149), серб. *нèци* (ibid., 337), *reci* (уже у Марулича, см. Гр. Воскресенскаго, Слав. христом., вып. II, 110), словѣн. *pécі pecímo* ... (Лекціи.... Т. Флоринскаго, ч. 1-я, 486), *recimo* (Slovensko-nemški slovar M. Pleteršnika, s. v. réči). Между тѣмъ русскій языкъ (пока еще трудно рѣшить, во всѣхъ ли говорахъ), начиная приблизительно съ XIV-го вѣка, чешскій и польскій съ древнѣйшихъ временъ письменности указываютъ на видъ съ иррацiон. гласнымъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ старословянскіе памятники единогласно пишутъ ѣ, а именно въ причаст. наст. дѣйствит. и страд., въ настоящ. вр. изъяв., въ причаст. страд. прошедш. или производн. отъ него существительномъ, въ глаг. образован. съ помощію приставки нж = чеш. *nū*, *nou* и т. п. Въ ст. чеш. повел. *rci*[1]), наст. вр. изъяв. *řku*[2]), неопредѣл. съ суф. *nou* — *uřknouti* (Gebauer, Hist. mluvn., I d., 83), причаст. наст. вр. изъяв. *řka* (въ рукоп. *rfca* Buděj.-mus., стихъ 79, изд. Гатталы и Патеры 1881 г., стр. 83), *a řkúc*, *a řka* въ жит. Св. Катерины (Wýbor z liter. české, стр. 289, 293, 294), существит. отглаг. *nařčenie* въ грам. 1384 г. (Wýbor... 1009) при Ф. причаст. страд. *řečený*, *řečenému*, *řečení* въ грам. 1380 г. (ib. 1007—1009). Въ ст. польскомъ эти формы рѣже, такъ что онѣ ограничиваются, кажется, только причастіемъ (дѣе—) наст. вр. дѣйств. и причаст. наст. страд.: arzkǫc Żyw. Bł. 193, *rzkąc* Chw. 1,103 (хроника 1549 г.) и у Секлюціана въ издан. Нов. Завѣта 1551 г. при rzekǫc въ Библ. Шарошп. (нѣск. разъ: 5, a, 16, b...) половины XV-го в., *rzkomo* въ Апокалипс. 1565 г., *wrzkomo* у Горницкаго отъ 1566 г., но *rzekomo* въ переводѣ Лорихіуса 1558 г.[3]); въ формахъ же наст. времени изъявит. и даже въ формѣ повелительной, въ противоположность старословянскому, чешскому и, м. б., древнерусскому, извѣстенъ лишь видъ съ гласнымъ *e*: 1 л. ед. ч. наст. вр. rzekǫ Ps. Flor., Библ. Шарошпат., Секлюц. и мн. друг., 2 л. множ. ч. наст. *rzeczecie* Апокалипс. 1565 г., 3 л. множ. ч. rzeką Пс. Флор., *rzeku* Библ. Шар. и др.[4]), повел. *rzeczy* Пс.

[1]) Напр. въ Александр. 1 л. множ. *Rczíemes* = *rcemež* (zbyt. Bud. Mus. 1a,17, изд. Гатталы и Патеры 1881 г., стр. 81).

[2]) Ibid. 2*a*, стих. 99, стр. 83 (3 л. мн.).

[3]) Ant. Kalina, Histor. języka polsk., T. p., стр. 455, 460. И до сихъ поръ *wrzkomo* (словарь Бартошевича).

[4]) Ibid. 393, 423, 426.

Флор., Библ. Шар., Мол. Вацлава и др., *rzecz* Пс. Флор , Пулав. и печатн. 1558 г.[1]). Др. русск.: причаст. наст. рькл Лаврент. лѣт. 16[a] (подъ 885 г.), рк҃ Двин. рядн. (Смирновъ, Сборн. др. рус. пам..., № 78), *а ркучи* въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и друг., наст. сов. в. *вьрчеться* Рус. Пр. (Рус. Дост. I, 44), аор. 3 л. ед. ч. рче Двин. рядн. (См. Сб.) (срв. Лекціи Соболевскаго, изд. 1888 г., стр. 78); въ Синодальной рукописи Новгород. лѣт., хотя и встрѣчается повел. ф. рчи 1.10 въ 1-мъ поч., въ причастіи настоящ. вр. во всѣхъ трехъ поч. правильно употребляется видъ съ гласн. *е*: въ 1-мъ поч. рекоуще 68, во 2-мъ поч.: река 156, 209, 218, река 143.10-11 (перен.), 193, 208, рекоуче 133, 193, 208, 211, 212, рекоуще 194, въ 3-мъ поч.: река 268, 273, 296, 297, 299, 320 и рекуще 274; только на одномъ изъ послѣднихъ листовъ, написанныхъ иными почерками, попадается 1 разъ ркуче 336; не встрѣчается у насъ и аорист. формъ отъ слабаго вида корня.

Въ 4-хъ встрѣчается еще болѣе новый случай сокращенія *е* въ ъ, хотя опять общій русскимъ говорамъ съ западно-и южно-словянскими, въ числит. дьс҃-тъ (род. множ.) 64.17—18 (въ полоушеста—шнекъ), 96.8 (полъ пата дьс҃тъ лѣ҃.) въ 1-омъ поч. Сокращеніе это, обусловленное, несомнѣнно, неударяемостью и приведшее къ новорусскимъ формамъ *двáдцать*, *двѣнáдцать* (въ литерат. правописаніи, но фонетически, конечно, еще болѣе измѣнившимся, различно въ различныхъ говорахъ), имѣетъ наибóльшую параллель въ языкѣ чешскомъ, въ которомъ, какъ и болгарскомъ и словѣнскомъ, это явленіе идетъ однако еще дальше, такъ какъ сокращается въ нѣкоторыхъ формахъ и второе *е* (изъ ѧ): не только *dwanadzcziete* Pass. 164 (рукоп. XIV в., *cz* чит. за *c*), нов. *dvadcěti*, но и *cztrnadſte*, *patnadczt*, *dwiemanaſt* и т. п. уже въ рукописяхъ XIV-го столѣт. [2]), ново-чешское *jedenáct*, *dvanáct* (ibid.); такое исчезновеніе обоихъ *е* предполагаетъ, конечно, сначала сокращеніе каждаго изъ нихъ въ иррац. звукъ, который бóльшею частію въ латинской графикѣ совсѣмъ не выражался, лишь изрѣдка выражаясь посред. *е* или *i*, примѣры чего мы приводили выше, разбирая судьбу старыхъ глухихъ; въ соврем. великорус. *одúнъцꙋm'*

[1]) Ibid. 435, 440.

[2]) J. Gebauer, Histor. mluvnice, d. I, стр. 151. Тоже ослабленіе въ болгарскомъ и словѣнскомъ, при чемъ здѣсь, какъ и въ сербскомъ, кажется, обще-южнословянское исчезновеніе *d.* болг. *двáнайсе* при *двáнаесе* (серб. *двáнаест*), *двáйсе* (серб. *двáдесет*), словѣн. *dvanájst*, *trinájst*, *dvájset* (но *trídeset*, какъ и въ серб., въ противоположность болгарскому *трúйсе*) (Лекціи по слав. языкознанію Т. Флоринскаго, ч. 1, стр. 120, 312, 470, словарь Плетершника s. v.).

(т. е. *одиннадцать*) первый глухой, происшедшій изъ *е* послѣ *д*, исчезъ, а второй (изъ *я*=ѧ) еще сохраняется въ качествѣ по крайней мѣрѣ полуслогового звука, и я сомнѣваюсь, не слышится ли подобный глухой звукъ между *с* и *t* и въ новочешскихъ говорахъ (иначе едва ли могла бы удержаться группа *ct*, не подвергаясь дальнѣйшему измѣненію, подобному тому, какое въ моравск. ляшск. *pest'* изъ *pect'* вм. *pécі*, Geb. Hist. ml. I, 503, Bartoš Dialekt. mor. d. I, 108). Въ польскомъ такое же сокращеніе обоихъ гласныхъ находимъ въ формахъ *dwanaście*, *trzynaście*; но въ противоположность русскому *двáцѣть* (великор.), *двáцять* (малор.), болг. *двáйсе*, словѣнск. *dvájset* и чешск. *dvadcěti*, *třidcěti* (Гебауэръ ib. 151), въ польск. *dwadzieścia*, *trzydzieści*. Встрѣченная нами форма Синодальн. рукописи, однако, не находитъ прямого соотвѣтствія ни въ нынѣшнихъ русскихъ, ни въ чешскихъ и польскихъ говорахъ, такъ какъ въ русск. говорится *пять десáт* и т. д. съ довольно явственнымъ *е*, хотя и не полнаго образованія въ нѣкоторыхъ говорахъ, сильно сокращающихъ неударяемые слоги во всякомъ положеніи, въ чешск. *pádesat* (словарь Ранка-Шумавскаго), въ болгарск. *пендесé*, серб. *педѐсēт*, въ польск. *pięćdziesiąt* и т. п.; здѣсь положеніе для *е* не столь слабое[1]), чтобы оно подверглось столь раннему сокращенію, возможному лишь въ томъ случаѣ, если вся форма **дьсмть** энклитически примыкала къ предшествующему слову.

Въ-пятыхъ, наконецъ, есть нѣсколько примѣровъ сокращенія *е*, явившагося изъ *я* (= ѧ), въ конечномъ слогѣ. Такимъ я считаю **ь** въ суф. 3 л. множ. ч. аориста: **възмшь** 142. 16, 197. 9, **послшь** 162. 1, при чемъ нѣсколько примѣровъ подъ титлою безъ **ь**: **посл̃** 200. 11, **поим̃** 124, **полу-пи̃** 235, **въспроси̃** 231, **оубі̃** 235, о которыхъ, впрочемъ, ничего нельзя сказать опредѣленнаго; всѣ эти примѣры приходятся на второй почеркъ;

[1]) Какъ, напр., въ числит. *дѣáдцать*, *двѣнáдцать* и т. п., въ которыхъ слогъ *де*, приходившійся непосредственно послѣ слога ударяемаго, долженъ былъ подвергнуться наибо́льшему ослабленію (срв. «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» А. А. Потебни, Фил. Зап. 1865 г., стр. 62—63); согласіе относит. ослабленія слога *де* съ чешск. *dvadcěti*, *dvanáct* указываетъ на древность ударенія слоговъ *два-* и *-на-*, подтверждаемую болгарскими формами *двана̀йс*, *двáйсе* и сербской *двáнаест* (изъ **двāна̀ест*), хотя сербск. *двáдесет* свидѣтельствуетъ, повидимому, противъ такого предположенія и указываетъ на удареніе, сохранившееся въ польскомъ *dwadzieścia*; но весьма возможно, что въ этой формѣ было колебаніе ударенія еще въ говорахъ общесловянскаго языка. Съ другой стороны согласіе въ удареніи русск. *пятьдеся́ть*, болгар. *пендесé*, серб. *педѐсēт*, *шездѐсēт* (словарь В. Караджича, Лекціи Флоринскаго, I, стр. 120, 312) указываетъ на исконность ударенія здѣсь (въ этихъ формахъ, т. е. въ род. пад. множ. ч.) слога *сѧ*, чѣмъ и объясняется бо́льшая устойчивость слога *де*, какъ непосредственно предшествующаго ударяемому.

съ ними сравните **бꙑшь** въ грам. ок. 1300 г. (Рижанъ Витебск. князю). Формы съ замѣною **-шѧ** на **-ше** извѣстны въ псковскихъ памятникахъ (см. у Соболевскаго, Очерки изъ исторіи русскаго яз., стр. 129, 132 и др.), но въ новгородскихъ памятникахъ подобныхъ примѣровъ я не знаю[1]), а потому можно сомнѣваться, произошло ли **ъ** изъ *е* или прямо изъ *я*; но во всякомъ случаѣ оно предполагаетъ мягкость сочетанія **ша**, замѣнившаго **-шѧ**. Такого же рода случай въ **Ф. прочь** 130, 167, 195, 224, 230 во 2-мъ поч. и на 334 стр., написанной 4-ымъ почеркомъ; въ 3-мъ же почеркѣ постоянно **проче** 239, 244, 254, 261, 264, 273, 293, 296, 319; всѣ эти случаи, какъ и примѣры въ грамот. 1270 г. и 1300 г., относятся къ значенію «aliō, ἄπαγε», но **прочь** и **проче**, иногда **опрочь**, **опроче** (для ц. слов. **проче** см. словари Востокова и Миклошича), могутъ имѣть значеніе «кромѣ, безъ», какъ напр. въ грамотахъ 1327—28 г., 1405 г., 1407 г. и мн. др. (см. у Смирнова №№ 32, 47, 52, 82, 84, 90, 92, 93), и, конечно, можно думать, что въ обоихъ значеніяхъ обѣ формы существовали независимо, т. е. различались формально, а не фонетически. То же слѣдуетъ сказать и о нарѣчіяхъ **особь** 242 и **сторонь** 261 (срв. **прѧмь** 53 и ст. слов. **правь** въ Зогр. Ев. соотвѣтственно **правѣ** и **право**, см. словарь Ягича при изд. Мар. Еванг.), которыя не произошли фонетически изъ **особѣ**, извѣстнаго, напр., въ Лаврент. лѣт. и друг. памятникахъ, и формы мѣстн. пад. **сторонѣ**, а представляютъ нарѣчныя образованія по аналогіи другихъ, образованныхъ ранѣе. Что̀ касается качества **ь** во всѣхъ этихъ случаяхъ, то къ нему примѣняется сказанное выше вообще о судьбѣ **ь** въ конечныхъ слогахъ.

Въ этой главѣ я обозрѣлъ судьбу старыхъ **ꙁ** и **ъ** и случаи появленія **ꙁ** и **ъ** вм. *о* и *е*; въ слѣдующей я перехожу къ вопросу о соотношеніяхъ между **ꙁ** и **ꙗ** и **ъ** и *і*; обширность предмета не позволила мнѣ соединить въ одной главѣ всѣ вопросы, связанные съ **ꙁ** и **ъ**.

---

[1]) Что̀ касается высказаннаго Соболевскимъ мнѣнія, что въ Синод. сп. Новг. лѣт. формы 3 л. мн. аориста на **-ше** встрѣчаются очень рѣдко (Очерки.... 144, сноска 1), то слѣдуетъ его исправить такимъ образомъ, что онѣ совсѣмъ не встрѣчаются, ибо форму **видеше** (а не **видише**, какъ читаетъ пр Соболевскій) въ выраженіи: **и|ꙁ ѣчькъ гвоздъı вънимаша. и видеше водоу текоуцю. идоша прочь**.... 130. 1—4, мнѣ кажется, скорѣе можно считать опискою вм. **видѣвъше**.

ГЛАВА II.

О случаяхъ появленія *ѕ* вмѣсто *ѕг* и *ъ* вмѣсто *і*.

Разобравъ судьбу старыхъ *ѕ* и *ъ* въ нашемъ памятникѣ, а также случаи появленія въ немъ *ѕ* и *ъ* вмѣсто *о* и *е* мнимые и дѣйствительные, я намѣренъ теперь сказать нѣсколько словъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ нашъ памятникъ представляетъ примѣры написанія *ѕ* вм. *ѕг* и *ъ* вм. *і*.

Скажу сначала о первыхъ, такъ какъ ихъ очень немного. Они встрѣчаются лишь въ первыхъ двухъ почеркахъ. Въ первомъ поч.: стръ(ꙗ) 61. 5, — (ѧ) 81. 16, — (ѥмь) 78 (сравн. стрꙗѥмь 296 въ 3-емъ поч.); во 2-омъ поч.: крꙑ|ше 133. 3—4, овъихъ 226, а также избѣтъ|къ 124. 6—7, сънъ (вм. сынъ) 190. 10. Какъ видимъ, послѣдніе два примѣра далеко неоднородны съ первыми, въ которыхъ *ѕ* приходится въ положеніи передъ слѣдующимъ йотованнымъ гласнымъ, чего нѣтъ въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ. Кромѣ того, между тѣмъ какъ *стрꙗ*, *стрꙗемь*, *крꙗше* представляютъ дѣйствительное явленіе языка, въ *избѣтъкъ* вм. *избѣгъкъ* и въ *сънъ* вм. *сѣнъ* вслѣдствіе отсутствія указаній на дѣйствительность этихъ формъ какъ въ другихъ памятникахъ, такъ и въ современныхъ говорахъ, вѣроятно, придется признать не болѣе, какъ описки; ихъ нельзя сравнивать съ такими формами, какъ *нонѣ* въ Ипатск. (251 стр. изд. 1871 г., цитирую по рукописному сочиненію студента Харьковскаго университета Андріянова «О языкѣ Ипат. лѣтописи» стр. 62) и Лаврент. лѣт., нонѣча Собр. Госуд. грам. I. 33 (Колосов., Очеркъ ист. зв. и ф. 104), нонича Акт. истор. 58 и мн. др. (Очеркъ ист. зв. и ф. 132) въ актахъ XV и проч. в. и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ, восходящее къ нынѣ и т. п. (въ ноябрьской Минеѣ 1097 г., л. 30[a], издан. Ягича стр. 306, л. 106[б], стр. 398)[1]),

[1]) А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго яз., изд. 1888 г., стр. 46. Правда, мы могли бы сомнѣваться въ томъ, что *нѣнъ* въ памятникѣ XI-го в. есть дѣйствительно прототипъ современнаго великорусскаго *нонѣ*, а не просто описка, но въ пользу существованія **нѣнъ* говоритъ и старочеш. *nenie* въ Пс. Клем. и друг. памятн. XIV и XV в. при *nynie* (Gebauer, Hist. mluvn., d. I, стр. 284) и сравненіе съ греч. νῦν при νῦν, чего нельзя ска-

а съ описками, встрѣчающимися и въ другихъ памятникахъ русскихъ и южнославянскихъ, кирилловскихъ и глаголическихъ (Синайск. псалт.), каковы напр. ръвьноую ноябрьск. мин. 1097 г., л. 85^6 (изд. Ягича стр. 372), *въшьниимъ* силамъ Мин. Соф. 25^6 (Лекціи И. В. Ягича въ СПб. унив. $188^3/_4$ г., литограф. Гробовой, стр. 85), слъшавъ Заруб. памятн. XIII в. (Срезневск., Свѣдѣнія и замѣтки... VII, стр. 54) и мн. др. (въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ описка могла быть тѣмъ легче, что за палочкой буквы ъ непосредственно должна была слѣдовать лѣвая палочка ш); напротивъ такимъ примѣрамъ, какъ *бъвакѣтъ* Изборн. 1073 г. (Колосовъ, Очеркъ истор. зв. и ф., 59), *въсотоу* Мин. праздн. XI—XII в. СПб. публ. б-ки 43^6, навъчеши Ant. pand. 85, можно вслѣдъ за Ягичемъ, у котораго (Лекціи $188^3/_4$ г., стр. 85) заимствую два послѣднихъ примѣра, придавать значеніе сократившагося вслѣдствіе неударяемости звука ъ: это могъ быть звукъ, близкій къ «ирраціональному» *ы*, о которомъ мнѣ придется говорить въ этой главѣ; еслибы такихъ примѣровъ, какъ *бъвакѣтъ* (если вѣрно приводитъ Колосовъ), было больше въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ, имъ можно было бы придавать значеніе до нѣкоторой степени прототиповъ позднѣйшаго малорусск. и частію южновеликор. *бу-*, такъ какъ весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ формахъ (особенно передъ *в*) въ процессѣ измѣненія *бы-* въ *бу-* играла роль неударяемость (срв. въ статьѣ А. А. Потебни въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русс. яз. и слов. Им. Ак. н.» т. I, кн. 4, стр. 825). Въ указанныхъ же двухъ опискахъ нашего памятника мы лишь тогда могли бы видѣть отраженіе дѣйствительныхъ фактовъ языка, если бы онѣ подтверждались многочисленными примѣрами изъ разныхъ памятниковъ и находили себѣ оправданіе, если не въ явленіяхъ современныхъ говоровъ[1]), то по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія этимологической,

---

зать о формахъ *избътькъ* и *сънъ* Что касается причины, по которой ъ въ **нгнь*, не смотря на «несложовое» положеніе дало въ чешскомъ и русскомъ чистый гласный, то она ясна: «неслогов.» ъ становилось слоговымъ какъ вслѣдствіе *ударяемости*, которая могла здѣсь явиться позднѣе подъ вліяніемъ побочной формы *нгнь* (сравн. у Гебауэра ibid., который въ уклоненіи отъ «правила» видитъ ритмическую причину), такъ и вслѣдствіе положенія между одинаковыми согласными (сравн. сказанное въ 1-ой главѣ о сохраненіи глухихъ въ положеніи между согласными одного органа)

[1]) Едва ли можемъ мы при этомъ ссылаться на такіе факты, какъ *rebe* вм. ryby, *sen* вм. syn, *dobetek* вм. dobytek въ моравскихъ говорахъ, имѣющихъ массы другихъ примѣровъ *e* вм. *y* (Gebauer, Hist. mluvn., d I, 283) и представляющихъ, несомнѣнно, позднѣйшее развитіе *e* изъ *y*, которое встрѣчается и въ такихъ случаяхъ, гдѣ никакъ нельзя предположить звука ъ вм. ъ (hade въ вин. множ., žene въ им. вин. мн. и др., ibid. 283). Также нельзя ссы-

опирающейся на сравненіе съ формами родственныхъ языковъ и на разныя теоретическія соображенія; описка *сѣнѣ* могла явиться тѣмъ легче, что слово это чаще всего пишется подъ титлою съ пропускомъ *ѣ* (сѣ̄ъ).

Что касается примѣровъ *стрѣя*, *стрѣемъ*, *крѣяше*, то можетъ прежде всего возникнуть вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь фонетическое измѣненіе *ѣ* въ *ѣ*, или варіанты съ гласнымъ *ѣ*, восходящимъ къ краткому и, при формахъ съ *ѣ*, восходящимъ къ долгому и. Конечно, невозможнаго въ послѣднемъ предположеніи ничего нѣтъ, и соображенія проф. Р. Ѳ. Брандта[1]) и А. И. Соболевскаго[2]) относительно возможности основныхъ формъ съ *ѣ* въ настоящемъ времени при формахъ съ *ѣ* въ неопредѣл. наклон., опирающіяся какъ на аналогію **жьгж**, **цвьтж**, **чьтж**, при **жѣшти**, **цвѣсти**, **чѣсти**, такъ и на указанія родств. языковъ (греч. λΰω, θΰω и т. п.), имѣли бы силу, если-бы подтверждались фактами не однихъ великорусскихъ говоровъ; но чешск. діалектич. формы krejи, krej, mejи, mej и т. п., какъ призналъ самъ Брандтъ (ibid.), и какъ ясно изъ исторіи этихъ формъ (изъ болѣе древн. *aj*—) и ихъ сопоставленія съ многочисленными случаями измѣненія *ý*, начиная съ XIV в., въ *aj* и затѣмъ *ej*[3]), исключаютъ всякую мысль о происхожденіи ихъ изъ *kгъj — и т. п., такъ какъ у насъ нѣтъ основаній думать, что *ѣ* при какихъ либо условіяхъ могъ развиться въ чешской группѣ говоровъ въ *a*, а не въ *e*; указаніе же на формы наст. врем. съ *ь* при *e* и *i* въ неопред. наклон. въ корнѣ нѣкоторыхъ глаголовъ позволяетъ лишь предполагать теоретическую возможность такого чередованія и въ корняхъ съ гласн. и, не обращая вниманія на особенныя фонетическія условія тѣхъ и другихъ корней, заключающіяся въ томъ, что въ первыхъ послѣ краткаго гласнаго корня слѣдуетъ звукъ согласный мгновенный, во вторыхъ-же і или j; и вотъ, нисколько не отрицая теоретической возможности[4]) существованія въ праслo-

латься на форму *сѣн* вм. *сѣнѣ* въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ (Милетичъ, Пер. Спис. 1886, XIX и XX), которая при томъ отрицается позднѣйшими изслѣдованіями этихъ говоровъ, сдѣланными Облакомъ; такъ онъ говоритъ о сушскомъ говорѣ: «ich horte in diesem Dialect kein *sѣn*, *bѣh*....., sondern nur *sin*, *bih*.. ...» (Macedonische Studien, 36); неудар *ѣ* здѣсь произносится совершенно одинаково съ неудар. *i*, вообще *ѣ* = *i*. Рискованно сопоставлять *избѣтькъ* и съ такими формами угрорусск. гов, какъ туболець и маботе (Ант Семеновичъ, Сборникъ стат. по славяновѣдѣнію, составл. и издан. учениками В. И. Ламанскаго, 217), въ которыхъ могутъ заключаться спеціальныя условія для измѣненія зв. *ы* въ *о*.

[1]) Граммат. замѣтки, вып. I, стр. 27 (Варшава 1882). Лекціи по истор. грамматикѣ русск. яз, вып. I (Москва 1892), 95—96.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз., 79.

[3]) Gebauer, Histor. mluvnice, d. I, 281—282.

[4]) Не смотря однако на эту *теоретическую возможность*, послѣ изслѣдованій проф.

вянскую эпоху формъ съ ъ изъ краткаго и при формахъ съ ъг изъ долгаго и, мнѣ кажется, мы принуждены предположить существованіе еще въ говорахъ общеслов. яз. закона объ измѣненіи ъ (разумѣя подъ ъ тотъ-же ирраціональный звукъ, который получался въ моментъ обособленія общесловянской группы говоровъ вообще изъ всякаго краткаго индоевроп. и) въ положеніи передъ i̯ въ ъг[1]); къ этому насъ принуждаетъ господство звуковъ ъг или предполагающаго его i въ такихъ положеніяхъ въ большинствѣ словянскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни объясняли это ъг передъ j или i̯, будемъ ли считать его возникшимъ прямо изъ долгаго ū въ прасловянскую эпоху, или уже на словянской почвѣ изъ ъ, восходящаго къ краткому и, мы должны исходить изъ него при объясненіи русскихъ формъ. Сказанное о глагольныхъ формахъ крѣгиж, мѣгиж и т. п. вполнѣ примѣнимо и къ формамъ существит. стрѣги — стрѣгя и т. п.; общесловянскія условія здѣсь тѣ-же, какого бы происхожденія ни было это ъг. Къ сожалѣнію, намъ слишкомъ трудно опредѣлить этимологію этого слова, такъ

Ульянова («Основы настоящаго въ старославянскомъ и литовскомъ яз.», стр 106—107) мы принуждены совсѣмъ отвергнуть ее, такъ какъ факты родств. языковъ говорятъ въ пользу только ū передъ суффиксомъ основы i̯o—i̯e (греческія δῦ́ω, λῦ́ω, θῦ́ω . , на которыя ссылается пр Соболевскій, восходятъ къ *δύFω и т д.): й передъ i̯o или i̯e переходило въ ū и не отличалось так. образ. отъ первонач. ū Еслибы сравниваемые Соболевскимъ съ греч глаголами δῦ́ω, λῦ́ω и т. п словянскіе дѣйствительно имъ соотвѣтствовали, то мы имѣли бы *кръвж, *мъвж (д рус. *кръву, *мъву съ дальнѣйшими видоизмѣненіями) и т. п (сравните *дъва* съ греч. δύω лат. *duo*), но словянскіе глаголы отличаются отъ упомянутыхъ греческихъ именно элементомъ *j* или i̯ изъ стараго *j*, замѣнившаго еще въ общеслов эпоху старое i̯, предшествовавшее здѣсь тематическимъ гласнымъ *o—e* (Ульяновъ, ib. 104). Замѣчу, что первоначальн. i̯ предполагается здѣсь проф. Ульяновымъ потому, что глагольн корень здѣсь имѣлъ слабый видъ, т. е. ū, являвшееся въ общеиндоевроп. эпоху одинаково какъ изъ ū, такъ и изъ й въ положеніи передъ i̯ (разница между ū и й не передъ i̯ зависѣла отъ исконной разницы коренныхъ гласныхъ), въ противоположность сильному виду, который вообще являлся передъ суф. *jo—je*, какъ въ литовск. kráuju, máuju (различеніе суф. jo—je отъ i̯o — i̯e связано было съ удареніемъ, которое въ первомъ случаѣ было на корневой части, а во второмъ на суффиксальной, вслѣдствіе чего и являлся во второмъ случаѣ слабый видъ корня, т. е. въ данномъ случаѣ *не дифтонгъ*, ibid. 75—76). Но вслѣдствіе того, что i̯ еще въ лит. слов. эпоху изчезало между гласными, такъ что получались бы рѣдкія формы *rū—e—, *mū—e—, по предположенію проф. Ульянова (ib. 104), вм. *rū—i̯e—, *mū—i̯e — и т. п. въ общеслов. яз являлось *rūje—, *mūje— и др., т. е. являлся суф. *jo—je*, первоначально свойственный образованіямъ отъ вида корня *krau—, rau—, mau—* Что же касается вообще различенія i̯ и j, то въ исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ языковъ оно въ зависимости отъ различныхъ фонетич условій возникало вновь безъ отношенія къ этимологическому различію этихъ звуковъ (см. у Шахматова въ «Изслѣд въ обл. русск. фон.», стр. 6—7).

[1]) Срв. Лекціи по церковно-славянскому яз проф. Фортунатова 1884—1885 г., стр. 149.

какъ родственные языки не даютъ почти ничего. Миклошичъ (Etymologisches Wörterbuch) приводитъ лишь литов. strujus greis, вѣроятно, изъ словаря Куршата, гдѣ это слово поставлено въ скобкахъ и безъ обозначенія ударенія, хотя и съ указаніемъ формы род. п. един. ч. на —jaus. Приведенная литовская форма мало можетъ помочь намъ при опредѣленіи коренного гласнаго потому, что весьма вѣроятно можетъ быть признана заимствованной изъ словянскихъ (русскихъ или польскихъ) говоровъ, при чемъ и въ ней можетъ замѣнять ui, которое обыкновенно является въ заимствованныхъ изъ словянскаго словахъ вмѣсто словянск. *ѣ* (сравн. mui̇̃las и *мѣло*, mui̇̃tas и *мѣто*): ui должно было упроститься въ u передъ слѣдующимъ j; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ необходимости считать strujus непремѣнно заимствованнымъ, такъ какъ оно не противорѣчитъ и правильному соотвѣтствію исконно-литовскихъ звуковъ исконно-словянскимъ (лит. u правильно соотвѣтствуетъ словянскимъ *ъ* и *ѣ*, смотря по тому, кратко оно или долго, что̀, какъ и ударение, въ данномъ словѣ Куршатъ не обозначаетъ, такъ какъ, вѣроятно, самъ этого слова не слыхалъ, а взялъ его изъ словаря Бродовскаго и рукописнаго Кёнигсбергскаго)[1]. Ясно во всякомъ случаѣ, что въ данномъ словѣ мы имѣемъ общесловянское коренное *ѣ* (какого бы происхожденія оно ни было, изъ ū или изъ ŭ въ силу указаннаго выше закона) и суффиксъ i̯ъ (вѣроятно, изъ i̯o, а не i̯u, на которое указываетъ, можетъ быть, заимствованное литов.—*jus* съ род. *jaus*) въ имен. ед. ч., а не суф. *ъ*, какъ думалъ Миклошичъ (Vergl. Gram. II, стр. 5), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ между *ѣ* кореннымъ и *ъ* суффиксальнымъ развилось бы *в* или само *ѣ* разложилось бы въ *ъв* и никакъ не получилось бы i̯ или j (сравн. прич. прош. страд. *кръвенъ* отъ корня *кръ*—, *дъва* отъ корня **дъ*—и т. п.). Южныя и западныя словянскія нарѣчія, кромѣ полабскаго (strâ'ija)[2] и польск. stryj, б. ч. представляютъ формы съ суф. *ц* или *к*, предполагающія б. ч. слитіе предшествующаго этимъ *ц* или *к* суффиксальнаго гласнаго *и* съ кореннымъ *і* изъ *ѣ*: чешск. strýc, strejc, strýk, strýna, словѣнск. stríc, strína, сербск. стри̏ц (родит. п. стри̏ца), стри̏на, болг. стри̏ко, стри̏на, при чемъ я думаю, что эти стяженныя формы имѣютъ суффиксы —*ицъ*, —*икъ*, —*ина*, т. е. что *ī* получалось изъ стяженія двухъ *і*, изъ которыхъ первое восходило къ общеслов. *ѣ*, а второе къ общеслов. *і*, а не *jъ*, какъ

[1] Оттуда же взялъ это слово въ свой словарь и Нессельманъ.

[2] Miklosich, Etymologisches Worterbuch.....; Schleicher, Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache, § 62 (=стръм), также § 12

предполагалъ Миклошичъ (V. Gr. II, 310) для сербск. стрйц. Только относительно нижнелуж. tšyjk можно сказать, что оно предполагаетъ суф. *ъкъ* (Mucke, Hist. u. vergl. Laut- u. F. l. d. Nieders., 225, § 121). Если бы серб. форма предполагала **стрѣгіјьць*, откуда въ старослов. было бы **стрѣгиць*, то мы ожидали бы не сліянія двухъ *і* въ *ī*, а скорѣе замѣны второго, вѣроятно, ирраціональнаго, *і* (изъ *jь*) въ «слоговомъ» положеніи черезъ *ја*, въ «несложовомъ» черезъ j̯(j), т. е. было бы, вѣроятно, **стријац — стрија* подобно тому, какъ встрѣчается въ словѣнскомъ strijec (читайте *е* глухо)— strijca при болѣе обычномъ strîc[1]) (M. Pleteršnik, Slov. nem. slovar), и какъ въ чешскомъ при формѣ ruj существуетъ rujec, но только strýc и strejc (словарь Ранка-Шумавскаго 1859). Мнѣ именно кажется, что господствующія въ словянскихъ нарѣчіяхъ формы предполагаютъ сліяніе двухъ приблизительно равносильныхъ по количеству *і*, изъ которыхъ второе входило въ составъ общесловянскаго суффикса *-иц-*, имѣвшаго *і* неизмѣнное для всѣхъ словянскихъ нарѣчій и слѣдовательно восходящее къ этимологически долгому дословянскому *ī* (для сравненія возьмите сербское бри̏ца [2]) изъ *бр*ицја* tonsor)[3]), подобно тому, какъ и *ī* въ серб. стри̏на, словѣнск. strína, чешск. stryna и т. п. предполагаетъ сліяніе коренного *і* изъ *гі* съ суффиксальн. *і* изъ этимологически долгаго *ī*, отраженіе котораго встрѣчаемъ въ суффиксѣ *-in-*, являющемся напр. въ формахъ прилагательныхъ принадлежности, каковы рус. же́н*ин*, серб. жѐн*ин*, сербск. ъ̑чин и т. п. Что въ strîna, strína, какъ и въ strîc, stríc и т. п. мы съ наибольшей вѣроятностью можемъ видѣть стяженіе, на это указываетъ долгота *ī;* хотя долгота сама по себѣ еще не есть доказательство стяженія, а можетъ быть исконнымъ свойствомъ коренного гласнаго, но въ разбираемомъ случаѣ стяженіе представляется вѣроятнымъ въ виду существованія старослов. формъ стрꙑн, стрꙑна (Miklos. Lexic. pal.). Замѣчательно, однако, что тѣ-же или приблизительно тогоже времени источники, которые имѣютъ формы *стрыи*, *стрыя* (серб. Мин. Вука, Иловицк. Кормч. 1262 г., Прологъ Миханов. XIV в. и др.), не знаютъ нестяженныхъ *-гиць*, *-гина*, а лишь *стрыць* (Mon. Serbica Миклошича 20), *стриць* (ib. 59) [4]), *стрица* (Жит. Саввы Домет. 136), *стры-*

[1]) По мнѣнію Валявца, впрочемъ, словѣнск. stríc изъ stríjec, какъ kî с изъ kîjec (Rad jugosl. akad. XLVI, 74.

[2]) В. С. Караджичъ, Српск. рјечн s. v.

[3]) Miklos. V. Gr. II, 298.

[4]) Даничић, Рјечник из књижевних старина српских, s. v. (примѣры эти встрѣчаются въ грамотахъ 1234 г вѣнскаго архива и 1293—1302 г. Хиландарск. монастыря).

чишть (Кормч. вѣнск. XVI в. и Иловицк. 1262 г.), *стрына* (Кормч. 1262 г.); но Миклошичъ, приводя эти формы, пишетъ въ началѣ строки формы **стрыйць**, **стрыйчишть**, прилаг. **стрыйнъ** и даже **стрыйка**, хотя послѣднее извѣстно лишь въ позднихъ XVI и XVII в. сербскихъ и болгарскихъ источникахъ только въ видѣ *стрыка*, *стрика*, твор. ед. *стрыкою*, *стрикою* [1]) и въ соврем. болгарскомъ *стрикá*, *стрúко* [2]). Такимъ образомъ представляется вопросъ, въ правѣ ли мы разбираемыя формы словянскихъ нарѣчій считать образованными помощію суффиксовъ *-ic-*, *-ik-*, *-in-*, или мы должны предположить присоединеніе суффиксовъ, начинающихся съ согласныхъ *с(ц)*, *к*, *п(н)*, прямо къ коренному [3]) гласному *г*. На это отвѣчу, что, если-бы и было возможно послѣднее предположеніе, то лишь по отношенію къ *н*, такъ какъ присоединеніе *к* прямо къ корню или къ наиболѣе первичной основѣ вообще необычно, и тѣмъ менѣе возможно такое присоединеніе *ц*, явившагося изъ *к'* лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ являлась причина вторичнаго смягченія *к* въ прогрессивномъ дѣйствіи предшествующаго мягкаго гласнаго, т. е. послѣ суффиксальныхъ гласныхъ *і* полныхъ или ирраціональныхъ (*и* или *ъ*). Присоединеніе *ц* могло бы объясняться лишь вліяніемъ аналогіи другихъ случаевъ въ извѣстныхъ группахъ нарѣчій въ ту эпоху, когда въ этихъ нарѣчіяхъ *г* начало совпадать въ произношеніи съ этимологич. *і*, т. е. когда стали возможны формы, подобныя сербскому глаг. мѝцати вмѣсто *мѝкати, восходящаго къ **мъгкати*, или **ристати** (отъ *рыск-), извѣстному уже въ Супрасл. рукоп. старослов. яз. [4]), при чемъ смѣшеніе *г* съ *и* послѣ *р* началось раньше, чѣмъ въ другихъ сочетаніяхъ, и можетъ считаться діалектически едва ли не общесловянскимъ, какъ это можно заключить изъ фактовъ тѣхъ словянскихъ нарѣчій, которыя въ другихъ сочетаніяхъ вообще не смѣшиваютъ или не смѣшивали этимологич. *г* съ этимолог. *і*, каковы напр. группы великорусская изъ живыхъ или старословянская изъ мертвыхъ; къ этой категоріи относятся напр. съ одной стороны случаи произношенія грыб вм. гриб (сравн. польск.

---

[1]) Miklosich, Lexicon palaeoslov.

[2]) Дювернуа, Словарь болгар. языка.

[3]) На сколько онъ дѣйствительно коренной, мы, конечно, не знаемъ, но по крайней мѣрѣ онъ представляется кореннымъ при нашихъ современныхъ свѣдѣніяхъ, такъ какъ дальше разложить слово мы не можемъ, а подъ корнемъ мы разумѣемъ отвлеченное понятіе изъ массы конкретныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ (срв. у Потебни, Изъ записокъ по русской грамматикѣ, изд. 2-е, I, 21—22).

[4]) Miklos. Lex. pal.

grzyb)[1]) въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ и сѣверновеликорусскихъ говорахъ и наоборотъ криса[2]) и т. п., съ другой написанія рuбѣ, гризетъ въ Зограф. и Саввин. книгѣ и т. п. [3]); весьма возможно, что и *стрьг-* во многихъ говорахъ, а особенно въ южнословянской группѣ, гдѣ въ послѣдующія эпохи развитія языка въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ позже и всякое *ъг* совпало съ *i*, весьма рано произносилось почти какъ *stri-*, къ которому и могло присоединиться *ць* по образцу уже готовыхъ примѣровъ словъ съ суф. *-иць*, каковы болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, распространенные случаи въ сербскомъ — ко̏ньӣц, пр̏ньӣц, вјѐтрӣц, да̀ждӣц, ђу̏рӣц, жба̀ньӣц, ко̀шӣц, ма̀льӣц, ма̀чӣц, о̀гньӣц [4]). Но такое предположеніе я бы рѣшился сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если бы долгота «коренного» *ъг* въ словѣ *стрьгu* могла быть доказана; при отсутствіи же этой возможности [5]) я въ долготѣ *i* формъ *strîc* — strîca, strîna, долготѣ, какъ показываютъ формы косв. п. strîca и др. и слово strîna, не связанной только съ положеніемъ въ среднемъ или закрытомъ слогѣ, слѣдов. природной, позволю себѣ въ виду существованія въ памятникахъ формъ *стрьги*, *стрьгия* видѣть результатъ стяженія; для *strîna* можетъ служить доказательствомъ его и Ф. *стрьгиню* въ Ипат. л. 342 (330). Теперь я остановлюсь на тѣхъ соображеніяхъ, которыя заставляютъ меня видѣть и въ серб. strîna, слов.

---

[1]) Колосовъ, Обзор звук. и форм. особ. нар. р. яз. 151. (Кур., Томск., Яросл., Лукоян. Ниж.). Срв. также у Шахматова въ «Матеріалахъ для изученія великорусск. говоровъ», вып. 1-й (СПб. 1896), стр. 6 (Покров. у. Владим. г.), 10 (Петрозав. Олон. г.), 15 (Буйск. Костр. г.) и у него-же въ 3-й кн. I-го т. «Извѣстій Отдѣл. рус. яз. и слов. И. Акад. Н.» стр. 558 (Тобол. г.), 566 (Вытегорск. Олон. г.), при чемъ въ этихъ говорахъ извѣстно лишь *ры* вм. *ри*, а не наоборотъ. Срв. и въ соч. Будде, Къ истор. великорус. говоровъ, стр. 104—107.

[2]) Колосовъ, ibid. 152 (Муром.); то-же извѣстно мнѣ и въ Курмышск. у. Симбир. губ.

[3]) Соболевскій, Древній ц.-слав. языкъ, фонетика, стр. 30. Срв. и у Будде, ibid.

[4]) Leskien, Untersuchungen uber Quantitat und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantitat im Serbischen. Leipzig 1885. Стр. 168 (изъ X-го т. «Abhandlungen der philologisch-histor Cl. der Kön. Sachs. Ges. der Wissenschaften»).

[5]) Это трудно уже потому, что въ положеніи передъ слѣд. j (въ *стрьги*, *стрьгu*) и долгое по природѣ *ъ* сократилось бы и, по мнѣнію нѣкоторыхъ лингвистовъ, стало бы даже «короче краткаго, т е. *иррацiональнымъ*» (см. у Шахматова въ «Изслѣдованіяхъ въ области русск фонет.», стр. 33—34), и такимъ образомъ количество «коренного» гласнаго пришлось бы опредѣлять на основаніи формъ, имѣющихъ *согласн.* зв. послѣ «коренного» гласнаго, т. е. тѣхъ, нестяженность которыхъ не доказана, иначе — опредѣлять неизвѣстное посредствомъ неизвѣстнаго. Для избѣжанія недоразумѣній слѣдуетъ прибавить, что, хотя всякое *ы* съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ отражаетъ долгіе звуки, часть этихъ звуковъ (при извѣстномъ качествѣ долготы) сокращалась еще въ общесловянскую эпоху (сравн. напр. сербскія слова ри̏ба, ри̏дати, си̏р и мн. др., чешск. *ryba* и мн. др., какъ и въ другихъ случаяхъ не всегда совпадающія съ сербскими, см. словари В. С. Кар. и Ранка-Шумавскаго).

strína, чеш. strýna (strejna) суф. *-ин-*, а не *-ьн*. Во первыхъ на это указываетъ значеніе: разбираемое слово означаетъ бо́льшею частію «тетку» или вообще жену или сестру того, кто носитъ названіе *strīc*, такъ что, если *strīc* значитъ «Vaters Bruder», «patruus», «Oheim», «otcův bratr», то и *strīna* въ тѣхъ же нарѣчіяхъ значитъ только «очина брата жена» (В. С. Караджичъ), «des Vatersbruders, des Oheims Frau» (M. Pleteršnik, Slov. nemški slovar), «amita, des Vater Schwester, Muhme» (Jos. Jungmann, Slowník česko-německý, d. IV, w Praze 1838); но въ чешскомъ рядомъ со streyna, strygna, strýna (въ нынѣ употребительной транскрипціи *strejna, stryjna*....) въ только что приведенномъ значеніи Юнгманнъ привелъ и streyná (=*strejná*) въ значеніи не только «manželka streycowa, uxor patrui», но и «strýce mého dcera, Vetters oder Bruderstochter, patrui filia», при чемъ нѣмецкій переводъ какъ будто указываетъ на то, что strýc въ чешскомъ имѣетъ значеніе не только «дяди», но и «двоюроднаго брата» (напомню, что нѣмецкія Vetter и Muhme имѣютъ двоякое значеніе—не только дяди и тети, но и двоюродныхъ брата и сестры), если только «Bruderstochter» не стоитъ ошибочно вмѣсто «Vatersbruderstochter», хотя то-же самое находимъ и въ маленькомъ словарикѣ Шумавскаго — Ранка 1859 г., въ который внесено, вѣроятно, изъ словаря Юнгманна. Господствующее значеніе въ словянскихъ нарѣчіяхъ указываетъ скорѣе на суф. *-ин-* (*-in-*), чѣмъ на *-ьн-*, такъ какъ первый означаетъ только принадлежность безъ указанія отечественности, т.е. принадлежности именно младшаго старшему въ смыслѣ подчиненности или происхожденія, что̀ именно свойственно второму (напр. въ русск. *княжна́* изъ **кънѧжьна*, великор. *попо́вна*, малор. *попівна*, *сотникі́вна*, малор. польск. чешск. *panna* изъ **паньна*, серб. djevèрична и мн. др.) [1]), а потому и несогласенъ я съ Миклошичемъ въ томъ, что словѣн. «strina *patrui uxor*» восходитъ къ stryjna [2]). Во вторыхъ и звуковая форма говоритъ въ пользу стяженія скорѣе двухъ равносильныхъ по количеству *i*, такъ какъ, если въ сербскомъ и нерѣдко стяженіе *i* слоговъ. + *i̯* въ *ī*, напр. *убйство* [3]) вм. **убијство* и мн. друг. случаи внутри слова, въ словѣнскомъ внутри слова обыкновенно остается *ij*: ubîjstvọ (M. Pleteršnik s. v.). Конечно, я не отрицаю, что въ концѣ словъ это явленіе, т. е. измѣненіе *i* + *i̯* въ *ī*, а затѣмъ діалектически и *i* краткое, свой-

[1]) Срв. Miklos. Vergl. Gr. II, 153—154; В. С. Кара, ић, Српски рјечник s. v.
[2]) Miklos. ibid. 154.
[3]) В. С. Кар. ibid. s. v.

ственно всѣмъ западно- и югозападно-словянскимъ нарѣчіямъ, вслѣдствіе чего напр. въ формѣ род. мн. основъ на *ĭ* является *ī* въ сербскомъ, чешскомъ и частію словѣнскомъ (подъ удареніемъ), *i* въ словѣнскомъ (безъ ударенія) и польскомъ, также въ имен. ед. муж. р. прилагат. членныхъ на *ī* (въ сербск.), *í*, *ý* (въ чешск.), *i*, *y* (въ польскомъ), хотя еще вопросъ, восходятъ ли эти прилагательныя формы къ діалектически развившимся общесловянскимъ *ii*, *yi*, или прямо къ сочетаніямъ *ъ* + *i* и *ъ* + *i* [1]); относительно этихъ случаевъ въ конечныхъ слогахъ, однако, можно предположить, что они явились въ словянскихъ нарѣчіяхъ еще въ ту эпоху, когда не только конечное *i*, происшедшее изъ прасловянскихъ *i̯ъ*, *i̯ь*, но и конечныя *ъ* и *ь* въ большинствѣ случаевъ сохраняли слоговой характеръ; я именно думаю, что *í* въ чешск. род. мн. *kostí*, *ý* въ имен. ед. *dobrý* восходятъ не къ *i* + *i̯*, *y* + *i̯*, а къ *i* + *i*, *y* + *i*. Хотя такое-же старое стяженіе *y* + *i*, гдѣ *i* изъ этимологич. *i̯ь*, можно предположить и въ словѣ strĭna, strína, strýna, а также возможно допустить вслѣдствіе акустической слабости *i̯* неточность обозначенія сочетанія *ii̯* черезъ *ī*, какъ скоро въ данномъ говорѣ отсутствовали другія формы, которыя бы могли поддерживать этимологическое правописаніе, подобно тому, какъ съ другой стороны обратно возможна неточность обозначенія *ī* черезъ *ij* (т. е. *ii̯*) подъ вліяніемъ соображеній этимологическихъ [2]), такъ что звуковая форма современная и предполагаемая старая на основаніи написаній въ старыхъ памятникахъ малодоказательна, однако въ связи со значеніемъ и она имѣетъ нѣкоторую силу. Что касается чешск. *strejna* (*strýna*, вѣроятно, лишь книжная форма), то въ немъ *ej* во всякомъ случаѣ могло явиться только изъ *ȳ*, какого бы происхожденія это послѣднее ни было, черезъ посредство *aj*; также и *ej* въ *strejc* изъ *ȳ* черезъ поср.

---

[1]) Срв. Gebauer, Histor. mluvn. I, 209, 280; впрочемъ долгота гласнаго достаточно, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ въ пользу стяженія изъ *ii*, *yi*, а не прямо изъ *i̯ъ*, *i̯ь*, ни даже *ĭi*, *ĭi*.

[2]) Возможно также и удержаніе въ языкѣ сочетанія *ii̯* подъ вліяніемъ какихъ либо аналогій или сознанія этимологической близости съ другими формами; срв. соображенія Шахматова въ «Изслѣдов. о яз. новгородск. грамотъ», стр. 157; Гебауэръ считаетъ новочешск. повелит. *kryj*, *kryjte* новообразованіями вмѣсто встрѣчающихся въ старыхъ текстахъ *krý*, *krýte* (ibid. 280). Замѣчу, что въ латинской транскрипціи *ij* западнословянскихъ языковъ, какъ и въ вуковск. *uj*, я вижу лишь неточное изображеніе прежде всего дифтонга *ii̯*, который могъ очень слабо отличаться отъ *ī*. Срв. соображенія Ѳ. Е. Корша о конечномъ звукѣ въ русскихъ сочетаніяхъ *ай*, *эй*, *ой*, *уй* (Archiv f. slav. Philol. III, 668—669), а также замѣчаніе Муке (Mucke, Historische und vergleichende Laut- u. Formenlehre der Niedersorbischen Sprache, Leipzig, 1891, стр. 146, § 81) о произношеніи *aj*, *ej*, *ĕj*, *oj*, *uj*, *yj* въ нижне- и верхне-лужицкихъ говорахъ вообще какъ *ai*, *ei*, *ĕi*, *oi*, *ui*, *yi* (дифтонгически).

aj (сравн. *strayc* у Велеславина 1578 г.) [1]). Но въ чешскомъ, какъ я упомянулъ, приводится Юнгманномъ и слово strejná (пишу современнымъ правописаніемъ, хотя и считаю написаніе *ej* едва ли не болѣе неудачнымъ и неточнымъ, чѣмъ Юнгманново *ey*), а также и прилагат. strejný, stryjný, «na stryje t. strejce se vztahující...»; долгота *a* въ strejná доказываетъ, что это не болѣе, какъ Ф. жен. р. прилагат. членнаго, и въ этомъ прилаг. я дѣйствительно вижу суф. *-ьн-*, обычный въ прилагательныхъ такого значенія, и такимъ образомъ *ej*, *yj* восходятъ здѣсь къ сочетанію *гн* + *й*, можетъ быть, также черезъ посредство *ӯ* (*ы̄*), откуда съ одной стороны *aj* (*ai̯*) и затѣмъ *ej* (*ei̯*), съ другой *ý*, т. е. *ī*, а подъ вліяніемъ перваго *yj* (только ли на письмѣ, или и въ произношеніи, не знаю); этотъ же суффиксъ вижу и въ польскомъ *stryjenka* «тетка» (словарь Бартошевича 1841—1843 г.), предполагающемъ **стрыйьнгка*, существительное образованіе съ суф. *жк* при прилагат. **стрыйьньій*, къ которому восходитъ чешское прилагательное. Возвращаясь къ *strīc* (*стрӣц*), я повторю, что здѣсь главнымъ образомъ форма имен. ед. заставляетъ меня видѣть суф. *-иц-*, а не *-ьц-*, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ въ «слоговомъ» положеніи *-йь-* (*-i̯ь-*) не измѣнилось бы въ *i̯i̯* и затѣмъ *i*, которое бы могло слиться съ предшествующимъ *i* изъ *гн* въ *ī*, какъ въ «неслоговомъ» полож., а дало бы звукъ полнаго образованія, различный въ различныхъ говорахъ, или, хотя и неясный, какъ въ словѣнскомъ strijec [2]), гдѣ вмѣсто *e* для отличія отъ *e* яснаго Плетершникъ употребилъ особую форму той же буквы, но въ большинствѣ по крайней мѣрѣ говоровъ [3]) во всякомъ случаѣ слоговой [4]). Суффиксъ *-иц-* здѣсь тотъ же, что и въ приведенныхъ выше сербскихъ словахъ ко̏ньӣц и т. д.; случаи соединенія его съ суф. *ъ* — *о* (въ данномъ условіи = *ь* — *е*) вообще рѣдки, но чаще другихъ нарѣчій, кажется, въ сербскомъ; немногіе

---

[1]) Gebauer, Histor. mluvn, d. I, 280—282.

[2]) Внесено это слово въ словарь Плетершника изъ рукописнаго словаря Миклошича, при чемъ удареніе не отмѣчено.

[3]) Я разумѣю извѣстныя отступленія лужицкихъ и кашубскихъ говоровъ, каковы н. л. wóśc, в. л. wótc, н. л. kóńc, в. л. kónc и т. п. (Mucke, Hist. u. vrgl. Laut-u. Formenl. d. n. sorb... 116), кап. kùnc (Ramułt).

[4]) Кстати замѣчу, что новоболгарскіе и новословѣнскіе «глухіе» могутъ быть во многихъ говорахъ звуками вполнѣ раціональными, т. е. полнаго образованія, и называться глухими или неясными лишь потому, что мы привыкли соединять представленіе о звукахъ съ извѣстными буквами и естественно называемъ глухимъ тотъ звукъ, который не находитъ себѣ мѣста въ азбучныхъ рамкахъ, всегда крайне узкихъ.

примѣры извѣстны лишь изъ старословянскаго [1]) и словѣнскаго (Миклошичъ, Vergl. Gr. II, 293; срв. также у М. Валявца, Prinos k naglasu u (novoj) slovenštini, Rad.... XLVI, 74); чешскіе же krajíc, stŕevíc могли бы быть сомнительны вслѣдствіе возможности объяснить чешск. *c* изъ *tj* и такимъ образомъ видѣть здѣсь суф. *-ишть*, если бы долгота *i*, встрѣчающаяся также и въ родственномъ съ *-иц-* суф. *-ик-* (bratříkъ, nápravníkъ и т. п., сравн. и малорус. *братік*, въ которомъ мягкое *і* вмѣсто ожидаемаго *и* твердаго, можетъ быть, также находится въ связи съ нѣкогда бывшей долготой), въ противоположность краткости его въ dědic, božic, královic, panic [2]), гдѣ несомнѣнно отечественный суф. *-itj-*, косвенно не указывала именно на суф. *-ic-* (*-иц-*) съ *c* изъ *к'*. Гораздо болѣе распространенъ этотъ суффиксъ въ соединеніи съ суф. *a* въ словахъ б. ч. жен. р. въ противоположность родственнымъ съ ними словамъ муж. р. на *-иць-* (ст. слов. пѣвьць — пѣвица и т. п. и многіе соотвѣтствующіе примѣры въ русскомъ и другихъ словянскихъ нарѣчіяхъ).

По поводу суф. *-ин-* (*-ин-*) слѣдуетъ замѣтить, что, такъ какъ онъ встрѣчается обыкновенно въ прилагательныхъ, образованныхъ отъ основъ на *a* бо́льшею частію женск. р., то и въ *strīna*, принимая выше приведенное объясненіе этого слова, мы должны искать производнаго не отъ *стрьи*, а отъ *стрына*, которое, какъ мы видѣли, также извѣстно въ старословянскихъ памятникахъ, преимущественно сербскаго письма (послѣднее обстоятельство, вѣроятно, случайно) XIII—XIV в., а также въ полабскомъ străija (см. выше). Такимъ образомъ разбираемое слово извѣстно или предполагается въ словянскихъ нарѣчіяхъ какъ съ суффиксомъ *ĭz*, такъ и съ суф. *ĭa*, при чемъ съ послѣднимъ не только въ значеніи «θεῖα», «amita» жен. р., но и въ знач. «θεῖος», «patruus», «Oheim» муж. р. (Miklos. Lex. pal.; Schleicher, Laut- u. Formenl. d. polab. Spr. s. v).

---

[1]) Если въ русскихъ памятникахъ XI—XII в. часто встрѣчается агниць (Ягичъ, Лекціи по исторіи русск. яз., читан. въ СПб. универс. $188^3/_4$ г., литограф. Гробовой, стр. 70), то это *а*) можетъ быть отнесено на счетъ ц. слов. оригинала, или *б*) и вм. ъ по описке, или *в*) и означаетъ e^2 изъ ъ передъ *ць*.

[2]) Это различіе особенно важно потому, что замѣчается и въ сербскомъ яз., гдѣ суффиксъ *-itj-*, за исключеніемъ очень немногихъ примѣровъ на *-ī́ć* (*-ūћ*), обыкновенно отражается въ краткомъ *-ић* (*-ић*), суффиксы же *-ī́к* (*-ūк*) и *-ī́с* (*-ūц*) сохраняютъ въ словахъ муж. р. постоянно долготу (A. Leskien, Untersuchungen uber Quantitat und Betonung in den slav. Sprachen. I. №№ 34, 41,47, стр. 124, 127, 132, 142, 168). Еще послѣдовательнѣе, чѣмъ въ штокавскихъ говорахъ, краткость суф. *ић* (*ић*) проводится въ говорахъ чакавскихъ: въ рабскомъ говорѣ gradȉ́ć, koȉ́ć и т. д. при штокавск. gràdīć, kòȉ́ć и т. д (M. Kušar, Rapski dijalekat, 32, Rad CXVIII) Это совпаденіе сербскихъ долготъ и краткостей съ чешскими позволяетъ отнести различіе къ общесловянской эпохѣ.

И такъ я прихожу къ заключенію, что приведенные въ началѣ этой главы примѣры *стрꙗ* и *стрꙗмь* не восходятъ къ общесловянскимъ формамъ съ тѣмъ ирраціональнымъ гласнымъ, который извѣстенъ вообще какъ рефлексъ индоевропейскаго ŭ и который во время возникновенія письменности у словянъ нашелъ для себя выраженіе въ буквѣ ъ, точно такъ-же, какъ и **крꙑша** не восходитъ къ формѣ ***крꙑша** съ такимъ ъ, каково, напр., въ причаст. Ф. *крꙑвенъ*, и что всѣ подобныя формы, встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ очень рано [проф. Соболевскій[1]) привелъ изъ Минеи 1097 г. **покрꙗкть**, изъ Ев. XII—XIII в. **умꙗють**; имъ-же приведены примѣры изъ другихъ памятниковъ XII—XIII в.[2]); я могу прибавить еще **мꙑй** прич. наст. вр. изъ Хлудовск. Пролога № 187, л. 13ᵇ], предполагаютъ формы съ тѣмъ звукомъ, который возникалъ въ общесловянскую эпоху вообще изъ всякаго *ŭ* дословянской эпохи и на письмѣ получалъ выраженіе въ буквѣ *ꙗ*. Конечно, было бы смѣло и прямо даже невѣрно отожествлять его со звукомъ старословянскаго и тѣмъ болѣе древн. русскаго ы или съ великорус. *ы*, или съ польск. *y*: это было бы невѣрно и рискованно, какъ невѣрно отожествлять всякій общесловянскій (а слѣдовательно не реальный, а гипотетическій) звукъ (между прочимъ и *ꙗ*) съ соотвѣтствующимъ ему звукомъ какого-либо живого или исторически извѣстнаго говора любой словянской группы, варіирующимся притомъ въ зависимости отъ разнообразныхъ конкретныхъ условій; невѣрно было бы утверждать и тожество этого звука съ тѣми звуками *ꙗ*, которые являлись въ общеслов. эпоху изъ *ŭ* въ положеніи между согласными, получая неуловимые не только для письма, но и для слуха оттѣнки въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ, отъ ударенія и многихъ другихъ причинъ, знаніе которыхъ не всегда доступно изслѣдователю и исторически извѣстныхъ и даже живыхъ говоровъ. Все это, однако, не мѣшаетъ предположить, что это былъ звукъ первоначально болѣе близкій къ общеслов. звукамъ *ꙗ* (*y*), чѣмъ къ общесл. звукамъ ъ, хотя, какъ я сказалъ, уже въ говорахъ общеслов. языка онъ долженъ былъ болѣе или менѣе отличаться отъ этимологически тожественныхъ звуковъ при другихъ фонетическихъ условіяхъ. При рѣшеніи вопроса о характерѣ различія мы опять должны вдаваться въ область предположеній; но самое вѣроятное — то, что̀ высказано Шахматовымъ въ

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз. (1888 г.), стр. 161.

[2]) «Изслѣдованія въ области рус. грам.», 77 стр.; срв. также «Очерки изъ ист. рус. яз.» I, 79—80.

«Изслѣд. въ обл. рус. фон.» 33—34, т. е. что зв. *г* становился здѣсь (въ извѣстныхъ говорахъ) *ирраціональнымъ*; это не значитъ, что онъ переставалъ быть звукомъ той-же категоріи, а значитъ только, что онъ произносился *слабѣе* нормальнаго, т. е. того, что̀ можно принять за мѣру краткаго гласнаго; ослабленіе же артикуляціи какого-либо звука при однихъ условіяхъ можетъ привести къ полному исчезновенію его, при другихъ къ измѣненію его въ звукъ другой ближайше родственной категоріи; послѣднее наступаетъ тогда, когда, ослабившись въ извѣстныхъ существенныхъ частяхъ своей артикуляціи и притомъ неравномѣрно, что̀ зависитъ частію отъ фонетической наклонности даннаго говора, частію отъ какихъ-либо другихъ условій, этотъ звукъ, затѣмъ вторично усиливаясь подъ вліяніемъ какихъ-либо новыхъ условій, попадалъ въ иную категорію звуковъ вслѣдствіе того, что усиленіе совершалось не въ томъ порядкѣ, въ какомъ раньше произошло ослабленіе. Послѣднее, т. е. измѣненіе иррац. *ы* въ звуки другихъ категорій, видимъ именно въ появленіи звуковъ *о*, *э*, *ӧ* и т. п.[1]), наблюдающихся въ великорусскихъ и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ при *ы* и *и* среднемъ въ остальныхъ бѣлорусскихъ и въ малорусскихъ говорахъ въ тѣхъ же положеніяхъ.

Что касается *о*, то господство его въ великорусскихъ говорахъ слишкомъ извѣстно, чтобы говорить о немъ много; стоитъ указать лишь на то, что проявляется въ памятникахъ оно, хотя, можетъ быть, нѣсколько позднѣе, чѣмъ *о* изъ этимолог. *ъ*, все-таки довольно рано: въ Лаврентьев. сп. лѣт. на стран. 144⁶ 2 раза находимъ **строи** (см. свѣтопечатное изданіе Археограф. коммиссіи 1872: **ѡца своѥго и строи своѥго** стр. 11, **дружиною ѡтнею. и строи сво|ѥго** 17—18)[2]), при чемъ во второмъ случаѣ и въ Ипатск. спискѣ

[1]) Уже Колосовъ (Обзор звук. и форм. особ.... 98—99) обратилъ вниманіе на то, что при объясненіи смѣны *ы* на *о* здѣсь *ы* не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ слѣдующаго за нимъ *й*. Можно предположить, что «ирраціональность» выражалась именно въ болѣе широкомъ произношеніи звука *у* (*ы*), отмѣченномъ въ интересной и весьма точной фонетической работѣ Олафа Броха въ одномъ изъ угорусскихъ говоровъ именно въ двухъ примѣрахъ передъ *ẓ* pudụ̈ti̯°, izụ̈ti̯° (*i̯* означаетъ широкое *i*), при чемъ авторъ замѣчаетъ, что *у* здѣсь ближе къ произношенію того *у*, которое является послѣ *ž*, *š* вмѣсто этимологич. *г* и отличается отъ рефлекса этимологич. *у* (*ы*), вообще произносимаго узко (narrow), болѣе широкимъ произношеніемъ («Zum Kleinrussischen in Ungarn», Archiv f. slav. Philol. XVII, стр. 328, 342); если авторъ не нашелъ такого же произношенія *у* въ повел. kryḭ и т. п., то это можетъ объясняться вліяніемъ формъ 1 л ед. ч. наст. вр. krýụu или неопред. krýtï (ibid. 410).

[2]) Срв. Н. П. Некрасовъ, Замѣтки о языкѣ «повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лавр. сп. лѣтописи, Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. 1896 г., т. I-го кн. 4-я, стр. 893.

(стран. 158[a], стр. 14—15, фотолитограф. издан. 1871 г.) соотвѣтствуетъ: дружиною Юнею|й строй своего, въ первомъ же, хотя издатели прочитали *стрыя* (см. нефотолитограф. издан. 1871 г., стр. 152, сноска), неясно, что̀ именно хотѣлъ написать переписчикъ, такъ какъ, судя по фотолитографич. изданію, стран. 158, стр. 8, здѣсь описка, а именно вмѣсто *ꙁ* или *о* послѣ ρ написано опять т, а затѣмъ вязь, повидимому, буквы о съ ї; въ спискахъ Р. А. Х. П. въ обоихъ случаяхъ *стрыя*. Въ Ипат. при *строеви* 342 (издан. стр. 330, 2 раза), 343 (изд. 331), *строичича*[1]) 465 (изд. 455) = Х. П. *стрыичича* встрѣчаются не только формы съ *ы*: *стрый* 338 (изд. 326), 340 (328), *стрыя* 338 (326) (какъ замѣчаютъ издатели, поправлено изъ *строя*), *съ стрыемъ* 227 (223), но и съ *ъ*: *стрьеви* 224 (229), *стрья* 240 (234), 250 (243), 252 (245), 338 (327), *стрыичича* 353 (341) = Х. П. *стрыичича*, даже *сестрыичича*[2]) 226 (222), при чемъ, если возможно здѣсь придавать буквѣ *ъ* значеніе фонетическое (а не графическое только), звукъ *ъ* могъ развиться изъ *ꙁ* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога, начинавшагося съ *j*, или подъ вліяніемъ слѣдующаго за кореннымъ гласнымъ *i̯* (появленіе *j* или *i̯* зависѣло отъ мѣста ударенія); съ другой стороны можно предположить, что появленіе здѣсь *ъ* вм. *ꙁ* можетъ быть обусловлено діалектической мягкостью согласнаго *р*. Хотя для глагольныхъ формъ я не могу привести примѣровъ съ *о* вмѣсто *ꙁг* ирраціон. или *ꙁ* изъ древнихъ памятниковъ[3]), но несомнѣнно, что современныя великорусскія формы *мою*, *крою*, *рою* и т. п. объясняются одинаково со *строя* и т. п. Что касается упомянутаго звука *ӧ*, то, какъ сообщилъ мнѣ А. А. Шахматовъ, подобный звукъ слышанъ имъ въ этихъ формахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калужской губ. Звукъ же *э* уже давно отмѣченъ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ или переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ великорусскимъ говорахъ (Ржевск. Тверск., Витебск., Смоленск.)[4]), а недавно и въ сѣверновеликорусск. (въ Коштугской волости Вытегорск. у. Олонецк. губ.)[5]); только это *э* отмѣ-

---

[1]) Я позволю себѣ не ставить знака краткости на *и*, который, очевидно, прибавленъ издателемъ.

[2]) Вѣроятно, осмысленіе словомъ «сестра».

[3]) Ихъ не нашелъ я и въ лекціяхъ Соболевскаго, стр 161, гдѣ приведены, однако, *строи*, строюви уже изъ Пролога 1356 г.

[4]) Потебня, О звуков. особенностяхъ русск. нарѣчій, Филолог. Зап. 1865, стр. 55. Соболевскій, Очерки русской діалектологіи, Жив. Стар 1892, вып. III, стр. 13—14.

[5]) Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. И. Ак. н. 1896 г. (т I, кн. 3), стр. 565, сообщеніе К Ф. Филимонова въ «Матеріалахъ для изучен. великор. говоровъ. II» А. А. Шахматова.

частся во всѣхъ этихъ говорахъ лишь въ суффиксахъ имен. ед. муж. р. прилагат., а частію и род., дат., мѣстн. ед. жен. р. прилагат. и твор. ед. ж. р. существит. и мѣстоим., формъ же глагольныхъ въ родѣ **мэю*, **рэю* я не нашелъ. Но суф. имен. ед. ч. муж. род. прилагат. членныхъ по своимъ звуковымъ условіямъ не можетъ быть отдѣляемъ отъ такихъ словъ, какъ имен. ед. *стрый* и т. п., формы повелит. *мъги*, *ръги* и др. = *мый*, *рый*. Хотя *ъги* въ старослов. *добръги* должно было развиться уже на словянской почвѣ изъ сочетанія *ъ* + *и*, извѣстнаго діалектически и въ старословянскомъ языкѣ (Зограф. *добрꙑ*, *зълꙑ* и т. п.)[1]) и измѣнявшагося иногда въ *ои*, какъ это видно изъ немногихъ примѣровъ Зограф. Ев. (1 р. стон) и Синайск. Псалт.[2]), но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь для объясненія діалектическихъ формъ необходимо исходить изъ того же сочетанія ирраціон. *ы* (= извѣстнаго рода *ъ*) + *i̯*, безразлично, восходитъ ли это ирраціональное *ы* къ старому этимологич. *ꙑ* (изъ индоевроп. *ū*), или къ старому *ъ* (изъ индоевроп. *ŭ* или *ŏ* въ конечн. закрытомъ слогѣ). Въ написаніи *ъ* нашихъ памятниковъ, какъ и памятниковъ старословянскихъ, я и вижу именно тотъ ирраціональный звукъ, о которомъ говоритъ Шахматовъ («Изслѣд. въ обл. рус. фон.», 34), при чемъ этотъ ирраціон. звукъ, разумѣется, не былъ тожественъ вполнѣ съ тѣми звуками, которые выражались также черезъ *ъ* и восходили къ общесловянскимъ или вновь образовавшимся въ отдѣльныхъ говорахъ ирраціональнымъ звукамъ въ положеніи между согласными, хотя онъ былъ и близокъ къ нимъ настолько, что получалъ при несовершенствѣ графики одинаковое выраженіе[3]). И въ разбираемомъ нами конкретномъ случаѣ появленія *ъ* мы должны разграничить случаи еще болѣе конкретные, а именно: 1) мы должны отдѣлить случаи «слогового» положенія отъ случаевъ «неслогового», какъ это мы сдѣлали въ обзорѣ глу-

---

[1]) V. Jagić, Studien uber das altslovenisch.-glagolitische Zographos-Evang., стр. 121. Срв. также Зографское Евангеліе, издан. В. Ягичемъ, Prolegomena XXIV—XXV. См. также A. Leskien, Handbuch der altbulgar. Sprache, 1886, стр 91.

[2]) V. Jagić, ibid. 120, Prolegom XXV; A. Leskien, ibid. 91.

[3]) Замѣчательно, что въ полабскомъ нѣчто подобное замѣчается передъ *r* и *l*, т е появленіе передъ этими звуками вмѣсто *ai* или *ei* изъ *ꙑ* именно тѣхъ звуковъ (*o*, *a*, *oa*), которые обыкновенно отражаютъ въ немъ старые звуки *ъ* (A. Schleicher, Laut-u. Formenlehre der polab. Spr., §§ 62, 63, 64 и 65). Пестрое обозначеніе этихъ звуковъ Шлейхеръ объединяетъ въ своемъ å. Отчасти напоминаетъ это явленіе полабскаго языка польское *e* вм *y* передъ *r*: *ser* вм. *syr*, szeroki вм. szyroki и т. п. Повидимому, въ языкахъ ляшской вѣтви плавные оказывали на предшеств. *y* (*ы*) дѣйствіе, аналогичное съ тѣмъ, какое оказывало на него ѫ въ старослов. и русскихъ говорахъ.

хихъ въ положеніи между согласными, разумѣя подъ первымъ положеніе передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ также ирраціональный гласный и потому отличавшимся неустойчивостью, подъ вторымъ положеніе передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія[1]), 2) обратить вниманіе на мѣсто ударенія въ словѣ и 3) на качество и количество предшествующихъ глухому звуку согласныхъ. Относительно перваго условія мы должны замѣтить, что отмѣченные въ нашемъ памятникѣ примѣры *стрѣя*, *стрѣмь*, *крѣяше* всѣ представляютъ случаи «неслогового» положенія наравнѣ съ нынѣшними формами наст. врем. *мóю*, *рóю*, *крóю* и т. п. и въ противоположность им. ед. **стрѣи*, **добрѣи*, **худѣи*, **молодѣи* и т. п. (я нарочно отмѣчаю звѣздочками эти примѣры, стараясь придать имъ не реальный, а гипотетическій общерусскій или прарусскій характеръ). Отсюда и понятно, почему въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ извѣстны формы наст. вр. *мью́* и т. п.[2]), напр., въ Заднесельской волости Кадниковск. у. Вологодск. губ.[3]) *мью*, *мьетъ*, въ которыхъ ь, замѣнивъ ѣ подъ вліяніемъ мягкости слѣдующаго слога, правильно утратило слоговой характеръ (вѣроятно, однако, еще раньше, чѣмъ возникло ь изъ ѣ, утратился слоговой характеръ глухого—другими словами, вѣроятно, уже неслоговое ѣ перешло въ неслоговое же ь), не будучи поддерживаемо ни удареніемъ, ни слишкомъ трудной для произношенія безъ его помощи (къ качествѣ слогового звука) группой согласныхъ, хотя до полнаго исчезновенія, кажется, не дошло и теперь, такъ какъ, подобно великорусскому (кажется, почти общему) и частію малорус. (западному) *бью* или малорус *бью́*[4]), о которыхъ придется еще говорить дальше, здѣсь *м*, очевидно, чувствуется раздѣльно отъ слѣдующаго *j*, начинающаго слогъ *ю* (*ju*), т. е. между *м* и *j* слышится довольно явственный «переходный» или «скользящій» звукъ («Uebergangslaut», «Gleitlaut» и т. п.)[5]), который, правда, составляетъ необходимый элементъ вся-

[1]) Срв. у Гебауэра, Histor. mluvn. d. I, § 137, стр. 154—155. Также срв. у В Н. Щепкина, критич. разборъ сочин П. А. Лаврова «Обзоръ звуковыхъ и формальн. особ. болгар. яз », стр. 22 (Спб. 1896).

[2]) Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз [1], 47, 161.

[3]) Сообщеніе А. Е Мерцалова въ «Матер. для изуч. в. р. гов » А. А Шахматова (Извѣстія Отд р. яз и сл. И. А. н., т I, стр. 954, кн. 4). Формы съ ь проявляются уже въ памятникахъ XIV—XVI в (Шахмат., Изслѣд. въ обл. р. Ф. 35).

[4]) *b'ju* или *bju*; см Потебни «О звуков особ. рус. нар.», Фил Зап. 1865, стр. 131, Огоновскаго «Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Sprache», стр. 79, Olaf Broch «Zum Kleinruss in Ungarn» (Archiv f. sl. Phil. XVII, 341, 409)

[5]) E Sievers, Grundzuge der Phonetik [3], 129 (§ 16), срв также 33—35 (§ 5,1), 172—173 (§ 24,2). Срв Olaf Broch «Zum Kleinrussisch. in Ungarn» (Archiv f. sl. Phil. XVII, 341—342, 409).

каго звукосочетанія, но который обыкновенно не слышится, становясь явственнымъ бо́льшею частью тогда, когда первый или второй изъ сочетающихся звуковъ подвергается значительному ослабленію (редукціи), при чемъ въ этомъ случаѣ «Gleitlaut» можетъ быть разсматриваемъ или какъ конецъ (Ausgang) предшествующаго, или какъ начало (Eingang) слѣдующаго звука; такое ослабленіе стараго глухого (ъ, ь) мы именно и находимъ въ разбираемомъ примѣрѣ, и несоставляющій полнаго слога «Gleitlaut» (англ. «glide») напоминаетъ о нѣкогда бывшемъ слоговомъ ъ (→ ь) и можетъ быть названъ его прямымъ наслѣдникомъ, такъ что звуковое сочетаніе въ родѣ *m'ьjú* представляетъ не только одинъ цѣлый нормальный слогъ, но и предшествующій ему маленькій побочный («Nebensilbe»)[1] и въ этомъ отношеніи можетъ быть уподоблено нѣмецкому діалектическому (тюрингенскому) *ksächt* (вм. *gesagt*), которое, по словамъ Сиверса[2], часто произносится двусложно или почти двусложно («zweisilbig, oder doch nahezu zweisilbig»[3]). Степень дли-

---

[1]) Sievers, Grundzuge [3]..... 183 (§ 26).

[2]) Ibid 40 (§ 5,2)

[3]) Этому объясненію ̯ь въ *m'ь̯já* не противорѣчитъ фактъ появленія «Gleitlaut» вторично въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ безъ предшествующей ему редукціи сочетающихся звуковъ, какъ, напр., въ сочетаніяхъ губныхъ съ смягчающимъ предшеств. согласн., но не іотованнымъ *а* (обыкнов. изъ общеслов ѧ) въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ, какъ сохраняющихъ мягкость губныхъ въ этихъ сочетаніяхъ (западныхъ, напр. угорскихъ: Olaf Broch, ibid 341—342), такъ и утратившихъ ее (восточныхъ: Потебня, О звук. особ.... ibid. 131); на этотъ новый «Gleitlaut» нужно смотрѣть такъ-же, какъ вообще на развитіе новыхъ глухихъ, а затѣмъ и ясныхъ въ разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ тамъ, гдѣ этимологически они не даны; разница лишь въ томъ, что «Gleitlaut» въ малорус. *пьятниця* и т. п. по самому положенію своему не могъ усилиться до степени слогового, между тѣмъ какъ напр въ прасербскомъ * *добъръ* (вм. праслов. * *добръ*) онъ получалъ слоговой характеръ и давалъ до̯бар въ противопол. до̯бра и т п. Кстати замѣчу, что мнѣ кажется, что именно неспособность мягкихъ губныхъ сочетаться съ гласн. *а* вызвала указанный «Glide» и іотацію въ малорусскомъ, при чемъ сохраненіе мягкости губныхъ могло зависѣть отъ степени дѣйствія закона ассимиляціи, а также отъ степени позднѣйшей утраты въ данномъ говорѣ небности губныхъ Я впрочемъ еще не считаю рѣшеннымъ вопроса, на сколько близокъ къ слоговому можетъ быть этотъ «Gleitlaut» въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ: Ол. Брохъ говоритъ, что въ говорѣ г. Рѣпаева и другихъ крестьянъ изъ мѣстечка *Ublya* въ Венгріи на границѣ съ словаками (Archiv... XVII, 342, XIX, 7) онъ слышалъ ̯ь въ глаголѣ v'ь̯azáti° почти столь-же долгое, какъ и стоящее рядомъ съ нимъ *а*. Я представляю себѣ развитіе малорусскихъ формъ восточн. vi̯azáti (*вьязáти*) и западн. v'i̯azáti° (*вьязáти*) такимъ образомъ, что сначала въ общемалорус. эпоху, когда еще губные не успѣли утратить въ значит. степени присущую имъ старую небность, обусловленную характеромъ слѣдующаго гласнаго, явилась нелюбовь къ сочетанію мягкихъ губныхъ съ слѣдующимъ *а* (изъ ѧ), тѣмъ самымъ *а*, которое въ болѣе древнюю эпоху вызвало эту самую мягкость, и вотъ между мягкими губными и *а* извѣстнаго происхожденія развивается «Gleitlaut» въ видѣ ̯i (неслогов *i*), а передъ *а*, кромѣ того, послѣ ̯i въ нѣкоторыхъ говорахъ развивается *j*,

тельности «переходнаго» звука, какъ остатка глухого, завпситъ, несомнѣнно, отъ предшествующаго согласнаго, и въ данномъ примѣрѣ послѣдній, какъ звукъ длительный (*т*), долженъ обусловить бо́льшую длительность сравнительно напр. съ переходнымъ звукомъ отъ *б* къ *j* въ *б'jу* (*бью́*) или отъ *п* къ *j* въ *пью́*, въ которыхъ въ большинствѣ говоровъ «переходный» звукъ настолько слабъ, что о двусложности, даже приблизительной, не можетъ быть и рѣчи. Что касается мѣста ударенія въ формахъ *мью́*, какъ и *бью́*, *пью́*, то его съ общесловянской точки зрѣнія нельзя ли считать столь же древнимъ, какъ, напр., въ *беру́* и т. п.?[1]). Правда, что словянолиговское перенесеніе ударенія на суффиксъ со старой длительной долготой происходило лишь въ томъ случаѣ, если коренной гласный былъ кратокъ, въ данномъ же случаѣ онъ съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ соотвѣтствуетъ долгимъ звукамъ; однако нельзя отрицать и того, что часть этихъ звуковъ сократилась еще въ общесловянскую эпоху, а можетъ быть, и раньше, не достигши, впрочемъ, степени ирраціональности, при чемъ это сокращеніе обусловливалось какъ качествомъ дословянской и общесловянской долготы, такъ и положеніемъ въ словѣ; если же примемъ мнѣніе Шахматова («Изслѣд. въ обл. р. Ф.» 33), что «въ общеслав. и общерус. языкахъ звуки *і* и *у* въ положеніи передъ неслоговымъ і̯ отличались отъ звуковъ *і* и *у* своею ирраціональностью», то придется согласиться, что для общесловянской уже эпохи коренной гласный здѣсь долженъ быть разсматриваемъ, какъ краткій. При такомъ взглядѣ ударепіе *мо́ю* придется объяснять вліяніемъ ударепія формъ 2-го и 3-го л., какъ, наоборотъ, ударепіе *мьетъ* и т. п.—вліяніемъ формы 1-го л.; сербскія же мӣјēм, бӣјēм, пӣјēм, какъ и бе̄рēм, тѣмъ легче объясняются вліяніемъ формъ 2-го и 3-го л., что подчинились имъ и въ тематическомъ отношеніи. Такимъ образомъ прарусскимъ я позволю себѣ считать такой видъ спряженія: *мы̆ю́, *мы̆е̯шп, *мы̆е̯ть....., откуда въ однихъ говорахъ *мы̆ю, *мы̆е̯шп...., въ другихъ *мы̆ю́, *мы̆е́шп и т. д.[2]) (черезъ знакъ ˘

затѣмъ въ однихъ говорахъ, какъ передъ этимологич. *і* (а не *і* изъ *ѣ* и *е*), исчезаетъ небность губныхъ, въ другихъ же удерживается. Сказанное о сочетаніяхъ губныхъ съ *я* изъ этимологич. *ѧ* вполнѣ примѣнимо и къ сочет. съ *ю* изъ этимолог *е* въ закрыт. слогахъ въ западныхъ говорахъ. Небность и въ западныхъ говорахъ находится на пути къ исчезновенію· Рѣпаевъ произноситъ v'jazáti, а его односельцы vjazáti (Arch. XIX, 7).

[1]) Срв. выше, стр. 111, сноска 1.

[2]) Мое объясненіе формы *мью*, такимъ образомъ, отличается отъ объясненія Шахматова въ томъ отношеніи, что онъ прибѣгаетъ къ помощи предложныхъ формъ, каковы о҇мью уже въ Служебн. XIV в. Рум. Муз., въ которыхъ дѣйствительно ударепіе приходилось на предлогъ (срв. серб. у҇мијēм се, у҇бијēм, слов. В. С. К.), но я и въ нихъ позволю себѣ

я здѣсь отмѣчаю сильную краткость звука *ы* (лат. *y*), достигающую ирраціональности). Идеально представляя себѣ этотъ звукъ въ гипотетической древности совершенно одинаковымъ независимо отъ ударенія, обратимъ теперь вниманіе на то, какое вліяніе могло имѣть здѣсь удареніе; мнѣ кажется, что оно измѣняло его, если не въ качественномъ, то во всякомъ случаѣ въ количественномъ отношеніи: при отсутствіи ударенія ирац. *y* становилось здѣсь (въ «неслоговомъ» положеніи) неслоговымъ и совпадало съ неслоговымъ *ъ* и далѣе, испытывая дѣйствіе слѣдующаго мягкаго слога, обращалось въ неслоговое *ъ*. Но является вопросъ, не могъ ли и подъ удареніемъ явиться здѣсь звукъ, столь близкій къ древнерусскому *ъ*, что получалъ одинаковое съ нимъ выраженіе на письмѣ, т. е. нельзя ли въ древнерусскихъ написаніяхъ, подобныхъ мѣ Хлудов. Пролога, читать *ъ*, полагая на немъ удареніе. Мнѣ кажется, что, такъ какъ въ памятникахъ того же приблизительно времени знакъ *ъ* нерѣдко выражаетъ еще звукъ, отражающій старый общесловянскій *ъ* въ ударяемомъ или вообще слоговомъ положеніи (сравн. примѣры нашей лѣтописи), то неудивительно, если и *ъ* вмѣсто этимологич. *ъг* изрѣдка можетъ означать и слоговой звукъ. Возможно, конечно, предположить и то, что *ъ* въ ударяемыя формы проникало на письмѣ подъ вліяніемъ неударяемыхъ; но это предположеніе о графическомъ значеніи *ъ* вм. *ъг* въ извѣстныхъ формахъ имѣетъ силу лишь настолько, насколько предположеніе о графическомъ значеніи *ъ* на мѣстѣ этимологич. *ъ* въ слоговомъ положеніи. Я именно думаю, что и *слоговое* ирраціональное *ы* (*y*), прототипъ нынѣшнихъ діалектическихъ варіантовъ, могло выражаться иногда черезъ *ъ*. Разумѣется, то, что̀ мы сказали о значеніи буквы *ъ* въ изображеніи звука, отражавшаго ирраціональное *ы* въ открытомъ слогѣ подъ удареніемъ, вполнѣ относится и къ написанію *ъ* на мѣстѣ ирраціональнаго *ы* въ закрытомъ слогѣ, т. е. въ настоящемъ слоговомъ положеніи, какъ, напр., въ формахъ 2 л. ед. повел. *мѣги* и т. п., въ которыхъ конечное *і*, вѣроятно, довольно рано сокращалось до степени неслогового, но такихъ формъ съ *ъ* мнѣ не встрѣчалось, какъ не встрѣчалъ я нигдѣ отмѣченной и формы им. ед. **стрѣги*, лежащей въ основаніи встрѣчающейся

видѣть вліяніе формъ 2 и 3 л. на ф. 1 л.; я даже сомнѣваюсь, слѣдуетъ ли приведенную Шахматовымъ форму читать вмѣстѣ съ нимъ, какъ ѫmju, а не какъ ѫm'jú (срв. «Изслѣд. въ обл. р. ф.» 35): и въ сложеніи съ предлогами могло быть колебаніе въ удареніи формъ 1 л. ед. съ одной и остальныхъ съ другой стороны, а потому возможно, что ф. 3 л. úm'jet' или úmь̑jet' была при ф. 1 л. umь̑jú, а затѣмъ вслѣдствіе взаимодѣйствія въ однихъ говорахъ одержала побѣду одна форма, въ другихъ другая (срв. серб. ȕбијēм съ великор. *убью*).

въ Прологѣ 1356 г. формы *строи*[1]); что же касается формъ членныхъ прилагательныхъ въ именит. ед. муж. р., то онѣ попадаются съ окончаніемъ *ѥи* въ памятникахъ довольно рано (съ XIII в.), при чемъ и *ои* встрѣчается уже по крайней мѣрѣ съ XIV-го в.[2]) и господствуетъ въ грамотахъ XV—XVI в. (примѣры, какъ **день соудьнои** въ Евген. псалт. или **тѣлообразнои видъ** въ мин. 1096 г., приводимые И. В. Ягичемъ[3]), я нѣсколько опасаюсь отнести на счетъ русскаго писца, такъ какъ, во-первыхъ, въ русскихъ памятникахъ послѣдующихъ вѣковъ до XIV в. мы ихъ не находимъ, а, во-вторыхъ, находимъ подобныя написанія въ памятникахъ старословянскихъ глаголическихъ южно-словянскаго письма, напр., особенно въ Синайск. псалт., срв. сказанное мною выше). Здѣсь по поводу окончанія имен. единств. муж. р. членныхъ прилагательныхъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нашемъ памятникѣ послѣдовательно[4]) употребляется окончаніе *-ѥи* во всѣхъ трехъ и остальныхъ почеркахъ, при чемъ нигдѣ мы не встрѣчаемъ окончанія *-ѥи*, которое могло бы быть признано прототипомъ *-ой*, а напротивъ, даже въ мѣстоименіи указательномъ встрѣчаемъ *-ѥи*: **чѣ̂ тъıи** 7 (въ 1-омъ поч.). Однако изъ этого господствующаго правила встрѣчаются и любопытныя исключенія. Нельзя придавать значеніе встрѣчающемуся одинъ разъ *-и* вм. *-ѥи*, такъ какъ это, весьма вѣроятно, описка, обусловленная, м. б., тѣмъ, что далѣе, правда, послѣ точки (означающей бо́льшею частію запятую или точку съ запятою современнаго правописанія), слѣдуетъ союзъ **и**: **и прї|доша близъ роуси идеже ѕоветь· |сѧ· балъ половьчьскъı· и прибего|ша оканьнии**..... 192. 11—14. Для опредѣленія произношенія гортанныхъ важно встрѣчающееся на одной изъ послѣднихъ страницъ **архиепп̃ъ новъгородь|скии** 337. 15—16. Но оно важно не только въ этомъ смыслѣ, а можетъ отражать и другое любопытное явленіе, такъ какъ во многихъ великорусскихъ говорахъ, измѣнившихъ старое *-къı* на

---

[1]) А. И. Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз.[1], стр. 161.

[2]) Ibid. 159—160.

[3]) Критич. замѣтки по исторіи русскаго яз., 29. Срв. у Будде, Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 217—218, сноска.

[4]) Я приведу нѣсколько примѣровъ: полочьскъıи 12, соурьскъıи 13, нов(ъ)городьскъıи 13, 18, 24, 63, 85, 93, 97, 103, 109, 121, 170, 205, 263, 295 и др, новъıи търгъ 40, 83, ст̃ъıи 46, (-і) 249, в николоу|ст̃ъıи 295, грьцьскъıи 92, (-ч-) 139, римьскъıи 136, драгъıи 139, поганъıи злъıи дедрикъ 141, чьрмьнъıи 156, великъıи 182, 215, 216, 239, 263, 301, 305, 321, 323, 330, 333, оканьнъıи 177, 178, 213, 237, 273, 274, вѣчнъıи 325, проньскъıи 242, ростовьскъıи 263, 303, пребл̃гъıи 252, злъıи 271 и др.

-ки, именно въ суффиксѣ имен. ед. прилагательныхъ въ противоположность нашему примѣру вмѣсто *-кий* или *-кій* (при передачѣ литературнымъ правописаніемъ) является безъ ударенія приблизительно *-кы̆й* или *-къ̆й*, подъ удареніемъ — *ко́й*, и это, какъ мнѣ кажется, лежитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что только *неиррацiональное г* въ этихъ говорахъ первоначально измѣнялось послѣ *к* (или *г*) въ *и*, иррацiональное же, въ извѣстныхъ условiяхъ приближаясь къ *ъ*, сохраняло твердый характеръ; срв. безпогы̆м, безрукы̆м Красн. Смол. губ.[1]) и во многихъ другихъ говорахъ, при чемъ *гы*, *кы* здѣсь безъ ударенія и слѣдовательно едва ли сохраняютъ полный звукъ, слы̆хы̆вал Ниж.[1]), отыскы̆вать, растягы̆вать и т. п.[2]), хотя въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ напр. въ Иркутск. кы̆кать[1]), твердое произношенiе является, можетъ быть, и подъ ударенiемъ, которое, къ сожалѣнiю, въ записи не отмѣчено. Этимъ же объясняется, вѣроятно, и твердое *к* въ собствен. имени Лукоя́н (сравн. и названiе города Лукоя́нов), гдѣ *ко* изъ греч. κι черезъ посредство *кы* и т. д. (другая форма того-же имени Лукъя́н могла развиться не только прямо изъ Лукiя́н, но и изъ *Лукъя́н, сравн. *мью* изъ **мъю*). Непонятно, однако, почему во всѣхъ великорусскихъ говорахъ произносится ки́е(в) или ке́е(в), ке́и(в), а не *ко́ев (коив), какъ мы ожидали бы въ говорахъ, имѣющихъ Лукоя́н (или Лукая́н), частiю южныхъ и среднихъ, частiю, можетъ быть, и сѣверныхъ; Шахматовъ[3]) сдѣлалъ вѣроятное предположенiе, что форма *кеив* въ южно-великорусскiе проникла изъ сѣверныхъ говоровъ или представляетъ видоизмѣненiе произношенiя *Кiев*, прибавлю, пришедшаго книжнымъ или пѣсеннымъ путемъ изъ южной, точнѣе, югозападной Руси, т. е. изъ области какихъ либо говоровъ югозападныхъ, предковъ нынѣшнихъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ[4]); возможно еще предположить, что ударяемость содѣйствовала здѣсь сохраненiю полнаго слога *къ̆-* передъ слѣдующимъ і̯, измѣнившагося затѣмъ, какъ и всякiй рацiональный слогъ *кы̆-*, въ *ки-*(*кi*), въ тѣхъ-же говорахъ, которые въ то-же время уже измѣняли неударяемое *къ̆-* передъ і̯ и даже неудар. *кi* (въ греч. слов.) передъ і̯ въ иррацiон. звукъ близ-

---

[1]) Колосовъ, Обзор зв. и форм. особ., 142.

[2]) А. И. Соболевскiй, Лекцiи по ист. рус. яз.[1], стр. 91 (примѣры изъ Лавр. сп. лѣт.: выискы̆вати 245).

[3]) Изслѣдованiя въ обл. рус. фонетики, 41.

[4]) Мягкое *кi* могло или замѣнить на сѣверовостокѣ югозападное среднее, или въ такомъ уже видѣ перейти съ югозапада (изъ какого либо говора съ мягкимъ произношенiемъ *к*); впрочемъ первое предположенiе представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

кій къ *о* или *ъ*. Что̀ касается *безногым* и т. под., то замѣчу, что эти формы являются не во всѣхъ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ въ имен. ед. муж. р. безно́гъй или безно́гый и т. п., и слѣдовательно не могутъ быть поставлены рядомъ съ ними, какъ обязанныя одинаковымъ причинамъ своимъ существованіемъ; если неударяемость и поддерживала ихъ существованіе, то во всякомъ случаѣ къ этой причинѣ не присоединялась другая — положеніе передъ неслоговымъ *і*, а кромѣ того необходимо было бы знать для рѣшенія вопроса, нѣтъ ли въ тѣхъ же говорахъ примѣровъ ударяемыхъ *гы*, *кы* передъ согласнымъ, или не встрѣчаются ли эти твердыя сочетанія въ коренныхъ слогахъ подобно иркутскому *кы*кать; если бы изслѣдованіе данныхъ говоровъ и привело къ отрицательному отвѣту на два послѣднихъ вопроса, все-таки оставалась бы возможность объяснять формы безно*гым*, безру*кым* вліяніемъ формы имен. ед. муж. р., гдѣ *-кый*, *-кой* и т. п. столь распространѐнны въ говорахъ; но что неударяемость одна можетъ быть причиной твердаго произношенія гортанныхъ, на это можетъ указывать произношеніе Ло́гын, Ло́гынъф въ говорахъ Курмышск. у. Симб. г. (собств. имя *Логин* = греч. Λογγινος, лат. Longinus). Возвращаясь къ упомянутой формѣ им. един. муж. р. новъгородь*скии* (замѣчу, что послѣднее *и* написано, вѣроятно, по опискѣ очень похоже на *н*), можемъ предположить, что она отражаетъ произношеніе тѣхъ-же говоровъ (только въ болѣе позднюю эпоху), которые проявляются и въ формахъ 1-го почерка свьпс*кеи* кнѣь 44. 17, неревьс*кеи* коньць 107. 11—12, т. е. *и* здѣсь выражаетъ происшедшій изъ ӧ звукъ *е*^{i} или *і*, который могъ быть не вполнѣ раціональнымъ, если не имѣлъ на себѣ ударенія. На формы *-кеи* и т. п. уже давно указалъ А. А. Шахматовъ въ «Изслѣдованіяхъ въ обл. р. Ф.» 42 — 43, выбравъ ихъ изъ нашего и многихъ другихъ памятниковъ, при чемъ имъ же прекрасно, повидимому, выяснена и причина появленія этихъ ке^{i}і̯ или въ другихъ сѣверныхъ говорахъ к^{i}оі̯ изъ к^{i}оі̯: причина была въ томъ, что въ этихъ говорахъ ky (*кы*), gy (*гы*) измѣнялись въ ki, gi ранѣе перехода ӧ склоннаго къ и въ *о* (ibid. 42), а подъ ӧ склон. къ и Ш. разумѣетъ звукъ переходный отъ иррацiон. слогового *у* (*ы*) къ *о* (стр. 38). Однако, какъ бы ни казалось заманчивымъ это объясненіе, придется усомниться въ его вѣрности въ виду фактовъ такихъ памятниковъ, какъ 1-й почеркъ синодальнаго списка Новгород. лѣт.: мы не находимъ здѣсь ни одного примѣра *и* вм. *гі* послѣ *к*, *г*, *х* (разумѣется, я не считаю греческихъ словъ) въ коренныхъ слогахъ или вообще не передъ гласнымъ даже и въ суффиксальныхъ слогахъ; случай въ коренномъ слогѣ передъ і̯ + *е* встрѣ-

чается въ 3-мъ поч.: кіевъ 241. 3; что же касается *ки* не передъ гласнымъ, то оно извѣстно лишь 2 раза на послѣднихъ страницахъ синодальной рукописи: цркы 335. 3 (запись о поновленіи церкви св. Георгія 1345 г.), оусть | оузы рѣки 337. 8—9[1]); такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ 1-му поч., придется искать иного объясненія. Это объясненіе, можетъ быть, удастся извлечь изъ слѣдующихъ фактовъ: въ имен. и частію винит. ед. ч. словъ муж. р. нерѣдко является у насъ *е* (или *ѣ*) въ окончаніи, а именно мы находимъ: въ 1-омъ поч. сьмь | юне 96. 1—2, къснатине 99. 17, вънездѣ 99 (сравн. *вънездъ* посадни новгородьскыи 229); во 2-омъ поч. борисе 145. 11, петре 229. 19, останъке 162. 14, —ъ | ке 17—18, мѣстоим. вхе (полъ) 175. 1, причаст. прош. осѣле (сто̄сла....) 166. 17; нѣкоторые изъ этихъ и много примѣровъ изъ другихъ памятниковъ можно найти у Соболевскаго въ «Изслѣдованіяхъ въ области рус. грам.» 40—41 и въ «Лекціяхъ по ист. р. яз.» [1] 137—138 и у Шахматова въ «Beiträge zur russischen Grammatik» (Archiv f. slav. Philologie VII, 57—61) и въ «Изслѣдованіяхъ въ обл. рус. фонет.» 47—48. При объясненіи этихъ формъ я примыкаю къ тѣмъ, которые (Потебня, Къ исторіи звуковъ... 42—43 и др., Шахматовъ, Изслѣд. въ обл. рус. фонет.... 46—49) видѣли здѣсь явленіе фонетическое въ противоположность тѣмъ, которые вполнѣ (Соболевскій, Изслѣдованія въ обл. русск. грам. 47—49, Лекціи по истор. русск. яз.[1] 137—138) или отчасти (Шахматовъ въ «Beiträge zur russisch. Gr.»....) искали здѣсь причины морфологической. Не входя въ подробный разборъ всѣхъ этихъ мнѣній, замѣчу, что, какъ объяснявшіе эти формы морфологически, такъ и видѣвшіе здѣсь фонетическое явленіе, довольно значительно расходились между собою: А. А. Потебня видѣлъ здѣсь неточное изображеніе глухого *ъ*, не разсматривая ближе причины появленія его вм. *ъ*, А. А. Шахматовъ же въ главномъ своемъ трудѣ видѣлъ въ этомъ *е* (или *ѣ*) дѣйствительно звукъ близкій къ *е* (*ӧ* склон. къ *е* и далѣе, вѣроятно, *ę*[1]) подобно тому, какъ и въ *о* нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ памятниковъ (плуго Двин. XVI в., у насъ выше упомянутое на стр. 40 Волхово и др., см. Изслѣд. въ о. р. Ф. 46) онъ, повидимому, признаетъ настоящее слоговое *о* изъ *ӧ* склон. къ *u*, которое въ свою очередь явилось, по его мнѣнію, изъ ирраціональнаго *ы* (ibid. 45—46), при чемъ

[1]) Что касается приводимаго проф. Соболевскимъ гжькинъ днь 211 1, то это сюда не относится, ибо здѣсь *ки* замѣняетъ не старое *кѣ*, а старое *чи*

причиной удержанія и дальнѣйшаго фонетическаго развитія здѣсь стараго глухого онъ считаетъ факторъ психическій — стремленіе къ равносложности. Появленіе въ Ф. именит. ед. звука *е* изъ *ъ* или «ирраціональнаго *ы*» дозволяетъ объяснять такимъ-же образомъ *е* въ окончаніи *еи* приведенныхъ прилагательныхъ, т. е. изъ того-же «ирраціональнаго *ы*» черезъ посредство *о* склоннаго къ *и*, только безъ предположенія измѣненія гортаннаго сочетанія *ку* въ *кі* въ данномъ говорѣ, т. е. независимо отъ того, что передъ окончаніемъ *ей* (еі) здѣсь приходился именно звукъ *к*; такимъ образомъ на *е* въ свьискеи я смотрю совершенно такъ-же, какъ и на *е* въ останъже, вже, борисе, къснатине и др., съ тою лишь разницею, что въ Ф. им. вин. ед. прилагательныхъ членныхъ глухой *ъ* (или «ирраціон. *ы*») чисто фонетически удерживалъ слоговой характеръ, находясь въ «слоговомъ» положеніи передъ слѣд. неслоговымъ *і* (при другихъ условіяхъ это *і* само могло бы стать слоговымъ)[1]), въ формѣ же имен. вин. ед. существит., мѣстоимен. или прилагат. нечленныхъ слоговой характеръ и затѣмъ проясненіе глухого могли обусловливаться и нефонетическими причинами (срв. у Шахматова, ibid, 45)[2]).

Говоря о формѣ им. вин. ед. ч. муж. р. членныхъ прилагательныхъ. мы должны обратить вниманіе еще на любопытное отступленіе, а именно форму вин. един. ч. дѣцкои 237. 6, встрѣчающуюся на первой страницѣ 3-го поч. Было бы неудивительно встрѣтить эту форму, если бы мы имѣли вообще и другіе примѣры окончанія *-ой* въ им. вин. ед. ч., но, какъ сказано, мы во всемъ памятникѣ не находимъ даже ни одного примѣра *-ои*, какъ прототипа *ои*, и указанная форма является единственной не только въ 3-емъ поч., но и вообще во всемъ синодальномъ спискѣ. Для толкованія этой «восточнорусской» формы слѣдуетъ обратить вниманіе во первыхъ на то, что это было названіе служилаго человѣка (это мѣсто читается такъ: а новгородьць тоу оубі[3]). т. моужь феда шкоуновича. тъı | смчьско. гаврила цитника. нѣ | гоутина на лоубяницн. нѣжі | лоу серебреника. гостилца на | коуз-

---

[1]) Здѣсь имѣетъ силу тотъ законъ, по которому изъ двухъ заканчивающихъ слово глухихъ слоговымъ становится второй отъ конца, слѣдов *ъ* (*ы*), а не *й*.

[2]) Я позволю себѣ сдѣлать и другое предположеніе: не слѣдуетъ ли формы *свьискеи* и *неревьскеи* нашего памятника объяснять такъ же, какъ бѣлорус. и великолуцк. *дагей, другей, талстэй* (Шахмат. ib. 40), хотя такое толкованіе допустимо лишь при условіи ударяемости этого окончанія?

[3]) Здѣсь кончается 236-я страница и вмѣстѣ 2-ой почеркъ.

мадемьскии оуличи. фе | дора оума. кнѧжь дѣцкои.....)[1]), слѣдовательно, слово, хотя въ данномъ случаѣ примѣнявшееся къ новгородцу, однако могшее быть происхожденія и не новгородскаго вслѣдствіе бродячаго характера князей и ихъ дружины, во вторыхъ, что, будучи названіемъ должностного лица, оно, не смотря на то, что этимологически представляло собою форму членнаго прилагательнаго, синтактически вслѣдствіе утраты опредѣляемаго, вѣроятно, уже чувствовалось въ языкѣ какъ имя существительное подобно тому, какъ въ современныхъ великорусскихъ говорахъ какъ существительныя употребляются «становóй» (подразумѣвается «приставъ»), «мировой» (т. е. «судья») и т. п. (объ этомъ явленіи языка, какъ и вообще о развитіи категорій существительныхъ и прилагательныхъ, подробно говорится въ неизданномъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ трудѣ покойнаго А. А. Потебни—3-ей части «Изъ записокъ по русской грамматикѣ»); послѣднее становится особенно вѣроятнымъ, если допустить первое, т. е. что слово это для писца или автора даннаго мѣста лѣтописи было до нѣкоторой степени чужимъ и усвоено имъ какъ иностранное, при чемъ самое слово могло усвоиться языкомъ довольно крѣпко и вмѣстѣ съ тѣмъ не чувствоваться его этимологическое происхожденіе. Въ третьихъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что и въ другихъ спискахъ мы находимъ въ этомъ словѣ въ данномъ мѣстѣ окончаніе *-ой*: К. (т. е. въ спискѣ Археогр. коммиссіи XV-го в.) *дѣчкой*, А. Т. (въ спискахъ Академіи Наукъ—XV-го и Толстовскомъ — XVIII) *дѣтьской*[2]); это еще болѣе говоритъ въ пользу отсутствія естественной связи этого *-ой* съ языкомъ автора или писца даннаго мѣста; кромѣ того, сохраненіе группы *тьс* въ спискахъ А. и Т. могло бы служить доказательствомъ очень древняго написанія разбираемаго слова въ такой формѣ, если бы только можно было быть увѣреннымъ, что *-тьс-* написано здѣсь первоначальнымъ составителемъ, а не представляетъ, какъ иногда бываетъ, позднѣйшаго возстановленія этимологическаго правописанія (подъ вліяніемъ слова *дѣти*); предположеніе первоначальности написанія *тьс*, сохранившагося случайно въ спискахъ болѣе позднихъ, въ противо-

[1]) См. Матеріалы для словаря древнерусскаго яз. по письм. памятн. И. И. Срезневскаго, вып. II, s. v., гдѣ толкуется это слово какъ «отрокъ княжескій», а также «Изслѣдованія о русской правдѣ» П. Мрочекъ—Дроздовскаго, вып. II, стр. 159—161, гдѣ рядомъ примѣровъ изъ памятниковъ доказывается, что это былъ «служитель, употребляемый также въ посылки и для приставства».

[2]) См. «Новгородск. лѣтопись по синод. харат. списку, издан. археограф. ком. СПб. 1888», стр. 244, а также въ предисловіи стран. VII—IX.

положность *ц* древнѣйшаго Синодальнаго списка, могло бы служить лишнимъ доводомъ въ пользу высказаннаго мною раньше мнѣнія [1]), что Синодальный списокъ не представляетъ подлинника, а есть дѣйствительно только списокъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своихъ мѣстъ: *тьс* подлинника въ данномъ случаѣ могло бы быть замѣнено въ Синодальной рукописи болѣе согласнымъ съ произношеніемъ *ц*. Но возможно ли подобное предположеніе? Вѣдь это, какъ уже указано мною на стр. 104-ой, противорѣчило бы духу правописанія 3-го поч., въ которомъ правильно пишется *ь* въ суффиксѣ *-ьск-* и между прочимъ и послѣ *т*, которое не замѣняется черезъ *ц*. Это обстоятельство заставляетъ думать, что скорѣе въ позднѣйшихъ спискахъ *тьс* возстановлено искусственно [2]), чѣмъ въ Синодальномъ *ц*, которое замѣнено черезъ *ч* въ Коммиссіонномъ, несогласно съ первоначальнымъ написаніемъ [3]). Съ другой стороны и написаніе *ц* въ противоположность всѣмъ другимъ примѣрамъ 3-го поч., какъ я уже на это указывалъ (стр. 104), позволяетъ сдѣлать тотъ-же выводъ, что̀ и написаніе *-ои*, т. е. что данное слово взято изъ другого говора, или что по крайней мѣрѣ прилагательное и производное значеніе его не сознавалось. Изъ всего, что̀ возможно гадать объ этомъ словѣ, ясно одно то, что оно было записано первоначально по слуху, а не взято изъ книжнаго языка; очевидно, ни авторъ ни переписчикъ не знали, какъ бы оно должно было быть написано на церковно-словянскомъ языкѣ, не сознавали его связи съ той-же категоріей прилагательныхъ, къ которой принадлежатъ всѣ остальные записанные ими примѣры на *-ѣи*. Возможно также и то, что вслѣдствіе особенности употребленія этого слова самое измѣненіе группы *тьс* въ *ц* въ немъ про-

---

[1]) См. стр. 26 и слѣд. настоящаго сочиненія.

[2]) Если бы писецъ Синодальн. рукописи нашелъ въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ, *тьск*, то такъ бы оставилъ, не замѣняя его черезъ *цк*.

[3]) Замѣчательно, что уже въ Русской Правдѣ по Син. сп. к. XIII в читаемъ *дьчькъіи* (Мрочекъ-Дроздовскій, Изсл. о Р. Пр., вып. II, стр. 61; Срезневскій, Матеріалы для слов. др. рус. яз., s. v.), но *дьтьскъіи* не только въ грамотахъ Смол. п 1230 г., Риж. ок. 1300 г., но и въ Лаврент. л. подъ 6605 г. (л. 174а, строк. 11) и даже въ Ипатск. л подъ 6657 г. (л. 281, изд. стр. 272) *дьтьскыхъ, отъ дьтьскою тою*; сохраненіе *тьс* въ Лавр. и тѣмъ болѣе въ Ипатск. должно быть объяснено точнымъ списываніемъ съ ихъ оригиналовъ, которые могли быть написаны, судя по времени описываемыхъ событій (на 137 и 85 лѣтъ раньше описываемаго событія въ Новгор. лѣт на стр 237), гораздо раньше не только Синод. сп. Русской Правды, но и грамотъ 1229 и 1230 г., при чемъ особенную древность необходимо приписать примѣру изъ Сильвестровой «повѣсти временныхъ лѣтъ». Срв. старочешск. dyetſky въ Святовит. сп. Александр., по Гебауэру нач. XV в. (Hist. ml. I, 667), см. издан. Гатталы и Патеры, стр. 19, ст. польск. dzeczskich (пс. Флор. 8, з, изд. Неринга 1883, стр. 6).

изошло быстрѣе, чѣмъ въ другихъ словахъ, въ которыхъ встрѣчалась таже группа. Но вмѣсто того, чтобы дѣлать такія рискованныя предположенія о крайне неопредѣленномъ и малоизвѣстномъ вліяніи психическихъ факторовъ на дѣйствія звуковыхъ законовъ, попытаемся обратить вниманіе еще на одинъ объективный факторъ чисто фонетическій и посмотримъ, нельзя ли ему приписать здѣсь какое либо дѣйствіе какъ въ появленіи *ц*, такъ и особенно въ появленіи *-ой* (я позволю себѣ здѣсь *-ои* читать какъ *-ой*, т. е. *-оі*); я разумѣю удареніе: не являлось ли *-ой* первоначально лишь подъ удареніемъ [1]), какъ и теперь въ большинствѣ южновеликорусскихъ и частію сѣверновеликорусскихъ [2]) говоровъ? Если мы возьмемъ остальные встрѣчающіеся у насъ примѣры Ф. им. вин. ед. прилагат. муж. р., то очень немного найдемъ такихъ, въ которыхъ можемъ на основаніи современныхъ говоровъ предположить удареніе на суффиксѣ, но и тѣ могутъ быть навѣрно или со значительной степенью вѣроятности отнесены на счетъ церковнославянскаго (частію на основаніи своихъ неполногласныхъ формъ, частію по другимъ соображеніямъ) или по крайней мѣрѣ южнорусскаго языка; таковы напр. сѣ҃ги, драгѣ҃ги, преблг҃ги, злѣ҃ги, тѳ҃рьскъі|н єп҃ъ 303—304 и т. п. [3]); напротивъ полочьскѣ҃ги, соурьскѣ҃ги, нов(ъ)городьскѣ҃ги, грьцьскѣ҃ги, великѣ҃ги и т. п., въ которыхъ отражается народный языкъ, случайно принадлежатъ къ неимѣющимъ ударенія на суффиксѣ. Имѣя это въ виду, т. е. что мы не находимъ ни одного народнаго сѣвернаго примѣра на *ѣ҃ги* съ удареніемъ, осмѣливаюсь предположить, что **дѣцкои** читалось какъ *дѣцкóй*, а не какъ *дѣцкой*. Хотя вполнѣ объективныхъ и прямыхъ данныхъ для этого предположенія я не имѣю, такъ какъ въ современныхъ говорахъ мнѣ неизвѣстно этого слова въ существительномъ употребленіи и вообще съ удареніемъ на суффиксѣ (Даль приводитъ слово

---

[1]) Срв. у Шахматова, Изслѣд. въ обл. рус. фон., 41—42.

[2]) См. у Шахматова, Изслѣд. въ обл. р. Ф. 42.

[3]) Можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести *чьрмьѣ҃ги* 156; хотя нѣтъ основанія считать его церковнославянскимъ **чрѣмьѣ҃ги* или **чрѣмьѣ҃ги*, заимствованнымъ и передѣланнымъ на русскій ладъ, тѣмъ болѣе, что оно относится къ названію русскаго князя (всеволодъ.... сн҃ъ стосла|вль. правнукъ олгокъ.), но такъ какъ оно относится къ князю *южно*русскому, а въ южнорусской группѣ говоровъ и ударяемое *-ый* было возможно, какъ и теперь въ малорус. *-ий* ударяем. и неудар., то это еще болѣе говоритъ въ пользу отсутствія у насъ народныхъ сѣверно-или восточно-русскихъ формъ на-*ій* съ удареніемъ. Впрочемъ и тѳ҃рьскъіи встрѣчается не только примѣнительно къ епископу, но и примѣнительно къ князю, какъ напр. на стр. 308-ой михаило ярославѣ҃...., такъ что можно думать, что писецъ былъ предшественникомъ Ломоносова въ дѣленіи слога на «высокій», примѣнявшійся не только

дѣтскій какъ «старинное» слово и безъ ударенія), но ударѐніе нашего им. вин. ед. *дитя́* изъ болѣе древняго **дѣтя́* (= ст. слов. **дѣтѧ*) и сербск. *дијѐте —дјѐтета*, собират. *дјѐца* (= **дѣтьцá*), ударѐніе формы род. множ. в. рус. *дѣтéй*, малор. *дíтéй*, наконецъ случаи первоначально ударяемаго окончанія прилагательныхъ на *-скїй* въ сербскомъ преимущественно именно тогда, когда соотвѣтствующее существительное также предполагаетъ въ единств. или множеств. числѣ ударѐніе на окончаніи, каковы гòрскӣ при гòра (рус. *горá*), двòрскӣ при двòр—двóра (рус. *двор—дворá*), грàдскӣ (в. рус. *городскóй*) при *грàд* (рус. *гóрод*, мн. ч. *городá*, болгар. *град*, но съ членомъ *градàт*, *градòтъ*, срв. у Фортунатова, «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen» въ «Archiv f. sl. Philol.» IV, 575, а также у Ворачка и Стойнова въ статьѣ «Ударението въ новобългарский языкъ»... въ журналѣ «Наука» 1884, XI и XII), лàньскӣ (в. рус. *лонскóй*) при нарѣч. лáни и лáни (срв. въ архангельск. нарѣч. *лóнской*, хотя *лонú*, *лончáкъ*, Подвысоцкій), мòрскӣ, пòльскӣ, свѝньскӣ, свјѐтскӣ, скòтскӣ при мо̀ре (хотя въ серб. и во множ. ч. мо̀ра[1]), но въ русск. *моря́*), по̀ле—мн. ч. пòля (рус. *пóле—поля́*), свúња, свúјет — мѣстн. п. свијѐту В. С. К. (рус. *свѣтъ*, *на свѣту́*), ско̀т (хотя въ серб. род. ед. ско̀та[1]), но въ русск. *скотá*)[2]),—все это косвенно указываетъ на возможность и вѣроятность ударенія на *-ой* въ разбираемомъ нами словѣ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ діалектическія колебанія и въ другихъ прилагательныхъ членныхъ: рус. лит. *тóлстый*, но во многихъ великорус. говорахъ *толстóй* и въ малорус. *товстúй*, во многихъ чакавскихъ говорахъ tostî[3]), въ Устюженск. у. Новгородск. губ. *прѣснóй* и *прѣ́сный*, *мелкóй* и *мéлкій*[4]) (вѣроятно, мѣлкы́й?!), въ Кадников.[5]) у. Вологодск. г. *прѣснóй*, *грязнóй*, *мелкóй*, *ловкóй*, *толстóй* и т. п., срв. также при литературн. *нóвый* (= серб. шток. нòвӣ В. С. К.) въ нѣкот.

къ предметамъ религіознымъ, но и къ высшимъ сановникамъ духовнымъ и свѣтскимъ, и «низкій» для людей и предметовъ менѣе внушающаго съ точки зрѣнія писца уваженіе свойства; для первыхъ онъ старался употреблять ц. словянскія, хотя бы и отъ чисто русскихъ словъ, формы, для вторыхъ допускалъ съ бóльшей смѣлостью формы народныя.

[1]) A. Pavić, Studije o hrvatskom akcentu, 8, 7.

[2]) A. Leskien, Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slav. Sprachen. I (X B. der Abhandlungen der philologisch-histor. Classe der Konigl. Sachs. Gesellschaft der Wissenschaft., 168).

[3]) Črnčić, Assemanovo izborno evangjelje .... V Rimu 1878, стр. XVII—XVIII

[4]) Матеріалы для изученія великор. говоровъ. III (сообщеніе Ив. Петровы́хъ) въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н. 1896, т. I, кн. 4, стр 994.

[5]) Ibid. 956 (Сообщеніе А. Е. Мерцалова).

великор. говорахъ *новóй* (напр. въ извѣстной пѣснѣ «выходи́ла молода́ за *новы́и* воротá», при чемъ въ щигровск. говорахъ «*нова́и*»[1]), а въ нижегородскихъ и нѣкот. другихъ.... «*нова́и*»....), въ чакавск. novî[2]); такимъ образомъ и наше литературное *дѣтскій* (*дѣцкый*) можетъ относиться къ **дѣтскóй* (**дѣцкóй*), какъ *мѣлкій* (*мѣлкый*) къ *мѣлкóй*, и примыкать по ударенію къ имен. множ. ч. *дѣти*. Принимая предположеніе о наконечномъ ударенiи слова *дѣцкои* и объясняя остальные примѣры 3-го поч. (а также и 1-го и 2-го) на *-ги* частію неударяемостью этого *-ги*, частію принадлежностью ихъ ц. словянскому или южнорусскому языку, мы избавляемъ себя отъ необходимости относить *-ои* въ единственномъ примѣрѣ непремѣнно на счетъ говора, отличнаго отъ говоровъ остального текста; я привелъ, однако, предшествующія этому послѣднему моему предположенію иныя соображенія потому, что во всякомъ случаѣ вопросъ представляется мнѣ не вполнѣ яснымъ, и необходимо исчерпать всѣ возможные способы объясненія; но можетъ быть, кому либо удастся объяснить разбираемую форму лучше. Замѣчу еще, что, если относить *-ой* на счетъ заимствованія, то, кромѣ сѣверовосточныхъ, должны быть приняты во вниманіе, можетъ быть, и нѣкоторые югозападные говоры, напр. пинскій[3]), гдѣ *цёмной лысъ*, *мой миленькой*, слѣдов. *-ой* и безъ ударенія, или дорогичинскій Кобринск. у. Гродн. губ., гдѣ со знакомъ вопроса и какъ рѣдкость отмѣчаетъ Соболевскій формы *молодóй*, *полковóй* (Жив. Стар. 1892 г., вып. IV, стр. 28) (срв. Будде, Къ исторіи великор. гов., 219); однако, если бы спорадически *-ой* и встрѣтилось гдѣ либо на югозападѣ, странно было бы въ сѣверномъ памятникѣ относить на счетъ южнаго вліянія то, что на югѣ встрѣчается теперь небольшими остров-

[1]) «Русскія народныя пѣсни, запис. въ Щигров. у. Курской губ. М. Халанскимъ», Рус. Фил. Вѣстн. 1883, X, стр. 122.

[2]) Črnčić, ibid.

[3]) А. И. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз. 1888 г., стр. 160, со ссылкою на Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, гдѣ дѣйствительно на стр. 214 находимъ: ciomnoj les, mój mileńkoj. Однако Е. Ѳ. Карскій рѣшительно говоритъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ *ой* (изъ основного ъи — ын) никогда не встрѣчается (Къ истор. звуковъ и формъ бѣлорус. рѣчи, Варшава 1893, стр. 217, 290 — 291). Вслѣдствіе единичности примѣровъ (во всѣхъ остальныхъ примѣрахъ у Зенькевича i, y, ij, yj) и крайней неточности правописанія въ сборникѣ Зенькевича (Kowno 1851) едва ли можно на нихъ ссылаться и легко счесть ихъ за описки, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго нѣтъ ни у Булгаковскаго («Пинчуки», Спб. 1890), ни у Довнаръ-Запольскаго («Бѣлорусское полѣсье», Кіевъ 1895). Формы на *—ой* извѣстны лишь въ мѣстностяхъ переходныхъ и скорѣе великорусскихъ, чѣмъ бѣлорусскихъ, напр. въ Бѣльск. и Порѣчск. у. Смол. г.: лѣсно́й хозяинъ, царь цесно́й и т. п. (Шейнъ, Бѣлор. сборн., стр. 522, Сборн. Отд. рус. яз. т. LVII) (срв также у Соболевскаго въ Жив. Стар. 1892, вып III, стр. 8, 10, 11 и у Будде, Къ исторіи великорус говоровъ, 219).

ками, на сѣверѣ же является господствующимъ; спорадическое *-ой* на югозападѣ можетъ объясняться частію древнимъ вліяніемъ предковъ великор. говоровъ на другіе (Будде ibid.), частію новымъ вліяніемъ (особенно благодаря солдатчинѣ).

Нельзя, говоря о формахъ именъ прилагательныхъ членныхъ, обойти вопроса, почему мы не находимъ въ случаяхъ и «неслогового» положенія такихъ-же фактовъ измѣненія *ъг*, какіе имѣются въ формахъ извѣстныхъ глаголовъ, почему при *ударяемости* этого *ъг* передъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ, когда вообще всякій ирраціональный звукъ становится изъ неслогового слоговымъ, несмотря на свое положеніе, т. е. несмотря на качество и количество слѣдующаго слога, если только послѣдній не перетянетъ на себя удареніе, не являлось въ извѣстныхъ говорахъ то самое *о*, которое является въ нихъ въ имен. един. ч. передъ *й*, если только это *о* объясняется не изъ *ъ*, а изъ «ирраціональнаго» *ъг*, становившагося такимъ передъ всякимъ слогомъ, начинавшимся съ і. Почему въ извѣстныхъ говорахъ не только въ Ф. повелит. *мой*, гдѣ вслѣдствіе сокращенія конечнаго *і* группа і + і обратилась въ і, примкнувъ къ предшествующему ррац. *ъг*, измѣнившемуся затѣмъ въ качествѣ слогового звука въ *о* (положимъ, черезъ посредство ӧ), но и въ формахъ настоящаго времени *мо́ю мо́ешь* и т. п., и въ то же время при *худо́й*, *сыро́й* и т. п. говорится только, *худы́и*, *сыры́и* или діалектически и *худэ́и*, *сырэ́и* и т. п.? Почему неизвѣстно формъ имен. множ. **худо́и*, **сыро́и* (3 слога) и т. п.? Это какъ будто говоритъ въ пользу тѣхъ, которые объясняютъ *о* въ имен. един. *худо́й* прямо изъ *ъ* (Р. Ѳ. Брандтъ) до обращенія его въ *ъг*, и противъ тѣхъ, которые видятъ въ *о* результатъ измѣненій ирраціональнаго *ъг*, явившагося изъ общеслов. *ъг* и отличавшагося отъ общеслов. *ъ*. Но противъ этого можно привести то обстоятельство, что удержанію образовавшагося фонетически *-ой* въ этихъ говорахъ содѣйствовалъ факторъ морфологическій, т. е. вліяніе звука *о* формъ косвенныхъ падежей един. ч. (*худо́ва, худо́му*) и т. п.), какъ наоборотъ тотъ-же факторъ препятствовалъ появленію или удержанію (если былъ моментъ, когда фонетически возникали формы множ. ч *худо́и или *худо́я и т. п.) звука *о* въ формахъ имен. вин. мн. ч., и это *о* должно было уступить мѣсто звуку *ы* (діалектически *э*), господствовавшему въ остальныхъ формахъ множ. ч. Любопытна, однако, описка въ 3-емъ поч. нашего памятника: въ **добрыѣ** 289.15 (вин. множ.) *ѣ* передѣлано изъ *о*; не хотѣлъ ли писецъ написать **доброѣ**, т. е. не существовали ли когда нибудь формы съ

о изъ *ѣ* и во множ. ч.? Что касается діалектическаго средневеликорусскаго (во многихъ говорахъ Симбирской, Нижегородской, Владимирской и Тверской губ.) и бѣлорусскаго [1]) *э* въ формахъ имен. вин. множ., то я и теперь вижу здѣсь (по крайней мѣрѣ въ говорахъ великорусскихъ, наблюдавшихся мною) явленіе морфологической аналогіи, какъ я это болѣе подробно изложилъ въ «Живой Старинѣ» вып. II 1894 г., стр. 167—171; настаивать на этомъ заставляетъ меня во первыхъ то, что *э* подъ удареніемъ вмѣсто *ы* другихъ говоровъ является въ этихъ говорахъ и въ остальныхъ формахъ множ., а частію и единств. ч. (творит. и мѣстн. пад.), въ которыхъ за этимъ *э* слѣдуетъ согласный звукъ, напр. *худэ́х*, *худэ́м* и т. п., во вторыхъ то, что именно въ именит. ед. здѣсь *-о́й*, а не *э́й*, какъ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, гдѣ вслѣдствіе этого и *э* во множ. ч. можетъ имѣть иное, чѣмъ въ великорусскихъ говорахъ, объясненіе; я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ *тѣх*, *тѣм*, *тѣ*, *моѣх*, *моѣ* и т. п., при чемъ въ *моѣ* явижу аналогію съ болѣе древними *тѣ*, *однѣ* и т. п., гдѣ *ѣ* въ Ф. имен. п. проникло изъ косвен. п., а не старый вин. множ. муж. и имен. вин. множ. жен. р., соотвѣтствующій старослов. **моѧ**; я не буду здѣсь подробно останавливаться на развитіи соображеній, приводящихъ меня къ указанному объясненію, и отсылаю желающихъ къ упомянутому мѣсту въ «Живой Старинѣ» или къ отдѣльному оттиску моей статьи «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукоян. у. Нижег. губ.» стр. 25—29 [2]).

Относительно щигровск. *навáи варатá* (срв. выше) [3]) замѣчу, что здѣсь, вѣроятно, *-áи* объясняется вторичнымъ переносомъ ударенія съ коренного слога на суффиксальный, въ которомъ раньше этого переноса неударяемое *ы* перешло въ *а* или *а̀*, какъ во многихъ акающихъ говорахъ въ открытыхъ слогахъ послѣ ударяемаго (сѣр*аи*, добр*аи*, бѣл*ами*, чорн*ами* и др.) [4]).

Во встрѣчающемся у насъ на стран. 226-ой, строк. 7, **окъиχъ** (...**окъиχъ огнь|мь ижгоша· а дроугъıχъ осѣкоша·**) можно видѣть или описку(ъ вм.

---

[1]) Е. Ѳ. Карскій, Къ истор. звук. и формъ бѣлор. рѣчи, 285, 293—294. Срв. также въ Ельнинск. и Смол. у. Смолен. губ. мѣстоим. формы *якея*, *такея*, по сообщен. Добровольскаго въ II вып. «Живой Старины» 1894, стр. 205, 209.

[2]) Статья эта была напечатана отдѣльно лишь въ количествѣ 50 экземпляровъ, которые и были мною всѣ розданы и разосланы разнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего найти ее можно лишь въ частныхъ библіотекахъ нѣкоторыхъ профессоровъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго университетовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

[3]) Сравн. также стат. М. Г. Халанскаго «Образцы народн. гов. южн. ч. Кур. и сѣв. ч. Харьк. губ.», стр. 10 (№ 3) (оттискъ изъ Рус. Фил. Вѣстн., 1882 г.).

[4]) См. у А. А. Шахматова въ «Изслѣдов. въ обл. рус. фонет.» стр. 291

ъı), или выраженіе посредствомъ *ъ* ирраціональнаго неслогового звука, явившагося изъ *ъг* въ «неслоговомъ» положеніи и при томъ въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ и слѣдовательно наиболѣе слабомъ; но во всякомъ случаѣ форма эта представляетъ рѣдкій примѣръ нестяженія *-ъи-* (или *-ъги*) въ *ъг* въ нашемъ памятникѣ въ склоненіи прилагательныхъ или мѣстоименій членныхъ.

Разсматривая съ точки зрѣнія второго условія измѣненія ирраціон. *ы*, т. е. съ точки зрѣнія ударяемости или неударяемости, встрѣчающіяся у насъ формы *стръя*, *стрѣмь*, *крѣяше*, относительно первыхъ двухъ не могу сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ изъ живыхъ нарѣчій это слово безъ прибавленія вторичныхъ суффиксовъ извѣстно лишь въ польскомъ, гдѣ возможно видѣть оттяжку ударенія по общему принципу неударяемости конечныхъ слоговъ въ двусложныхъ и многосложныхъ словахъ, на основаніи же извѣстныхъ въ сербскомъ образованій съ суф. *иць* и т. п., имѣющихъ за исключеніемъ двухъ удареніе первоначально на суффиксѣ [1]), нельзя рѣшать, что и удареніе въ словѣ, отъ котораго производятся эти вторичныя образованія, падало непремѣнно также на суффиксъ, такъ какъ съ одной стороны мы имѣемъ вјѐтр҃ац—вјетри́ца при вјѐтар—вјѐтра, съ другой наоборотъ ко̏ње̄ц при ко̏ањ—ко̀ња [2]). Что же касается *крѣяше*, то, судя по сербскому кр҃ја̄ше (Флоринскій, Лекціи по слав. языкознан. I, 344 —345), удареніе должно было здѣсь падать на слогъ *крѣг-*, а потому, если только можно считать сербское удареніе въ данной формѣ общесловянскимъ, въ *крѣ-* вм. *крѣг-* *ъ* или проникло изъ такихъ формъ, какъ причаст. прош. страд. (*по-*, *съ-*) *крѣвенъ*, гдѣ на основаніи русскаго книжнаго традиціоннаго произношенія (*откровѐнный*, *сокровѐнный*, *откровѐніе* и т. п.) и сербскаго *сакри̏вен* (слов. В. С. Кар.) при *са́кривен* (Флоринск. ib. 345) мы можемъ предположить общеслов. удареніе на суффиксальномъ слогѣ, при чемъ въ сербск. наоборотъ *и* перенесено въ эти причастн. формы изъ тѣхъ формъ, гдѣ удареніе было на коренномъ слогѣ, или *ъ* выражаетъ ирраціональный слоговой звукъ, являвшійся изъ *ъг* подъ удареніемъ передъ слѣдующимъ *і̯*.

---

[1]) Aug. Leskien, Untersuchungen üb. Quant. u. Betonung i. d. slav. Sprach., X B. Abh. phil. hist. Sachs. Gesellsch. der Wissenschaft. (№ II), стр. 168.

[2]) Косвенное указаніе на удареніе суффиксальныхъ слоговъ можно видѣть, пожалуй, въ формахъ Ипат. лѣт. *стрыя* и т. п., если видѣть здѣсь ассимиляцію гласнаго *ъ* слѣдующему мягкому слогу, такъ какъ обыкновенно неударяемый гласный подвергается ассимилирующему дѣйствію ударяемаго, а не наоборотъ. Въ полабскомъ ˙strâ ija удареніе можетъ быть и вторичнымъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію третьяго изъ указанныхъ выше условій, т. е. качества и количества предшествующихъ согласныхъ, мы должны сказать, что и качество и количество (*стр-* и *кр-*) въ разбираемыхъ намп примѣрахъ содѣйствовали удержанію *слогового* иррац. звука даже въ тѣхъ формахъ, гдѣ ударепіе падало не на него, и гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ былъ гласный первично и вторично полнаго образованія [1]), т. е. что одно третье условіе безъ первыхъ двухъ было достаточно для удержанія слогового *ъ* изъ *ѣ*, если только не происходило фонетическаго упрощенія въ самихъ согласныхъ группахъ. Отсюда понятно, почему въ говорахъ, знающпхъ Ф. наст. врем. *мы́ю*, неизвѣстны формы не только **кры́ю*, но даже и **ры́ю* (вм. *ро́ю* изъ **рыю*); изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что **ры́ю* физіологически *вообще* невозможно, такъ какъ для каждаго говора *своя особенная* физіологическая возможность, которую даже внимательный наблюдатель и пзслѣдователь не всегда въ состояніи постичь (мнѣ даже неясно, почему говорящій *мы́ю* не говоритъ и *ры́ю*); но утверждать, что въ *стрья* Ипат. лѣт. (см. выше) слѣдуетъ читать одинъ полный слогъ, а не два, мы во всякомъ случаѣ не имѣемъ права. Прибавлю, что нѣкоторыя обстоятельства заставили меня задержать корректурные листы до того времени, когда вышла 1-я кп. III-го т. «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н.», заключающая въ приложеппп новые «Матеріалы для изученія великор. говоровъ» (V), значительно расширяющіе наши свѣдѣнія о формахъ настоящ. врем. глаг. *мыть*, а именно О. Красноперова сообщаетъ изъ с. Красногорскаго Котельнич. у. Вятской г. при извѣстныхъ раньше *мыю, мьётъ* также *мыю, мъётъ* (стр. 12), которыя подтверждаются и сообщеніемъ С. Золотарева изъ с. Зашижемскаго Вятской губ. Орловскаго у. (стр. 28), а изъ сообщенія Артемьева (стр. 2) мы узнаемъ о произношеніи *мэю* въ д. Будаевѣ Сон. вол. Островск. у. Псковск. г. подобно *мэ́ю, крэ́ю* въ Жизд. у. Калуж. г. (А. А. Шахматовъ, Зв. особ. Ельнинск. и Мосальск. гов., Р. Ф. В. 1897 г. № 3—4, стр. 198), такъ что мое замѣчаніе на стр. 134 должно быть исправлено въ томъ смыслѣ, что формы *мэ́ю, крэ́ю* и, вѣроятно, **рэ́ю* представляютъ не теоретическія возможности, а живые факты языка. За 1-ю кп. III-го т. «Извѣстій» благодарю Отдѣленіе рус. яз. и слов. и Н. К. Грунскаго, которому эта книга была доставлена нѣсколько раньше, чѣмъ мнѣ.

---

[1]) Я прибавляю «вторично» потому, что въ историческомъ ходѣ развитія языка нерѣдко сокращаются гласные, съ общесловянской или по крайней мѣрѣ общеарійской точки зрѣнія не только полные, но и долгіе.

Для вопроса о вліяніи качества предшествующихъ согласныхъ обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя формы, отмѣченныя въ русскихъ говорахъ. Весьма возможно, что именно преимущественно послѣ гортанныхъ (задненебныхъ) и губныхъ являлись изъ иррац. *ы* черезъ посредство о склон. къ и звуки и [1]). Въ пользу этого говоритъ то, что бо́льшая часть примѣровъ измѣненія *ы* въ *у* въ различныхъ говорахъ относится къ сочетаніямъ *ы* съ предшеств. губными: м*у*ю, в*у*йду, в*у*йму Скрыголовъ и Петриковъ Мозырск. у. Минск. губ. [2]), в*у́*шеў, в*у*дзи Слуцк. [3]), нов*у*ми сѣнями, нов*у*хъ Рѣчицк. [3]), при чемъ нав*у́*ми, нав*у́*хъ, кап*у́*цики въ Рѣчицк. у. Минск. губ., б*у*къ, б*у*йстрый [4]), очевидно, имѣютъ *у* подъ удареніемъ, что́ показываетъ, что измѣняется въ *у* (и) не только ирраціональное, но и раціональное *ы* (у); если не приводится примѣровъ *у* изъ *ы* послѣ гортанныхъ, то причина этого ясна: *ы* въ такомъ положеніи еще раньше измѣнилось въ *і*; лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ы* было искони ирраціональнымъ, вслѣдствіе чего въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ не измѣнялось въ *і*, оно могло давать тѣ же результаты послѣ *г*, *к*, что́ и послѣ губныхъ: долг*у*й (Шахматовъ, Изслѣд. въ обл. р. Ф., 40). Случаи измѣненія ударяемаго *ы*, хотя бы и ирраціональнаго (передъ і̯), послѣ негубныхъ согласныхъ вообще рѣдки и могли бы объясняться аналогіей; таково р*у*ю въ Мозырск. разнорѣчіи «Черно-русскаго поднарѣчія» [5]) рядомъ съ *мую*; еще удивительнѣе с*у*нъ, приводимое Янчукомъ, а за нимъ Соболевскимъ (Оч. рус. діал., Ж. Ст. 1892, III, 22). Есть говоры, гдѣ м*у*ю, но в*ы*йду, в*ы*йму, б*ы*стры (Михалковск. волость Мозырск. у. Минск. губ.) [6]), что́ указывало бы, можетъ быть, на то, что въ *у* измѣняется въ нихъ лишь *ы* передъ і̯, при чемъ сохраненіе *ы* въ в*ы*йду можно бы было объяснить вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ этотъ предлогъ встрѣчается не передъ і̯, или что наоборотъ м*у*ю подъ вліяніемъ * в*ы*м*у*ю и т. п. случаевъ, гдѣ *му* вм. *мы* приходилось въ слогѣ весьма слабомъ въ тоническомъ отношеніи, т. е. что *у* являлось лишь изъ *ы* неударяемаго въ положеніи передъ і̯. За-

[1]) Срв. у Шахматова, Изслѣд въ обл. р. Ф., 40.

[2]) Труды этнограф-статист. экспед. въ зап. рус. край, т. VII, стр. 597. Срв. въ статьѣ Потебни «Отзывъ о сочин. А. Соболевскаго» ... 22 (отдѣл. оттискъ изъ I т. «Извѣстій Отдѣл. р. яз. и сл. И. Ак. Н.»).

[3]) Карскій, Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорус. рѣчи, 221 (Шейнъ, Мат. I, 40, 37, 57, 82). Срв. подобныя явленія (и и *о* вм. *у* послѣ губныхъ) въ лужицкихъ нарѣчіяхъ (Mucke, Laut—u. F. 1, стр. 94—95)

[4]) Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи (Жив. Старина 1892, вып. III, стр. 22).

[5]) Труды этнограф.—статист. экспедиціи въ зап. рус. кр., VII, 499.

[6]) Ibid. 596.

мѣчательно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ судьбу неударяемаго *ы* передъ i̯ раздѣляетъ и неударяем. *о* передъ i̯ (по Шахматову, измѣнявшееся въ u черезъ посредство ŏ склоннаго къ u, ibid. 40); какъ видно изъ приводимыхъ примѣровъ (великолуцк. *асинуй* и т. п.), измѣненіе oi̯ въ ui̯ здѣсь не ограничивается положеніемъ послѣ гортанныхъ или губныхъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ я позволю себѣ вывести то заключеніе, что лишь ирраціональное *ы* (въ положеніи безъ ударенія передъ слѣд. i̯) измѣнялось въ *у* (u) независимо отъ предшествующихъ согласныхъ, *ы* же полнаго образованія могло переходить въ *у* лишь послѣ извѣстныхъ согласныхъ, способныхъ къ такъ называемому *лабіализму*[1]), а таковыми были гортанные и губные. Такимъ образомъ, если мы встрѣчаемъ въ рѣчицкомъ бѣлорусскомъ говорѣ пу̀тали, въ Мозырскомъ бу̀ваю[2]), то здѣсь мы можемъ объяснять *у* не столько неударяемостью, вызвавшею ирраціональность, сколько положеніемъ послѣ губныхъ, такъ какъ въ тѣхъ-же говорахъ мы имѣемъ капу̀цики (= копытики); въ малорусскомъ же и частію бѣлорус. и южновеликор. бува́ти могутъ соединяться три причины для образованія *у* изъ *ы* фонетически: неударяемость, положеніе послѣ *б* и положеніе передъ *в*[3]).

Перехожу къ случаямъ *ъ* вм. *і*. Здѣсь опять необходимо отличать случаи не передъ i̯ отъ случаевъ передъ i̯, при чемъ въ томъ и другомъ отдѣлѣ положеніе въ корнѣ или вообще внутри слова отъ положенія въ конечныхъ и суффиксальныхъ слогахъ, затѣмъ въ отдѣлѣ случаевъ положенія передъ i̯ слѣдуетъ различать положеніе слоговое отъ неслогового. Такъ какъ и здѣсь подобно тому, какъ это приходилось намъ разбирать по отношенію къ *ъ* и *ъг*, могутъ возникать сомнѣнія относительно того, дѣйствительно ли *ъ* есть сокращеніе *і*, или представляетъ старый варіантъ, то мы приведемъ и сопоставимъ сначала примѣры того и другого написанія, а затѣмъ уже представимъ соображенія, можетъ ли одна форма

---

[1]) Срв. статью Шахматова въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. И. Ак. Н.», т. I, кн. 4, стр 709—712. Наоборотъ потеря лабіализаціи могла быть причиною измѣненія *ы* въ *і*, какъ это наблюдается послѣ губныхъ въ говорахъ ельнинскихъ и мосальскихъ (стат. Шахматова въ Рус.-Фил. Вѣстн. 1897 г. № 3—4. стр. 208)

[2]) Соболевскій, Оч. русск. діалект., Жив. Стар. III, 1892 г., стр. 22.

[3]) Потебня (Отзывъ о сочин. А. Соболевскаго.... стр. 21—22 отдѣльн. оттиска «Извѣстій Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.», т. I) для малорусск. *був*, *бути* отчасти указываетъ на вліяніе слѣдующ. за *у* въ прош. прич. *л* = *в*, отчасти на предшеств *б*, отчасти въ виду южновеликорусскихъ формъ *пабува́л* при *был* на неударяемость (сравн. сказанное мною выше, стр. 120).

считаться происходящею изъ другой. Сначала я займусь случаями *і* или *ъ* не передъ *j*, такъ какъ ихъ немного, и сперва именно тѣми изъ нихъ, которые относятся къ положенію внутри словъ. Сюда принадлежатъ слова *колико*, *толико* и т. п., косвенныя формы и производныя отъ слова *одинъ*, настоящ. вр., причаст. наст. и повелит. ф. глагола *жьдати* (ст. сл. наст. **жидж** и т. д.) и нѣкоторыя другія. Я остановлюсь сначала на трехъ упомянутыхъ случаяхъ, какъ наиболѣе извѣстныхъ. У насъ находимъ слѣдующія написанія съ *і*: 1) **колико** 41, **нѣ**—35, **то|лико** 40. 16—17 въ 1-омъ поч., **колико** 140, **нѣ**—141, 228, 234, 235 (2 раза), **неколї|ко** 206. 9—10, **коликоу** 219, **толико** 166 (идете въ зажитиа .... головъ не имлете), 167 (.... бо всехъ вои бѣшеть) во 2-омъ поч., **колико** 319, **нѣ**—285, 287, 302, 323 въ 3-емъ поч.; 2) **ни одї|ного** 47. 10—11 только разъ въ 1-омъ поч., **одиного** 228, **къ одинои** 228, **одинѣхъ** 178, **одинакъі|мъ** 166,—**ымъ** 214, **одн|нодшно** 164. 9—10—во 2-мъ п., **одиномь** 285, 321, **одинъимь** 277, **одиноу** (не) 239,—(стороноу) 274—въ 3-емъ п.; 3) прич. наст. **жидоуще** 39, повел. ф. **пожиди** 41 въ 1-омъ поч. Соотвѣтственно этимъ примѣрамъ съ *і* находимъ лишь слѣдующіе съ *ъ* или съ пропускомъ *ъ*: 1) **нѣколькомь** 124 во 2-омъ п., **толко** 329 въ 3-емъ п.; 2) **однодшно** 181 во 2-омъ поч.; 3) **жьдоу|че** 69. 13—14 въ 1-омъ, **не ждм** 205 во 2-омъ поч.; что̀ касается пропуска *ъ*, то объ этомъ сравните сказанное мною на стр. 81. Какъ видимъ, кромѣ глагольныхъ формъ *жьд-* при *жид-*, у насъ вообще преобладаетъ въ приведенныхъ примѣрахъ *і* надъ *ъ*. Но можемъ ли мы сказать, что только суффиксы *-ик-* и *-ин-* здѣсь первоначальны и свойственны праязыку, суффиксы же *-ък-* и *-ън-* непервоначальны и представляютъ сокращеніе первыхъ? Хотя въ старословянскихъ памятникахъ мы находимъ въ данныхъ мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ лишь *-ик-*, но суф. *-ък-* во первыхъ извѣстенъ и старословянскому яз. во многихъ прилагательныхъ и, какъ показываетъ совпаденіе съ другими словянск. нарѣчіями, принадлежитъ въ нихъ общесловянскому языку, во вторыхъ въ данныхъ мѣстоименіяхъ и производныхъ отъ нихъ нарѣчіяхъ хорошо извѣстенъ какъ сѣвернымъ и восточнымъ, такъ и южнымъ и западнымъ словянскимъ группамъ говоровъ: кромѣ общеизвѣстныхъ в. русскаго *толи́ко* (только), *скоди́ко* и т. п., малорус. *(с)тіли́ко* и т. п.[1]) при діалектическомъ украинскомъ

[1]) Ал. Аѳ Потебня, О звуков. особ. русск. нарѣчій, § 39, № 6 (Филолог. Зап. 1865 г., стр 132).

стілко[1]), тілке, тілко, даже *тіке*, *стіке*, *скіке*[2]) въ говорѣ слободы Алексѣевки Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ., польск. *tylko*, *kilka-* и т. п. (ст. польск.: *w tylkich*, *w telkich* въ памятн. 1449 г.[3]), въ псалт. Флор. *kelco* = *kelko*[4]) при wszel*i*kie, wszel*i*ka)[5]) и общераспространенныхъ въ болгарскомъ *колко*, *толко*[6]), а въ нѣкоторыхъ говорахъ и у нѣкоторыхъ болгарскихъ писателей и прилагат. *колкъ* (*колка*, *колко*)[7]), *толкъ* (у Дювернуа примѣръ изъ Чолакова), мы находимъ: въ восточно-штирійскихъ говорахъ словѣнскаго *telko*[8]), у верхнекрайнскаго писателя XVII в. Скаларя[9]) *telko*, *tolko*, *kolko*, у М. Равникара *téljko*, *toljko* (Sket, Čitanka, 175); въ верхнелужицкомъ *všélki*, въ нижнелуж. *kélko* (въ Новомъ Завѣтѣ Якубицы 1548 г. *kóliko*)[10]); въ словенскихъ, валашскихъ и ляшскихъ говорахъ моравскаго нарѣчія *kelko*, *telko*, прил. *kolky*, *tolky*[11]); наконецъ въ сербо-

---

[1]) Ibid.

[2]) А. В. Ветуховъ, Рус. Фил. Вѣстн. 1894 г., стр. 306, 307, 308, 314 (отдѣл. оттиск.), сравн. также сообщеніе П. М. Шинкарева въ «Харьковскомъ Сборникѣ», изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ ред. В. В. Иванова, вып 9, стр. 241, 245, 252 ... 316, 319; напротивъ въ южновеликорусскихъ говорахъ слободъ Бахмутовки и Новой Айдари того-же уѣзда произносится то́лькє («Говоры слоб. Бахмутовки и Новой Айдари» стат. А. В. Ветухова, отд. отт. изъ Р. Ф. В. 1893 г., стр. 2, 4, 8, 10)

[3]) A. Kalina, Historya języka polskiego, стр. 294

[4]) Wł. Nehring, Iter Florianense, въ спискѣ словъ.

[5]) A. Kalina, Hist. jęz pol., 291.

[6]) А. Дювернуа, Словарь болг яз., s v; V. Oblak, Macedonische Studien, 35.

[7]) Кромѣ приведенныхъ въ словарѣ Дювернуа на стр 1007 примѣровъ изъ переведенной Бончевымъ повѣсти Гоголя «Тарасъ Бульба», можно указать еще въ записанной Бончевымъ и изданной послѣ его смерти М. С. Дриновымъ богомильской сказкѣ (Пер. Спис. 1884 г., VIII, 125): «извикал ко́лък му глас», при чемъ, по замѣчанію М. С. Дринова, которому я обязанъ указаніемъ этого примѣра, въ панагюрскомъ говорѣ разсказчика всякій неудар. ъ звучитъ какъ *а* въ отличіе отъ ударяемаго, который звучитъ какъ сильный и широкій глухой гласный, при плавныхъ же въ сочетаніи ихъ съ другими согласными какъ болѣе краткій глухой (ibid. стр. 126, примѣч.) Языкъ самого Бончева какъ въ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ произведеніяхъ М. С считаетъ образцовымъ по силѣ и красотѣ.

[8]) V. Oblak, Macedonische Studien, 35.

[9]) V. Oblak, Doneski k historični slovenski dialektologiji, I, 17 (ponatis iz letopisa «Matice slov.» 1890).

[10]) K. E Mucke, Histor. u. vergl. Laut—u. Formenlehre der Niedersorb ... Sprache, стр. 137, 140.

[11]) Gebauer, Histor. mluvn. I, 242, Fr. Bartoš, Dialektologie moravská I, 29, 62, 105. На основаніи встрѣчающихся въ разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ дублетовъ kelko при kolko—koliko, telko при tolko—toliko Облакъ (Doneski I, 17) предположилъ двѣ праформы: koliko, toliko съ одной и kəliko, təliko съ другой стороны, но мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ видѣть въ *kel*—, *tel*— аналогію такихъ формъ, какъ *jel*—, *všel*—, *vsel*— и т. п, такъ какъ напр. у Скаларя изъ удар. ъ мы бы ожидали не *е*, а *а* (Doneski ... I, 8); это послѣднее предположеніе рядомъ съ первымъ допускаетъ и Облакъ (ibid. 17), указывая на *jelko*. Подобнымъ образомъ и польск. *tyle*. *tylko* подъ вліяніемъ *ile* и т. д.

хорватской группѣ при штокавскихъ *колико*, прилаг. *колик*, *колика*, *-ко*, *толикī*, *-кā*, *-кō*, *толикō* (*толико*) (В. С. Кар., Срп. рјечн.) въ получакавскомъ говорѣ южнодалмат. острова Ластова, по свидѣтельству Кушара, на которое ссылается Облакъ, говорится *kolk*, *kolka*, *kolko*, *tolk*, что, говоритъ Облакъ, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ сѣверно-чакавскихъ говорахъ (Oblak, Der Dialect v. Lastovo, Archiv XVI, 434), а у старѣйшаго изъ дубровницкихъ поэтовъ сплѣтянина чакавца Марулича (XV в.) встрѣчаемъ *toko*, *koko*, которыя, какъ показываетъ смыслъ и чередованіе съ *toliko* въ такомъ же значеніи, несомнѣнно, могутъ восходить къ *tolьko (*tolъko), *kolьko (*kolъko): «ki *toko* sobom grad more tvrd biti, ki ti s tvojom vojskom ne ćeš razoriti»? (Iudita, pjev. I, 139, Stari pisci hrv. I, стр. 11), *toko* se saznahu, *koko* mrtav tovar (ibid. V, 188, St. p. I, стр. 49), jati *koko* mogahu dva, *toliko* sam on 'zžva (ib. 167, стр. 49), da bi bio *toko* mudar *koko* s' bio, mužu, dobar, jeda li bih ja učinila taj *tolika* huda dila? (St. p. I, стр. 291, Skazanje od suda ognjen., стих. 380 — 383); очевидно, для Марулича обѣ формы были возможны и употребительны, и онъ одинаково пользовался ими, можетъ быть, въ зависимости отъ требованія стиха, который, однако, самъ по себѣ не могъ бы создать формъ вновь, если бы ихъ вовсе не было въ языкѣ [1]). Исчезновеніе *ɫ* (*л* твердаго), происшедшаго, вѣ-

---

[1]) Наводя справки о формахъ *koki—koko*, *toki—toko*, я обратился къ другимъ далматинскимъ писателямъ и нашелъ эти формы у П. Гекторовича (1487—1572) и Ганибала Луцича (конца XV и нач XVI в). Приведу нѣсколько примѣровъ: *Nikoko* mučavši, sam sebe izmori, a pak se ustavši, istom progovori..... (P. Hektorović, Ribanje, стих. 207—208, Stari pisci hrv., VI, стр. 8—9), ... cić vrućine, ka ima *toku* moć, ča vlažno doseže, ali ne ć ali hoć, sve k sebi poteže (ibid. 420—421, стр. 14), Za tim se ustasmo, i postav *nikoko*, sunce ugledasmo ne vele nizoko (ib. 497 — 498, стр. 17), I rib naloviše, ja ti dim, za niko, *koko* sami htiše, čudo priveliko (ib. 1103 — 1104, стр. 33), Nismo se brodili po Savah i Dravah i *toke* obili klance po dubravah, za da nam ne bude u tebi pak plaća, koja nam sve trude do pokon oslača (H Lucić, Robinja, стих. 123—126, St. p. VI, стр. 231, Слав. христом. Воскресенскаго II, 117), sriće moje oko tad hoti počati u mene ne *toko* veselo zrčati (ibid. стих. 169—170, Stari pisci VI, стр. 233, Воскрес. 118), O, neka zabudem muku i trud *toki*, čin' bože, da budem on kamen žestoki .. .. (ib. 319—320, St. p. VI, 237), Besidi, *koko* hoć, manje se ne će dat, vazeti ali oć, u tebi toj će stat (ib. 147—148, St. p. VI, 232, Воскрес. 118), Tva slava, ka s *tokom* dikom se podviže, tvojime uzrokom pala je na niže ..... (ib. 613—614, St. p. VI, 246), *Toko* sam sebi drag, *toko* sam vesel ja, *koliko* čujem trag od njeje veselja (ib. 631 — 632, стр. 246). Отмѣчу и *tokoje* (*tokoj*) въ значеніи, какъ мнѣ кажется, *толикожде*. Nedostojan tko je, hvalit ga ne mari, cić blaga *tokoje*, ni za cića dari (Hektorov., Ribanje 1313—1314, St. p. VI, 39), Veli nam: jednoga boga verovati, u njega samoga ufan'je imati ... . I tuju nigdare ženu ne želiti ..... I *tokoj* nikadar ne žudit ni htit, od pravde koja stvar ne more nam biti (ib. 1551—1568, стр. 46), Za ljubav gospoje pomoći ću tebe, njega ću *tokoje* pomoći rad sebe ..... (Lucić, Robinja, 665—670, стр. 247). Примѣровъ подобныхъ можно найти множество у названныхъ писателей-поэтовъ; что же

роятно, изъ l (*л* средняго) передъ ирраціональнымъ гласнымъ въ неслоговомъ положеніи (если принять, что этотъ иррац. гласный былъ *ъ*, а не *ѣ*), совершилось или черезъ посредство измѣненія его въ *о* (o̯ или o), которое слилось съ предшествующимъ коренным *о* въ одно, вѣроятно, долгое *о* подобно тому, какъ это мы имѣемъ въ словахъ *со̑* изъ **со̑лъ* черезъ посредство **со̑лъ* и *со̑о*, *бо́на* изъ **больна̑* черезъ поср. **больна̑* и **бодна* и т. п., или черезъ посредство измѣненія въ u̯, которое могло исчезать, и не сливаясь съ предшеств. корен. *о* (замѣтимъ, что долгота *о* могла въ этихъ случаяхъ обусловливаться уже положеніемъ передъ сочетаніемъ *л* съ неслоговымъ *ъ* или *ѣ*, т. е. предшествовать образованію второго *о* изъ лъ̑ и затѣмъ стяженію его съ первымъ, сравн. упомянут. выше малорус. *мíл'ко*, *мíлко* и *мíке*, малор. *сíл'* и мн. др.). Стародалматинскія формы *koko*, *toko* и т. п., которыхъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти въ записяхъ современныхъ

касается старой чакавской прозы, то въ ней пока мнѣ они не попадались. Я не отрицаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это сербо-хорватское *toko* — *koko* можетъ не восходить къ ** tolko* — ** kolko* (изъ *tolько*—*kolько*), а быть старымъ варіантомъ при *tako*—*kako*, т. е. равняться болгарскому и словѣнскому *toko* — *koko*, о которомъ дальше. Кромѣ значенія, для опредѣленія этимологіи *toko* — *koko* въ отдѣльныхъ случаяхъ важно знать количество слоговъ *to-*, *ko-*: если они изъ **tol-*, **kol*, то они должны быть долгими, въ противномъ случаѣ краткими, количество можно бы было опредѣлить изъ стиха, хотя такія опредѣленія довольно шатки и рискованны. Противъ объясненія *kok-*, *tok-* изъ ** kolk-*, ** tolk-* можно было бы возразить еще то, что *l*, замыкающее слогъ, у названныхъ писателей обыкновенно еще удерживается, но на это замѣчу, что при обыкновенныхъ формахъ, какъ pote*kal*, re*kal*, *okol*, pla*til*, *htil*, izmor*il*, *misal* (стр. 9, 10, 13, 216, 217, 219 и др.) у нихъ встрѣчаются изрѣдка и *hotio*, *zagubio*, *bio*, *bi rek* (вм. ** relI*) (Hektor., Rib. 371, 372, 589, стр 13, 19, Lucić, Rob. 925, 957, стр. 255 — 256), затѣмъ не безъ значенія и формы *smin*, *smina*, *čovik* (Lucić, St. p. VI, 255 — 256) вм. *smion* = * smiln, *smiona* = * smilna, *človik*, при чемъ формы имен. ед. муж. р. *smin*, *smion* (Iv. Filipović, Rječnik) вм. ожидаемаго ** smilan* обязаны своимъ происхожденіемъ формамъ косв пад. и женск. р. (*smina*, *smiona* и т. п.), въ которыхъ *lъ* (*lъ*) по положенію становилось неслоговымъ и естественно обращалось въ неслоговой гласный, въ большинствѣ діалектовъ сербохорватскихъ близкій къ звуку *о*, діалектически становившійся полнымъ слоговымъ *о*, діалектически исчезавшій; что звукъ, являвшійся изъ неслогов. *lъ*, *lъ* въ сербохорв. говорахъ, первоначально не былъ чистымъ *о*, доказываетъ колебаніе на письмѣ между v, u, o въ грамотахъ XVI в (V. Jagić, Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku, Rad jugosl. akad. IX, 120—122). Замѣчу еще, что, какъ извѣстно, письмо всегда консервативнѣе языка, а потому весьма вѣроятно, что часто писали еще *l* тамъ, гдѣ вмѣсто него произносили уже явившійся черезъ посредство *ł*, *w* и т. д. какой либо полугласный звукъ съ губной артикуляціей. Еще не мѣшаетъ устранить возраженіе: почему при многократныхъ *toko*, *koko* и т. п. не встрѣчается ** tolko*, ** kolko* и т. п., какъ напр. встрѣч. *kolci*, *kolce* (St. p. VI, 138) (отъ им. ед ** kolac*)? Это, я думаю, потому, что для нашихъ мѣстоим. и нарѣчій не существуетъ здѣсь такихъ формъ, въ которыхъ предполагаемое *лъ* (*ль*) было бы слоговымъ, какъ въ болгарск. *колкъ*, и могло бы напоминать такимъ образомъ объ *л* и въ неслогов. положеніяхъ; вм. ** lolk* = ** kolak* здѣсь находимъ лишь обычное *kо'ik* (St. p. VI, 27), родственность котораго съ *koko* могла не быть очевидной.

сербо-хорватскихъ говоровъ, имѣютъ параллель въ упомянутыхъ выше слободско-украинскихъ (Старобѣльск. у.) *тúке*, *скíке*, хотя разница, вѣроятно, была въ процессѣ образованія, такъ какъ въ послѣднихъ *ѣ* могло исчезнуть вѣроятнѣе всего черезъ посредство измѣненія ѣь ц; ничто, однако, не мѣшаетъ предполагать въ *koko* и т. п. неточную передачу произношенія *koцko или *koᵘko и т. п. Что же касается болгарскаго *токо* (см. словарь Дювернуа), то въ различныхъ своихъ значеніяхъ оно можетъ быть разнаго происхожденія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ извѣстныхъ македонскихъ говорахъ, измѣнившихъ этимологич. *ъ* въ *о*, оно въ значеніи, близкомъ къ *то́кмо* (*тъкмо*) могло бы быть образовано отъ того-же корня *тък-*, что̀ и въ послѣднемъ и въ ст. слов. **тъкъмо** и **тъчиж** (мысль, какъ-то разъ вскользь высказанная проф. М. С. Дриновымъ, въ настоящее же время оставленная имъ въ виду распространенности этого *токо* въ болгарскихъ говорахъ), и тогда бы напрашивалось на сравненіе близкое по значенію («sogleich») словѣнское *tekòj* (въ словарѣ Плетершника со ссылкою на верхнекрайнск нарѣч.), тожественное по значенію и, вѣроятно, по происхожденію съ *takòj* и *tàki* (ibid. со ссылкою на юговосточныя нарѣчія — кайкавское, юговосточно-штирійское и бѣлокрайнское) [1]), если считать, что послѣднее заимствовано изъ сѣверныхъ говоровъ сербо-хорватской группы, такъ какъ съ одной стороны *а* изъ *ъ* въ положеніи безъ ударенія или подъ краткимъ ударéніемъ возможно въ словѣнскомъ лишь въ нѣкоторыхъ югозападныхъ говорахъ, въ восточныхъ же говорахъ наоборотъ всякое *ъ* переходитъ въ *е* (см. статью Облака «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslav. Sprachen», Archiv XVI, 163 — 164), съ другой несомнѣнно вліяніе сербохорватскихъ говоровъ на юговосточные словѣнскіе, особенно же на говоры кайкавскіе, уже составляющіе переходъ отъ словѣнской группы къ сербохорватской и даже причисляемые обыкновенно къ послѣдней, и бѣлокрайнскіе, составляющіе юговосточную отрасль нижнекрайнскаго нарѣчія [2]), а въ словарѣ В. С. К. мы находимъ «тàкӣ (у војв.) vide одмах, cf. сад», при чемъ *тâко* [3]) въ выраженіи «лијо или тако» («ungleich oder gleich», В. С. К.)

---

[1]) Что̀ касается встрѣчающагося у Креля *takuie* (sogleich) (V. Oblak, Kleine grammatische Beitrage, Archiv XIX, 337), то его, вѣроятно, слѣдуетъ читать какъ *tъkuie*, такъ какъ Крель часто пишетъ *а* въ знач. *ъ* — *ъ* по випавскому произношенію, по которому *ъ* приближается къ глухому *а* (ibid. 336, 337)

[2]) Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію, I, стр. 504, 507.

[3]) Объ этомъ словѣ у Потебни въ «Отчетѣ о двадцать второмъ присужденіи нагр. гр. Уварова», стр 89 (въ рецензіи народн. пѣс. гал. и угор. Руси, собран. Головацкимъ).

представляло бы варіантъ корня *tъk-* съ долгимъ *ъ* сравнительно съ *tàkī*, указывающимъ на краткое *ъ* [1]); эти сопоставленія дали бы намъ возможность для каждаго изъ трехъ главныхъ юго-словянскихъ языковъ привести по примѣру нарѣчія, образованнаго отъ корня *tъk-*: болг. *токо* «только, только что», серб. *тàкī* и словѣн. *tekòj* (оба въ знач. «sogleich»); но затрудненія со стороны болгарскаго являются въ томъ отношеніи, что *токо* употребительно и въ тѣхъ говорахъ, которые не измѣняютъ *ъ* въ *о*, а со стороны словѣнскаго въ томъ, что при *tekòj* извѣстно въ штирійск. и горенск. (в. краинск.) нарѣчіяхъ *kòj* въ такомъ же значеніи (слов. Плетершника s. v.), а также энклитическое или проклитическое *koj* = *ko* «nur» (ibid.) въ народныхъ пѣснѣхъ хорутанскихъ словѣнцевъ (ссылки на Шейнига); вслѣдствіе этого по крайней мѣрѣ для болгарскаго *токо* въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ извѣстныхъ говорахъ можно предположить сочетаніе двухъ частицъ *to* (*то*) и *ko* (подобныя сочетанія нѣсколькихъ частицъ весьма обычны въ словянскихъ нарѣчіяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ очень древни и восходятъ къ общесловянской эпохѣ, напр. *то-ъ-да*, *ко-ъ-да* и т. п. при *тъ-ъ-да*, *къ-ъ-да*, изъ болѣе новыхъ же назову старослов. и др. рус. **то-же**, словѣнск. *todȁ*, болгар. *дѣто*, чешск. *ještо*, литер. русск. *такъ какъ* и др.). Иного происхожденія *токо* въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*токо* ми честниятъ кръстъ» (слов. Дювернуа, примѣръ изъ перевода Бончева «Тараса Бульбы»); это *токо* и по значенію и этимологически ближайше родственно съ *такó* въ выраженіи «*такó ми Бóга*» (слов. Дювернуа, на это указалъ мнѣ и М. С. Дриновъ), при чемъ то-же выраженіе и у сербовъ («тȁко ми Бога!» В. С. К.); оно по формѣ представляетъ общеслов. варіантъ съ кореннымъ гласнымъ *о* подобно тому, какъ мы имѣемъ **окъı** [2]) при **акъı**, *оли* при *али*, *дожи* при *дажи* и мн. др.; любопытно сопоставить это болгарское *токо* съ встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ старыхъ словѣнскихъ рукописяхъ и у нѣкоторыхъ старыхъ словѣнскихъ писателей *koko*, *koku*, *toku*, *koker*, а именно часто у Трубера (Oblak, Doneski k historični slovenski dialektologiji, II, 73), Скаларя (ibid. I, 19), Вальвазора, М. Похлина и нѣк. другихъ [3]). Объяснять же болгарское *токо* гдѣ либо изъ *толко*

[1]) Что такія колебанія въ зависимости отъ объема слова и мѣста ударенія возможны, доказываютъ такіе примѣры, какъ дȃн, дȃна съ одной и *dȁnas*, *dȁnъm* съ другой стороны (см. въ словарѣ В. С. К.).

[2]) Объ этомъ я намѣренъ сказать подробнѣе ниже, въ главѣ о чередованіи *а* и *о*.

[3]) Sket, Slov. slovstv. čitanka (na Dunaju 1893), стр. 35—36 (рукоп. Краньск. XVI в.), 53, 55, 56 (Труберъ), 93 (Valvazor), 123—126 (М. Похлинъ).

(П. А. Лавровъ, Обзоръ зв. и ф. особ. болг. яз. 112) мнѣ не кажется вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что въ этихъ же статьяхъ рукописей XVII и XVIII в. Н. С. Тихонравова, которыя напечатаны у П. А. Лаврова, и на которыя онъ ссылается, въ другомъ значеніи правильно употреблены тѡ́лкова (21), кѡ́лко (21, 25), кѡлко (25), колкѡ́тѣ (38, 46), тѡ́лкѡсъ (41); замѣчу кстати, что эти-же рукописи исключаютъ возможность производить въ нихъ токѡ (23, 25, 33), тѣкѣ (38, 43) изъ *тъко, такъ какъ въ первой изъ нихъ ъ (ѡ) сохраняется (тѣ́кмо 22, 25, тѣ́кмо 33, дѣ́ерь 24, вѣ́хъ 31, на сѣ́не, ѿ сѣ́нѣ 17 и т. п.), во второй замѣняется черезъ а (на са̀нъ 38, сал́зѝ 41, са́съ 42, за́мнѝ 43).

Переходя къ вопросу о томъ, какая основная форма предполагается формами безъ *і* между *l* и *к*, замѣчу, что уже Облакъ [1]) на основаніи распространенности и древности подобныхъ формъ въ разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ высказалъ мнѣніе, что онѣ восходятъ къ — *ък-* или примкнули къ формамъ *толъ*, *колъ*. Соглашаясь съ нимъ въ необходимости отдѣлять формы *-ък-* отъ формъ *-ік-*, я желалъ бы рѣшить три вопроса: 1) которое изъ двухъ предположеній Облака представляется болѣе вѣроятнымъ, 2) вездѣ ли, т. е. во всѣхъ ли нарѣчіяхъ и говорахъ, знающихъ теперь формы безъ *і*, слѣдуетъ отрицать возможность происхожденія ихъ изъ формъ съ *і* путемъ сокращенія, 3) не слѣдуетъ ли формы нѣкоторыхъ говоровъ возводить къ формамъ съ суффиксомъ *-ък-*.

Для выясненія перваго вопроса приведу сначала слова Миклошича [2]) о суффиксѣ *-ък-* (*-ък-*): «первоначальная форма суффикса есть *къ*: предшествующій слогу *къ* гласный есть первоначально или вставка, облегчающая произношеніе, или конечный звукъ темы: въ данномъ состояніи языка онъ сдѣлался составною частью суффикса»; какъ видно изъ этихъ словъ, Миклошичъ предполагалъ возможность возникновенія передъ суффиксальнымъ элементомъ *к* паразитнаго ирраціональнаго гласнаго, что̀ допустимо лишь въ случаяхъ образованія отъ темъ на согласный звукъ, но если бы подобное предположеніе и было вѣрно, во всякомъ случаѣ оно относилось бы лишь къ позднѣйшимъ, спеціально словянскимъ образованіямъ, такъ какъ родственные языки подобныхъ вставокъ не знаютъ; вслѣдствіе этого едва ли не вѣрнѣе будетъ для всѣхъ случаевъ суффиксовъ *-ък-* и *-ък-* принять

[1]) Macedonische Studien (Wien 1896), 35.
[2]) Vergl. Gram. der slav. Spr. II, 254.

или первоначальное соединеніе конечныхъ гласныхъ основы *ъ* или *ъ* съ суф. элементомъ *к*, или аналогичное новообразованіе; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что подобныя образованія обычны и отъ первичныхъ темъ на *о* и имѣютъ параллели въ *і* и *u* родственныхъ языковъ; придется согласиться съ Бругманомъ[1]), что -iqo-, какъ и -uqo- (послѣднее, кажется, спеціально словянобалтійское), хотя и восходитъ къ индоевроп. праязыку въ качествѣ особаго суффикса, въ то отдаленное время имѣло исходною точкой именныя темы на *і*: λογικός, γραμματικός и т. п. по аналогіи φυσικός и т. п. (въ одномъ рядѣ словъ аналогія заставляла мѣнять конечный гласный основы на гласный *і*, въ другомъ рядѣ таже аналогія заставляла прибавлять гласный *і* къ конечному согласному основы: новость послѣднихъ формъ въ греческомъ яз. явствуетъ изъ сохраненія *t* передъ *і*). Но Миклошичъ сходился съ высказаннымъ позднѣе мнѣніемъ Бругмана въ томъ, что первоначальная Ф. суффикса есть *къ* (= qo), и что предшествующій этому слогу гласный, какого бы происхожденія онъ ни былъ, сдѣлался составною частью суффикса въ данномъ состояніи языка, съ тою разницей, что для Миклошича это былъ языкъ общесловянскій, а для Бругмана индоевропейскій. Въ разбираемыхъ нами мѣстоименіяхъ происхожденіе отъ основы на *ъ* = *ĭ* слишкомъ очевидно, такъ какъ темы на *ĭ* отъ мѣстоименныхъ корней съ предшествующимъ суффиксальнымъ элементомъ *l* извѣстны и въ другихъ родственныхъ языкахъ, различаясь отъ словянскихъ образованій лишь качествомъ коренного гласнаго: лат. *tālis*, *quālis*, при чемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ извѣстно и дальнѣйшее распространеніе этихъ темъ элементомъ *k*, т. е. подобныя словянскимъ мѣстоименныя образованія съ суффиксомъ *iqo*: греч. πηλίκος, τηλίκος[2]), др. в. нѣм. *solīh*[3]), но, какъ видимъ, эти послѣднія образованія долготой *і* совпадаютъ со словянскими *коликъ*, *толикъ*, съ которыми и сравниваютъ ихъ Бругманъ и Миклошичъ, такъ что прямой параллели нашимъ *кольк-*, *тольк-* въ несловянскихъ языкахъ я не нахожу, если нѣмецкія *solch-*, *welch-* предполагаютъ непремѣнно праформы съ суф. *līh*, а не *ĭh*, чего я рѣшать не берусь, предоставляя это германистамъ. Вслѣдствіе этого весьма вѣроятнымъ отвѣтомъ на дилемму Облака пред-

---

[1]) Grundriss der vergl. Gram. der indogerm. Sprachen, II B., 1 Hälfte (Strassburg 1889), стр. 245, 253 (§§ 87, 88), за пользованіе этой книгой приношу благодарность П. Г. Риттеру.

[2]) K. Brugmann, Grundriss d. vergl. gr. d. indogerm. Spr., II B., 1 Halfte (1889), s. 250. Бругманъ сравнив. греч. πηλίκος съ д. в. н. *welēr* и предполаг. прагерманск. суф. *—lk—χa—.

[3]) Miklos Vergl. Gram. II, 247.

ставляется мнѣ то предположеніе, что *толк-*, *колк-* суть новообразованія къ готовымъ темамъ *толъ*, *колъ* уже на славянской почвѣ.

Что касается второго вопроса, то мнѣ кажется, что, принимая если не для дославянскаго, то по крайней мѣрѣ для общеславянскаго періода двѣ праформы *-ьk-* и *-ik-*, мы не должны однако отрицать возможности происхожденія въ нѣкоторыхъ говорахъ формъ *-ьk-* вторично путемъ сокращенія изъ *-ik-*. Это сокращеніе обусловливалось мѣстомъ ударенія въ разбираемыхъ словахъ и характеромъ тоническимъ данныхъ говоровъ, т. е. отношеніемъ ударяемыхъ слоговъ къ неударяемымъ, а именно, если удареніе падало на слоги *ко-*, *то-*, въ говорахъ, наиболѣе ослабляющихъ слогъ, непосредственно слѣдующій за ударяемымъ, естественно *i* могло потерять слоговой характеръ и сравняться въ произношеніи съ рефлексами стараго *ъ* въ неслоговомъ положеніи, откуда написаніе *-лък-* или *-лк-* и произношеніе *lъ̯k*, *l'k*, *lk*, *ɬk* въ современныхъ говорахъ; при этомъ напомню, что встрѣчающееся у насъ въ 3-мъ поч. **толко** мы не имѣемъ твердаго основанія читать непремѣнно съ *ɬ*, а не съ *l*, какъ это ясно изъ сказаннаго на стр. 81. Такимъ образомъ великорусскія *то́лько* (и *то́лко*) [1]), *ско́лько* и даже малорусскія *тíл(ъ)ко*, *скíл(ъ)ко*, чакавскія діалектическія *kolk*, *kolka*, *kolko*, *tolk* и нѣкоторыя другія изъ вышеприведенныхъ формъ могутъ предполагать подобное сокращеніе. Въ пользу происхожденія чакавскаго *kolko* изъ *koliko* говоритъ во первыхъ существованіе въ имѣющихъ подобныя формы чакавскихъ говорахъ фонетическаго ослабленія конечнаго неударяемаго *i* до степени *ъ*, а внутри слова существованіе такого-же ослабленія въ нихъ по крайней мѣрѣ при плавныхъ [2]), что̀ сближаетъ эти говоры съ сосѣдними на сѣверѣ словѣнскими, во вторыхъ сохраненіе въ нихъ средняго *l*: если бы здѣсь послѣ *l* искони, т. е. въ общеслов. эпоху, былъ ирраціональный звукъ, становившійся неслоговымъ, когда за *k* слѣдовалъ гласный полнаго образованія, то въ соотвѣтствующихъ чакавскихъ говорахъ отвердѣвшее въ общесербско-хорватскую эпоху *l* (= *ɬ*) исчезало̯ бы [3]), вызывая долготу [4])

[1]) Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ VII вып. Сборника Кирѣевскаго (стр. 64), на который ссылается Колосовъ (Обзор звук. и форм. особен. 153), я не могъ добиться, въ какомъ именно говорѣ встрѣчается эта форма.

[2]) V. Oblak, Der Dialect von Lastovo, Archiv f. sl. Phil. XVI, 434.

[3]) Ibid. 439.

[4]) Если въ ластовскомъ *ponedjènik* остается краткое *e* (ib. 439), то это объясняю я тѣмъ, что здѣсь искони было не *l* среднее, а *lj*, которое могло исчезнуть не путемъ обращенія *l*—*ɬ*—o̯ (u̯), а путемъ обращенія въ j—i̯ (сравн. шток. *понѐдјељнӣк* при *понѐдионӣк* В. С. Кар).

предшествующаго *о*, какъ это и было, вѣроятно, въ стародалматинскихъ *koko*, *toko*. А что ударепіе въ этихъ формахъ (на *-ĭk-*) не всегда было на суффиксальномъ *і*, какъ показывали бы штокавскія формы *ко̀лик*, *то̀лико* (см. выше) и чакавск. *kolĩko* (рабск. гов.) [1]), что̀ препятствовало бы сокращенію этого *і*, доказываютъ штокавскія же съ одной стороны *ко̀лико*, съ другой *колйка*, *толйкӣ*, *толйкō* и т. п., свидѣтельствующія объ исконности ударенія или на коренномъ или на флексивномъ слогѣ. Для интересующихъ насъ въ особенности современныхъ русскихъ формъ мы можемъ, такимъ образомъ, принять отчасти исходною точкою формы съ суф. *-ик-* (*-ĭk-*) (=дословянск. *-ĭk-*), но для формъ такого древняго памятника, какъ Синод. списокъ Новгор. лѣт., я склоненъ скорѣе принять праформы съ суф. *-ък-* (= праслов. *ŭk*), такъ какъ общихъ, не ограниченныхъ извѣстными словами, случаевъ появленія *ъ* изъ *и* мы здѣсь не находимъ, а съ другой стороны общесловянское происхожденіе формъ съ суф. *-ък-* (*-ŭk-*) нельзя отрицать въ особенности ради болгарскихъ *ко̀лко*, *то̀лко* и т. п., старочакавск. діалектич. *koko*, *toko* и нѣкоторыхъ другихъ (и для малорусск. *тйке* и т. п. вѣрнѣе принять эту праформу съ ирраціональнымъ гласнымъ въ суффиксѣ).

На третій вопросъ съ общесловянской точки зрѣнія, мнѣ кажется, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно: нѣтъ никакого основанія считать суф.-*ŭk-*, каковой является здѣсь въ болгарскомъ, общесловянскимъ; во всѣхъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ твердое *л* (=ł) или исчезновеніе его, оно можетъ быть объяснено позднѣйшимъ отвердѣніемъ, несомнѣнные примѣры котораго имѣются именно въ соотвѣтствующихъ говорахъ. Не говоря о діалектическомъ сербско-хорватскомъ *токо*, объясняющемся вполнѣ естественно изъ tolьko черезъ посредство измѣненія lь въ ł(ъ) и затѣмъ *о* или у, такъ какъ въ этой области всякое замыкающее слогъ среднее *l* совпало съ ł и всякое *ъ* совпало съ *ŭ* въ одномъ среднемъ между ними твердомъ звукѣ, замѣтимъ, что и болгарскія и великорусскія и малорусскія діалектическія формы удовлетворительно объясняются позднѣйшимъ отвердѣніемъ: твердость *л* (ł) вмѣсто несомнѣнной прежней мягкости діалектически извѣстна въ сѣверновеликорусскихъ [2]) и малорусскихъ говорахъ, а въ болгарскомъ предста-

[1]) M. Kušar, Rapski dijalekat, Rad jugosl ak. CXVIII, отд. от, стр. 37.

[2]) Колессовъ, Обзор звук. и форм. особ., 153 (говоры олонецкій, сольвычегодскій, великоустюжскій, кадниковскій, тотемскій и друг.). Сравн. «Матеріалы для изученія великор. говоровъ», издав. при «Извѣстіяхъ Отд. рус яз. и слов.» № III («Извѣстій» т. I, кн. 4,

вляетъ почти общее явленіе во многихъ и восточныхъ и западныхъ говорахъ[1]), передъ суффиксами же *-ънъ*, *-ыць*, и т. п., по замѣчанію Калины, свойственно преимущественно восточнымъ въ противоположность западнымъ говорамъ; мѣстоименія *то́льку*, *ольку*, *ко́льку* съ мягкимъ (или среднимъ, срв. у Облака, Maced. Stud. 48—49) *l* извѣстны, кажется, лишь въ нѣкоторыхъ изъ западно-македонскихъ говоровъ, напр. въ дебрскихъ: см. Сборникъ отъ бълг. нар. умотвор. Шапкарева ч. I, кн. 1, стр. 79, 80, при чемъ въ той же пѣснѣ, въ которой встрѣчаются эти формы по дебрск. говору, по другому — костурскому (южно-македонскому) говору *то́лко* ibid. 78, ср. у П. А. Лаврова, Обзоръ зв. и ф. ос. 112.

Что касается формъ съ суф. *-ън-* въ числит. *одинъ*, то къ нимъ съ вѣроятностію можно возвести діалектическія формы имен. ед. ч. муж. р., каковы малорус. (заблудовск. Гродн. губер.) *одзён*[2]), угрорус. jedén[3]), малор. *жо́ден* (Квитка, Малор. пов. I, 108), южновеликор. (Воронеж. губ.) *адён*[4]), болгар. македонск. *èден* (дебрск., охридск.[5]); можетъ быть, сюда же относятся и встрѣчающіяся въ среднеболгарскихъ памятникахъ **еденъ** Охрид. ап. 49 об., **еденого** Трнов. Еванг. (Лавровъ, Обзоръ зв. и форм. особ., стр. 53 со ссылкою на изслѣдованіе Валявца въ Starine XX, 177), если только эти единичные примѣры не описки.

стр 956), № IV («Извѣстій» т. II, кн. 1, стр. 251), № V (Вятск. губ. Котельнич. у. с Красногорское, «Извѣст.» т III, кн. 1, с. 14), большею частью отмѣчается *л* вм. *ль* въ словахъ *болше*, *мелче*, *болной*, а также вообще передъ суф. *-н-*.

[1]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм особ болгар. яз., стр. 101, 103; A. Kalina, Studyja nad historyją języka bułg., Rozprawy..... wydziału filol. Akad. Um. w Krakowie 1891, т. XIV, с. 430, 431.

[2]) А. Аѳ. Потебня, Отзывъ о сочин. А. Соболевскаго, стр. 24 («Извѣстій» т. I, 827).

[3]) Olaf Broch, Zum Kleinrussischen in Ungarn, Archiv f. sl. Phil. XVII, 378—382.

[4]) Филатовъ въ статьѣ о говорахъ Ворон. г. (Рус. Фил. Вѣстн. 1897 г., № 3—4, стр. 257).

[5]) Шапкаревъ, Сборн. отъ българ. нар. умотвор., ч. I, кн. 1, стр 79. Сборникъ отъ народни стар., кн. III, стр. 118. Срв. и словарь Дювернуа подъ слов. *еди́нъ* (примѣры изъ сборн. Миладиновыхъ) Въ болгар. говорахъ примѣры *е* изъ *ъ* бо́льшею частію восходятъ къ той эпохѣ, когда *ъ* еще отличалось отъ *ѣ*, а потому на старое *ъ* можетъ указывать зв. *е* въ тѣхъ говорахъ, которые въ настоящее время не передаютъ черезъ *е* новый глухой звукъ, въ которомъ слились старословянскіе звуки *ъ* и *ь* (въ дебрскомъ и охридскомъ этотъ новый глухой перешелъ въ *о:* бочка, песокъ и т. п., Шапк., Сб. н. стар. III, 118; срв. объ этомъ въ статьѣ Облака «Die Halbvocale» .... въ XVI т. «Archiv»'а, стр. 185—193). На *ь* можетъ указывать и мягкость *д* передъ глухимъ звукомъ въ конопчійско-калоферскомъ id'ъnájsi, если только глухой звукъ здѣсь не представляетъ вторичнаго образованія изъ стараго *ѣ* (Kalina, Studyja nad hist. jęz bułg. § 48, стр. 201 или 363 т. XIV «Rozpraw» Краковской академіи).

Къ формамъ вообще съ ирраціональнымъ гласнымъ, неизвѣстнымъ по качеству, кромѣ великор.-малорус. *одна́*, *одно́*, *одного* и т. п., болгарскихъ *една́*, *едно́*, *едни* и т. д.[1]), сербскихъ *jèдна*, *jеднога*[1]) и другихъ подобныхъ формъ въ разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, причемъ твердость *д*[2]) здѣсь фонетически оправдывается независимо отъ первоначальнаго качества слѣдовавшаго нѣкогда за нимъ глухого, становившагося рано по положенію неслоговымъ, восходятъ сербск. *jèдан*, болгарск. діалектическое *edъn* (въ говорахъ трнскомъ и кратовскомъ)[3]), словѣнск. *édъ^{e}n* (*ъ^{e}*—глухой звукъ съ характеромъ *e*, изображаемый Плетершникомъ особымъ курсивнымъ *e*: *édeп*). Напротивъ польское *jeden*, нижнелуж. *jadën*, в. луж. *jëden*, *jedyn*, *jèdn*[4]), словацк. *edon*[5]) и съ большой вѣроятностью чешск. *jeden*[6]) должны ближайшимъ образомъ восходить къ формамъ съ суффиксомъ *-ън-*. Формы, восходящія къ формамъ съ какимъ-то ирраціональнымъ гласнымъ[7]), не только извѣстны во всѣхъ группахъ живыхъ словянскихъ нарѣчій, но встрѣчаются и въ древнѣйшихъ памятникахъ старословянскаго яз. и при томъ не только русскаго письма, каковы Изборникъ 1073 г. и т. п. (см. «Матеріалы для словаря др. рус. яз.» И. И. Срезневскаго), но и старословянскихъ, не имѣющихъ доказанныхъ признаковъ русскаго или какого либо

---

[1]) А Л. Дювернуа, Словарь болг. яз.; Т. Флоринскій, Лекціи по слав. яз. I, 120.

[2]) Что касается тѣхъ формъ, въ которыхъ послѣ *н* слѣдовалъ одинъ изъ смягчающихъ гласныхъ, какъ напр. великор. *одній*, то здѣсь, хотя *д* и мягко, но вслѣдствіе одноорганности его съ непосредственно слѣдующимъ мягкимъ *н*, эта мягкость не такъ замѣтна для говорящаго и слушающаго, какъ напр. мягкость *т* въ *т'ма* (сравн. польск. *ćma*, но *dnia*), и происходитъ это впечатлѣніе вслѣдствіе отсутствія обычнаго взрыва между *д* и *н*, такъ что звонкій мягкій неносовой постепенно переходитъ въ звонкій мягкій носовой (подробное физіологическое объясненіе разницы между *т'ма*—*ćma* съ одной и *dnia* съ другой стороны см. въ интересной статьѣ Ол. Броха въ сборникѣ «Χαριστήρια» въ честь Ѳ. Е. Корша).

[3]) A. Kalina, Studyja nad hist jęz. buſg., ibid.

[4]) Dr. K. E. Mucke, Hist. u. vergl. Laut—u. Formenlehre der niedersorb ..... Sprache, стр. 41, 20 (§§ 8 и 18, 4), причемъ буква *e* у Муке означаетъ открытое небное $e = e^2$ у Сиверса (нѣм. ä)

[5]) F. Pastrnek, Beitrage zur Lautlehre der slovak. Sprache in Ungarn, 113.

[6]) Хотя *дъn* одинаково съ *дъn* дастъ въ чешск. *den*, вѣроятность здѣсь основного *дъn* опирается на формы другихъ сѣверозападныхъ нарѣчій и главнымъ образомъ на словацкую Если же Гебауэръ предполагаетъ для чешскаго праформу *jedъnъ* (Histor. mluvn I, 164, 166), то онъ руководится, вѣроятно, лишь этимологическими соображеніями не ближайшими, а болѣе отдаленными.

[7]) Что это былъ именно гласный *ъ*, на это я не имѣю доказательствъ, такъ какъ примѣры ѥдьноѫ, ѥдьно въ словарѣ (Lex. pal.) Миклошича взяты изъ памятниковъ болгарскаго XIII-го и сербскаго XIV и XVI столѣтій, въ которыхъ *ъ* можетъ быть употреблено безразлично вмѣсто *ъ* и *ъ*.

изъ сѣверныхъ словянскихъ языковъ; таковъ именно извѣстный Супрасльскій сборникъ. Въ немъ (цитирую по изданію Миклошича 1851 г., принимая во вниманіе поправки къ люблянской части рукописи, т. е. къ первымъ 118 листамъ = 1 — 172 стран. изданія, сдѣланныя Пастернкомъ[1]) на основаніи фотографій, приготовленныхъ въ Люблянѣ) въ формѣ им.-вин. ед. ч. муж. р. правильно пишется **єдинъ** (изрѣдка **єдин** 26, **єдин на десате** 198, **єдинь** 319, **єдинъ** 53, 120, **єдинъ** 45) 16, 19, 21, 23, 25, 26,..... 101, 102, 103, 105,..... 207, 212,.... 302, 305, 306 и мн. друг.; перечислять всѣ страницы (на нѣкоторыхъ изъ нихъ форма встрѣчается по нѣскольку разъ) было бы излишне; замѣчу только, что мнѣ удалось насчитать 102 случая, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести послѣ поправокъ Пастернка[2]) и единственный любопытный примѣръ **єдънъ** 164. 14, оказавшійся опечаткою вмѣсто **єдинъ**. Но въ тѣхъ формахъ, гдѣ за *н* приходился гласный полный (*а, о, и, ъ, ѫ*), въ томъ же памятникѣ преобладаютъ примѣры съ пропускомъ *и* между *д* и *н*, между которыми довольно часто встрѣчается апострофъ: **єдна** 68, 159, **є҆дна** 297; **єдиначє, єдначє, є҆диначє, є҆днако** 22, 25, 24, 30, 31, 44, 45, 70, 96, 259, 295, 309, 311, 314, 370 (всего 15 разъ); **єдно** вмѣстѣ со сложными (—**надесатаго** 319, **єдиочадъ** 417)— 28 разъ (22, 43, 51, 61, 74, 234 и друг.), **є҆дно** вмѣстѣ со сложными 15 разъ (7, 21, 40, 53, 62, 63, 64, 70, 317 и др.); **єдного** 36, 44, 55, 71, 84, 94,..... 142, 145,..... 228, 250,..... 332 и мн. др. — всего 31 р., **є҆дного** — 15 р. (37, 44, 54, 59, 63, 69, 71, 116, 167, 330, 388 и др); **єдномоу** 19 разъ (56, 63, 85, 93, 95,..... 181, 207, 251,.... 317, 344,... 440 и др.), **є҆дномоу** 9 р. (6, 28, 47, 58, 70, 125, 144, 291, 439); **єдномь** (19, 50, 61, 271 и др.), **є҆дномь** (410, 413), **єдномъ** (449), **є҆дномъ** (70, 443)—всего 12 разъ; **єдноі** (176, 270, 278, 312, 317, 401), **є҆дноі** (44, 292), **єдноі** (422) — 9 р.; **єдноѫ** 6 р. (63, 220, 278, 316, 325, 327); **єдноѭ** (68, 80, 91, 166, 177, 201, 271, 283, 305 и др.), **є҆дноѭ**[3]) (52, 125, 409), **є҆дноѭ** 429, — всего 23 р.; **єдиѫ** (72, 250, 264, 271, 273, 449), **єдиѫ** (403) — 7 р.; **єдиѣми** (133), **є҆диѣлми** (289), **єдиѣмъ** (82, 203, 254, 280, 315, 321 и др.), — **ѣлмь** (246, 291, 389) — всего передъ *ъ* 15 р., но передъ *и* только 1 р.: **є҆дни** 331. Всѣхъ случаевъ

[1]) Frant. Pastrnek, O rukopise Supraslském, Listy filologické 1897, sešit II, стр 96 — 109. Большое спасибо Н. К. Грунскому за указаніе на эту статью.

[2]) Ibid. 106.

[3]) См. поправки Брикнера, Archiv f slav Phil. XIII, 318 (у Миклошича 425—452).

безъ *и* по моему счету выходитъ 208. Если мы сопоставимъ ихъ съ числомъ примѣровъ *-ин-* въ тѣхъ-же формахъ [кдина — 7 р. (29, 91, 204, 169, 376, 377, 436), кдиначе (29, 104) — 2 р., кдинѣнии (61) — 1 р., кдини 4 р. (53, 190, 325, 390), кдино вмѣстѣ со сложными 9 р. (7, 27, 48, 76, 87, 129, 140, 233, 255), кдиноі 1 р. (176), кдиномоу 1 р. (346), кдиномъ 1 р. (61), кдиною 1 р. (198), кдиномъ (177) 1 р., — ѫ 1 р. (47), кдиноуоум(оу) 1 р. (328), кдин(ъі 164) 1 р., — (ъіи 386, 414) 3 р., кдинѫ 9 р. (7, 61, 65, 194 и др.), кдинѣ(-мь 43, 47, 52 и др.,—мъ 72, 295, — ѫъ 43, 57, 329) — 15 р.], которое равняется 58, то намъ будетъ ясно преобладаніе первыхъ надъ послѣдними, хотя это преобладаніе неодинаково въ отдѣльныхъ формахъ, и иногда является даже обратное отношеніе: замѣчается нѣкоторое предпочтеніе послѣднихъ первымъ, если за *н* слѣдуетъ узкій гласный (*и*, *е*, *ъ*), такъ что передъ *ни* только 1 примѣръ съ ' противъ 4 съ *и* послѣ *д*, передъ *нъ* число тѣхъ и другихъ по крайней мѣрѣ одинаково, передъ *не* ни разу не встрѣчается пропуска *и*, хотя есть одинъ примѣръ съ *и*; также и передъ *нъі* при четырехъ примѣрахъ съ *и* ни одного безъ *и*; передъ сочетан. *н* съ широкими гласными рѣшительно преобладаютъ примѣры безъ *и*, кромѣ формы ж. р. ед. ч. им. п. на *а*, въ которой болѣе частое написаніе съ *и* (7 противъ 3) можетъ объясняться вліяніемъ формы муж. р. ед. ч. им. п. Свидѣтельство Супрасл. сборника не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи формъ безъ *и*, предполагающихъ формы съ какимъ-то ирраціональнымъ гласн., и въ говорахъ старословянскаго яз., а въ связи съ приведенными выше формами живыхъ словянскихъ нарѣчій позволяетъ отнести подобные варіанты къ говорамъ общесловянской эпохи. Но старословянскій яз. повидимому не зналъ формъ съ глухимъ гласнымъ между *д* и *н* въ «слоговомъ» положеніи[1]), т. е. въ формѣ им. вин. ед. ч. муж. р., и въ этомъ отношеніи сближается съ русскимъ и болгарскимъ, гдѣ, хотя и извѣстны формы, восходящія къ формамъ съ «слоговымъ» глухимъ, но лишь діалектически, въ противоположность не только всѣмъ сѣверозападнымъ группамъ, но и сербо-словѣнской, въ которыхъ эти формы являются господствующими. Формъ съ глухимъ гласнымъ «слогового» положенія, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается и въ древнерусскомъ, а

[1]) По крайней мѣрѣ я не имѣю для нихъ доказательствъ въ памятникахъ: приводимое Миклошичемъ и Востоковымъ въ ихъ словаряхъ кдьнъ изъ Гомилій Антіоха для старословянскаго яз. ничего не доказываетъ, такъ какъ почерпнуто изъ памятника сербскаго письма XIV в

потому остается подъ сомнѣніемъ ихъ древность; весьма возможно, что въ «слоговое» положеніе *ъ* (*ŭ*) проникло уже въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ подъ вліяніемъ господствующаго числа случаевъ «неслогового» положенія, а частію и подъ вліяніемъ существовавшаго вообще въ прилагательныхъ и существительныхъ образованіяхъ суффикса-*ън-*; конечно, это новообразованіе въ отдѣльныхъ говорахъ могло совершиться весьма рано, что̀ въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ доказывается напр. звукомъ *е*, замѣнившимъ *ъ* еще въ ту эпоху, когда *ъ* отличалось отъ *ŭ*, если только *е* не явилось въ этихъ говорахъ вторично вмѣсто *і* въ положеніи безъ ударенія. Но особенно явствуетъ позднее (сравнительно) происхожденіе этихъ формъ въ языкахъ сѣверозападныхъ, имѣющихъ, какъ мы видѣли, рефлексы не суффикса-*ън-*, а суф.-*ŭн-*, который вообще извѣстенъ лишь въ очень рѣдкихъ образованіяхъ (кажется, исключительно послѣ задненебныхъ согласныхъ, напр. въ словахъ **лоуж-ŭн-о*, **ок-ŭн-о* [1]) и т. п., при *-ън-* въ *гоум-ън-о*, *полот-ън-о* и др.) и кромѣ того не можетъ быть ближайше родственнымъ суффиксу *-ин-* (*-in*); твердое *d* прежде всего возникало въ косвенныхъ формахъ, гдѣ **дь* приходилось бо́льшею частію передъ твердыми слогами и гдѣ слѣдовательно обусловливалось измѣненіе неслогового *дъ* въ неслог. *дŭ*, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже на это указывалъ, ссылаясь на остроумное объясненіе Ол. Броха, и передъ мягкими слогами мягкость *d* вслѣдствіе непосредственнаго перехода къ *n*, иначе говоря, вслѣдствіе обращенія сочетанія **dьn*' прямо въ *d͡n*', была столь мало ощутительна, что не вызывала обычнаго качественнаго измѣненія *d*, а разъ твердое или по крайней мѣрѣ качественно не измѣненное *d* господствовало въ большинствѣ формъ, естественно было провести его и въ именит. п. ед. ч. муж. р., гдѣ вслѣдствіе возобладавшей въ сѣверозап. языкахъ оттяжки ударенія тѣмъ естественнѣе могъ явиться вмѣсто прежняго суф. *-in-* господствовавшій въ косвенныхъ формахъ суф. *иррац. зв.* + *n*. Замѣчу, что въ сѣверозап. языкахъ была и еще причина появленія твердаго сочетанія звуковъ — вліяніе явившагося органическимъ путемъ *ten* изъ *тъ-нъ [2]), въ которомъ старое общесловянское тъ, распро-

[1]) Миклошичъ въ «Lexicon palaeoslov.» и въ «Etymolog. Worterb.» ставитъ основными формы безъ иррац. гласн. между k и n: лоукно — *lukno* и окно — *okno*, хотя рядомъ ставитъ формы лоукъньцє, окъньцє, вѣроятно, считая *ъ* развившимся вторично, при чемъ *lukno* сравнив. съ греч. λίχνον, что̀ возможно лишь при условіи заимствованія, а *okno* сближ. съ око.

[2]) Ошибочно, по моему, производитъ Миклошичъ (Vergl. Gram. II, 151) чешск *ten* изъ *tьnъ*, что ясно изъ польскаго, въ которомъ также и *ktoren*, каждый, owen (Mikl. ib. 152), сравн. куявск.: *chtórny* (córkę) nie lubiła (Kolberg, Lud, ser. III, cz. 1, стр 129), нижнелуж.

страненное элементомъ также мѣстоименнаго происхожденія *и*, естественно и правильно фонетически измѣнило слоговое *tъ* въ *te*; также правильно явилось и jen изъ *jъnъ (сравн. старослов. и изъ *jъ); по образцу же этихъ формъ въ сѣверозап. языкахъ развился цѣлый рядъ новообразованій, каковы чешск. všecken, všechen и мн. др., къ числу которыхъ отношу я отчасти и разбираемое jeden. Любопытно обратить вниманіе на факты нѣкоторыхъ пограничныхъ съ малорусскими словацкихъ говоровъ Венгріи; въ нихъ мы встрѣчаемъ не мало непослѣдовательностей съ точки зрѣнія этимологіи и исторіи звуковъ; таковъ напр. говоръ деревни Фалькушъ, описанный и иллюстрированный точными образцами въ прекрасной работѣ Ол. Броха «Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn» (Kristiania 1897); въ немъ этимологич. *ъ* (кромѣ сочетаній: cons. + *ъ* + liquid. + cons.), а также и вторичное старое *ъ* въ слогов. положеніи большею частію = *o*: désok (стр. 41), ostátok (44), zámok (42, 43, 44), vónka (43), voš (52) и т. п., но встрѣчаются колебанія: l'úboų̯ (53), cerkóvn'ik (41) при cérkeų̯', márcheų̯', kreų̯ (53), а кромѣ того постоянно: désok (впрочемъ встрѣтилось только разъ, стр. 41), kédi (41, 43 и др.), tédi (44, 46), jéden (много разъ: 41, 42, 43), такъ что случаи той и другой замѣны встрѣчаются и въ коренныхъ и въ суффиксальныхъ слогахъ и иногда даже въ одномъ и томъ-же суффиксѣ, вѣроятно, въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ, но для насъ важно jéden, указывающее всетаки на *ъ*, такъ какъ рефлексомъ *ъ* здѣсь является лишь *e*, смягчающее предшествующій согласный, какъ и этимологич. *e*: *d͡zen'* и т. п. (43), или же *o* изъ *e*: víšol, póšol (43) и т. п.

Характерно и отступленіе верхнелужицкаго нарѣчія[1]): въ немъ этимолог. *ъ* обыкновенно рефлектируется звукомъ *o*, которое, какъ и этимолог. *o* передъ мягкими звуками измѣняется въ *e*; въ словѣ же *jĕdĕn*, т. е. *je²de²n* (при *jĕdyn* и въ пограничномъ восточн. говорѣ переходн. отъ н. л. къ в. л. *jedn*), нѣтъ причины появленія *e²* вм. *o*, если предполагается основное *ъ*, а съ другой стороны, если бы предполагалось *ъ*, было бы непонятно отсутствіе смягченія *d*; это даетъ поводъ думать, что діалектическая форма *jĕdn* (т. е. *je²dn*) лежитъ въ основаніи остальныхъ верхнелужицкихъ и

ten, kenž, (w)šyken, (w)šycken, в. луж. tón, wšitkón (Mucke, Hist. u. vergl. Laut — u. Formenlehre der niedersorb..... Sprache, стр. 422—430, сравн. также стр. 41; относит. верхнелуж. *ó* изъ основного *ъ* сравн. *són* изъ *sъnъ).

[1]) Mucke, Histor. u. vergl Laut- u. Formenlehre d. niedersorb..... Sprache, стр. 41 (§ 18).

нижнелужицкихъ формъ, кромѣ *je²dyn*, которое обязано своимъ существованіемъ формѣ *je²dn* лишь отчасти, т. е. по скольку въ немъ утрачена мягкость слога **di*, измѣнившагося вмѣсто *dźi* въ *dy*, при чемъ это-же старое отчасти (т. е. кромѣ утраты мягкости) *je²dyn* и было, какъ мнѣ кажется, причиною того, что новый глухой звукъ, развившійся естественно между *d* и *n* получилъ окраску *e*, а не *o*, какъ это случилось въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ (*edon*, см. выше), самая-же форма *je²dn*, какъ я думаю, явилась результатомъ отвлеченія изъ формъ косвенныхъ падежей. Такимъ же вторичнымъ путемъ явилось, вѣроятно, и польское *jedyny* вмѣсто древнепольскаго *jedźiny* (псалт. Флор.)[1]).

Одноорганность сочетающихся согласныхъ *d* и *n*, изъ которыхъ первый отъ второго отличался лишь отсутствіемъ носового оттѣнка, вызвала въ нѣкоторыхъ группахъ говоровъ сліяніе ихъ въ одинъ звукъ долгій или краткій *n*; таковы: великорусскія *анна́*, *анно́* и т. п. (Касимов. Ряз. г.)[2]), словѣнскія формы *éna*, *éno*, *énega* при именит. ед. муж. р. *édъ²n* и *edín*[3]), верхне и нижнелужицкія *jena*, *jana* при *jadna*, *jenoho* (в. л.), *janogo* (н. луж.) при *jednoho* (в. луж., рѣдко), *jadnogo* (н. луж.) и т. п., в. луж. *žana*, *žane*, *žanoho*, н. луж. *žena*, *ženo*, *ženogo* при *žedna* и т. п.[4]), подъ вліяніемъ же случаевъ измѣненія *dn* + гласн. въ *n* + гласн., т. е. подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ пад., и въ формѣ имен. ед. муж. р. въ словѣнскомъ явилось *n* вм. *dn*, которое и не могло бы удержаться, если между *d* и *n* не развивалось полнаго или ирраціональнаго гласнаго, при чемъ безразлично, возникалъ ли этотъ

---

[1]) Wl. Nehring. Psalt. Flor. Lexicon, 196; Miklosich, Etymolog. Worterb. s. v. (102).

[2]) Е Ѳ Будде, Къ исторіи великорус говоровъ, 145, 301. Срв. также въ Остров. у. Псков. г. (Матеріалы для изуч. великор. гов. V, 5 (№ 33).

[3]) Pleteršnik, Slov. nemški slovar; такія формы безъ *d* восходятъ къ XVI-му столѣтію (въ рукоп «Крайнск. Мѣста»: *enmu*, *eno*, *eneriga*, *enery*, *obeniga* и даже въ имен. ед. муж. р. *an*, *en* при *edin*, Sket, Slov. slovstv. čitanka, 35—36, но въ Цѣлов рукоп. нач. XV в. еще *ednero*, ibid. 32). Діалектически подобныя формы извѣстны и въ сербо-хорватской группѣ, а именно въ чакавскихъ и кайкавскихъ говорахъ: въ рабскомъ гов. при имен. ед. муж jedân въ Ф. род ед муж. jenôga и jenoga, въ жен. р jenâ, множ. ч jenî, jenê и т. д. (Kušar, Rapski dijalekat, 37, отд. от. изъ 118 кн «Rad jugosl akad.»), а въ кайкавскомъ говорѣ, описанномъ въ 115, 116 и 118 кн. «Rad»а Рожичемъ (Kajkavački dijalekat u Prigorju, отд. от. 20, 132), и въ Ф. имен. ед муж. *jȅ²n*, такъ что *d* уже совсѣмъ отсутствуетъ во всѣхъ формахъ разбираемаго слова (сравн. jan, jano, anoga въ межмурскомъ говорѣ, описанномъ Облакомъ, Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena, изд. югослов. академіи, u Zagrebu 1896, sv. I, стр 45, 52).

[4]) Mucke, Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre der niedersorb..... Spr. 249—250; источники нижнелуж. яз. XVI в Якубица и Моллеръ еще вездѣ сохраняютъ *d* передъ *n*, ib. 250, § 136, 1, a).

гласный вновь изъ необходимаго въ каждой группѣ согласныхъ слабаго «glide», или представлялъ дальнѣйшее развитіе стараго этимологически даннаго звука.

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній я позволю себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что въ имен. ед. муж. р. разбираемаго нами слова глухой звукъ между *d* и *n* вмѣсто стараго полнаго *i* представляетъ сравнительно позднее явленіе, развившееся уже во время обособленной жизни отдѣльныхъ словянскихъ группъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ, вѣроятно, именно въ тѣхъ, въ которыхъ и въ формахъ косвенныхъ падежей между *d* и *n* дольше, чѣмъ въ другихъ, слышался, если не полный, то ирраціональный (глухой) гласный *i* или ъ, этотъ новый глухой и въ Ф. именит. ед. муж. р. принималъ характеръ звука ъ, въ слоговомъ положеніи естественно измѣнявшагося въ этихъ (болгарскихъ и русскихъ говорахъ) въ *е*, въ другихъ же группахъ, обнимающихъ все остальное большинство словянскихъ нарѣчій, здѣсь получался вообще какой-то ирраціональный гласный, совпадавшій съ рефлексами старыхъ ъ и ь тамъ, гдѣ они сами съ древнѣйшихъ временъ (въ группѣ сербо-словѣнской) совпадали въ одномъ звукѣ, или сближавшійся[1]) (въ лужицкомъ и частію въ словацк.) и даже совпадавшій (частію въ словацкомъ и, можетъ быть, въ польскомъ и чешскомъ) съ рефлексомъ ъ, но характеризующійся вообще несмягчающимъ дѣйствіемъ на предшествующій согласный; такой новый глухой звукъ, замѣнившій старый ь и совпавшій или сблизившійся съ ъ, находимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ лужицкаго, чешскаго и словацкаго: в. луж. *kozoł*, *kotoł* (Pfuhl, Lausitzisch — Wendisches Worterbuch, Budissin 1866) при старослов. **козьлъ*, *котьлъ* (Miklos., Lex. pal.), рус. *козёл*, *котёл*, чешск. *orel*, *osel* = словацк. *orol*, *osol* (Gebauer, Hist. mluvn., I, 59, Pastrnek, Beitrage zur Lautlehre der slov. Spr., 84)[2]) при ст. сл. **орьлъ*, *осьлъ* (Mikl., Lex. pal.; Ягичъ, Studien üb. Zogr. 110), рус. *орёл*, *осёл*, польск. *orzeł*, *osieł* (Бартошевичъ) и т. п.; причина этихъ явленій—законъ гармоніи[3]), дѣй-

[1]) Вообще о возникающихъ вновь въ исторической жизни отдѣльныхъ языковъ и говоровъ ирраціональныхъ гласныхъ нельзя говорить непремѣнно какъ объ ъ и ь, такъ какъ эти звуки могли не совпадать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, а лишь имѣть нѣкоторыя общія свойства то того, то другого, а потому и рефлексы могутъ быть различны.

[2]) М. б. сюда же относится и *осълъ* Маріинск. 263. 15, Остромир. 110 (М. Козловскій, О языкѣ Остром. Ев., 41), польск *osła* — *osełka* (Бартош.); на этимолог. ь несомнѣнно указываютъ лит. *asilas* готск. *asilus*, д. в. нѣм *esil* (Miklos, Lex. pal., Etymol. Worterb.).

[3]) Срв. статьи И. В Ягича «Studien uber das altslov.-glag Zograph-Evang.» въ I т. «Archiv fur slav. Phil.», стр. 17 и др., Вондрака «Ueber einige orthographische u. lexical.

ствовавшій прежде всего тамъ, гдѣ ъ было по положенію неслоговымъ, и распространявшійся затѣмъ и на слоговые случаи.

Въ пользу сравнительно новаго происхожденія формъ съ глухимъ звукомъ въ имен. ед. муж. р. говоритъ и удареніе, которое, какъ показываетъ сравненіе русскаго и болгарскаго съ сербскимъ, издревле должно было находиться на слогѣ *d* + *гласн.* + *n* (*одúн*, *одéн*, *адéн*, кдúн, *jèдан*) въ ф. им. ед. муж. р., будучи перенесено еще въ общесловянскую эпоху на этотъ слогъ съ конечнаго, ставшаго ирраціональнымъ, по закону ослабленія конечныхъ слоговъ (срв. у Шахматова, Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній, стр. 42—43); при предположеніи общесловянскаго варіанта **edъ́nъ* при **edínъ*, принимая во вниманіе то обстоятельство, что независимое генетически существованіе обѣихъ формъ мало вѣроятно, такъ какъ оно возможно бы было лишь при условіи существованія во второй изъ нихъ суффикса *-in-* въ значеніи принадлежности предмету, выраженному какимъ-то корнемъ **ed-*, какое здѣсь трудно допустимо, естественнымъ представляется первую форму (съ ъ) поставить въ генетическую зависимость отъ второй (съ *i*), объясняя *-inъ* (-инъ) какъ мѣстоименіе инъ = лат. unus (изъ **oinos*) и т. д., что̀ давно уже (въ 1848 г.) было указано Шафарикомъ въ его статьѣ [1]) о числительныхъ, теперь въ нѣкоторыхъ пунктахъ уже устарѣвшей, но для своего времени имѣвшей большую цѣнность, не утраченную отчасти и теперь. Для бо́льшей ясности не мѣшаетъ только намѣтить путь, какимъ мѣстоименіе инъ могло стать составною частью мѣстоименія — числительнаго кдинъ (*одинъ*, *адинъ*, *единъ*), и путь этотъ, мнѣ кажется, былъ сходный съ тѣмъ, какимъ изъ *éди-* или *éде-* и *кой* въ болгарскомъ получалось *édикой*, *édекой* [2]), т. е. къ основѣ *edi-* или *edъ-* (*edъ̀-*) примыкало *инъ*, при чемъ два *i* (*i* + *ī* или *ĭ* + *ī*) слились въ одно сначала долгое, а затѣмъ среднее по количеству *i*; разница, однако, не только во времени соединенія, но и въ способѣ: въ *édикой*, какъ видно, *кой* въ качествѣ энклитики присоединилось къ *éди-*, въ ** edi — inъ*, судя по ударенію *едúнъ*, можемъ предположить или обратное, т. е. проклитичное присоединеніе частицы *edi-*, или

Eigenthumlichkeiten des Cod. Suprasl » въ 124 т. «Sitzungsberichte» Вѣнской Академіи и А. И Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1893, № 11 и 1894 г, № 11, стр. 27—30 Сравн резьянскую гармонію гласныхъ (Бодуэн-де-Куртенэ, Опыт фонетики рез. говоров, гл. 6).

[1]) На эту статью, помѣщенную въ изданіи полнаго собранія сочиненій Шафарика (Sebrané spisy, III, 615), указалъ мнѣ М. С. Дриновъ, которому выражаю здѣсь свою благодарность.

[2]) Дювернуа, Словарь болгар. яз. s. v.

иное удареніе въ самой частицѣ (*edĭ-*), но удареніе (на конечномъ слогѣ основы) косвенныхъ падежей и другихъ родовъ [1]) рѣшаетъ вопросъ въ пользу перваго предположенія; этимологія самой частицы *еди-*, родственной съ *едѣ* (ст. слов. ѥдѣ или *еде*, Miklos. Lex. pal. со ссылкою на болгарск. списокъ XVI в. Григорія Двоеслова, сербск. Минею Вука и русск. пам. XVI в. — слова Даніила митропол.) и, вѣроятно, ѥда (*еда*), не вполнѣ выяснена, и я оставлю въ сторонѣ всякія сопоставленія, не имѣющія прямого отношенія къ рѣшаемому мною вопросу [2]). Для меня важно лишь то, что генетическое первенство **единъ* передъ **едьнъ* является не только вѣроятнымъ, но почти несомнѣннымъ, такъ какъ, кромѣ чисто фонетическихъ соображеній, въ пользу него говоритъ и значеніе простого *инъ* «unus», которое представляется очень древнимъ и относится, какъ показываютъ факты родственныхъ языковъ (литовскаго и другихъ балтійскихъ, греческаго, латинскаго и другихъ романскихъ, готскаго, древне- и ново-нѣмецкаго), ко времени, задолго предшествовавшему выдѣленію общесловянской группы говоровъ изъ группы общеиндоевропейской или по крайней мѣрѣ общеевропейской [3]). Изъ **единъ* форма **едьнъ* могла получиться лишь путемъ сокращенія, причины котораго здѣсь быть не могло, пока удареніе находилось на *i*, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, удареніе продолжало оставаться на интересующемъ насъ слогѣ и тогда, когда вмѣсто *i* здѣсь былъ уже ирра-

---

[1]) Это удареніе, мнѣ кажется, должно быть признано обще-литовско-словянскимъ (сравн. замѣчанія Фортунатова въ статьѣ «Удареніе въ прусскомъ яз.», стр. 22, отд. отт. Рус. Фил. В. 1895 г).

[2]) Замѣчу лишь, что въ этихъ частицахъ могутъ заключаться сочетанія двухъ частицъ, такъ какъ намъ извѣстны въ словянскихъ нарѣчіяхъ съ одной стороны частицы *е, о, а*, отдѣльно или въ сочетаніи съ другими (*же, ли* и др.), съ другой *де, ди, до, да*, отдѣльно или энклитично. Болѣе свѣдущимъ, чѣмъ я, людямъ предоставляю рѣшить, возможна ли какая либо этимологическая связь нашего *ед-* съ н. в. нѣм *et-* въ *et-liche, et-wa, et-was* и т. п., а ясная теперь всякому лингвисту невозможность сопоставленія съ нѣм. *jeder*, представляющимъ повидимому сочетаніе основы *je-* съ указат. мѣстоим. *der* = слов. *тъ*, была еще 50 лѣтъ тому назадъ указана Шафарикомъ на основаніи тогда уже извѣстнаго закона Гримма. Шафариково сравненіе слога *ди* съ греч. δεις въ οὐ-δείς (цитирую по сочин. А. Будиловича «Анализъ составныхъ частей Славянскаго слова съ морфологич точки зрѣнія» въ «Извѣстіяхъ истор.-филол. института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1877 г., стр. 179, на которое обратилъ мое вниманіе Н. К. Грунскій) должно быть оставлено, такъ какъ греч. *δ* здѣсь то же, что въ οὐδε и δε, и этимологически тожественно съ слов. *ж* въ *же* и т. п.

[3]) Словянское *і* въ *инъ* можетъ указывать или на дословянскій дифтонгъ *e͡i* или на *o͡i*, на который указываютъ родственные языки (греч. οἴνη «Einzahl», Gust. Meyer, Griech. Gram. въ изд. 1880 г., § 395, срв. Лекціи Фортунатова по ц. слав. яз. 1884—1885 г., стр. 76, лат. *ūnus* изъ **oinos*, др. прусск. *ains*, готск. *aina-*); только процессъ образованія словянскаго *і* изъ *o͡i* въ начальномъ слогѣ не вполнѣ ясенъ.

ціональный звукъ (сербск. штокавск. *jèдан*, чакавск. *jedân* [1]), русскія діалектическія формы и т. п.); это обстоятельство и заставляетъ меня въ связи съ раньше упомянутыми видѣть въ формахъ, восходящихъ къ * *едь́нъ* или * *едъ́нъ*, не только явленія сравнительно новыя, но и такія, которыя могли возникнуть лишь нефонетическимъ путемъ, т. е. подъ вліяніемъ другихъ формъ, въ которыхъ фонетическое происхожденіе ирраціональнаго звука возможно допустить. Возможность сокращенія *і* въ *ъ* еще въ общесловянскую эпоху обусловливалась въ формахъ косвенныхъ пад. муж. р. и формахъ жен., сред. р. и множ. ч. неударяемостью этого *і* какъ въ простомъ *ин-*, такъ и въ сложномъ *един-*, и тѣмъ дальше отъ подлежащаго сокращенію слога приходилось удареніе (если оно слѣдовало за нимъ), тѣмъ легче могло произойти въ немъ сокращеніе, а здѣсь удареніе искони падало или на конечный гласный основы или еще дальше — на конечный гласный суффикса; напр. въ род. и дат. ед. муж. р. мы, кромѣ штокавскаго *jèдногa* = чак. *jenôga* [2]), шток. *jèдному* = чак. *jenỗmu* [2]), имѣемъ согласно съ русскимъ *одного́*, *одному́* чакавскія *jenogȁ*, *jenomȕ* [2]), что даетъ право паконечное удареніе въ этихъ формахъ отодвинуть ко времени еще не обособившихся говоровъ общеслов. языка. Правда, мы имѣемъ указанія и на удареніе перваго слога разбираемаго слова также еще въ говорахъ общеслов. яз., каковы сербское діалектич. jȅдан, jȅдна [3]) при малорусскихъ *одного* въ выраженіяхъ *один—одного*, *один від одного*, — *за одного*, *ні одному*, *жóдному*, *ні-жóдною мірою*, *жóден* [4]), пинск. *жóдзинъ* [5]), бѣлорус. (Виленск. г., Дисн. у.) *жáдзинъ*, *нивóдзинъ* [6]), олонецк. *съ óдной*, *въ óдныхъ*, *до óдного*

[1]) M. Kušar, Rapski dijalekat, U Zagrebu 1894, стр. 37, отд. от. изъ 118-ой кн. «Rad jugosl. akad.»

[2]) M. Kušar, Rapski dijalekat, 37 (оттискъ изъ 118 кн «Rad» а); сравн. ib. 36 и samogȁ samomȕ при sâmoga, samôga, sâmomu, штокавск. *сáмога*, *сáмому* (Флоринскій, Лекціи, I, 304).

[3]) J. Berlić, Gram. der illirischen Sprache (3-e Aufl. 1850), § 93 (стр. 68 и сл); вм. его знака ^ я ставлю Вуковъ ". За доставленіе мнѣ этой книги еще въ 1889 г. благодарю В. Н Щепкина.

[4]) Г. Ѳ. Квитка, Малороссійскія повѣсти, I, 141, 132, 130, 126, 108 (изд. харьковск. 1887 г. подъ ред. А. А. Потебни). Замѣчу, что въ чешск. *žádný*, польск. *żaden*, малор. *жóден* и т. п. въ знач. «ни одинъ», «каждый» я вижу сочетаніе *же* съ * *едьн-*, * *едън-*. Это наиболѣе удачное объясненіе всѣхъ подобныхъ формъ въ сѣверозападной группѣ языковъ уже около 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1880 г) высказано И. В. Ягичемъ; хотя онъ свое объясненіе назвалъ «ubliche Auffassung und Deutung», но ему принадлежитъ указаніе въ особенности на формы лужицкія и польскія, которыя никакъ не укладываются въ предлагаемыя чешскими учеными новыя рамки (Archiv f. slav. Philol. V, 162—163, примѣч.).

[5]) Е. Ѳ. Карскій, Матеріалы для изуч. сѣв.-малорус. гов., I, 1, стр. 2.

[6]) Е. Ѳ. Карскій, Матер. для изуч. бѣлор. говор. II, стр. 9.

(Гильферд. 896, 899 и мн. др., Истом. 37), но, если подобное удареніе и можетъ быть отнесено къ общесловянскому времени, что̀ еще сомнительно, такъ какъ напр. сербскія *jе̏дан, jе̏дна* (на средней Савѣ, у Брода) могутъ быть позднѣйшими явленіями[1]), то весьма вѣроятно, что такое удареніе всетаки обусловливалось первоначально лишь извѣстными сочетаніями съ предлогами, частицами и т. п. (сравн. рабск. nȉjedan при jedân, Kusar, R. d. 36), при чемъ возможно, что первоначально оно ограничивалось формами косвенныхъ пад., а сокращеніе *і* въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, фонетически столь же возможно, какъ и въ слогѣ третьемъ передъ ударяемымъ со включеніемъ въ счетъ послѣдняго (сравн. законы сокращенія неударяемыхъ гласныхъ, выведенные А. А. Потебнею для южновеликорусскихъ говоровъ и формулированные В. А. Богородицкимъ).

Такимъ образомъ и удареніе свидѣтельствуетъ о болѣе позднемъ происхожденіи формъ съ глухимъ гласнымъ въ имен. ед. муж. р., чѣмъ форма съ гласнымъ *і*. А такъ какъ оно свидѣтельствуетъ именно о перенесеніи глухого звука въ имен. ед. муж. р. изъ формъ косвенныхъ пад. и другихъ родовъ и формъ мн. ч., то въ связи съ другими обстоятельствами, въ особенности же съ тѣмъ, что вновь образовавшійся еще, можетъ быть, на общесловянской почвѣ глухой не былъ одинаковъ, а въ отдѣльныхъ группахъ говоровъ видоизмѣнялся (въ смыслѣ бо́льшаго или меньшаго уклоненія отъ исходной точки — ирраціональнаго *і*) въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ условій и индивидуальныхъ діалектическихъ наклонностей, оно указываетъ на вѣроятность появленія разбираемыхъ формъ имен. ед. муж. р. уже на почвѣ отдѣльныхъ нарѣчій или достаточно обособившихся группъ говоровъ.

Что касается вопроса о томъ, можемъ ли мы считать господствующія у насъ въ лѣтописи формы *одинъıмь, одиного, одиноу* и т. п. принадлежащими русскому языку и въ частности говорамъ писцовъ XIII—XIV в. въ

---

[1]) Срв. объ этихъ и другихъ случаяхъ съ «бѣглымъ» *а* у Шахматова, Къ исторіи сербско-хорватскихъ ударѐній (1888), стр 14, 15, 18—19 Срв. также діалектическія отступленія въ Черногоріи, состоящія въ перенесеніи ˝ съ конечн. краткихъ открытыхъ слоговъ на предшеств. кратк въ видѣ ˝ вмѣсто ˋ (сообщен. Решетара въ Berichte der Balkan-Commission. I. Uber Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel..... zusammengestellt v. w. M. Herrn Dr. V Jagić, отд. отт. изъ Anzeiger der philosoph. — histor. Cl. v. 10. Nov. 1897, Nr. XXIII, стр. 16): žȅna, nȏga (сѣверные говоры), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже rûka, vîno (центральные и южные говоры) вмѣсто rúka, víno, какъ въ сѣверныхъ говорахъ Черногоріи и вообще въ большинствѣ штокавскихъ, или rūkȁ vīnȏ, какъ отчасти въ восточныхъ черногорскихъ и большинствѣ чакавскихъ.

Новгородѣ или въ ближайшей мѣстности, то въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія: какъ формы безъ *и* между *д* и *н* не заключаютъ въ себѣ безъ другихъ признаковъ ничего спеціально русскаго, такъ точно и формы съ *и* не чужды русскому языку вмѣстѣ съ другими словянскими нарѣчіями. Начальное *о* вмѣсто ц. слов. **ѥ, ѩ** достаточно говоритъ о принадлежности русскому языку нашихъ формъ, хотя я принужденъ пока сомнѣваться въ вѣрности отмѣченныхъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ формъ *одиной дух* (Шенкурск.) у Кирѣевскаго и *одиного* (Олонецк.) у Гильфердинга [1]). Удержаніе *і* могло обусловливаться перенесеніемъ на него ударенія съ конечнаго слога подъ вліяніемъ такого ударенія въ Ф. имен. ед. муж. р. и вслѣдствіе образованія членной прилагательной формы, которое обыкновенно влечетъ за собой оттяжку ударенія ближе къ началу слова (сравн. *добрà* = сербск. *дòбра*, но член. Ф. жен. р. *дòбрая* = сербск. дȍбрā, см. словарь В. С. Караджича) [2]). При **одйна́*, **одйну́*, измѣнившихся въ доисторическую эпоху въ **одьна́*, **одьну́*, а затѣмъ уже *одна́*, *одну́* съ потерей мягкости *д*, могли являться формы **оди́наая*, **оди́ную* и т. п., которыя въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ замѣнены ц.-словянскими *еди́наая*, *еди́ную* и т. п.; но что онѣ жили въ языкѣ, доказываютъ не только сомнительные остатки въ пѣсенномъ языкѣ, но и по крайней мѣрѣ одна форма нашей лѣтописи въ слѣдующемъ примѣрѣ: **одинѣмь пристоуплениемь взатъ бѣ**. 277, 14—15. Я обращаю вниманіе именно на этотъ примѣръ въ

---

[1]) Колосов, Обзор звук. и формальн особ. нар рус яз, 232 Вмѣсто *одиного* въ данномъ мѣстѣ у Гильфердинга (въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ) тридцать молодцевъ безъ *единаго* какъ въ изд 1873 г. (стр. 367), такъ и въ изданіи 1894 г. (Сборн Отд. рус. яз и сл, т. 59), т I, стр. 517. Вообще во всемъ сборникѣ Гильфердинга при частыхъ *единой* (рукой), *единымъ* и т. п. ни разу не встрѣчается *одиной* и т п. Пока мнѣ не удалось найти подобныхъ формъ и въ другихъ сборникахъ и провѣрить цитату изъ Кирѣевскаго.

[2]) Сравн. сербск *јѐдӣн*, *јѐдинӣ* и т. п (В. С. К.), но съ другой стороны замѣчательно *јѐдӣн* (ib) со старымъ удареніемъ на начальномъ слогѣ, причина котораго не вполнѣ ясна, по значенію слова *јѐдӣн* (ibid.) «solus in familia» однако можно догадываться, что оно уже предполагаетъ членную форму въ знач. «einzig, unicus» (В. С. К). Сербское *једи́нац* (В. С К) по ударенію вполнѣ совпадаетъ съ русск. *одине́ц* (сравн. фамилію *Одинцо́въ*), вмѣсто котораго, впрочемъ, въ арханг. нарѣч *оди́нец* (Подвысоцкій), также *оди́нок*, сравн. ibid. колебанія между *оди́нова* (то же слышано мною въ Васил. у. Нижегор и Курмыш Симб г) съ одной стороны и *однова́*, *бднова*, *однéва* съ другой. Любопытно также арханг. *éдной*, *éдна*, *éднаая*, *éдно*, *éдное* въ знач. «одинъ», откуда нарѣч *éднова* «однажды» (Подвыс.), олон. *едно́й рукой*, *не éднова* (Гильферд.[1] 839, 1269) Если въ пѣсняхъ встрѣчается ф. *едина́* («што *одна*-ль дума́ да *едина́* съ ума нейдетъ. » Пѣсни рус. нар. собр. Ѳ. М. Истоминымъ и Г. О Дютшемъ, стр. 205, г. Кемь Арханг. губ), то она по ударенію мнѣ представляется новою и обязанною своимъ происхожденіемъ формѣ нечленной *одна́* То же слѣдуетъ сказать о *едино́ слово* у Гильфердинга, Онеж. был. 647 (2 изд. т. II, 304, Сборн О. р яз. и сл. И. А. Н., т. LX).

отличіе отъ нѣсколькихъ другихъ, приведенныхъ выше, потому, что здѣсь мы имѣемъ окончаніе творит. ед. средн. р. *членнаго* прилаг., и это даетъ мнѣ право произносить *одйнымъ* съ удареніемъ на *і*, какъ нынѣшнее литерат. *едйным*, всѣ же остальные примѣры нашего памятника своими мѣстоименными окончаніями не даютъ намъ права ставить ударение на *і*, и весьма возможно. что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. въ **одиноу** 239, 274 (вин. ед. жен. р.), **одиномь часѣ** 285, 10, **одинѣѫ кнзь. г.** 178, 3 (снизу), т. е. тамъ, гдѣ окончаніе и смыслъ не допускаютъ двоякаго объясненія, какое напр. возможно съ натяжкою въ *одиного* (**кромѣ къ**| **ква.** 228. 4—5) вслѣдствіе проникновенія мѣстоименнаго окончанія и въ прилагательныя членныя, *и* писалось не по произношенію, а или подъ вліяніемъ членныхъ формъ и формы имен. ед. муж. р., или въ качествѣ неточнаго обозначенія звука *ъ*, который могъ становиться слоговымъ подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *і*; такимъ образомъ мы почти смѣло можемъ читать: *одйну́*, *одйно́мь*, *одйнѣ́хъ*, вѣроятно, и *одйного́*, или почти *одьну́*, *одьно́мь*, *одьнѣ́хъ*, *одьного́*, разумѣя подъ *ъ* приблизительно тотъ ирраціональный звукъ *і*, частію еще слоговой (непосредственно передъ удареніемъ), частію уже утратившій слоговой характеръ (въ слогѣ третьемъ передъ удар.), который слышится вмѣсто неударяемаго *і* теперь во многихъ великорусскихъ говорахъ. Такое-же *і* слоговое могло слышаться и въ *одина́кымъ*. Что же касается *оди*|*нодйно* (164, 9—10), то здѣсь при сравненіи съ *однодйно* 181 можемъ видѣть неточное изображеніе *ъ* при переносѣ: ударение приходится такъ же далеко впереди (—*ду́шно*), какъ и въ *одного́*; для произношенія же *однодйно* имѣетъ силу замѣчаніе о пропускѣ *ъ* на письмѣ, который самъ по себѣ не означаетъ непремѣнно твердости предшествующаго согласнаго. Страннымъ является тотъ фактъ, что и наши писцы подобно другимъ древнерусскимъ и старословянскимъ (Супр. рукоп.) ни разу не написали здѣсь *ъ*, такъ что о существованіи формъ съ *ъ* во всѣхъ разбираемыхъ нами производныхъ отъ слова *одинъ* мы догадываемся преимущественно при помощи теоретическихъ соображеній.

Формы *жьд-* при *жид-* въ настоящ. вр. изъяв., причаст. наст. и повелит. глагола *жьдати* могли бы считаться позднѣйшимъ отступленіемъ [1])

[1]) Отступленіемъ я позволяю себѣ считать эти формы потому, что мы имѣемъ цѣлый рядъ глаголовъ, въ которыхъ чередуется слабый видъ корня въ основѣ неопредѣленнаго съ сильнымъ въ основѣ наст. вр.: **кърати** (**къратн**)—**кержс**, **гънати**—**женж**, **зъкати**—**зовж**, **пьсати**—**пишж** и т. п. (см. Leskien, Handbuch der altbulg. Spr. § 115); правда, рядомъ съ сильнымъ

нефонетическаго характера, но во всякомъ случаѣ это отступленіе должно быть отодвинуто ко времени существованія общесловянскаго языка, хотя, можетъ быть, проявлялось и не во всѣхъ его говорахъ. На древность этихъ формъ указываетъ согласіе русскаго языка съ чешскимъ (ždáti, *ždu*, Miklos. Etym. Wört. s. rad. *ged-*) [1]), словѣнскимъ (ẑedẹ́ti и ždẹ́ti и наст. вр. ẑedím и *ždím* [2]) «тихо сидѣть, особ. на яйцахъ, высиживать, выжидать», Pleteršnik Slov.—nem. slov., ср. Miklos. Et. W.) и нѣкоторыми говорами старо-

видомъ корня въ основахъ наст. на *e* — *o* мы имѣемъ примѣры слабаго вида при сильномъ наоборотъ въ основахъ неопр., которыя не имѣютъ здѣсь характера *a*, каковы цѣлтѫ—цѣлсти (Ульяновъ, Основы наст. вр. въ ст. сл. и литовск яз., 33), но въ пользу первоначальности въ данномъ глаголѣ сильнаго вида въ основѣ наст. говоритъ литовскій яз., въ которомъ извѣстно лишь **geid*—въ geidźiù—geidźiaũ—geĩ˜siu—geĩ˜ti, geidulỹs и другихъ производныхъ при отсутствіи вида ** gid-*, который бы соотвѣтствовалъ словянскому *жьд-* (сравн. у Ульянова ibid , Kurschat Wörterb. der lit. Spr. II s. v.); что же касается неопред наклон., то здѣсь появленіе ъ весьма понятно, такъ какъ старыя основы на *ā* обыкновенно имѣли слабый видъ корня въ противоположность основамъ новымъ, какова *-жида-* въ *ожидати*, гдѣ являлся сильный видъ (Ульяновъ, ibid. 120—127); я даже думаю, не замѣнило ли *жьдати* первообразное ** жисти* подъ вліяніемъ ряда другихъ чередованій. Для полной аналогіи съ *пъсати*—пишѫ недостаетъ іотаціи въ основѣ настоящ. вр. жиждѫ, отличающейся этимъ отъ лит. geidźiù Вообще съ точки зрѣнія литовско-словянскаго языка я позволю себѣ считать первоначальнымъ здѣсь лишь видъ ** geid-*, видъ же *жьд-*, указывающій на ** gid-*, мнѣ кажется возникшимъ на словянской почвѣ, если только онъ не заимствованъ отъ другого родственнаго корня ** ged-*, чередовавшагося съ ** god-*, а въ ослабленномъ видѣ извѣстнаго какъ ** gad-*, т. е. съ слоговымъ иррацiон. гласнымъ, предполагаемымъ проф. Фортунатовымъ (словянскія формы извѣстны лишь отъ второго и третьяго вида: ст. сл. *годъ*, *годити* и т. п. при *жьд-* въ кѫждо и т. п., Mikl. Lex. p., серб. го̏д, го̏ђе «cunque» В. С. К. и мн. др. родственныя слова и формы въ разныхъ слов. нарѣчіяхъ, перечислять которыя значило бы слишкомъ далеко отойти отъ главнаго предмета рѣчи; желающіе найдутъ богатый матеріалъ у Миклошича въ Etymol. Worterb. s. rad. *ged-*; съ чередован. *жьд-* съ *год-* сравните чередованіе *шьд-* съ *ход-*, между тѣмъ какъ форма ** шед-* отсутствуетъ; объ этомъ см. въ статьѣ Ф. Ѳ. Фортунатова «Плавныя согласныя въ древне-инд. яз.», стр 486—488 Сборника въ честь Ѳ. Е. Корша). Я именно думаю, что литовско-словянск корень ** geid-* находится въ родствѣ съ корнемъ **ged-*, отъ котораго отличается лишь инфиксомъ *i* (впрочемъ Миклошичъ сравн. д. в. н. gît Et. W.), какъ другой родственный корень ** gend-* (ст. слов. жѫдъ въ жѫдати, жѫжда Mikl. Lex. p. и т. п., литовск. pasigendù,—gedaũ˜,—gèsiu,—gèsti Kursch. Worterb) отличается инфиксомъ *n* (сравн. у Ульянова ibid., стр. 43, 47). Что касается приводимаго Миклошичемъ глаг. жѫдати въ знач. ποθεῖν, desiderare (Lex. pal.), который могъ бы служить интенсивнымъ видомъ предполагаемаго корня ** жед-*, то весьма возможно, что въ немъ *а* замѣняетъ ѧ, что̀ не противорѣчитъ характеру памятниковъ (серб. сп Панд. Антіоха XIV в., въ которомъ это могло бы быть діалектич. чакавизмомъ, и болг. сп. словъ Григорія Папы XVI в), на которые ссылается Миклошичъ.

[1]) Сравн. и кашубское žẕą — «жду», žẕeš — «ждешь», pœžẕé — «подожди» (Бодуэнъ-де-Куртенэ, Кашубск. яз., народъ и вопросъ, Ж. М Н. пр. 1897, май, 103).

[2]) Впрочемъ, эти словѣнскія формы сюда не относятся, такъ какъ представляютъ образованія отъ основъ на *n* и *u*, являющееся въ наст. вр. при *n* въ неопредѣл. н., а такія основы обыкновенно имѣютъ и въ ст. словянскомъ слабый видъ корня (онѣ восходятъ къ индоевроп. основамъ на ē и o̯ — i̯e, см. у Ульянова ibid. 75 — 76, 144, 191).

словянскаго яз.: между тѣмъ какъ въ Зографск., Маріинскомъ, Ассеман., Сав. кн., Клоц. глаг., въ Молитвенникѣ и Псалтыри Синайск. въ данныхъ формахъ исключительно написано *жид-*, въ Супрасльск. Сб., который мы не имѣемъ пока никакихъ основаній считать написаннымъ въ Россіи, при **жиджтъ, пожиди, жидѣте, жидꙋ, жиджште** встрѣчаются и **жъдж, пожьди, дождѣмъ, жьдѣте, жъджштинꙗъ, жьджштиїмъ** [1]) (228. 17, 177. 17, 68. 1, 352. 24, 127. 24, 18. 8); на существованіе такихъ формъ въ старословянскомъ яз. указываетъ также свидѣтельство памятниковъ сербскаго письма, какъ видно изъ ссылокъ въ Lexicon palaeoslov. Миклошича на сербскіе памятники XIII—XVI в. (Homiliae Михановича, Шишатовецк. Апостолъ, Пятикнижіе Михановича и друг.); не говорю о памятникахъ русскаго письма, гдѣ обилие такихъ примѣровъ могло бы быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка [сравн. напр. **пожди** въ Лобковск. (Хлудов. № 187) Прологѣ л. 65ᵃ].

Съ другой стороны и формы, удерживающія *і* въ корнѣ, нѣтъ основанія считать только ц. словянскими: онѣ столько-же могли существовать и въ русскомъ, какъ и въ любомъ словянскомъ нарѣчіи. Трудно напр. думать, чтобы нашъ авторъ, влагая въ уста новгородцевъ фразу, обращенную къ Святославу: «**а ты** *пожиди* **бра· | то пондеши·**» (41—42), употребилъ форму ненародную, тѣмъ болѣе, что весь разсказъ на стран. 41—42 написанъ почти разговорно — народнымъ языкомъ. Весьма возможно, что въ извѣстный періодъ времени въ говорахъ великорусскихъ существовали обѣ формы въ зависимости отъ мѣста ударенія въ словѣ, которое иногда падало на коренной слогъ, а иногда на суффиксальный; возможно напр., что наст. вр. изъяв. спрягалось такъ: **жьдꙋ́*, **жи́детъ* . . . . . ; однако встрѣчающіеся въ нашемъ памятникѣ примѣры не даютъ основаній для такихъ предположеній, такъ какъ въ повсл. формѣ мы именно ожидаемъ ударенія на суффиксѣ, какъ и въ причастіи (**ждѧ**), а между тѣмъ *и* не выпущено и не замѣнено черезъ *ъ*, какъ это видимъ въ примѣрахъ причастія, такъ что, не имѣя ничего противъ теоретической возможности существованія формъ съ кореннымъ *і* въ русскихъ говорахъ древняго періода, мы можемъ видѣть въ данномъ у насъ примѣрѣ живой рѣчи лишь неточное изображеніе слабаго ирраціональнаго звука (неслогового *ъ*) подъ вліяніемъ конечнаго *и* (такого рода описки нерѣдки въ памятникахъ, сравн.

[1]) O. Wiedemann, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation (St. P. 1886), стр 58—59.

выше упомянутые случаи новъгород*ици*, ростов*ици* и подобные въ другихъ памятникахъ).

Кажущееся ъ вмѣсто *и*, которое можно объяснить различіемъ суффиксовъ (*-ьн-* и *-ин-*), отмѣчу въ **осмьнъка** 38. 2 при **осминъка** 23.

Въ формахъ собственныхъ именъ греческаго или вообще иностраннаго происхожденія, перешедшихъ къ намъ частію, м. б., прямо изъ греческаго яз., частію главнымъ образомъ черезъ южныхъ словянъ, мы находимъ ъ и затѣмъ или замѣну его черезъ *е* или пропускъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: 1) **хрьстина** (сравн. греч. χριστιανός, которому правильно соотвѣтствуетъ наше **крьстьян-**, случайно совпавшее въ суффиксѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, чисто словянскихъ, словъ) 19, 110; 2) **сьмь|юне** 96. 1—2 (КАТ. *семьюнъ*), **сь|мьюна** 172. 3—2 снизу, **сьмьюнъ** 182 = КАТ. *семьюнъ*), **семьюн(оу)** 183,—(а) 287, **сьмена** (КАТ. *сгмеона*) **стълъпника** 144, **семена** 306, **семен(ъ)** 308,—(оу) 314, 319 (К. *смену*),—(ко) 332 (К. *сменко*),—(ова) 241, **смен(ъ)** 220,—(а) 103, 161, 223, 333 (АТ. *симена*),—(оу) 182,—(окъ) 223 (АТ. *семенов*ъ), **смена** дн҃ї 69; какъ видимъ, формы съ ъ встрѣчаются только въ первомъ и второмъ поч., безъ ъ во всѣхъ трехъ, а также и въ другихъ, болѣе позднихъ, спискахъ, съ *е* преимущественно въ 3-мъ поч. и только въ особой формѣ *семьюн-* также и во второмъ поч.; можно думать, что здѣсь разница въ формахъ (*-ен-* и *-ьюн-*) происходила отъ того-же, отъ чего была разница между *гюрги* и *георгии* (сравн. и въ сербскомъ при ђ̏урађ также ђ̏орђије В. С. К.) изъ греч. Γεώργιος: одна форма пришла къ намъ устнымъ путемъ, вѣроятно, черезъ южнословянское посредство, при чемъ греч. *ō* передавалось черезъ и [1]), греческое кратк. *е* — черезъ ъ, другая путемъ книжнымъ; затѣмъ, какъ книжное, церковное **сгмеонъ** (Мар. Ев., см. словарь при изданіи И. В. Ягича) изъ греч. Συμεών измѣнялось въ народныхъ устахъ въ **съмеонъ** (Сав. кн. 116 а, Лук. II. 25, 28, см. у Срезневскаго «Др. слав. пам. юсов. письма» 136), **съмеонъ** ibid. 116 б, ib. 34 (у Срезн. ib.) и далѣе, какъ у насъ, *съменъ*, *сменъ* и *семенъ* (для пропуска *о* сравн. уже въ Мар. Ев. **о сгменѣ**, см. слов. Ягича, въ сент. минеѣ 1095 — 1096 г. Типогр. б-ки **сумена** [2]) л. 1[a]; фонетически этотъ пропускъ объясняется такъ же, какъ и

[1]) Сравн. у Шахматова въ Изслѣдов о яз. новгородск. грамотъ (Изслѣд. по рус. яз., т. I, стр. 147).

[2]) Служ. минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь... 1095—1097 г., трудъ орд. акад. И. В. Ягича, стр. 03.

въ *Фе́доръ* изъ *Θеодоръ* и т. п.), такъ книжное *георгии* измѣнилось въ *Егорій* и *Егоръ*; *е* въ неслогов. положеніи формы *семенъ* нѣсколько необычно и могло бы объясняться или ассимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго слога, или вліяніемъ древнихъ народныхъ формъ *семьюнъ* и т. п., гдѣ *е* правильно изъ слогового ъ, если бы не было и въ греческомъ другой формы Σεμεί̃ν (τοῦ Σεμεί̃ν въ Маріинск. Ев. переведено **семеоновъ**, см. словарь Ягича), которая могла дать поводъ для такой же словянской формы; для насъ все равно, то ли же это имя еврейскаго происхожденія, или другое, важно лишь то, что и въ греческомъ писалось не только υ, но и ε передъ μ.

Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, каковы: **дань|слава** 19. 1—2, **даньславъ** 69, **даньсла** 71, 223, **врачьслава** 251 (сравн. въ грам. 1314 г., у Шахматова въ издан. Новгородск. грам. № 12, **жидьславличь**), слѣдуетъ видѣть такую-же особенность словообразованія сравнительно съ *мьстиславъ*, *владиславъ* и т. п., какую мы выше отмѣтили въ сватъславъ сравнительно съ сватославъ или въ *вячьславъ* Ипат. лѣт. л. 327 (стр. изд. 315 и 316), 328 (316, 2 раза), 329 (317), *-ву* 329 (317) при вячеславъ ibid. л. 326 (2 р., стр. 315), 327 (315) и т. п.

Что касается конечныхъ слоговъ, то здѣсь ъ вмѣсто *и* можно отмѣтить въ **домовь** 2, 18, 25, 111, 114, 210, если принимать это за форму дат. пад., сократившую конечное безударное *и*, не поддерживаемое формами того-же падежа другихъ словъ вслѣдствіе употребленія въ качествѣ нарѣчія. Мнѣ не кажется невѣроятнымъ такое сокращеніе, хотя я ничего не имѣю и противъ мнѣнія тѣхъ, которые (Буличъ[1]), Соболевскій)[2]) видятъ здѣсь общесловянское ъ въ качествѣ окончанія мѣстнаго пад., употреблявшагося нерѣдко и для обозначенія движенія къ предмету, а не только пребыванія на немъ или въ немъ. Затѣмъ къ этому же разряду относится окончаніе 2 л. ед. ч. глаголовъ въ наст. вр., единственный примѣръ котораго мы имѣемъ въ **выводишь** 295. 23 (**че|моу**.....**ѿ на иноземца**) въ третьемъ поч. при нѣсколькихъ *ши*, изъ которыхъ только одинъ **при|зираѣши** 260 (**на тѧ оупова|ємъ гй вседержителю. ико**.....**на на оубогыхъ**) въ третьемъ поч., остальные же частію въ 1-омъ (4): **велиши** 1, **поидеши** 42, 58, 122, частію (6) во второмъ: **можеши** 132, **ѿпоустиши** 142, **позриши** 157, **идеши** 163, **хочеши** 187, **блѧвиши** 204; кромѣ того 2 раза встрѣ-

[1]) Ж. М Н. пр. 1897, декабрь, стр. 509—513; Indogerm. Forschungen, V B., 5 H. (1895), 392—3.

[2]) Ibid. 1897 г., ноябрь, стр. 67—68.

чается -си: вѣси 177, кси 218 (оба во второмъ поч.). Формы *-шь* встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ съ XIII-го в. (въ смоленск. грам. 1229 г. и рижской ок. 1300 г., Новгородской Кормчей 1282 г., при чемъ очень часто въ любопытномъ по языку произведеніи, входящемъ въ составъ этой Кормчей,—«Вопрошаніяхъ Кирика», и мног. другихъ; примѣры см. у Колосова въ «Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русск. яз»..... стр. 97 и у Соболевскаго въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики», стр. 84 и въ «Лекціяхъ по исторіи русск. яз.»[1], стр. 112). Уже въ «Изслѣдованіяхъ» Соболевскій обратилъ вниманіе на то, что формы *-ши* правильно употребляются лишь въ памятникахъ ц. словянскаго яз. и въ русскихъ спискахъ съ нихъ, въ чисто же русскихъ памятникахъ, каковы грамоты, извѣстны лишь формы *-шь*; на основаніи этого онъ заподозрѣлъ формы *-ши* въ принадлежности исключительно ц. словянскому яз., тѣмъ болѣе, что и въ памятникахъ ц. словянскихъ русскаго письма формы на *-шь* также изрѣдка встрѣчаются, а другія словянскія нарѣчія также не знаютъ формъ на *-ши*; мнѣніе свое проф. Соболевскій повторилъ и въ «Лекціяхъ» стр. 112, не смотря на возраженія, сдѣланныя Шахматовымъ въ «Beitrage zur russischen Grammatik» (Archiv f. slav. Philol. VII, 64—65), который, по крайней мѣрѣ въ то время, придерживался мнѣнія о бо́льшей первоначальности окончанія *-ши*, изъ котораго *-шь* должно было развиться путемъ сокращенія конечнаго неударяемаго *і*. Будучи принужденъ такъ или иначе отнестись къ гипотезѣ проф. Соболевскаго, замѣчу, что, какъ ни основательны его ссылки на древніе памятники русскаго народнаго яз. и на другія словянскія нарѣчія, а также и теоретическія соображенія, заставляющія при сравненіи съ родственными языками несловянскими искать въ окончаніи 2-го л. ед. ч. дѣйств. зал. краткаго *і*, формы на *ши* трудно отрицать и въ древне-русскомъ яз. въ виду нѣсколькихъ чисто народныхъ примѣровъ нашей лѣтописи, которые почему-то оставлены безъ вниманія проф. Соболевскимъ. Трудно напр. отрицать разговорность въ такихъ примѣрахъ: что ты то|моу *велиши* творити. медоу ма|ло варено а дроужинѣ много. (1), а ты пожиди бр҃а. | т҃о *поидеши*. (41—42), к҃а кнѧ|же очима *позриши* ты· т҃а мы главами своими вьржемъ· (157), пои|ди въ свою оц҃иноу· къ ст҃ѣи софи|и не *идеши* ли а повежь ны· (163). Конечно, можно возразить, что доказательствъ объективныхъ народности этихъ примѣровъ нѣтъ, что ц. словянскія формы и окончанія могли быть употребляемы писцомъ и при передачѣ разговорной рѣчи такъ какъ древнерусскіе лѣто-

писцы съ дѣтства воспитывались на ц. словянскихъ книгахъ; однако въ примѣрѣ «показаша поуть новгородци кнзю всѣколодоу· не *хочемъ* тебе· поиди камо *хочеши*». (187), кромѣ субъективнаго и неяснаго, я вижу и объективный признакъ русскаго языка въ звукѣ *ч* изъ tj (въ примѣрѣ на стр. 163 такой же признакъ въ звукѣ *ж* изъ dj рядомъ стоящаго слова *повежь*. Если нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ разговорной рѣчи *-ши* не явилось только подъ вліяніемъ ц. словянскаго яз. на письмѣ, а было употребительно и въ живой рѣчи, то нѣтъ такихъ-же доказательствъ и обратнаго, такъ какъ памятники, часто употребляющіе форму 2 л. ед. наст. вр., какъ напр. «Вопрошанія Кирика», при многочисленныхъ примѣрахъ *-шь* имѣютъ и *-ши* (при повелишь 519 [d], имлешь 533 [c], съимаѣ|шь 533 [d], боудешь 535 [d], 536 [a], 536 [b], можешь 537 [c] и другихъ встрѣчается не только ц. слов. форма обѣ|чеши 520 [b], но и русская *надежеши* 520 [b]), и если въ грамотахъ, меньшихъ по объему, встрѣчается только *-шь*, то это можно приписать случайности. Конечно, въ XIII-омъ вѣкѣ или на рубежѣ XIV-го формы *-ши* уже могли быть вполнѣ вытѣснены въ большинствѣ говоровъ формами *-шь*, но въ эпоху предшествующую, весьма вѣроятно, были въ употребленіи и формы *-ши*, какъ справедливо замѣтилъ акад. Ягичъ [1]), указывая на тотъ фактъ, что, несмотря на обиліе отступленій древне-русскихъ памятниковъ въ пользу народнаго яз., формы на *-шь* въ нихъ до XIII-го в. не найдены. Говоря о писцахъ нашего памятника, мы можемъ только о писцѣ 3-го поч. съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что онъ зналъ въ разговорѣ одно *-шь*, такъ какъ изъ двухъ встрѣчающихся здѣсь примѣровъ формъ 2-го л. ед. ч. наст. вр. (на *-шь* и *-ши*) примѣръ *-ши* представляетъ довольно ясные слѣды ц. словянскаго языка, о писцахъ-же 1-го и 2-го поч. мы должны сказать, что, если они и знали *-шь*, на что̀ нѣтъ доказательствъ, во всякомъ случаѣ на столько не чуждались формъ на *-ши*, что не нашли нужнымъ замѣнять ихъ своими *-шь*, найдя *-ши* въ оригиналѣ. Не знаю, возможно ли предполагать и здѣсь двѣ праформы суффикса *-шь* (= **-si*) и *-ши* (= **-sei*) подобно тому, какъ Фридрихъ Лоренцъ [2]) предложилъ двѣ праформы суффикса неопредѣленнаго наклон. для прабалтійскаго и для прасловянскаго языковъ (*-ti* и *-tei* или *-tai*), но мнѣ не кажется невѣроятнымъ прежнее

[1]) Крит. замѣтки по исторіи русскаго яз., 92—93.

[2]) Die polnischen Nasalvocale, Archiv f. slav. Phil. XIX, 3—4 H., 344.

предположеніе о сокращеніи *-ши* въ *-ш*, которое совершалось постепенно и не во всѣхъ формахъ 2-го л. сразу, а въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ различныхъ положеній въ словѣ и фразѣ. Что касается этимологіи окончанія *-ши*, то въ немъ, какъ и въ *си*, являющемся въ образованіяхъ отъ нетематическихъ основъ на согласный звукъ, я позволю себѣ видѣть прасловянское вліяніе тѣхъ окончаній 2-го л., слѣдъ которыхъ удержался лишь въ рѣдкихъ формахъ старословянскаго и другихъ словянскихъ языковъ, каковы ст. слов. *хощти* (аште ми сѧ хощти извѣстити, принесѫ ти.... кръста.... Супрасл. 47, Miklos. V. Gr. III, 91), сербск. *може* (изъ **можи*, см. Miklos. V. Gr. III, 91—92), хоћ (hoć), съ отриц. неć, словѣнск. hoč, oč (Archiv f. sl. Ph. XI, 588), малорус. *хоч*, великор. *хош* вм. *хоч*, *мош* вм. *може* и т. п., которыя представляютъ соединеніе конечнаго гласнаго темы *е* съ собственнымъ суффиксомъ 2-го л. наст. вр. *i*, а слѣдовательно явились первоначально въ глаголахъ тематическихъ; эти окончанія до сихъ поръ живутъ въ литовскомъ языкѣ, употребляющемъ вмѣсто индоевропейскаго окончанія *-si* простое *i* [1]), соединяющееся съ конечн. тематическимъ *е* или *о* (литов. *а*) въ дифтонгъ *ie*, сократившійся въ открытомъ слогѣ опять въ *i*, но сохраняющійся въ закрытомъ (передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *s*); такимъ образомъ я думаю, что словянолитовскія образованія 2-го л. тематическаго спряженія помощію простого *-i* были въ извѣстную эпоху жизни общесловянскаго языка столь же распространенными, какъ и въ литовскомъ, вслѣдствіе чего могли оказать вліяніе на существовавшія рядомъ съ ними образованія съ суф. *-si* (общеслов. **-сь* или послѣ гласнаго зв. *-шь* изъ **хь*), который измѣнился благодаря этому въ *-sei* (общеслов. *-си* или *-ши* изъ **хи*). Въ нынѣшнихъ формахъ словянскихъ нарѣчій на *-ш* (š) можно видѣть результатъ такого-же сокращенія конечнаго *i* [2]), какое въ сербск. *може*, рус. *мош*, серб. (х)оћ, рус. *хоч*, *хош* сравнительно со старослов. *можи*, *хощти*, хотя нѣтъ невозможнаго и въ томъ, что во многихъ говорахъ *-ш* (š) восходитъ прямо къ древнему *-si*, и что наоборотъ *може*,

---

[1]) Указаніе на это окончаніе сдѣлано проф. Фортунатовымъ. Болѣе подробно и со ссылками на памятники я говорю объ этомъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о говор. Лукоян. у.», стр. 33—34, примѣч 2 (примѣры изъ Марулича, Нѣгоша и сербской Александриды). Малорусскіе примѣры см. у Потебни (Изъ запис. по рус. грам. [2], 218).

[2]) Не знаю, остатокъ ли старины, или позднѣйшее сокращеніе слѣдуетъ видѣть въ Ф. *подась* Кіевск. глаг. лист. III. 7 (V. Jagić, Glagolitica, Wien, 1890, s. 47).

oñ, *хоч*, *хощ* нефонетически утратили конечн. *і* подъ вліяніемъ старыхъ формъ съ суф. *-si*. Нелишне, впрочемъ, вспомнить замѣчаніе акад. Ягича, что *-щи* въ русскомъ, какъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ, очень рано ослаблялось въ *щь*, благодаря не только безударности окончанія, но также и стремленію къ симметріи, къ уравненію въ числѣ слоговъ съ формами 1 и 3 л. ед. ч. (примѣчаніе къ статьѣ Шахматова въ VII-омъ т. «Archiv fur slav. Philol.», стр. 66).

Сюда же, вѣроятно, относится и *ть* въ любопытной частицѣ *ать*[1]), въ которой можно видѣть сочетаніе двухъ частицъ *а* (въ варіантѣ ѡтъ вм. *а* является *о*) и *ти*, изъ которыхъ послѣдняя, примкнувъ энклитически къ первой, естественно сократила свое *і* въ ирраціональный звукъ *ъ*, сокращавшійся затѣмъ до полнаго исчезновенія. У насъ встрѣчаются слѣдующіе примѣры (оба въ 3-емъ поч.): поѣди ѧтъ ізъмремъ.... 298, даі на|мъ сторожи. ѧтъ не ізбьють на̂ 273. Примѣры изъ другихъ памятниковъ приведены проф. Ягичемъ въ VI-омъ т. «Archiv für slav. Philologie» 285—287, гдѣ указано также нѣсколько примѣровъ этой частицы изъ памятниковъ древнепольскихъ и древнечешскихъ. Прибавлю къ приведеннымъ тамъ еще нѣсколько: 1) въ древне-русскомъ: ѧтъ въідасть и кнѧзь... *грам.* 1230 г. (Смирновъ, Сборн. др. рус. пам. № 27), ѡтъ не будеть голодна... *грам.* 1270 г. (ibid. № 33, сравн. у Срезневск., Свѣдѣн. и замѣтки № 35) (этотъ примѣръ и у Ягича, Крит. зам. 54), ѧтъ ны исакьѣ сьпла|шеть *Ипат. сп. мѣтоп.* л. 139[б]. 30—31, пойди кыѥву ѧтъ рѧдъ учинимъ.... *ibid.* 166[а], ѧтъ йду понь ib. 175[а], ѧтъ не возмуть насъ на полонъ 276 (стран. 268 издан. 1871 г. арх. ком.); 2) др. чешск.: dawame tu mocz tobye *acz* ſſye perꝛzyem dele oto *Александр. спис. Святовитск., стих.* 746—747 = по транскрипціи проф. Гатталы dávame tu moc tobě, *a* (*t'*) sě perꝛěm dělě o to[2]) (замѣчу, что въ чешскомъ изъ всѣхъ словянскихъ языковъ эта частица наиболѣе употребительна, и можно много примѣровъ привести не только изъ старыхъ писателей, каковы Т. Штитный, Янъ Коменскій и др., но и изъ нынѣшнихъ чешскихъ и моравскихъ говоровъ[3]); 3) въ старопольскомъ частица *acz*[4]), т. е. *ać* (проф. Калина неудачно тран-

[1]) Сравн. у Шахматова, Beiträge z. rus. Gram., Archiv VII, 65.

[2]) Zbytky rýmovaných Alexandreid staroč. vyd. M. Hattala a A. Patera, стр. 18.

[3]) M. Hattala, Srovn. mluvnice jaz. česk. a slov., §§ 61, 136, 369; T. Maretić, Vezničі u slovenskijem jezicima, Rad jugosl akad. LXXXVI, 114—115.

[4]) A. Kalina, Histor. jęz polsk., 444.

скрибируетъ *acz*, думая, вѣроятно, что здѣсь cz = č, а не ć) встрѣчается, по словамъ Калины, только въ библіи Шарошпатацкой (начала XV в.), напр. *acz* bꙉdzie grad 51 a, *acz* siꙉ wroci woda 59 a, dziewka *acz* siꙉ nie pokala 84 a и др. Эту сложную частицу, придающую предложенію смыслъ желанія или повелѣнія («пусть», «да»), Ягичъ въ указанной замѣткѣ въ VI-омъ т. «Archiv» а сопоставлялъ съ литовской частицей *te*[1]), имѣющей сходное значеніе, если послѣднюю можно было бы возвести къ болѣе древнему виду *të (т. е. tiė), при чемъ можно было бы сравнить греческ. τοί и лат. u-ti, u-t; при этомъ предположеніи словянск. *-ть* здѣсь представляло бы такое-же сокращеніе *-ти* изъ индоевроп. *tåi, какое мы имѣемъ напр. въ энклитическихъ формахъ мѣстоименій личныхъ въ дат. ед. ч. *мь, ть* въ Луцк. еванг. (Соболевскій, Очерки изъ истор. р. яз., 44), у насъ въ Синод. сп. Новг. л. въ 3-емъ поч. (нѣтоуть 298. 18) и въ Ипат. лѣт. (Потебня, Изъ зап. по рус. гр.[2], 190, 244—245, сравн. в. рус. *надоть* и т. п. и польск. toć, ibid. 418) или въ малорус. *с* въ неопредѣл. мѣстоим. *щось* (собств. *що-си* «что себѣ», сравн. польск. coś, чешск. cos, cosi, см. Miklos. Vrgl. Gr. IV, 89, 111) изъ *ми, ти, си* = греч. μοι, σοι, οἱ. Форму *ати* съ графической замѣной *и* черезъ *ѣ* находимъ въ Ипат. сп. лѣтоп. 186 а въ примѣрѣ *атѣ*. Что касается *ате* въ грам. 1229 г. по списку A = *атѣ* Д. В., то здѣсь, я думаю, черезъ *е* выраженъ не вполнѣ утраченный ирраціональный (можетъ быть, еще слоговой) звукъ, въ *атѣ* же списка C вѣроятнѣе всего, мнѣ кажется, видѣть другой родственный, но не тожественный союзъ *тѣ*, въ простомъ видѣ (безъ сочетанія съ *а*) обыкновенно употребляющійся въ аподосисѣ условнаго періода[2]) въ качествѣ варіанта при близкомъ по значенію и этимологіи *то*. Въ *ть* = *ти* второй половины сложнаго союза *ать* = *ати* я позволю себѣ видѣть тотъ же союзъ *ти* (сравн. у Потебни, Изъ зап. по рус. гр.[2] 190), который столь часто встрѣчается въ извѣстномъ рядѣ памятниковъ старословянскихъ и древне-русскихъ (часто въ произведеніяхъ Іоанна Эксарха болгар-

[1]) Иначе думалъ А. А. Потебня, который отрицалъ этимологическую связь съ лит. *te*, а считалъ здѣсь *-ть* = *ти* формою дат. ед. мѣстоим. 2-го л. (Изъ записокъ по русск. грам.[2], 190, примѣч.). Дѣйствительно, литовское *te* едва ли возможно возвести къ *tie*, которое при сокращеніи могло бы дать только *ti*; скорѣе возможно, что лит. *te* тожественно этимологически (не синтактически) съ сербскимъ *те*. Въ отличіе отъ мнѣній Потебни съ одной и Ягича съ другой стороны я признаю этимолог. связь слов. *-ть, -ти* въ *ать* съ лит. *te*, но не ближайшую, а отдаленную, т. е. возвожу обѣ частицы къ мѣстоим. корню *то, те*.

[2]) Сравн. примѣры, приведенные на стр. 53—54 настоящаго сочиненія.

скаго, въ Изборникѣ 1073 г., въ житіи Ѳеодосія и мног. друг.) въ значеніи соединительномъ (лат. et, que); переходъ значенія соединительности къ значенію желательности могъ обусловливаться сочетаніемъ съ союзами *а*, *о*[1]), хотя и независимо отъ этого варіація значенія одной и той же этимологически частицы вполнѣ возможна (сравните наприм. употребленіе частицы *ти* въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи др. русск., малорус. *чи, ци*, польск. *czy*), а въ данномъ случаѣ путь отъ значенія соединительности къ значенію желательности могъ проходить черезъ значеніе послѣдовательности, которое нерѣдко наблюдается въ частицѣ *ти* въ древнихъ памятникахъ подобно тому, какъ и сербск. *те*, этимологически родственное (отъ той-же мѣстоименной основы tå̯-, tå̯-), но не тожественное, имѣетъ значеніе преимущественно послѣдовательности, а иногда и слѣдствія; если литовск. *tė* представляетъ этимологически простое *е*, а не *iė* (изъ å̯i или å̯i), то, можетъ быть, оно этимологически ближе къ сербскому *те*, чѣмъ къ нашей частицѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше примѣра **ѡтъ**, въ составъ разбираемаго нами союза можетъ входить не только союзъ *а*, но и частица *о*, о которой поговоримъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же упоминаемъ лишь для того, чтобы объяснить слѣдующій примѣръ нашей лѣтописи: въ разсказѣ о взятіи Константинополя латинами лѣтописецъ влагаетъ въ уста фряговъ слѣдующія слова, обращенныя къ Мюрчюфлу, временно провозглашенному царемъ послѣ ареста Исаковича, который пришелъ вмѣстѣ съ фрягами и также временно занималъ, благодаря ихъ помощи, престолъ, отнявъ его у слѣпого отца, посаженнаго на престолъ испугавшимся нашествія фряговъ и бѣжавшимъ дядей: «даи намъ исакови|ца. ѡ поидемъ къ нѣмечьску|моу цр҃ю».... (стр. 135); здѣсь я въ ѡ вижу частицу *отъ* въ значеніи условно временного или заключительнаго союза и перевожу фразу такъ: «дай намъ Исаковича, *и* (*тогда*) мы пойдемъ»....; а въ этой частицѣ я вижу сочетаніе *о* + *тъ*[2]), при чемъ послѣдній членъ сочетанія намъ извѣстенъ, какъ я уже упоминалъ, именно въ условно-заключительномъ значеніи, а разбираемый нами періодъ отъ чисто условнаго отличается только внѣшней формой, т. е. отсутствіемъ условнаго союза въ

---

[1]) Срав у Шахматова замѣчаніе о значеніи простого *а* (Beiträge, Archiv VII, 65), которое можно доказать множествомъ примѣровъ, между проч. и изъ нашего памятника (моливъ новгородци, *а* бѣша и проводили... 324; велѧче ѥмоу *а* бы пошелъ .... 330)

[2]) Такимъ образомъ въ *атъ* и *отъ* я вижу сочетаніе *а* и *о* съ другой частицей *тъ* и не возвожу *атъ* къ *атъ* черезъ посредство *ат*^{i} (какъ у Шахматова, Beiträge z. r. Gr., 65).

первой половинѣ, что̀ вознаграждается замѣной изъявительнаго наклоненія формой повелительной.

Перехожу къ чередованію ъ съ *и* передъ слѣдующимъ і̯. Приведу сначала факты нашего памятника, располагая по частямъ, написаннымъ отдѣльными почерками.

Въ 1-омъ поч. находимъ слѣдующіе примѣры *и* въ коренныхъ слогахъ въ «неслоговомъ» положеніи: *би*|ѧса 71. 5—6, *змиѥ*во 3, *при*ѧзнь 1. 4, *при*ѧтели 35—всего 4 раза, если не считать *абше* 82—ц.-словянскаго слова темнаго происхожденія; между тѣмъ ъ встрѣчается въ такомъ же положеніи здѣсь 13 разъ, изъ которыхъ 5 въ словахъ иноязычнаго или неяснаго происхожденія: оубъѥн(а) 9,—(ъ) 11, избъени 95, вълица[1]) 30, пролъѧ(ша) 59, 86, гнъющема 82, шьи 42, дъѧкъ 17, дъѧво|лоу 54, дрѣюцьск(а) 89,—(оу) 88, свѣѥ 64, кромѣ того 1 р. въ «слоговомъ» положеніи въ словѣ свѣискеи 44 (если принять во вниманіе удареніе нынѣшней литературной формы дат. мѣстн. ед. *шѣѣ*, то, не смотря на положеніе въ открытомъ слогѣ, слѣдуетъ признать слоговымъ и ъ въ примѣрѣ *шьи*).— На 4 примѣра -*иѧ*- внутри греческихъ собственныхъ или нарицательныхъ именъ: да*миѧ*на 48, 84, 88, та*тиѧ*ны 112, находимъ 12 разъ -ъѧ-: дь|мъѧна 41. 5—6[2]), крт̑ьм̑|номъ 112—113, крт̑ъѧн(омъ) 54, 84, 102, 109, 119, 121, — (ьстѣи) 86, кю|ръѧкъ 19. 4—5, марьмъѧноу 70, софъѧны 103.—На 7 разъ -ьѥ въ суф. имен. п. мн. ч. существ. муж. р. основъ на *ŭ*: дн̑ьѥ 30, людьѥ 36, 38, 94, 107, 121, стра|жьѥ 33, находимъ 4 раза

---

[1]) Ст. слов. кнѧлица (Miklos. Lexic. palaeoslov., Срезневскаго «Матеріалы для словаря др. рус. яз», сравн. кълнчь Лобк. Прол. № 187 Хлуд. л. 147ᵃ и современ. великорус. *вьюга*) представляетъ любопытный примѣръ слабаго вида *ви-* корня *вѣ-* (сравн. сербск. южн. и зап. в̑ѣјавица = вост. в̑ѣјавица imber nivium, ю. и з. *виje снијег* и т. п. В. С. К., гдѣ, какъ и въ бѣлорус. *вѣя* у Носовича и чешск. vějе, závějе R. Šum., сильн. видъ корня съ зн., восходящимъ къ основн. *ŭ*), что̀ въ *вѣѧти*, *вѣтръ*; слов. *ви-* можетъ указывать, по мнѣнію проф. Фортунатова, на индоевроп. vī, чередовавшееся съ v̯ā̯ (vē̯), откуда слов. *вѣ-*, подобно тому, какъ lī, что въ литовск. lўја — lўtі (Курш), чередовалось съ lē̯, что̀ въ лит. liė́ju — liė́ti, ст. слов. лѣж. Несомнѣнные слѣды глагола * *вияти* имѣемъ въ Ф. *навъяло* въ Домостроѣ (сообщеніе Д. И. Шаховского): накапало и̑лн̑ накъм̑ло, и̑лн сыро, г̑ зл̑хлосѧ..... (спис. Общ. Ист. и Др., гл. 63, изд. въ прилож. ко 2 кн. «Чтеній» 1881, стр. 141), а сѣно тѫлкѥ накапало г̑ нам̑ло и̑лн сыро, згнелъ̑, и̑лн зл̑хлосѧ, ін̑ѣ.... (ibid. 142) и въ фамиліи *Завьяловъ*, также въ польск. *wiać* изъ * wijáti, какъ *łać* изъ lijáti (ст. сл. лияти); впрочемъ, слово pas изъ * pójas указыв. на возможность стяженія съ преобладаніемъ характера гласнаго второго изъ стягиваемыхъ слоговъ и въ томъ случаѣ, если удареніе падало на первый, такъ что и * вѣяти могло дать въ польск. wiać.

[2]) Разница между *дамиѧнъ* и *дъмьянъ*, откуда *демьянъ*, восходитъ къ разницѣ греческ. прототиповъ: Δαμιανός и Δημιανός.

ту-же форму подъ титлою: лю̑(е) 37, 47 (ѥ), 50, 53 и ни разу -*ие*, если въ формѣ троупие 23 видѣть собирательную форму ед. ч. средн. р.[1]), а не форму имен. мн., что̀ было бы мало вѣроятно уже потому, что такая форма множ. ч. къ Ф. един. ч. **троупъ* могла бы явиться лишь по аналогіи формъ имен. мн. старыхъ основъ на *ѣ* муж. р., а подобная аналогія могла бы быть вѣроятна лишь въ основахъ, оканчивающихся на мягкій звукъ, напр. въ Ф. *стражьи*, хотя и здѣсь допустимо предположеніе собирательной формы средн. р.—На 19 примѣровъ суф. твор. ед. ч. -*ью*: (любо)вью 56, 65, (любъ)—47, 49, 93, 104, мл̑ть|*ю* 86, нощью 1, оболостью 101, помощью 64, ратью 30, 52, 105, чт̑ью 63, 117, 121, 122, чьстью 103, 111, только 7 —*ию*: извистию 53, мл̑тию 94, 97, областию 48, 90, 120, цьстию 50.—На 76 примѣровъ -*иа*, -*ие*, -*ии* (дат. и мѣстн. ед.), -*ию* и т. п. въ окончаніяхъ именъ существит. (б. ч. средн. или женск. р.), каковы *берестию* (дат. ед.) 2, веселие (им. ед.) 110, бл̑говѣщение 12,—а 85,—иа 98 и др., бо̑иавле|ниа 89, въскр̑сени(а) 34,—(иа) 102, 106 и др., говение 12, 20, 25, 106 (-ѣ-), заоутрие 8, звонені|ѥ 91, знамение 3, 16, 17, 18, 26 и др. (10 р.), зьда|ниа 84, изаморї|иа 25, имѣние 12, по изгнании 56, кръвипролитиа 114, кр̑щни(ѥмь) 45, (по)—(и) 117, ороужи(ѥмь) 33,—(и) 59, *подолие* 7, позвание 122, положение 109 (2 р.), поставление 122, перенесение 108, преображениа 102, 117 и др., *роучиа* 13 род. ед. къ имен. муж. р. **роучии*), ро|споутиа 50, стажаниѥмь 14, оуспени|ѥ 95—96, оуспение 97 и мног. др., приводить которые полностью считаю излишнимъ, обращая вниманіе лишь на то, что въ числѣ этихъ примѣровъ, какъ видимъ, находятся не только слова ц. словянскія (названія праздниковъ и т. п.), но и чисто народныя русскія (*берестию*—собств. имя города = нынѣшн. *Брестъ-Литовскъ* отъ польской Ф. *brześć* вмѣсто русск. *бе́рест* = ст. слов *брѣстъ* = сербск. бре̑ст, бри̑јест, *подолие*, *роучия*), встрѣчаемъ только 21 примѣръ ьѥ, ьа, *ью* и т. п.: братьѥ(ю) 37, -(ю) 108, възводьѥ 79, и|заморьиа 44—45, кнажьиа 93,—(*ею*) 100, кръвипролигьиа 121, лодиѥ 45,—(иахъ) 45, 52, оплечьѥ 119, подолье 14, помочьѥ 47, распоутьиа 49, роу|чьиа 29. 5—6, роу(ч)ьиа 53, 107,—(ц)—87, оузорочьиа 104, оусть(е) 86, оусть(иахъ)[2]) 27; кромѣ того 4 примѣра сомни-

[1]) На это довольно ясно указываетъ Ф. твор. *троупиемь* 291 въ 3-емъ поч.

[2]) Въ этой формѣ мѣстн. множ. ч. (въспатиша и. . . .), вѣроятно, слѣдуетъ видѣть такое-же образованіе, какъ въ формахъ вавилонамъ, древлами, деревлахъ, в полахъ и т. п., сравн. у А. И. Соболевскаго въ «Изслѣдованіяхъ въ обл. рус. грам.», 55—59 и у Н. П. Не-

тельныхъ подъ титлою: бр҃а(ѫ) 16, 59,—(ѧ) 59,—(ею) 112; нельзя не обратить вниманія на то, что всѣ приведенныя слова съ ъ должны быть признаны чисто русскими или по крайней мѣрѣ общими русскому языку съ ц. словянскимъ. При 7 примѣрахъ *-ия*, *-ие* въ суффиксахъ прилагат.: бж҃и(ею) 32, 97,—(ею) 64,—(ѫ) 70, 82, 84, 110, только 1 съ ъ при переносѣ: третъ|ѫго 47. 1—2. Еще менѣе процентъ примѣровъ съ ъ сравнительно съ примѣрами съ *и* въ такомъ («неслоговомъ») положеніи въ суффиксѣ словъ (б. ч. именахъ собств.) муж. и женск. р. иноязычнаго происхожденія; на 85 случаевъ, какъ василиѫ 53, 107, 110, 123, варихисиѫ 94, дмитриѫ 110, георгиѫ 19, 23, 28, 66 и др. (8 р.) и гергиѧ 61, захари(ю) 68,—(и) 65,—(ею) 64,—(иницю) 75, 76, евдокию 102, въ епп҃ии 103, въ епи|скоупию 122, игоумениѫ 70, 84, 102 и др., игнатиѫ 108, или(ѫ) 65, 74, 76 и др.,—(ѥ) 13, 73, 120,—(и) 67, 92, софи(ѫ) 2, 4, 5 и др.,—(ѥ) 6, 8, 58,—(и) 17, 46, 83 и др.,—(ю) 14, 53, 57 и еще нѣкотор. друг., только 6 такихъ, какъ василъѫ 25, епп҃ью 58, ильѥ 46, 48, ильинъ 93, прокопьюю 42, 7-ой же софьѫны 103 (новгородьци же съ кнз҃мь ѧ|рославомь. и съ игоуменъı и съ | ....), какъ производный отъ имени софиѫ—*софьѫ, я отнесъ къ тому отдѣлу словъ греческаго происхожденія, въ которомъ чередованіе *и* съ ъ происходитъ не передъ окончаніемъ, а внутри слова, хотя нужно замѣтить, что это слово, происходя отъ собств. имени греческ. происхожденія, по суффиксу должно быть признано чисто словянскимъ и въ частности русскимъ образованіемъ (по типу *граждан-*, *горожан-* и т. п.), такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о жителяхъ Софійской стороны въ Новгородѣ, и нѣтъ основанія предполагать какое нибудь греческое *σοφιανός подобно χριστιανός, изъ котораго вышло словянск. крьстьѫн-, лишь случайно совпавшее съ многочисленными словянскими образованіями съ суф. -ѫн-(-ѣн-); кромѣ того 1 примѣръ вл҃аѧ 91 сомнителенъ вслѣдствіе выноски согласной буквы надъ строкой и пропуска гласной.

Что касается «слогового» положенія, т. е. передъ слѣдующимъ і, то здѣсь въ 1-омъ поч. безъ исключенія (кромѣ двухъ сомнительныхъ случаевъ подъ титлами въ Ф. род. мн.: л҃юи 57, м҃уи 93) находимъ *ии* какъ въ Ф. род. мн. (двьр*ии* 110, дн҃*ии* 40, 84, лод*ии* 25, люд*ии* 41, пакост*ии* 91, тр*ии* 38, црк҃в*ии* 54, 82—9 разъ), такъ и въ Ф. имен. вин. ед. ч. прилагат. муж. р.

красова въ «Замѣткахъ о языкѣ Повѣсти вр. л. по Лавр. сп. лѣт.» § 49 (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. 1897 г., т. II, кн. 1 и т. III, 1898 г., кн. 2, стр. 366).

(6 р.: бжіи 7, 96, 121, велиі 38, бо|лиі 17. 4—5, тре|тиі 52. 6—7) и собств. именъ греч. происхожденія (17 р.: амфилохиі 13, аркадиі 63, григориі 102,—ї|и 103, дионисиі 65, 109, мартоуриі 102, 108, 109 и др.).

Во 2-омъ поч. въ коренныхъ слогахъ на 7 примѣровъ ъ въ неслогов. полож.: бъıхоуть 138, избъıнъıхъ 171, 192, избъıве 177, оубъıена 192, бъıюче 196, бъıющеса 235, приходится только одинъ съ и[1]): биѥмъ 194; въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго, въ сходныхъ условіяхъ 5 р. и и 3 р. ъ: диаволъ(а) 177,—(ъ) 181, диıволъ(ъ) 180, 211,—(оу) 213 при дьа|волъ 185, дьıволъ 186, дьıконъ 216; въ суффиксальномъ внутреннемъ слогѣ греческихъ словъ 3 раза ъ въ крт̑ьıномъ 225, крт̑ьıньск(о)у 185, 192 (въ этихъ словахъ, производныхъ отъ греческаго χριστιανός не безъ вліянія, вѣроятно, слова *крьстъ*, заимствованнаго въ болѣе раннюю эпоху съ греческ. χριστός, въ обоихъ почеркахъ постоянно пишется только ъ, сравн. сербск. *ришћан* и *кришћан*, при чемъ здѣсь слогъ *ћа*, указывающій на *тьıа*, одинаково и въ болѣе книжной, болѣе близкой къ греческой, формѣ слова и въ болѣе народной, отличающейся отъ первой по значенію, см. словарь В. С. К.) и 1 р. и въ собств. имени васиıана 184. Изъ суффиксальныхъ слоговъ различныхъ формъ основъ на -ъ (-ŭ), -иıа, -иѥ, -иі и т. п. только въ формѣ твор. ед. словъ ж. р. на ъ и имъ подобныхъ преобладаютъ примѣры съ ъ [13 р. -ъю: костъю 197, 236, льстъю 173, любъвъю 168, обла|стъю 234. 4—5, помо(ч)ъю 170, 203,—(щ)—233, речъю 163, тьхве|рью 167. 15—16, чт̑ьıю 151, 172, ць|стъю 202. 5—6 и 3 -ию: областию 189, ра|достию 153. 2—1 снизу, ратию 229], въ формѣ имен. мн. муж. р. основъ на ъ по 2 раза ъ и и (людьѥ 137, 215, людиѥ 132, 134), въ остальныхъ же рѣшительно преобладаютъ написанія съ и надъ написаніями съ ъ, а именно: а) въ формахъ существит. именъ ж. и ср. р. на 64 случая -иѥ, -иıа, -ию и т. п. имѣемъ только 20 -ьѥ и т. п.: безакониıа 221, веселиıа 233, въвѣде|ниıа 134, възатиѥ 138, говѣни|ıа 233. 16—17, гове|ниѥ 155. 6—7, въ епп̑ии[2]) 231, житиѥ 148, зажьжени(ѥ) 132, -(ıа) 137, зажити(ıа) 166, -(ѥ) 234, знамениıа 219, изамо|риıа 228. 2—1 снизу, извѣ|щениѥ 134, изгнаниıа 154, 231, имениѥ 226, камениѥмь 138, въ келии[2]) 225, кръво-

[1]) Кромѣ сомнительнаго *абиѥ* 178.

[2]) Здѣсь я нѣсколько измѣнилъ систему, которой я держался относительно 1-го поч., а именно достаточно усвоенныя нарицательныя имена иностранныя я привожу вмѣстѣ съ другими нарицательными.

пролит(ї|ѫ) 213, (о)—(*ии*) 213, в лодиѭхъ 205, мр̃диѥ 228, наоуценію 214, ненавидениѥ 221, непокорени|ѥ 221, недооумениѥ 198, обили(ѫ) 229, —(ѥ) 234, ороуди(ѫ) 159, твор. множ.—(и) 173,—(ѥмь) 185, ороужи(е) 174,—(ѫ) 236, въ—(и) 178, 185, 212, пирениѭ 178, пограблениѥ 132, покаѭниѭ 226, стоѭниѥмь 211, сѣтованиѥ 233, тр̾|сениѥ 177, троупиѥ 162 (3 р.), 226, оудьниѭ 175, челованиѥ 224 и нѣкотор. друг. при слѣдующихъ: братъ|ѥ 204. 2—3, епп̃ью 125, ѥ—185, г̾ жрѣбьѭ 217 (ф. двойств. ч. къ имен. ед. муж. р. *жрѣбии или *жрѣбьи), забожни|цьѥ 213. 13—14, въ коробьѭхъ 207, —лодьѭхъ 180, 182, лодь|ѥ 198, наспльѥ 151, обильѥ 161, 221, поволожь|ѥ 168. 2—3, погодьѥ 137, подроумьѥ [1]) 131, попадь|ѥ 126. 13—14, проклатьѥ 177, стоѭниѭ 142, соудьѥ 213, оузорочьѭ 127; какъ видимъ, нѣкоторыя слова и формы (бо́льшая часть) встрѣчаются только съ *и*, нѣкоторыя и съ *и* и съ *ъ* (подобныя у меня выписаны всѣ), нѣкоторыя только съ *ъ* (эти также приводятся безъ исключенія), при чемъ нельзя усмотрѣть, чтобы *ъ* или *и* преобладали послѣ извѣстныхъ согласныхъ [2]), нельзя также считать написанія съ *и* исключительной принадлежностью словъ ц.-словянскихъ и наоборотъ написанія съ *ъ* приписывать только словамъ русскимъ; кромѣ того, 31 разъ встрѣчается въ неопредѣленномъ написаніи подъ титлою слово бр̃а ѭ (181, 186, 210,—ю 146, 148, 177, 209, 214, —ѥ 158—2 раза, 162, 169, 170, 180, 181, 193, 222, —ѥю 158, 159, 169, 223, 225,—и 146, 165, 193, 200, 209 bis, 213, 217, —ѧ 210), которое вообще не встрѣчается съ *и* въ обоихъ почеркахъ; б) въ формахъ прилагательныхъ суффикса *-ии* на 9 примѣровъ съ *и* въ неслоговомъ положеніи 2 *-ью*: бж̾иѥмь 192, бж̾иѥю 153, 154, 170, 203, 233, бж̾иѭ 177, 236, съ тре|тиѥмь 147. 2—3, но (тре)тьюю 156, (г̾)—227; в) въ собствен. именахъ греческаго происхожденія на 56 *-ие*, *-иѭ* и т. п. только 1 р. *-ьѭ*: (а)нтони(ѫ) 154, 185, 203—204, 211 bis, (о)—216, (о)—(ю) 184, арсени(ѫ) 211,—(ю) 189, арсѣ|ниѭ 225, арсѣниѥмь 225, васил(ї|ѫ) 126,—(иѭ) 139, 173, василиѥвъ 137, георги(ѧ) 127, 216, 232,—(ѫ) 149, 203, 225, дигитрию 141 (греч. ὁδηγήτρια:—чюдьноую иже по г̾ра хожа|ше сто́ую бц̃ю·), е|фиопиѭ 191, или(ѥ) 126,—(и) 179, —(ю) 228, софи(ѫ) 165, 170, 203 и проч., —(ю) 133, 134 и

[1]) Греч. ἱπποδρόμιον? У Миклошича (Lex. pal.) ἱπποδρομία. Съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать серб. по̀друм «нижній этажъ, погребъ» (В. С. К.).

[2]) Послѣ *ц* и *ч*, однако, встрѣчаются только написанія съ *ъ*, хотя въ 1-омъ поч. встрѣчается также и *и* послѣ *ч* одинъ разъ при нѣсколькихъ *ъ*.

др.,—(и) 151, 163 и др. (всего это слово 24 раза) и многъ. друг., перечисленіе которыхъ считаю излишнимъ, при единственномъ ѣ въ формѣ сто ерѣмьꙑ· 198. 13, при чемъ съ *и* это имя вообще не встрѣчается.

Въ «слоговомъ» положеніи во 2-омъ поч. находимъ слѣдующія написанія: а) въ коренномъ слогѣ только 1 р. ѣ въ Ф. вин. ед. *змьи* 155 и 2 р. *и* въ Ф. им. ед. *сии* 229, 231 и 1 р. въ Ф. повелит. *бии*те 194; б) 1 р. ѣ въ суффикс. слогѣ въ Ф. лодꙑ*и*ници 236. 5 (*лодейники*, т. е. отправившіеся въ лодкахъ) при 18 случаяхъ *-ии* (1 р. *ие*) и одномъ подъ титлою въ Ф. род. множ. и 10 случ. *-ии* въ имен. ед. прилагат. и другихъ подобныхъ по положенію *и* прилагательныхъ формахъ: бра*ии* 142, да*ии* 215, дн̄*и*(*и*) 133,—(і) 195, 206, 232, дѣт*ии* 149, 180, 227, м. кадї|є 140. 10—11 (сорокъ кадій), люд*ии* 198, но|чꙑ*и* 133, ноц*ии* 143, 219, ограбле|н*ии* манастꙑрьскꙑхъ 132, цр̄кв*ии* 141, 153, 175, л̂*ю*и 226, им. ед. прилаг. бж̄*ии* 144, 172, 226, бж̄*и* 145 (съ пропускомъ второго *и*), вел*ии* 139, вꙑшн*ии* 177, трет*ии* 167, 174, образованія съ сложнымъ суф. *-ии-*: воробꙑ*ии*номь 156, морав*ии*на 236; в) только 1 р. *е*, м. б. предполагающее ѣ, въ Ф. имен. ед. собств. имени иноязычнаго происхожденія (еврейск. черезъ греческое посредство): ѥрем*еи* 168. 3 при 13 случаяхъ *и* въ этой формѣ подобныхъ именъ: антон*ии* 154, 175, 184, 202, 205, 231 (2 р.), ва|сил*ии* 175, григор*ии* 154, мефод*ии* 191 (2 р.), па|рфоур*ии* 145, сават*ии* 203 и 1 р. *и* въ прилагат. Ф., производной отъ собств. имени греч. происх.: софꙑ*и*скаго 212.

Въ 3-емъ поч. находимъ слѣдующія отношенія. Въ «неслоговомъ» полож. въ коренныхъ слогахъ на 8 *-ие*, *-иа* приходится 9 *-ѣе*, *-ею*: поб*иеⷨ*ꙗ 291, оуб*иен*(ъ) 252, 311, (по)—(и) 282, оуб*иете* 267, *бию*че 255, *при*ꙗтели 282, 295, но ізбѣен(и) 283,—(ѣихъ) 292, ізбѣють 273, оубѣен(и) 248,—(ъ) 252, 320, бѣюче 291, пролꙑ*иа* 258, 292. Въ греческихъ словахъ какъ въ начальномъ слогѣ (4 раза), такъ и во внутреннемъ суффиксальномъ (24) находимъ передъ слѣдующимъ ꙗ только ѣ: а) дѣꙗволъ 237, 250, дь|ꙗвол(оу) 268. 2—1 снизу,—(ⷭ) 250. 1—2 сверху, б) демѣ*и*ан(а) 300 (2 р.), 313, 332,—(и) 285, демь|ꙗна 307, кр̂тѣ|ꙗньскоу 237. 4—3 сн., кр̂тѣ*и*|ньскꙑ*и* 245, хр̂тѣ*и*нехъ 282, хр̂тѣ|ꙗномь 265. 4—3 сн., хр̂тѣ*и*номъ 268, 269, 299, хр̂тѣ|ꙗнъ 324, хр̂тѣ*и*ньск(аꙗ) 264,—(оую) 237, 280, 281, 282, 283,—(ꙑꙗ) 281, хр̂тѣ|ꙗньск(оі) 282. 2—1 сн.,—(ꙑꙗ) 275. 2—3 св. (всего 17 разъ въ словахъ этого корня), оулꙑꙗнꙑ 261. Въ названіи народа «шведы» здѣсь пишется не только въ слоговомъ, но и неслоговомъ полож. ѣ:

не только свѧ|ского 325. 5—6, но и *свѣмъ* 252, *свѣ*(и) *имен. мн.* 269,—(і) 251. 17, 252, 304, *свѣ*|і 251. 14—15. Въ суффиксальныхъ слогахъ 3-й поч. представляетъ слѣд. написанія въ открытомъ («неслоговомъ») положеніи: а) въ Ф. имен. мн. основъ муж. р. на *ѣ* (ь) встрѣчается только 1 р. *-ие* въ *людие* 290 при 3 р. лю҃є 246, 248, 316; б) въ Ф. твор. ед. основъ ж. р. на ѣ(ь) только 3 р. *-ию* при 20 случаяхъ *-ью*: завистию 290 (въ разсужденіи нравственно-наставительнаго свойства, рядомъ съ ц.-словянскими выраженіями *единъ*, *хоудъ*, *горше бѣхомъ* и пр.), областию 245, твердостию 305, но волостью 269, лестью 286, мтр҃ью 245, 255, млт҃ью 260, помощью 277, 291, 305, ратью 266, 267, 322 (2 р.), 323, 331, сме|ртью 248. 13—14, см҃ртью 250, хытростью 287, чюдью 255, чт҃ью 309, 310; в) въ различныхъ формахъ именъ существит. б. ч. женскаго и средн. р. съ суффиксами *-ие*, *-ия* и т. п. и здѣсь преобладаютъ примѣры съ *и* (77 р., изъ которыхъ 2 въ словѣ греч. происх.) надъ примѣрами съ ь (27, изъ которыхъ 4 въ собств. имени городка неяснаго происхожденія, а два въ нарицательныхъ греческаго происхожденія): при блг҃вщни(ꙗ) 303, 311,—(ю) 309, блг҃ние 260 (2 р.), братию 292, веселие 282, въ|здъıханиемь 245, (въ) єпп҃и(и) 302, (архи)—(ю) 299, житие 309, зажитиꙗ 257, изъ замор(ия) 240,—(іꙗ) 304, заговѣниемь 316, знамени(є) 240 (2 р.), 323, 272,—(ꙗ) 272, о імѣнии 245, кнѧжение 281, 308 и др., кровопролити(ю) 237, 250,—(ꙗ) 269, 299, наведениемь 250, нахожение 251, недооумѣние 243, нездоровиꙗ 309, нелюбиꙗ 298, *обили*(є) 312,—(ꙗ) 263, обращениꙗ 264, оживление 264, ороужие(мь) 282, 289, 290, покаꙗни(є) 275, попоущение 249 и др., писание 289, разграбление 295, сважениꙗ 250, снѧтию 290, сѣтование 302, троупиемь 291, оуспѣ|ние 311, хотѣнию 316, цѣлованию 324 и друг. (нѣчего говорить о такихъ, какъ *въ ирт҃вии* 237, гдѣ самое положеніе въ группѣ согласныхъ болѣе благопріятно для *и*, чѣмъ для ь, но при счетѣ примѣровъ и они были приняты во вниманіе) находимъ въсокоу|мье 305. 4—3 снизу, *заволочь*(є) 325,—(ꙗ) 326, *заоутрье* 245, 276, зачатье 309, знамење 259. 22 (вязь *н* съ ь), в *лодыıхъ* 285, 310, насилыꙗ 296, *обиль*(є) 263,—(ꙗ) 314, *роспоутье* 314, *свинь*(ꙗ) 250,—(ею) 258,—(и) 288,—(ю) 291, *оуденье* 240, *оузорочьıꙗ* 302, *оустье* 251, *оустьıанѣхъ* 319, въ названіи городка (в) *копорьи* 255, (до)—269, (ѿ)—270[1]), *ко-*

[1]) А. Т. *копоріи*, но въ другихъ мѣстахъ и въ этихъ спискахъ ь. Если обратить вниманіе на выраженіе *«городъ оучинишa в копорьи погостъ»* 255. 14—15, то можно думать, что въ этомъ названіи кроется прилагат. Ф. съ суф. *-ий*, хотя Ф. вин. ед.—*ю* говоритъ противъ

порью 256, въ *опитемью* 299 (греч. ἐπιτιμία «запрѣщеніе», слѣдов. здѣсь *е* вм. *и* или скорѣе, можетъ быть, вм. *ъ* изъ греч. кратк. *ĭ*, сравн. въ такой же формѣ въ Вопрош. Кирика (рукоп. синод. б—ки): м̄. дн̄ии *опитемьи* 518[b], нѣ то за то ѻпи|*темьй* 518[c]. 2—3, нѣтоу ѻпи*темьй*· 529[a], ѻпи*тѣ*|мьй 529[a]. 18—19, даи ѻпи*темь*|ю̀ 529[b]. 5—6, ѻпи*тѣ*мьѣ, во ѻпи*тѣ*мьй 529[b], дати ѽпи*темь*|ю̀ 530[a]. 15—16, при чемъ, можетъ быть, не безъ значенія и *ѣ*, встрѣчающееся здѣсь рядомъ съ *е*; съ *е* это слово и въ Лобк. Прологѣ Хлуд. № 187: дажь ѥй ѽпитемию 65[б]), *попадѣмъ* 244 (сравн. болгарск. *попадия* и *попадия́* Дювернуа, греч. *παππάς, —άδος?), кромѣ того 13 р. подъ титлою (б. ч. въ словѣ **братія*, какъ позволительно читать при отсутствіи примѣровъ съ *ъ* и одномъ съ *и*): бр̄а(є) 244, 249, 266, 267, 268, 285, 289, 313,—(и) 245,—(і) 320,—(ѣ) 293, 314, оу|сп̄ѣє 328; г) 15 р. *-и-* въ суффиксѣ прилагат. при 3 *ъ*: бц̄е 249, бц̄(ею) 277,—(емь) 280, 317,—(іхъ) 287,—(ю) 242, 251, 301,—(ѣ) 275, 305, 311, 314, бо|*жиѣ* 252. 5—6 (род. ед.), звѣри *дивиѣ* 275, *на холопии* оулици 307, но также *на холопь*(і)—300, 332,—(и) 301[1]); д) на 34 *-и-* въ формахъ собств. именъ б. ч. греч. или вообще иноязычнаго происхожденія находимъ 113 *ъ*, изъ которыхъ 44 приходится на народную передѣлку греч. γεώργιος въ Ф. *юрьи* съ производными: амфилохи|ѣ 279, васи*лиѣ* 278, георги(ѣ) 261, 295, 306, 307 и др.,—(ю) 267 (въ книжной Ф. этого имени безъ исключенія только *и* 7 разъ), дмитри(ѣ) 275, 276, 280, 286, 296, 300, 304 и др.,—(ю) 291, 323,—(емь) 276 и др. (только *и*—всего 17 разъ), іса*киѣ* 240, клав*диѣ* 258, мр̄*киѣ* (ц. слов. Ф. родит. ед.) 252, 291, оло*киѣ* 311, патри*киѣ* 305, род. ед. софи|ѣ 303. 1—2, харлам*пиѣ* 319, но агафы 326. 7, афанась(емь),—(ѣ),—(ѧ) 316, 317, 318, 322 (8 разъ), василь(евъ),—(емь), —ѣ, —ѧ 264, 266, 270 и др., василь|ѣ 266. 1—2 (6 разъ всего), григо|р̂ъ 332. 12—13, еле|ѳѣ*рь*(емь) 285, є|леоуѳѣ*рьѣ* 270, ефроси*ньѣ* 261, іль*ѥи*, ильи, іль*ѥ*н(а),—(ъ),—(ѣ) 264, 266, 310, 311, 313, 331 (6 р.), она*нь*(и),—(іничю),—(ю),—(ѣ) 267, 268 и др. (9 р.), остафьевъ 328, прокоп̂ъ 313, со*фь*(ѣ),—(і),—(и),—(ѥю),—(ею),—(ю) 237, 249, 252, 253, 258, 261, 268, 273 и мн. др. (33 раза), юрь(и),—(і),—(і) въ имен. и мѣстн.

этого и заставляетъ видѣть въ данномъ примѣрѣ скорѣе несогласуемое въ родѣ приложеніе къ слову «погостъ».

[1]) Трудно рѣшить, какъ читать единственный примѣръ оу ворожьѣ камени 258; м. б., здѣсь просто графическое *ѣ* вм. *ъ*.

ед.,—(емь),—(ѫ),—(ю),—(ева),—(евъ),—(евѣ),—(евоу),—(евци) 242, 243, 245, 247, 253, 276, 277, 286, 287, 289, 293, 308, 315 и мн. др. (всего 44 р.); только въ *еремѣ*(ѫ) 243, 244,—(емь) 244 исключительно находимъ *ѣ* (сравн. ѥремеѫ въ духовн. новгор. Климента, Срезн., Свѣд. XXXV), что̀ объясняется, вѣроятно, ударяемостью разбираемаго звука въ слоговомъ (закрытомъ) положеніи, вслѣдствіе чего онъ и былъ перенесенъ въ такомъ полномъ, хотя и измѣненномъ, видѣ въ формы косвенныхъ падежей, т. е. въ «неслоговое» (открытое) положеніе, при чемъ возможность появленія при Ф. **еремѣй* формъ **еремья́* и т. д. съ удареніемъ на флексивныхъ слогахъ устранялась, вѣроятно, вліяніемъ такихъ именъ, какъ *матѳ*(*ѣй*), —(ѣя), гдѣ *е*, откуда позднѣе *ѣ*[1]), было исконно (греч. Μαθθαῖος), или такихъ, какъ *алекс*(*ѣй*), —(*ѣя*), гдѣ удержанію *е*[i] (*ѣ*) изъ первонач. *і* (греч. Ἀλέξιος) и въ неслоговомъ положеніи способствовало согласное сочетаніе (*кс*).

Въ слоговомъ положеніи въ 3-емъ поч. находимъ 1) только *и* (3 р.) въ коренныхъ слогахъ: оубиистваоу 250, оубиите 267, *сии* 277, 2) 20 разъ *-ии* въ суффиксахъ существ. (въ род. мн. основъ на *ї* или имъ уподобленныхъ) и прилагательныхъ (им. вин. ед. ч. муж. р.) при 2 случаяхъ Ф. род. мн. основъ на *ї* съ выноскою согласной буквы надъ строку безъ ъ: а) дн҃ии 260, 292, кн҃з(ии) 242, —(*ии*) 249, 287, 294[2]), 308, 330, людии 289, моужии 259, ночии 240 (2 р.), 323, црк҃ви(і) 302, 313, —(и) 302, но *люди* 277, 318, б) *би҃и* 259, 260, 262, боуду|щиі 279, 3) только *-ии* 26 разъ въ имен. ед. собств. именъ иноязычныхъ: аркадиі 261, афанасии 324, варсонофии 327, *васили*(*и*) 271, 278, 296 и др.,—(*і*) 329—всего 9 р., григории 327, дмитри(и) 278, 287,...—(і) 296, 297, 300 и др. (11 разъ), елеѳѣри|и 302. 8—9, мартоурии 261.

На послѣднихъ страницахъ рукописи синодальной, написанныхъ иными почерками, находимъ 1 р. *и* въ начальномъ слогѣ греческаго слова *дии*волимь 334, 5 р. *и* въ суффиксѣ именъ существительныхъ: крщ҃нии҃ 334,

---

[1]) Замѣтимъ, что въ суффиксахъ греч. именъ αι обыкновенно передавалось въ ст. слов. черезъ *е*, рѣже черезъ *ѣ* (см. словарь къ издан. И. В. Ягичемъ Мар. Ев.: альфѣовъ = греч Ἀλφαίου, матѣѳи, матеа, матѣа, 1 разъ ма|гъткѣ, только въ словѣ фарнсѣи и производныхъ отъ него чаще ѣ, греч. φαρισαῖος); наоборотъ вопреки нынѣшнему оффиціальному правописанію черезъ *ѣ* передается греч. ε, ει (см. ibid. аньдрѣа, аримаѳѣа, греч. Ἀνδρέας, Ἀριμαθεία). Третій поч. нашего памятн. правильно пишетъ *ѣ* въ именахъ: аньдрѣ(и) 304, 306, 307, —(і) 305, —(еи҃) 303, —(емь) 256, 303, —(ю) 306, —(ѫ) 255, 296, 299, 317, —(иноѵа) 317, никѣи 241, 4-й поч. матѳѣи҃ 333, калъфо|мѣева 334.

[2]) Первое *и* не совсѣмъ ясно.

наваженіимь 334, повелѣніе|мь 335. 13—14, помраченіе 333, поспѣшеніимь 335. 11—12, 1 р. въ суф. прилагат.: бїимь 335; только въ окончаніяхъ собственныхъ именъ и здѣсь находимъ немного больше примѣровъ съ ъ (7), чѣмъ съ и (6): василъı 333, при ѥоу|стафьи 335, *дат. п.* захарьи 333, *род.* захарьı 333, софьи 337, юрı(та), —(та) 334 при слѣд.: при.... васи|лии 335, василию 336 (2 р.), геѡргиа 335, лаврентиа 334 (2 р.); въ слоговомъ положеніи: 2 р. въ Ф. род. мн.: дѣтиї 336, дѣти *своихъ*.... (съ пропускомъ второго и) 337, 3 р. въ Ф. имен. ед. собств. именъ: василии 334, геѡ̈ргиї 335, лавре|нтиї 334.

Если мы теперь возьмемъ отношенія случаевъ ъ къ и въ различныхъ почеркахъ сравнительно, то замѣтимъ, что въ коренныхъ открытыхъ слогахъ домашнихъ словъ (т. е. словянскаго происхожденія) всѣхъ меньше это отношеніе въ 3-емъ, всѣхъ больше во второмъ поч.: въ 3-емъ $^{9}/_{8}$ или $1^{1}/_{8}$, въ 1-омъ $^{8}/_{4}$ или 2, во 2-омъ $^{7}/_{1} = 7$; если же возьмемъ слова иностраннаго или неяснаго происхожденія, то отношенія ъ къ и въ начальномъ слогѣ окажутся иными: въ 3-емъ ъ 4 р. безъ исключенія, то же въ 1-омъ 5 р., во 2-омъ же отношеніе $= {}^{3}/_{5}$, такъ что и въ этихъ словахъ (греческихъ по происхожденію) даже преобладаетъ надъ ъ во 2-омъ поч. Та-же разница замѣчается и въ другихъ слогахъ между словами своими и иностранными (б. ч. собственными): между тѣмъ какъ въ суффиксальныхъ слогахъ своихъ словъ отношенія во всѣхъ трехъ поч. (въ 3-емъ $^{77}/_{27}$ или $^{75}/_{21}$) приблизительно равныя, въ греческихъ собственныхъ именахъ во внутреннемъ суф. слогѣ въ 3-емъ поч. пишется исключительно, а въ окончаніяхъ преобладаетъ ъ (113: 33), въ 1-омъ же и второмъ и здѣсь и чаще, чѣмъ ъ, и отношеніе даже больше, чѣмъ въ своихъ словахъ, такъ что напр. въ 1-омъ поч. отношеніе и къ ъ въ своихъ словахъ $= {}^{76}/_{21}$, въ иностранныхъ же $^{85}/_{5}$, во второмъ—въ своихъ $^{64}/_{20}$ (если сюда и включены нѣкоторыя изъ иностранныхъ, а именно достаточно усвоенныя нарицательныя греческаго происхожденія, то они встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и измѣняютъ отношеніе, которое по ихъ исключеніи было бы $^{62}/_{16}$, менѣе, чѣмъ на единицу), въ иностранныхъ $^{56}/_{1}$ или со включеніемъ заимствованныхъ съ греческаго нарицательныхъ $^{58}/_{5}$ [1]). Кромѣ того обратимъ вниманіе на то, что въ

[1]) Особенно замѣчательно послѣдовательное употребленіе въ массѣ случаевъ ъ въ собств. имени (обыкнов. названіи церкви) *Софьа* въ 3-емъ п. въ противоположность *София* 2-го и 1-го (въ 3-емъ п. и здѣсь только 1 р. при переносѣ, въ 1-омъ ъ только 1 р. въ образованіи съ суф. -ин- названія жителей софійской части).

3-емъ поч. нѣтъ ни одного примѣра съ *ъ* слова *братия* при одномъ съ *и* и 12 подъ титлою, между тѣмъ какъ во второмъ и первомъ встрѣчаются примѣры съ *ъ* (2 въ 1-омъ и 1 во 2-омъ) и наоборотъ отсутствуютъ примѣры съ *и*, при чемъ во второмъ особенно часто (31 р.) пишется это слово подъ титлою. Затѣмъ, между тѣмъ какъ въ 1-омъ 7 разъ встрѣчается *-ѥ* въ Ф. им множ. и ни разу *-иѥ* при 4 подъ титлою, во 2-омъ по ровну (2 р.) то и другое окончаніе, въ 3-емъ ни разу *-ѣе* и 1 р. *-ие* при 3 р. подъ титлою; наоборотъ отношеніе *-ью* къ *-ию* въ Ф. твор. ед. (20: 3) въ 3-емъ п. всѣхъ больше, а въ 1-омъ (19: 7) всѣхъ меньше (во 2-омъ 13: 3); преобладаніе здѣсь написаній съ *ъ* надъ написаніями съ *и* во всѣхъ трехъ поч. можетъ быть объяснено вліяніемъ окончанія им. вин. ед. этихъ словъ. Въ слоговомъ положеніи (т. е. въ закрытомъ слогѣ) во всемъ памятникѣ *ъ* встрѣчается только 3 р. въ 1-омъ и 2-омъ поч. (*свѣискеи*, *лодьиници* и *змьи*); что же касается Ф. им. ед. *юрги*, часто встрѣчающейся въ 3-емъ поч. соотвѣтственно *гюрги* 1-го и 2-го поч., то еще сомнительно, какъ ее прочесть, и согласно съ общимъ духомъ довольно послѣдовательнаго правописанія 3-го п. здѣсь можно скорѣе читать *ъ* неслоговое и *и* слоговое.

Изъ сдѣланныхъ наблюденій и статистическихъ данныхъ трудно сдѣлать какіе либо выводы о діалектическихъ особенностяхъ говоровъ писцовъ различныхъ частей нашего памятника. Единственно, что̀ мнѣ кажется, но на чемъ не настаиваю, — что писцы 1-го и 2-го поч. смотрѣли на *ъ* болѣе, чѣмъ писецъ 3-го поч., какъ на букву, способную изображать слоговой звукъ, а потому скорѣе могли писать *ъ* и *и* въ значеніи одного и того-же звука, вѣроятно, краткаго *i*, не вполнѣ утратившаго слоговой характеръ; вслѣдствіе этого я не рѣшился бы читать написанія съ *ъ* по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ частяхъ нашего памятника такъ, какъ подобныя написанія мы привыкли читать теперь (говорю съ точки зрѣнія русскаго литературнаго языка): буква *ъ* выражала въ нихъ больше гласности, чѣмъ та-же буква въ тѣхъ же случаяхъ въ нашемъ литературномъ правописаніи; этимъ, кромѣ вліянія ц. словянскаго правописанія, объясняю я написанія съ *и* и въ чисто народныхъ выраженіяхъ. Въ пользу такого значенія *ъ*, чередующагося съ *и* передъ слѣдующимъ *i̯*, въ первыхъ двухъ частяхъ говоритъ и употребленіе его изрѣдка въ закрытомъ слогѣ (*змьи* и т. п.); если бы въ послѣднемъ оно означало звукъ *е*, то мы имѣли бы изрѣдка и употребленіе *е* въ такихъ случаяхъ, чего однако не находимъ, если не считать Ф. собств. им. *ѥремеи* при *ерѣмѣ*, въ которой *е* можетъ и

не восходить непремѣнно къ ъ, а выражать то узкое e^i, которое въ этомъ собств. имени замѣнило *і* и въ открытомъ слогѣ и выражается въ 3-емъ поч. черезъ *ѣ* (*еремѣя* и т. п.)[1]); то-же слѣдуетъ сказать и о формѣ дат. ед. *шьи*, въ которой ъ можетъ означать ирраціональное *і*, становившееся слоговымъ, не смотря на открытость слога, вслѣдствіе ударяемости и далѣе совпадавшее съ *е*; появленіе въ закрыт. слогахъ ъ, откуда нынѣшнее великор. и частію малорус. *е* (напр. въ Ф. род. мн. *дѣтéй*, *дітэ́й*), А. А. Шахматовъ объяснялъ вліяніемъ другихъ формъ[2]) тѣхъ-же словъ, въ которыхъ ъ или являлось изъ неслогового *і* или было искони; такимъ образомъ, согласно съ этимъ объясненіемъ *лодьинищи* подъ вліяніемъ *лодьѥ* и т. п., *змьи* подъ вліяніемъ **змья* (сравн. *змыа* въ Гал. Ев. 1144 г., л. 21ᵃ. з), *свьискеи* подъ вліяніемъ *свьѥ* и т. п.; но, если такъ, то формы **змья*, *свьѥ*, какъ и *шьи*, также требуютъ объясненія: если мы признаемъ, что ъ получалось изъ *и* путемъ сокращенія въ неслоговой звукъ подобно ъ, положимъ, въ нынѣшнемъ великорусскомъ *лодья*, *костью* и т. п., то такое сокращеніе немыслимо въ группѣ согласныхъ (если она затѣмъ не подвергается упрощенію) или подъ удареніемъ, и мы не имѣемъ основанія предполагать его, обращая вниманіе на произношеніе этихъ формъ въ современныхъ говорахъ; объясненіе для формъ *свьѥ*, *шьи*, род. ед. *змья* и т. п. мы найдемъ, если отрѣшимся отъ навязаннаго современнымъ правописаніемъ и языкомъ предразсудка, что ъ изъ *и* неслоговой звукъ; необходимо допустить, что ъ здѣсь, какъ и ъ въ *кръяше стръя* и т. п., выражаетъ какой-то ирраціональный слоговой звукъ, при чемъ весьма возможно, что ирраціональность его заключалась не въ неполнотѣ, и скорѣе въ неопредѣлимости[3]) его физіологическаго характера подобно ъ во многихъ болгарскихъ говорахъ.

Если мы сравнимъ относящіеся сюда факты въ современныхъ синодальному списку Новгородской лѣтописи новгородскихъ грамотахъ, то найдемъ и въ нихъ, не смотря на очевидную народность языка, не только большое количество примѣровъ съ *и* въ суффиксахъ различныхъ именъ, но

---

[1]) Сравн замѣчаніе Шахматова о формахъ собств. имен. на *-ьй* въ «Изслѣдов. о яз. новгородск. грамотъ», стр. 219 въ I-омъ т. «Изслѣдованій по русск. яз.».

[2]) Изслѣдованія въ области рус. фон., 36.

[3]) Съ точки зрѣнія писцовъ, конечно, которые буквами ъ и ъ выражали различные оттѣнки звуковъ, приближавшихся къ *е* и *і* и къ *о* и *ы*, но не находившихъ въ буквахъ *е*, *и*, *о*, *ы* точнаго выраженія. Нѣкоторую аналогію съ буквами ъ и ъ по своему употребленію, какъ увидимъ, представляетъ и буква *ѣ*.

даже замѣтное преобладаніе ихъ надъ примѣрами съ ъ: не только во всѣхъ грамотахъ (цитирую по изданію акад. А. А. Шахматова въ 1-омъ т. «Изслѣдованій по русскому яз.») бл҃гословлен*иѥ* (№№ 1, 3, 10, 11, 7) или подобные книжные примѣры, но и *насили*ѥ (№№ 1 и 3, 1264—1270 г.), *нелюби*ѥ № 10 (1304—1305 г.) при *нелюбы*ѥ № 3 (1270), № 12 (1314 г.), кнѧжен*иѥ* № 6 (1305—1308) при кн҃женьѥ № 12 (1314 г.), *цѣлова*ни(ѥ), —(ꙗ) № 10 при *цѣлованью* № 12, *заволочи*ѥ №№ 6 и 7 (1305—1308), *заволо*|*чи*ѥ № 9 (1304—1305), *заволочи*|ѥ № 10 при *заволочьѥ* № 3, заволоць(ѥ) № 1,—(ѣ) № 2, ѿ *лоди*(ѥ) № 10,—(й) № 7 при *лодь*(ѥ) №№ 1, 3, 9,—(й) № 6, *соуди*(ѥ) № 7,—(и) дат. ед. № 2 (1264—1265),—(ꙗмъ) №№ 9 (2 р.), 10 (4 р.),—(ѧмъ) №№ 6 и 7 при *соудьѥ* №№ 1, 6, сѹдьѥ № 3, *свини*(*и*),—(й) №№ 7 и 6 при—(ъ|*и*) № 2,—(ѥ) №№ 9 и 10, исключительно *брати*(ѥю) №№ 3, 6, 7, 10,—(и) № 10,—(ю) № 11, софи(и) № 10,—(й) род. и дат. ед. № 3 (2 р.), тре*ти*(ѥѥ) №№ 9 (переносъ), 10,—(ѥѥ) №№ 1 и 3,—(ою) №№ 1 и 3, полутрьтиѧдчати № 12 при болѣе рѣдкомъ ъ въ *третью* №№ 9 и 10 и *третьии* № 12, но твор. ед. и здѣсь съ ъ въ Ф. *тфьрью* № 5 (1294—1301). Въ слоговомъ полож. находимъ при -*ии* въ *волости*(й) № 1 (3 р.), № 9 (3 р.), звѣ*рии* №№ 6 и 7, *людии* № 12 также -*ъи*: *волость*(*и*) № 6 (3 р.), № 7 (2 р.),—(й) № 6, № 7 (3 р.), *людь*(и) № 7,—(й) № 6 [1]).

Изслѣдователи древнерусскихъ памятниковъ (акад. И. В. Ягичъ [2]), за нимъ Колесса [3]) окончанія -ѣ, -ѣꙗ и т. д. не безъ основанія считаютъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ памятниковъ южнорусскихъ, такъ какъ эта особенность правописанія дѣйствительно преобладаетъ въ памятникахъ, имѣющихъ и другіе южнорусскіе признаки, хотя эта особенность не представляетъ ничего спеціально русскаго, будучи отличительнымъ признакомъ и нѣкоторыхъ памятниковъ старословянскихъ (Синайск. Молитвенника и Псалтыри и Супрасл. сборн.) [4]); нерѣдко и въ Зографскомъ Ев. находимъ формы *абѣ*, вельѣмь, вельѣꙗ, *божье*, безоум*ье*, знамен*ьѣ*, ісплън҃ен*ьѣ*, лицемѣ*рье*, даже братрьѣꙗ, *змьѣꙗ*, наоутр*ьѣ* и пр., въ корен. сл. вьзлѣ, см.

[1]) Нѣсколько отличается въ правописаніи грамота духовн. новгородца Климента 1270 г., гдѣ *братьѣ*, —*и*, —ѥ, ѡбильѥмь ѡроужьѥ, свинь|ѣхъ и даже Геръ(ꙗ), —(ю), а въ Ф род. мн. *свиней* (Срезневск. Свѣдѣн. № 35, Смирн. Сборн. № 33).

[2]) Четыре критико-палеогр. статьи, 90—91.

[3]) Kolessa, Dialectolog. Merkmale des südrussisch. Denkmals «Žit. sv. Savy», Archiv f. Slav. Philol., XVIII, 509, 519. Въ Гал. Ев. 1144 г. даже такіе примѣры, какъ цр҃ствьѥ 26ᵃ. 1 и 7.

[4]) Соболевскій, Очерки изъ исторіи рус. яз., 78; Kolessa, Dial. Merkm. d. südr. D., Archiv f sl. Phil. XVIII, 216. Сравн. болѣе точныя свѣдѣнія въ грам. Лескина, § 25, 2.

лл. 102[a], 112[b], 98[b], 99[a], 113[a], 109[b], 119[a], 132[b], 170[b], 172[a] и друг. (Марк. IV, 32, 39, 41, 42, V, 7, 11, 42, VII, 7, 13, VIII, 33 и др., IX, 24, XII, 7 и др.), въ Маріинск. Е. *бѣ*нъ Лук. XII, 47, 48, *братрѣ* Іо. VII, 5 и др. (Ягичъ, Мар. Ев., с. 435, замѣчаетъ, что въ этомъ памятникѣ это явленіе не столь часто, какъ въ Зограф. Ев.); много примѣровъ *ъ* и даже *е* вм. *і* и въ слоговомъ полож. встрѣчается въ глаголическихъ памятникахъ (сравн. ibid.). Между тѣмъ древнѣйшій ц. словянскій памятникъ русскаго письма Остромирово Ев. употребляетъ *и* (см. у Шахматова дополн. къ § 25, 2 грам. Лескина, рус. перев. с. 176); такъ какъ этотъ памятникъ написанъ въ Новгородѣ, то и является вопросъ, не оказываль ли новгородецъ [1]) вліяніе на сохраненіе буквы *и*, хотя съ другой стороны возможно предположить и обратное, т. е. что Остромирово Ев. и подобные ему по типу ц. словянскаго яз. памятники были причиною болѣе упорнаго сохраненія написанія *и* на русскомъ Сѣверѣ вмѣсто болѣе согласнаго съ произношеніемъ *ъ* въ то время, какъ на русскомъ Югѣ, куда проникали ц.-словянскіе памятники съ признаками иныхъ говоровъ, ранѣе и смѣлѣе стали писать *ъ*. Впрочемъ преобладаніе написаній съ *и* надъ написаніями съ *ъ* въ сѣверныхъ памятникахъ сравнительно съ южнорусскими можетъ быть основано и на фонетическихъ особенностяхъ великорусскихъ и особенно сѣверновеликорусскихъ говоровъ: великорус. *бра́тья*, *зе́лье*, *бы́лье*, *имѣнье*, и т. п. предполагаютъ, мнѣ кажется, болѣе новое сокращеніе полнаго *і* въ ирраціональный звукъ, чѣмъ малорусскія *бра́ття*, *зі́лля*, *бі́лля*, *корі́ння* и т. п., такъ какъ въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ и до сихъ поръ между мягкимъ согласнымъ и слѣдующимъ *j* слышится ирраціональный неслоговой звукъ («Gleitlaut»), въ малорусскихъ же происшедшая ассимиляція слѣдующаго *j* съ предшествующимъ небнымъ согласнымъ указываетъ на болѣе тѣсное соединеніе этихъ звуковъ съ болѣе слабымъ переходнымъ звукомъ между ними; такимъ образомъ, въ эпоху, когда въ малорусскихъ говорахъ *зе́лье* или **зѣльѥ* произносилось уже съ ирраціональнымъ *не*слоговымъ *ъ*, въ великорусскихъ могъ произноситься и слышаться еще ирраціональный слоговой звукъ *і*, который и изображался на письмѣ большею частью какъ *и*, лишь изрѣдка замѣняясь черезъ *ъ*. На такое-же болѣе раннее сокращеніе и стяженіе съ слѣдующимъ гласнымъ въ одинъ слогъ указываютъ,

[1]) Въ настоящее время, однако, Н. В. Волковъ и А. А. Шахматовъ оспариваютъ Новгородское происхожденіе діакона Григорія, см. Отчеты о засѣд. И. Общ. Л. Д. П. въ 1895—1896 гг. (Пам. CXX, стр. 6—7), ср. Извѣстія II Отд. И. А. Н., т. III (1898), кн. 4, стр. 1362—3.

повидимому, и западнословянскіе языки, не знающіе большею частію русскаго переходнаго («скользящаго») звука въ разбираемыхъ окончаніяхъ: сербск. *бра̑ћа*, *зна̑ње*, *има̑ње*, польск. *bracia*, *imienie*, чешск. bratří, *znamení* и т. п. изъ болѣе древняго bratřie, *znamenie* по правописан. Гебауэра[1]) (рукоп. *znamenye*, какъ *kamenye*, *myſlenye*[2]) и т. п.), при чемъ сербскія формы предполагаютъ стяженіе дифтонговъ је, ја въ монофтонги *je*, *ja* и т. п., польскія въ монофтонги ʲe, ʲa (т. е. *e*, *a*, смягчающіе предшествующіе согласные), чешскія же—стяженіе тѣхъ же дифтонговъ, слившихся въ болѣе раннюю эпоху въ одномъ је, въ *í*, т. е. *ī*, такъ что разница заключается только въ побѣдѣ въ однихъ перваго, въ другихъ второго элемента дифтонга. На различіе русскихъ формъ разбираемаго типа отъ польскихъ и сербскихъ давно уже обратилъ вниманіе покойный Ал. Аѳ. Потебня[3]). Вмѣстѣ съ нимъ я признаю характеристичность ъ въ этихъ сочетаніяхъ для русскаго яз., хотя бы то же самое было характеристичнымъ и для нѣкоторыхъ говоровъ старословянскаго и другихъ яз.; вѣдь и замѣны ъ черезъ *о*, ъ черезъ *е* не перестаютъ быть характеристичными для русскаго яз., хотя и доказано существованіе ихъ и въ старословянскомъ и нѣкоторыхъ другихъ словянскихъ языкахъ (чакавскія формы *bratja*, *zdravje* и т. п., повидимому, близки по произношенію къ соотвѣтствующимъ имъ великорусскимъ; тоже, кажется, слѣдуетъ сказать и о штокавскомъ зàгорје и т. п.; но всѣ онѣ возможны въ этой группѣ говоровъ, кажется, лишь при условіи сохраненія твердости согласныхъ; во всякомъ случаѣ здѣсь характерно существованіе «Gleitlaut» между согласнымъ и слѣдующимъ *j*). Существенная разница всѣхъ русскихъ (великорусскихъ и малорусскихъ) формъ вмѣстѣ съ чакавскими отъ формъ большинства западнословянскихъ нарѣчій и говоровъ заключается въ отдѣленіи согласнаго къ слогу, предшествующему окончанію, что̀ и достигается путемъ сохраненія неслогового гласнаго звука между согласнымъ и *j*. Остается подъ сомнѣніемъ, прошли ли эту ста̑дію развитія и отличныя отъ русскихъ западнословянскія формы[4]),

[1]) Odpověď na přídavek p. Mart. Hattaly ku prvému dílu zbytků rýmovaných Alexandreid staročeských, 1881, стр. 12—13; Гебауэръ возстаетъ противъ чтенія рукописнаго *-ye* какъ *-ije*, предлагаемаго Гатталою.

[2]) Zbytky rýmov. Alexandreid staroč vydali M. Hattala a Ad. Patera, стр. 16, стих. 624—625, 647.

[3]) Къ исторіи звуковъ русскаго яз. (1876 г.), стр. 14—16.

[4]) Это возможно бы было предположить лишь о польскихъ формахъ, сербскія же штокавскія своими ѣ, *вљ* и т. п. результатами смягченія (въ *бра̑ћа*, *здравље* и т. п.) ясно указываютъ на непосредственное соприкосновеніе согласныхъ съ *j*, а слѣдовательно на примыканіе ихъ къ конечному или вообще слѣдующему за сократившимся ъ слогу.

или въ нихъ согласный зв. и по сокращеніи суффиксальнаго *і* продолжалъ примыкать къ конечному слогу; во всякомъ случаѣ одного болѣе ранняго сокращенія было бы недостаточно для образованія этихъ формъ, такъ какъ малорусскія и бѣлорусскія формы съ двойнымъ мягкимъ согласнымъ все-таки ближе къ великорусскимъ, чѣмъ польскія, штокавскія, болгарскія и нѣк. друг., имѣя съ первыми то общее, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ смягченныхъ согласныхъ принадлежитъ не къ конечному слогу; если бы удалось доказать, что эти западнословянскія формы предполагаютъ упрощеніе удвоеннаго небнаго согласнаго, то малорусско-бѣлорусскія составляли бы сравнительно съ ними ступень болѣе древнюю, хотя и болѣе новую сравнительно съ великорусскими; къ сожалѣнію, недостатокъ собственныхъ наблюденій мѣшаетъ мнѣ опредѣлить, насколько въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ еще слышится раздѣльность двухъ мягкихъ *t*, положимъ, въ словѣ *баіа́ття*, но подобныя формы съ двойнымъ мягкимъ согласнымъ, кажется, не чужды и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, хотя опредѣленіе ихъ требуетъ большой тонкости слуха наблюдателя, всегда подвергающагося опасности стать жертвою своей субъективности: мнѣ кажется, что я слышалъ въ Курмышскомъ у. Симбирской губ. (село Теплый Станъ, говоръ акающій) произношеніе *Ил'ю́хин*, т. е. двойное мягкое *л* вмѣсто *ль*.

Всѣ случаи чередованія *ъ* и *и* въ суффиксальныхъ слогахъ мы должны отличать отъ случаевъ такого-же чередованія въ коренныхъ слогахъ. Здѣсь русскія нарѣчія еще болѣе рѣзко отличаются отъ западно- и южно-словянскихъ въ большинствѣ ихъ говоровъ: между тѣмъ какъ въ великорусскомъ, бѣлорусскомъ, и малорусскомъ во всѣхъ говорахъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми говорами словацко-моравскими и здѣсь является сокращеніе *і* въ открытомъ слогѣ передъ слѣдующимъ *j* въ извѣстнаго рода ирраціональный неслоговой звукъ (великор. *пью́*, *бью́* и т. п., малорус. *пъю́*, *бъю́*, *л'ю́ицця* и т. п.), въ польскомъ, чешскомъ (литературномъ), сербскомъ и болга́рскомъ мы находимъ здѣсь слоговое *і*: польск. литерат. *piję*, *biję*, чешск. *píji*, *bíji*, сербск. пи̏јēм, би̏јēм, болгар. *пи́ж*, *би́ж* и т. п., но что причина такой разницы здѣсь не въ томъ, что *і* (*и*) является въ слогахъ коренныхъ, доказываютъ такія формы, какъ польск. *lać*, *wiać*, чешск. *láti*, *váti* и т. п., предполагающія **лиа́ти*, **виа́ти* и т. п., а также слова иностранныя, какъ *дъяволъ*, звучащее въ сербскомъ ђа̏во, *дъякъ*, звучащее въ польск. *dziak*, въ сербск. ђа̂к; эти послѣднія доказываютъ, что *і* въ пи̏јēм, *piję* и т. п. обязано

своимъ существованіемъ частію *і* въ *пѣти, рі́ć*, частію ударенію, которое въ Ф. 1-го л. ед. ч. наст. вр. являлось на коренномъ слогѣ уже въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ подъ вліяніемъ формъ 2-го и 3-го л., гдѣ такое удареніе, вѣроятно, существовало уже въ общесловянскомъ яз., будучи перенесено на суффиксальный слогъ подъ вліяніемъ формы 1-го л. ед. ч. въ русскихъ нарѣчіяхъ, вслѣдствіе чего въ послѣднихъ безударное ирраціональное *і* стало неслоговымъ во всѣхъ формахъ. Что касается мнѣнія проф. А. И. Соболевскаго [1]), что во всѣхъ разбираемыхъ нами формахъ, имѣющихъ чередованіе *і* (*и*) съ *ъ*, какъ въ коренныхъ слогахъ, такъ и въ суффиксальныхъ, это чередованіе объясняется не сокращеніемъ *і*, а исконной разницей (*и* восходитъ къ *ī*, *ъ* къ *ĭ*), то на него замѣчу то-же, что̀ мною сказано по поводу такого-же чередованія *ы* съ *ъ*, т. е. что въ общесловянскую эпоху всякое *і* въ слогѣ передъ слѣдующимъ *i̯* получалось среднимъ по количеству (мнѣніе Ф. Ѳ. Фортунатова) и давало слѣдовательно звукъ *і* (старослов. *и*), лишь въ отдѣльныхъ группахъ говоровъ становившійся ирраціональнымъ (ст. слов. и русск. *ъ*), который не терялъ однако въ закрытыхъ слогахъ своего слогового характера и лишь въ открытыхъ являлся бо́льшею частію неслоговымъ, вслѣдствіе чего все звуковое сочетаніе, въ которомъ раньше разбираемый ирраціональный звукъ несъ слоговую службу, теперь примыкало въ слоговомъ отношеніи или къ предшествующему или къ послѣдующему слогу, составляя извѣстнаго рода прибавку къ этимъ слогамъ. Великорус. *бе́й*, малорус. *бúй* (съ среднимъ несмягчающимъ предшеств. согласнаго *і* при *бъю́*, гдѣ черезъ *ъ̯* я означаю ирраціональный неслоговой звукъ, несмягчающій предшествующаго согласнаго) могутъ восходить именно къ **bii̯* съ ирраціональнымъ слоговымъ *і*, отличавшимся отъ *і* въ **biti*, вѣроятно, менѣе опредѣленнымъ характеромъ, болѣе слабой артикуляціей, бо́льшей широтой, приближавшей его акустически и физіологически къ извѣстнаго рода *е*; въ памятникахъ старословянскихъ и древнерусскихъ это ирац. слоговое *і* могло иногда выражаться буквою *ъ*, такъ какъ и этимологическое *ъ* имѣло много общаго съ этимъ звукомъ (сравн. сказанное выше о выраженіи ирац. слогового *ы* черезъ *ъ*).

Подъ конецъ этой главы, разбирающей отношенія *ы* — *ъ* и *и* — *ъ*, умѣстно будетъ сказать о характерѣ въ древнерусскихъ говорахъ и между

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго яз., стр. 78.

прочимъ въ тѣхъ, которые отражаются въ нашемъ памятникѣ, того звука *і*, который въ извѣстныхъ окончаніяхъ соотвѣтствуетъ звукамъ *ъ*, *ь* въ другихъ окончаніяхъ тѣхъ-же самыхъ формъ сходныхъ по образованію словъ, т. е. является напр. послѣ гласныхъ соотвѣтственно *ъ*, *ь* послѣ согласныхъ въ Ф. имен. винит. ед. ч. словъ муж. р. или въ окончаніи Ф. родит. мн. извѣстныхъ основъ соотвѣтственно *ъ*, *ь* другихъ основъ, каковы напр. именит. винит. *гои*, *покои*, прилагат. *третіи*, член. прилаг. *добрыи* и др. при *столъ*, *домъ*, *мужъ* и т. п., род. мн. *дѣтіи*, *лодіи* и т. п. при *столъ* или *столовъ*, *душь* и т. п. Вопросъ въ томъ, каковъ былъ основной характеръ этого *і*, и какъ онъ видоизмѣнялся въ исторіи языка. Несомнѣнно, что это *і* отличалось краткостью и ирраціональностью искони, а потому справедливо было бы изображать его буквою *й*, если бы это не могло дать поводъ считать это *і* не только краткимъ и неполнымъ, но и неслоговымъ, такъ какъ въ нашемъ современномъ литературномъ правописаніи буква *й* именно означаетъ обыкновенно звукъ *і*; между тѣмъ, какъ *ъ* въ Ф. *столъ* и т. п. не было искони неслоговымъ, а становилось такимъ лишь постепенно, не во всѣхъ случаяхъ и не во всѣхъ говорахъ сразу, хотя начало этого звукового теченія и восходитъ къ доисторической общесловянской эпохѣ, такъ и *и* въ *гои* и т. п. въ моментъ выдѣленія общесловянскаго языка должно было составлять слогъ; кромѣ доказательствъ этого положенія, представляемыхъ исторіей словянскихъ нарѣчій, простое соображеніе, что устроители словянскихъ азбукъ не нашли нужнымъ придумывать особые знаки для этихъ случаевъ *ъ* и *и*, заставляетъ насъ признать, что въ этихъ случаяхъ въ періодъ возникновенія словянской письменности слышались тѣ-же приблизительно *ъ* и *и*, которые слышались и въ такъ называемомъ «слоговомъ» положеніи. Что еще въ недавнюю сравнительно эпоху конечное *і* въ указанныхъ случаяхъ могло составлять слогъ, доказываютъ примѣры написанія **ѥ** вм. **и** изъ древнерусскихъ памятниковъ XIII-го в.; въ нашемъ памятникѣ сюда относится **Г кадїѥ** 140. 10—11 (во второмъ поч.), т. е. «10 кадій», въ грам. 1262—1263 г. (Смирн. Сборн. др. р. п. № 30) **трѥѥ дворць** (ст. слов. *трии* = др. рус. *трей* род. мн. [1]). Но что это *і* было краткимъ, ирраціональнымъ и, вѣроятно, неслоговымъ уже въ XIV-омъ в., доказывается и попытками отмѣтить его особый характеръ помощію постановки двухъ точекъ надъ буквою *и*; такой способъ напр. употребленъ на стран. 333—

[1]) Сравн. у И. В Ягича, Крит. замѣтки по истор. рус. яз., 34—35.

337 нашего памятника (сравн. стран. 14—15 «введенія», гдѣ и приводятся всѣ относящіеся сюда примѣры [1]). Какъ написаніе ѥ вмѣсто и, такъ и постановка двоеточія могли служить для одной и той-же цѣли — для отмѣтки особаго характера этого *и*, при чемъ первый способъ ближе опредѣляетъ какъ качественный, такъ и количественный его характеръ, второй же можетъ лишь указать на существованіе различія отъ другого *и* безъ опредѣленія его сущности.

ГЛАВА III.

О взаимномъ чередованіи ъ и ь.

Здѣсь я намѣренъ разсмотрѣть нѣсколько встрѣчающихся въ нашемъ памятникѣ случаевъ замѣны ъ черезъ ь и обратно и связанные съ этимъ явленіемъ фонетическіе вопросы. Эти случаи встрѣчаются частію внутри словъ, частію въ конечномъ открытомъ слогѣ, и въ обоихъ положеніяхъ причины чередованія могутъ быть различны. Такъ какъ внутри словъ мы имѣемъ болѣе основаній объяснять такое чередованіе вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, чѣмъ на концѣ, который совпадаетъ иногда и съ концомъ рѣчи (фразы, періода или по крайней мѣрѣ предложенія), то намъ удобнѣе сначала разсмотрѣть случаи второго рода, какъ болѣе независимые, а затѣмъ уже перейти къ случаямъ перваго рода.

Въ части, написанной первымъ почеркомъ, находимъ слѣдующіе примѣры ь вмѣсто ъ въ концѣ словъ: **дьнѣ|прь** 1. 2—3, **єпп̑ь** (=епископъ) 57. 17, **михаи|ль** 81. 7—8; во второй части: **дънєпрь** 159, **днѣпрь** 195. 6, 17, 198. 1, **мы с тобою ксмь** 133. 19, **михаль** 229; въ 3-ей части: **назадь** 285 (въ концѣ періода), **близь тѳѣри** 321, дат. мн. **нѣмцемь** 258. 5; на послѣдней стран. **четве|ргь** 337. 12—13. Изъ этихъ примѣровъ одинъ

[1]) На то же свойство еще болѣе указываетъ изрѣдка встрѣчающійся пропускъ этого *и* (примѣры *мо, своѥ* и т. п. приведены проф. Соболевскимъ въ «лекціяхъ по истор. р. яз», стр. 46, изд. I-ое; прибавлю къ нимъ *дѣти своихъ* 337, 2 изъ нашей лѣтописи), хотя акад. И. В. Ягичъ въ «Критич. замѣткахъ» 34 (мнѣ кажется, слишкомъ рѣшительно) считаетъ приведенные Соболевскимъ примѣры «простыми описками»; что они описки съ точки зрѣнія нормальнаго традиціоннаго правописанія, я не отрицаю, но думаю, что описки эти могли быть сдѣланы не безъ смысла.

(єпи̑ть) [1]) вслѣдствіе своей единичности можетъ быть принятъ за описку, не имѣющую знаменательности въ звуковомъ отношеніи, остальные могутъ быть объясняемы частію въ качествѣ образованій отъ иныхъ темъ, т. е. или отъ темъ на ѣ или отъ предполагающихъ и замѣнившихъ ихъ темъ на ꙗо (назадь, близь, дьнѣпрь, дънепрь, днѣпрь, сравн. мѣстн. п. **въ дьнѣпри** 14. 4, дат. **днѣпрю** 158 и лат. danaprīs) при существовавшихъ рядомъ образованіяхъ отъ темъ на *о* (род. п. **дънѣпра** 1. 16, **назадъ** 294, **бли|зъ не** 41, **близъ шатра** 178, **близъ. р̑. мо̑у.** 137. 1, **близъ роуси** 192, **сташа близъ** 292), частію въ качествѣ звуковыхъ варіантовъ, вызванныхъ особыми звуковыми условіями (только что упомянутые примѣры на ъ, допускающіе двоякое объясненіе, Ф. собств. им. михаль, Ф. дат. мн. нѣмцемь, Ф. 1 л. мн. ч. наст. вр. ѥсмь, интересное четве|ргъ), при чемъ эти условія могутъ быть весьма различны для каждаго случая. Формы назадь и близь могутъ быть не только нарѣчными образованіями съ суффиксомъ ъ, точнѣе застарѣлыми падежными формами отъ основъ на *ĭ*, проявляющихся также въ такихъ формахъ нынѣшняго русскаго литературнаго языка, какъ *зáди*, *спéреди*, *вблизи́*, при соотвѣтствующихъ имъ образованіяхъ отъ другихъ основъ тѣхъ-же корней малорус. *зáду*, *спéреду*, сербск. ў̄блӣзу (В. С. К.), но и фонетическими варіантами, появленіе которыхъ обусловливалось небнымъ характеромъ слѣдующаго слога, т. е. перваго слога слѣдующаго слова, хотя такое объясненіе у насъ очевидно только для второго изъ этихъ предложныхъ нарѣчій, такъ какъ за нимъ дѣйствительно слѣдуетъ зависящая отъ него, какъ отъ предлога, форма *тѳ҃три* съ небнымъ сочетаніемъ *тѳ҃ть-*, первое же у насъ является въ качествѣ нарѣчія, не имѣющаго зависимаго отъ него слова; въ нынѣшнемъ олонецкомъ нарѣчіи *назадь* чередуется съ *назадъ* безъ фонетической причины: *назадь-то* Гильф[1]. 1047, 1049, 1083 (№№ 219, 226), *назадъ-то* ib. 1206 (№ 267), оба въ Кенозерѣ. Въ формахъ дьнѣпрь и т. п., михаль и ѥсмь [2]) буквою ь можетъ выражаться тотъ звукъ, который, становясь слоговымъ, выражался иногда черезъ букву *е*,

---

[1]) Тоже, вѣроятно, и въ кн|цр҃ѣи 330. 3—4, гдѣ ь, имѣющее вертикальную черту выше строки, кажется, просто недописанное ъ, часто имѣющее такую форму въ концѣ строки (см. въ поправкахъ, стр. 22).

[2]) Сравн. въ Остромир. Еванг. ѥсмь (4 раза), кѣмь (11 разъ), нѣсмь, ѣмь въ Ф. 1 л. мн. ч. (М. Козловскій, О языкѣ Остром. Еванг., 46); но въ Саввиной книгѣ В. Н. Щепкинъ отмѣчаетъ только 3 случая: ѥсмь, къзндѣмь, прѣ̑дѣмь («Разсужденіе о яз. Сав. кн.», Извѣстія, т. III, с. 1239), при чемъ въ издан. Срезневскаго правильная Ф. 1 л. мн. ч. повелит. прѣ̑дѣ|мь 135, 2—3 (сравн. лекціи Фортунатова, печ. изд. 1888 г., с 210).

означавшую здѣсь или чистое *е* или звукъ *о́* (сравн. формы *съмьюне*, *борисе*[1]) и т. п., о которыхъ я уже говорилъ на стран. 142—143, а также и формы 1 л. мн. ч. **ѥсмѣ** 135. 11, 136. 4, 214. 6, 7, **проли|ваимѣ** 37. 9—10, 169. 16, которыя могли бы быть отнесены туда-же); что *есмь* находится въ связи съ *есме*, доказывается какъ тѣмъ, что въ сп. К. читаемъ въ данномъ мѣстѣ *есме*, такъ и тѣмъ, что наоборотъ соотвѣтственно **ѥсмѣ послани** 135. 11 въ К. читаемъ *есмь прислань* (см. стран. 183 и 184 издан. арх. ком. 1888 г.); замѣтимъ, однако, что оба мѣста встрѣчаются въ повѣсти о взятіи Константинополя 1204 г. Тотъ-же ирраціональный звукъ, близкій къ *о́* или *ӥ*, можно было бы предполагать и въ Ф. дат. множ. *нѣмӥемь*, если бы съ такимъ окончаніемъ она являлась не однажды, что̀ заставляетъ подозрѣвать описку, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ никакихъ реальныхъ основаній придавать ей значеніе[2]). Въ виду примѣровъ конечнаго *ъ* вмѣсто *ъ* я сдѣлалъ бы въ объясненіи акад. А. А. Шахматова ту поправку, что считалъ бы звуки *о́* и *е* въ подобныхъ формахъ развившимися не изъ ирраціональнаго *ы*, а изъ ирраціон. *ӥ*, въ которое измѣнялось діалектически болѣе древнее ирраціон. *ы*, еще въ говорахъ общесловянскаго языка приближавшееся въ въ извѣстныхъ положеніяхъ къ *о*. Такимъ образомъ въ извѣстныхъ примѣрахъ конечнаго *ъ* вмѣсто *ъ* мы въ правѣ видѣть діалектическую сѣверновеликорусскую черту. Въ формѣ *михаль* вмѣсто *михаиль* измѣненіе *ъ* какъ глухого задненебнаго въ *ь* какъ глухой передненебный могло обусловливаться также прогрессивнымъ дѣйствіемъ сокращавшагося и затѣмъ исчезавшаго *и* (*і*); тоже дѣйствіе прогрессивной ассимиляціи можно бы было предполагать и въ *проливаиме;* но къ этому объясненію нѣтъ надобности прибѣгать, такъ какъ и въ другихъ словахъ, какъ *варламе*, *съмьюне* и мн. друг., мы наблюдаемъ тоже явленіе[3]), въ которомъ придется видѣть сѣверо-

---

[1]) Сравн. у Гильфердинга, Онежскія былины, № 182 (Выгозеро), стр. 896: беретъ тутъ Пе́тре ту́гой лукъ....; № 226 (Кенозеро), с. 1087: я Петре царевичъ..... Особ. любопытна Ф. *псе́* вм *песъ* въ Остр. у. Псков. г. (Матер. для изуч великор. г. V, 2).

[2]) Въ старословянскихъ памятникахъ формы дат. мн. на **мъ** встрѣчаются гораздо чаще (въ Саввиной книгѣ, гдѣ, по сообщенію В. Н. Щепкина, онѣ малочисленны, все-таки число ихъ достигаетъ 22 при 83 **мъ**, Извѣстія Отд. р яз. и сл., т. III, кн. 4, с. 1243). Указывая на то, что причины чередованія **мь** и **мъ** въ извѣстныхъ формахъ «слѣдуетъ искать въ фонетическихъ измѣненіяхъ общеслав. эпохи» (ibid. 1241), Щепкинъ ссылается на Фортунатова «Лекціи по фонетикѣ старославянскаго яз.» с 206—214, воспользоваться которыми мнѣ удалось, благодаря любезности В. Н. Щепкина, но лишь послѣ того, какъ III-я глава моего изслѣдованія была написана и сдана въ типографію.

[3]) Однако нѣкоторая разница замѣтна въ томъ, что въ собств. имени *михаль* все склоненіе и производныя обнаруживаютъ мягкое окончаніе въ имен. пад. (*михалеви* 85. 12,

западно-русскую звуковую особенность, состоявшую въ качественномъ измѣненіи конечнаго ъ въ направленіи къ ь независимо отъ окружающихъ звуковъ. Это діалектическое сѣверноруссное измѣненіе ъ въ ь имѣетъ нѣкоторую аналогію съ доисторическимъ измѣненіемъ ъ въ ь въ извѣстныхъ группахъ южнословянскихъ говоровъ (словѣнской, сербо-хорватской и частію болгарской) [1]) съ тѣми существенными различіями, что во-первыхъ наше сѣверозападнорусское звуковое явленіе ограничивается извѣстнымъ положеніемъ, а именно въ конечномъ открытомъ слогѣ словъ, тогда какъ въ извѣстныхъ южнословянскихъ говорахъ это явленіе всеобщее, во-вторыхъ наше измѣненіе ъ въ ь есть не только качественное измѣненіе одного гласнаго звука въ другой, но и измѣненіе предшествующихъ ему согласныхъ, становившихся небными, что̀ связано не только съ общимъ всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ различеніемъ рефлексовъ ъ и ь, но и съ общевеликорусской способностью этихъ рефлексовъ къ различному дѣйствію (т. е. смягчающему или несмягчающему) на предшествующіе имъ согласные, южнословянское же измѣненіе ъ въ ь есть собственно сліяніе ихъ обоихъ въ одномъ несмягчающемъ предшествующіе согласные звукѣ, который лишь отчасти можетъ быть названъ наслѣдникомъ древняго общеслов. ъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ южнословянскихъ говорахъ скорѣе можно говорить объ измѣненіи ь въ ъ, чѣмъ обратно, даже съ потерей, какъ въ большинствѣ восточно-болгарскихъ [2]), разницы въ дѣйствіи на предшествующіе

92. 11—12, *михалько* 144. 7), чего не замѣчается у многихъ другихъ собств. и нарицательныхъ именъ, встрѣчающихся съ окончаніемъ *е* въ имен. ед. ч.; эта разница, вѣроятно, зависитъ отъ того, что все слово поддалось вліянію іотованныхъ основъ подобно выше упомянутому * *дньпръ*.

[1]) V. Oblak, Die Halbvocale.... (Archiv f. sl. Phil. XVI, 154, 160, 163, 171, 172, 184). Macedonische Studien, II M. Drinov, Beiträge zur Kunde der neubulg. Sprache (Archiv V, 374). Сравн. также стр. 11 настоящ сочиненія. Можно, пожалуй, говорить и объ общемъ приближеніи ъ къ ь въ главной массѣ сѣверозападныхъ словянскихъ нарѣчій, но лишь о *приближеніи*, а не *совпаденіи*, такъ какъ рефлексъ ь здѣсь удержалъ старую способность смягчать предшествующіе согласные, утративъ ее лишь въ историческое время въ чешскомъ

[2]) См. П. А. Лавровъ, Обзоръ.... 37. Переходъ ь въ ъ совершался въ нихъ, вѣроятно, путемъ лабіализаціи (см. у В. Н. Щепкина въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги», Извѣстія Отдѣл. рус. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III, кн. 2, стр. 464—466), какъ наоборотъ переходъ ъ въ ь въ говорахъ—предкахъ почти всѣхъ нынѣшнихъ сербо-хорватскихъ, словѣнскихъ и нѣкоторыхъ болгарскихъ означаетъ постепенную утрату лабіализаціи и замѣну ее гортанно-небнымъ элементомъ, перешедшимъ въ послѣдующую эпоху въ исключительно гортанный въ значительной части говоровъ этой группы (отсюда сербск. и частію словѣнское и болгарское *а*); этотъ переходъ совершался уже послѣ того, какъ ь утратило способность палатализировать предшествующіе согласные.

согласные; въ послѣднемъ отношеніи эти болгарскіе говоры представляютъ обратное сходство съ частью сѣверозападныхъ словянскихъ нарѣчій (польскимъ, чешскимъ), въ которыхъ обратно ъ приблизилось къ ь, сохранивъ свое свойство въ несмягчающемъ дѣйствіи на предшествующіе согласные. Такой взглядъ на измѣненіе ъ въ ь и обратно въ различныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ я оправдываю какъ этимологіей общесловянскихъ ирраціональныхъ звуковъ (бо́льшею частію изъ краткихъ u и i индоевропейскаго праязыка и лишь отчасти изъ ирраціональныхъ звуковъ *a* различнаго качества) [1]), такъ и выводами палеографіи относительно буквъ ъ и ь [2]) въ кирилловской и глаголической азбукахъ, показывающими, что въ составъ буквы ъ входили греческія буквы *o* или ϑ, въ составъ ь буквы *e* или *i*, и что слѣдовательно самые звуки, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ южнословянскихъ говоровъ въ эпоху возникновенія на нихъ письменности помощію приспособленія греческой азбуки, были близки къ произношенію соотвѣтствующихъ греческихъ звуковъ, а именно ъ къ произнош. звуковъ *o* или u, ь къ произношенію звуковъ *e* или *i* [3]); такимъ образомъ, если въ рефлексахъ стараго ъ мы замѣчаемъ въ исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчій развитіе звуковъ *e* или *i*, мы въ правѣ говорить объ измѣненіи или приближеніи ъ къ ь и наоборотъ, если въ рефлексахъ стараго ь замѣчаемъ развитіе лабіальныхъ звуковъ *o* или u, можемъ говорить объ обратномъ измѣненіи, при чемъ то и другое измѣненіе можетъ или сопровождаться или не сопровождаться измѣненіемъ и свойственнаго искони каждому глухому различнаго дѣйствія на предшествующіе согласные.

Что касается глагольныхъ формъ 1 л. множ. ч. на *-ме*, то ихъ воз-

---

[1]) Leskien, Handbuch der altbulgar. Sprache [2], § 10, стр. 10, § 11, стр. 13—14, русск. переводъ Шахматова и Щепкина 1890 г., стр. 8, 11—12; Ф. Фортунатовъ, Плавныя согласныя въ древне-индійскомъ яз., стр. 485—490 сборника статей въ честь Ѳ. Е. Корша (Москва 1896).

[2]) И. В. Ягичъ, Четыре критико-палеографическія статьи, стр. 162—163. Сравн. также: Д. Ѳ. Бѣляева, Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы.... (Казань, 1886), стр. 62 и слѣд.; Fr. Muller, Archiv. ... XIX, 556,

[3]) По опредѣленію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова, общеслов. ъ есть ирраціональное по количеству открытое u, общеслов. ь ирраціональное по количеству открытое i (см. Лекціи по ц. слав. яз. 1884—1885, стр. 18; сравн. стат. «Ударѣніе въ прусскомъ яз.», стр. 15, примѣч., Рус. Фил. Вѣстн. 1895 г.). Необходимо признать, мнѣ кажется, что къ ирраціональности количеству въ общесловянскую уже эпоху присоединялось и значит. качествен. отличіе, а именно измѣненіе по направленію къ *o* и *e*. Повидимому, это признаетъ и Фортунатовъ въ печатн. издан. «Лекцій по фонетикѣ старослав. яз.» 1888 г., говоря, что «ъ обозначаетъ очень краткое, т. е. ирраціональное *y* открытое или, что то же, *o* закрытое», а ь..... «очень краткое, т. е. ирраціональное *i* открытое или, что то же, *e* закрытое» (стр. 10).

водить фонетически къ *-мъ* весьма рискованно, и онѣ допускаютъ иное объясненіе. Прежде всего обратимъ вниманіе на степень распространенности ихъ во времени и пространствѣ. Въ древнерусской письменности онѣ встрѣчаются въ памятникахъ новгородскихъ [1]), псковскихъ и смоленско-полоцкихъ [2]). Кромѣ указанныхъ примѣровъ изъ Новгородской лѣтописи, приведенныхъ раньше еще проф. Соболевскимъ [2]), а раньше его А. А. Потебнею (Замѣтки о малор. нарѣч. въ Фил. Зап. 1870 и отдѣльно 1871), я могу указать еще въ Прологѣ Хлудовской б—ки № 187, имѣющемъ много общихъ съ Новгородскою лѣтописью сѣверныхъ діалектическихъ чертъ, также нѣсколько разъ ѥсмѣ 11[а], 28[в] (2 раза), 42[б], ѣсмѣ 101[б]; къ сожалѣнію, недостаточное изученіе этого интереснаго памятника мнѣ не позволяетъ рѣшить, встрѣчаются ли въ немъ еще какіе либо примѣры на *-ме*; въ «Крит. зам.» 94—95 акад. Ягичъ указалъ нѣсколько случаевъ ѥсмѣ и есмѣ изъ новгородск. памятниковъ XIV в.; но вообще слѣдуетъ замѣтить, что, кромѣ указаннаго *проливаиме* да въ Словѣ о п. Игор. *мужаимъся* [3]), мы въ древнерусской письменности находимъ *ме* почти исключительно только въ ф. *есме;* только изъ Библіи Скорины (Числа, 32) Соболевскій приводитъ аористическую форму *видехоме.* Въ болѣе позднихъ памятникахъ (XIV— XVII в.) мы находимъ вмѣсто *-ме* съ одной стороны *-мя*, съ другой *-мъ* или *-ми* (не слѣдуетъ съ послѣднимъ смѣшивать *есми* вм. *есмь* 1 л. ед.); и то и другое окончанія, несомнѣнно, восходятъ къ *-ме* (что *есмя* изъ *есме*, высказалъ уже Потебня, Замѣтки о малор. н., 18), причемъ первое характеристично для говоровъ съ широкимъ (открытымъ) произношеніемъ *е* (по терминологіи А. А. Шахматова, говоровъ α), второе для говоровъ съ узкимъ (закрытымъ) произношеніемъ *е* (говоровъ β); оба окончанія появляются уже въ XIV в.; но всѣ примѣры ограничиваются почти

---

[1]) И В Ягичъ указалъ ѥсмѣ уже въ праздн. минеѣ XI—XII в. (Критич. замѣтки по ист. р. яз., 94).

[2]) А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго яз. [1], 114. Еще раньше примѣры изъ тѣхъ же памятниковъ (грам. рижск. ок. 1300 г., гр. Витовта 1399 г. и др.) были указаны А. А. Потебнею (Замѣтки о малорус. нарѣч., 17—18).

[3]) А. И. Соболевскій, ibid. Сравн. «Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о п. Иг.» И. И. Козловскаго съ прилож. изслѣдованія П. К. Симони объ Архивн. сп. Слова, М. 1890, стр. 41 (изъ XIII тома «Древностей» Моск. Археолог. Общ.): мужа|имѣ ся (л. 32, строк. 300—301); Н. С Тихонравовъ (Сл. о п. Иг., М. 1868, стр. 8) и А. Ае. Потебня (Сл. о п. Игор., Воронежъ, 1878, стр 101) читали *мужаимся, мужяимъся*, т. е. считали ѧ или описку вмѣсто ъ или искаженіемъ позднѣйшаго переписчика; послѣднее вѣроятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно, какъ сѣверозападная діалектическая черта, принадлежащая, можетъ быть, писцу погибшей рукописи XVI-го в.

формами *есмѧ* (Двинск. рядн., спис. Арх. ком. Новгор. лѣт. XV в., гдѣ также и *есме* нѣск. разъ въ 1412 г. = *есмя* А. Т., и др.) съ одной и *есми* (Дух. новгор. 1360—89 г. и др.), *есмъ* (и *есми* во многихъ памятн. XVI—XVII в.) съ другой[1]); встрѣчается еще только *проливаимѧ* въ Арх. сп. Новг. лѣт. подъ 1216 г. соотвѣтственно упомянутому *проливаиме* Синод. сп. (см. издан. Арх. ком. 1888 г., стр. 202)[1]). Такимъ образомъ, періодъ времени распространенія формъ 1 л. мн. ч. на *ме* и предполагающихъ ихъ *-мя* и *-ми* въ древнерусскомъ опредѣляется приблизительно XII—XVII столѣтіями, мѣсто появленія ихъ — пространствомъ отъ Сѣверной Двины до Западной, количество же глагольныхъ корней и основъ, принимающихъ это окончаніе въ изъявит. наклон., едва ли не ограничивается корнемъ существительнаго глагола *ес-*, и только въ повелительной формѣ *-ме* встрѣчается въ образованіяхъ и отъ другихъ корней. Что касается *видехоме* Библіи Скорины, то нельзя ли предположить здѣсь чехизмъ?[2])

Изъ другихъ словянскихъ языковъ въ болгарскомъ (съ фонетическимъ измѣненіемъ конечнаго неударяем. *е* въ *і*), чешскомъ и словацкомъ въ большинствѣ ихъ говоровъ формы 1 л. мн. ч. на *ме* (-me) столь обычны не только отъ глагольн. корня *es-* (*сме*, *jsme*, *sme*)[3]), но и отъ другихъ глагольныхъ корней, что нельзя сомнѣваться въ существованіи особаго окончанія *-ме* (сравн. греч. -μες, μεν[4]), литов. me)[5]), унаслѣдованнаго отъ праязыка наряду съ окончаніями *-мъ* (*-мъı*, несомнѣнно, вторично изъ *-мъ*) и *-мо*. Въ этихъ языкахъ незамѣтно его преимущественнаго употребленія въ формѣ повелит., и въ языкѣ чешскомъ формы съ *ме* обычны не только въ тѣхъ глаголахъ, которые въ 1 л. ед. ч. приняли заимствованное у нетематическихъ глаголовъ окончаніе *м*, но и въ тѣхъ, которые въ 1 л. ед. ч. имѣютъ u, восходящее къ общеслов. ѫ, т. е. соединенію тематич. гласн. *о* съ какимъ то носовымъ призвукомъ[6]). Обратимъ вниманіе на то, что въ болгарскомъ *-ме* является обычнымъ окончаніемъ 1 л. мн. ч. прошедшихъ временъ (*бѣхме*, *нé-*

---

[1]) А. А. Шахматовъ, Изслѣдованія въ области рус. фон., 214.

[2]) Въ этомъ предположеніи со мной сошелся М. С. Дриновъ.

[3]) Т. Флоринскій, Лекціи по славянск. языкознанію, т. I, стр. 134 и проч., II, 167, 309.

[4]) G. Meyer, Griechische Grammatik (Leipzig, 1880), § 454 (стр. 356).

[5]) Р. Брандтъ,, Грам. замѣтки, вып. I, 8; Kurschat, Gram. der littauisch. Spr. §§ 1050, 1055; Gebauer, Hist. mluvn, d. III, II, § 12.

[6]) Сравн. у Ф. Ѳ. Фортунатова, Нѣсколько страницъ изъ сравнит. грамматики индоевропейскихъ языковъ, М. 1875 г., стр. 13 и слѣд. (-ân, т. е. -ān, откуда ōn, ō̃, см Разборъ соч. А. В. Попова въ Отчетѣ о 26-омъ присужд. Увар. нагр., стр. 18—19).

сохме, *брáхме* и проч., Флоринск. I, 146, 149, 153), и хотя та-же форма настоящ. врем. принимаетъ *-ме* постоянно лишь въ глаголахъ, имѣющихъ окончаніе *-м* въ 1 л. ед. ч., однако появленіе его, кажется, возможно и въ другихъ глаголахъ, особенно въ старинныхъ памятникахъ XVII—XVIII в. (встрѣчающееся въ памятникахъ, часто употребляющихъ *и* вм. *е*, *-ми* правильно объясняется П. А. Лавровымъ изъ *-ме*)[1]; разумѣется, въ говорахъ западныхъ (напр. софійскомъ) и македонскихъ, гдѣ и въ 1 л. ед. ч. является окончаніе *м* общимъ для всѣхъ глаголовъ, *-ме* и теперь господствуетъ въ Ф. 1 л. мн. ч. глаголовъ всѣхъ классовъ (Лавровъ, ibid.). Древность окончанія *-ме* и въ чешскомъ (псалт. Клемент. 1-ой полов. XIV в. и друг., Флоринск., Лекціи, ч. II, 167, Gebauer, Histor. mluvn. III d., II, § 12, стр. 20, о времени написанія памятника см. Gebauer, Hist. mluvn. I, 688) и особенно въ болгарскомъ (XII в.)[2]), невѣроятность фонетическаго происхожденія его изъ *-мъ* въ чешскомъ вслѣдствіе необъяснимости удержанія слогового характера конечнымъ открытымъ *ъ*, еще бóльшая невѣроятность такого происхожденія его въ словацкомъ, гдѣ *-ме* является и въ говорахъ, измѣнившихъ старое слоговое *ъ* въ *о*, слѣдовательно при такомъ объясненіи должно считаться въ нихъ заимствованнымъ изъ другихъ, измѣнившихъ ъ въ *е*[3]), наконецъ несомнѣнная невозможность такого объясненія во всѣхъ говорахъ болгарскихъ, — все это говоритъ въ пользу предположенія, принимаемаго большинствомъ изслѣдователей, объ особомъ окончаніи *-ме*, независимомъ отъ *-мъ*, хотя и родственномъ съ нимъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли и сѣверно-русскія діалектическія формы отожествлять по окончанію съ болгарскими и чешско-словацкими, или видѣть въ нихъ особенное отъ послѣднихъ, лишь случайно совпавшее съ ними съ внѣшней

---

[1]) Обзоръ звуков. и формальн. особ. болгарск. яз., 197—198.

[2]) Охридск. апост.: *есме*, *имаме*, *имѣме*, *вѣруеме* (И. И. Срезневскій, Обозрѣніе древнихъ старослав. пам. югозап. юсов. п., 98), Болонск. псалт. Охридск. п. конца XII в.: *бъхоме* 253, *есме* 261 (ibid. 131); къ памятникамъ юсов. письма я обратился, благодаря совѣту М. С. Дринова. Сравн. также примѣры въ соч. Калины (Studyja nad hist. jęz. bułg., § 225) и у П. А. Лаврова (Обзоръ...., 197, примѣры изъ Макед. и Охрид. апост., Шестодн., Карп. еванг.).

[3]) То-же замѣчаніе приложимо и къ нѣкоторымъ изъ западно-малорусскихъ говоровъ, напр. къ говорамъ лемковъ и бойковъ въ западной Галиціи (А. А. Потебня, О звуковыхъ особен. русскихъ нарѣчій, приложеніе, § 10, Фил. Зап. 1865 г., стр. 155, 157), гдѣ *співаме* и т. п. (сравн. его же «Замѣтки о малорусск. нарѣчіи», стр. 15), *гвариме*, *косиме* при *йідемо* (Ив. Верхратскій, Про говор Замішанців, стр. 29), или къ говорамъ угорусскимъ, каковъ напр. говоръ мѣстечка Убли въ Земплинскомъ комитатѣ, описанный Олафомъ Брохомъ, гдѣ *hnéteme*, *paseмé*, *mêleme*, *tu̯ẹme* и т. д. (Archiv f. slav. Philol. XVII B., стр. 403—404).

стороны явленіе, я пока считаю не рѣшеннымъ еще болѣе, чѣмъ вопросъ о малорусскихъ формахъ на *-мо*. Послѣднее окончаніе 1 л. мн. ч., встрѣчающееся въ памятникахъ галицко-волынскихъ и западно-русскихъ съ XIV-го в.[1]), живетъ до сихъ поръ въ говорахъ малорусскихъ не только въ формахъ повелительныхъ, но и формахъ изъявит. наклоненія; хотя мы гораздо естественнѣе, т. е. не прибѣгая къ предположенію объ измѣненіи *ѕ* въ *ь*, какъ это приходится дѣлать относительно *-ме*, можемъ объяснять малорусское *-мо* изъ *-мъ*, которое становилось слоговымъ и измѣнялось въ *мо* сначала, можетъ быть, лишь въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. въ Ф. существит. глагола *єсмо* или въ формахъ повелительныхъ послѣ *і*, какъ *наливаймо*, *дʼ їлаймо* и т. п.[2]), или въ формахъ изъяв. наклон. тѣхъ глаголовъ, которые имѣли удареніе на личномъ суффиксѣ въ общесловянскомъ языкѣ, какъ показываетъ сравненіе малорусскихъ *плетемо́*, *несемо́*, *мремо́*, *дамо́*, *їмо́*[3]), *зостаемо́сь*[4]) и т. п., бѣлорус. *дамо́*, *ѣмо́*, *сѣдзимо́* (Минск. губ. Слуцк. у., Карскій, Мат. для изуч. бѣлорусск. говор., № 5, стр. 5) съ сербск. штокавск. *плетѐмо*, *печѐмо*, *мрѐмо*, *дȁмо*, *јѐмо*[5]) съ восходящимъ удареніемъ на предпослѣднемъ долгомъ слогѣ (сравн. и сѣверно-великорус. формы 2 л. мн. ч.

---

[1]) А. А. Потебня, Замѣтки о малорус нарѣч., стр. 16—17, А И. Соболевскій, Лекціи по ист. рус. яз. [1], 114.

[2]) Сравн. морфологія слав. яз Фр. Миклошича въ перев Н. Шлякова подъ ред. Р. Брандта, вып. III, стр. 381, 383, 386, 389 (примѣч. Р. Ѳ. Брандта). Въ пользу этого говорило бы появленіе *-мо* въ памятникахъ прежде всего именно въ подобныхъ формахъ (А. А. Потебня, ibid 16), если бы можно было вѣрить Срезневскому (Свѣдѣн. и зам. о малоизв. пам., VI), что Волынск. спис поуч Ефрема Сир., въ которомъ онъ (ibid стр. 49) и Потебня отмѣтили формы *поразумѣимо*, *работаимо*, относится къ концу XIII в., а не къ концу XV-го, какъ доказывалъ Соболевскій (Очерки изъ ист. рус. яз., 50, 56, Ж. М. Н. пр 1883 г., № 5, стр 71—72); мнѣ кажется, что, хотя нѣкоторыя особенности правописанія этого памятника говорятъ въ пользу мнѣнія Соболевскаго (формы съ ц.-слов. постановкой глухихъ послѣ плавн., напр. *умрьтви* и т. п., Собол. Оч. 56), однако другія, напр. употребленіе буквы ъ, а не ы, говорятъ противъ него (сравн. его же собственное замѣчаніе объ употребленіи ы въ младшемъ полууставѣ, которымъ почти исключительно написаны рукописи половины XV вѣка, Южнослав. вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в., СПб., 1894, стр. 3—4), въ рецензіи на 2-е изданіе «Древнихъ памятн. русск. п. и яз» Срезневскаго Соболевскій основываетъ свое мнѣніе о вѣрности даты «семою тысящѣ» (1492 г.) собственно на одномъ только пріемѣ правописанія — написаніи въ серединѣ словъ ѵ вм. оѵ (Ж. М. Н. Пр. 1883 г., № 5, с 72), возможно, что Ефр. Сир. относится по крайней мѣрѣ къ XIV в. Не безъ значенія, впрочемъ, что и въ болѣе позднихъ западнорусскихъ текстахъ *-мо* обыкнов въ Ф. повелит. (Е Ѳ. Карскій, Западно-русскіе переводы псалтыри въ XV—XVII в., стр. 232—233).

[3]) Сравн. морфол., III, 371, 375 (примѣч. Р. Ѳ. Брандта).

[4]) Квитка, Малор пов I, 103 (Маруся).

[5]) Т. Флоринскій, Лекціи, I, 335—341; Ст. Новаковић, Српска грам., III, §§ 99—117.

спитé, несетé и т. п.)[1]), а затѣмъ уже обобщалось для всѣхъ формъ 1 л. мн. ч., тѣмъ не менѣе существованіе такого-же окончанія *-мо* въ сербскомъ и словѣнскомъ языкахъ, въ которыхъ нельзя *-мо* фонетически выводить изъ *-мъ*, склоняетъ насъ въ пользу возможности возведенія малорусскаго *-мо* къ общесловянскому *-мо*. Формы на *-мо* діалектически существуютъ и въ великорусскихъ говорахъ: *идзёмо* въ ситскомъ говорѣ (Колосов, Обзор зв. и ф. особ., 247, ссылка на Этнограф. Сборн. I, 71), при чемъ возможно, что и въ *знаема, дѣлаема* вышневолоцк. (ibid. 246 со ссылкою на Даля) *-ма* предполагаетъ *-мо* въ положеніи черезъ нѣсколько слоговъ послѣ ударенія, но въ виду того, что ситкари говорятъ также *идзёшо, идзёто, идуто* (ibid. 244, 246), и что въ говорахъ Новгородскаго уѣзда отмѣчены Колосовымъ и Далемъ формы 3 л. ед. ч. *идёта, летита* («Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣч.», СПб. 1876 г., 26), нельзя сомнѣваться въ томъ, что формы эти на *-мо* и *-ма* не имѣютъ ближайшаго родства съ южнословянскими формами на *-мо* и возникли частію фонетически, частію въ силу какихъ либо морфологическихъ причинъ; замѣтимъ, что говорамъ Новгородской губ. Колосовъ приписываетъ всеобщее сохраненіе неударяемаго *о* («Замѣтки»...., 9), такъ что *идёта* и т. п. согласно его наблюденію не можетъ восходить къ *-то* и т. п., но этому противорѣчитъ новѣйшее сообщеніе Петровыхъ (А. А. Ш., Матер. для изуч. великор. говор., III, СПб. 1896 г., 75), что «акающій» говоръ распространенъ спорадически въ Демьянскомъ, Старорусскомъ, Валдайскомъ и Новгородскомъ уѣздахъ, встрѣчаясь въ качествѣ рѣдкихъ исключеній и въ другихъ уѣздахъ, напр. Устюжнскомъ; правда, что «московскій» говоръ за 20 лѣтъ могъ успѣть значительно распространиться въ предѣлахъ Новгородской губ., благодаря отхожимъ промысламъ и солдатчинѣ, но нельзя сомнѣваться, что и въ 70-хъ годахъ «акающія» вліянія не могли вполнѣ отсутствовать; такимъ образомъ, я думаю, что какъ *-мо, -то, -шо* у ситкарей (Моложск. у. Яросл. губ.), такъ и *-ма* въ вышневолоцк., *-та* въ новгородскихъ говорахъ восходятъ одинаково къ *-мъ, -тъ* (изъ болѣе древняго *-ть*, можетъ быть, нефонетически), *-шъ* или *-шь*, только *-ма, -та, ша* предполагаютъ болѣе древнія *-мо, -то, шо*[2]).

[1]) А. А. Шахматовъ, Матеріалы для изуч. великор. гов., III, 79, 89 (Устюжна Новгор. г.), V, 203 (Арх Онеж. у.). Проф. Р. Ѳ Брандтъ (Грам. замѣтки, вып. I, стр. 8) высказалъ сходное предположеніе, не предполагая, однако, наконечнаго ударенія въ формахъ 1 л. мн. ч. искони, а приписывая его вліянію акцентовки ф. 2 л. мн. ч.

[2]) Сравн. у А. А. Потебни «О звуков. особ. русск. нарѣчій», § 16, Филол. Зап. 1865,

Послѣ всего сказаннаго о формахъ 1 л. мн. ч. съ наставками *-ме* и *-мо* въ великорусскихъ говорахъ я не безъ нѣкотораго колебанія склоняюсь къ тому мнѣнію, которое ранѣе меня было высказано моимъ глубокоуважаемымъ учителемъ И. В. Ягичемъ (Крит. зам., 95—96), а именно, что онѣ нетожественны съ соотвѣтствующими имъ западно- и южно-словянскими, какъ, вѣроятно, нетожественна съ послѣдними и малорус. Ф. на *-мо*, а представляютъ фонетическіе варіанты при старомъ общесловянскомъ и общерусскомъ *-мъ*[1]), обязанные своимъ существованіемъ временнымъ и мѣстнымъ, крайне ограниченнымъ окружающими условіями звуковымъ стремленіямъ измѣнять съ одной стороны конечный ирраціональный гортаннолабіальный (*ъ*) звукъ въ такой же палатальный (*ь*), съ другой оба конечныхъ ирраціональныхъ звука въ соотвѣтствующіе имъ полные (*е* и *о*). Являвшіяся позднѣе формы на *-мя* такъ относятся къ болѣе древнимъ *-ме*, какъ вышневолоцк. (*знае*)*ма* къ ситскому (*идзе*)*мо*.

Затронувъ формы 1 л. мн. ч., я считаю нелишнимъ упомянуть, что и другое отступленіе отъ общеслов. *-мъ*, встрѣчающееся уже въ нѣкоторыхъ памятникахъ старословянскихъ (изрѣдка въ Зогр., Сав., часто въ Супрасл.

вып. I, стр. 74, «Замѣтки о малорус. нарѣч.», стр. 15 (А. А. указывалъ на стремленіе въ нѣкоторыхъ говор. сѣв. великор. замѣнять конечн. зв. *ъ* посредств *о*) Сравн. также олонецк. *есте. естѐ* у Ставра молодая-то жена, Рыбн. IV, 30 (Пудож. у.); силы у тебя *есте* съ два меня, Гильф. Он. б. [1], 238 (№ 48, Пудога); не дружинушка тутъ *есте* хоробрая,— столько одна *есте* хлѣбоясть, Гильф. ib. 438 (№ 73, Кижи, Рябининъ); *ѐсте* и хозяйка дома, Петрозаводск. у. с. Муромля (А. А. Ш., Матер для изуч. великор гов. IV, № 30, Извѣстія О. р. яз. и сл. И. А. Н, т. II, 258) То же съ варіаціей въ удареніи отмѣчено въ различныхъ говорахъ Новгородской губ: съ одной стороны *естé* въ Эстьянахъ Новгор. у. и въ Валдаѣ (Колосовъ), съ другой *éсте* (по Шевыреву) въ Боровичахъ (А И. Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи, Жив. Стар. 1892, вып II, стр. 10). Замѣчательно, что въ говорѣ пограничныхъ мѣстъ Крестецк. и Тихвинск. у. Новгородск губ. въ Ф. 3 л. ед не только *естé*, но и *естѝ* (ibid. 11 на основ. замѣтокъ В. Н. Перетца); тоже въ Устюжнѣ (ibid. по Колосову).

[1]) Я вслѣдъ за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (Удареніе въ прусскомъ яз., Рус. Фил. Вѣстн., 1895 г., стр. 15—16) считаю *-мъ* правильно соотвѣтствующимъ латинскому -mus изъ -mos, т е. восходящимъ къ индоевроп. -* mås, которое могло чередоваться съ -* mås (греч. -μες), при чемъ др. инд. mas могло бы восходить и къ тому и къ другому; не вижу необходимости прибѣгать къ построенію -*mam, откуда mām (Р. Ѳ. Брандтъ, Грам. замѣтки, вып. I, стр. 9), такъ какъ конечн -ås (-os), повидимому, такъ же ослаблялось въ общеслов. эпоху въ *-ūs, -* ъs и затѣмъ -ъ, какъ конечн. -ām (-om) въ -ŭm -, *ъm, *ъ носов. и затѣмъ ъ. Что касается *-мо*, то оно можетъ быть возведено къ основному -mā, какъ лит. -me къ основному -mā, при чемъ словянск. *-ме* можетъ восходить или къ -* mā, или къ -* mās, а др. инд. -ma или къ -* mā, или къ * mā.

сборн.)[1]), затѣмъ среднеболгарскихъ[2]) и древнерусскихъ (примѣры у Соболевскаго, Потебни и др.), извѣстное до сихъ поръ въ польскомъ яз., а именно окончаніе *-мы*, въ которомъ нельзя не видѣть вмѣстѣ съ другими изслѣдователями осмысленія окончанія помощію сближенія его съ формой мѣстоименія личн. 1 л. мн. ч.[3]), встрѣчается въ разбираемомъ нами памятникѣ въ формахъ двухъ глаголовъ: **вѣмы** 191 (во 2-омъ поч.), **есмы** 258, 259 (въ 3-емъ поч.), слѣдовательно тамъ, гдѣ всего естественнѣе ожидать увеличенія объема слова.

То же явленіе, что̀ въ Ф. 1 л. мн. ч. *есмь*, я вижу и въ любопытной формѣ *четве|рꙑ:* какъ *есмь* относится къ *есмé*, такъ *четверꙑ* (сравн. также эту форму въ продолженіи новгородской лѣт. по сп. Археогр. коммиссіи подъ 1416 г., гдѣ она встрѣчается почти рядомъ съ формою *четвертокъ*, изд. 1888 г. стр. 403) къ предполагаемому **четверꙑ́* или упомянутымъ выше (стр. 142) *останѣке*, *вхе* и т. п. Существовала ли дѣйствительно въ живомъ языкѣ Ф. **четверꙑ́*, мы, конечно, на основаніи указанныхъ фактовъ рѣшить еще не имѣемъ права, но возможность ея несомнѣнна уже въ виду того, что здѣсь сохраненію слогового характера конечнаго ирраціональнаго звука содѣйствовать могло, кромѣ стеченія согласныхъ, и ударѐніе, которое, какъ показываетъ согласіе русскихъ *четвертóк*(ъ), *-тка́*[4]) при *четверга́* (произнос. б. ч. *чьт҃в҃ёр҃га́*) съ сербскими *четвр̀так*, *тка* (В. С. Кар.), искони должно было находиться на флексивныхъ слогахъ, въ пользу чего говоритъ и *пятóк*(ъ), *-тка́* = сербск. *пе̏так*, *-тка* (В. С. К.) и мн. др. подобн.[5]). Колебаніе между формами *четверꙑ*, которую я нашелъ уже въ памятникѣ XIII в, а именно въ «Вопрошан. Кирика» 520[d], 521[a]. 19—20 (рукоп. Моск. Синод. б-ки)[6]), и *четвертокъ* не прекратилось и до сихъ поръ, но я почти убѣжденъ, что господствующее въ литерат. языкѣ удареніе формы *четвéрꙑ* (см. указ. къ «Рус. правопис.» ак. Грота) явилось гораздо позднѣе (въ среднерусск. говорахъ произнос. почти *чет҃в҃ёр҃ък*)[7]), чѣмъ самая форма, т. е. тогда, когда Ф. эта стала почти двусложной, потерявъ и послѣдній остатокъ конечнаго слога; можетъ быть,

---

[1]) Osk. Wiedemann, Beitrage zur altbulgar. Conjugation, 8.

[2]) П. А Лавровъ, Обзоръ зв. и форм. ос. болг. яз , 197.

[3]) А. А. Потебня, Замѣтки о малор. нар., 17; Р. Брандтъ, Грам. замѣтки, I, 9.

[4]) См. указатель къ 9-му изд. «Русскаго правописанія» акад. Я. К. Грота.

[5]) Р. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологіи, СПб. 1880, с. 277

[6]) Для насъ важно, что памятникъ этотъ новгородскій (*ц* вм. *ч* и обратно).

[7]) Сравн. и олонецк. (Пт. Пв.) четвéрикъ (Словарь Г. Куликовскаго).

такое удареніе раньше явилось въ области южновеликорусскихъ говоровъ, чѣмъ на сѣверѣ. Что касается *г* вм. *к*, то въ немъ я вижу результатъ прогрессивной ассимиляціи зв. *р*[1]), а въ мягкости *р* пынѣшняго великорусскаго и литературнаго произношенія съ развитіемъ послѣ него новаго ирраціон. звука въ Ф. им. ед. слѣдствіе обратной ассимиляціи *г* мягкаго, такъ какъ въ первоначальномъ **четвьртъкъ* (сравн. польск. czwartek) причины мягкости не было (*р* должно было отвердѣть подъ вліяніемъ слѣдующаго *тъ*). Эта мягкость *р*, мнѣ кажется, говоритъ въ пользу реальности формы им. ед. четвергъ, такъ какъ слоги *гъ*, *га*, *гу* и т. п. могли бы лишь задержать существовавшую раньше мягкость *р*, какъ въ словахъ *верьх* (польск. wierzch), *зе́рькало*, а не произвести ее вновь, какъ это доказываютъ случаи *торг* (польск. targ), *сморка́ть* (польск. smarkać) и т. п.; хотя смягченіе могло распространяться отъ тѣхъ формъ, которые, какъ мѣстн. ед. и им. вин. множ. во всякомъ случаѣ имѣли мягкое *г*, но едва ли ихъ вліяніе могло быть столь сильно, чтобы побороть большинство; только Ф. имен. ед. была способна это сдѣлать.

Обратное явленіе, т. е. измѣненіе *ъ* въ *ъ* въ конечномъ открытомъ слогѣ и связанное съ нимъ отвердѣніе предшествующаго согласнаго, находимъ въ особенности послѣ звука *м*, а именно въ формахъ твор. и мѣстн. пад. ед. ч. словъ муж. и средн. р. Приведемъ статистику случаевъ употребленія *-мь* и *-мъ* въ различныхъ частяхъ нашего памятника. Въ части, написанной первымъ почеркомъ, при 116 случаяхъ *-мь* въ формахъ твор. ед. находимъ только 1 разъ *-мъ* при переносѣ: (повеленіемь) цропълце|мъ 27.2—3, при 79 случаяхъ *-мь* въ Ф. мѣстнаго п. ед. ч. (всего чаще въ Ф. томь: томь вечере 1, томь же л҃ѣ 7.4, 10, 10, 12, 13, 15, 18, 19, 22, 26, 28, 29, 32, 38 и мн. друг.) только 1 разъ *-мъ*: томъ же л҃ѣ 34 и 3 случая то҃ же л҃ѣ 16, 17, 60. Во 2-ой части при 121 *-мь* въ Ф. твор. ед. находимъ 29 разъ *-мъ* въ слѣдующихъ примѣрахъ: бм҃ъ 181, съ бра҃мъ 178.1, 16, всѣмъ 185, 199, голодомъ 165, городомъ 156, 171, нов— 165, дворомъ 185 (сравн. дво|ромь 199), съ дроугомъ 227, архіе҃пмъ

[1]) Сравн. ситск. зергало, а также любопытные случаи *г* вм. *к* послѣ гласныхъ, приводимые Колосовымъ (ежовига, клубнига, чернига .., Обзор зв. и ф. ос., 173) изъ разныхъ говоровъ и извѣстные мнѣ по собственнымъ наблюденіямъ. Любопытна встрѣчающаяся въ Ипатск. лѣт. подъ 1151 г. л. 311 (издан. стр. 301) Ф. *четвержьный* и современ. олон. (Пт. Заон.) *четвере́жна соль* (Г. Куликовскій) Я вполнѣ согласенъ съ акад. Ягичемъ, что здѣсь не суффиксъ *гъ*, и что *г* изъ *к* (см «Крит. замѣтки», 65). Иначе Миклошичъ (Vergl. Gram. II, 280). Что зв. *р* способенъ измѣнять сосѣдніе незвонкіе согласные въ звонкіе, видно изъ случая регрессивнаго дѣйствія *р* въ дон. *згра* (Толков. слов Даля) вм. *искра*.

219, изворомъ 168, поищымъ | (стоанимѣмъ· пѣнимѣмъ) 211, съ поклономъ 168, 171, 209, полоно|мъ 205—206, ꙗмъ 219, пълкомъ 185, 186, рожьствомъ 227, своимъ 185 (сравн. своимъ 199), серегеремъ 166, сн҃мъ 202 (т. е. *сынъмъ* или *сыномъ*), сѣверомъ 191, съ твьрдиславомъ 181, тържькомъ 165, цр҃мъ 132; кромѣ того 1 р. подъ титлою: съ мьстиславо҃ 197; въ Ф. мѣстн. п. 33 *-мъ* при трехъ *-мѣ* и пяти случаяхъ подъ титлою и однимъ безъ титлы съ пропускомъ ъ или ѣ: въ неревьскѣмъ конци 181.1, 204, на томъ 213, то҃ же (л҃ѣ) 153, 183, 190, —(дн҃е) 155, по с҃ѣ 231, том же л҃ѣ 231. Въ остальной части при 206 *-мъ* въ Ф. твор. ед. 10 р. *-мѣ*, изъ которыхъ три приходятся на послѣднія страницы, написанныя позднѣйшими сравнительно съ 3-имъ почерками: великъимъ 308, с вн҃ромъ 301, со всѣмъ 268, за жилотоу҃гомъ 298, мно҃ствомъ 329, серегѣрьскъимъ 249, стѣнемъ 305, за проценикомъ 337 (на послѣдней стран), челомъ 336.1, чело|мъ 336.9—10, 5 р. *-мъ*: вс҃ѣ 332, имене҃ 241, (плачемь) великъ҃ 327, с нн҃ 277, сшествие҃ 305; въ Ф. мѣстн. ед. 28-*мъ*, 3-*мѣ*: на торговомъ полоу҃ 302, в томъ 333, при велико|мъ кн҃зѣ 335.4—5 (въ записи о поновленіи церкви 1345 г.), 5 р. —*м* подъ титлою или безъ титлы[1]): в нем же 250, том же л҃ѣ 239, 333, по то҃ 331, при нѣ҃ 327. Такимъ образомъ наименьшее число случаевъ *-мѣ* вм. *мъ* въ этихъ формахъ находимъ въ 1-омъ поч., наибольшее во второмъ; отношенія таковы: въ 1-омъ поч. 195 : 2 : 3, во 2-омъ 154 : 32 : 7, въ 3-емъ и остальныхъ 234 : 13 : 10; отношенія формъ отдѣльныхъ пад. слѣдующія: 1) въ творит. пад.: въ 1-омъ поч. 116 : 1, во 2-омъ 121 : 29 : 1, въ 3-емъ и остальныхъ 206 : 10 : 5; 2) въ Ф. мѣстн. ед.: 79 : 1 : 3 въ 1-омъ поч., 33 : 3 : 6 во 2-омъ поч., 28 : 3 : 5 въ 3-емъ и остальныхъ поч.; такимъ образомъ, только въ части 2-го поч. замѣчаемъ бо́льшее отношеніе отступленій въ Ф. твор. ед. сравнительно съ Ф. мѣстн. ед., т. е. то, что̀, какъ увидимъ, наблюдается въ памятникахъ старословянскихъ. Въ нашемъ памятникѣ то-же явленіе наблюдается и въ единственномъ примѣрѣ ксмъ[2]) 181,16 (во 2-омъ поч.) въ Ф. 1 л. ед. ч. наст. врем. Такъ какъ въ томъ-же па-

---

[1]) О чтеніи формъ съ пропущенной буквой послѣ *м*, конечно, нельзя сказать ничего опредѣленнаго и во всякомъ случаѣ ихъ нельзя причислять къ примѣрамъ съ ъ.

[2]) Здѣсь ъ въ концѣ строки, а потому имѣетъ особую форму: вертикальная черта поднимается выше строки, а затѣмъ отъ нея идетъ влѣво горизонтальная черта, продолжающаяся и надъ буквою *м* (такое-же ъ на той же страницѣ въ концѣ строки 18-ой въ словѣ *въ*). Другой примѣръ такой формы 1 л. ед. ч. находимъ въ 3-емъ поч. въ словѣ Ѿдам҃ъ 268,12 (въ концѣ строки съ выноской буквы ъ надъ *м*).

мятникѣ мы нашли въ рѣдкихъ примѣрахъ обратное звуковое стремленіе, то ясно, что условія того и другого должны быть совершенно различны. Я думаю, что главная причина измѣненія *ъ* въ *ъ* послѣ звука *м* заключается въ неслоговомъ характерѣ этого *ъ* въ большинствѣ сочетаній, что̀ и обусловливало распространеніе на него губного элемента предшествующаго согласнаго звука; это ясно изъ того, что, какъ скоро въ извѣстныхъ сочетаніяхъ *ъ* принимало на себя ударѐніе и становилось слоговымъ, оно не измѣнялось въ *ъ*, напр. въ с.-великор. выраженіи *(о)номе́дни, ономе́нни*[1]) изъ *ономѣдьни, сравн. сербск. *ономадне* В. С. К., по ударѐнію хотя не соотвѣтствующее в.-русскому, но получившее слоговое *ъ* = *а* уже вслѣдствіе положенія его передъ неслоговымъ сочетаніемъ *дь*. Это стремленіе измѣнять неслоговой звукъ *ъ* послѣ согласнаго *м* въ *ъ* замѣтно и въ говорахъ старославянскаго языка или по крайней мѣрѣ въ говорахъ южнославянскихъ переписчиковъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ, какъ видно изъ отступленій въ пользу написанія *мъ* вм. *мь* въ этихъ послѣднихъ. Между тѣмъ какъ Кіевскіе глаголическіе листки и Зографское Евангеліе замѣчательно точны въ употребленіи *мъ* въ формахъ творит. и мѣстн. ед. ч. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій и въ формахъ 1 л. ед. ч. наст. врем. извѣстныхъ глаголовъ, такъ что въ Зографск. Ев. И. В. Ягичъ отмѣтилъ лишь незначительныя отступленія[2]) (*мъ* въ двухъ примѣрахъ Ф. твор. ед., одинъ изъ которыхъ повторяется, и въ одномъ Ф. мѣстн. ед., а въ глагольныхъ формахъ безъ исключенія *мь*, кромѣ вставленныхъ позднѣе листовъ), въ Саввиной книгѣ, вообще не замѣняющей *ъ* на *ъ*[3]), кромѣ положенія послѣ шипящихъ и частію свистящихъ согласныхъ[4]), въ разбираемыхъ нами случаяхъ пишется произвольно то *мь*, то *мъ*, хотя и съ предпочтеніемъ *ъ*; въ Маріинскомъ Ев. при многихъ *мь* въ Ф. твор. ед. нерѣдко встрѣчается *мъ*, при «рѣшительно̀ преобладающемъ» *мь* въ предложн. или мѣстн. п. ед. ч. иногда встрѣчается *мъ*, гораздо чаще пишется

---

[1]) А. А. Ш., Матеріалы III, 87 (Устюжна Новгор. губ.), ibid. *оно́мнясь*. Сравн. южновеликор. *ано́мнясь* (тульск и крапивенск. гов., стат. В. Благовѣщенскаго «Черты народнаго говора въ Тульскомъ и Крапивенскомъ уѣздахъ Тульской губ», Рус. Фил. Вѣстн. 1883, X, стр. 33: *ономнясь*) изъ * оно́мѣдьне-сь.

[2]) Studien über das altslov — glagol. Zographos — Evangel., 88—91, 93.

[3]) Leskien, Handbuch der altbulg. Sprache[2], § 17, стр. 23 (русск. перев. 1890 г., стр. 22).

[4]) В. Н. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, Извѣстія Отдѣл. р. яз. И. Ак. Н., т. III, кн. 2 (1898 г.), стр. 452—458.

ѥсмъ, чѣмъ **ѥсмь**, почти всегда **имамъ**, **дамъ** возлѣ болѣе частаго **дамь**[1]); въ Ассеман. ъ и ь употребляются смѣшанно; въ Супрасл. сборн. сильно преобладаетъ ъ (**ѥсмъ** почти правильно, **дамъ** вполнѣ правильно)[2]); нѣчего говорить о такомъ памятникѣ, какъ Синайск. псалтырь, совсѣмъ не знающая разницы между неслоговыми ъ и ь (Leskien, ibid. 23). Только Остромирово Еванг.[3]) нѣсколько точнѣе другихъ памятниковъ, но и оно значительно уступаетъ Зографскому: 44 отступленія въ твор. пад., хотя въ мѣстномъ только одно[4]), какъ и въ Зографскомъ, а при постоянномъ **ѥсмь**, **вѣмь**, **дамь**, **ѣмь**, **исповѣмь** по разу встрѣчается **вѣмъ** и **дамъ** и исключительно пишется **имамъ** (17 разъ) или **имаамъ** (11 разъ); отмѣчая послѣднее, М. Козловскій недоумѣвалъ, почему такая разница между *имамъ* съ одной стороны и остальными глаголами съ другой; позволю себѣ предположить, что это могло зависѣть отъ объема слова и ударенія, которое въ *имамъ* никогда не падало на суффиксъ (сравн. сербск. *ȉмāм* В. С. К.), между тѣмъ какъ ѥсмь и другіе подобные съ односложными основами на согласный звукъ предполагаютъ удареніе на суффиксахъ[5]), вслѣдствіе чего въ этихъ послѣднихъ глаголахъ ь дольше могъ удерживать слоговой характеръ, хотя и утратилъ ударяемость, вѣроятно, еще въ общесловянскую эпоху, а слоговой характеръ препятствовалъ измѣненію въ ъ. Этимъ-же свойствомъ объясняю я и указанныя выше колебанія между *есмъ* и *имамъ* съ одной стороны и *дамь* съ другой въ Маріинск. Еванг.; если И. В. Ягичъ замѣтилъ, что *есмъ* гораздо чаще, чѣмъ *есмь*, а *дамь* чаще, чѣмъ *дамъ*, то въ этомъ я усматриваю то обстоятельство, что для писца серба въ первомъ случаѣ уже начиналъ развиваться паразитный глухой гласный между *с* и *м*, который и перетягивалъ на себя всю силу слога, тогда какъ во второмъ случаѣ такого элемента, уничтожающаго слоговой характеръ конечнаго ъ, не было; въ связи съ этимъ находится любопытный примѣръ, указывающій на «vis latens» звука ъ, приводимый

---

[1]) И. В. Ягичъ, Маріинское Четвероевангеліе, 430—431, 426.

[2]) Leskien, ibid. 24 (рус. пер. 23).

[3]) М. Козловскій, О языкѣ Остромир. Еванг., 40.

[4]) На то обстоятельство, что *мъ* вм. *мь* въ ст. слов. памятникахъ въ твор. ед. встрѣчастся гораздо чаще, чѣмъ въ ф. мѣстн. ед., обратилъ вниманіе Ф. Ѳ. Фортунатовъ, который объясняетъ эту разницу исконной разницей въ суффиксахъ и темахъ.

[5]) Сравн. стар. литовск. esmì (Kurschatt, Worterb d. lit. Spr.), а съ другой стороны въ области словянской удареніе формъ другихъ лицъ: сербск. *jèси*, *jèст(е)*, *jèсмо*, *jèсте*, *дáмо*, *дáте*, *jéмо* и т. д., сравн. выше. По ударенію сербское *jèсте* тожественно съ сѣв. великор. *естé* (сравн. выше).

И. В. Ягичемъ, а именно: **азъ камъ прѣдамѕ и**, что̀ нѣсколько напоминаетъ наше *ономѐдни*.

Изъ характеристики старословянскихъ памятниковъ по отношенію къ занимающему насъ явленію можно сдѣлать тотъ выводъ, что большинство ихъ уже указываетъ на произношеніе, близкое къ *мъ*, вмѣсто этимологическаго *мь* въ неслоговомъ независимомъ положеніи, но можно сдѣлать и другой, а именно, что большинство ихъ отражаетъ уже общее смѣшеніе неслоговыхъ *ъ* и *ь* въ одномъ среднемъ звукѣ независимо отъ предшествующаго согласнаго въ языкѣ переписчиковъ; во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе вопроса зависитъ отъ детальнаго изслѣдованія употребленія *ъ* и *ь* въ каждомъ отдѣльномъ памятникѣ, и, конечно, такіе памятники, какъ Саввина книга, теперь подвергающаяся подробному изученію въ прекрасномъ изслѣдованіи В. Н. Щепкина [1]), очевидно, знающіе разницу между *ъ* и *ь*, дадутъ много для рѣшенія вопроса о лабіализаціи, однимъ изъ проявленій которой въ письменности, несомнѣнно, можетъ быть названо употребленіе *ъ* вмѣсто *ь*. Конечно, лабіализація, т. е. губная артикуляція звука *ь* еще не дѣлаетъ изъ него звука *ъ*, такъ какъ для полнаго обращенія *ь* въ *ъ* нужно устранить еще небный элементъ, иначе говоря, губная артикуляція обращаетъ лишь *ь* (ирраціональное *i*) въ ирраціональное ü, а не въ ирраціональное u, которое мы разумѣемъ въ идеѣ подъ общесловянскимъ *ъ*; но ясно, что лабіализованное *ь*, т. е. ирраціональный небно-губной звукъ, уже очень близко къ *ъ*, т. е. ирраціональному гортанно-губному звуку, при чемъ не всегда можно рѣшить, что̀ разумѣть подъ буквою *ъ* въ памятникахъ, такъ какъ само собою ясно, что въ разныя времена въ различныхъ говорахъ и въ различныхъ комбинаторныхъ условіяхъ являлись безчисленныя и самыя разнообразныя отступленія отъ выводимаго нами теоретически отвлеченнаго представленія объ общесловянскомъ звукѣ *ъ*, а съ другой стороны подъ одною и тою же буквою въ одномъ и томъ-же памятникѣ могутъ скрываться хотя и близкіе, но далеко не тожественные звуки; такимъ образомъ, если въ памятникѣ мы находимъ написаніе *-мъ* вмѣсто *-мь*, мы имѣемъ основаніе говорить лишь о приближеніи въ языкѣ звукового сочетанія *-мь* къ звуковому сочетанію *-мъ* въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ условіяхъ, вопросъ же о тожествѣ остается для насъ открытымъ.

---

[1]) Сравн. Извѣстія Отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н, 1898 г., т. III, кн. 2, стр. 452 и слѣд.

Разбирая взаимныя отношенія и измѣненія гласныхъ звуковъ, мы и въ данномъ случаѣ, какъ и почти вездѣ, не можемъ обойти вопросовъ консонантизма, такъ какъ взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ звуковъ сказывается на каждомъ шагу. Въ такихъ говорахъ, какъ русскіе и польскіе, и въ исторіи своей и до сихъ поръ строго различающіе, хотя и неодинаково, рефлексы старыхъ *ъ* и *ь*, отсутствіе небности *м* въ разбираемыхъ нами случаяхъ, которое едва ли можетъ быть приписано дѣйствію какихъ либо аналогій (не могли же формы дат. множ. и 1 л. множ. наст. вр. уподоблять себѣ формы твор. и мѣстн. ед. ч. и 1 л. ед., такъ какъ слѣдствіемъ такого смѣшенія являлось извѣстнаго рода неудобство), не можетъ быть объясняемо иначе, какъ слѣдствіемъ измѣненія *ъ* въ *ъ* подъ ассимилирующимъ вліяніемъ предшествующаго *м*. Что губной элементъ согласнаго дѣйствовалъ ассимилирующимъ образомъ на слѣдующій гласный, что это дѣйствіе на гласный ирраціональный должно быть сильнѣе, чѣмъ на гласный полнаго образованія, это теоретически вполнѣ понятно, какъ вполнѣ ясно и то, что должна быть разница въ дѣйствіи отдѣльныхъ губныхъ звуковъ; но эти теоретическія соображенія должны быть провѣрены и подтверждены явленіями, дѣйствительно наблюдаемыми въ говорахъ, тѣмъ болѣе, что прогрессивная ассимиляція, каковую предполагаемъ здѣсь, наблюдается вообще рѣже, чѣмъ регрессивная. Русскіе говоры представляютъ намъ слѣдующее. Что̀ касается *-мь* ⟶ *мъ̂* ⟶ *м'*, то вездѣ, гдѣ оно не поддерживалось какими либо аналогіями, оно въ сравнительно независимомъ положеніи (т. е. въ концѣ словъ сравнительно съ положеніемъ внутри словъ) перешло едва ли не во всѣхъ не только малорусскихъ, но и великорусскихъ говорахъ въ *мъ̂* ⟶ *м* твердое; таковы всѣ разбираемыя нами формы (твор. и мѣстн. ед., 1 л. ед. наст. вр.), кажется, нигдѣ не имѣющія мягкаго *м*, такъ какъ никакая аналогія не могла задержать его[1]); если же во многихъ великорусскихъ говорахъ слышится произношеніе *о́з'им'* (о́зимь), *т'ем'* (темь въ значеніи «темнота»), то здѣсь дѣйствовали съ одной стороны вліяніе формъ косвенныхъ пад. и множ. ч., гдѣ *м* приходилось передъ старыми полными гласными или ихъ наслѣдниками, съ другой аналогія большинства существительныхъ женск. р. на *ъ*; если мы слышимъ и говоримъ *с'ем'* (= 7), *во́с'ем'* или *во́с'ьм'* (8), то здѣсь опять

[1]) Для русскаго яз. и въ частности для новгородскаго нарѣчія болѣе ранніе, чѣмъ у насъ, примѣры приведены пр. Соболевскимъ изъ Милятина Еванг. 1215 г. (Лекціи [1], стр. 85).

мягкое *м* мы можемъ объяснить вліяніемъ формы *с'ем'и́*, *вос'м'и́*, а съ другой стороны аналогіей *пят'*, *дéсят'* и т. д.; то же объясненіе примѣнимо къ глагольнымъ формамъ повелительнымъ на *мь* ⟶ *м'* изъ болѣе древняго *ми*, къ нарѣчіямъ, какъ *впрямь* и т. д. Такимъ образомъ въ этой группѣ среднерусскихъ говоровъ старое *м'* отвердѣло только въ рефлексахъ независимаго сочетанія *мъ̑*, между тѣмъ какъ въ большинствѣ малорусскихъ[1]) говоровъ мы встрѣчаемъ общую твердость губныхъ во всѣхъ положеніяхъ (въ украинскихъ говорахъ даже *пъят'* и т. п., не говоря объ обычныхъ сочетаніяхъ съ гласными *е* и *и*, не смягчающими и другіе согласные; только въ сочетаніяхъ съ *і* изъ *ѣ* и *о̄*, повидимому, и губные до нѣкоторой степени мягки), а въ бѣлорусскихъ[2]) по крайней мѣрѣ въ рефлексахъ старыхъ сочетаній съ *ь̑* изъ этимологич. *ъ* или изъ этимологич. *и*: въ бѣлорусскихъ гов. Могилевской, Минской, Виленской, Ковенской[3]) губ. отмѣчены: *бъю*, *пъю*, *ўю*, *симья́ми*, *семь*, *се́мьями*, *ры́бья*, *го́лупь*, *го́лубь*, *галу́бь* Новоалекс. Ков. губ., *сыпь*, *кроў* и т. п., но при этомъ въ Сѣнн., Орш. и Могил. у. Могил. г. и Новоалекс. Ковенск. г. отмѣчается *пяць*, *мя́са*, *мясо* и т. п., а въ Слуцк. и Мозырск. у. Минск. г. *пъяць*, *мъя́со* и т. д., что̀, кажется, свойственно только южной полосѣ бѣлорусскихъ говоровъ, составляющей естественный переходъ къ малорусскимъ, сравн. въ Пинск. у. Минской губ. не только *семь*, *во́симь*, *сыпь*, *голубь*, *бъю*, *въю*, *пъю*, но и *мъясо*, *пъяць* и даже *мадзенэя*, т. е. **мъдяны́я*, *мажа́*, т. е. **межа́*, *адъ манэ*, т. е. **отъ мене́*, *зъ маки́ной* т. е. **съ мяки́ной*, *барэ* (т. е. бере́гъ), *васэле*[4]) (веселье) и т. п., хотя я не понимаю, почему въ томъ же говорѣ *вы́пю*, Дземяна, *со́вю*, см. ibid. Твердость конечныхъ губныхъ, рефлексахъ старыхъ сочетаній ихъ съ конечнымъ неслоговымъ *ъ* изъ этимолог. *ъ* или изъ позднѣе сократившагося *и*, отмѣчена также во многихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ югозападной, примыкающей къ малорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ, части южно-велико-

---

[1]) Потебня, О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій, § 39, отд. 5, Фил. Зап. 1865 г, стр. 131. Сравн. Колосов, Обзор звук. и форм. особ. нар. рус. яз., 149; Соболевскій, Лекціи [1], 85.

[2]) Е. Ѳ. Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорус рѣчи, §§ 146—147; сравн также издаваемые имъ «Матеріалы для изученія бѣлорус. говоровъ» I, 4 (Извѣстія Отдѣл. р. яз. и слов. И. А. Н., т. II, стр. 567, 570), II, 5, стр. 2 и др (приложеніе къ III т. «Извѣстій»). Уже у Скорины седмь, осмь, кровь, голубь, Соболевскій, Лекціи [1], 85, въ Познанск. сборн. к XV в. кровь, ibid.

[3]) Ibid. II, кромѣ указанныхъ, № 10, стр. 42, № 11, стр. 54, 57.

[4]) Матеріалы для изуч. сѣв.-малорусск. гов., а также переходныхъ отъ бѣлор. къ малор., издав. Е. Карскимъ, прил. къ Изв. II Отд. И. А. Н. т. III (1898), стр. 4—5.

русскихъ, такъ что съ одной стороны во многихъ сѣверно-великорусскихъ, какъ и въ восточной части южно-великорусскихъ, согласно съ среднерусскими говорами, легшими въ основу литературнаго языка, слышится произношеніе *кроѳъ*, *любоѳъ*, *семь*, *голупъ* (Онежск. у. Арханг. губ.[1]), Буйск. у. Костромск. губ., въ Шуѣ и Покровск. у. Владим. губ.)[2]), при которыхъ также частію *деѳьки*, *лаѳьки*, *шапьки* (Влад. губ.), частію только *деѳьки*, но *лаѳки*, *шапки* (Онежск. Арх. губ.), частію дѣѳки, *лаѳки*, *шапки* (Буйск. Костр. губ.), съ другой стороны въ говорахъ Псковской (Новоржевск. и Островск. у.), Олонецкой (Олонецк., Петрозаводск. и Вытегорск. у.), Новгородской (Новгородск., Крестецкаго, Тихвинскаго и Устюжнск. у.), Вологодской (Кадник. у.) и Вятской (Котельничск., Малмыжск. и Орловск. у.) губ. отмѣчено твердое произношеніе конечныхъ губныхъ: кроѳъ, любоѳъ, озимъ, семъ, восемъ, пролупъ, голупъ, цѣпъ, (вм. цѣпь)[3]), при чемъ въ большинствѣ изъ нихъ губные остались тверды и въ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ *к* и только въ Устюжнскомъ и Новгородск. у. Новгородск. губ. и Малмыжск. Вятск. губ. являются въ этомъ, зависимомъ отъ слѣдующаго зв., положеніи мягкіе губные (лаѳьки, деѳьки, диѳьки, шапьки)[4]), а въ Вытегорскомъ у. Олонецкой губ., с. Ежезерѣ, при твердыхъ губныхъ передъ слѣдующимъ небнымъ *к* слышится, однако, деревьня[5]), въ Грязовецк. у. Вологодск. губ. при кроѳъ, любоѳъ, семъ, шапки, лаѳки, деѳки, однако пролупь, голупъ[6]). Изъ южновеликорусскихъ говоровъ мнѣ извѣстна твер-

[1]) Матер для изуч. великор. гов V, № 41, стр. 203.

[2]) Матер для изуч. великор. гов. I, № 18, стр. 17, ibid. № 10, стр. 6, II, № 19, стр. 22 (срав. также Тобол. г., ibid. № 21, стр. 28, Алат. Симб. г. № 32, IV, стр. 275 и др.).

[3]) А. А. Ш., Матеріалы для изученія великор. гов., I, № 13, стр. 10—11, III, № 26, стр 63, № 25, стр. 51, IV, № 29, 238, № 30, 252 (Извѣстія, т. II, кн. 1, 1897 г.), V, № 33, стр 151, № 34, 156, № 35, стр. 162, № 37, стр. 179, № 39, 193. А И Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи, Жив. Стар 1892, в. II, стр 11 (замѣчательно, что въ говорѣ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у., характеризуемомъ на основаніи замѣтокъ В. Н Перетца, хотя при любоѳъ въ Ф. род. является *любови*, при цѣпъ цѣпи, въ словахъ муж. р. все склоненіе становится твердымъ: голупъ голупа; замѣчательно также, что, не смотря на измѣненіе конечнаго *в* въ *ф*, передъ звонкими согласными *в* = *у* удова, ноугороцькой, то же *у* изъ *в* отмѣчено Шевыревымъ въ кирилловскомъ гов Новгор. губ.: дѣука, пиукó, Соболевск. ibid. 11; сравн. въ Синод. сп Новг. л. оутоpни 214, стоp 219, доSмо|нтомь 285. 14—15 и нѣт. друг.). Въ Ф. повел. Гильфердингъ (Онеж б.[1], 293, № 54) отмѣтилъ *оставъ* (Пудога, Прохоровъ). Форма *долов* въ новгородскомъ нарѣч. можетъ быть засвидѣтельствована въ нач. XV в (Новгор. лѣт. подъ 1412 г. по сп Арх. ком. XV в, изд. арх. к. 1888 г, стр. 400).

[4]) Матер. для изуч. вел. г. III, № 28, стр. 88, II, № 20, стр. 25, V, № 38, 189.

[5]) Ibid. II, № 22, стр. 39—40

[6]) Ibid. V, № 36, стр. 171.

дость конечныхъ губныхъ въ слѣдующихъ: въ мещовскомъ гов. (Калужской г.)[1]) любовъ, вобувъ, дробъ, рубъ, семь, объ земь, на земь, формы повелит. гатовъ, избавъ, поправъ, не упрямься, сыпъ, при чемъ также въ комбинаторныхъ условіяхъ: дѣвъки или дѣўки, деревъня, землю, щепъки; въ говорѣ «саяновъ» (въ Суджанскомъ у. Курск. г.) отмѣчено голуб, снадобъя, бъеть (М. Г. Халанскій, Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго яз., III, Р. Ф. В. 1889 г., т. XXI, стр. 109, 111, 115); въ щигровскомъ гов. Курской губ. голун[2]), кровъ[3]) (по матеріаламъ, записаннымъ въ Р. Ф. В. 1879 г., и описанію говора ibid. № 2, сдѣланному проф. М. Г. Халанскимъ); въ нѣкоторыхъ говорахъ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ. мы также находимъ отмѣченными формы голун, у голуба, ушли ў стѐп, при чемъ послѣднее и у «полѣховъ» Козельскаго у. Калуж. губ.[4]); въ говорѣ села Манáнокъ Бѣлевскаго у. Тульск. г., описанномъ проф. Е. Ѳ. Будде, повидимому, общему отвердѣнію подвергся только рефлексъ сочетанія вь, измѣнившагося здѣсь въ ў въ противоположность неслоговому ў съ небнымъ оттѣнкомъ, изображаемому профессоромъ Будде черезъ ў и слышимому, по его словамъ, въ другихъ говорахъ Тульской губ., такъ что при крóў, дыʾрэ́ўня, гатóўтя слышенъ звукъ м́ въ сéмь и вóсеʲмь и въ зéʲмлю[5]); подвигаясь далѣе на востокъ, въ говорахъ Рязанской губ. мы находимъ въ рефлексахъ всѣхъ сочетаній губныхъ съ неслогов. ь, кажется, преимущественно мягкіе звуки: семь, восемь, јéмьки (= ямки), зéмьскăму, дѣ́фъки, лáфъки (въ Спасск. и Касимовск. у. Рязанской г.)[6]), hолупь, у hолыбя, у hалупьки (Скопин. у.)[7]), при чемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ Касимовск. у. мягкое в, не измѣняясь въ мягкое ф, измѣняется въ ј, вѣроятно, черезъ посредство і̯ изъ ў[8]), которое и является вмѣсто мягкаго в передъ гласными: крój (= кровь), свякрój, свякрóји, дѣ̆јки, но ўядрó (= вѣдрó), кото-

[1]) Ibid. № 41 [1], стр. 228—229.

[2]) Рус. Нар. пѣсни, запис. въ Щигровск. у. Курской г. М. Халанскимъ, №№ 6 и 9, Р. Ф. В. 1883, X, 124, 126.

[3]) Соболевскій, Очеркъ р. д., Ж. Ст. 1892, I, стр. 17.

[4]) Е. Ѳ. Будде, О нѣкоторыхъ народн. говорахъ въ Тульск. и Калужск. губ., Извѣстія III (1898), 846.

[5]) Ibid. 828, 831, 834, 835.

[6]) Е. Ѳ Будде, Къ исторіи великор. гов., 173. Та же мягкость уже около Тулы: карапь, любофь (Соболевскій, Жив. Стар. 1892 г., в. I, 15).

[7]) Е. Ѳ. Будде, Къ діалектологіи великор нарѣчій, изслѣдов. особ. Рязанск. говора, 162, 163.

[8]) А. А. Шахматовъ, Критич. отзывъ о соч. Е. Будде «Къ ист. великор. гов», стр. 47 (отд. отт. изъ Отчета о прис. Ломонос. прем. въ 1897 г.).

рое изслѣдователь изображаетъ иначе ў̯адро́ [1]), предлагая для того же, повидимому, звука въ говорахъ Тульской губ. въ другомъ своемъ трудѣ болѣе удачное начертаніе ц̯ (сравн. выше); только въ с. Нармушади Касим. у. [2]) находимъ *дало́*, *дамо́*, которыя, несомнѣнно, согласно съ мнѣніемъ проф. Будде слѣдуетъ объяснять изъ **дало́ў̯*, **дамо́ў̯* [3]), а послѣднія изъ **доловъ*, *домовъ*, восходящихъ въ свою очередь къ *доловь*, *домовь*; эти два исключенія особенно любопытны потому, что въ томъ же говорѣ ў Расто́*ји*, а въ сосѣднихъ *любо́ји*, *кро́ји* при имен. *любо́ј*, *кроj*, свякро́ј (при свякро́*хъ* въ другомъ) говорѣ, хотя къ этимъ двумъ рѣдкимъ свидѣтельствамъ отвердѣнія конечнаго *в* нужно прибавить еще свякро́ў̯ [4]), такъ что одно и то же слово встрѣчается въ трехъ близкихъ между собою говорахъ въ трехъ различныхъ формахъ—съ *ў̯* изъ *въ*, происшедшаго изъ *вь*, съ *j* изъ *вь* и съ *х̯* изъ *ф̯*, происшедш. изъ *в̯*. Это отступленіе въ область русской діалектологіи я счелъ необходимымъ для того, чтобы показать, что значительная часть русскихъ говоровъ, въ общемъ не утратившая разницы между рефлексами *ъ* и *ь*, свидѣтельствуетъ объ отвердѣніи губныхъ въ рефлексахъ даже тѣхъ независимыхъ сочетаній губныхъ съ слѣдующимъ *ь*, которыя могли бы удержать мягкость, благодаря аналогіи или вліянію другихъ родственныхъ формъ. Любопытно обратить вниманіе также на то, какъ относятся къ этому явленію тѣ изъ словянскихъ нарѣчій, которыя во первыхъ знаютъ разницу въ рефлексахъ старыхъ *ъ* и *ь*, во вторыхъ различаютъ мягкіе и твердые губные въ сочетаніяхъ съ гласными. Въ польскомъ яз., хотя діалектически сохраняется еще мягкость въ рефлексахъ старыхъ сочетаній губныхъ съ неслогов. *ь* изъ этимол. *ъ* или *і*, такъ что возможны формы krew′, mów′ (повел. ф.), drob′, golą̨b′, karm′, łąp′, traf′, однако въ литературномъ яз. мягкость уже утратилась: krew, zbaw (zbaf), gołąb (gołąp) [5]) и т. п. Напротивъ, въ обоихъ лужицкихъ нарѣчіяхъ мягкость въ такомъ положеніи удерживается: в. луж. krew′ = krej, domoj, hołb′, konop′ [6]),

[1]) Будде, Къ истор. в. г., 151.

[2]) Ibid. 147—149 (м. б., случайно *только* въ этомъ селѣ отмѣчены эти формы).

[3]) Формъ, какъ извѣстно, и теперь живущихъ въ бѣлорусскихъ говорахъ (Е. Ѳ. Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, § 107).

[4]) Будде, Къ истор. в. гов., 148, 125, 159. Замѣтимъ, что, по мнѣнію проф. Будде, касимовскіе говоры первоначально принадлежали къ области сѣв. великор. (ibid. 330).

[5]) Miklosich, V. Gram. I, 542.

[6]) Miklos. ibid. 564. Особенно любопытно в.-лужицкое и нижнелужицкое измѣненіе *вь* въ *j*: формы domoj, dołoj не только по значенію, но и этимологически тожественны съ великорусскими и литературными *домой*, *долой*, а формы krej (н. л. kšej), morchej (н. л. marchej) и т. п. по своимъ окончаніямъ находятъ аналогіи въ великорус. говорахъ.

н. луж. kšew′ (діалект.) и kšej, cerkej, panej, domoj, doloj, žoraj (сравн. польск. žóraw, ср. великор. *журáвъ*, *-áвль*, ю. вр. *журавéль* [1]), сѣв. великор. *жарáвъ*, *журáвъ* [2])), goľub′, góľb′, ŕeр′ — ruckgrat, хребетъ (п. rząd caulis caudae, сравн. сербск. рêп В. С. К.) и т. п. [3]); только m въ числительныхъ формахъ в. луж. sydom, sydem, sedm, wósom, wósm, н. луж. sedym, sedem, sedm, wósym, wósm [4]), какъ и въ польскихъ sedm, ośm, является твердымъ. Я уже считаю общеизвѣстнымъ, что конечное m является твердымъ во всѣхъ этихъ языкахъ вмѣстѣ съ русскимъ во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя были исходною точкой нашей экскурсіи въ область русской и частію западнословянской діалектологіи. Эта бóльшая распространенность твердаго конечнаго m въ качествѣ рефлекса сочетанія *мь* сравнительно съ твердостью другихъ конечныхъ губныхъ вмѣсто ожидаемыхъ мягкихъ свидѣтельствуетъ, мнѣ кажется, въ пользу бóльшей древности именно твердаго m изъ независимаго сочетанія *мь*, чѣмъ твердости всѣхъ остальныхъ губныхъ, діалектически являющейся изъ подобныхъ сочетаній ихъ съ *ь*. Если бы не было свидѣтельства старословянскихъ памятниковъ о различеніи *мь* отъ *мъ* въ извѣстныхъ ф., а также и замѣчательной точности нашего Синодальнаго списка Новгородск. лѣтописи, только во 2-ой своей части представляющаго много отступленій, я бы склоненъ былъ отнести измѣненіе конечнаго сочетанія *-мь* въ сочетаніе *-мъ* ко времени діалектовъ общесловянскаго яз.; но, во всякомъ случаѣ, начало его по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ формахъ (особенно ф. творит. ед. и формахъ нѣкоторыхъ глаголовъ въ 1 л. ед. ч. въ противоположность формѣ мѣстн. ед.) можетъ относиться къ весьма древнему времени, а именно къ тому, когда еще гласность *ъ* и *ь* чувствовалась и въ неслоговыхъ положеніяхъ довольно значительно; въ пользу такой древности говоритъ, мнѣ кажется, согласіе именно въ этомъ пунктѣ всѣхъ словянскихъ нарѣчій; такъ какъ, однако, памятники намъ не позволяютъ отнести полную утрату окончанія *-мь* или его рефлекса *м′* и замѣну ихъ окончаніемъ *мъ* и его рефлексомъ *м* къ общесловянскому времени, то я считаю возможнымъ предположить по крайней мѣрѣ существованіе при *-мь* окончанія *-мъ*, фонетически развившагося изъ *мь* при извѣстныхъ, крайне

[1]) См. Словарь русск яз, издав. Отдѣл. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., 2-го т. вып. второй s. v.

[2]) Арханг. и олонецк (см словари А. Подвысоцкаго и Г. Куликовскаго).

[3]) K. E. Mucke, Histor. u. vergl. Laut—u. Formenlehre der niedersorb. (nieder-laus.-wend.) Spr, §§ 88 и 134. Miklos., Vergl. Gr. I, 576—577.

[4]) Mucke, ibid. § 212.

ограниченныхъ, условіяхъ, еще въ эпоху не обособившихся вполнѣ словянскихъ нарѣчій, при чемъ это *мъ* могло поддерживаться и вліяніемъ формъ дат. пад., хотя однимъ этимъ вліяніемъ безъ фонетическихъ причинъ объяснить его я считаю рѣшительно невозможнымъ. Такъ какъ образованіе неслоговыхъ ъ и ь въ конечныхъ слогахъ не вездѣ, а при извѣстныхъ спеціальныхъ условіяхъ, необходимо отнести къ общесловянскому времени, то возможно, что *мъ* вм. *мь* появлялось, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ, каждый разъ тогда, когда *мь* подвергалось наибо́льшей редукціи, а это зависѣло отъ окружающихъ звуковъ, отъ ударенія и отъ положенія слова въ рѣчи; я уже пытался такое объясненіе примѣнить къ нѣкоторымъ формамъ старословянскихъ памятниковъ (сравн. лекціи Ф. Ѳ. Фортунатова по фонетикѣ старосл. яз., с. 209—213). А. А. Шахматовъ [1]) сдѣлалъ интересную попытку примѣнить подобную точку зрѣнія къ языку новгородскихъ грамотъ, указывая на тотъ фактъ, что въ этихъ грамотахъ, кромѣ одного примѣра **цѣлмъ** [2]) мѣс. ед. № 2, ни разу не встрѣчается *-емъ*, а только *-омъ*, изъ чего онъ выводилъ, что *м*, можетъ быть, позднѣе отвердѣло послѣ *е* или *и*, чѣмъ послѣ другихъ гласныхъ, т. е. предполагалъ задерживающее вліяніе прогрессивной ассимиляціи. Это любопытное наблюденіе, кажется, примѣнимо и къ такому памятнику, какъ нашъ, въ которомъ находимъ сравнительно съ *-омъ* гораздо меньше примѣровъ съ *-емъ* и *-имъ*, а именно *-емъ, -ѣмъ, -имъ* встрѣчается всего 10 разъ (вмѣстѣ съ **цр̂мъ**, въ которомъ предполагается *е* или ъ передъ *мъ*), *-омъ* (вмѣстѣ со скрытыми подъ титлами *о* или ъ передъ *мъ*) 34 раза, **-ъıмъ**—3 раза. Но, хотя приведенныя числа и говорятъ, повидимому, въ пользу примѣнимости и у насъ предположенія Шахматова, однако нельзя не обратить вниманія во первыхъ на то, что бо́льшая часть *-омъ* относится къ формамъ твор. ед., такъ что только 5 изъ нихъ представляютъ формы мѣстн. ед. (2 въ 1-омъ и 2-омъ, 3 въ 3-емъ съ остальными), во вторыхъ на то, что въ 1-омъ поч. изъ двухъ примѣровъ *-мъ* одинъ встрѣчается въ Ф. твор. ед. съ *-е|мъ* (при переносѣ), другой (*томъ*) въ Ф. мѣстн. ед., и что во 2-омъ поч. при одномъ случаѣ *томъ* въ Ф. мѣстн. 2 раза *-емъ* (въ одномъ словѣ). Такимъ образомъ, я рѣшился бы придавать значеніе вліянію предшествующихъ слоговъ лишь въ томъ случаѣ, если бы это вліяніе сказывалось въ однихъ и тѣхъ же падежныхъ

[1]) Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка, § 25.

[2]) Обратимъ вниманіе на то, что далѣе слѣдуетъ примыкающая энклитически частица то, которая не могла не оказать извѣстнаго вліянія на фонетическое измѣненіе *мь*.

формахъ, а въ этомъ отношеніи можно указать на то, что дѣйствительно въ Ф. твор. ед. найдутся цѣлыя категоріи словъ, имѣющихъ только *-мь;* укажу нѣсколько подобныхъ фактовъ изъ 2-го поч., имѣющаго наибо́льшее число отступленій и именно въ Ф. твор. ед.: встрѣчается только **тѣмь** 2 раза (138, 146), только (с)**нимь** (133, 136, 163, 177, 192, 212), (за)—(же) 129, (подъ)—134—8 разъ; на единичное **своимъ** приходится 6 разъ **своимь** (177, 185, 188, 195, 199, 202); **кнѧзьмь** (145, 146, 147, 150, 153, 186, 202, 205, 229—230, 232) и **кнзмь** (173) всего 11 разъ только съ *ъ*; прилагательныя и существительныя, имѣющія **ие** передъ *м*, также постоянно встрѣчаются только съ *ь* послѣ *м*: **пѣниемь** 211, **стояниемь** 211, **камениемь** 138, **третиемь** 147, **бжиемь** 192, **ороудиемь** 185.

Такимъ образомъ, происхожденіе твердаго *м* въ извѣстныхъ формахъ я отдѣляю отъ происхожденія *м* и другихъ твердыхъ губныхъ въ такихъ же положеніяхъ въ другихъ формахъ: между тѣмъ какъ *м* въ разбираемыхъ нами формахъ восходитъ къ *мъ̑*, постепенно одерживавшему въ новгородскомъ[1]) нарѣчіи верхъ надъ болѣе древнимъ *мь̑*, вѣроятно, въ теченіе XII—XIV столѣтій, въ другихъ же нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго яз., а также въ говорахъ западнословянскихъ языковъ или раньше или позже, діалектическіе *м, б, п, в (ф)* твердые въ другихъ формахъ восходятъ къ мягкимъ *м́, б́, п́, в́ (ф́)*, происшедшимъ изъ древнихъ *мь̑, бь̑, пь̑, вь̑*, не измѣнявшихся или не успѣвшихъ измѣниться въ *мъ̑, бъ̑*..... въ силу какихъ либо задерживающихъ условій. Такими задерживающими условіями были, какъ уже я упоминалъ, вліяніе аналогіи сходныхъ образованій и вліяніе родственныхъ формъ съ мягкими конечными сочетаніями. Вотъ почему то же самое *мь̑*, которое измѣнялось въ *мъ̑* въ формахъ твор. ед. *дворомъ* и т. п., оставалось въ качествѣ *мь̑* и затѣмъ просто *м́* (между мь̑ и *м́* границу провести трудно) въ окончаніи числительныхъ, существительныхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе твердость *м* въ числительныхъ формахъ именно въ тѣхъ языкахъ, которые, сохраняя вообще особенную мягкость губныхъ, сохранили согласные d и

---

[1]) А. А. Шахматовъ полагалъ, что мягкое *м* (или, какъ я думаю, мь̑) сохранялось дольше въ тверскомъ, полоцкомъ и смоленскомъ нарѣчіяхъ (О языкѣ новгор. грам., § 25, стр. 180—181), чѣмъ въ новгородскомъ. Но въ рижской грам. 1300 г. (въ Сборникѣ проф. Смирнова № 47) уже много примѣровъ твор и мѣстн. ед. съ *-мъ*: путемъ, на томъ, розбоиниковъмъ товаромъ и др.

s[1]) (съ развитіемъ слабаго глухого призвука или полнаго слогового гласнаго послѣ нихъ) передъ m въ этихъ числительныхъ (sedm, sedym, wósm, wósym) и вмѣстѣ съ тѣмъ наравнѣ съ другими сѣверозападными утратили ударение конечныхъ слоговъ, указываетъ на болѣе раннее появленіе твердаго *м* изъ *мь* вообще и въ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ общесловянскихъ формъ; это твердое *м* изъ *мъ* (а послѣднее изъ *мь*), однако, удерживалось лишь въ этихъ языкахъ, сохранившихъ *д* передъ *м* въ числит. 7 и имѣвшихъ оттяжку ударенія съ конечныхъ слоговъ; эти два обстоятельства я считаю важными для рѣшенія разбираемаго вопроса потому, что съ одной стороны твердое, не измѣнившееся качественно, d передъ m въ указанныхъ языкахъ[2]) свидѣтельствуетъ объ отвердѣніи m еще въ ту эпоху, когда новые мягкіе зубные не измѣнялись качественно въ этихъ языкахъ, т. е. были еще полумягкими въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ позднѣе стали мягкими, а съ другой, неударяемые слоги mi и т. п., являвшіеся въ косвенныхъ формахъ этихъ числительныхъ, несомнѣнно, менѣе способны были оказывать вліяніе на сохраненіе мь или м' мягкаго въ Ф. имен. вин., чѣмъ это было возможно въ языкахъ, сохранявшихъ на нихъ ударение. Мягкость s въ польскомъ ośm восходитъ, можетъ быть, къ той отдаленной эпохѣ, когда паразитный ирраціональный звукъ послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, развивался чаще въ качествѣ *ъ*, чѣмъ *ѣ* (сравн. въ особенности такія иностранныя слова, какъ собств. имя *Кузьма*[3]) въ большинствѣ говоровъ съ мягкимъ *з'* изъ древн. *Козма*, а въ нашемъ памятникѣ формы козмоу 48, коузма 237, какъ извѣстно, не доказывающія твердости *з* пропускомъ буквы неорганическаго *ъ*), твердость же s въ лужицкихъ языкахъ объясняется, м. б., отвердѣніемъ въ нихъ стараго полумягкаго s вообще; такое же *ъ* развивалось послѣ d въ **седьмъ*[4]), но прежде, чѣмъ *ъ* успѣло

---

[1]) Сохраненіе этого послѣдняго неважно, такъ какъ оно обще всѣмъ словянскимъ языкамъ.

[2]) Это *d* такимъ же является и въ старопольск.: *siedm* Библ. Соф. (Шарошп.) XV в., *siedmio* ibid (Kalina, Histor. jęz. pol., 207, 211, 213).

[3]) Сравн. развитіе неорганическаго гласнаго въ этомъ имени и въ итальянск. *Cosimo* при франц *Côme* (Dictionnaire portatif français—italien.... par l'abbé Lauri, Paris—Lyon, 1832), греч. Κόσμος. Для др. русскаго произношенія любопытна Ф. *за Кузьмокою* въ купч. записи п. 1389 г. (Смирновъ, Сб. др. р. пам. № 71, стр. 72).

[4]) На него слишкомъ ясно указываетъ русское литературное *седьмой* (сравн. Я. К Гротъ, Русское правописаніе, издан. девятое, СПб. 1891, стр. XXX справ. указателя), которому въ большинствѣ говоровъ соотвѣтствуетъ *семóй, семóй, семый* (Новг. г. и у., Мат. № 20, стр. 26) и т. п.

измѣнить *d* качественно, вмѣсто ъ̂ получалось частію ъ̂, частію звукъ, не вполнѣ тожественный ни съ *ъ* ни съ *ь*, подъ вліяніемъ слѣдующаго сочетанія *мъ̂*[1]) вмѣсто *мь̂*. Разница между польскимъ ośm съ одной и польск. siedm съ другой стороны говоритъ въ пользу болѣе ранняго измѣненія полумягкаго *s* въ мягкое сравнительно съ такимъ-же измѣненіемъ полумягкаго *d*. Въ русскихъ говорахъ и въ частности въ новгородскихъ такихъ ускоривающихъ измѣненіе *мь̂* ⟶ *мъ̂* ⟶ *м* (твердое) причинъ не было, такъ какъ удареніе не оттягивалось, а *д* передъ *м* рано исчезало послѣ утраты неслогового паразитнаго *ъ*, такъ что и у насъ встрѣчается: **на семи ве|рстъ** 291. 13—14, но важно то, что это **семь, семаго** и т. п. отмѣчено гораздо раньше написанія нашего памятника, а именно, уже на зарѣ русской письменности въ XI-мъ вѣкѣ (изб. 1073 г., мин. 1096 г. и др.)[2]), что̀ заставляетъ отнести подобныя формы къ общерусской эпохѣ, а формы *седьмь*, *седьмо́й* считать вполнѣ или отчасти церковнословянскими заимствованіями (*седьмь* отмѣчено И. В. Ягичемъ въ словахъ Ипполита)[3]).

Что касается окончанія 3 л. наст. врем. глаголовъ, то здѣсь правильно пишется въ нашемъ пам. **ть**; единственный примѣръ, могущій возбудить сомнѣніе неясностью написанія, — **стоить** 211, 14, но и здѣсь нельзя сомнѣваться, что написано *ь*, у котораго только сверху небольшой горизонтальный росчеркъ влѣво (у *ъ* всегда кромѣ этого горизонт. росчерка еще черточка внизъ). Этому мы не должны удивляться, такъ какъ въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія до сихъ поръ существуютъ говоры, знающіе въ окончаніи Ф. 3 л. наст. вр. мягкое *т'*, какъ рефлексъ стараго *тъ*[4]). Нынѣшнее господствующее сѣверно- и средне-великорусское *т* твердое

[1]) Это вліяніе, впрочемъ, сомнительно, такъ какъ обыкнов. губныя сочетанія не оказываютъ вліянія на предшеств. зубныя: русск. *тьма́*, польск. *ćma* и т. п., но иначе я не умѣю объяснить твердости польско-лужицк. *d*.

[2]) И. В. Ягичъ, Критич. замѣтки по истор. русскаго яз., 66. Срв также Е. Ѳ. Карскаго, Особ. яз. Мстислав. Ев., 14.

[3]) Ibid. 33.

[4]) Шахматовъ (О языкѣ новгор. грамотъ, § 25, с. 181) указалъ на такой говоръ въ **сѣв.**-зап. части Олонецкой губ.; эта интересная особенность, ускользнувшая отъ вниманія Колосова, была еще въ 60-хъ годахъ отмѣчена П. Н. Рыбниковымъ (Пѣсни, собран. П. Н. Р., ч. IV, СПб. 1867, стр. 277, 297) въ статьѣ «Объ особенностяхъ олонецкаго нарѣчія», при чемъ наблюденіе Рыбникова, что *тъ* произносится только въ Ф. 3 л. мн. ч. глаголовъ 1-го спряж. (цитаютъ, поютъ, даваютъ), вполнѣ подтвердилось наблюденіемъ А. А. Шахматова. Спорадически встрѣчается произношеніе идетъ, идутъ въ Устюжнск. у. Новгородск. г. (Шахматовъ, Матеріалы для изуч. великор. говор., III, № 28, стр. 88). П. Романовскій (Матер. для изуч. вел. г. IV, № 29, с. 242 «Извѣстій» т. II, кн. I) сообщаетъ *тъ* и для 3 л. ед. ч. въ Олонецк. у.: *ведетъ*.

въ этихъ формахъ въ противоположность мягкому *т'* говоровъ югозападно-великорусскихъ и малорусскихъ едва ли можетъ быть фонетически возведено къ древнерусскому и діалектически старословянскому *-тъ* [1]); скорѣе оно восходитъ къ тому окончанію *-ти*, которое господствовало въ старослов. яз. и представляетъ общесловянскій варіантъ при *-тъ*; въ этомъ отношеніи мое мнѣніе отличается отъ мнѣнія, высказаннаго въ «лекціяхъ по фонетикѣ старослав. яз.» Ф. Ѳ. Фортунатова, изд. 1888 г., с. 207, гдѣ русскія формы на твердое *т* считаются образовавшимися изъ формъ на мягкое *т* «съ фонетическимъ отвердѣніемъ конечной согласной». Кромѣ формъ на *ть* мы находимъ въ нашемъ пам. незначительное число случаевъ отпаденія окончанія *-ть* въ Ф. 3 л. ед. и частію множ. ч., а именно, почти исключительно въ формахъ 3 л. ед. наст. вр. существительнаго глагола во 2-омъ и частію 3-емъ поч.: ѥ 172, 181, бо́льшею частію съ отрицаніемъ и прибавленіемъ частицы тоу: нѣтоу 136, 156, 169, 181, 216, нетоу 140, нѣтоуть 298. 18 (только 1 разъ въ 3-емъ поч.), въ 3 л. мн. ч. пои|доу на насъ 208. 15—16 (единственный примѣръ для 3 л. мн. и вообще для другихъ глаголовъ, кромѣ глагола существительнаго); что касается да̂ 217, то оно читалось, вѣроятно, какъ *дасть*; подобное слѣдуетъ сказать и о другихъ случаяхъ подъ титлами или съ пропускомъ ъ (со̂у 146, сбира̂ѥ 224. 1).

Не умѣю объяснить причину весьма обыкновеннаго явленія, а именно, происхожденія въ собственныхъ именахъ муж. р., заимствованныхъ съ греческаго яз., окончанія *-ъ* вмѣсто *-ии*: (а)нтонъ 18, 22, (о)—49, причемъ и въ прилагат. притяжат. сообразно съ этимъ антонов(а) 19,—(оу) 21; аркадъ 54, 60 (аркадии 63), производн. отечеств. аркадовиць 24. 16; дѣмитръ 18, 112, косв. формы и производныя: дѣмитра 147, дѣмитр(у) 113,—(оу) 152, дѣмитровиц(ь) 24,—(а) 216, дмитр(овицю) 23,—(овьноу) 20, сравн. дмитриа 110; ѳедосъ 9, род. дедоса 10 (сравн. соврем. олонецк. Фамилію *Федосо́ва*); сюда же, вѣроятно, относится и собств. имя волоса 94, 220 (-влоуткиниць), волосовиць 108 вмѣсто власиа, и т. п. [2]); такого же

[1]) Я разумѣю такіе памятники, какъ Новгородскіе листки изъ кн. Еванг. чтеній (И. И. Срезневскій, Обозрѣніе древнихъ старослав. памятн. юсов. письма, стр. 25—26). Сравн. лекціи по фонетикѣ старослов. яз. Ф. Ѳ. Фортунатова, с. 206.

[2]) Сравн. мою замѣтку въ Archiv f. slav. Phil. IX, 315—316, а также и возраженіе А. Соболевскаго, указавшаго въ Р. Ф. В. XVI (1886), 185—187, что въ древнерусскомъ былъ обычай давать языческія имена, и что *Волосъ* не находится въ связи съ *Власіемъ*, какъ думалъ и думаю я. Во всякомъ случаѣ имя *Власъ* вм. *Власій* обычно въ великорус. («*дядя Власъ*» у Некрасова) и малорусскомъ (*Улáсъ*, *Улáсовычъ* у Квитки въ пов. «Конотопська видьма»).

рода явленіе, несомнѣнно, и въ великор. Ф. *Егóръ* и т. д. вм. *Егóрій* изъ *Гебргій*[1]). Посредствующими формами между *антоній*, *аркадій*, *дмитрій*, *григорій* и т. п. и *антонъ*, *аркадъ*, *дмитръ*, *григоръ* и т. д. могли бы быть **антонь*, **аркадь*, **дмитрь*, **григорь*, извлеченныя изъ такихъ производныхъ, въ которыхъ изъ **иѥ** (*іе*), **иа**, **ию** черезъ посредство *ъе*, *ъя*, *ъю* являлось *е*, *я*, *ю*, какъ это и находимъ въ одномъ примѣрѣ **григоревицѧ** 163[2]) у насъ во 2-омъ поч. и въ Ф. *Василю* въ грам. Климента до 1270 г. (Смирновъ, Сборн. 33); но и при такомъ предположеніи неяснымъ остается измѣненіе *ъ* въ *ь* или, пожалуй, измѣненіе конечныхъ мягкихъ согласныхъ въ твердые[3]). Любопытно обратить вниманіе на то, что въ древнерусскомъ и въ современныхъ говорахъ замѣчается и обратное явленіе въ собственныхъ именахъ: въ Ипат. лѣт. **исакьѥ** въ качествѣ имен. ед. л. 139.[6]4 снизу (фототип. издан.), тамъ же им. ед. **їсакій** 138[6], 139[a], въ продолженіи Новгородск. лѣт. по сп. археограф. ком. подъ 1445 г.: при епископѣ Суздальскомъ *Аврамьи*, ibid. въ спискѣ архимандритовъ новгородскихъ *Аврамій* (въ изданіи 1888 г., стр. 426 и 446), ibid. въ спискѣ князей *Ивану Данильевичю* (стр. 438), въ современ. олонецкомъ былинномъ языкѣ *Волья Всеславьевичъ* (Толвуй, Гришинъ) Гильферд. Онеж. был.[1] 157 (№ 32), *Волыа Святославовичъ*[4]) (Кижи, Рябининъ) ibid. 435—439 (№ 73), въ Курмыш. у. Симбирск. губ. употребительны отечественныя Давы́дьевна, Гаврилъевна. Повидимому, это обратное явленіе, какъ результатъ нефонетическаго смѣшенія старыхъ именъ на *-ъ* съ именами на *ій*, относится къ сравнительно болѣе позднему времени и принадлежитъ исключительно великорусскимъ говорамъ, тогда какъ явленіе, ранѣе упомянутое, обще всему русскому яз. и частію южнословянскимъ. Что̀ касается **гвоздъ** 129 (ср. **гвоздъı** 130. 2), то оно имѣетъ соотвѣтствіе въ псковскомъ *гвозд*, олонецк.

[1]) Сравн. въ сербскихъ лѣтописяхъ формы *грыгоурь*, *грыгоура*, *грыгуровикъ* (подъ г. 1408 и 1398, Šafařík, Památky dřevn. písemnictví jihoslov., издан. 1873 г., стр. 73, 75, 79) вм. *григорій* и т. д.

[2]) Сравн. фамиліи Дмитре́вскій, Григоре́вскій, а съ другой стороны Григоро́вичъ съ польскимъ ударе́ніемъ, а у Квитки отечеств. *Рыго́ровычъ* (Прòкипъ..... въ пов. «Конотопська видьма», изд 1887 г. под. ред. А. А. Потебни, т. I, стр. 183 и сл.) съ русскимъ ударе́ніемъ и назв. деревни *Гри́горовка* около Харькова.

[3]) Вѣрнѣе, однако, вслѣдъ за проф Соболевскимъ (Статьи по славяно-русск. яз., греко-слав. этюды, отд. отт. изъ Р. Ф. В. 1883 г, с. 26—27) видѣть здѣсь отраженіе среднегреч. произношенія.

[4]) Объ измѣненіи j въ g см. статью Лескина «Ueber den Dialekt der russ. Volkslieder des Gouv. Olonec» въ «Beitrage zur vergleich. Sprachforschung» herausg. v. A. Kuhn, VI B., Berlin 1870, s. 167.

гвозда, -у, -ов[1]); сравнит. со старослов. **гвоздии** и **гвоздь** (Miklos. Lex. pal. s. v.) въ *гвоздъ* (сравн. **гвоздъмь** твор. ед. въ русск. сп. XIII-го в. слова о правой вѣрѣ Іоанна Дамаск. въ перев. Іоанна Экзарха, Miklos. Lexic. pal. со ссылкою на «Опис. слав. рукопис. моск. син. б-ки» Горскаго и Невоструева, II, 2, 301, **съ гвоздъı ѡстръı** Прол. Хлуд. № 187, л. 5[a]), вѣроятно, заключается особая, независимая отъ нихъ, тема на *ъ* (изъ *о* или *ā*); указаніе на такого же рода тематическую разницу слѣдуетъ видѣть въ примѣрахъ: боура с *вихромъ* 301, *вихромь* 313. 7, 13[2]) сравнительно съ нынѣшнимъ литерат. *вихремъ*, *вихрь*, при чемъ и теперь въ Валдайск. у. Новгор. г. Колосовъ[3]) отмѣтилъ *вйхор*.

Внутри словъ находимъ слѣдующіе случаи *ъ* вм. *ѣ* въ 1-омъ поч.: **дънѣ|прь** 1. 2—3, **въ дънѣпри** 14. 4, **въ истьвѣ** 38 (КАТ. *вызъбѣ*), **изъисть|бъı** 11. 5—6 (К. *изѣ избѣ*, АТ. *изызбы*); во 2-омъ поч. **рьжевкоу** 166; на послѣдней 337-ой стран. находимъ измѣненіе предлога *съ* въ *съ* въ такихъ же комбинаторныхъ условіяхъ: *съ єдину* версту. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ слѣды дѣйствія ассимиляціи, б. ч. регрессивной (*дъ* подъ вліяніемъ слѣдующаго *нъ*, *съ* подъ вліяніемъ *є*, т. е. *je*: сравн. въ Ипат. лѣт. *въ єдинои* .... 139[a], *въ кънльицѣ* ibid.), обычной въ такихъ случаяхъ уже въ памятникахъ старословянск. яз.: И. В. Ягичъ давно уже отмѣтилъ въ Зографскомъ Еванг. **вынѣ** при **къпъ**, **дъкѣ** при **дъка** и мн. др. (Studien, 17, 19 и проч.), Вондракъ изслѣдовалъ то же явленіе въ Супрасл. Сборн. въ 124 т. «Sitzungsberichte» Вѣнской Академіи, В. Н. Щепкинъ подробно изслѣдовалъ его въ Саввиной кн. въ «Разсужденіи о яз. Сав. кн.», теперь печатающемся въ III т. «Извѣстій» (с. 1197—1210). Прогрессивную ассимиляцію (дѣйствіе предшествующаго *и*) слѣдуетъ видѣть въ измѣненіи *ѣ* въ *ь* въ словѣ **истьба* вм. **истъба* (сравн. нѣм. stube, средневѣков. лат. stuba, англ. stove, франц. étuve, итал. stufa, сравн. Соболевскаго Лекціи[1], стр. 82)[4]); на *ѣ*, кромѣ нѣмецкаго, откуда, вѣроятно, рас-

[1]) Колосов, Обзор звук. и форм. особ., 159 (ссылки на Опытъ обл. слов., на Гильфердинга и Рыбникова).

[2]) Сравн. и въ ст. слов. **вихромь** Hom. Mihan. (сербск. XIII в.), Miklos. Lexic. pal., въ словѣнск. *vîher*, *vîhra*, по *vihár*,—rja (Pleteršnik).

[3]) Обзор зв. и форм. особ., 151.

[4]) Болѣе подробныя указанія у Миклошича въ Lex. palaeosl. и Etymolog. Wörterb. s. v.: ср. лат. stuba, stupa «vaporarium», «fornacula», исп. порт. estufa, прованс. estuba, д. в нѣм. stupa, ср. в. н. stobe, англосакс. и др. сѣв. stofa, лотышск. istaba, в. луж. jstva. Прибавка гласн. i въ началѣ словянск. словъ и лотышскаго, заимствованнаго, кажется (по зв. *a* послѣ t), изъ русскаго, имѣетъ аналогію въ *e* нѣкоторыхъ романскихъ языковъ; такъ какъ

пространилось это слово въ языкахъ романскихъ и словянскихъ, указываютъ слѣдующія формы, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ: Ипат. подъ 1095 г. **в теплѣ и|стъвѣ**[1]) 164⁶. 4—3 снизу фототип. изд. (стран. 159 прост. изд. арх. ком. 1871 г., Лавр. **извѣ** 151ᵃ. 3), Лавр. **въ істобъкꙋ** л. 144⁶ фототип. изд. (подъ 1093 г. соотвѣтственно этому въ Ипат. **въ погре|бъ** 158ᵃ. 17—18 фототип. изд., въ Хлѣбн. и Пог. *выстебу*, см. 152 стр. изд. нефототип., = Радз. Акад. *сызбу*), Лавр. **істобкꙋ приста|ви істопити** 150. 4—3 снизу (=Ипат. **и їзтъбꙋ**[2]) **прѣстави . . . | ѕатопити**. 164⁶. 24—25), Лавр. **істобкꙋ** 151ᵃ. 6, 8 (=Ипат. **істьбꙋ** 165ᵃ. 1, 4, **изьдбꙋ** 165ᵃ. 3), Ипат. **выстобъ|кꙋ** 175⁶. 25—26 = Лавр. **въ|стобкꙋ** 175ᵃ. 5—6, Ипат. **сѣдоша выстобцѣ**. 186⁶. 3 снизу=Лавр.—**къѕбѣ**. 185ᵃ. 8 (г. 6610=1102), Ипат. *в истопкъ* 362 (=ХП. *у сѣстобцѣ*, г. 6669=1161, издан. нефотот. стр. 350); такимъ образомъ и въ Лаврент. и Ипат. и другихъ спискахъ встрѣчаются формы съ *о*, правильно замѣняющимъ *ъ* въ слоговомъ положеніи при увеличеніи объема слова суффиксомъ *-ъж-*, но формы съ *ъ*, кажется, только въ Ипатск. лѣт., въ которой, кромѣ того, извѣстны и формы съ *ъ* послѣ *т*, исключительно встрѣчающіяся въ нашемъ Синодальномъ сп. Новг. лѣт.; къ приведеннымъ въ качествѣ варіантовъ къ формамъ съ *о* Лаврент. списка Хлѣбн. и Пог. *выстебу*[3]) (соединеніе предлога *въ* съ начальнымъ *и*) и Ипат. *истьбу* слѣдуетъ еще прибавить эту послѣднюю форму въ Ипат. на л. 208 подъ 1116 г. (=ХП. *избу*, изд. нефотот. стр. 203). Замѣчательны приведенные выше случаи слитныхъ сочетаній буквъ *т* и *з* передъ *ъ*, указывающіе, какъ мнѣ кажется, на то, что въ болѣе древнемъ оригиналѣ, съ котораго списана Ипатск. лѣтопись, были формы *истъб-*, несомнѣнно, несоотвѣтствовавшія уже произношенію писца Ипатской лѣтописи, который говорилъ или **издъ̆бá* или **из̆дъ̆бá*[4]), писецъ же Лаврент. лѣт. въ болѣе раннее время уже произносилъ **избá* (точнѣе **изᵓбá*). Формами съ *ъ* или *е*, предполагающимъ *ь*, послѣ *т* списки Ипатскій,

---

въ этихъ послѣднихъ такая прибавка обычна и въ другихъ словахъ (сравн. Фр. *e*spèce съ итал. specie, *e*sprit съ spirito, *e*tablir съ stabilire и мн. др), то возможно, что въ словянскіе языки разбираемое слово попало не прямо изъ германскихъ, а черезъ посредство романскихъ; да и самое происхожденіе его изъ германскихъ языковъ подвергается сомнѣнію (см. Miklos. Lex palaeosl).

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь надъ *с* стоитъ точка, какъ будто было і, а подъ т кроется ѕ (или т передѣлано въ ѕ, или ѕ передѣлано въ т, или вязь т и ѕ).

[2]) Вязь т и ѕ (вѣроятно, **істъкꙋ** переправлено въ **и їзъкꙋ**).

[3]) Здѣсь *е*, несомнѣнно, означаетъ лишь глухой звукъ.

[4]) Древность такого ударенія подтверждается сербскимъ *ѝзба* (В. С. К).

Хлѣбниковскій и Погодинскій сближаются съ нашимъ Синодальнымъ въ противоположность Лаврентьевскому и другимъ спискамъ нашей Новгородской лѣт. Это ъ, какъ видимъ изъ примѣровъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (въ Ф. *истъбь*) могло бы обусловливаться слѣдующимъ слогомъ, а потому, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести его на счетъ вліянія предшествующаго; это вліяніе могло сказываться лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка, а именно, можетъ быть, сѣверозападныхъ (изъ современныхъ говоровъ мнѣ извѣстно только холмогорск. *истёпка*[1]), которое и въ слогов. полож. получило рефлексъ звука ъ), которые и нѣкоторыми другими случаями прогрессивной ассимиляціи сближаются съ языками польскимъ и лужицкими. Въ данномъ случаѣ польскій яз. не имѣетъ соотвѣтствія нашему ъ, такъ какъ формы этого слова въ немъ ясно указываютъ только на ъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ[2]) привелъ изъ «Regesten zur schlesischen Geschichte» примѣръ *ystebcha* (*jistebka), относящійся ко времени около 1200 г. и буквально соотвѣтствующій нашему лѣтописному *истобка*, восходящему къ **истъбъка*; въ кашубскомъ Гильфердингъ[3]) отмѣтилъ также jis*te*bka (при jiz*de*bka); эти формы вмѣстѣ съ в. луж. *stwa*[4]) любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ по крайней мѣрѣ не сказывается дѣйствія регрессивной ассимиляціи звучнаго b или w изъ b, какъ это сказывается въ русскихъ формахъ съ конца XIV-го в. (Лаврент. сп.), а въ польскихъ засвидѣтельствовано по крайней мѣрѣ съ XVI-го в.: w *izd*bie (Roty przysiąg sądow. z ks. ziemsk. Wielkop.)[5]), *izde*b род. множ. (Stryjkowski, Kronika polska..... r. 1582)[5]), w is*d*bach (P. Crescentyna... o gospodarstwie.... r. 1549, любопытно, что еще сохранилось *s*)[5]). Но мнѣ кажется, что аналогію съ нашимъ **истъба́* представляетъ нижнелуж. *śpa*[6]); только въ немъ прогрессивная ассимиляція распространилась еще дальше, измѣнивъ звучное b на p, которое едва ли представляетъ старый варіантъ при b; конечно, трудно рѣшить, появилась ли мягкость *s* уже послѣ выпаденія *t*, или ś получилось уже изъ **śś*, гдѣ второе *ś* предполагало бы смягченное *t* изъ *ть*, но во всякомъ случаѣ эта мягкость не могла появиться уже послѣ исчезновенія

---

[1]) Колосов, Обзор..... 161.

[2]) О древне-польскомъ яз. до XIV-го столѣт., словарь, стр. 61 (въ числѣ «словъ, усвоенныхъ послѣ введенія христіанства, трудно объяснимыхъ и сомнительныхъ»).

[3]) Остатки славянъ на южн. берегу Балт. м., 166.

[4]) Mucke, Hist. u. vergl. Laut-u. Formenlehre der niedersorb. spr., § 142, c. 267.

[5]) Kalina, Historya języka polsk., 170, 183, 194.

[6]) Mucke, ibid. 267 (§ 142).

предшествующаго *i* или *j* изъ *i*. Можетъ быть, дѣйствіе той же прогрессивной ассимиляціи сказывается въ любопытномъ примѣрѣ нашего памятника: стоꙗста. Ѣ. нѣ.|пълнѣ. ꙗко искрꙗгоуце. теплѣ|велми 46. 13—15, гдѣ искрꙗ гоуце, вѣроятно, слѣдуетъ читать какъ *искря жгуще*, т. е. «стояли двѣ цѣлыхъ недѣли очень теплыхъ, сожигая[1]), какъ огонь (искра)»; я позволю себѣ видѣть здѣсь, какъ и въ нижнелуж. *škrja* (в. луж. *škra*)[2]), умягченіе *r* подъ вліяніемъ предшествующаго *и*[3]). Я прошу извиненія, что отступлю нѣсколько отъ предмета и зайду въ область консонантизма, приведя кстати еще любопытный случай прогрессивной ассимиляціи, встрѣчающійся въ нашемъ памятникѣ, также имѣющій соотвѣтствіе въ томъ же словѣ въ языкахъ сѣверозападныхъ — лужицкихъ и кашубскомъ, на что̀ уже давно указано акад. Ягичемъ[4]). Я разумѣю встрѣчающуюся часто (10 разъ) въ 1-омъ и 2-омъ поч. форму сторов(и) (вмѣсто **съдорови*) 25. 12, 72. 2, 76. 14, 87. 3, 92. 17, 101. 7, 15 (—ї), 124. 15, 147. 9, 184. 3, такъ что въ 1-омъ поч. она является исключительно, а встрѣчающіеся во 2-омъ пять случаевъ сдрави 155. 5, 156, 174, 235, (—ї) 159, одинъ—съдрава 142 (въ повѣсти о взятіи Константинополя) и два съдрави 172, 189. 12—13 (переносъ п. з) очевидные церковнословянизмы; въ 3-емъ поч. уже 7 разъ находимъ господствующую теперь ф. здорови 270, 284, 285, 286, 312, 321, 325 и 1 р. нездорови 309. 12—13 при ц. слов. сдравъ 262, здрави 239, 253, 264, нездрава 278. 15—16. Изъ другихъ памятниковъ я это явленіе нашелъ только въ припискѣ къ Стихирарю постн. Новгор. Соф. б-ки № XVII (уставъ, пис. «повидимому въ XII в.»), по указанію И. К. Купріянова[5]), который, однако, самъ говоритъ, что вслѣдствіе помарокъ едва могъ разобрать на 1-омъ л. интересующую насъ фразу, гдѣ между прочимъ: «дай бъ немоу *сторовьѥ* и спсениѥ ѡпущениѥ грѣховъ»; хотя указанное мѣсто вслѣдствіе неясности и требуетъ провѣрки, но, если оно про-

---

[1]) *жгоуце*, т. е. **жьгоуче* (ст. слов. *жьгѫще), я понимаю какъ форму имен. множ. муж. р., обратившуюся въ дѣепричастіе и потому не согласованную въ родѣ и числѣ (двойств.) съ подлежащимъ, сравн. фоминѣ нѣ и|сходмче. 215. 6—7. Впрочемъ, эти случаи могутъ быть объясняемы и фонет. измѣненіемъ конечнаго *и* въ *е*: сравн. вда плече 170 и вда плечи 289 (сравн. замѣчаніе Ягича въ VI т. «Archiv» a, стр. 294, «Крит. зам» 53).

[2]) Mucke, ibid. § 151, c. 284

[3]) Обратная ассимиляція *р* видна въ діалектич. *згра* (Miklos. Lex., *дон.* у Даля).

[4]) Критическія замѣтки по истор. русск. яз., 66, сноска.

[5]) Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской б-ки, Извѣстія Имп. Акад. Н. по отдѣл. русск. яз. и слов., т. VI, вып. 1, СПб. 1857 г., стр. 61.

читано вѣрно[1]), оно прибавляетъ лишній примѣръ для подтвержденія любопытнаго явленія, въ которомъ я не могу сомнѣваться вопреки недовѣрію проф. Е. Ѳ. Будде[2]), можетъ быть, упустившему изъ виду то обстоятельство, что встрѣчается такое написаніе совсѣмъ не рѣдко, вслѣдствіе чего и нельзя назвать его «единичнымъ»; *strovy*, *struovy* рядомъ съ *zdrovy*[3]) находимъ въ кашубско-словинскихъ говорахъ; въ верхне-и нижне-лужицк. также *strowy* (у писателей XVI—XVII в.—Якубицы и Мегизера еще zdrowy)[4]). Случаи прогрессивной ассимиляціи вовсе не такъ рѣдки, какъ обыкновенно думаютъ[5]); можно указать на малорус. *бджолá*, *бжолá* изъ **бъчелá*, польск. *sfora* вм. *svora*, *vélgi* (малопольск., великоп., куявск. и др.)[5]) вм. *vélki* (wielki), съ чѣмъ особенно любопытно сравнить выше указанное *четверь*, *четверá* и т. п. Но во многихъ случаяхъ можно видѣть обоюдную ассимиляцію, представляющую вообще самое обыкновенное явленіе въ словянскихъ нарѣчіяхъ. Такую обоюдную ассимиляцію, каковая напр. въ польск. ufać изъ **упъвати* черезъ посредство *увати* (*п* передаетъ слѣдующему *в* свою незвучность, *в* предшествующему *п* свойство спиранта) или въ діалект. сѣверновеликор.[6]), южновеликор.[7]), діалектически малорусскомъ[8]), сербскомъ (см. словарь В. С. К.), болгарскомъ[9]), діалектически польскомъ[10])

---

[1]) Сдѣланное мною, благодаря посредничеству А. А. Шахматова и любезности библіотекаря С.-Петерб. духовн. Академіи, сличеніе убѣдило меня въ вѣрности чтенія Куприанова; а именно на предшествующемъ нумераціи листѣ, сильно продырявленномъ, рукою XIII в., какъ я нашелъ возможнымъ опредѣлить при содѣйствіи А. А. Шахматова, которому приношу благодарность за помощь при прочтеніи, можно прочесть слѣдующую запись: ѓи помо|ѕи раку—своемѣ|ѹ штом|аноу д|ан к҃ъ ю|моу сто|ровѣю|и спасѣ|ние Ѳпу|щенние | грѣхъ|къ. Рукопись эта значится теперь подъ № 96 (отд. 13).

[2]) Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 170.

[3]) Гильфердингъ, Остатки славянъ на ю. б. Балт. м, 182.

[4]) Mucke, Hist. u. vergl. Laut-u. Formenlehre der niedersorb. Spr., § 97, c. 174. Сравн. также въ старопольск. грам. 1420 г. dludze *str*oue (Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древне-польскомъ яз. до XIV в., § 31,1, стр. 38 strové).

[5]) Сравн. Бодуэнъ-де-Куртенэ, ibid. § 23, c. 31, § 29, c. 36, § 31, c. 38; Т. Флоринскій Лекціи по слав языкознанію, II, стр. 434.

[6]) См. напр. А. А. Ш., матеріалы для изуч. великор. гов., III, № 26, 61 (*фатай* и т. п. въ Кадник. у. Волог. г. по сообщ. Шустикова), или Олонецк. (Пудога) *фастати* Гильф. Он. б. 387, или бѣлозерск. *фатать* (Колосов, Замѣтки о яз.. . въ обл. с. в. н., 16).

[7]) Напр. въ Тульск. у. и губ. *фостъ* и т. п. (Соболевскій, Очеркъ русской діалект, Жив. Ст. 1892, в. I, с. 15).

[8]) Въ говорахъ подольскихъ и галицкихъ (Соболевскій, Очеркъ...., Ж. Ст. 1894, IV 48, 49, 52, 53),

[9]) П. А. Лавровъ, Обзоръ зв. и ф. ос. болг. яз., 94.

[10]) У прусскихъ мазуровъ, Флоринскій, Лекціи II, 534.

обращеніи группы *хв* въ *ф*, необходимо, мнѣ кажется, видѣть въ *ф* формъ 3-го п. **тфѣрь** 247, 280, 307, 314, 318, 321, 329,—**ского** 322,—**скыи** 303, 308, 327, 330, **тфѣри** 300, 316, 321.7, 16, 17, 328,—**чи** 308 сравнительно съ *хв*, которое я считаю болѣе первоначальнымъ, формъ 1-го и 2-го поч.: **тьχвери** 86.7, **тьχвѣрь** 160.10, 167.19,—**ю** 200.8, **въ тьχвѣри** 167.14, **за тьχве|рью** 167.15—16, **рѣкоу тьχвѣрцю** 164.6; *ф* читается во всѣхъ этихъ мѣстахъ по другимъ спискамъ (КАТ—XV—XVIII столѣт.); его находимъ и въ продолженіи Новгородск. лѣтоп. по Коммиссіонному списку XV в., отличающемуся вообще рѣзко выраженными особенностями новгородскихъ говоровъ (часто *и* вм. *ъ*, *ц*=*ч*, формы *есме* и др.), б. ч. съ пропускомъ *ъ*, но подъ 1341 г. (издан. с. 340) читаемъ: *со Тьфѣри*; въ спискахъ же А. Т. встрѣчается уже и *в*: *тверичь* соотвѣтственно *тфѣричь* сп. К. Такимъ образомъ, я считаю первоначальнымъ въ этомъ словѣ не *х*, какъ проф. Будде[1]), а *хв*, изъ котораго удовлетворительно объясняются и *ф* непосредственно изъ *фф* или $\overline{ф}$ и литературное *в* (сравн. у Шахматова, О яз. новг. грам., 171). То же измѣненіе *хв* въ *ф* находимъ и въ *Тифинскій* изъ *Тихвинскій*, сравн. переходную Ф Тих*ф*ина, приводимую Будде[1]), который, однако, говоритъ здѣсь лишь о мѣнѣ *ф* и *х*; то же и въ *Лифин-* при *Лихвин-* въ грам. XVII в. (см. Извѣст. Калужск. Ученой Архивной Комиссіи № 5, 1897 г., сообщ. А. Прозоровскаго, с. 42—50).

Что̀ касается названія города *ръжевка*, то здѣсь я вопреки мнѣнію проф. Соболевскаго[2]) вижу производное отъ слова *ръжь* (сравн. *ржева́*, *льнева́*[3]) собир. отъ *рожь*, *лён* въ Новгор. губ.) съ фонетическимъ измѣненіемъ (регрессивн. ассимиляціей) неслогового *ъ* передъ мягкимъ сочетаніемъ *же* въ *ъ*. Если бы вѣрно было производство проф. Соболевскаго, ссылающагося на памятники (грамоты) болѣе позднiе, то въ такомъ древнемъ памятникѣ, какъ нашъ, мы непремѣнно нашли бы на это указаніе; кромѣ того, по моему, такое производство изъ ***вържева́** даже невозможно, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, *ъ* (или *ѣ*) въ группахъ *согласн.*+*ъ*(*ѣ*)+*плавн.*+*согласн.* въ русскомъ, польскомъ и лужицкихъ яз. никогда не становился неслоговымъ и не подвергался исчезновенію[4]); аналогія *Псковъ* изъ *пльсковъ*

[1]) Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 170.

[2]) Лекціи по истор. русскаго яз., 83.

[3]) М. А. Колосовъ, Замѣтки о яз. и нар. поэз. въ обл. сѣв. великор. нарѣч., 24.

[4]) Это обстоятельство, повидимому, совершенно не принимается въ разсчетъ г. А. Л. Погодинымъ, который, смѣшивая эти сочетанія глухихъ съ плавными со всѣми остальными сочетаніями согласныхъ съ глухими, ожидаетъ по теоріи Гебауэра и Поливки въ польскомъ

сюда не идетъ, такъ какъ здѣсь ъ этимологически стоитъ послѣ плавнаго (то же въ *кстить* изъ *крьстить*); еще менѣе подходитъ сюда случай *Брянскъ* изъ *Дьбряньскъ*; кромѣ того, отожествлять *Ржевъ* и *Вержавскъ* не представляется возможности, такъ какъ эти два города отстояли довольно далеко одинъ отъ другого: Вержавскъ на р. Вержѣ, впадающей въ Днѣпръ (Голубовскій, Истор. Смоленск. земли до нач. XV в., с. 65, примѣч.); этимъ послѣднимъ географ. указаніемъ я обязанъ А. А. Шахматову.

Теперь намъ остается еще отмѣтить нѣсколько случаевъ ѕ вм. ъ внутри словъ. Еще въ 1-ой главѣ мнѣ приходилось указывать 1 разъ при переносѣ *вѕ|съ* 17. 17—18; этотъ случай можетъ служить лишь подтвержденіемъ того вывода, который мы сдѣлали изъ многочисленныхъ примѣровъ написанія *всѣ*, а именно, что здѣсь бо́льшею частію слоговой характеръ получало конечное ъ, и это явленіе распространялось за предѣлы русскаго яз.[1]); чисто губной характеръ *в* (w), на что̀ указываютъ случаи замѣны его черезъ *у*, при такихъ условіяхъ всецѣло подчинялъ себѣ неслогов. иррац. гласный, получавшій также губной характеръ (ѕ), но вслѣдствіе своей количественной незначительности бо́льшею частію не выражавшійся на письмѣ. Вліяніе *в* на измѣненіе ъ въ ѕ сказывается даже въ такихъ точныхъ для ъ и ѕ старослов. памятникахъ, какъ Кіевскіе глаголич. листы, гдѣ наход. 2 р. **въсѣ҃ъ**[2]), и Остромирово Еванг., гдѣ **въсѧ**[3]); кромѣ «чрезвычайной ирраціональности звука ъ» (В. Н. Щепкинъ), причиной употребленія ѕ вм. ъ я считаю также и вліяніе *в*; сравн. словѣнскія формы wus, wos изъ основн. *vьsъ* (*вьсь*) черезъ посредство *vѕs*, us[4]). Другой единичный случай, какъ кажется, ѕ вм. ъ находимъ послѣ губного *м*: **мъ|сте** 115. 17—18 (въ концѣ строки)[5]); къ

яз. совершенно невозможныхъ формъ **w setwre* изъ **въ съмлъвъ* и т. п. (Извѣстія О. р. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III, 1898 г., кн. 1, с. 287) и на основаніи этого сомнѣвается въ вѣрности самой теоріи

1) Сравн. болгарск. *сѐ* (въ рукоп. XVIII в. *се* и *вьсе*), В. Н. Щепкинъ, Разсужд. о яз. Саввиной кн., Извѣстія О. р. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III (1898), кн. 2, с. 430, 467, ю. кайкавск. *sȁ* (V. Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju, отд. отт. изъ CXV, CXVI и CXVIII кн. «Rad jugosl. akad.» 1894, с. 92). Для сопоставленія съ нашими *всь*, *вже* любопытна также ф. *псѐ* вм. *песъ* изъ *пьсъ*, отмѣченная въ д. Будаевой Сонинск. вол. Островск. у. Псковск. губ. г. Е. А. Артемьевымъ (Матеріалы для изуч. великор. гов. V, с. 2, въ прилож. къ 1 кн. III т. «Извѣстій» 1898 г.).

2) Fol. VII 10, 22—23 (переносъ п. *ѡ*), см. V. Jagić, Glagolitica, Wien, 1890, с. 53 (2-ой разъ очень неясно, см. фотогр. снимокъ taf. VIII).

3) См. В. Н. Щепкина «Разсужд. о яз. Сав. кн.», Извѣстія, III (1898), с. 1215 (ссылка на М. Козловскаго).

4) V. Oblak, Die Halbvocale....., Archiv XVI, 166.

5) ѕ здѣсь имѣетъ особ. ф., какъ часто въ концѣ строки.

сожалѣнію, въ Синод. сп. это названіе встрѣтилось только 1 разъ, но съ ъ оно пишется въ Ком. сп.: **мьстѣ** подъ 947 г., 1434 г., до **мьстѣ рѣкѣ** 1446 г. (см. издан. 1888 г., стр. 12, 415 и 427); съ ъ это слово и въ Ипат.: *мьсту* п. 1147 г. (издан. стр. 240, рук. л. 247); такъ какъ этимологія этого слова мнѣ неясна, то и не рѣшаю, что̀ первоначальнѣе, но думаю, что здѣсь фонетически менѣе основанія для ъ вм. ѣ, чѣмъ наоборотъ. Затѣмъ мы въ 1-омъ и 2-омъ поч. находимъ нѣсколько случаевъ ѣ вм. ъ (изъ *и*) въ собств. имени **дъмитр(ъ)** 18, 112, —(ѵ) 113, —(а) 147, —**овиць** 24, въ концѣ строки **дъ|митр(оѵ)** 152. 11—12, —(**овицѧ**) 216. 3—4[1]); при этомъ нѣсколько разъ встрѣчается *дми*—, но ни разу **дьми**—: **дмитр(а)** 148, 149, 152, 172, —(**иѣ**) 110, —(**окъ**) 148, —(**овъı**, —**ъı|хъ**) 149, —(**овицю**) 23, 186, 200, —(**овьноѵ**) 20; *дьмитріа* при частомъ *дми*— я нашелъ только 1 р. въ Ком. сп. въ росписи князей (изд. 1888 г., стр. 437, не въ концѣ ли строки?)[2]). Не умѣю объяснить этого ѣ, но думаю, что оно можетъ восходить только къ старому варіанту этого заимствованнаго съ греч. имени (Δημήτριος); можетъ быть, въ народномъ среднегреческомъ произношеніи слѣдуетъ искать разгадку этого страннаго ѣ подобно тому, какъ и во многихъ варіантахъ заимствованныхъ съ греч. именъ (сравн. выше догадку проф. Соболевскаго о происхожденіи конечныхъ ѣ, ъ вм. *ии* въ извѣстныхъ именахъ); теперь въ великорус. говорахъ б. ч. слышится мягкое *д* передъ *ми*[3]).

Въ **ѧзанъцıи** 88. 10 появленіе ѣ для меня непонятно, особенно въ виду того, что ъ въ суф. *-ъц-* этого слова встрѣчается въ 1-омъ поч. только 2 раза и 1 р. пропущено[4]), но думаю, что ѣ здѣсь еще не доказываетъ твердаго произношенія *н* передъ несомнѣнно мягкимъ *ц*; придется предположить или описку, обусловленную тѣмъ, что неслогов. ъ здѣсь достигало крайней степени ирраціональности, или списываніе съ такой записи, гдѣ *н* приходилось въ концѣ строки; отвердѣніе *н* мнѣ не кажется вѣроят-

1) Въ первомъ случаѣ ѣ имѣетъ особую ф., во второмъ обыкновенную.

2) Шахматовъ (О яз. новгор. грам., 143) указалъ одинъ случай *дъ*— въ грам. 1304—1305 г. въ концѣ строки, но привелъ также примѣръ такого написанія изъ Остром. Еванг.

3) Еще чаще въ большинствѣ говоровъ *д* совсѣмъ не слышится *Ми́трій*, *Ме́трій* и т. п. М. б., *д* (мягкое передъ мягкимъ *м*) возстановлено подъ вліяніемъ книжнаго яз. Сравн. сербск. Мѝтрōв дȁн (В. С. К., М Ђ. Милићевић, Живот срба сеоска, 1894, с. 144), а діалектически (въ сверлижск. говорахъ Кнежев. округа) *Гмитре*, *Гмитра* и т. п. (Милићевић, Кнежевина Србија, с. 859).

4) См. выше, стр. 91

нымъ тѣмъ болѣе, что *н* до сихъ поръ отчасти мягко въ олонецкихъ говорахъ передъ суффиксальнымъ *и*[1]): *гоньци* (Повѣнецъ), *коньца* (Пудога, Прохоровъ), *вѣньчу*, но у Гильфердинга въ томъ же говорѣ и отъ того же пѣвца, отъ котораго записано *гоньци*, находимъ *вѣнцу* (Повѣнецъ, Калининъ) 3 р. на стр. 28 (въ нов. изд. въ Сборникѣ Отд. р. яз. и сл., т. LIX, 1894 г., стр. 36); А. А. Шахматовъ указалъ въ сѣв.-зап. ч. Олон. губ. *женьцѝ* и въ нѣкот. говорахъ *жѝньца* (О языкѣ новгородскихъ грам , 182).

Остается упомянуть еще объ одномъ случаѣ ъ вм. ь и, что̀ особенно замѣчательно, въ «слоговомъ» положеніи: во 2-омъ поч. находимъ **тържъкъ** 161. 6. Такъ какъ отвердѣніе шипящихъ и въ частности *ж* трудно доказать въ нашемъ памятникѣ, то я рѣшаюсь въ этомъ единичномъ случаѣ видѣть не доказательство твердости *ж*, а свидѣтельство о томъ явленіи, которое извѣстно подъ названіемъ *лабіализаціи* и состоитъ въ измѣненіи небныхъ гласныхъ по направленію къ губнымъ, т. е. въ пріобрѣтеніи ими при произношеніи извѣстнаго округленія и вытягиванія впередъ губъ. Начало этого явленія, которое развивалось преимущественно послѣ согласныхъ шипящихъ, наиболѣе требовавшихъ для своего произношенія участія губъ[2]), относится къ говорамъ общесловянскаго языка, какъ на это указываютъ многія явленія не только сѣверныхъ словянскихъ языковъ, но и южныхъ (въ особенности болгарскаго во всемъ разнообразіи его говоровъ)[3]). Это участіе губъ сказывалось въ измѣненіи гласныхъ *і*, *е* въ гласные ü, ö, а *і* ирраціональнаго (ь) въ ŭ ирраціональное, которое уже близко къ и ирраціональному, т. е. ъ (сравн. первыя главы «Изслѣдованій въ области русской фонетики» Шахматова); въ послѣдующей исторіи языка отсюда могли получаться уже чистые и и *о* и и ирраціональн., переходившее въ «слогов.» положеніи въ полное *о*. Такимъ образомъ, и въ нашемъ примѣрѣ ъ можетъ выражать или уже настоящее ирраціон. и, уже приближавшееся къ *о*, или еще ŭ ирраціональное, которое могло затѣмъ и не успѣть перейти въ и ирраціон., а измѣниться въ *о* черезъ посредство ö подобно тому, какъ *о* получа-

---

[1]) Колосов, Обзор звук. и форм особ, 10 (ссылки на Гильфердинга, Онежск. был., 78, 228, при чемъ вм. 228 слѣд. чит. 229, а вм. *гоньцы*, какъ у Кол , у Гильф. напечатано правильно *гоньци;* въ нов. издан. въ LIX т. «Сборника Отд. р. яз. и сл.» см. стр. 109 и 315—316). *Вѣньчу* взято Колосовымъ изъ «Памятниковъ и образцовъ нар. яз. и слов.» (изд. въ прибавл. къ Извѣстіямъ II Отд...).

[2]) Sievers, Grundzuge der Phonetik[3], 124 (§ 15, 2, b).

[3]) В. Н. Щепкинъ, Разс. о яз. Сав. кн (Извѣстія, III, 1898, 458—459).

лось изъ первоначальнаго *е*. Мягкость шипящаго могла оставаться или теряться совершенно независимо отъ этихъ измѣненій слѣдующаго гласнаго. Измѣненіе *е* въ *о* послѣ шипящихъ извѣстно въ русскихъ памятникахъ съ XII-го в.[1]); въ новгородскихъ грамотахъ конца XIV в. уже находимъ слѣды такого измѣненія *е* изъ этимолог. *ъ* (грам. 1372 г. чорнъıхъ, въ договорахъ новгородско-тверскихъ 1371 и 1373 г. торжокъ)[2]). Вѣроятно, *торжокъ* явилось изъ *тържъкъ*, т. е. расширенію и лабіализаціи подвергся еще звукъ ирраціональный.

ГЛАВА IV.

Сочетанія „согласный + *ъ* или *ь* + плавный + согласный".

Въ этой главѣ я намѣренъ указать и по возможности объяснить тѣ встрѣчающіеся въ Синодальномъ спискѣ Новгородской лѣтописи случаи употребленія *ъ* и *ь*, въ которыхъ они сочетаются означеннымъ въ заглавіи способомъ съ *л* и *р*.

Какъ извѣстно, случаи эти во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ настолько отличны отъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущихъ главахъ, что не стоило бы говорить о причинахъ разсмотрѣнія ихъ отдѣльно отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе нелишне въ общихъ чертахъ отмѣтить, въ чемъ заключается существенная особенность этихъ случаевъ. Замѣчу, что выписанный въ заглавіи порядокъ звуковъ представляетъ порядокъ общесловянскій, выведенный гипотетически путемъ сравненія словянскихъ нарѣчій съ родственными языками индоевропейскими и съ *внѣшней* стороны совпадающій съ порядкомъ древнерусскимъ; если же я говорю объ отличіи этихъ случаевъ во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, то разумѣю различныя сочетанія съ различнымъ порядкомъ звуковъ, только этимологически тожественныя указаннымъ общесловянскимъ.

Существенной особенностью ихъ во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ слѣдуетъ признать то, что составлявшійся ими слогъ никогда не пропадалъ,

---

[1]) А. И. Соболевскій, Лекціи по ист. рус. яз.[1], 53.

[2]) А. А. Шахматовъ, О яз. новгор. грамотъ, 148.

т. е., что въ слоговомъ отношеніи они никогда не примыкали къ другому сосѣднему слогу, при чемъ безразлично, носили ли слогообразующую функцію рефлексы общесловянскихъ ъ̑ или ъ, какъ старыхъ наслѣдниковъ индоевроп. неслогового ирраціональнаго гласнаго, или эта функція сосредоточивалась на плавныхъ, или, наконецъ, переносилась на развивавшіеся изъ нихъ или при нихъ новые гласные звуки, примѣры чего встрѣчаются и въ другихъ отрасляхъ индоевропейской семьи языковъ. Русскій языкъ по отношенію къ этимъ сочетаніямъ составляетъ одну группу вмѣстѣ съ языками сѣверозападныхъ словянъ въ противоположность всѣмъ южнословянскимъ, и характерной особенностью этой группы является несмѣшеніе этихъ сочетаній съ другими сочетаніями ирраціональныхъ звуковъ съ плавными, а именно тѣми сочетаніями, въ которыхъ плавный согласный этимологически предшествуетъ ирраціональному гласному, и которыя въ этой группѣ ничѣмъ существенно не отличаются отъ другихъ сочетаній согласныхъ съ глухими (ирраціональными) гласными, т. е. различаютъ напр. или различали по крайней мѣрѣ въ древности «слоговое» и «неслоговое» положеніе глухихъ.

Вопросъ о происхожденіи общесловянскихъ сочетаній «согласн. + ъ̑, ъ + плавн. + согласн.» и ихъ судьбѣ въ различныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ настолько разработанъ въ научной литературѣ, исторія его можетъ гордиться столь многими именами ученыхъ, потрудившихся надъ нимъ, что я зашелъ бы слишкомъ далеко въ область литературно-научной критики, если бы захотѣлъ подробно изложить её, тѣмъ болѣе, что не только лѣтъ 40 тому назадъ (я разумѣю извѣстную статью П. А. Лавровскаго «О русскомъ полногласіи» въ V-омъ томѣ «Матеріаловъ для словаря и грамматики», издававшихся въ прибавленіи къ Извѣстіямъ И. А. Н.), но и гораздо позднѣе (Миклошичъ въ своихъ статьяхъ 1877—1886 г.) нѣкоторые даже весьма крупные ученые неясно сознавали коренное этимологическое различіе этихъ сочетаній отъ сочетаній съ полными гласными еще въ праязыкѣ; эта неясность у иныхъ менѣе разборчивыхъ и тенденціозныхъ ученыхъ доходила до того, что позволяла совершенно вопреки исторіи языка дѣлать выводы о тожествѣ новыхъ русскихъ формъ съ общесловянскими (Geitler, Starobulharská fonologie.... V Praze 1873, Кочубинскій, Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій.....[1]) Одесса 1877—

[1]) Сравн. рецензію И. Бодуэна-де-Куртенэ, Казань 1879.

78). Значительнымъ шагомъ впередъ въ научной разработкѣ вопроса нужно признать убѣжденіе, къ которому пришли лучшіе ученые 1870-хъ годовъ, въ томъ, что старословянскій порядокъ звуковъ не есть порядокъ общесловянскій, но конечно, не въ этомъ одномъ заключался весь вопросъ, и, какъ видно изъ упомянутыхъ трудовъ Гейтлера и Кочубинскаго, при отрицаніи первенства за старословянскимъ нетрудно было увлечься въ другую, противоположную крайность. Какъ труды наиболѣе содѣйствовавшіе правильному съ нашей современной точки зрѣнія рѣшенію вопроса, достаточно упомянуть статьи Потебни[1]), І. Шмидта[2]), Миклошича[3]), Лескина[4]), Ягича[5]) и Фортунатова[6]), при чемъ важно то, что ошибка или неточность, сдѣланная однимъ, исправлялась другимъ и наоборотъ (въ этомъ отношеніи важны возраженія Потебни Гейтлеру, Ягича І. Шмидту и ПотебнѢ, Лескина и Фортунатова Миклошичу).

Уже Потебня, возражая Гейтлеру, указывалъ на необходимость для общесловянскаго языка исходить изъ формъ съ глухимъ звукомъ передъ плавнымъ, хотя, вопреки собственному указанію на литовскія параллели (*ir*, *il*) словянскимъ сочетаніямъ съ глухими передъ плавными, не рѣшался въ болѣе новомъ своемъ трудѣ отнести образованіе глухихъ звуковъ къ дословянскому времени, какъ онъ сдѣлалъ это въ статьѣ о полногласіи 1864 г., и такимъ образомъ въ 1874—1876 г. отказался отъ своего прежняго, болѣе вѣрнаго въ этомъ отношеніи, мнѣнія (Къ исторіи звуковъ 1876 г., стр. 84 со ссылкою на «Два изслѣдованія», с. 15—16).

---

[1]) «Два изслѣдованія о звукахъ русск. яз.» 1864—1865 г. (Филол. Записки, отдѣльно въ 1866 г.); Къ исторіи звуковъ русскаго яз. 1876 г. (отдѣльныя главы раньше печатались въ 1873—1875 г.).

[2]) Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, Zweite Abtheilung, Weimar 1875; Kritik der Sonantentheorie..... 1895.

[3]) Ueber den Ursprung der Worte von der Form aslov. trъt, Wien 1877, 4⁰, 49; Vergl. Gram. II, W. 1875; Etymolog. Worterbuch..... W. 1886.

[4]) Рецензія на соч. Миклошича въ Archiv f. slav. Philologie, III, 696—705.

[5]) Кромѣ болѣе старыхъ статей въ «Rad jugosl. akad.», въ особенности имѣютъ значеніе: «Ueber einige Erscheinungen des slav. Vocalismus», Archiv..... I, 337—412; «Ueber einen Beruhrungspunkt des altsloven. mit dem litauischen Vocalismus», Archiv.... III, 95—107; «Einige Streitfragen, III», Archiv. .. B XX, 48—53.

[6]) «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen», Archiv f. slav. Phil. IV, 576—589; «Phonetische Bemerkungen, veranlasst durch Miklosich's Etymologisches Wörterbuch der slav. Sprachen», Archiv.... XI, 561—575; «Лекціи по фонетикѣ ст слав. яз », печатн. издан. 1888 г., с. 143—153, 177—178, стат «Плавныя согласныя въ др.-индійск. яз.» въ сборникѣ «Χαριστήρια» с. 485; стат. «Uber die schwache Stufe der uridg. 'ă' vocale» (Zeitschrift fur vergl. Sprachforschung, B. XXXVI=XVI, 1 H., s 38....).

Ягичъ посвятилъ въ 1878 г. цѣлую статью указанію параллелей между словянскимъ *ъ* и литовск. *i* изъ основного *e* по его тогдашнему мнѣнію, при чемъ онъ считалъ всякое *ъ* или его рефлексы въ данныхъ случаяхъ уже на словянской почвѣ возникшими изъ *ъ*; но, какъ и у Миклошича, измѣнившаго во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, кажется, подъ вліяніемъ теоріи I. Шмидта[1]) свое прежнее мнѣніе объ этимологическомъ тожествѣ праязычнаго *ŗ* съ общесловянскимъ, здѣсь нѣтъ еще установленія коренного различія между случаями, отражавшимися въ словянскихъ нарѣчіяхъ, какъ *-рѫ-*, *-лѫ-*, *-рѥ-*, *-лѥ-*, или какъ *-ере-*, *-оло-* (вм. *-еле-*), и тѣми, которые являлись въ одной группѣ нарѣчій въ видѣ *-ръ-*, *-ръ-*, *-ль-*, *-лъ-*, $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{l}$, въ другой въ видѣ *-ър-*, *-ър-*, *-ъл-*, *-ъл-*, откуда *-ер-*, *-ор-*, *-ел-*, *-ол-*, *-ᵢer-*, *-ar-*, *-il-*, *-ᵢel-*, *el-*, *-ol-*, *-lu*, вслѣдствіе чего остается непонятнымъ, почему одно и то же *-*er-*, *-*el-*, въ общеслов. яз. дало въ однихъ словахъ сочетанія съ полными гласными, въ другихъ съ глухими *ъ*, *ѣ* и ихъ замѣнами или съ слогообразующими *r*, *l*. На это и указалъ въ рецензіи на Миклошича Лескинъ (Archiv..... B. III, 702), который вслѣдъ за I. Шмидтомъ возвелъ всѣ сочетанія съ *рѣ*, *ръ* и т. д. въ старословянск. и имъ соотвѣтствующія въ другихъ словянскихъ нарѣчіяхъ къ формамъ *tъrt* и *tърt*, признавъ, какъ еще раньше Потебня, и прасловянское различіе здѣсь между *ъ* и *ѣ*. Но конечно, на этомъ нельзя было успокоиться, и дальнѣйшій шагъ къ болѣе правильному, по моему мнѣнію, рѣшенію вопроса былъ сдѣланъ Ягичемъ уже черезъ 2—3 года послѣ упомянутой выше статьи его, а именно, въ статьѣ «Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *e*, *ê*,.....»[2]), на которую въ свое время обратилъ вниманіе Брандтъ[3]), выставившій теорію *твердыхъ* и *мягкихъ* «слоговиковъ». Шагомъ впередъ я называю высказанное здѣсь мнѣніе И. В. Ягича потому, что здѣсь онъ допускаетъ во первыхъ, что «слабѣйшая вокализація» нормальнаго сочетанія «muta + e + liquida + muta» могла еще въ общесловянскомъ языкѣ или опуститься до чисто слогообразующихъ l—r, или остановиться на степени сохраненія «*минимальнаго глас-*

[1]) Сравн. Bechtel, Die Hauptprobleme der indogerman. Lautlehre seit Schleicher (Gottingen, 1892), стр. 88, 121, 129. Въ первый разъ Миклошичъ провелъ аналогію между ст. слов. *рѣ*, *ръ*, *лъ*, *ль* и др. инд. r въ 1850 г., а въ 1875 г. въ введеніи къ 2-му т. Vergl. Gram., c. VI—XVIII, онъ уже подробно развиваетъ свою теорію о праязычномъ *ŗ*, къ которому восходятъ и общеслов. и др. инд. *ŗ*; но черезъ два года онъ говорилъ уже иное (Uber d. Urspr. der Worte v. d. F. *trst*).

[2]) Archiv f. slav. Philol., V, 549—550.

[3]) «О слоговом *р* и *л* у Славян», Рус. Фил. В. 1882 г., № 4, 182—183, 195. Сравн. также «Лекціи по истор. грам. рус. яз.», М. 1892 г., стр. 54—55.

наго», обозначаемаго выраженіемъ «звуковая окраска» плавныхъ l—r, во вторыхъ, что паденіе вокализаціи хотя бы и до r̥ (слогообразующихъ плавныхъ) въ общесловянскомъ яз. во всякомъ случаѣ сопровождалось извѣстнымъ различіемъ въ «звуковой окраскѣ», которое состояло въ томъ, что въ однихъ словахъ слогообразующая сила («Sonanz») сосредоточивалась на передней, въ другихъ на задней половинѣ плавнаго; необходимость этого различенія основывается на томъ, что нѣкоторые словянскіе языки и теперь хорошо знаютъ этимологическое мѣсто гласнаго при плавныхъ; оставалось пойти нѣсколько дальше, т. е. признать это r̥ съ различеніемъ «звуковой окраски» уже для индоевроп. праязыка, и тогда бы не было причины отдѣлять этимологически др. индійск. r̥ отъ старослов. *ръ*, *рѣ* и т. п., и формула проф. Фортунатова была бы почти готова. Вѣрное этимологическое чутье руководило Миклошичемъ, когда онъ въ 1875 г. развилъ свою сонантическую теорію; но увлекшись въ одну крайность до полнаго пренебреженія фактами сѣверныхъ словянскихъ нарѣчій вмѣстѣ съ литовскимъ яз., онъ вмѣсто небольшихъ, хотя и существенныхъ, поправокъ къ своей теоріи черезъ два года ударился въ другую, едва ли не бо́льшую, крайность, которую, не смотря на возраженія рецензентовъ, продолжалъ отстаивать до конца, и—что̀ особенно удивительно, — этотъ крутой переворотъ въ его взглядѣ совершился какъ разъ въ то время, когда въ сравнительной грамматикѣ индоевроп. языковъ назрѣла мысль объ общеиндоевропейскихъ слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ, главными проповѣдниками которой явились Бругманнъ [1]) и Де-Соссюръ [2]).

Съ тѣхъ поръ именно, въ особенности благодаря капитальнымъ трудамъ Бругмана [3]), сонантическая теорія въ продолженіе 20 лѣтъ до настоящаго времени властвуетъ надъ умами большинства лингвистовъ.

Послѣ Ягича и другіе словянскіе ученые стараются примирить её съ фактами русскаго и другихъ сѣверныхъ словянскихъ языковъ, при чемъ

---

[1]) Bechtel, Die Hauptprobleme der indog. Lautlehre...., 37, 125.

[2]) Преимущественно подъ вліяніемъ извѣстнаго труда этого ученаго «Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes» написано изслѣдованіе о старословянскомъ вокализмѣ Крушевскаго, къ сожалѣнію, столь рано скончавшагося, подъ заглавіемъ «Къ вопросу о гунѣ» (Р. Ф. В. 1881 г., т. V); недостатокъ этого сочиненія, мнѣ кажется, въ томъ, что авторъ пренебрегъ конкретнымъ разнообразіемъ формъ старослов. памятниковъ.

[3]) Разумѣю 1-ое и 2-ое изданіе I-го тома «Grundriss der vergleich. Grammatik der indogerm. Sprachen» (1886 и 1898 г.); сравн рецензіи Ягича на 1-ое въ X-омъ т. «Archiv»'а с. 189, на 2-ое въ XX-омъ т. «Archiv»'а, с. 372.

проф. Р. Ѳ. Брандтъ и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ[1]) особенное вниманіе обратили на различеніе не порядка звуковъ, а твердости или мягкости; только Брандтъ свой «мягкій слоговикъ» считалъ спеціально словянскимъ образованіемъ, плодомъ вторичнаго сокращенія основныхъ *er*, *el*, хотя достаточно бы было, кажется, указанія литовскихъ параллелей, чтобы заставить отказаться отъ такого взгляда. Эти попытки, однако, не отличаются ясностью и опредѣленностью.

Болѣе сильный противовѣсъ сонантической теоріи представляла теорія ослабленныхъ или «ирраціональныхъ» гласныхъ; кромѣ І. Шмидта, приверженцами ея являются Бехтель[2]), Фортунатовъ и Ягичъ, который никогда, кажется, не былъ рѣшительнымъ сонантистомъ[3]), а въ послѣднихъ своихъ статьяхъ все больше и больше склонялся въ пользу признанія ирраціональныхъ гласныхъ (см. въ особенности рецензіи на словянскую часть сравнит. грамматики Бругманна и III-ю главу статьи «Нѣкоторые спорные вопросы», въ которой Ягичъ присоединился вполнѣ къ формулѣ Фортунатова, признавъ за нимъ первенство). Формула Фортунатова отличается именно тѣми преимуществами, что соединяетъ въ себѣ лучшія стороны какъ сонантической, такъ и антисонантической теоріи, т. е. заключаетъ въ себѣ именно положительныя стороны обѣихъ, отбрасывая отрицательныя;

---

[1]) См. напр. «Изъ лекцій по латинской фонетикѣ» (Воронежъ, 1893 г.), стр. 318: д. ц. сл. врьхж сл. *vr$_{ci}$x—ą, сл. *vl$_{o}$na д. ц. сл. влъна....., с. 360; сл. *vr$_{ci}$s-ta, д. ц. сл. врьста.....; сравн. также «Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ» (Ж. М. Н. Пр. 1897 г., май, с. 101, 104, 107—108). Соотвѣтственно r$_{ci}$ и r$_{o}$..... проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ у Р. Ѳ. Брандта находимъ ᵇр, ᵇр, ᵇл, ᵇл или ŕ$_{o}$, r$_{o}$..... (см. въ указ. сочин.). Тѣ же r$_{o}$ и ŕ$_{o}$ у Флоринскаго (Лекціи II, 423). Повидимому, признаются оттѣнки *ᵉr, *ᵒr, *ᵉl, *ᵒl у В. А. Богородицкаго (Курсъ грамматики рус. яз., Варшава, 1887 г., с. 313, 314); сравн. у Möller'a ᵉr, ᵒn, ᵉm, Bechtel, Hauptproßleme..... 133).

[2]) Die Hauptproßleme..... Сар. III.

[3]) Въ статьѣ «Ueber einige Erscheinungen des slav. Vocalismus», признавая слогообразующія r—l въ старослов. яз. въ извѣстныхъ звуковыхъ группахъ, онъ однако на основаніи правописанія старослов. памятниковъ (гл. образ. Зограф. Ев.), соблюдающихъ и въ этихъ группахъ разницу между ъ и ь, приходитъ къ заключенію, что здѣсь различались болѣе твердое (болѣе широкое) и болѣе мягкое (болѣе узкое) дрожанія вокализированныхъ r—l (стр. 381), и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ заслуги Потебни и І. Шмидта въ указаніи на то, что русскій яз. никогда не доходилъ до столь тѣснаго сліянія глухого съ плавнымъ, чтобы не различать какъ качества, такъ и мѣста сопровождающаго плавный гласнаго (385), и что теоретически старословянскія формы представляютъ болѣе позднюю фазу развитія сравнительно съ той, которая легла въ основаніе русскихъ формъ. Изъ предположенія же «минимальнаго гласнаго» при слогов. плавн. въ общеслов. праязыкѣ можно заключать, что еще въ 1881 г. Ягичъ, хотя и нерѣшительно, высказалъ почти то, что̀ болѣе рѣшительно въ 1897 г.

её слѣдуетъ назвать сонантической, такъ какъ она не отрицаетъ праязычныхъ и общесловянскихъ сонантовъ *р* и *л*, и въ то же время ирраціонально — вокальной, такъ какъ не отрицаетъ сохраненія при слогообразующихъ *р* и *л* ирраціональныхъ *неслоговыхъ* гласныхъ, т. е. не допускаетъ паденія коренного неударяемаго гласнаго въ извѣстныхъ формахъ до нуля еще въ праязыкѣ. Признаваемый Фортунатовымъ *неслоговой* ирраціональный гласный при слоговомъ плавномъ и есть тотъ «минимальный гласный» или та «звуковая окраска» въ передней или задней части слогового плавнаго, о которыхъ говорилъ Ягичъ въ 1881 г., почему-то не рѣшаясь изъ своего замѣчательнаго соображенія сдѣлать дальнѣйшій выводъ, тѣмъ болѣе естественный, что самъ онъ два года назадъ обратилъ вниманіе на взаимное соотвѣтствіе литовской и словянской передачи «слабыхъ» гласныхъ. Важность и необходимость формулъ *tъr̥t и *tr̥ъt ясна до очевидности. Съ одной стороны всякому слависту должно быть ясно, что сонантическая теорія въ томъ видѣ, какъ она проповѣдуется Бругманномъ, или какъ нѣкогда излагалась Миклошичемъ, не можетъ объяснить явленій сѣверныхъ словянскихъ нарѣчій. Съ другой стороны, и формулы *tъrt и *tьrt, въ которыхъ предполагаются носителями слога ъ и ь, также не могутъ объяснить всей совокупности явленій отдѣльныхъ словянскихъ языковъ: во первыхъ, относительно старословянскаго яз. замѣтимъ, что, если бы ъ и ь здѣсь были слоговыми въ общеслов. яз., то при перестановкѣ съ удлиненіемъ по аналогіи trat и trêt изъ *tort и *tert мы бы ожидали и здѣсь измѣненія ъ въ *ы* и ь въ *і*, на что̀ обратилъ вниманіе еще покойный Облакъ, тонкое грамматическое чутье котораго вѣрно подсказало ему, что здѣсь ъ и ь должны быть нетожественны съ рефлексами индоевропейскихъ й и ĭ[1]); во вторыхъ

[1]) Einige Capitel aus der bulgar. Grammatik, Archiv f. slav. Phil. XVII, 440—441; здѣсь Облакъ высказалъ также свое мнѣніе о произношеніи старосл. *ръ, лъ* изъ общеслов. *гр, гр*.....: по его мнѣнію, оно было въ IX в. подобно нынѣшнему сушскому (въ юго-восточной Македоніи) и равнялось приблизительно $r^{ъ}$, $l^{ъ}$ ....., при чемъ гласный элементъ нетожественъ съ обычнымъ болгарскимъ «полугласнымъ» (глухимъ), а представляетъ «болѣе короткій бѣглый звукъ, неполный ъ». Любопытно, однако, что то *ъі*, котораго ожидалъ бы при перестановнѣ изъ ъ Облакъ, до нѣкоторой степени существуетъ, кажется, въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ болгарскихъ говорахъ (жеравенск. и частію шуменскихъ): М. С. Дриновъ отмѣтилъ *брѣзам*—brûzam, длъго—dlûgo..... съ тѣмъ «сильно глухимъ» звукомъ, который, по его описанію, звучитъ у́же («enger»), чѣмъ въ другихъ случаяхъ и другихъ восточныхъ говорахъ, и уподобляется русскому *ы* («Beiträge z. Kunde d neubulg. Spr.», Archiv ..... V, 371—372); тѣмъ не менѣе, едва ли возможно возводить это новоболг. *ы* къ общеслов. звуку ъі, такъ такъ мы ожидали бы тогда и здѣсь обычный рефлексъ его *і* (*brîzam, *dlîgo) скорѣе, чѣмъ болѣе рѣдкое ъ или *ы*, сохраняющееся въ отдѣльныхъ сло-

было бы непонятно при предположеніи основного *tьrt и т. п., почему въ большинствѣ говоровъ сербо-хорватскихъ, словѣнскихъ, словацкихъ и чешско-моравскихъ не являлось здѣсь обычной въ нихъ въ другихъ случаяхъ замѣны *слоговыхъ* глухихъ даже подъ удареніемъ, и почему *tьrt измѣнилось въ tr̥t во всѣхъ сочетаніяхъ, кромѣ случаевъ, когда начальный согласный есть небно-зубной спирантъ (š, ž) или дифтонгъ, заключающій въ себѣ этотъ небнозубной спирантъ (č), послѣ которыхъ чешскій яз. развиваетъ передъ *r* полный гласный; въ третьихъ, чешскія формы mluviti, chlum, člun, žlutý, dlouhý, польск. długi, н. луж. dłujki, начало которыхъ древнѣе начала письменности на этихъ языкахъ (сравн. Gebauer, Hist. mluvn. I, § 229), объяснимы лишь дѣйствіемъ открытаго лабіализованнаго *l* на подвергшійся перестановкѣ *неслоговой* ирраціональный гласный, при чемъ въ чешскомъ, можетъ быть, вслѣдствіе болѣе упорнаго сохраненія общеслов. слогообразующихъ плавныхъ, это дѣйствіе распространилось не только на случаи съ начальнымъ твердымъ зубнымъ, какъ въ польскомъ и н. лужицкомъ, но и на случаи съ начальными č, ž, губными и гортанными передъ слѣдующими также губными, гортанными, а частію и другими согласными: эти формы, мнѣ кажется, дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе не только въ прачешскомъ, но и въ прапольскомъ формулъ *tl̥̂t, *tl̥̂t[1]);

вахъ, какъ tr̥, nə́j, və́j, см. въ отчетѣ Милетича, входящемъ въ составъ «Berichte der Balkan-Commission. I. Über Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel ..... zusammengestellt v..... D-r V. Jagić», стр. 3

[1]) Сравн. «Лекціи по фонетикѣ старослав языка» Ф. Ѳ Фортунатова, с 143—149, гдѣ онъ различаетъ общесловянскія сочетанія ь̥l, ъ̥l, ъ̂l, ъ̥̂l, и гдѣ удачно сопоставлены написанія длъгъ (съ производн.) съ ъ въ знач. «долгъ» и «долгій» въ Зограф и Саввин кн., глагольн. основа тлък- въ Сав и Зогр. Ев. и нѣкоторыя другія съ польск. dług, długi, tłukę, ч. dluh, dlouhý, tluku, н. луж dług, tłukaś и т. д. Что первонач. «*твердое*» ł въ чешскомъ измѣнилось въ lu (lou), а «мягкое» (точнѣе среднее) l сохраняло слогообразующую силу, высказано также Пастернкомъ (Pastrnek Fr., Beitrage zur Lautlehre der slovak. Sprache, Wien, 1888, отд. отт. изъ CXV т., I, Sitzungsberichte phil.-hist. Cl. d kais. Akad. d Wissenschaft., с. 91=291) и подтверждается фактами нѣкоторыхъ восточноморавскихъ говоровъ, напр. въ злинскомъ гов. vlk, vl̓ček, pl̓nit, при dlžen, dl̓hý, sl̓p, stl̓kat, tlstý, chlm, žlč, žlutý, но klzat (чешск. klouzati), см. Bartoš, Dialektologie moravská, I d., 6, 8, Pastrnek, Lautlehre. . . slov. Spr. 90. Совершенно неосновательными представляются мнѣ мнѣнія тѣхъ, которые видѣли причину образованія этихъ западнослов. формъ или въ положеніи l̥ передъ ударяемымъ слогомъ (Р. Ѳ Брандтъ, Р Ф. В 1882, № 4, стр. 185—188, позднѣе А. И Соболевскій, Ж. М. Н. Пр. 1895 г., май, 87—89), или въ долготѣ (V. Oblak, Zum silbenbildend. *l* im Slavisch., Archiv f. sl. Phil, XVI B., 207): противъ обоихъ предположеній, кромѣ исключеній, говоритъ ограниченіе формъ -łu- въ польск и н. лужицк. сочетаніями съ начальными тверд. зубными, а противъ второго и чередованіе чешск. lu съ lou, указывающее на чередованіе краткости и долготы въ самомъ lu. Любопытно, что u является иногда и позади r (діалект. чешск. te-

въ 4-ыхъ и старопольскія формы съ *ir*, откуда новопольск. *ier*, на которыя давно уже обращали вниманіе Бодуэнъ-де-Куртенэ [1]), Ягичъ [2]), Брикнеръ [3]), Брандтъ [4]) и друг., каковы pirzwenczem, wirzch и др. т. п. (Псалт. Флор.), свидѣтельствуютъ, весьма вѣроятно, о неслоговомъ ъ передъ *r* въ прапольскомъ, такъ какъ слогов. ъ замѣнилось бы прямо черезъ *e*, при чемъ я думаю, что неслоговое ъ въ этихъ случаяхъ въ періодъ старопольской письменности было уже слоговымъ неяснымъ *i*, вслѣдствіе чего не пропускалось на письмѣ, а выражалось черезъ *i*, въ послѣдующую же эпоху измѣнилось въ *ie* передъ *r*, вѣроятно, по той же причинѣ, по какой и полное *i* во многихъ другихъ случаяхъ (достигало ли *i* въ старопольск. wirzch полной гласности *i*, какъ въ новопол. wilk или кашубск. viřba и т. п., остается подъ сомнѣніемъ); наконецъ, и преобладаніе написаній съ ъ и ь въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ даже въ тѣхъ памятникахъ древне-русской письменности, которые уже охотно употребляютъ *о* и *е* въ «слоговыхъ» положеніяхъ, указываетъ на то, что здѣсь ъ и ь дольше удерживали ирраціональный характеръ, позднѣе старыхъ слоговыхъ ъ и ь обратились въ полные звуки *о* и *е*, а слѣдовательно раздѣляли судьбу старыхъ неслоговыхъ [5]) ъ и ь, удерживавшихся въ качествѣ полугласныхъ при трудно произносимыхъ группахъ согласныхъ и въ болѣе позднюю эпоху обратившихся также въ слоговые ъ, ь и затѣмъ *о* и *е* (сравн. выше въ 1-ой главѣ, стр. 105, *посадничьство* и т. п.).

Для вопроса, который составляетъ главную часть нашей задачи въ настоящей главѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь небольшую часть общаго вопроса о судьбѣ указанныхъ сочетаній въ словянскихъ нарѣчіяхъ, а именно для

---

pruv, Gebauer, H. ml. I, § 229, польск. mruknąć, mrugać Бартошев) передъ слѣдующ. губн. или гортан. (заднеязычн.), что подтверждаетъ мнѣніе Шахматова объ участіи въ образованіи и лабіализма (Отчетъ о прем. Котляр. 1898 г., с. 59).

[1]) О древнепольскомъ яз. до XIV столѣтія, § 77.

[2]) Ueber einige Erscheinungen d. slav. Vocalismus, Archiv.... I, 350 (Ягичъ считалъ *i* здѣсь выраженіемъ звука краткаго *i*, близко соотвѣтствующаго старословянскому ь).

[3]) Zur Geschichte der Lautgruppen I. tьrt, 2. tьlt u. telt, Archiv... XII (1889), 290—296.

[4]) Русск. Филол Вѣстн. 1882 г., № 4, стр. 191.

[5]) Болѣе удачными, пожалуй, можно назвать термины «сильно-ирраціональные» и «слабо-ирраціональные» звуки, употребляемые В. Н. Щепкинымъ («Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги», Извѣстія Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III, кн. 4, с. 1185—1187) вмѣсто терминовъ Шахматова «неслоговые» и «слоговые», такъ какъ самая мѣра слога неизвѣстна или по крайней мѣрѣ трудно опредѣлима, а термины Щепкина, которые мнѣ напомнили термины «сильно-глухой» и «слабо-глухой» М. С. Дринова («Beiträge zur Kunde der neubulgar. Sprache», Archiv f. slav. Phil. V, 370—372), не предрѣшаютъ, составляютъ ли ъ и ь полные слоги, или только часть слога.

вопроса о судьбѣ ихъ въ русскомъ яз. и въ особенности въ нѣкоторыхъ сѣверноруссскихъ говорахъ, достаточно установить во первыхъ, что унаслѣдованные отъ литовско-словянской эпохи ирраціональные звуки въ этихъ сочетаніяхъ, имѣвшіе въ общесловянскую эпоху характеръ столь сильно оглушенныхъ звуковъ, что теряли способность быть носителями слога, главная часть котораго падала на сопровождавшіе ихъ плавные, въ общерусскую эпоху становились менѣе глухими и принимали на себя слоговую функцію, во вторыхъ, что унаслѣдованная изъ общесловянской эпохи разница между *ъ* и *ъ* въ общемъ сохранялась строго и въ русскомъ яз. только передъ плавнымъ *р*, въ третьихъ, что передъ плавнымъ *л* всякое общеслов. *ъ* перешло въ *ъ* въ общерусскую эпоху въ положеніи послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ смягченныхъ зубныхъ (шипящихъ), послѣ которыхъ еще сохранялось *ъ*, хотя и лабіализованное, т. е. измѣненное, какъ и вообще послѣ смягченныхъ согласныхъ, если не препятствовала мягкость слѣдующаго слога, вѣроятно, еще въ общесловянскую эпоху, по направленію къ *ъ*, т. е. въ качествѣ ирраціональн. *ŭ*, смягчающаго предшествующій согласный [1]), вмѣсто ирраціон. *ĭ*; это ирраціон. *ŭ* переходило въ послѣдующую эпоху развитія языка (уже въ историч. время) черезъ посредство *ŏ* частію въ *е* (какъ и ирраціон. *ĭ*), частію въ *о* въ зависимости отъ различія фонетическихъ условій и отъ различія говоровъ.

Кромѣ этихъ общерусскихъ условій измѣненія указанныхъ сочетаній, отдѣльные говоры представляютъ извѣстныя особенности, на которыя обратилъ вниманіе еще Ал. Аѳ. Потебня, давъ имъ характерное названіе второго полногласія [2]). Между прочимъ нашъ памятникъ представляетъ для исторіи этого явленія богатый матеріалъ. Начало этого явленія, заключающагося въ развитіи второго гласнаго послѣ плавнаго, нѣкоторые ученые, какъ І. Шмидтъ, хотѣли видѣть въ общесловянской древности, указывая на нѣкоторыя особенности правописанія старослов. памятниковъ, но И. В. Ягичъ въ извѣстной рецензіи на словянскую часть сочиненія І. Шмидта указалъ неудачность приводимыхъ имъ примѣровъ и неосновательность его выводовъ; мало того, статистически разобравъ количество говорящихъ въ пользу теоріи І. Шмидта примѣровъ рядомъ съ противополож-

---

[1]) Сравн. у А. А. Шахматова, Къ исторіи звуковъ рус. яз. I, стр. 14—15 (Отд. отт. изъ «Извѣстій», т. I, кн. 4).

[2]) Къ исторіи звуковъ рус. яз. 1876 г., стр. 90.

ными имъ, Ягичъ пришелъ къ заключенію[1]), что и въ древне-русскихъ памятникахъ ц. словянскаго яз. XI-го в., каковы Остромирово Еванг., Слова Григорія Наз., Изборники 1073 и 1076 г., Минеи 1095—1097 г. и Чудовская псалтырь, написанія съ двумя ъ или ъ передъ и послѣ плавнаго очень немногочислены сравнительно съ написаніями старословянскими (съ ъ или ъ послѣ плавныхъ) или общерусскими (съ ъ или ъ передъ плавн.) и объясняются не діалектической русской чертой, каковую склоненъ былъ видѣть Потебня, а пріемами писца, старавшагося примирить старослов. правописаніе съ русскимъ порядкомъ звуковъ. Какъ бы мы ни объясняли, однако, написанія русскихъ памятниковъ XI-го в., мы не можемъ отрицать, что въ памятникахъ XIII—XIV в. дѣйствительно отражается извѣстное діалектическое явленіе, о которомъ говорилъ Потебня, и въ существованіи котораго я не могу сомнѣваться въ виду извѣстныхъ формъ современныхъ сѣверо-западныхъ великорусскихъ говоровъ, каковы *верéх*[2]), *смерётушка*[3]), *стóлоб* и *столóб*[4]), при чемъ отрицаніе этого явленія, высказанное А. А. Шахматовымъ[5]), мнѣ не кажется вполнѣ обоснованнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не вездѣ формы второго полногласія явились фонетически, что во многихъ случаяхъ онѣ обязаны своимъ существованіемъ другимъ родственнымъ формамъ, и что послѣднія имѣютъ аналогію въ случаяхъ, не относящихся къ разряду разбираемыхъ сочетаній, а именно въ приводимыхъ Шахматовымъ добор, веперь, мысель (сравн. сербск. дȍбар, мȉсао В. С. К., болгарск. мисъль Дюверн.); тѣмъ не менѣе, какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ появленіе новыхъ гласныхъ передъ *р*, *л*, такъ и въ разбираемыхъ нами появленіе второго гласнаго послѣ *р*, *л* вызвано извѣстнымъ фонетическимъ стремленіемъ, и важность этого стремленія заключается въ его не общемъ, а діалектическомъ характерѣ, вслѣдствіе чего оно можетъ служить вмѣстѣ съ другими чертами для характеристики особенностей извѣстныхъ говоровъ. Изъ того, что явленіе имѣетъ аналогіи въ другихъ явленіяхъ, не слѣдуетъ, что мы должны отрицать его

---

[1]) Archiv f. slav Phil. I, 366—376.

[2]) Олонецк. у. (сообщ. П. Романовскаго въ Матеріалахъ для изуч. великор. говор. IV, № 29, Извѣстія II Отд., т. II, 236), Новгор. г. Боровичск. у. (Мат. III, 77, № 28), Псков. г. Новорж. у. (Мат. V, с. 191, № 39), Арханг. (Потебня, Къ ист. зв., 93).

[3]) Новгор., Псковск., Тверск. (Потебня, ibid. 93).

[4]) Олонецк. у. и г. (Мат. IV, № 29, Извѣст. т. II, с. 236), Боровичск. Новг. г. (ib. III, 77, № 28), Псковск. (Потебня, ib. 92).

[5]) О языкѣ новгородск грамотъ, § 26, с 183—184.

особенность сравнительно съ ними; но важно то, что и въ приведенныхъ аналогичныхъ случаяхъ играютъ роль звуки *р* и *л*, длительный характеръ которыхъ сказывался во всѣхъ говорахъ и нарѣчіяхъ, хотя и не въ одинаковой степени. Замѣчу еще, что приводимыя Шахматовымъ, кромѣ выше упомянутыхъ, малорусск. Ф. *мозо́къ*[1]) (вм. *мозъ*) и великорусск. Ф. род. мн. *досо́къ*, мнѣ кажется, сюда совершенно не идутъ и объясняются вліяніемъ суффикса *-ъкъ-* (сравн. сербск. мо̏*зак* В. С. К., болг. мо́*зъкъ* Дюв., сербск. род. множ. даса́кā В. С. К.).

Отъ діалектическихъ случаевъ «второго полногласія» слѣдуетъ отличать, какъ это и сдѣлалъ уже Потебня, такіе общерусскіе, какъ *по́лон*, *до́лог*, малорус. *по́вен* (сравн. *поленъ* у Сковороды, Харьк. изд. 1894 г., стр. 226), *чо́вен*, польск. reɬen, но и они требуютъ объясненія, которое и было предложено проф. Фортунатовымъ[2]): онъ удачно обратилъ вниманіе на то, что эти обычныя въ русскомъ языкѣ формы являются въ тѣхъ словахъ, которыя имѣютъ въ сербскомъ языкѣ рѣзкое удареніе на соотвѣтствующемъ русскому *ол* звукѣ *у*, а сербское рѣзкое краткое удареніе въ плавныхъ сочетаніяхъ обыкновенно соотвѣтствуетъ чешской долготѣ[3]) (если плавные сочетаются съ этимологически предшествующими имъ полными гласными, которые мѣняютъ въ чешскомъ и сербскомъ свой общесловянскій порядокъ, т. е. являются послѣ плавныхъ, или если позади общеслов. слогообразующаго l̥ развивается въ чешскомъ гласный зв. u) и въ тѣхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ передъ плавными былъ въ общеслов. языкѣ полный гласный, имѣетъ соотвѣтствіе въ русскомъ удареніи на второмъ, развившемся въ общерусскомъ языкѣ, гласномъ; такимъ образомъ: общеслов. *sol̥ma, *vor̥na = сербск. сла̏ма, вра̏на = чешск. sláma, vrána = рус. *соло́ма*, *ворона*, между тѣмъ какъ общеслов. *dъl̥gъ «longus» = серб. дȕг = чешск. dlouh(ý) = рус. *до́лог*, *до́лгій*, общеслов. *pьl̥nъ = серб. пȕн = рус. *по́лон*, *по́лный* (чешск. plný нехарактеристично потому, что слогообразующіе плавные въ чешскомъ всегда кратки, но можно указать съ долгимъ l̥ юговосточно-моравское pl̥nit̥ въ злинскомъ говорѣ, гдѣ также

---

[1]) Бѣлорус. *мо́зокъ* (Носовичъ), т. е., вѣроятно, *мо́зăк* или *мо́зъ̆к* и т. п.

[2]) Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslav. Sprache, Archiv f. slav. Phil. IV, 585.

[3]) Странно, что это обстоятельство упущено изъ вида во II ч. «Лекцій по слав. языкознанію» Т. Флоринскаго, вслѣдствіе чего и приписанъ сербскому яз. рядъ невѣрныхъ по ударенію формъ (стр. 79).

dl'hý и sl'p [1]) съ долгими ł соотвѣтственно новочешскимъ дифтонгическимъ сочетаніямъ въ dlouhý и sloup, при чемъ долгое слогообраз. *l* находимъ и въ гемерскомъ говорѣ словацкаго нарѣчія: dl'hja ruka) [2]), т. е. въ *so͡l̀ma и т. п. долгое слогообраз. l передало свое ударѐніе развившемуся послѣ него гласному, въ *dъ͡l̀gъ же, гдѣ полногласія въ ту же эпоху не развилось [3]), предшествующій плавному ирраціональный гласный принималъ на себя ударѐніе и слогообразующую силу плавнаго, который, однако, и послѣ потери ударѐнія могъ удерживать извѣстную степень долготы, а послѣдняя и давала поводъ появленію гласнаго позади *l*. Особенно важно съ *до́лог* «longus» сравнить *долгъ* «debitum», гдѣ съ старословянской точки зрѣнія незамѣтно никакой этимологической разницы, которая могла бы вызвать различіе звуковыхъ формъ, но гдѣ эта разница становится ясной съ точки зрѣнія общесловянской, а именно соотвѣтственно второму мы имѣемъ въ сербскомъ дȕг (въ словѣнск. dôłg при Ф. род. ед. dołgâ, Плет.), въ чешскомъ же dluh, т. е. долгота въ сербскомъ и краткость въ чешскомъ. Въ той же статьѣ Фортунатовымъ сдѣланъ выводъ о соотвѣтствіи сербской долготы съ нисходящимъ ударѐніемъ литовскому долгому восходящему (Куршатовскому ~) ударѐнію, а въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ рефлексамъ сочетаній съ краткимъ индоевроп. плавнымъ и наоборотъ чешской долготы литовскому нисходящему ударѐнію (Куршатовск. знаки ˊ на долгихъ и ˋ на краткихъ слогахъ) [4]), а въ другихъ индоевроп. языкахъ рефлексамъ сочe-

[1]) Bartoš, Dialektologie moravská, d. I, 6, Fr. Pastrnek, Beitrage zur Lautlehre der slov. Sprache, 90. Однако слѣдуетъ замѣтить, что моравская и словацкая долготы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, новаго происхожденія, отступаютъ отъ чешской и согласуются какъ будто съ сербской: злинск. vl'ček ibid. при vlk (серб. вȕк), можетъ быть, вызвано прибавкой суф. -ьк-; сравн. впрочемъ средне-словацк. sl'nce (Šembera, Zákl. 71), юговосточноморавск. sl'nečko и при тѣхъ же условіяхъ чешск. slunce, slunečko, сербск. сȕнце, сȕнашце (Р. Брандтъ, Начерг. слав. акцентологіи, 306).

[2]) Pastrnek, ibid. 91 (Šembera, Základové dialektologie československé, 77).

[3]) Что полногласія въ его настоящемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ развитія позади плавнаго второго гласнаго, *вполнѣ равнаго* по количеству ирраціон. гласному, предшествовавшему искони плавному, въ общерусскую эпоху здѣсь быть не могло, очевидно изъ того, что ударѐніе падаетъ всетаки на предшествующій гласный, хотя по аналогіи *мо͡рзъ = *моро́з*=чешск. mráz=серб мра̏з мы бы ожидали *доло́г, *поло́н, если бы ъ позади л былъ уже въ эпоху выдѣленія общерусскаго языка такимъ же по количеству, какъ и предшествующій звуку *л*; такимъ образомъ, считать формы *дългъ и т. п. прарусскими нельзя, но возможно, что въ общерусскомъ языкѣ было уже *дъ͡лъгъ...

[4]) Выраженія «восходящее» и «нисходящее» ударѐнія въ литовскомъ или по Куршату «geschliffen» и «gestossen» нужно понимать условно, такъ какъ они не вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру самыхъ ударѐній; по мнѣнію Авг Лескина (Untersuchungen üb. Quantität u. Betonung i. d. slav. Sprachen, B. III, Abhandlungen der phil.-hist. Cl. Kon. Sachs. Ge-

таній съ долгимъ индоевроп. плавнымъ, а въ послѣдующихъ статьяхъ и лекціяхъ развилъ теорію двоякаго вида литовско-словянской долготы, изъ которыхъ одинъ—*длительный*, унаслѣдованный отъ индоевроп. праязыка, удерживался въ плавныхъ сочетаніяхъ въ чешскомъ языкѣ, другой—*прерывистый*, развившійся въ словяно-литовскую эпоху, потерянъ чешскимъ и сохраненъ сербскимъ яз. Такимъ образомъ, в.русскія *по́лон*, *до́лог*, малорус. *по́вен* [1]), польск. pełen могутъ объясняться тѣмъ, что въ этихъ языкахъ нѣкогда дольше удерживался именно старый видъ долготы. Что̀ касается малорусск. *чо́вен*, то оно не подходитъ подъ это объясненіе, такъ какъ мы имѣемъ въ чешскомъ člun, а въ сербск. чу̑н, и должно быть приписано другимъ причинамъ, напр., можетъ быть, трудности произношенія согласнаго сочетанія ln или wn послѣ исчезновенія конечнаго ъ, требовавшаго гласной поддержки или позади или внутри, чѣмъ объясняется, можетъ быть, и переходъ этого слова въ основу средн. р. на *о* въ польскомъ: czółno при czoln и уменьшит. czołenek, czołenko (словарь Бартошевича). Можетъ быть, такое же объясненіе придется примѣнить и къ великорусскому *по́солонь* [2]) (сравн. чешск. sluň, na sluni *Šum. R.*); однако необходимо замѣтить, что сербское су̑нце вслѣдствіе прибавки суффикса *-ьце* [3]) можетъ быть прямо сравниваемо лишь съ русскимъ *со́(л)нце*, ст. сл. *слъньце* и чешск. slunce, а чешск. sluň, вполнѣ совпадающее по формѣ съ русск.—*солонь* и указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ краткимъ и на старую краткость, все таки не можетъ окончательно, какъ мнѣ кажется, рѣшить

---

sellsch. d. Wissensch., B XIII, Leipzig, 1893, c. 552—556) оба литовскихъ ударенія принадлежатъ къ разряду «падающихъ» съ небольшимъ различіемъ (при «восходящемъ» послѣ паденія является во второй части слога опять легкое повышеніе, см. ibid. 553)

[1]) Впрочемъ, относительно малорус. *по́вен* слѣдуетъ сказать, что въ немъ развитіе *е* вѣроятно, не имѣетъ ничего общаго съ той старой причиной, которую возможно допустить для развитія второго *о* въ *до́лог*: какъ справедливо указалъ еще Потебня (Къ истор. звук. I, 91), самое *в* малорусскихъ *по́вен*, *чо́вен* свидѣтельствуетъ о позднемъ происхожденіи *е*, «такъ какъ, если бы въ основной ихъ формѣ гласная стояла послѣ *л* (въ родѣ *плънъ*), то *л* неизмѣнилось бы въ *в*», а такъ какъ трудно отдѣлить по образованію отъ малорус. *по́вен* великор. *по́лон* и польск. pełen, то, вѣроятно, и ихъ слѣдуетъ объяснять также; слѣдов. остается одно *до́лог*, для объясненія котораго, однако, также возможно удержаться въ предѣлахъ историческаго періода великорусскихъ говоровъ, а именно, предположить вліяніе суф. *-гк-* (сравн. н. луж. dłujki изъ *dług-ki, ср. Брандтъ, Р Ф. В. 1882, с. 182)

[2]) Соболевскій, Лекціи по истор. рус. языка, Кіевъ, 1888, с. 28; Потебня, Къ ист. звук. I, 92.

[3]) По закону (2) Авг. Лескина здѣсь и въ положеніи передъ n+cons., находясь подъ удареніемъ, во всякомъ случаѣ должно было удлиниться (Unters. üb Quant. u. Beton. 1885, X т. «Abhandlungen» саксонской академіи наукъ филос.-истор. отдѣл, с. 8=76).

вопросъ, такъ какъ возможно вліяніе болѣе обыкновенной формы slunce на болѣе рѣдкую sluń; на формы же родственныхъ языковъ др. инд. (санскр.) sū́ra-, sū́rya-[1]) и литов. sáulė, свидѣтельствующихъ о старой долготѣ, конечно, ссылаться нельзя, такъ какъ онѣ имѣютъ лишь отдаленное этимологическое сродство съ нашими словянскими словами (существенная разница въ томъ, что онѣ представляютъ образованія отъ корня, оканчивающагося плавнымъ, между тѣмъ какъ словянскія производятся отъ корня, оканчивающагося сочетаніемъ «плавный + носовой»), и нисходящее удареніе литовскаго дифтонга au можетъ свидѣтельствовать лишь о количествѣ u, чередующагося съ нимъ въ слабой степени вокализма, а не о количествѣ плавнаго, который нигдѣ въ этомъ корнѣ не можетъ стать слогообразующимъ; замѣтимъ еще, что это словянское слово имѣетъ нѣкоторыя отступленія во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ: в. луж. słońco, swońco (Потебня, Къ ист. зв. I, 64), болгарск. діалектич.[2]) (Чепино, Рупчосъ и частію дебрск. говоры) *слонце*, южносербск. діалектич. (въ нѣкоторыхъ волостяхъ «Старой Сербіи») *слунце*[3]), съ которымъ справедливо сравнивали[4]) встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ формы **слюнцє** (Мирослав. Еванг. к. XII в.)[5]), **слоу҃ньцє**, **сл҃ньцє** (Вукан. Еванг.)[6]), **ѡ слоу҃нцꙗ** (перг. сборн. проф. Сречковича XIII—XIV в., л. 15 об.—16)[7]), наконецъ slonce[8]) въ зильскомъ говорѣ хорутанской

---

[1]) Bechtel, Hauptprobleme.. 289.

[2]) В. Облакъ, Приносъ къмъ българската граматика, Сборникъ отъ народни умотвор. т. 11 (1895 г.), с. 573, 576; Einige Capitel aus der bulgar. Grammatik, Archiv f. slav. Phil. XVII, 443.

[3]) Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, СПБ. 1886, с. 253, 254, 256 (въ Средской и Сириничской волостяхъ); между другими особенностями этой переходной отъ сербской къ болгарской «языковой области» (употребляю удачное выраженіе проф. Бодуэнаде-Куртенэ) слѣдуетъ отмѣтить: 1) удержаніе глухихъ звуковъ, напр. *д'на*, *д'нас*, *к'д* при *кад*, *тъѣан*=серб *тамјан* (греч. θυμίαμον), ст. сл. и др. рус. тъмьнъ (Сб. 1076 г., слов. Востокова), 2) *е* вм. *ъ* въ предлогѣ *сес* (**сѣсъ*); наклонность къ глухому произношенію рефлексовъ *ъ* и *ь* замѣчается *въ положеніи безъ ударенія* и въ говорахъ юговосточной половины сербскаго королевства (К. Мисирковъ, «Значението на моравското или ресавското наречие за съвременната и историческата етнография на Балк. полуостр.», Български прегледъ, год. V, кн. I, 1898, 123).

[4]) V Oblak, Zum silbenbild. *l* im Slavischen, Archiv f. slav. Phil, XVI, 207—208.

[5]) С. М. Кульбакинъ, Замѣтки о языкѣ и правописаніи Волканова Евангелія, с. 13 (Отд. отт. изъ III т. «Извѣстій Отд р. яз. и сл. И. Ак. Н.», с. 1152); *ю* въ Мирос. Ев. графически часто вмѣсто *у* (ѹ, ꙋ, этимолог. оу и ѫ).

[6]) Ibid. с. 13=1152; Срезневск. Свѣдѣнія и замѣтки... XII, с 32.

[7]) М. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной слав. литерат., вып. I, стр. 8, 20.

[8]) В. Облакъ, Приносъ къмъ бълг. грам., 576.

группы словѣнскаго языка; очевидно, здѣсь были какія-то особыя условія. Развитіе второго *о* въ великорус. *по́солонь* мнѣ представляется необходимымъ фонетически независимо отъ этимологическихъ соображеній: по закону неударяемыхъ гласныхъ Потебни и Богородицкаго здѣсь слогъ *со*(*съ*) приходился въ положеніи слога наиболѣе слабаго (непосредственно за ударяемымъ слогомъ), вслѣдствіе чего въ ф. **по́сълнь* должно было произойти одно изъ трехъ слѣдующихъ явленій: или усилиться и пріобрѣсти вполнѣ слоговой характеръ конечное *ъ*→*ѣ*, или ослабиться весь конецъ слова упрощеніемъ группы согласныхъ, или наконецъ развиться второй гласный между *л* и *н*; изъ нихъ первое не могло произойти потому, что такимъ путемъ разбираемое слово отступило бы отъ другихъ словъ той-же синтактической категоріи, принимавшихъ окончаніе *ъ* даже вмѣсто этимологическихъ *е* и *ъ* (сравн. выше стр. 118 *прочь*, *прямь*, *по́сторонь*), второе было затруднительно по фонетическимъ причинамъ вслѣдствіе сонантическаго характера группы *лн* въ положеніи послѣ ослабленнаго слога *сѫ*(*сѫ*) [1]) и было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы въ подлежащей ослабленію группѣ одинъ согласный былъ несонорный и недлительный, слѣдовательно неизбѣжно должно было произойти третье, т. е. развитіе новаго гласнаго между *л* и *н*.

Общерусскіе случаи *вере́вка* изъ **вьр(ъ)въка* и *дере́вня* изъ **дьр(ъ)вьня* объясняются образованіемъ группы длительныхъ согласныхъ *рв* послѣ утраты слогового характера суффиксальныхъ *ъ* и *ь*, старое удареніе которыхъ передвинулось влѣво и должно было бы пасть на первое *ь*, если бы слабый зачатокъ ирраціональнаго звука между *р* и *в* не задержалъ его передвиженія на первый слогъ и не развился, благодаря этому, самъ въ слоговой гласный, тожественный съ гласнымъ перваго слога. Первое производно отъ др. рус. *вьрвь* [2]), позднѣе *вервь* [2]), ст. слов. *врьвь*, *връвь* (Miklos. Lex. pal.), съ которыми сравн. болгар. *връвъ*, *връвчи́ца*, *вре́вица*, *врьвѭ* «иду,

[1]) Для уясненія зависимости измѣненія группы *лн* отъ положенія срав. *со́нце* малорус. великорус. изъ **съ̀лньце*: здѣсь *лн* въ положеніи непосредственно послѣ ударяемаго слога было въ сонантическомъ отношеніи слабѣе, вслѣдствіе чего и упрощалось въ *н*; тоже въ малорус. *чен̓ци́* изъ **чьрньцѝ*, въ великорус. и малорус. *гонь̓чи́р*, *Гончаро́в* изъ **гърньчаръ* и т. п. въ слогахъ передъ ударе́ніемъ.

[2]) Срезневскій, Матеріалы для словаря др. русск. яз., s. v. Форма *веревка* (ibid. 243) отмѣчена уже въ памятн. 1589 г., ibid. *веревочка*. Сравн. арханг. «*веревныя* книги» (Потебня, Къ истор. звук. I, 93), «ве́ревная (... тя́глая, тя́гловая) сажень», «ве́ревная (. .дѣлева́я) книга», «ве́ревщики» («дѣли́льщики») и глаголъ *верви́ть* — «мѣрять веревкой землю» (Подвысоцкій, Слов. областн. арханг. нарѣчія, s. v.)

спѣшу, слѣдую».... (Дювернуа съ указан. ударений Лаврова), словѣнск. vȓv, vrvî, vȋvca, vrvíca — «Seil, Strick», vrvẹ́ti «wimmeln» (Плетершн.), литовск. wirwẽ «Seil, Strick» (Куршатъ), свидѣтельствующія объ исконной акцентовкѣ на суффиксѣ. Второе еще А. Аѳ. Потебня [1]) сравнивалъ съ литовск. dirwà «поле», «пашня», и я вполнѣ соглашаюсь съ этимъ сближеніемъ, хотя не вижу необходимости принимать вмѣстѣ съ Ал. Аѳ. за основную форму «ды̀рва»; нашей формѣ, производной отъ **дьрвá*, по звукамъ буквально соотвѣтствуетъ литовская Ф. прилагат. ж. р. dirwìnė «пахотная», «полевая» (Курш.).

Діалектическіе случаи «второго полногласія» существенно мало отличаются отъ разобранныхъ общихъ, и разница преимущественно въ томъ, что они не ограничиваются сочетаніями двухъ длительныхъ звуковъ, т. е. сочетаніями «плавный+носовой» или «плавный+звучный спирантъ» (напр. губн. *в*), а распространяются на сочетанія съ плавнымъ мгновенныхъ согласныхъ, и причины ихъ могутъ быть весьма различны [2]); изъ общихъ случаевъ у насъ такой только въ выше разобранномъ *до́лог*.

Но пора приступить къ систематическому обзору написаній Синод. списка Новгородской 1-ой лѣтописи.

Въ части, написанной 1-мъ поч., находимъ слѣдующіе случаи -*ъл*-: **българе** 90, **вългоу** 67, 86, **на вълзѣ** 86, **вълны** 21, **вълхов(ѥ)** 59 (Ф. мѣст. п. ед. ч.)—(о) 79, **дълго** 40, **мълвлѧше** 31. 4, 51, **мълнии** 60, 94. 12, 16, **пълк(ъ)** 71. 11, 80. 4,—(оу) 86 (2 р.),—(у) 33,—(омь) 86, 88, (сто)—(а) 1. 4—5 [3]), 2. 4, 11. 10—11 [3]), 37, 44. 1—2,—(омь) 36,—(ъ) 2. 4, 5. 7, 11, 14, 15, 38, 44, 45, 48, 50. 5 [4]), —(ѿро)—(ъ) 26, 27, 31, 39,—(а) 83, 87, 89, (м|ро)—(а) 88, (ѿро)—(омь) 80, 88,—оу 39, 83, **стопълчь** 15, **ѿропълце|мъ** 27. 2—3, **пълн(ѥ)** 46 (*е* вм. *ъ*, Ф. им. дв. ч.), (на) **пълн(ѧ)** 21. 1, 41, 52, 95, **хълм(а)** 29, —(ъ) 46, (на)—(ѣ) 48, 102,

---

[1]) К исторіи звуковъ рус. яз., IV (1883 г.), 18. *Деревня* встрѣчается уже въ грамотахъ XIV-го столѣтія (см. Срезневск. «Матеріалы» s. v), но можетъ быть, не вездѣ она имѣетъ указанное выше происхожденіе, любопытнымъ свидѣтельствомъ котораго является значеніе этого слова до сихъ поръ въ архангельскомъ нарѣчіи (Подвысоцк. s. v); малорус. *дерéвня*, какъ это доказалъ Потебня (ibid 19), должна быть поставлена въ этимологическую связь съ словомъ «дéрево», и возможно, что и въ господствующемъ великорусскомъ значеніи сохранился слѣдъ слиянія въ одномъ словѣ двухъ этимологически неродственныхъ и различныхъ по значенію, но сходныхъ по звукамъ.

[2]) Нѣкоторыя указаны Фортунатовымъ въ Archiv f. slav. Phil. IV, 585.

[3]) Переносъ послѣ *ъ*.

[4]) Конечное *ъ* исправлено на *а*.

106, 120,—всего 61 разъ; случаи *-ър-*: **бързо** 51, **въ бързѣ** 21, **кърма** (Ф. род. ед. ч.) 88, **скърбь** 63, **на търговици** 28, 32, 46, 58, 87, 90, 99, **търговъıи полъ** 29. 5, 58, **търг(ъ)** 40, 53, 67, 83, 88, 115,—(оу) 23, 49, 53, 60, 82, 87, 111, 116,—(у) 60, **ноκотържьц(и)** 67, 88, 89, 120,—(ѥ) 89, (въ)|—(е) 97, **ноκотъ|ржьцѣ** 49—50—всего 35 разъ; *-ър-*: **съвъргоша** 29. 2, 93, **въръстъ** 70, 86, **върхоу** 115, **твьрд(о)** 72,—(ь) 86,—(**ятицю**) 46, **четвьртъıи** 72, **четв̑ь** 64. 14, **дьржаше** 42, 116, **смьрд(ъ)** 104,—(**ѣхъ**) 72. 1, (оу)**мъ|рлъ** 79. 17—18 (въ концѣ строки *ъ* съ короткой горизонтальной верхней чертой вмѣсто *ь*) [1]), **мьртвъı** 106, **мьртвьцѧ** 24, **помьрче** 91, **пьрваго** 17, 70. 8, **растьрза** 45, **цьрковь** 90, 101, (ц)**ьрнець** 102, (ч)—**ствѥ** 103, **цьрн(и)гов(оу)** 56, 115,—(ъ) 14,—(ѣ) 61,—(ї)—(ѣ) 13,—(и)—(**ьцемъ**) 111, (оу) **чьрнигов(а)** 9. 14,—(ъ) 110, 114,—(ѣ) 16—35 разъ [2]); *-ълъ-*: **мълъ|кити** 28. 15—16, **пълъкъ** 8. 2, **ѡропълъ|къ** 116. 8—9, **ѡропъ|лъ**. 4. 14—15 (примѣръ этотъ сомнителенъ, такъ какъ неизвѣстно, пропущено ли только *к* послѣ *л*, или *къ* послѣ *лъ*), **истълъ|кше** 23. 13—14, **стълъпника** 104. 4—6 разъ; *-ъръ-*: **търъгъ** 107, **на търъжьκоу** 115—2 раза; *-ърь-*: **вьрьбниц(ѥ)** 116. 11,—(ю) 56. 1, 65. 6, 116. 10, **вьрьшь** 22—5 р.; *-ъръ-*: **мьръзноути** 1. 3, **мьрътва** 95—2 р.; *-рь-*: **дрьж(ѧше)** 68. 17, —(**ѧти**) 6. 13, **црь|к(овь)** 112. 7—8,—|—(ъı) 102. 13—14—4 р.; *-ол-*: **по волзѣ** 50, **волхов(о)** 28, 45, 46, 96, **въ**—(ѣ) 21,—(ѥ) 24, **въ во|лховѣ** 45. 8—9, **въ во[х]ховѣ** 22, **сто̑полкъ** 11. 9—10 р.; *-ер-*: **съверша** [3]) **и съ моста** 42. 9, **смерд(омъ)** 2. 9,—(ъ) 33, **до сме|рти** 42. 7—8, **съ|мерчесѧ** 95. 7—8, **цернигов(ьци)** 31. 10, — **ьскъı|и** 31. 14—15, —**чи** 31. 16, **церньци** 58, **чернигов(оу)** 55, —(**ьскъıи**) 15. 2, —(**ьци**) 111—12 р.; *-ър-*: **съвѣргоша** 34. 12, **съвѣрш(ѥ|на)** 19. 10—11,—(**ѥноу**)

---

[1]) Этой описке я не придаю никакого значенія и считаю этотъ примѣръ вмѣстѣ съ другими, имѣющими *ь* передъ *р*

[2]) Примѣръ четв̑ь сюда относится лишь въ томъ случаѣ, если эта форма предполагаетъ основную **четвър(тъ)къ* (сравн. мнѣніе Соболевскаго въ Р. Ф. В. 1889 г., № 1, с. 122), а не **четвър(ъ)къ*; основная же форма **четвъркъ*, какъ въ изд. 1888 г, с. 145, въ суф. *-к-* (не *-ък-*), хотя и относилась бы сюда, представляется мнѣ согласно съ Соболевскимъ сомнительной; въ КАТ. *четвертокъ*.

[3]) Описка вм. **съверюша*; менѣе вѣроятно предполагать здѣсь искаженную форму нетематическаго образованія сигматич. аориста, которая была бы или **съвереша*, или въ ц.-слов. видѣ **съврѣша* (съ русской замѣной *ѧ* на *а*: **съврѣша*); сравн. ст. слов. *-врѣшти, -вражь*, достиг. *къврѣкъ, -врѣсти, -вразь*, аор. *отврѣсѧ сѧ* (см. Ягича, словарь къ Мар. Еванг.). Аналогія ст. слов. *мразъ, тразъ* (Wiedemann, Beiträge zur altbulg. Conjugation, 103—104), которымъ могли бы соотвѣтствовать русскія **мерхъ*, **терхъ* (сравн малорус. неопред. *мéрти, тéрти*), неполная. Въ АТ. *съврюша*.

113,—(ишл) 46—4 р.; 1 р. *-оръ-*: моръдва 12. 15; 1 р. *-оро-*: нов°то|-рожьци [1]) 115. 8—9; 1 р. *-ерь-*: нс церь|нигока 116. 7—8; 1 р. *-ѣрь-*: съвѣрь|шіи 118. 10—11; 1 р. *-ере-*: церенцемъ 35. 2. Кромѣ того съ неопредѣленнымъ правописаніемъ вслѣдствіе сокращеній подъ титлами въ формахъ двухъ словъ: слн̄ц(ε) 91,—(ї) 95, цр̄кв(и) 28, 48, 53, 79, 87, 95, 118,—(ѵ) 4. 2, 16, 19, 22, 25, 32, 34, 46, 47, 49 (2 р.), 54, 57, 65, 66, 74, 75, 76 и др..... (44 раза), цр̄къви 107, цр̄кы 4. 4, 10 (2 р.), 14, 15, 20, 34 и др. (11 р.), цр̄къı [2]) 10, цр̄ковь 12, 91, 113, 122, цр̄вь 117; всего подъ титлами 2+69=71 разъ.

Въ части второй находимъ: 29 р. *-ѫл-*: вълзѣ 166, вълꙋвы 204, вълꙋов(о) 212, 228, (въ)—(ѣ) 212, гълкоꙋ [3]) 180. 1, дълго 211, пълк(омь) 151, 170,—(омъ) 185, 186,—(окъ) 186,—(ъ) 170. 14, (сто)—(ъ) 177,—(ы) 150, 166, 168, 169, 199, 208. 1, 11, 210, 233, 234, пълна 227, стопълчю 177, стълпы 139, χълм(а) 228, (на)—(ѣ) 126; 38 р. [4]) *-ѫр-*: (въ) вързѣ 224,—χъ 167, вързъχъ [5]) 215. 1, кърма (род. ед. къ имен. **кърмъ*) 166, скъ|рвь 227. 15—16, (на) търг(овиции) 164,—(оꙋ) 138, 162, 208, 226,—(ъ) 165, търж(екъ) 175,—(ъкъ) 161,—(ъкомъ) 165,—(ъкоꙋ) 199, 200, 201. 7, 16,—(ъкъ) 150, 152, 164. 3—4 (переносъ послѣ *-жь-*), 12, 19—20 (перен. п. *тъ-*), 184, 199, 215. 1—2, 2—3 (перен. п. *-жь-*), 216. 5, 6, 222, (ново)тържь(ци) 168. 14, 19—20 (пер. п. *тъ-*), 169, 202. 18—19 (пер. п. *тъ-*),—(чи) 223, тържоꙋ 202. 14 [описка вм. търж(ь)коꙋ?], търлиш|цѧ [6]) (домажира)—190, търмоꙋ [7]) 154 (одно изъ названій различныхъ чудскихъ племенъ); 82 *-ѓр-*: въ г҃ра вырне 141, въвьргош(а) 161,—(ь) 220, вьржемъ 157, вьрстъı 202, вьрχ(а) 222,—

---

[1]) Исправлено изъ новгородьци.

[2]) Опискою лишній разъ поставлено *к*.

[3]) Ф. вин. ед. къ имен. гълка «шумъ, мятежъ, θόρυβος, tumultus» (Срезневск., Матер. сл. др. рус.); сравн. болг *глъкъ, глъчъ, глъ́чка* «шумъ», *глъчѫ́* «шумлю» (Дювернуа), слов. gȍlč «Reden, Rede» (вост. штир. и венгерск.), gólčati «sprechen» (ibid.), gȏlk «Tosen d. Donners» (резьян) (Pleteršnik), чешск. hluk «шумъ» (Шумавск., Ранкъ), польск. zgiełk «шумъ, сумятица, толпа» (Бартошевичъ).

[4]) Въ это число входятъ два собств. имени несловянскаго происхожденія, изъ коихъ одно географическое, другое личное отечественное, сочетающееся въ данномъ случаѣ съ характернымъ для сѣв. великорус словянскимъ.

[5]) Вѣроятно, вмѣсто *в бързьхъ*, срв. въ списк. КАТ. подъ 1238 г. *въ борзьхъ* (изд 1888 г., с. 230).

[6]) К. *трълиница* (изд. 1888 г., с. 215).

[7]) КАТ. *торму* (п. 1212 г., изд. с. 194.

(оу) 166,—(ъı) 175, вьршь 161. 16, съвьрши 145. 2, 153. 2—3[1]),—(ша) 144. 19, твьрд(и) 128, 200,—(ь) 164, твьрд(исла) 144, 149, 161, 181, 182, 184, 185 (3 р.), 186, 198,—(ислава) 149, 179, 185,—(славиць) 220. 3,—(славицѧ) 162. 20, 217. 18,—(славичю) 223,—(и|славомъ) 181. 12—13,—(славомь) 173,—(славоу) 173,—(славъ) 152, 179, 180, 183, 186, —і|слав(ъ) 158. 4—5, —(омь) 158. 7—8, оутвьрдивъ 135, четвь 166. 2 (см. сказанное выше, въ изд. 1888 г. *четверк* 200, л. 83 об.), дьржа(ти) 132, 149, 188,—(ıе) 221, дьрновицѧ 174. 16, смьрдомъ 215, помьрзъшю 212. 18, помьрло 165, мьрте(ѧ) 226,—(ъ) 161,—(ьци) 226, —(ьцѧ) 222. 6, 14, помь|рце 219. 7—8, испьрва 153, 211, пьрв(оѥ) 131,—(ъıи) 134, *собств. имя города* пь|ртоуѥва 184. 16—17, цьрнигов(оу) 202,—(ъ) 217, 220, 223, 224,—(ѣскоую) 229. 4, ць|рниговѣ 229. 14—15, цьрнь|цѧ (род. ед.) 126. 12—13, ць|рньцѧ 184. 14—15, цьрньцѧ (вин. ед.) 189, чьрмьн(ъıи) 156,—(аго) 157, чьрнигов(ъ) 145,—(оу) 159,—(ьскъıми) 146,—(ьскъıѫ) 158, чьрн(ъı) 133,—(ьць) 216. 16; 1 р. *-олъ-* при переносѣ: стъ|лъпника 144. 13—14; 2 р. *-ьръ-* при переносѣ: дьръ|зноу 128. 4—5, мьръ|твого 149. 2—3; 2 р. *-ьрь-*: вьрьвницю 215, дьрь|жа 218. 9—10; 15 р. *-ол-*: по волзѣ 167, волуов(о) 220,—(у) 212, (въ)—(ѣ) 228, полкъ 170. 16 (б. *о* слилась въ черное пятно), полк(ове) 183,—(оу) 172,—(ъı) 234, исполчитисѧ 196, полни 222, (на) полни 219,—(сѧ) 222, поли(оу) 162, (ис)—(ишасѧ) 166, столпъı 139; 3 р. *-ор-*: (ис)порт(а) 198,—(ъı) 170. 7, съ торжькоу 223; 9 р. *-ер-*: съвершиша 198, пертоуѥвоу 183, цернигов|(ци) 199,—(скаго) 197, цернцъ 126, чернигов|ьскѣѥ) 158,—(ице) 141,—(ь) 132,—(ь|че) 141. 10—11; 7 р. *-пр-*: вѣрхоу 197, съвѣршиша 126, 183. 6—7[2]), сквѣрньнъı 221, цѣрнигов(ъ) 214,—(а) 229, чѣрнигова 215; 1 р. *-оло-*: поволожьѥ 168. 2; 5 р. *-ро-*: търож(коу) 152, 161. 16, 175. 15—16[3]), 202. 13,—(ькоу) 161. 12; 1 р. търъжкоу 161. 15[4]); 7 р. *-оро-*: новото|рожьскъıи 160. 8—9, новоторожьци 216. 7, торожь|коу 164. 15—16, то|рожкоу 167. 9—10, торо|жкоу 167. 13—14, торожкоу 168. 11, 224; 1 р. *-ерь-*: верь|бноі 137. 2—3; 3 р. *-ере-*: одьрень 162. 8, 228. 1, цьренци 235; 2 р. *-ере-*: къ

---

[1]) Переносъ послѣ ъ

[2]) Переносъ послѣ *т*.

[3]) Переносъ послѣ *о*.

[4]) Здѣсь второе ъ замѣтно исправлено на *о* (буква имѣетъ форму кружка *о*, слѣва отъ котораго сверху видна верхняя горизонтальная черта бывшей буквы ъ).

черѣньцихъ 216. 14, *собств. имя города* **шерѣньскъ** 229. 7 [1]); кромѣ того слѣдующія съ сокращеніями: **слн҃че** 219, **мр҃тв(а)** 199,—(о) 207,—(ъ) 175, 180, **смр҃т(и)** 132, 211,—(ь) 219, **срд҃ц(е)** 222,—(и) 177, 185, **црк҃в(и)** 131,—(ии) 141, 153, 175,—(ь) 144, 145, 153, 154, 175, 183, 198, 199, 203, 204, 205, **црк҃въ** 228, **црк҃ы** 125, 199, 233, 235, всего подъ титлами: 1+7+3+20=31 разъ.

Въ 3-ей части и остальныхъ правописаніе съ однимъ *о* или *е* передъ *л*, *р* составляетъ правило, исключенія изъ котораго представляютъ лишь слова (**слн҃це** 300, 323 и др., **црк҃ы** или **цр҃кы** 249, 254, 276, 308 и др., **смр҃ти** 264, 289, 291 и др., **ср҃це** 282, 283), обыкновенно пишущіяся сокращенно, вслѣдствіе чего я считаю возможнымъ ограничиться приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ: **верже** 301, 333, **верстъ** 255, 258, 291 и др., **верхъ** 333, **тве|рдило** 254—255, **твердиславичь** 257, 260, **твердость** 277, 305, **твердо** 312, **четве|рге** 337. 12—13, **держаче** 254, **смерти** 273, **исперва** 237, **черниговоу** 238, **черньца** 244 и мн. др., **болгарьскоую** 239, **болгоу** 316, 322, **болховъ** 295, 320 и др., **молчаньное** 309, **полкъ** 247, 257, 258, 265 и мн. др., **в борзѣ** 293, 301, **торгъ** 304, 313 и др., **торж(екъ)** 247, 308, 314....,—(коу) 249, 261, 308 и др.

Единственный случай «второго полногласія» въ 3-емъ почеркѣ — форма **надолобомъ** 243 (дат. мн., предполагающ. имен. ед. **надолобъ**, см. И. И. Срезневскаго «Матеріалы» т. II, вып. 1, с. 279, гдѣ, кромѣ нашего примѣра, изъ Суздал. лѣт. по Акад. сп. подъ 6745 г. приведена форма дат. мн. *надолбомъ*, а изъ Псковск. I л. 7070 г. Ф. твор. мн. *за надолбами*, указывающая на им. ед. *надолба*); значеніе этого слова, какъ въ нашемъ примѣрѣ (**бишасѧ|крѣпко. і прогониша ихъ|к**.....), такъ, повидимому, и во всѣхъ древнерусскихъ, приводимыхъ Срезневскимъ и А. Л. Дювернуа [2]),— второе изъ означенныхъ Срезневскимъ, а именно «тынъ, городская ограда»; такъ какъ въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ оно (обыкнов. въ Ф. женск. р. *на́долба*) имѣетъ значеніе «столбикъ, тумба, потóрчина, вкопаная стойка....., перила» (В. И. Даль, Толк. слов.), при чемъ въ особенности употребительно въ качествѣ приворотнаго столба («стоитъ, какъ приворотная надолба»), то понятно, что въ значеніи «тына» въ древнерусскомъ оно могло употребляться лишь во множеств. ч., какъ рядъ кольевъ или вко-

[1]) Сравн. КА *шернескъ* (изд. 1888 г. подъ 1231 г.), въ Лаврент. лѣт. подъ 6685=1177 г. *подъ Шерньскымъ лѣсомъ* 258, подъ 6745 г (1237) *до Шерньского лѣса* 324.

[2]) Матеріалы для словаря др.-русскаго яз., М. 1894, s. v.

паныхъ въ землю бревенъ; несомнѣнной представляется этимологическая связь съ глагол. *долби́ть*, словѣнск. dółbsti, dõłbati (Плет.), польск. dłubać, чешск. dloubati (Шум.—Р.).

Чтобы уяснить, какъ отнеслись писцы 1-ой и 2-ой частей нашего памятника къ разбираемому нами явленію, обратимъ прежде всего вниманіе на числа тѣхъ и другихъ написаній. Въ 1-ой части (123½ стран.) на 61 *-ъл-* встрѣчаемъ 6 *-ълъ-* (изъ нихъ три при переносѣ, а четвертый сомнительенъ), 10 *-ол-* и 2 раза *-л-* (только въ словѣ *слнце*); во 2-ой ч. (112½ стран.) [1]) на 29 *-ъл-* приходится 1 р. *-ъ|лъ-* и 1 р. *-оло-* при 15 *-ол-* и 1 *-л-* подъ титлою. Въ 1-ой ч. на 35 *-ър-* 2 р. *-ъръ-*, 1 р. *-оръ-* въ заимствованномъ названіи одного изъ финскихъ племенъ и 1 р. *-оро-*, имѣющее мало значенія не только потому, что послѣ *-то-* переносъ, но и потому, что все слово исправлено изъ другого, имѣющаго правильную форму 1-го полногласія; во 2-ой ч. на 38 *-ър-* 3 р. *-ор-*, 5 р. *-ъро-*, 1 р. *-ъро-* съ *о*, написаннымъ на бывшемъ ранѣе *ъ*, и 7 р. *-оро-*, изъ коихъ 3 при переносѣ на интересующихъ насъ слогахъ. Въ 1-ой ч. на 35 *-ьр-* 4 р. *-рь-* (изъ нихъ два при переносѣ), 5 р. *-ьрь-*, 2 р. *-ъръ-*, 12 *-ер-*, 4 *-пр-*, 1 *-ерь|-*, 1 *-пръ|-*, 1 *-ере-* и 69 *-р-* подъ титлою только въ различныхъ формахъ слова **цр̃къ**; во 2-ой ч. на 82 *-ър-* (изъ нихъ одинъ случай въ иностранномъ собств. имени города *Бърна*, «идеже|бе жилъ поганыи злыи дедри|къ» [2]), а другой въ собств. им. города Пьртоуѣва) 2 р. *-ъръ|-*, 2 р. *-ърь-* (одинъ при переносѣ), 9 р. *-ер-* [3]), 7 р. *-пр-*, 1 р. *-ерь|-*, 3 р. *-ъре-*, 2 *-ере-* и 30 *-р-* преимущественно (20 р.) въ формахъ слова **цр̃къ**. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ общее число *-ъл-*, *-ълъ-* въ 1-омъ поч. (67) почти въ 7 разъ больше числа *-ол-* (10), во 2-омъ же число *-ъл-*, *-ълъ-* (30) менѣе, чѣмъ въ два раза, превосходитъ число *-ол-*, *-оло-* (16), а отношеніе числа *-ър-* и *-ъръ-* (37) къ числу *-оръ-*, *-оро-* (2) въ 1-омъ поч. также значительно больше, чѣмъ во 2-омъ п. отношеніе числа *-ър-*, *-ър(ъ)-*, *-ъро-* [4]) (38+1+5=44) къ числу *-ор-*, *-оро-* (10), въ отличіе отъ этого отношеніе общаго

[1]) Не смотря на разницу въ числѣ страницъ, объемъ второй части не меньше, а, вѣроятно, даже больше первой, такъ какъ въ 1-ой многія страницы почти пустуютъ (т. е. приводятся только числа годовъ безъ событій).

[2]) На это мѣсто обратилъ вниманіе акад. А. Н. Веселовскій въ связи съ изученіемъ сказаній о Дитрихѣ Бернскомъ.

[3]) Изъ этихъ девяти одинъ въ названіи города *Пертуева* (= нынѣшн. Пернова, см. указатель къ издан. 1888 г.), которое встрѣчается 1 разъ и съ *ъ* при переносѣ.

[4]) Случаи *-ъро-*, какъ и *-ъре-*, въ противоположность *-оръ-* и *-ерь-*, я отношу къ случаямъ употребленія *ъ* и *ь* потому, что существеннымъ должно признать употребленіе *ъ* и *ь* на ихъ этимологическихъ мѣстахъ.

числа случаевъ *-ър-*, *-рь-*, *-ърь-*, *-ъръ-* (35+4+5+2=46) къ общему числу случаевъ *-ер-*, *-ър-*, *-ерь-*, *-ърь-*, *-ере-* (12+4+1+1+1=19) въ 1-омъ п. значительно меньше взаимнаго отношенія чиселъ тѣхъ и другихъ случаевъ во 2-омъ поч. (89 : 19). Однако, этому различію отношеній я не придаю особаго значенія и приписываю его до нѣкоторой степени случайности. Я обращаю вниманіе напр. на то, что во 2-омъ п. часто употребляется собств. имя *твьрдиславъ* (28 р. съ производными), въ формѣ котораго условія для сохраненія *ъ* были особенно благопріятны: 1) ударе-ніе, вѣроятно, падало на третій отъ начала слогъ, что̀ содѣйствуетъ и въ нынѣшнемъ господствующемъ великорусскомъ произношеніи начальнаго слога образованію въ немъ глухого звука; 2) съ точки зрѣнія общей теоріи измѣненія глухихъ въ словянскихъ нарѣчіяхъ (правило Гебауэра) положеніе для звука *ъ* здѣсь было «неслоговымъ», другими словами, если бы для полнаго ослабленія и затѣмъ исчезновенія его не было задерживающихъ обстоятельствъ, онъ могъ бы исчезнуть, какъ напр. въ словѣ *м(ъ)стисла́в(ъ)*, а задерживающія обстоятельства здѣсь заключались въ сочетаніи «*р+д*», т. е. вообще въ сочетаніи «liquida+muta», передъ которымъ *ъ* и *ъ* послѣ согласныхъ стали слоговыми еще въ общерусскую эпоху и такими оставались въ теченіе всего послѣдующаго періода исторической жизни отдѣльныхъ русскихъ говоровъ, совершенно независимо отъ того, слѣдовалъ ли за «muta» гласный полнаго образованія, или ирраціопальный (глухой) слоговой или неслоговой; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется возможнымъ допустить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда за «muta» слѣдовалъ гласный полный, *ъ* и *ь*, оставаясь неизмѣнно слоговыми, дольше удерживали свой ирраціональный характеръ, чѣмъ въ случаяхъ, когда за «muta» были ъ̯ или ь̯, т. е. что первое *ъ* въ *твьрдь*, первое *ъ* въ *тьрть* ранѣе могли переходить въ полные *е* и *о*, чѣмъ *ъ* и *ь* въ *твьрди*, *тьрга*. Замѣтимъ, что во всей части до 237-ой стран. (по 236-ю) ни разу въ корнѣ *твьрд-* не встрѣчается замѣны *ъ* черезъ *е*.

Примѣры съ *ѣ* вмѣсто *е* я объясняю частію графически — бо́льшимъ сходствомъ буквъ *ъ* и *ѣ*, чѣмъ *ъ* и *е*, частію тѣмъ, что буква *ѣ* въ первыхъ частяхъ нашего памятника имѣетъ часто значеніе краткаго звука *е*, склоннаго къ *і*, — e^{i}, т. е. отражаетъ произношеніе тѣхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ, въ которыхъ *е* неударяемое и даже иногда ударяемое приближалось къ *і*, на что̀ обратилъ вниманіе Шахматовъ[1]). Изъ приведенныхъ

[1]) Изслѣдованія въ области русской фонетики, 150—151, 223.

имъ примѣровъ *ѣ* вм. *е* немало указано и изъ нашего памятника. Нелишне будетъ тѣмъ болѣе въ спеціальномъ изслѣдованіи языка этого памятника отмѣтить эти случаи съ указаніемъ страницъ фототипическаго изданія. а) Внутри словъ передъ твердыми и мягкими слогами передъ удареніемъ или послѣ ударенія, а иногда и подъ удареніемъ: (въ)вѣд(оша) 55, 62, 74, 211, 224—225, 233, — (енъ) 129, — (ете) 204, (на) — (ѣ) 221, (по) — (ени) 209, вѣлик(оѥ) 20, — (ъ) 212, озѣр(о)[1]) 205, — (оу) 212, (на) — (е) 120, 121, — (ѣ) 209, олѣксѣ[2]) 128, мѣдвежю 231, 233, к нѣм(оу) 1.5, — (ѕ) 1.6, грѣбл(и) 60, — (ю) 161, погрѣб(ена) 4, — (енъ) 225, — (ъ) 61, сѣстрѣ 130, осѣн(и) 61, 212, — (ь) 63, 125, всѣ(го) 84, — (моу) 115, всѣволо(да)[3]) 27, 41, 80, 81 и др., — (дицю) 187, — (дкомь) 39, — (дъ) 80, 115, — (жими) 125; б) въ конечныхъ открытыхъ слогахъ: Ф. имен. вин. ед. словъ средн. р.: всѣ 20, 38, 63, 110, 125, вѣ(ц)ѣ 159, 165, 176, 220, 224, — (ч) — 160, горѣ 162. 6, 10, Ф. имен. ед. муж. р. вънѥздѣ[4]) 99. 14, зват. ед. муж. р. оканьнѣ 177, имен. мн. кѣ(м)нѣ 49,

[1]) Но *озера* (Ф. род. ед.) 206, 212; эти колебанія весьма понятны при многочисленныхъ случаяхъ *е* вм. *ѣ*, тѣмъ болѣе, что писать *ѣ* вм. *е* въ такихъ же случаяхъ заставляла писца не традиція, а собственное соображеніе. Замѣчу, что *е* вм. *ѣ* наоборотъ, кажется, пишется преимущественно подъ удареніемъ, а также въ словахъ ц.-словянскаго происхожденія. при *бежа* 42, 220, *бежать* 194, *бежаще* 196, *побединша* 2.3, *бед*(ъі) 95, — (а) 105 (*бѣда* 78), въ*ле*(зоша) 25, — сти 24.4 (при въ*лѣзъ*|ше 105.3—2 снизу) и нѣкот. друг., въ которыхъ ударе́ніе, вѣроятно, не падало на *ѣ* → *е*, мы находимъ *бегающе* 206, (по) *беже* 179, — *бегл*ъ 214, по*вежь* 163, *вест*(и) 68, 106, — (ь) 164, 165, оу*ведавъше* 135, *вернъмъ* 110, *звездъı* 91, *говениѥ* 20, *дети* 25 (при *детьми* 89), въз*делаша* 110, *гневъ* 226, *слепъ* 132 (*слепленъ* 11, 81), *лесъ* 236, *мѣдь* 232, *ехалъ* 33, (въ)*ѥха* 163, (изъ) — (ша) 155, оу*стре*(тениѥ) 99 (— тоша 120, 183), *засекли осекы* 37, *3 л. ед. аор.* *исѣце* 25, 31 (сравн. исѣкоша 105 8,12,17), *сести* 33, *сед*(ѣ) *3 л. ед. аор.* 39, 61, — (е) 26, 66, 78, 231 (сравн сѣдѣ, сѣде 78), гдѣ съ большой вѣроятностью ударе́ніе падало на *ѣ* → *е*, ц.-словянизмы *бе* 37, 141, 177, 206,—(ста) 196—197, — (ше) 202, *деите* 130, (не) — 171, *реша* 41 и др; тоже замѣтить можно въ суффиксахъ: при частомъ новегородъ (произнос. новѣгородѣ?) 15, 22, 32, 34, 36, 39, 46, 55, 73, 75, 76, 79, 83, 85, 93, 98, 106, 115, 117, 119, 173 и болѣе рѣдкихъ *новегороде* 93, 98, но|*въ* городъ 38—39, обыкнов. пишется *зиме* 55, 58, 65, 81, 93, 109, 116, *весне* 56, 79, 119, *собе* (дат. и мѣстн) 2, 31, 32, 41, 42, 54, 57, 68, 79, 80, 93, 112, 114, 119, 121, 143, 163, 177, 178, 179, 182, 193, 194, 210, 213, 217, 218, 224, 230, *тобе* 135, 151 (—ъ—), 182, 209, 210, при чемъ въ 1-омъ поч. *е* безъ исключенія въ этихъ мѣстоименныхъ формахъ, во 2-омъ же есть нѣсколько случаевъ *собѣ* 204, 207, 214, 230.

[2]) Сравн. выше, стр. 105—106

[3]) Предположеніе Шахматова, что ударе́ніе здѣсь стояло на *ло*, подтверждается слышаннымъ мною произношеніемъ этого имени въ Курмышск. у. Симбирск. губ.

[4]) Сравн. выше, стр. 142. Въ коренномъ слогѣ здѣсь *е* вмѣсто *ъ*: сравн. нѣздї|ницѣ 99.14—15, при чемъ въ формахъ нездиницю 98, нездоу 68, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть искаженіе болѣе первоначальной формы кънезд(ъ) 229, — (а) 124, — (оу) 216 Это собств. имя я сближаю этимологически съ сербскими Призда, Поjезда (В. С. Караџић, Српске нар. пjесме, кн. друга, у Бечу, 1875, с. 500, 502, или въ изд. 1887 г., кн. I, № 81, с. 519, сравн. прїѣздѣ въ Синодикѣ ц. Бориса, Соф. рукоп. л. 30. 7—9, Попруженко, стр. 71).

— (ꙗ) — 7 (но — ѣ 59, 159), огницанѣ [1]) 235 (— ѣ 66, 111), роу҃нѣ 235.9, напи҃вшѣ 217, вин. мн. двор(ѣ) 150 (при — ѣ 178), 3 л. ед. аор. навѣдъ 221 (чит. *наведе*) [2]), привезѣ 154, истопѣ 228, 234, исѣцѣ [3]) 231 и др.; в) отдѣльно слѣдуетъ упомянуть случаи: 1) Ф. дат. и мѣстн. ед. ж. р. всѣи 62, 73, 116, 126, 187, 213, 215, 217 (рѣже *е*: всеи 224, 228, вь|сеи 235), твор. ед. всѣю 48, 117, 225, 229, 234, мѣстн. ед. в нѣ|и же 227.4—5 (ibid. 7 въ неи же) [4]), 2) кдѣ 198 (въ 3-емъ поч. правильно кдѣ 269, 303, 321, сдѣ 290 при церковнослов. донде 303, 326, 332) [5]) и 3) частію нѣ [6]) 11.2 (— како бꙗше ходити), 124 (бѣ — пошьлъ), 127 (— лзѣ бꙗше поити), 129 (— лзѣ бо бꙗше ина|ко изити), 130 (оувѣчаста· ꙗко — воювати....), въ 3-емъ поч. нъ (чимь) 256.7, (бꙗше) — (лзѣ) 287 (при нелзѣ бꙗше 256.6), въ которыхъ ъ объясняется перенесеніями отъ тѣхъ формъ и словъ, гдѣ оно этимологически правильно, при чемъ эти перенесенія могли быть уже въ южнословянскихъ образцахъ, попадавшихъ въ руки нашихъ книжниковъ [7]). Подобное указанному въ первыхъ

---

[1]) Прежде я объяснялъ эти формы на *ъ*, какъ формы винит. мн., въ которыя, какъ и въ формы им. вин мн. ж. р. и род. ед. ж. р., *ъ* переносилось отъ мягкихъ основъ (какъ новоторжьцъ всѣ 50 и др.), имѣвшихъ въ др. русскомъ правильно окончаніе *ь*, откуда великорус. *е* (въ нашемъ памятникѣ б. ч. и здѣсь *е* вм. *ь*, а также болѣе позднее *и* подъ вліяніемъ или другихъ падежныхъ формъ, или тѣхъ же формъ другихъ основъ, и ꙗ, соотвѣтствующее ст. словянскому ѧ, что особенно часто въ 3-емъ поч.) и малорус. *і*, соотвѣтственно польскому и чешскому *е* (сравн. Соболевскаго «Изслѣд. въ обл. русск. грам.», с. 1—39), но теперь склоняюсь къ мнѣнію Шахматова. Формъ съ этимологич. *е* здѣсь все-таки больше; кромѣ указанныхъ выше въ скобкахъ: *ладожане* 27, 44, 64, лоу(ч)ане 120, — (ц) — 68, поло(ч)ане 120, — смолняне 39, 111, вожане 162, галицане 183, ижеряне 206, неревляне 180, торопцане 202.

[2]) Относительно ударенія см. выше, с. 112, а также Gj. Daničić, Akcenti u glagola, Rad.... VI, 51.

[3]) Сравн. *исеще* съ одной и *исѣкоша* съ другой стороны, что могло быть связано съ разницей ударенія.

[4]) Сравн. ѣ въ этихъ формахъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ сербскаго извода: кьсѣи, нѣи (Вукан. Еванг., С. М. Кульбакинъ, Замѣтки о яз. и правопис. Волк. Ев., с. 14), *всѣи*, *нѣи* (Гршков. отрыв. глагол. Апост., V. Jagić, Glagolitica II, 8—9, 14, 17), *всѣи*, *вашѣи* грам. Стефана 1234 г. (Miklos., Monum. serb., № XXIII).

[5]) Какъ извѣстно, это особенность сѣверноруссскихъ и среднерусскихъ рукописей (см. Соболевскаго «Лекціи», с. 37 изд 1888 г.), имѣющая параллель въ сербскомъ и старосербской письменности (*доидѣже* въ Гршков. Апост. XII—XIII в., V. Jagić, ib. 20).

[6]) Я прибавилъ «частію» потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *нъ* можетъ дѣйствительно выражать этимолог. *не*.

[7]) Напомнимъ, что формы *всѣи*, *нѣи* и т. п. отмѣчены проф. Соболевскимъ въ цѣломъ рядѣ памятниковъ, написанныхъ, по его мнѣнію, въ области «галицко-волынскаго» нарѣчія (см. «Очерки изъ исторіи русскаго яз.», с. 3—4, 13, 22, 36 и др.), слѣдоват. возможно, что въ новгородскія рукописи онѣ попадали путемъ заимствованія съ юга русскаго, куда

двухъ частяхъ Синод. списка Новгородской лѣтописи употребленіе *ѣ* вмѣсто *е* я замѣтилъ еще въ двухъ рукописяхъ XIII-го в. — Прологѣ № 187 Хлудовской б-ки, на который мнѣ приходилось уже неоднократно ссылаться вслѣдствіе сходства его правописанія съ правописаніемъ нашего памятника, и въ Стихирарѣ Новгор. Софійской б—кп, № 96 (отд. 13) С.-Петербургской духовной академіи, языкъ котораго представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ новгородскихъ говоровъ (*ч* вм. *ц*: чловѣколюбьчъ $1^{б}.2$ при—*ц* — $2^{б}.5$, мытопмьча $2^{б}.9$, особенности словаря: *сто|ровъѣ* въ припискѣ, съ свиньми *жироуѣ* $4^{а}.9$, сравн. у насъ *тировати* 107.17 по опискѣ вм. *жировати*[1]), а также собств. имя *домажиръ* 190 и въ нынѣшнихъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ *домажиръ* въ значен. «домосѣдъ»[2]), *домоэжирка* Каргоп. «хозяйка», *жирова́ть* Пудожск., Петрозав., Каргоп. «постоянно жить....., сидѣть», *жи́ра* Пт. Пд. Крг. «жизнь, достатки» и мн. др. въ олонецкихъ[3]) и архангельскихъ[4]) говорахъ). А именно, въ Прологѣ мнѣ удалось отмѣтить слѣдующіе примѣры: погрѣбѣнъ(о) $19^{в}$, —(а) $39^{в}$, $144^{а}$, погрѣ(стп) $39^{в}$, $66^{б}$, —(бохъ) $66^{б}$, —(боуть) $39^{б}$, —(бьць) $30^{г}$, (в томь)—(бѣ) $30^{г}$, въ формахъ наст. врем. передъ личными суффиксами 2-го и 3-го л. ед. ч.[5]): съ|блюдѣши $31^{г}$, постигнѣть $33^{в}$, оуркѣть $9^{в}$, въ конечн. открытыхъ слогахъ въ формахъ имен. ср. р. и зват. муж. ед. и 3 л. ед. аор.:

въ свою очередь могли попадать съ юга словянскаго, хотя я не отрицаю возможности и независимаго развитія ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Этимологію отрицанія *нъ* см. у Потебни, Изъ записокъ по русск. грамматикѣ, II, с. 420—424 издан. 1888 г.; сравн. у Соболевскаго ibid. 85—86; тамъ-же о *кдѣ* 86—87.

[1]) Сравн мое «введеніе», с. 20. Въ «Матеріалахъ» Срезневскаго см. жировати «упитываться, пастись, жить, быть»...., доможирьць «домочадецъ» (Хроногр. 1494 г.). Миклошичъ (Lex. palaeoslov) отмѣтилъ этотъ глаголъ въ знач βόσκεσθαι и въ южнословянскихъ памятникахъ (между прочимъ одинъ примѣръ изъ Болонской псалтыри XII в) Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и вообще, на словарныхъ особенностяхъ строить заключенія нельзя, хотя и можно обратить вниманіе на то, что этотъ нѣкогда весьма извѣстный въ старословянскомъ яз. глаголъ теперь употребителенъ преимущественно въ мѣстностяхъ сѣверновеликорусскихъ.

[2]) «Наро́т все нѣ мъстёрово́й, дѣма́жи́р», говорили при мнѣ въ вагонѣ Моск.-Курской ж. д. крестьяне Тверской губ., возвращавшіеся съ промысловъ изъ Курской губ., о старооскольскихъ крестьянахъ Курской губ. (слышано 27 декабря 1891 г.).

[3]) Герм. Куликовскій, Словарь областн. олонецкаго нарѣч. въ его быт. и этногр. примѣн., СПб. 1898.

[4]) А. Подвысоцкій, Словарь областн арханг. нарѣч. въ его быт. и этногр. прим., СПб. 1885.

[5]) Сравн. послѣднее въ древнѣйшихъ памятникахъ «галицко-волынскаго» нарѣчія (Соболевскій, Очерки ... 4,92), а также и другихъ (Е. Ѳ. Будде, Къ исторіи великорус. говоровъ, 206—207).

горѣ мнѣ 14[а], — памъ 36[б], ѡ карѣ 51[б], чло|вѣцѣ (*и* вм. *ч*) 144[б], вѣдѣ мѧ нѣ на|коѥ мѣсто.... 6[а], по|грѣвѣ 33[а], пр(и)дѣ 32[а], — (і) — 54[а], нѣ (истовъ) 35[б],35[в], — (даютъ) 52[в]; но для насъ едва ли не болѣе важны встрѣчающіеся въ этомъ памятникѣ примѣры *ѣ* вм. этимологич. *ѣ* въ положеніи послѣ плавнаго *р*[1]): грѣцьстѣмь 65[б], стрѣмлениѣ 9[в], трѣпещю|щи[2]) 65[а]; наоборотъ *е* вм. *ѣ* въ Ф. дат. ед. тебѣ 14[г], 31[г], себѣ 18[г], тэбѣ 14[а], — б, — г, 60[г], 65[а], 144[б], собѣ 11[г], 17[б], 65[а], 125[а] и др. согласно съ нашими первыми двумя частями, но несогласно съ нашимъ почти постоянно всѣхъ 9[г], всѣ|мъ 9[г], 90[б][3]). Въ Стихирарѣ Новгор. Соф. б—ки № 96: вѣзгрѣшьноую 5[а].9, възвѣдоша 2[б].15, съ дъвѣма надѣсѧте. 113[а].5 (сравн. тринадьсать въ грам. 1300 г., Смирн. № 47, с. 47, и нынѣшн. *двѣнáдцать*, польск. dwanaście и т. п., см. сказанное мною на стран. 116—117 и у Фортунатова въ сборникѣ «Χαριστήρια», стр. 488), Ф. зват. ед. муж. христѣ 2[б].6, им. вин. ед. ср. вьсѣ 3[б].7; *ъ* вмѣсто *ѣ*: вьси вьрьшии 128[а].7; *ѣ* вм. *ъ* изъ *і* (кажется, исправленное на *ъ*): сто|ровѣіе (на заглавномъ листѣ въ припискѣ).

Формы *дрьжаще*, *дрьжати*, *гръ*|ковь, *гръ*|кы, встрѣчающіяся только въ 1-омъ поч., должны быть приписаны, мнѣ кажется, вліянію церковнославянскихъ памятниковъ, въ которыхъ не могли не быть начитанными авторы нашей лѣтописи, вслѣдствіе чего кстати замѣчу, что даже церковнославянская постановка *ъ* и *ь* въ Поученіяхъ Ефрема Сирина по рукоп. С.Пб. Публ. б-ки Погод. древлехран. № 71а, относимой Соболевскимъ къ

[1]) Такое же старое *ъ* возможно предположить и въ нѣкоторыхъ формахъ глагола (*по*)*требу*, напр. въ аористѣ * (*по*)*грьбо́хъ*, причаст. страд. —* *грьбе́нъ* и т. п., сравн. *прибрьде* Новг. Синод. 42 (см. у насъ стр 60, а также 111—116) и чешск. hřběti «begraben werden» (Rank—Šumavský), восходящее къ * грьбѣти.

[2]) При старослов. трѣпѣтати (Miklos. Lex pal.) возможно на основаніи польск. trzpiot-, чешск. třpyt «Schimmer» (Ранкъ-Шумавск.) предположить общеслов. варіантъ * тръпѣт.

[3]) Правильно употреблено *ѣ* въ нѣ бьіва|ло 29[в], възгрѣбам 39[в], потрѣкнам 64[а], трѣкѣ 67[б] и часто въ ц.-словянскихъ сочстаніяхъ съ плавнымъ: врѣжена 18[б], врѣмѧ 10[а], дрѣва 35[г], прѣ (давъ) 10[б], —(дъ) 32[а], —(же) 10[а], чрѣвоу 64[в], въ чемъ опять замѣчательное сходство съ правописаніемъ нашего памятника, въ 1-омъ поч. котораго находимъ: вѣрѣ 71, врѣмѧ 79, 88 (вр҃ѣ 95, времени 95), прѣ(льстивъше) 55, —(ображеніи) 118, —(ставися) 5, 6, 9 (2 р.), 10 (2 р.), 11, 12, 13, 15 (4 р.), 16, 18 (2 р.), 19 и мн. др. (35 р.), а всего прѣ— 37 р., прѣ— 26 р. (18 р. —ставися, 4 р. —ображеніи и др.), во 2-омъ поч.: плѣн(ать) 191, —(иша) 191, на крѣзѣ 205, врѣм(а) 177, —(енъ) 191, съврѣщи 149, дрѣва 139, жрѣбьи 217, прѣ(да) 197, —(даша) 179, —(иде) 195, —(льсти) 177, —(ставися) 127, 144, 145, 188 и др. —(дъ) 128, 140, —(же) 178 и др., срѣкро (въ отличіе отъ ст. слов. древнѣйшаго правописанія сърекро) 130, 132, чрѣсѣ 138, 228—всего 43 р., привлеце 138, врѣженѣ 142, вр҃е 155, прѣ(дъ) 225, 226, срѣкр(а) 140, —(о) 148, —(омь) 139, —(ьно) 139, —(ьнаи) 140, —(ьныѥ) 139 и друг.—всего 17 р. и 1 р. *ъ* въ Ф. срьдъ Strp 219, такъ что *ѣ* чаще, чѣмъ *е*.

1492 г. (Очерки изъ ист. р. яз., 50, 56), не можетъ служить доказательствомъ сколь новаго ея написанія.

Общее заключеніе, какое я могу сдѣлать изъ правописанія, представляемаго частью по 236-ю стран. фототипич. изданія нашего памятника, есть во-первыхъ то, что этимологическіе ъ и ь въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ еще не были вполнѣ тожественными съ этимологическими *о* и *е* [1]), хотя и были всегда слоговыми, отличаясь лишь бо́льшею или меньшею опредѣленностью въ зависимости отъ ударенія [2]); во-вторыхъ, что и послѣ плавныхъ въ большинствѣ случаевъ слышались небольшіе неслоговые, развившіеся, какъ я думаю, еще въ общерусскую эпоху, звуки, въ отдѣльныхъ случаяхъ вслѣдствіе особенныхъ фонетическихъ условій становившіеся слоговыми, т. е. приблизительно равными по количеству съ этимологическими ъ и ь, предшествовавшими плавнымъ. Такимъ образомъ, недоразвившійся въ большинствѣ случаевъ и говоровъ *зачатокъ* «второго полногласія» я отношу къ общерусской эпохѣ, самое же явленіе въ смыслѣ равенства по количеству предшествующаго плавному гласнаго послѣдующему считаю ограниченнымъ отдѣльными случаями въ отдѣльныхъ говорахъ. Изъ встрѣчающихся въ нашемъ памятникѣ двоегласныхъ написаній въ особенности важны тѣ, которыя подтверждаются фактами живыхъ говоровъ. Вслѣдствіе этого я подвергаю сомнѣнію пока формы *мълъвити*, *търъгъ*, *дъръжа*, при чемъ, какъ это сдѣлано Ягичемъ для болѣе древнихъ памятниковъ, не исключается и здѣсь возможность, въ виду *дръжаще* и т. п., видѣть вліяніе старословянскаго правописанія, но я не отрицаю возможности выраженія здѣсь, какъ и въ мьрѣзноути, мьрѣтва, дьрѣзноу, мьрѣтвого, черънигова, съвѣрѣши, общерусскаго неслогового звука, нѣсколько усиливавшагося передъ группою согласныхъ или передъ согласнымъ длительнымъ, но изъ приведенныхъ примѣровъ нельзя придавать значенія тѣмъ, въ которыхъ вторыя ъ и ь приходятся въ концѣ строки. Болѣе несомнѣнными представляются случаи, имѣющіе параллели въ живыхъ говорахъ, или по крайней мѣрѣ находящіе оправданіе въ особенныхъ фонетическихъ условіяхъ вслѣдствіе положенія передъ сочетаніемъ согласныхъ, нѣкогда

[1]) Въ числѣ словъ у меня попадается нѣсколько заимствованныхъ, частію изъ германскихъ (*Бърнъ*), частію изъ финскихъ или тюркскихъ нарѣчій (*моръдва, търма, вълга, българе*), хотя и нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ они представляли въ моментъ заимствованія тожественныя съ коренными словянскими сочетанія, и возможно, что болѣе поздніе заимствованія, какъ *моръдва* перешли къ намъ прямо съ *о* (ъ послѣ *р* означ. неслогов. иррац. звукъ, сравн. Ипат. торы|кы 164 б. 11—12, Андріяновъ).

[2]) Безъ ударенія, вѣроятно, являлся болѣе сильно глухой звукъ.

раздѣлявшихся звуками ъ или ь. Таковы, можетъ быть, *полькъ* [1]), *истълъ|жие*, *стълѧпника* [2]), *търъжькоу* (съ неслогов. ъ), *върьбниц(е)* [3]) — *(ю)*, *върьшь* [4]), *цереницемъ* [5])—въ 1-омъ и *стъ|лѧпника* [2]), *поволожьѥ* [6]), *търъжькоу*, *търожькоу*, *търожькоу*, *торож(ъ)коу*, *новоторожъци* [7]), *върьбницю* [3]), *одьрень* [8]), *цьрени*,

---

[1]) Влад. *полóк*, *полкá* (Потебня, Къ исторіи звуковъ, I, 93), въ Ипат. лѣт. *полокъ* 232 (ib. *полкы*), сообщ. Андріанова (рук. соч , с. 63). Можно предполагать вліяніе суф. -ък-.

[2]) Псков. *стóлоб* и *столóб* при род. *столба* (Потебня, ibid. 92), то же олон. и боровичск. (Матер. IV, № 29, Извѣст. II, с. 236, III, № 28, с. 77)

[3]) Сравн. назван. мѣстности въ Новгородской губ. *Веребье* близъ рѣки Мсты (станція Никол. жел дор.), хотя я, къ сожалѣнію, не знаю ударенія этого слова, что̀ было бы важно. Сюда относятся въ др. русск. письменности: *веребнꙑма* нѣ Парем. 1271 г., *веребницю* Ипат. 6655 г. (Срезневскій, Матер. s. v.; въ изд. Арх. ком. 1871 г. с. 241).

[4]) Судя по значенію «хлѣбъ, жито» (Срезневск., Матер. s. v.), что̀ ясно и изъ примѣровъ другихъ памятниковъ (всякои *верши* по имени или пшеница *врои* или ѡзимои. *Псков. суд. грам.*), при чемъ именно «жито въ кладяхъ» (Даль, Толк. словарь..), хотя и не вымолоченное, но лишь готовое къ молотьбѣ: *на осень оуки морозъ върьшь* | *всю. и озимицѣ.* 22. 16—17 6635 г.), тои осени. .. *поки мразъ окилѣе но волости* |*а на търъжкоу все чело кн. и за*|*м кнзь вършь ... не*|*по*ꙋ *къ городъ ни воза.* 161. 13—17 (6723 г.), *много по полю вершеи погнило.* Псков. I л. 6976 г. (Срезн., Мат., сравн. также Дювернуа, Мат. для слов. др. р. яз.), а также сравнивая съ словѣнск. vr̃š,—î, «Getreide», vršíti «das Getreide mit Vieh austreten» (Pleteršnik), можно ставить это слово въ связь съ старослов. глаголомъ врѣхѫ—врѣшти (Miklos., Lex. palaeoslov.)= болг. врѣхѫ́, врѣшѫ́ «молочу» (словарь Дювернуа s. v., предисловіе П. А. Лаврова къ 3-му выпуску, с XXV), др. рус. вьрхъ, который сближается съ латинск. verrō «мету» (Бодуэнъ-де-Куртенэ, Изъ лекцій по латинской фонетикѣ, с. 318), д. в. нѣм. werrau, нѣм. verwirren (Срезневск., Матер. для слов. др. рус. яз.), и съ которымъ въ этимолог. связи находятся слова ст. слов. врахъ 1. «trituratio», 2. «σωρός, acervus» (Miklos. Lex. pal.), болг. *врáх* 1. «гумно», 2. «снопы хлѣба, предназначенные для молотьбы» (Дювернуа), великор. *вóрох* «куча вымолоченнаго хлѣба» (с. Теплый Станъ Курмышск. у. Симб. г., сообщеніе Р. М. Сѣченова) и *ворóх(ъ)* 1. «охапка сѣна, соломы, хворосту» (повсем. въ Арханг. губ., Подвысоцк.), 2. «вывѣянный зерновой хлѣбъ» (Онежск. Арх. г., Подвыс.) Если такъ, то извѣстное изъ говоровъ Олонецкой, Новгородской и Псковской губ. *верéх* вм. *верхъ*, какъ неродственное, ничего не даетъ для доказательства реальности полногласія нашего *върьшь*.

[5]) Сравн. *чéрень*... «чернолѣсье» (Псковск., Тверск., Потебня, Къ ист. зв., I, 93) и прилаг. Ф. нечлен. муж. р. *чéрен* въ литературномъ яз., аналогичная съ *пóлон*; условія для развитія полногласія здѣсь бóлѣе общія, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Любопытную аналогію представляетъ Ф. *горончарьскый конець* въ Ком. сп. подъ 1360 г.=А. Т. *горньчарьскій* (издан. Новгор. лѣт. 1888 г., с. 355). Съ другой стороны, если не развивалось «второго полногласія», то являлось упрощеніе группы согласныхъ: * *чьрьнъцій*—→ малорус. *ченцíй*, * *гърънъчáр*—→ *гончáр* (фамил. *Гончарóвъ*, улица *Гончарóвка*), * *сълънъце*—→ *сóнце*.

[6]) Сравн. *вóложка*—«всякій изъ множества боковыхъ рукавовъ Волги, образующихъ острова», а въ Пермской губ. «протоки на Камѣ и другихъ рѣкахъ» (Даль).

[7]) Подобныя формы находимъ и въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в.. 1264—1265 г. (у Шахматова № 1): *торо|жкý* при *тържькъ*, 1269—1270 г. (Шахм. № 3): *торожкоу* при *торжекъ*, 1294—1301 г. (№ 4 и 5): *новоторъжьцевъ*, *торъжьку*, 1304—1305 г. (№ 9): *тържькъ*, *тържькоу*, *търъжкоу* и т. п. Шахматовъ объясняетъ («Изслѣд. въ обл. русск. фонет.», с. 33) *торожку* при *торжек* вліяніемъ чередованія сходныхъ звуковыхъ формъ, какъ *смольнеск—смоленска*, *жрец—жерца*.....

[8]) Срв. пермск. *вóдерень*—«вовсе, совсѣмъ, на вѣки» (Срезневскій и Даль). Въ такомъ

череньцихъ, *шереньскъ* — во 2-омъ поч. Формы *одьрень* (съ предполагаемымъ удареніемъ на *о*), *търож(ъ)коу* и *цьренци* (съ предполагаем. ударен. на *у* и *и*) имѣютъ нѣчто общее въ томъ отношеніи, что въ нихъ *ъ* и *ь* написаны въ томъ слогѣ, который, по закону Потебни и Богородицкаго, долженъ отличаться наибо́льшею слабостью : слогъ *дь*, слѣдующій непосредственно за ударяемымъ, по слабости равняется слогамъ *тъ* и *ць*, занимающимъ третье мѣсто передъ конечнымъ ударяемымъ, если считать первымъ этотъ послѣдній (*о́дьрень*=3, 1, 2, 1; *търож(ъ)ку*, *цьренци*=1, 2, 3); конечное *ъ* въ *одьрень* могло или равняться по количеству первому[1]), или быть еще слабѣе, т. е. не составлять полнаго слога, котораго несомнѣнно не составляли и *ъ* между *ж* и *к* въ *търож(ъ)ку́* и не выраженное на письмѣ этимологическое суффиксальное *ъ* между *н* и *ц* въ Ф. *цьренцй*, хотя эти послѣднія были, вѣроятно, во всякомъ случаѣ слабѣе, чѣмъ конечное *ъ* въ *одьрень*, которое при извѣстныхъ условіяхъ могло приближаться по количеству къ слоговому, какъ и всякое конечное *ъ*. Противъ моего толкованія *търож(ъ)коу*, *одьрень* и *цьренци* могутъ возразить, что эти написанія слишкомъ единичны сравнительно съ массою случаевъ *одерень* въ другихъ памятникахъ и *торож(ъ)коу*, *церенцемъ*, *череньцихъ* и т. п. у насъ и во многихъ другихъ памятникахъ, вслѣдствіе чего, можетъ быть, рискованно придавать имъ значеніе въ смыслѣ разницы звуковъ, выражавшихся черезъ *ъ*, *ь* съ одной и черезъ *о* и *е* съ другой стороны; тѣмъ не менѣе я не считаю возможнымъ не обратить вниманіе на то, что *одьрень* во всемъ Синодальномъ спискѣ встрѣчается только два раза и именно съ такимъ правописаніемъ; я согласенъ, что *ь* послѣ *д* удержано, какъ старое этимологическое, и не думаю, что оно уже успѣло обратиться въ *е*, которое опять получило ирраціональный оттѣнокъ

же приблизительно значеніи *одерень*, *одьрень*, *одерь*, *одьрьнь*, *одирь* и *въ одерень* часто въ древне-русскомъ: даю.... два села съ ѡбильемь, и съ лошадьми.. , и пьнь, и колода, ѡдерень сѣмоу Гергью, *рук. Клим. д. 1270 г.* И да Игнате на теи земли 8 рублевъ... а пополонка за телицю полътретьяцять бѣлъ, соби одирь и своимъ дитемъ *Новг. купч. XIV—XV в., 19* (*и* вм. *е*[2], см. у Шахматова, Изслѣд. въ обл. рус Ф, гл. 19). А купилъ себѣ *въ одерень*.... *Новг. купч XIV—XV в. 28* и друг. (Срезневскій, Матер. для словаря др. рус. яз., 613). Это нарѣчное выраженіе, образованное подобно *по́солонь*, производится отъ слова *дьрь* (Срезн. Матер. дернъ=дьрънъ—cespes)=ст. сл. дрьнъ овъ же дрьнъ въскроущь на главѣ покладаѫ присѧгоу творить Гр. Наз. XI в. 322 (Срезн. Мат. s. v), переносно употреблявшееся въ значеніи «присяги» (ib.), откуда *дерноватыи*, *одерноватыи* въ знач. «крѣпостной, находящійся въ полной собственности»: а челядь мою *дерноватую*..... братъ мои... отпусти на свободу (*рук. Новгор. Остафья п. 1396 г.*, Срезневск., Мат. д. слов....).

[1]) Въ пользу этого говоритъ изрѣдка встрѣчающаяся въ грамотахъ форма *одерене* (см. Срезневск , Матеріалы для слов. др рус. яз. s. v.).

вслѣдствіе положенія въ открытомъ слогѣ позади ударяемаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти не сомнѣваюсь, что новорусскій экспираторный характеръ ударенія былъ вполнѣ развитъ, хотя и не въ одинаковой степени, во многихъ говорахъ великорусскихъ XIII-го столѣтія (сравн. смоленскую грамоту 1229 г. и сказанное мною на стран. 94—96) и между прочимъ не былъ чуждъ и говорамъ, отразившимся въ 1-ой и 2-ой частяхъ Синодальнаго списка Новгородск. лѣт., и что этотъ экспираторный характеръ ударенія могъ быть причиною того, что позднѣе развившійся слоговой гласный послѣ *р* получалъ бо́льшую силу сравнительно съ старымъ общерусскимъ слоговымъ ъ, предшествовавшимъ плавному. Вмѣстѣ съ тѣмъ буквамъ *о* и *е* во всѣхъ этихъ примѣрахъ сочетаній гласныхъ съ плавными въ части Синод. списка по 236 стр. я не придаю значенія точныхъ выразителей звуковъ *о* и *е*, а думаю, что самое колебаніе въ правописаніи доказываетъ и здѣсь произношеніе звуковъ, хотя и весьма близкихъ къ *о* и *е*, но нетожественныхъ съ послѣдними.

Этимъ я позволю себѣ закончить изслѣдованіе судьбы и характера въ извѣстной части русскихъ говоровъ XIII—XIV в. тѣхъ сочетаній, которыя являются наслѣдниками общесловянскихъ сочетаній «согласн. + ъ̆ (ь̆) + плавн. слогов. + согласн.», при чемъ въ число примѣровъ этихъ унаслѣдованныхъ отъ старины сочетаній я допустилъ лишь немного заимствованныхъ въ историческое время изъ иныхъ языковъ. Заканчивая эту главу, я вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваю и изложеніе ряда вопросовъ, связанныхъ съ судьбою общесловянскихъ, а частію и новыхъ ирраціональныхъ гласныхъ въ извѣстной части русскихъ говоровъ въ извѣстную эпоху. Этимологическій характеръ моего изслѣдованія, необходимо вытекающій изъ самаго предмета его, т. е. объясненія звукового значенія цѣлаго ряда сбивчивыхъ и не всегда послѣдовательныхъ написаній, что̀ неизбѣжно при изслѣдованіи письменныхъ памятниковъ старины, заставилъ меня нерѣдко отклоняться въ область сравненій какъ съ правописаніемъ другихъ сходныхъ по языку памятниковъ, такъ и съ фактами живыхъ говоровъ, которые одни только и могутъ дать надежную точку опоры при объясненіи правописанія древнихъ памятниковъ; но ясно, что этими ближайшими сравненіями нельзя было ограничиться, такъ какъ во многихъ словахъ могло быть подвержено сомнѣнію этимологическое первенство того или другого звука, безъ опредѣленія котораго нельзя рѣшать вопросовъ звуковой исторіи, и вотъ съ этой цѣлью нерѣдко приходилось дѣлать экскурсіи въ область другихъ словянскихъ нарѣчій

и вслѣдствіе извѣстной зависимости древнерусской письменности отъ старословянской и южнословянской прежде всего обращаться за справками, иногда довольно обширными, къ памятникамъ старословянскимъ древняго «паннонскаго» извода, а также изводовъ южнословянскихъ, затѣмъ къ явленіямъ живыхъ южныхъ и западныхъ словянскихъ нарѣчій и наконецъ въ рѣдкихъ случаяхъ и къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ, изъ которыхъ первое мѣсто для насъ занимаетъ языкъ литовскій. Все это вмѣстѣ съ желаніемъ наиболѣе полно обнять матеріалъ, представляемый разбираемымъ мною памятникомъ, столь расширило объемъ моей работы, что вмѣсто предполагавшагося сначала полнаго обзора звуковыхъ явленій я принужденъ пока выпустить отдѣльно лишь часть его, объединяемую только тѣмъ, что въ ней разбираются вопросы, связанные съ судьбою звуковъ ъ и ь [1]).

Дополненія и поправки.

Къ стран. 11: Кромѣ указанныхъ здѣсь говоровъ — болгарскаго тетевенскаго и сербскихъ въ южной Черногоріи, слѣдуетъ упомянуть еще изъ болгарскихъ сушскій въ юговосточной Македоніи, имѣющій, по опредѣленію Облака, соотвѣтственно старословянскимъ ъ и ь въ извѣстныхъ случаяхъ (т. е. тамъ, гдѣ они не успѣли раньше перейти въ *о* и *е*) глухой («Halbvocal») звукъ съ характеромъ *е* (Macedonische Studien, 11—12), а изъ сербохорватскихъ съ одной стороны нѣкоторые говоры «Старой Сербіи» (напр. въ Средской и Сириничской волостяхъ Косовскаго округа), отличающіеся полуболгарскимъ переходнымъ характеромъ и имѣющіе, какъ можно судить по неточнымъ записямъ Ястребова («Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ», СПб., 1886, стр. 253—259....), какой-то глухой звукъ, колеблющійся между *е* и *а* (шарец и шарац, *к'д*, *д'на*, *д'нас*, *тоњан* при *кад*, *дана*, Ф. предлога *сес*, а при *сам* даже *сом*, что̀, можетъ быть, слѣдуетъ приписать вліянію слѣдующаго *м*), съ другой нѣкоторые чакавскіе, напр. вербницкій и омишльскій на островѣ Кркѣ, въ которыхъ краткіе рефлексы глухихъ являются въ качествѣ *е*, долгіе же согласно съ большин-

[1]) Данное мною обѣщаніе (въ предисловіи, стр. VII), такимъ образомъ, остается исполненнымъ только отчасти.

ствомъ сербо-хорватскихъ въ качествѣ *a* (den̋s при *dȁn*, им. ед. *keb̋ȅl* при Ф. род. мн. *kebáл*, им. ед. ot̋ȅc при род. мн. *otác* и т. п.)[1]), между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ добриньскомъ при тѣхъ же условіяхъ съ долгимъ *a* чередуется краткое *o* (don̋os, noć̋os, v̋os, p̋os, mogl̋ȁ, von, k̋ósno при dȁn, mȁh, род. мн. otác, pás)[1]). Затѣмъ не мѣшаетъ вспомнить говоры кайкавскіе, б. ч. имѣющіе *e* вмѣсто ъ (ѣ), и сѣверо-восточную полосу словѣнскихъ, замѣняющихъ глухіе безъ различія ихъ этимологіи и фонетическихъ условій черезъ *e*, наконецъ говоры крайнскіе вмѣстѣ съ литературнымъ словѣнскимъ языкомъ, знающіе глухое *e* въ краткихъ слогахъ при долгомъ *a*[2]). Все это вмѣстѣ съ свидѣтельствами старосербской (кирилловской и глаголической) и старословѣнской (Фрейзинг. отрывки) письменности говоритъ въ пользу предположенія въ древности по крайней мѣрѣ трехъ южнословянскихъ группъ говоровъ: одна изъ нихъ, слѣды которой сохранились преимущественно въ говорахъ болгарскихъ, долгое время различала общесловянскіе звуки ъ и ь, другія двѣ уже въ древнѣйшую эпоху смѣшивали ихъ въ одномъ звукѣ, при чемъ въ одной изъ нихъ этотъ звукъ былъ ближе къ старому ъ, откуда преобладаніе ъ въ извѣстномъ рядѣ старословянскихъ памятниковъ, исключительное употребленіе ъ въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ сербо-хорватской редакціи, македонскія діалектическія o̥, *o* изъ общесловянскихъ ъ и ь[3]), чакавск. діалектич. *o*, въ другой — къ старому ь, откуда господство ь въ памятникахъ сербо-хорватской редакціи, *e*, *i* въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, діалектич. сербо-хорватск. глухое и ясное *e*, словѣнское глухое и ясное *e*. Эти двѣ послѣднія группы выдѣляли изъ себя затѣмъ четвертую — *акающую*, получившую затѣмъ въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ господство не только надъ малочисленной въ этихъ предѣлахъ группой ъ, но и надъ болѣе обширной, какъ

---

[1]) V. Oblak, Die Halbvocale ...., Archiv f. slav. Philol., XVI, 172, 173, 174.

[2]) Oblak, ibid. 163.

[3]) Это вторичное македонское *o* отлично этимологически отъ того македонск. *o*, которое въ болѣе раннюю эпоху возникало изъ общеслов. слогового ъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда легко рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ результатомъ стараго звукового стремленія, или съ дѣйствіемъ новаго. Несомнѣнно ново всякое *o* изъ ъ (*mȍla* = вост. болг. *мъла́*, слов. Дювернуа, *pȏstra*, *cȏvnalu*, Лавровъ, Обзоръ.... 37), но и въ этихъ случаяхъ начало его не позже XIV столѣт.: въ грам. Василія Болгарохтона 1020 г. (по списку XIV-го стол.), какъ сообщилъ мнѣ М. С. Дриновъ, встрѣчается τὰ Μόγλαινα (ἐν τοῖς Μογλαί-νοις, Пер. Сп. 1873 г., VII—VIII, с. 21), а у Хоматіана Μόγληνοι; у Кедрина упоминается объ архонтѣ *могленскомъ* въ X в (М. С. Дриновъ, Южные славяне и Византія въ X в., с. 85—86); въ царствов. Петра упоминается епископская каѳедра *могленская* (ib., с. 71).

кажется, группой *ъ*, хотя отдѣльные говоры акающей группы могли получать свое полное *а* какъ изъ ирраціональнаго e^a, такъ и изъ ирраціон. o^a; такимъ образомъ, эти двѣ группы, преимущественно же болѣе обширная группа *ъ* ($\underset{c}{e}^a$), легли въ основаніе нынѣшнихъ сербо-хорватской и словѣнской [1]). Но каждая изъ двухъ древнихъ и образовавшаяся изъ нихъ позднѣе новая группа не могли не сталкиваться съ первой, которую условно назовемъ «старословянской»; эти столкновенія не могли не содѣйствовать уже и безъ того начавшемуся въ «старословянской» группѣ въ «неслоговыхъ» положеніяхъ, т. е. при развитіи «сильно-глухихъ» звуковъ, нарушенію этимологическаго различенія между *ъ* и *ь*; результата этихъ вліяній группъ, искони смѣшивавшихъ *ъ* съ *ь*, на группу, не смѣшивавшую ихъ, нельзя не видѣть въ говорахъ болгарскихъ. Облакъ [2]) предположилъ для болгарской группы прежде всего два момента въ развитіи *ъ* и *ь*: во-первыхъ «*ь* и *ъ* при извѣстныхъ условіяхъ рано (въ нѣкоторыхъ говорахъ, вѣроятно, уже къ концу X-го столѣтія) перешли въ *е* и *о*», во-вторыхъ «во всѣхъ не тронутыхъ этимъ измѣненіемъ случаяхъ вскорѣ затѣмъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ, вѣроятно, уже въ началѣ XI стол., оба полугласныхъ» (буквально перевожу терминъ «Halbvocale») «совпали въ одномъ *ъ*». Причину древняго проясненія глухихъ въ извѣстныхъ случаяхъ Облакъ (ibid. 187—188) видѣлъ въ количествѣ, которое и до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ (см. Maced. Studien, § 131), и для подтвержденія своего предположенія сдѣлалъ нѣсколько сопоставленій болгарскихъ *е* изъ *ь* съ долгимъ сербо-хорватскимъ и словѣнскимъ *а*; что̀ касается *о* изъ *ъ*, то значительная часть (сѣверовосточная) болгарскихъ говоровъ въ немъ (за исключеніемъ случая передъ членомъ *-mъ*, Arch. XVI, 186) не участвуетъ. Желаніе Облака искать причину проясненія *ъ* въ общеболгарск. *е* и *ъ* въ македонск. *о* въ количествѣ обусловлено тѣмъ, что появленіе этихъ *е* и *о* не ограничивается закрытыми слогами; но возможно объяснять это распро-

[1]) Мой взглядъ на развитіе рефлексовъ общесловянскихъ *ъ* и *ь* въ сербохорватскомъ и словѣнскомъ имѣетъ, такимъ образомъ, то существенное отличіе отъ взгляда проф. Милетича (O članu u bugarskom jeziku, 33, 37), что я не могу признать, что глухой, въ которомъ слились оба общесловянскихъ звука, былъ въ этихъ группахъ говоровъ вообще ближе къ *ъ*, какъ потому, что есть указанія на его бо́льшую во многихъ говорахъ близость къ *ь*, такъ и потому, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ быть качественно одинаковъ на всемъ пространствѣ этой «языковой области».

[2]) Archiv f. slav. Philologie, XVI, 197. Раньше указано на это проф. Милетичемъ (Пер. Спис. XXVII, 397...., O članu u bugarsk. jez., 32, 37—38, см. его разъясненіе въ Archiv f. sl. Phil. XX, 589).

страненіе *е* и *о* и въ нѣкоторыхъ открытыхъ слогахъ и наоборотъ *ъ* въ закрытыхъ вліяніемъ однѣхъ формъ на другія производныя отъ того же корня[1]). Въ формулировкѣ второго момента развитія глухихъ въ болгарскомъ я бы сдѣлалъ ту поправку, что вмѣсто совпаденія въ *ъ* предположилъ бы (если подъ *ъ* не разумѣется отвлеченнаго представленія о глухомъ вообще безъ опредѣленія качества) совпаденіе въ различныхъ звукахъ, качественно приближавшихся въ однихъ говорахъ къ древнему *ъ*, въ другихъ къ древнему *ь*. Оговорить это считаю необходимымъ потому, что въ общесловянскомъ *ъ* вижу ирраціональный звукъ съ лабіальнымъ, а въ общесловянскомъ *ь* иррац. звукъ съ небнымъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе чего, если въ однихъ говорахъ изслѣдователи отмѣчаютъ глухой звукъ съ «базисомъ *-о*»[2]), мы можемъ сказать, что здѣсь старое *ь*, поскольку оно удержалось въ качествѣ глухого звука, перешло въ *ъ*, если же въ другихъ отмѣчаютъ глухой съ «базисомъ *-е*»[2]), мы можемъ говорить о переходѣ въ нихъ стараго *ъ* въ *ь*; «базисъ—*а*», который можетъ считаться господствующимъ въ восточно-болгарскихъ говорахъ[2]), есть видоизмѣненіе или *ъ* или *ь*, и, если вѣрить проф. Милетичу[3]), совершенно отрицающему въ болгарск. глухомъ губное округленіе, требующееся для произнесенія звуковъ *u* и *о*, и исправляющему ссылку Облака на Цонева въ томъ смыслѣ, что послѣдній говоритъ только о положеніи губъ, требующемся для *і*, а не для *u* (Сборн. м. IV, 499)[4]), нельзя не признать, что ново-восточно-болгарскіе глухіе образовались путемъ бо́льшаго приближенія *ъ* къ *ь*, чѣмъ наоборотъ.

Къ стр. 12: Въ виду изложенныхъ соображеній о звуковомъ характерѣ глухихъ въ древнѣйшихъ южнословянскихъ говорахъ для насъ не будетъ загадкой употребленіе *ь* и въ памятникахъ западно-сербскихъ и хорватскихъ, вслѣдствіе чего и частое *дещерь* (Миссалъ Новака 1368 г., I. Berčić, Chrestomathia linguae veteroslov. charactere glagolitico, Pragae-Jaderae, 1859, стр. 87, 89), *дещи* (Бревіар. XIII-го столѣт., ib. 81, Брев. Пасманск. XIV в., ib. 94) и т. п. въ хорватской глаголической письмен-

[1]) В. П. Щепкинъ, Крит разборъ сочин. П А. Лаврова «Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз.», с. 22—25, «Разсужденіе о яз. Саввиной кн.» («Извѣстія» 1898 г., с. 1191—1196).

[2]) Macedonische Studien, 11.

[3]) Lj. Miletič, Bemerkungen zu Oblak's Macedonischen Studien (Archiv XX, 589—590). По Милетичу, болгарскій глухой при всѣхъ діалектическихъ оттѣнкахъ всегда «ein nicht gerundeter gutturaler Vocal».

[4]) При справкѣ въ данномъ мѣстѣ статьи Цонева я убѣдился, что, хотя онъ отрицаетъ близость болгарск. глухого къ глухому *е*, онъ столько же отрицаетъ и его близость къ *о* и *о* и считаетъ его наиболѣе близкимъ къ *а* (глухому).

ности нѣтъ никакой надобности приписывать болгарскому оригиналу, какъ это сдѣлалъ В. Н. Щепкинъ, увлекшись внѣшнимъ совпаденіемъ этихъ формъ съ живыми формами болгарскихъ говоровъ (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ, III (1898), кн. 4, стр. 1188, сноска 1).

Къ стр. 26—30: эти сличенія и соображенія о текстѣ Синодальнаго списка были уже напечатаны, когда вышло изслѣдованіе А. А. Шахматова «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ», гдѣ высказано много дѣльныхъ замѣчаній о времени и способѣ составленія Синодальнаго списка въ его нынѣшнемъ видѣ, но, что̀ для меня особенно важно, Шахматовъ (стр. 2) не только признаетъ три главныхъ почерка, но относитъ ихъ по палеографическимъ особенностямъ къ тремъ вѣкамъ: XII, XIII и XIV, слѣдовательно, въ отличіе отъ моей уступки, дѣлаемой мнѣнію проф. Соболевскаго, заключающейся въ допущеніи, что первый и второй почерки составляютъ трудъ приблизительно одного времени (с. VII и 17), здѣсь написаніе первой части отодвигается ко времени гораздо болѣе раннему, чѣмъ написаніе второй. Я все-таки думаю, что разница между временемъ написанія первыхъ 61 л. и части 62—118 лл. гораздо меньше, чѣмъ между временемъ написанія 62—118 л. и 119—167 л.

Къ стран. 40: *отъ*имѣтъ, *ото*ималъ и т. п. могутъ объясняться также и вліяніемъ сложеній съ предлогами, оканчивающимися гласнымъ полнымъ (по, до, на, за); въ пользу этого особенно говоритъ малорус. *одійду*, *зійду* и т. п.

Къ стран. 48: Въ отличіе отъ ошибочно сказаннаго здѣсь —*гъда* встрѣчается очень часто и не при переносѣ, а именно въ Синайской глаголической псалтыри: когъда л. 4.9 (Гейтлеръ, стр. 3), 11.7 (Гейтл. 9), 127.18 (Г. 107), въ|негъда 128.16—17 (129), тогъда 130.20 (109); послѣдній примѣръ получаетъ несомнѣнность, благодаря фотографическому снимку, сдѣланному съ рукописи проф. Н. П. Кондаковымъ и любезно доставленному мнѣ проф. Е. К. Рѣдинымъ, за что̀ ~~вр~~ношу ему мою глубочайшую благодарность. Въ Синайск. молитвенникѣ вмѣсто ъ значекъ: къг҃да 76^{b}, вс҃егда 86^{b} (*не* при переносѣ). Сложеніе въ частицѣ —*гъда* призналъ еще Ягичъ въ 1871 г. (Das Leben der Wurzel *dê* in den slav. Sprachen, с. 58).

Къ стран. 50: Уже послѣ напечатанія высказаннаго мною здѣсь предположенія двухъ праформъ съ *ъ* и *о* (*тъ*— и *то*—, *къ*— и *ко*—) въ общесловянскомъ яз. я съ удовольствіемъ прочелъ такое-же у В. Н. Щепкина

въ разборѣ соч. П. А. Лаврова «Обзоръ звуков. и форм. особ. болгарск. яз.», стр. 33 (по поводу болгарск. *кога*, *тога*).

Къ стр. 52: О союзѣ *тоже* упоминалъ уже А. А. Потебня (Изъ записокъ по русск. грам.[2], с. 190—191).

Стр. 53: Союзъ **тъ** отмѣченъ уже въ «Матеріалахъ для словаря древнерусскаго яз.» А. Л. Дювернуа (Москва, 1894 г., s. v.) въ значеніи «tum, deinde», при чемъ взятъ одинъ примѣръ изъ Новгородской I-ой лѣтописи, но, къ сожалѣнію, исправленъ по спискамъ К. А. s. a. 1137 (*пріяетъ* вм. *приятель*).

Стран. 60, строка 3 снизу: слѣдуетъ читать **кр͡ѣ** (вмѣсто **крѣ**).

Стран. 61, сн. 1: szczegół.

Стран. 67, стр. 6: по справкѣ оказалось, что Ф. **мча** Chron. I. 206 (6771—91=1263—83 г.), на которую ссылается Миклошичъ, есть не Ф. род. ед. ч. слова **мьчь*, а Ф. 3 л. ед. ч. аор. глагола **мъчати*: видѣвъ королевича *мча* подъ руку, и възъѣха по досцѣ и до самого корабля.

Стр. 74, примѣч. 3: форма sa̋ (изъ предполагаемаго *ǫsъ̋) существуетъ, однако, и теперь въ пригорскомъ говорѣ кайкавскомъ (V. Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju, отдѣльн. оттискъ изъ CXV, CXVI и CXVIII кн. «Rad» a, u Zagrebu, 1894, с. 24, 92); здѣсь имен. ед. муж. и жен. р. звучитъ одинаково. Аналогично съ этимъ sa̋ и болгарск. діалектич. *сé* πᾶς, которое Щепкинъ сопоставляетъ съ *всь* въ Саввиной книгѣ (Извѣстія II отдѣл. 1898 г., III, 2, с. 430, 467). Въ рабскомъ говорѣ на самомъ сѣверномъ изъ острововъ, тянущихся по Адріатическому морю вдоль береговъ Далмаціи, вмѣсто *sav* и *vas* говорится среднее между ними *svâs* при род. ед. *svêga* (M. Kušar, Rapski dijalekat., Rad.... CXVIII, отд. отт., стр. 36). Можетъ быть, *sa̋v*, какъ и *svâs*, есть только результатъ вліянія формъ косвенныхъ, гдѣ *sv*— вмѣсто *vs*— могло явиться вслѣдствіе перестановки ранѣе, чѣмъ *v* успѣло обратиться въ u̯ и исчезнуть, какъ это случилось въ кайкавскомъ *sa̋ga*, *sa̋mu* (Rožić, ibid. 24), что̀ понятно при обиліи въ данномъ кайкавск. говорѣ и другихъ случаевъ ослабленія начальнаго и срединнаго *v* передъ согласными (*lâs*, *ladàti*, *srâb*, *tr̂d* и др.). Формы общеслов. **вхъ*, *всь* (ст. слов., др. рус., др. болг., др. сербско-хорватск.), точнѣе вьхъ̑, вьсь́, къ которымъ восходятъ др. рус. *вхе*, болгарск. *въсе* (Лавровъ, Щепкинъ), *сé*, кайкавск. *sa̋* и *sâ* (Rožić, 24), представляютъ результатъ перенесенія неслогового коренного ъ изъ формъ косвенныхъ въ форму имен. ед. муж. р., гдѣ фонетически мы ожидаемъ слогового корен. ъ. Интересную

аналогію съ этими формами представляетъ Ф. *псé* вм. *пёсъ* въ Остров. у. Псковск. губ. д. Будаевой Сонинск. волости (сообщ. Е. А. Артемьева въ «Матер. для изуч. великорус. говоровъ» V, с. 2, прилож. къ 1-ой кн. III т. «Извѣстій»).

Къ стр. 76. 7 (снизу): слово *знáдьба* до сихъ поръ извѣстно въ значеніи «значокъ, замѣтка» въ олонецкихъ говорахъ (петрозав., лодейнопольск., см. Словарь областного олонецкаго нарѣчія Герм. Куликовскаго, s. v.).

Къ стр. 77, сноска 1: не греческое посредство доказываетъ *—as*, а скорѣе литовское.

Къ стр 80. 10: въ Ипат. 166[a]. 10—11 мнѣ попался случай паразитнаго ъ и не въ концѣ строки: **зѣ|мьлѣ** (переносъ послѣ *зе--*).

Къ стр. 82. 11: примѣръ на стран. 69-ой (л. 35[a]) читается въ связи съ другими окружающими словами такъ: и приведе **поло|нъ** въ роуськy землю. толь **силь|но** ако и числа не бѣше. 69. 3—1 (съ конца); замѣтимъ, что конечное *о* въ разбираемомъ словѣ слилось въ черное пятно, хотя и нельзя сомнѣваться, что это *о*; если дѣйствительно здѣсь Ф. вин. ед. муж. р. (*о* изъ *ъ*), а не нарѣчіе, то примѣръ долженъ быть причисленъ къ ранѣе (строки 2—4) упомянутымъ случаямъ «слогового» положенія и помѣщенъ рядомъ съ **силь|нъ** 65. 2—1 (съ конца), такъ что вмѣсто 11 случаевъ употребленія ъ въ такомъ положеніи въ суффиксѣ *—ьн—* въ 1-омъ поч. слѣдуетъ отмѣтить 12.

Къ стр. 94: о языкѣ Смоленской грамоты 1229 г. любопытны замѣчанія И. И. Срезневскаго («Мысли объ исторіи русск. яз. и другихъ слав. нарѣч.», изд. 1887 г., стр. 153).

Къ стр. 105—106: графическое смѣшеніе ъ съ *ѣ* относится, повидимому, къ довольно древнему времени; *ѣ* вмѣсто ъ находимъ уже въ словахъ Григорія Богослова по сп. Имп. публ. б-ки XI в.: **звѣ|ѧштоу** л. 1, β (Будиловичъ, издан. стр. 1), **скврънѣ|нѣ** л. 3, γ (ibid. 3), **жизнѣ|ѧаго** л. 5, β (ib. 4), **двѣри** л. 5, β (ibid. 5), **истѣнѣ|вѣшемъ** л. 6, γ (Будилов. ib. 5 привод. соотвѣтств. греческ. λεπτυνομένους), **мѣчьтомь** л. 7, α (ib. 6), **видѣць** л. 3, β (ib. 3), **тѣ|мно** л. 2, β (ib. 2, въ изслѣдованіи Будиловича стр. 12), **шѣ|ствиемъ** л. 4α (изд. 3, изслѣдов. 12).

Къ стран. 111, сноскѣ 2-ой: раньше проф. Брандта знакъ — для обозначенія долготы безъ ударенія въ сербо-хорватскомъ былъ употребленъ Антономъ Мажураничемъ, на котораго ссылаются самъ Р. Ѳ. Брандтъ (Акцентолог., с. 48) и Ковачевичъ (Archiv für slav. Philologie, III, 686).

Къ стр. 112: сербскому правильному колебанію ударенія между *плѐтох, пѐкох* съ одной стороны и *плéте, пéче* съ другой въ болгарскомъ соотвѣтствуетъ однообразіе, какъ слѣдствіе вліянія или формы 1 л. на формы 2 и 3 л. или, что̀, кажется, чаще, наоборотъ: *бóдох — бóде* (*бóдъх — бóдъ*), *пéкох — пéче*, но при *дóдох, дóдух* возможно и *дудóх*..... (A. и D. Kyr. Cankof, Grammatik der bulgar. Sprache, с. 81—82. Т. Флоринскій отмѣчаетъ въ образцахъ: *нéсох—нéсе*, но *пекóх—печé, бодóх—бодé* (Лекціи, I, с. 149), а Ворачекъ и Стойновъ (Наука 1884, XI—XII, 999—1018) говорятъ, что удареніе въ формахъ аориста глаголовъ 1-го кл. обыкновенно падаетъ на 1-ый слогъ: *крáдъхъ, пáсохъ, чéтъхъ*.

Къ стран. 110—117: эти страницы были уже напечатаны, когда я познакомился со статьею Ф. Ѳ. Фортунатова «Индоевропейскія плавныя согласныя въ древнеиндійскомъ языкѣ», помѣщенной въ изданномъ учениками Ѳ. Е. Корша сборникѣ «Χαριστήρια» 1896 г. (стр. 459—490), въ которой Ф. Ѳ—чъ подробно излагаетъ свою теорію ирраціональныхъ гласныхъ (стр. 484—488), при чемъ, кромѣ принимавшейся раньше имъ и другими лингвистами «слоговой ирраціональной гласной», отражавшейся въ общесловянскомъ яз. въ качествѣ *о*, предполагаетъ другой видъ «слоговой ирраціональной гласной», отражавшейся въ общеслов. яз. въ качествѣ *ъ* или *ѣ;* этотъ второй видъ «слоговой ирраціональной гласной», возникавшей въ сочетаніи съ согласными несонорными изъ сокращенія различнаго рода *а* ($a^{e/o}$ и т. п.), существовалъ, по его мнѣнію, «именно въ первомъ слогѣ словъ (фонетически, можетъ быть, лишь непосредственно передъ слогомъ съ удареніемъ)» (стр. 486); онъ же въ сочетаніи съ сонорными согласными становился неслоговымъ, а въ общеслов. яз. являлся также въ видѣ *ъ* и *ѣ*[1]). Этотъ слоговой ирраціональный гласный (или «слоговая ирраціональная гласная») отражается, по мнѣнію проф. Фортунатова, именно во всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною на стр. 110—117 случаяхъ, которые согласно съ этимъ объясненіемъ восходятъ къ дословянской эпохѣ. Сопоставленія формъ отдѣльныхъ языковъ, сдѣланныя проф. Фортунатовымъ, настолько убѣдительны, что я не могу съ нимъ не согласиться. Такимъ образомъ, съ словянской точки зрѣнія не было бы причины разсматривать формы *—жъже, —жъı—* и т. п., *дъсятъ* и т. д. отдѣльно отъ другихъ случаевъ употребленія этимологическаго *ъ*, съ общеиндоевропейской же вмѣстѣ съ ними пришлось бы

1) Сравн. также статью Фортунатова въ Zeitschrift f. vergl. Sprachforschung XXXVI (1898), 38—54.

разсматривать отдѣльно и многіе другіе, въ которыхъ *ъ* восходитъ не къ индоевроп. *ĭ*, а къ индоевроп. ирац. гласному. Тѣмъ не менѣе я не теряю надежды, что мои старанія объяснить указанныя формы на почвѣ спеціально словянской имѣютъ по крайней мѣрѣ методологическое значеніе, а замѣчанія объ общесловянскихъ колебаніяхъ ударенія въ различныхъ формахъ, можетъ быть, пригодятся при рѣшеніи вопроса, въ какихъ именно формахъ индоевропейскаго праязыка являлся ослабленный гласный.

Къ стран. 115—116: форма *гасі* въ венеціанск. говорѣ словѣнск. языка, восходящая къ **рьци*, приводится Облакомъ (Die Halbvocale..... 170) со ссылкою на Клодича. Въ отличіе отъ сказаннаго мною здѣсь и въ старопольскомъ извѣстна повелительная форма *rczy* (т. е. *rcy* или *rci*), напр. Ps. Flor. 78, b и друг., Ps. Puł. 67, a (Kalina, Hist. jęz. p., 435, сравн. также Oblak въ Archiv f. slav. Phil., XIV, 3 H., 440). Любопытно также (с. 116), что и теперь въ олонецкихъ говорахъ извѣстна форма, восходящая къ слабому виду корня: куда у ихъ было *но́рчено* въ путь ѣхать, лежитъ на дороги су́мкà (Гильф. Он. б. № 185, с. 904 изд. 1-го, Колыва́нъ бога́тырь, Выгозеро, Висаріоновъ).

Къ стран. 139, 6—11: то-же высказалъ Ягичъ въ VI-омъ т. «Archiv für slav. Philologie», с. 296 (въ отличіе отъ высказаннаго имъ въ «Критич. замѣткахъ», с. 29): «Mir ist es wenigstens nicht wahrscheinlich, dass die Beispiele auf ои (für ъи) in den Quellen des XI. Jahrhund. schon die wirkliche Aussprache veranschaulichen, da man in den späteren Jahrhunderten (etwa vor dem XIV^ten^) so selten dergleichen Formen begegnet. Was ist also jenes ои in einigen Texten des XI. Jahrh.? Doch wohl nichts weiter als die russische Auffassung und russische Aussprache der altslovenischen Formen auf —ъи, —ъихъ, —ъими u. s. w. Man vergl. in den Eugeniusfragmenten богатъи neben сильноu, нечьстивоu, oder in dem Menaeum vom J. 1097: животъ .....вѣчьноu, отъ оузъ болѣзньноихъ.....». Я прибавлю лишь, что не только —*ъи*—, но и —*ои*— могло уже быть найдено русскими писцами въ южнословянскихъ оригиналахъ, какъ это показываетъ правописаніе старословянскихъ памятниковъ, въ особенности Синайской псалтыри.

Къ стр. 140, 14—16: см. у Шахматова, Изслѣд. о яз. новгор. грам., с. 169 (Лоукъан— и др.).

Къ стран. 141, 2—1 (снизу): въ дополненіе къ сказанному здѣсь слѣдуетъ указать тѣ случаи, въ которыхъ мы находимъ —*ки*—, —*ги*— въ суффиксальныхъ слогахъ передъ гласнымъ. Случаи эти встрѣчаются въ

1-омъ поч. и всѣ относятся къ формѣ имен. мн., при чемъ въ одномъ изъ нихъ вмѣсто —*ки*— находимъ —*ке*—: **извѣкени къ|ша печерьскен. и югърьскии къ пе|чере. а дроугии за колоколъ**.... 95. 2—4, им. мн. **сътьскии** 116, сравн. **данъници новгородьстии** 51, **др(о)угии** 24, 25, 36, 108, 226, **рѡгустии** 193, 195, **рязаньстии** 146, 179. Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь —*ски*—, —*ги*— замѣняютъ не старыя —*скъı*—, —*гъı*—, а старыя —*сти*—, —*зи*— (вм. *sи*) и въ этомъ отношеніи должны быть сопоставлены со случаями —*скь*—, —*ске*—[1]) частію вмѣсто —*сть*—, частію вмѣсто —*скъı*— подъ вліяніемъ окончанія *ъ* въ соотвѣтствующихъ падежныхъ окончаніяхъ мягкихъ основъ. *Ски*, *скь*, *ске* являлись частію, можетъ быть, чисто фонетически путемъ извѣстнаго рода диссимиляціи звуковъ *с* и *т*, частію подъ вліяніемъ *ск*, являвшагося правильно въ сочетаніяхъ *ска*, *скъ*, *скъı*, *скоу*, *ско*— формъ другихъ падежей. Памятники доказываютъ, что всего раньше *ть* появилось именно въ этомъ сочетаніи: И. В. Ягичъ[2]) привелъ **дъстѣ** изъ житія Кондрата XI-го в. и другіе подобные примѣры изъ памятниковъ XIII-го в. Позднѣе появились сочетанія *ги*, *гь*, *ки*, *кь* и т. п., такъ что при нѣсколькихъ *ски*, *скь*, *ске* въ Синод. спискѣ Новг. л. по 1-му и 2-му поч. находимъ только 1 р. *ги* въ Ф. дроу*ги*и. Но эта возможность фонетическихъ сочетаній *ски*, *ги* и т. п., явившихся вмѣсто *сти*, *зи* и т. п., еще не доказываетъ, что въ то-же время не произносились уже *скъı*, *къı*, *гъı* и т. п. Правописаніе нашего памятника слишкомъ ясно доказываетъ реальность этихъ звуковыхъ сочетаній въ извѣстныхъ сѣверно-русскихъ говорахъ XIII-го столѣтія, и я думаю, что *ки*, *ги* являлись сначала въ суффиксальныхъ, преимущественно ударяемыхъ, затѣмъ коренныхъ ударяемыхъ слогахъ передъ гласными (т. е. передъ неслоговымъ i̯), а потомъ уже распространялись во всѣхъ другихъ сочетаніяхъ. По мнѣнію Шахматова[3]), явленіе это находилось въ связи съ утратой лабіализма гортанными («задненебными»), которые вслѣдствіе этого приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ слѣдующими гласными, а въ данномъ случаѣ задненебные k и g, ассимилируясь гласному средняго ряда *y* (русск. *ы*, ст. слов. *ъı*) «должны были переходить въ средненебные звуки», а «за

---

[1]) на ламьскемь 82, къ печерьскемь 57 (сравн. въ печерьстѣмь 51), къ перевьскем(ь) 75, 145—(ъ) 181, 204, из грѣчьскѣи земли 129, колости новгородьскен 91, вин. мн. городѣ черниго|вьскѣю 158. 11—12 и т. п.

[2]) Критич. замѣтки по исторіи русск. яз., 79.

[3]) Къ исторіи звуковъ русск. яз., 42.

отсутствіемъ въ языкѣ средненебныхъ чистыхъ являлись средненебныя смягченныя ќ ǵ, откуда, вслѣдствіе ассимиляціи гласной согласной, — ќi, ǵi». Но какъ объяснить *ке* въ Ф. имен. множ. печерь*скеи*? Пока я не могу придумать ничего лучшаго, кромѣ сопоставленія этой формы съ формой винит. мн. город*ъ* черниго|вь*скъıѣ*, и такимъ образомъ объясняю печерь*скеи* смѣшеніемъ обѣихъ формъ, а — черниго|вь*скъıѣ* перенесеніемъ окончанія мягкихъ основъ на твердыя, обычнымъ какъ въ древнерусскихъ памятникахъ, такъ и въ нынѣшнихъ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ.

Къ стран. 166-ой: въ отличіе отъ ошибочно сказаннаго здѣсь старословянскіе памятники даютъ намъ, хотя, можетъ быть, и единственное, однако вѣрное указаніе на то, что это былъ именно гласный ъ, который могъ рано чередоваться съ ѕ: въ Зограф. Еванг. **знамєннѣ нидьногоже** Іоан. X, 41 (л. 260[a]) = Мар. **нидиного же** (л. 254[b]) (Jagić, Studien....., 114), но **ѣдъıначе**[1]) Зогр. 37[b] = Мар. **еди|наче** л. 16[b] (Мато. XV, 16) (Jagić, ibid.), **одъ наче** Псалт. Син. л. 202. 19 (Гейтл. 170).

Къ стр. 173, с. 11—15: высказанное въ этихъ строкахъ соображеніе мнѣ представляется въ настоящее время довольно страннымъ. Послѣ моего разговора съ Ф. Ѳ. Форгунатовымъ въ январѣ 1899 г., т. е. когда всѣ эти страницы (172—175), заключающія мои соображенія и выводъ о новомъ происхожденіи формы съ *—ън—* въ имен. ед. ч. муж. р., были уже напечатаны, мнѣ стало ясно то, что̀ раньше приводило меня въ недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что я получилъ возможность, благодаря любезности В. Н. Щепкина, воспользоваться, хотя и давно напечатанными, но не вышедшими еще въ свѣтъ листами «Лекцій по старослав. яз.» Ф. Ѳ. Фортунатова, въ которыхъ уже есть кое-что изъ изложеннаго имъ мнѣ на словахъ. Какъ и я, проф. Фортунатовъ признавалъ и признаетъ въ формахъ **ѥдинъ* (въ Лекціяхъ 1888 г., с. 221 **jedīnъ*) и **ѥдьнъ́* (см. ibid.) результатъ сочетанія извѣстной частицы, съ которой онъ также сопоставляетъ болг. *еде—* (*еди—*), съ извѣстнымъ мѣстоименіемъ — числительнымъ, но важно то, что форму съ ъ онъ не выводитъ, какъ я, изъ формы съ *і* путемъ сокращенія, а считаетъ ее теперь даже болѣе органичной, чѣмъ форму съ *і*. Рѣшающимъ въ этомъ отношеніи было мнѣніе проф. Фортунатова, кажется, ранѣе имъ не высказанное, о звуковой общесловянской формѣ *инъ*: по его

[1]) Въ Галицк. Еванг. 1144 г. **ѥдначе** 33б, 24.

мнѣнію, она, хотя и родственна, но нетожественна съ лат. ūnus, готск. ains и т. д., т. е. заключаетъ въ себѣ рефлексъ не индоевропейскаго дифтонга *oi*, а чередовавшагося съ нимъ *i* (непосредственно изъ $\underset{\circ}{\alpha}\underset{\circ}{\text{i}}$, котор. изъ $\underset{\circ}{\alpha}\underset{\circ}{\text{i}}$)[1]), которое на словянской почвѣ послѣ согласныхъ передавалось какъ ъ, а въ началѣ словъ и слоговъ послѣ гласныхъ какъ *и*. Что̀ касается частицы, съ которой сочеталось *инъ* въ общесловянскомъ яз., то форму ея проф. Фортунатовъ представляетъ также иначе, чѣмъ я на стран. 173-ой: по его мнѣнію, это было **hed*(ъ)— или **hed*(ъ)— съ подвижными ъ и ъ, т. е. такими, которыя, при извѣстномъ положеніи въ словѣ становясь неслоговыми, затѣмъ отпадали[2]), при чемъ явившаяся при извѣстномъ фонетическомъ положеніи форма съ отпавшимъ ъ (ъ), могла переноситься затѣмъ и въ другія положенія, гдѣ такое отпаденіе фонетически не было оправдано (сравн. въ «Лекціяхъ», стр. 201, 202 и слѣд.). Такія формы съ подвижными ъ и ъ въ особенности обычны были въ предлогахъ (*об*—, *отъ*—, *въз*— изъ **объ*, **отъ*, **възъ*). Такимъ образомъ, подобно *възьмѫ* изъ *въз-* + *ймѫ* и другимъ сочетаніямъ предлоговъ съ глаголами, имѣющими начальное *и* изъ индоевроп. *α* или $\underset{\circ}{\alpha}\underset{\circ}{\text{i}}$, изъ сочетанія **jed-*[3]) + *инъ* получалось **jed-ьнъ*, подъ вліяніемъ же простого *инъ* являлась возобладавшая по крайней мѣрѣ въ им. ед. муж. р. въ нѣкоторыхъ говорахъ — предкахъ нынѣшнихъ словянскихъ нарѣчій форма **jed-inъ*. Но какъ объяснить долготу, на которую указываютъ сербскія формы *jèdīnī*, *jȅdīn* (В. С. К.)? Нельзя ли думать, что при частицѣ **jedъ* или **jedъ* существовала въ общеслов. яз. другая родственная съ ней частица **jedi*—? Изъ сочетанія **jedi* + **inъ* правильно получилось бы общеслов. **jedī nъ*.

Къ стр. 178—179, сноскѣ 1: въ отличіе отъ высказаннаго мною здѣсь предположенія, что въ ст. слов. жѧд- отражается корень **gend-*, отличающійся отъ **ged-* носовымъ инфиксомъ, проф. Фортунатовъ предполагаетъ въ этомъ старослов. корнѣ первоначальн. **gind-*, какъ варіантъ корня *gid-* съ носов. инфиксомъ: **gind-* давало *žind-* и далѣе *žīd-*, *žēd-*[4]). Желая этимологически поставить въ связь словянскія *жьд-* и *жид-* съ

---

[1]) Zeitschrift fur vergl. Sprachforschung, B. XXXVI (XVI), c. 40 (1 Heft).

[2]) Эти подвижные ирраціональные гласные возникали изъ конечныхъ ъ и ъ въ ту эпоху жизни общеслов языка, когда въ немъ еще удерживались конечные согласные.

[3]) Относительно измѣненія *he* въ *je* черезъ посредство *e* въ зависимости отъ неударяемости см. въ «Лекціяхъ» с. 217—221 (южнослов. и русск. *e*=*ə* при лужицкомъ *he* объясняется ударяемостью *hé* въ этихъ случаяхъ въ общеслов. яз.).

[4]) Phonetische Bemerkungen, Archiv f. sl. Phil. XI, 573.

одной стороны съ литовск. *geid-*, а съ другой съ словянск. *год-*, я предположилъ во-первыхъ въ *жьд-* не только слабый видъ корня **geid-*, но и слабый видъ корня **ged-*, во-вторыхъ въ *geid-* образованіе съ инфиксомъ *i*. Теперь я подвергаю сомнѣнію высказанныя мною здѣсь соображенія: если и возможно предположить посовой инфиксъ какъ въ *gid-*, такъ и въ *ged-*, такъ что словянск. **жѧд-** возводимо и къ **gind-* и къ **gend-*, то едва-ли возможенъ инфиксъ *i*. Кажется, скорѣе придется предположить независимое существованіе корней **geid-* (въ слабомъ видѣ **gid-*) и **ged-* (слаб. **gȧd-*), при чемъ **ged-* приходится предполагать пока лишь на основаніи чередованій крайнихъ степеней *god-* и *žьd-*. Рискованно также на основаніи, можетъ быть, случайнаго отсутствія въ литовскомъ подвергать сомнѣнію при *geid-* видъ **gid-*, на который ясно указываетъ словянское *жьд.-*

Къ стран. 189, сн. 1: замѣчательно, что при *wiać* въ польск. существуетъ *wijadl* «вьюга, мятель»..... (Бартошевичъ) и *wiejadło* «вѣяло, лопатка для вѣянія» (ibid.); первое я объясняю новымъ осмысленіемъ при помощи примѣненія къ корню *wi-* (*wić*), второе производствомъ отъ **wiejać*, которое могло существовать въ сознаніи говорящихъ при формѣ наст. вр. *wieję*. Къ старословянскимъ примѣрамъ у Миклошича слѣдуетъ прибавить изъ Синайскаго глаг. Молитвенника **сѫщи вѣлици** 44 в, **вѣлицеѭ** ibid.

Къ стран. 190: польск. **brzesć* я предполагаю на основаніи приводимыхъ формъ въ сочин. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ «О древнепольскомъ яз. до XIV-го столѣт.» (словарь, стр. 4), при чемъ встрѣчается не только *bressc*, но даже и *Brest;* только такимъ путемъ я бы могъ объяснить себѣ нынѣшнюю русскую форму; заимствованіе съ чешскаго *břest* представляется мнѣ мало вѣроятнымъ.

Къ стран. 190, строкѣ 3 снизу: форма **помочьк** въ морфологическомъ отношеніи можетъ быть освѣщена примѣрами изъ Супрасльск. сборника: **повелѣ же воєвода призъвати инѣхъ корабь на помоштьıа ємоу, и въскричавъше иже бѣахѫ въ кораби, призъваша корабла на помоштьıа имъ прити.** 115 (изд. Миклошича), **проповѣдимъ съпасьнааго дьни памѧтиѥ.....** 365 (ib., сл. **їаи҃на злат. на св. пасχѫ**).

Къ стран. 236—242: я не упомянулъ еще объ одномъ случаѣ, повидимому, **ъ** вмѣсто **ѣ**, который не умѣю объяснить, а именно въ загадочномъ мѣстоименіи **оньсн** 1.7 (сравн. Микл. Lex. pal. **онъсь**—форма, засвидѣтельствованная, кажется, только однимъ примѣромъ, взятымъ изъ словаря Востокова, въ которомъ этотъ примѣръ читается такъ: опъ сего

ѕвѣзда сего ѵгаси. *Евани. толк.* XVI в.). Такъ какъ это мѣстоименіе и родственное съ нимъ **оньсица** (азъ.... **оньсица града єпископъ поставьленъ ксмъ**. *Супрасл.* 210) почти исключительно пишется въ древнихъ памятникахъ не только средневѣковыхъ южнословянскихъ, но и старословянскихъ и русскихъ съ ъ (ѣ встрѣтилось только въ памятникѣ XVI в.), то вѣроятно, форма *оньси* или * *онъсь* должна быть признана болѣе первоначальной, чѣмъ * *онѣсь* и т. п., гдѣ ѣ, можетъ быть, подъ вліяніемъ простого *онѣ*. Такимъ образомъ, если ъ въ *оньси* и обязано своимъ появленіемъ слѣдующему мягкому сочетанію *си*, измѣненіе ѣ въ ь здѣсь относится не къ исторіи звуковъ въ русскомъ языкѣ, а или къ періоду общесловянскому, или къ языку старословянскому, если считать все слово заимствованнымъ въ русскомъ изъ языка старословянскаго. По образованію вторая часть сложенія можетъ быть или указательной частицей, или формой имен. ед. муж. р. вмѣсто *сии* (изъ *сь-и*), сравн. въ Пчелѣ (рук. Синод. б-ки XIV в.) **ѡньсии**, **ѡнсии** (Буслаевъ, Истор. христ., 546).

Къ стран. 256-ой: сравн. и болгарск. *пълень*, *дълъг* (Дювернуа), въ Чепинѣ *дьблак поть* (Пер. Спис. 1889 г., XXVIII—XXX, 618).

Библиотека ООН